

Архимандрит Павел (Груздев)

Документы к биографии

Воспоминания о батюшке

Рассказы отца Павла о своей жизни

Избранные записи из дневниковых тетрадей

Издательство «Отчий дом» Москва 2006

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

Рецензент игумен Петр (Пиголь)

Издательство сочло необходимым и правильным дать возможность читателям узнать о жизни архимандрита Павла (Груздева), основываясь на официальных документах, на воспоминаниях очевидцев – тех людей, которым посчастливилось знать батюшку, пользоваться его советом и поддержкой, на собственных рассказах отца Павла о себе и его многолетних записях. Этой целью и обусловлена структура книги. Мы посчитали невозможным добавлять что-либо от себя или «редактировать» записи отца Павла, стремясь к «художественности» повествования, – лишь в подстрочных сносках дан необходимый, на наш взгляд, комментарий. Записи рассказов отца Павла, его любимых стихов и песен сделаны с аудио- и видеокассет.

Издательство благодарит за участие в создании этой книги:
архимандрита Вениамина (Лихоманова), В.В. Белова,
В.Ю. Малягина, А. Поспелова, Б.В. Трофимова, Г.И. Энгстрема

ISBN 5-87301-148-6

© Составление, макет, оформление —
издательство «Отчий дом», 2005

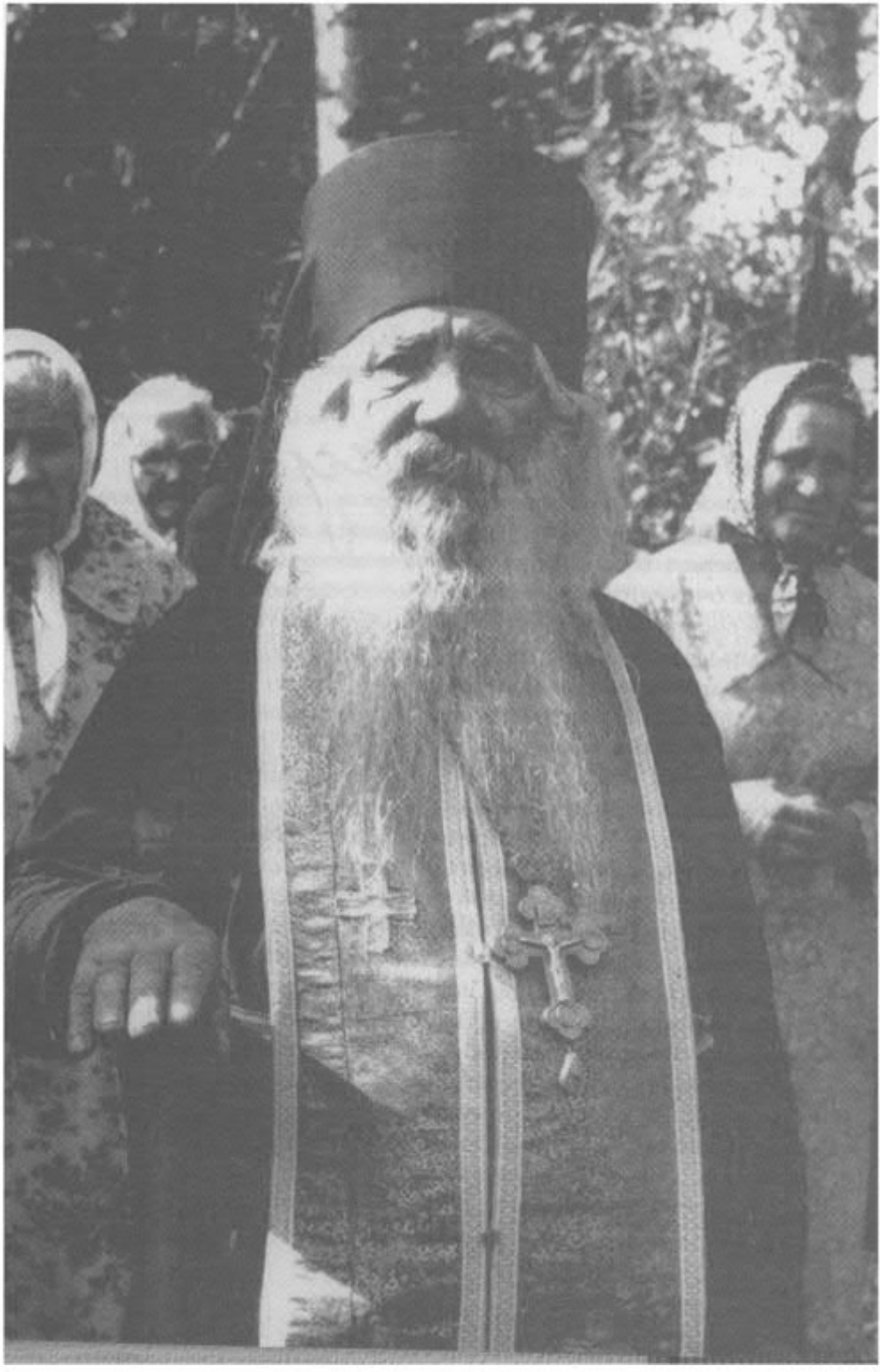
Предисловие

Ибо пред лицем человеческим аще и муку
приимут, упование
их безсмертия исполнено.
Прем. 3, 4

Наверное, наступает время, о котором отцы Церкви сказали, что святые будут сокрыты от людей и явных для всех чудес совершать уже не будут. Наше поколение еще застало в живых очевидных праведников, которые являлись избранными сосудами Духа Святаго. Таким благодатным сосудом и святым чудотворцем был архимандрит Павел (Груздев). Об этом мы узнаём из этой книги.

Старец был одним из тех немногих уходящих подвижников и исповедников веры, которых Господь хранил для Русской Церкви конца XX века. Он был живым источником благодати и милости Божией. Вся его жизнь — подвиг и во многом вдохновляющий пример для подражания.

Читая этот сборник, невольно задумываешься: а был ли какой вид подвига, который бы отец Павел не совершил? Или какая заповедь, которую бы он не исполнил? Служение ближнему? — Он ухаживал за больными и помогал слабым. Служение Богу? — Он был исповедником и страдальцем за Него. Гостеприимство? — Он славился им на всю округу: всех поил и кормил с радушием. Спрошу еще, был ли он милосердным? — Да. Он утешал скорбящие сердца, тайно творил милостыню и учил этому других. Был ли он усердным молитвенником? — Да. Его горячая пастырская молитва была искренней, сердечной, действенной. И простираясь, словно столп огненный, от земли до неба, была по-детски простодушной. Исполнил ли он заповедь странноприимства? —

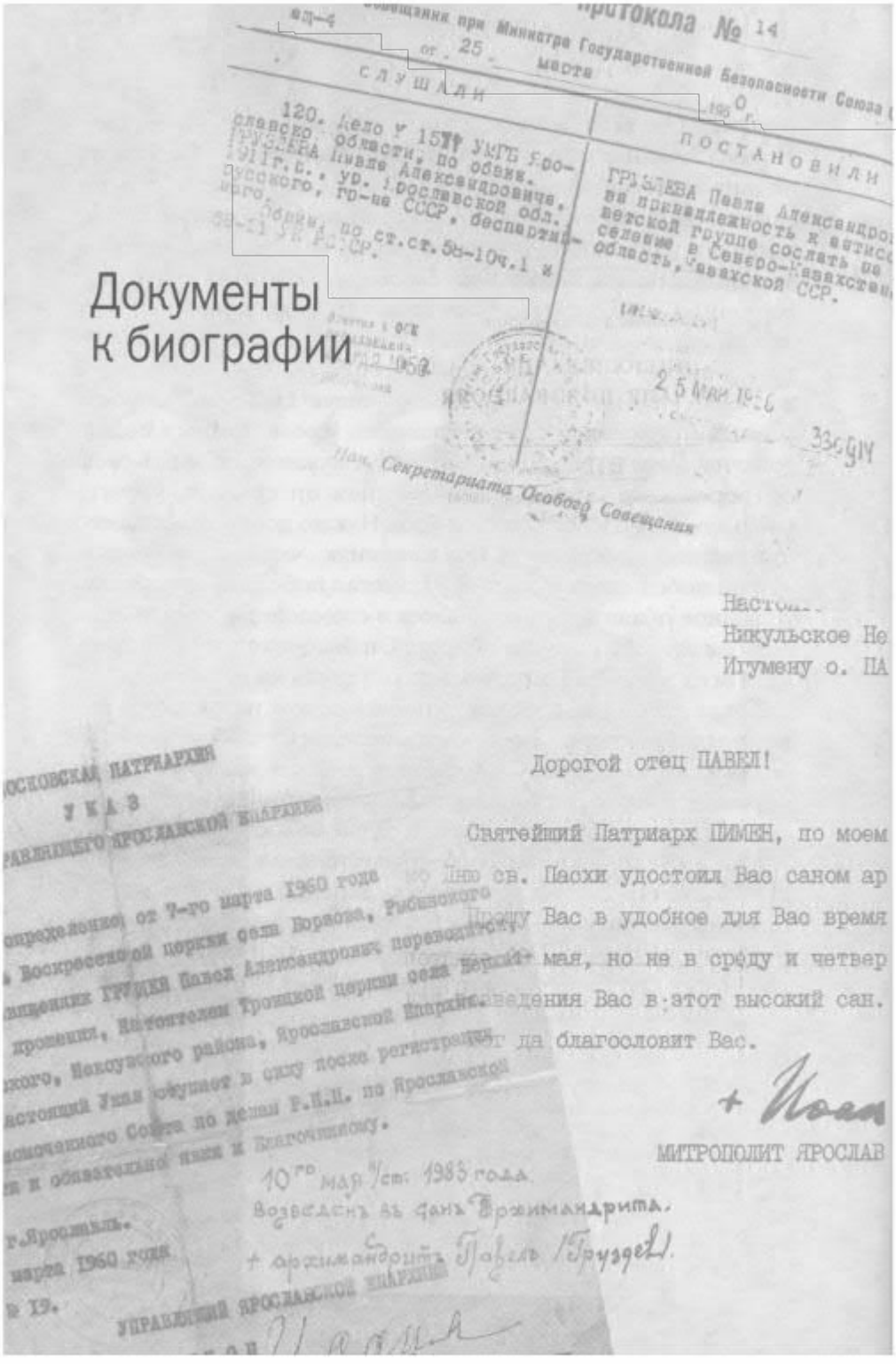

Вполне. Он всех приезжих всегда устраивал на ночлег. Можно ли нам его самого назвать странником? – Да. И этот подвиг имел место в его жизни. Он очень любил ездить по святым местам, он также был странником и пришельцем, когда его насильственно перемещали по стране из лагеря в лагерь. Спросим, терпел ли батюшка болезни? – Да. Его терпению удивлялись лечащие врачи и восхищались все, кто видел, как он переносил страдания и боль. Был ли он тружеником? – Эту заповедь он соблюдал с малолетства и до старости. Он также прошел хорошую школу на разнообразных монастырских послушаниях. Кроме тайных подвигов отца Павла, ихже один Бог весть, нужно прибавить сюда его юродство Христа ради, которым он старался скрыть свою духовную высоту и святость. Нужно добавить сюда его старческое служение и нравственную чистоту, добавить, что он победил духа уныния и помогал победить его другим. Духовное обаяние старца было и в его слове, и в его деле, и во всем его монашеском облике. Он был, по слову апостола, «для всех всем»[1] и с каждым мог говорить на его языке.

Когда отец Павел умирал, он был похож на русского былинного богатыря. Во время последнего соборования в больнице его чистое благородное лицо, в котором всегда отражался лик Христов, светилось неземной красотой, несмотря на страдания. Его белые седые волосы, разметавшиеся на подушке, казались небесным сиянием вокруг головы. И в самой его смерти и на похоронах его мы все ощущали прикосновение к небесному блаженству, чувство умиротворения и праздника. Потому что «благодать и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его»[2].

Протоиерей Сергий Цветков

[1] Кор. 9, 22.
[2] Прем. 3, 9.

Документы к биографии

Выписка из протокола № 14
Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза
от 25 марта 195 0 г.
СЛУШАЛИ
ПОСТАНОВИЛИ
120. Дело У 15[illegible] УКГБ Ярославской области, по обвин. ГРУЗДЕВА Павла Александровича, 1911 г.р., ур. г.Ярославской обл., русского, гр-на СССР, беспартийного, образ. по ст.ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР.
ГРУЗДЕВА Павла Александровича, принадлежность к антисоветской группе сослать на поселение в Северо-Казахстанскую область, Казахской ССР.
Нач. Секретариата Особого Совещания
25 МАЙ 1956
336914

Настоя...
Никульское Не
Игумену о. ПА

Дорогой отец ПАВЕЛ!

Святейший Патриарх ПИМЕН, по моем
[illegible] св. Пасхи удостоил Вас саном ар
Прошу Вас в удобное для Вас время
[illegible] мая, но не в среду и четвер
[illegible]ведения Вас в этот высокий сан.
[illegible]т да благословит Вас.

+ Иоан

МИТРОПОЛИТ ЯРОСЛАВ

...ОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
У К А З
...ВЛЯЮЩЕГО ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

...определению от 7-го марта 1960 года
...Воскресенской церкви села Борисова, Рыбинского
...священник ГРУЗДЕВ Павел Александрович переводится
...прошении, настоятелем Троицкой церкви села [illegible]
...ского, Пошехонского района, Ярославской области.
...настоящий Указ объявить в силу после регистрации
...вомочного Совета по делам Р.П.П. по Ярославской
...ти и обязательной явки к Благочинному.

г.Ярославль.
...марта 1960 года
№ 19.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

10-го мая 1983 года.
Возведен в сан Архимандрита.
+ архимандрит Павел (Груздев).

1

Преосвященнейшему
Епископу Исаие[1]
покорнейшая просьба.

от Павла
Александровича
Груздева

Христос Воскресе!

Ваше Преосвященство, Владыко Святый! Господь наш Иисус Христос, святым своим ученикам и апостолам, а в лице их и всем Христианам, сказал: «Жатва убо многа, делателей же мало»[2]. На основании этих святых слов дерзаю аз, недостойный, молити убо Вас, Господина жатвы, да изведете меня делателем на жатву Господню, то есть причесть мое недостоинство к лику служителей святаго Алтаря. Множество верующих нашего города Тутаева[3] мне заявляют, почему я с моими знаниями и способностями не прошу Вашу Святыню о рукоположении меня во священники. И сам я духом чувствую, что моя дорога должна идти на Службу Богу.

Моя автобиография. Груздев Павел Александрович, родился 3 августа 1911 г.[4] Яросл. обл. Мологский р-н деревня Борок. Рядом с нашей деревней находился Мологский Афанасиевский женский монастырь[5], в котором проживали три мои родные тетки: монахиня

[1] Преосвященный Исаия (Ковалев; 1882–1960) — епископ Угличский, управляющий Ярославской епархией с 28.11.1954 по 21.10.1960 гг.

[2] Мф. 9, 37.

[3] Город Тутаев — в Ярославской области, до 1918 г. назывался Романов-Борисоглебск; образован в 1822 г. из г. Романова на высоком левом берегу Волги (основан св. блгв. князем Романом Угличским в к. XIII в.) и г. Борисоглебска на правом берегу Волги (известен с 1238 г.). Переименован большевиками в память погибшего здесь при перестрелке с белогвардейцами 20-летнего красноармейца Ильи Тутаева.

[4] Такая дата рождения значилась в паспорте. Отец Павел говорил, что он родился 3 (16) января 1910 года, по другим сведениям 10 (23) января 1910 года.

[5] Монастырь во имя свтт. Афанасия (373) и Кирилла (474), архиепископов Александрийских. Время основания неизвестно, сначала был мужским, приписан к Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю, упразднен в 1729 г., восстановлен в 1795 г. как женский. После революции 1917 г. монастырь разорен, окончательно ликвидирован в 1930 г. В 1938–1941 здесь была тюрьма для заключенных Волголага, которые вели работы для строительства Рыбинской ГЭС. В 1941 г. монастырь, как и все Молого-Шекснинское междуречье, был затоплен.

Евстолия и инокини Елена и Ольга[1]. Под ихним наблюдением я получил христианское воспитание и любовь к Святой Церкви. Юношество свое я провел в кругу своих родных[2] и в упомянутой обители, где пас коров, звонил на колокольне и приучался к чтению в храме. После ликвидации Афанасиевского монастыря[3] 31 марта 1929 г. с благословения игумении Августы (Феоктисты Неустроевой)[4] я переехал на жительство в г. Новгород Ленинградской обл. где и работал на судостроительной верфи Деревяницы[5], возле Спасо-Преображенского Варлаама Хутынского мужского монастыря[6], где в сво-

[1] Точнее, родной тетей батюшки (сестрой его отца) была инокиня Ольга (Груздева; 1884–1926), постриженная в рясофор. Монахиня Евстолия (Петрова; 1844–1924), заведовавшая на монастырском скотном дворе коровником, и инокиня Елена (Петрова) были двоюродными бабушками отца Павла, то есть родными сестрами его бабушки по отцу — Марии Фоминичны Петровой.

[2] Отец — Александр Иванович Груздев (1888-1958), мать — Александра Николаевна Солнцева (1890–1961), братья и сестры — Ольга (1913 г.р.), Алексей (1921 г.р.), Антонина (1924 г.р.), Татьяна (1926 г.р.), Александр (1932 г.р.). Еще в семье жила бабушка Марья Фоминична и ее дочь-инвалид Елизавета Ивановна.

[3] После революции земли монастыря были национализированы. В марте 1919 г. образована Афанасьевская женская трудовая община, принявшая устав артели. Сестры обители трудились на сельхозработах, во вновь открытых швейных и трикотажных мастерских, в детском доме им. Калинина и Мологской городской больнице, которые разместились на территории монастыря. Богослужения в монастырском Троицком храме продолжались. Властями неоднократно предпринимались попытки закрыть Афанасьевскую артель, которые в конце концов увенчались успехом: в марте 1929 г. имущество обители было описано, в январе 1930 г. службы в храме были прекращены, артель ликвидирована, монахини изгнаны, иконы осквернены, колокола перебиты, обитель разграблена, и на ее месте создан колхоз «Борьба».

[4] Игумения Августа (Феоктиста Ивановна Неустроева) руководила обителью с декабря 1919 г. и стала последней настоятельницей Мологского Афанасьевского монастыря. После ликвидации обители доживала свой век в Ярославле, в районе Туговой горы, где и похоронена. Умерла 27 марта ст. ст. 1948 г.

[5] Деревяницкая судостроительная верфь производила малотоннажные речные суда и занимала всю территорию бывшего Деревяницкого Воскресенского монастыря, который располагался на правом берегу Волхова при впадении реки Деревяницы. Обитель основана в 1335 г. прп. Моисеем, архиепископом Новгородским, и долгое время была мужской. В 1875 г. преобразована в женскую. В Успенском храме монастыря находился точный список с чудотворной Коневской иконы, с которою 10 июля совершался крестный ход.

[6] Спасо-Преображенский Варлаама Хутынский мужской монастырь — основан 6/19 августа 1192 г. прп. Варлаамом Хутынским († 6/19 ноября 1192) на правом берегу реки Волхов в 10 км от Новгорода. С 1764 г. — 1-го класса необщежительный мужской монастырь. В 1930-х гг. с колокольни были сброшены три старинных колокола (отлитые в 1532, 1596 и 1599 гг.). После закрытия монастыря в обители располагалось учреждение ОГПУ, затем тракторная станция, после войны больница для душевнобольных, в 1970–80 гг. зона отдыха для приезжих туристов. С 1992 г. монастырь стал возрождаться как женская обитель. Святыми местами монастыря являются колодец всегда с чистой водой, ископанный вручную прп. Варлаамом, и горочка прп. Варлаама, землю для которой, по преданию, он носил своей скуфьею.

бодное от работы время пел и читал на клиросе, звонил на колокольне и т.д. В 1932 г. возвратился на родину к родителям и работал до 1938 г. в Государственной Селекционной станции (бывший Афанасиевский монастырь)[1] на скотном дворе. В 1938 из затопляемой зоны[2] наша семья переехала в г. Тутаев, где я устроивал свой дом и ходил в храм[3] на клирос, где пел и читал, а иногда пономарил: 13 мая 1941 г. был арестован по обвинению группа церковнослужителей, возглавляемая Архиепископом Варлаамом Рященцевым[4]. По статье 58, часть 1, пункт 10–11 судом приговорен к 6 лет исправительно-труд. лаг. По отбытии срока вернулся на родину, где работал на сенопресе в качестве рабочего. В свободное время постоянно ходил в церковь святителя Леонтия, где пономарил, читал и пел на клиросе. 1 декабря 1949 за старые преступления был сослан на вольную ссылку без лишения прав гражданства, без определенного срока в г. Петропавловск Северо-Казахстанской области[5], где все время работал чернорабочим Облстройконторы, и опять же в свободное время всегда ходил в собор св. Апостолов Петра и Павла, где был уставщиком и чтецом на клиросе. 20 августа 1954 г. вызван в спецкомендатуру МГБ, где было объявлено, что все поселение и ограничение с меня снято, могу жить и работать где угодно и

[1] В 1932 г. колхоз «Борьба», разместившийся на землях бывшего Мологского Афанасьевского монастыря, был ликвидирован, и на это место переведена Селекционная зональная станция по выращиванию элитных семян луговых трав.

[2] В 1935 г. вышло Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о строительстве на Волге Рыбинской и Угличской ГЭС. Для этих целей специально созданная организация «Волгострой», используя труд заключенных, начала работы по подготовке дна Рыбинского моря. Молого-Шекснинское междуречье площадью пять тысяч квадратных километров было объявлено затопляемой территорией. Десятки тысяч человек вынуждены были покинуть родные дома и обустраиваться с нуля на новых местах. Под водой оказались огромные площади сельхозугодий, леса, десятки городов и деревень с их предприятиями, школами, больницами, храмами. Рыбинская и Угличская ГЭС были сданы в эксплуатацию в 1955 г.

[3] Павел Груздев ходил в тутаевский храм в честь Вознесения Господня, за которым закрепилось название Леонтиевской церкви — во имя сщмч. Леонтия Ростовского. Настоятелем храма был иеромонах Николай (Воропанов), бывший насельник Павлово Обнорского монастыря Вологодской губернии, который стал духовным наставником Павла Груздева.

[4] Архиепископ Варлаам (Ряшенцев; 1878–1942) — с июля 1927 архиепископ Пермский, с ноября 1927 уволен на покой, с декабря 1927 временно управляющий Любимским викариатством Ярославской епархии. Принадлежал к ярославской церковной оппозиции во главе с митрополитом Агафангелом (Преображенским), не принявшей Декларацию митрополита Сергия (Страгородского). По ложному обвинению арестован советской властью и скончался в тюрьме в 1942 году.

[5] См. документы 2, 3, 4.

как угодно. По прибытии к родителям и побывав в некоторых храмах Ярославской обл. и убедивши, что именно жатвы много, а делателей мало, если будет Ваше Архипастырское благословение и воля, то рукоположите и назначьте меня священником в какой-либо приход по Вашему усмотрению.

С Богослужением Православной Церкви знаком. Духовно-нравственное мое поведение могут засвидетельствовать: 1) мой духовник, священник Ярославской Феодоровской церкви о. Димитрий Смирнов, с которым я забран был и судимы по одному делу[1], 2) алтарница той же церкви монахиня Агафангела (Анфиса Силантьева), 3) сторожиха церкви Архангелов села Норское Манькова Екатерина Ив., 4) псаломщик села Крест Ярославского р-на инокиня Агапия. Упомянутые лица меня и жизнь мою знают до иоты. Из г. Петропавловска характеристику можно затребовать от настоятеля собора Протоиерея Владимира Осипова. Для личных объяснений по первому Вашему вызову прибуду в отделение Патриархии. Остаюсь преданный всецело воле Божией, и Вашему Архипастырскому попечению Павел Груздев.

Прошу Ваших святых молитв.

г. Тутаев. 25.IV.1955

2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА
На Груздева Павла Александровича

ГРУЗДЕВ Павел Александрович, 1911 года рождения, уроженец гор. Молога, Ярославской области, по происхождению из семьи служащего, воспитывался у теток — монахинь быв. Мологского Афанасьевского женского монастыря. Проживает в гор. Тутаеве, улица Крупской дом № 69. Работает в качестве рабочего при базе «Заготсено».

[1] Отец Димитрий Смирнов служил в то время псаломщиком в Леонтьевской церкви Тутаева у отца Николая (Воропанова).

ГРУЗДЕВ 30-го июля 1941 года был осужден на 6 лет ИТЛ, как участник антисоветско-церковной группы по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Прибыл из ИТЛ в 1947 году, после отбытия срока наказания. В настоящее время ГРУЗДЕВ является активным церковником, состоит в церковной двадцатке, исполняет обязанности псаломщика при церкви. Ведет замкнутый образ жизни. Антисоветских проявлений не установлено.

Начальник Тутаевского РО МГБ
подполковник (Сироткин)

3

нп —
«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ МГБ
ПО ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (ПОКОТИЛО) (?)
27 декабря 1949 года

По делу № 1571
[на этом месте стоит печать:]
УТВЕРЖДАЮ
Заместитель прокурора
Ярославской области
Мл. сов. юстиции
(Ф. Гвоздев)
29 декабря [подпись] 1949

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[Здесь от руки написана
резолюция:]
Дело внести на рассмотрение
Особого Совещания.
Вл. А. Андреев (?)
20.II.50 г.

По обвинению ГРУЗДЕВА
Павла Александровича,
в преступлениях,
предусмотренных ст.ст. 58-10 ч. I
и 58-11 УК РСФСР.

Управлением МГБ по Ярославской области 1 декабря 1949 года за антисоветскую деятельность арестован и привлечен в качестве обвиняемого ГРУЗДЕВ Павел Александрович.

Проведенным расследованием установлено, что в мае-июне 1941 года Управлением НКГБ по Ярославской области была ликвидирована антисоветская церковно-монархическая организация «истинно-православная церковь», существовавшая в городе Ярославле и Тутаеве Ярославской области[1] под руководством архиепископа Варлаама РЯШЕНЦЕВА.

Активный участник этой организации священник ВОРОПАНОВ[2], выполняя указания РЯШЕНЦЕВА, устанавливал связи с антисоветски настроенными церковниками, в том числе установил их в 1940 г. и с ГРУЗДЕВЫМ, которого в том же году вовлек в упомянутую антисоветскую организацию.

ГРУЗДЕВ, будучи участником указанной антисоветской организации, проводил по указанию ВОРОПАНОВА активную антисоветскую деятельность, участвовал в нелегальных сборищах, размножал и распространял среди верующих стихотворения антисоветского содержания, клеветал на политику ВКП(б) и Советского правительства и условия жизни в Советском Союзе.

По существу предъявленного обвинения ГРУЗДЕВ виновным себя признал и показал, что в 1940 г. священником ВОРОПАНОВЫМ был вовлечен в антисоветскую организацию церковников и являлся активным ее участником[3]. Проводил среди верующих антисоветскую пропаганду, размножал стихотворения антисоветского содержания, распространял клевету на руководителей ВКП(б) и Советского правительства и жизненные условия трудящихся в СССР.

На основании изложенного обвиняется:

ГРУЗДЕВ Павел Александрович, 1911 г. рождения, уроженец дер. Борок, быв. Мологского р-на, Ярославской области, русский, гр-н СССР, беспартийный, образование низшее, холост. В 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД Ярославской области, как участник антисоветской организации церковников был осужден к 6 годам

[1] Конечно, никакой организации не существовало, все привлеченные по этому делу были арестованы по ложному обвинению.

[2] Отец Николай в числе 13 человек был обвинен по этому сфабрикованному делу и как «активный участник» приговорен к расстрелу.

[3] Факт знакомства и духовного общения Павла Груздева с отцом Николаем дал основу для клеветнических измышлений следователей и фальсификации «показаний» арестованных.

ИТЛ и 3 годам поражение в правах. Наказание отбыл в мае 1947 г. До ареста проживал в городе Тутаеве, Ярославской области, работал в Тутаевском Заготсенопункте рабочим.

в том, что являлся участником антисоветской организации церковников, проводил антисоветскую пропаганду, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-10 ч. I и 58-11 УК РСФСР.

Считая следствие законченным, а добытые материалы достаточными для предания ГРУЗДЕВА Павла Александровича суду, руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР следственное дело № 1517 по согласованию с прокурором Ярославской области направить на рассмотрение Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР.

Ходатайствуем подвергнуть ГРУЗДЕВА Павла Александровича ссылке на поселение.

[Здесь от руки резолюция:]
Внести дело на рассмотрение
Особого совещания.
ст.опер.упол. С-та Ос. совещ.
13.2.1950 г. [подпись]

Ст. следователь
След. отд. УМГБ ЯО
майор /ЗАПЛОТИН/
Нач. 2 отд. След. отд. УМГБ ЯО
майор /ГЛЕБОВ/

«СОГЛАСЕН»

и.о. Нач-ка Следственного отд.
Управления МГБ по Яросл. об.
Подполковник /РЕНЦЕВ/

Обв. закл. сост. 23 дек. 1949 г.
г. Ярославль

4

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 14
Особого Совещания при Министре Государственной
Безопасности Союза ССР

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
120. Дело № 1571 УМГБ Ярославской области, по обвин. ГРУЗДЕВА Павла Александровича, 1911 г.р., ур. Ярославской обл., русского, гр-на СССР, беспартийного. Обвин. по ст. ст. 58-10 ч. I и 58-11 УК РСФСР.	ГРУЗДЕВА Павла Александровича, за принадлежность к антисоветской группе сослать на поселение в Северо-Казахстанскую область, Казахской ССР.

[стоит печать:]	[стоит круглая	[стоит печать:]
Отметка в ОСК	печать	25 МАРТА 1950
ПРОИЗВЕДЕНА	ОСО МГБ ЯО]	Арх. следств. дело
4 МАЯ 1950		№ 330914
Жарикова		

Нач. Секретариата Особого Совещания

5

ащ-4 от 25 марта 1950 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сим удостоверяем, что гражданин г. Тутаева, Ярославской области, Павел Александрович Груздев, нам известен. Характеризуем его беспристрастно, как примерного сына Святой Православной Церкви.

Павел Александрович Груздев 1911 года рождения.

Он один из немногих по городу Тутаеву проявляет себя человеком глубоко верующим, трезвым и некурящим. По воскресным и праздничным дням бывает в храме за Богослужением. Нередко принимает активное участие во время Богослужения в пении и чтении на клиросе, которое он знает хорошо.

Неизменно, каждый год он бывает на исповеди и причащается Святых Христовых Таин; всегда был и есть близок к Святой Православной Церкви.

Недостающее в характеризуемом нами восполнит Ваша, Ваше Преосвященство, святая молитва:

«Божественная благодать всегда немощная врачующи, и оскудевающая восполняющи, пророчествует...»

Благодать Божия соделает его достойным сосудом благодати Божией при восприятии им ТАИНСТВА СВЯЩЕНСТВА через Ваше Святительское рукоположение.

О чем и молим нашего Пастыреначальника Господа нашего Иисуса Христа и Вас просим, Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко Исаия.

Члены исполнительного органа Тутаевской Покровско-Леонтиевской Общины

Председатель ревиз. комиссии:
[подпись] (Л. Брылин)

Казначей [подпись] (Кодочугов)

Пом. церк. старосты [подпись] (Смирнова)

6

г. Тутаев. «21» мая 1955 г.
«(День Св. апостола Иоанна Богослова)»
Его Преосвященству
Преосвященнейшему Исаие,
епископу Угличскому...
от Груздева Павла Александровича,
проживающего г. Тутаев,
Крупская ул. дом № 69.

Настоящим прошу Ваше Преосвященство принять меня в церковный клир в качестве священника и назначить в село Ломино Тутаевского района.

К сему Павел Груздев.
11/XII 1956 года.

[На прошении резолюция:]
Необходимо снятие судимости, хлопочите.
Еп. Исаия.
22/XII-56 г.

7

[надпись от руки:]
23/XII-56 г.
№ 2. 262 г.

Гр-ну ГРУЗДЕВУ Павлу
Александровичу
Тутаев, Крупская ул. дом № 69.

[Справа внизу надпись:]
Вход. № 158
24-II-58. В дело кандидатов

Канцелярия Управляющего Ярославской Епархией сообщает, что на Вашем прошении о назначении Вас священником церкви села Ломино, Тутаевского р-на последовала следующая резолюция Его Преосвященства, Преосвященнейшего ИСАИИ, Епископа Угличского:

«Необходимо снятие судимости, хлопочите. Епископ ИСАИЯ. 22/XII-56 г.»

СЕКРЕТАРЬ ЕПИСКОПА

8

КОПИЯ

ВЫПИСКА

ПРОТОКОЛ № 66 21 января 1958 г.

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Ходатайство о снятии судимости ГРУЗДЕВА Павла Александровича, осужденного военным трибуналом войск НКВД Ярославской области 30 июля 1941 года по ст.ст. 58-10 ч.I и 58-11 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы с поражением прав на 3 года. Наказание отбывал с 13 мая 1941 года по 13 мая 1947 года.

Дело № МП-1944
Снять судимость с ГРУЗДЕВА П.А.

печать Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР — подпись
(М. Георгадзе)

ВЕРНО: СЕКРЕТАРЬ ЕПИСКОПА
ПРОТОИЕРЕЙ Пончильский (?)

[слева внизу треугольная печать
Канцелярии Управляющего Ярославской Епархией]

9

АНКЕТА

1. Фамилия, имя и отчество — *Груздев Павел Александрович*
2. Год рождения — *1911*
3. Социальное положение — *сын рабочего*
4. Образование — *начальная школа*
5. Семейное положение: холост, женат
(первым браком или вторым),
не был ли разведен (подчеркнуть).

6. Есть ли дети, их возраст —
7. Отношение к воинской службе *Военнообязанный*
8. Судимость *снята заседанием Президиума Верховного Совета СССР 21/I-1958. Протокол № 66*
9. Место работы *Тутаевский Горкомхоз*
10. Должность *рабочий*
11. Домашний адрес *г. Тутаев. 1 часть ул. Крупской дом № 69*
12. Дата заполнения анкеты *8 марта 1958 г.*
13. Подпись *П. Груздев*

10

ДОПРОС СТАВЛЕННИКУ

Перед рукоположением *в сан дьякона* 1958 г. *марта* месяца *8* дня *Груздева Павла Александровича*

определяется согласно его желанию

опрошен по вопросу в присутствии *Секретаря Епископа Протоиерея Пончильского (?) Николая*

и сказал:

1. Родился он в *1911* и отроду ему *47 лет*

сын *рабочего*

2. Дел до него по суду и следствию показаны не оказалось.

3. Увечий и болезней, препятствующих священнослужению не имеет.

4. Женат первым браком на девице *целибат*

...—...лет...—..., православного вероисповедания...—...

5. Звание *дьякона* избирает для славы Божией и спасения душ, которые будут вверены, а не для прибытка и представленных священнослужителю прав, проходить оное буду по правилам Святых и Богоносных Отец и согласно установлениям Святой Православной Церкви.

6. В молитвенное и каноническое общение с лицами, не принадлежащими к Православной Церкви, входить не буду.

7. Ни в каких партиях и предприятиях, преследующих антиправительственные задачи, участвовать не буду.

8. Ставленную грамоту буду содержать в памяти и неведении своего долга извиняться не буду.

9. Указ №

ИСПОЛНЯТЬ ОБЯЗУЮСЬ *Павел Груздев*

ДОПРОС ПРОИЗВОДИЛ *Секретарь Прот. Н.Пончильский (?)*

СТАВЛЕННИК *Павел Груздев*

По испытании совести, препятствий к рукоположению не встречается.

Духовник протоиерей Д.Смирнов.

11

КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Клянусь перед Господом и Его животворящим Крестом и Пречистой Матерью свято соблюдать и хранить в чистоте все догматы Православной Церкви и ничего не нарушать и не изменять, строго подчиняться всем распоряжениям, как духовной, так и гражданской власти, в чем целую Крест и Святое Евангелие.

П. Груздев

К присяге приводил *Секретарь Епископа Протоиерей Н.Пончильский (?)*

«8» *марта* 195 *8* года.

[на обороте:]

«9» *марта* 195 *8* г. *Груздев Павел Александрович*

за Божественной литургией в Феодоровском Кафедральном Соборе гор. Ярославля рукоположен Преосвященнейшим ИСАИЕЙ Епископом Угличским в сан *дьякона* и определен

«...»...195... г.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
ЕПИСКОП *ИСАИЯ*
[круглая печать Управляющего
Ярославской Епархией
Московской Патриархии]

12

ДОПРОС СТАВЛЕННИКУ

Перед рукоположением *в сан священника* 1958 г. *марта* месяца *15* дня *Груздева Павла Александровича*

определяется согласно его желанию *настоятелем Воскресенской церкви с. Борзова Рыбинского р-на*

опрошен по вопросу в присутствии *Секретаря Епископа Протоиерея Пончильского (?) Николая*

и сказал:

1. Родился он в *1911* и отроду ему *47 лет*

сын *рабочего*

2. Дел до него по суду и следствию показаны не оказалось.

3. Увечий и болезней, препятствующих священнослужению не имеет.

4. Женат первым браком на девице *целибат*

...—...лет...—..., православного вероисповедания...—...

5. Звание *священника* избирает для славы Божией и спасения душ, которые будут вверены, а не для прибытка и представленных священнослужителю прав, проходить оное буду по правилам Святых и Богоносных Отец и согласно установлениям Святой Православной Церкви.

6. В молитвенное и каноническое общение с лицами, не принадлежащими к Православной Церкви, входить не буду.

7. Ни в каких партиях и предприятиях, преследующих антиправительственные задачи, участвовать не буду.

8. Ставленную грамоту буду содержать в памяти и неведении своего долга извиняться не буду.

9. Указ № *44*

ИСПОЛНЯТЬ ОБЯЗУЮСЬ *Павел Груздев*

ДОПРОС ПРОИЗВОДИЛ *Секретарь Прот. Н.Пончильский (?)*

СТАВЛЕННИК *Павел Груздев*

По испытании совести, препятствий к рукоположению не встречается.

Духовник протоиерей Д.Смирнов.

13

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

УКАЗ

УПРАВЛЯЮЩЕГО ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

МОИМ определением от 24-го марта 1958 года священник ГРУЗДЕВ Павел Александрович назначается Настоятелем Воскресенской церкви села Борзова, Рыбинского р-на, Ярославской Епархии.

К служению имеете приступить после регистрации Указа у Уполномоченного Совета по делам Р.П.Ц. по Ярославской области и обязательной явки к Благочинному.

г. Ярославль
24-го марта 1958 года.
№ 44. УПРАВЛЯЮЩИЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
[круглая печать ЕПИСКОП *ИСАИЯ*
Управляющего
Ярославской Епархией
Московской Патриархии]

[на обороте]

«*16*» марта 195 *8* г. дьякон *Груздев Павел Александрович*

за Божественной литургией в Феодоровском Кафедральном Соборе гор. Ярославля рукоположен Преосвященнейшим ИСАИЕЙ Епископом Угличским в сан *священника* и определен *настоятелем Воскресенской ц. села Борзова Рыбинского р-на*

«*24*» *марта* 195 *8* г.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
ЕПИСКОП
ИСАИЯ
[круглая печать]

14

Вх. № 140

[надпись слева:]
В дело
о. Павла Груздева

Его Преосвященству
Преосвященнейшему Исаие
Епископу Угличскому
Управляющему
Ярославской Епархией

от Общины верующих
Воскресенской церкви Рыбинского р-на
Ярославской обл. села Борзова

Просьба:

Достопочтимый Владыка!

Получив письменный ответ на нашу просьбу оставить нам при нашем Храме настоятелем Священника отца Павла Груздева последовала Ваша резолюция, что он будет переведен. Нас Ваш ответ очень обеспокоил. Священник отец Павел для нашего Храма является беспримерным Настоятелем, прекрасным певцом, замечательным чтецом, очень хорошим хозяйственником, трезвого поведения и в других противозаконных поступках его сану ни в чем не замечен. Для верующих отец Павел является отцом, для детей товарищем, всегда ласков и довольный, благодарный. Отец Павел наш Храм приобрел в такой вид какой подобает Храму. А именно: прекрасное Богослужение, замечательное пение и безукоризненную чистоту.

Отец Павел ни с какими трудностями не считается и куда его потребуют без отказа всегда пойдет. За тот период, в который он служит у нас, мы его полюбили, как любит ребенок мать.

Ваш отказ очень и очень нас огорчил и просим Вашего Архипастырского Благословения и разрешения оставить дорогого отца Павла для нашего Храма и для его прихожан.

Члены церковного Совета
Борзовской Воскресенской церкви и верующие
[далее следуют 73 подписи]
16/II-1960 года.

15

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

УКАЗ

УПРАВЛЯЮЩЕГО ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

МОИМ определением от 29-го февраля 1960 года Настоятель Воскресенской церкви села Борзова Рыбинского района священник ГРУЗДЕВ Павел Александрович переводится Настоятелем Воскресенской церкви села Остров Гаврило-Ямского р-на Ярославской Епархии.

Настоящий Указ вступает в силу после регистрации у Уполномоченного Совета по делам Р.П.Ц. по Ярославской области и обязательной явки к Благочинному.

г. Ярославль
29-го февраля 1960 года.
№ 17

[круглая печать]

УПРАВЛЯЮЩИЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
ЕПИСКОП *ИСАИЯ*

16

Вх. № 182
7-III-60 г.

Его Преосвященству Преосвященнейшему Исаие
Епископу Угличскому,
Управляющему Ярославской Епархией
от священника села Борзова
Груздева Павла Александровича

Заявление

Настоящим прошу Ваше Преосвященство о переводе меня из села Борзова в село Верхне-Никульское, Некоузского р-на.

Священник Павел Груздев
7/III-1960 года

17

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
УКАЗ
УПРАВЛЯЮЩЕГО ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

МОИМ определением от 7-го марта 1960 года Настоятель Воскресенской церкви села Борзова, Рыбинского района, священник ГРУЗДЕВ Павел Александрович переводится, согласно прошения, Настоятелем Троицкой церкви села Верхне-Никульского, Некоузского района, Ярославской Епархии.

Настоящий Указ вступает в силу после регистрации у Уполномоченного Совета по делам Р.П.Ц. по Ярославской области и обязательной явки к Благочинному.

г. Ярославль
7-го марта 1960 года.
№ 19
[круглая печать]

УПРАВЛЯЮЩИЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ
ЕПИСКОП *ИСАИЯ*

18

5/VIII-60 г.
№ 685

НАСТОЯТЕЛЮ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ
СЕЛА ВЕРХНЕ-НИКУЛЬСКОЕ
священнику о. Павлу ГРУЗДЕВУ

Канцелярия Ярославского Епархиального Управления настоящим доводит до Вашего сведения, что по благословению Его Преосвященства, Преосвященнейшего ИСАИИ, Епископа Угличского, Управляющего Ярославской Епархией, и согласованию с Уполномоченным Совета по делам Р.П.Ц. по Ярославской обл., Вам разрешается отправлять требы на дому (соборование, причащение, отпевание) в Космодемьянском приходе по индивидуальному приглашению верующих.

СЕКРЕТАРЬ ЕПИСКОПА
ПРОТОИЕРЕЙ ...

19

28 марта 1961
314.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее священнику Троицкой церкви села Верхне-Никульского, Некоузского р-на, Ярославской области, ГРУЗДЕВУ Павлу Александровичу в том, что он ко дню СВЯТОЙ ПАСХИ 1961 года награжден мною ф и о л е т о в о й с к у ф ь е й, каковую награду и благословляется ему возложить на себя.

ЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ *НИКОДИМ*[1]

[1] Высокопреосвященный Никодим (Ротов; 1929-1978) — с 23 ноября 1960 епископ Ярославский и Ростовский, с 9 июня 1961 архиепископ, 3 августа 1963 возведен в сан митрополита, с 5 августа 1963 митрополит Минский и Белорусский, с 9 октября 1963 митрополит Ленинградский и Ладожский. Скончался 5 сентября 1978 в 12 часов во время аудиенции у папы Иоанна Павла II.

20

Вх. № 809
20-VIII-61 г.

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Никодиму,
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому:
от священника села Верхне-Никульское
Некоузского района
Груздева Павла Александровича

Прошение:

Ваше Высокопреосвященство, милостивый мой архипастырь и отец, сегодня 3-16 августа от дня рождения мне исполнилось 50 лет, которые провел в мире и вся яже в нем. Перешагнув на вторую половину моего века молю и прошу Господа и преподобного Антония Римлянина, в коего день памяти я родился, провести остальные дни моея жизни в монашеском чине, к коему имею желание во вся дни жизни моея. А посему прошу Вас, милостивого моего архипастыря и отца, если будет на то Ваша воля и Благословение, удостоить меня монашеского пострига.

Повергаю себя и свою волю у ног
Вашего Высокопреосвященства,
нижайший и многогрешный Ваш послушник
священник Павел Груздев.
16 августа 1961 года.

[На прошении резолюция архиепископа Никодима:]
Заготовить ходатайство к Святейшему Патриарху[1].

[1] Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (Симанский; 1877–1970) — единодушно избран Поместным Собором РПЦ 2 февраля 1945 г. Интронизация состоялась 4 февраля в Богоявленском соборе в Москве.

21

Вх. № 87
29-I-62 г.

КАНЦЕЛЯРИЯ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ
4 января 1962 г.
№ 27
Москва, Г-34. Чистый пер., 5.
Тел. Г6-63-84.

ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АРХИЕПИСКОПУ ЯРОСЛАВСКОМУ
И РОСТОВСКОМУ НИКОДИМУ

Канцелярия Московской Патриархии сообщает Вашему Преосвященству резолюцию ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА, положенную на Вашем рапорте от 1 нб. 61 г. о пострижении в монашество священника Павла ГРУЗДЕВА:

«1961 Нб.9. Б л а г о с л о в л я е т с я».

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
ЕПИСКОП ДМИТРОВСКИЙ [подпись]

22

Московская патриархия
УПРАВЛЯЮЩИЙ
Ярославской епархией
23 апреля 1963 г.
№ 172
Ярославль, Подосеновская, 31
Телефон 2-01-55

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее Настоятелю Троицкой церкви села Верхне-Никульское Некоузского района Ярославской области иеромонаху ПАВЛУ (Груздеву) в том, что он ко дню Св. Пасхи СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ награжден н а п е р с н ы м к р е с т о м, каковой и возложен на него 9-го апреля с.г. в Феодоровском Кафедральном Соборе гор. Ярославля.

АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ
НИКОДИМ

23

ХАРАКТЕРИСТИКА

Иеромонах ПАВЕЛ (Груздев) пастырь и инок благоговейный, службу знает, в пастырстве неленостен и инициативен. Пользуется уважением своих прихожан. Заслуживает поощрений.

АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ
СЕРГИЙ[1]

16 марта 1966 г.
Ярославль

[1] Высокопреосвященный Сергий (Ларин; 1908-1967) — архиепископ Ярославский и Ростовский с 20.05.1964 по 12.09.1967.

24

Московская Патриархия

УКАЗ

ИЗ КАНЦЕЛЯРИИ АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКОГО И РОСТОВСКОГО

29-го марта 1966 года Дан в Ярославле

№ 470

ИЕРОМОНАХУ ПАВЛУ (Груздеву).

Резолюцией ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА от 21 марта с/года за № 408, по представлению ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА, Архиепископа Ярославского и Ростовского СЕРГИЯ, Вы удостоены награждения ко дню Святой Пасхи САНОМ ИГУМЕНА.

Для совершения над Вами священной хиротессии в указанный сан, время для сего будет установлено, о чем Вы будете поставлены в известность.

Секретарь
Ярославского Епархиального
Управления
И.о. Протод. С.Стригунов

Делопроизводитель: [подпись]

[треугольная печать
Канцелярии
Архиепископа
Ярославского и Ростовского]

25

ХАРАКТЕРИСТИКА из
ПОСЛУЖНОГО СПИСКА
игумена ПАВЛА
(ГРУЗДЕВ Павел Александрович)
[Троицкая ц. с. Верхне-Никульское, Некоузского р-на]

Игумен ПАВЕЛ хотя и малограмотный служитель, но благодаря своему неустанному стремлению к самообразованию, вполне соот-

ветствует своему званию. Прост в обращении с людьми. Хорошо проповедует. Пользуется любовью и уважением.

ИОАНН
МИТРОПОЛИТ ЯРОСЛАВСКИЙ
И РОСТОВСКИЙ[1]

26

Московский патриархат
УПРАВЛЯЮЩИЙ
Ярославской епархией
4 августа 1971 г.
№ 158
Ярославль, 1. Карабулина, 31.
Телефон 2-41-60

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее настоятелю Троицкой церкви села Верхне-Никульское Некоузского р-на Ярославской области игумену ПАВЛУ (Груздеву) в том, что он ко дню Св. Пасхи 1971 г. СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ ПИМЕНОМ[2] награжден ПАЛИЦЕЙ, каковую ему благословляется возложить на себя и носить по установлению.

МИТРОПОЛИТ ИОАНН
ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

[личная круглая печать
Митрополита ИОАННА,
Московский патриархат]

[1] Высокопреосвященный Иоанн (Вендланд; 1909–1989) — митрополит Ярославский и Ростовский с 07.10.1967 по 17.12.1984.

[1] Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков; 1910–1990) — избран на Поместном Соборе РПЦ в 1971 г. Интронизация состоялась 3 июня 1971 г. в Богоявленском Патриаршем соборе в Москве.

27

Московский патриархат
УПРАВЛЯЮЩИЙ
Ярославской епархией
20 апреля 1976 г.
№ 90
Ярославль, 1. Карабулина, 31.
Телефон 2-41-60
Индекс 150001

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее Настоятелю Троицкой церкви села Верхне-Никульское Некоузского р-на Ярославской области, игумену ПАВЛУ (Груздеву) в том, что он ко дню Св. Пасхи СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ ПИМЕНОМ награжден КРЕСТОМ С УКРАШЕНИЕМ, каковой ему благословляется возложить на себя и носить по установлению.

МИТРОПОЛИТ ИОАНН
ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

[личная круглая печать
Митрополита ИОАННА,
Московский патриархат]

28

Московский патриархат
УПРАВЛЯЮЩИЙ
Ярославской епархией
«3» мая 1983 г.
№ 115
150001, Ярославль, Ем. Ярославского, 72А
Телефон 2-01-55

Настоятелю Троицкой церкви
с. Верхне-Никульское Некоузского р-на, Яросл. обл.
Игумену о. ПАВЛУ (Груздеву)

Дорогой отец Павел!

Святейший Патриарх ПИМЕН, по моему представлению, ко Дню св. Пасхи удостоил Вас саном архимандрита.

Прошу Вас в удобное для Вас время, желательно не позднее 20 мая, но не в среду и четверг, прибыть ко мне для возведения Вас в этот высокий сан.

Бог да благословит Вас.

+ *ИОАНН* МИТРОПОЛИТ ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

[слева внизу запись о. Павла:]
10-го мая н.ст. 1983 года
возведен в сан Архимандрита.
+ *архимандрит Павел (Груздев)*

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

УПРАВЛЯЮЩИЙ
ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ

«10» мая 1983

№ 126

150001, Ярославль, Ем. Ярославского, 72а
Телефон 2-01-55

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Дано настоящее настоятелю Троицкой церкви с.Верхне-Никульское Некоузского района, Ярославской области игумену ПАВЛУ (Груздеву) в том, что он, по благословению СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ПИМЕНА (в письме от 4 апреля 1983 года за №543) возведен мною в сан АРХИМАНДРИТА.

Возведение совершено в церкви св. Иннокентия в Архиерейском доме г.Ярославля во вторник Светлой седмицы 10 мая 1983года.

† Иоанн

МИТРОПОЛИТ ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ.

Московский патриархат
Митрополит ИОАНН

29

Московский патриархат
УПРАВЛЯЮЩИЙ
Ярославской епархией
10 мая 1983 г.
№ 126
Ярославль, 1. Карабулина, 31.
Телефон 2-41-60
Индекс 150001

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее настоятелю Троицкой церкви с. Верхне-Никульское Некоузского района, Ярославской области игумену ПАВЛУ (Груздеву) в том, что он, по благословению СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА ПИМЕНА (в письме от 4 апреля 1983 года за № 543) возведен мною в сан АРХИМАНДРИТА.

Возведение совершено в церкви св. Иннокентия в Архиерейском доме г. Ярославля во вторник Светлой седмицы 10 мая 1983 года.

+ ИОАНН
МИТРОПОЛИТ ЯРОСЛАВСКИЙ
И РОСТОВСКИЙ

[личная круглая печать
Митрополита ИОАННА,
Московский патриархат]

30

[прямоугольный штамп
больницы-поликлиники
Института биологии
внутренних вод АН СССР]

СПРАВКА

Выдана Груздеву Павлу Александровичу 1910 г. рождения, проживающего в с. В-Никульское Некоузского района в том, что он находится под наблюдением и лечением поликлиники ИБВВ АН СССР пос. Борок с диагнозом:

Глаукома обоих глаз, зрелая катаракта левого глаза, незрелая катаракта правого глаза.

Зрение: правого глаза — 0, 1
левого глаза — 0

Общий атеросклероз. Гипертоническая б-нь II ст.

Гипертрофия простаты II-III ст.

23/V-86 г.

Главный врач А.К. Мусихин

[треугольная печать
больницы-поликлиники
Института биологии
внутренних вод АН СССР]

31

Управляющему
Ярославской Епархией
Его Высокопреосвященству
Платону[1]
Архиепископу Ярославскому и
Ростовскому
от настоятеля Свято-Троицкой
церкви села Верхне-Никульского
Некоузского р-она
архимандрита Павла (Груздева)

ПРОШЕНИЕ

Настоящим прошу Ваше Высокопреосвященство освободить меня от занимаемой должности с увольнением за штат.

В виду плохого состояния здоровья (медицинская справка прилагается) и прошу Вашего ходатайства о назначении мне пенсии. В клире Ярославской Епархии состою с 9 марта 1958 г.

Архимандрит Павел

[вверху слева резолюция:]

Заготовить Указ с 15 июня 86 года. Архиепископ Платон. 25.5.86

[1] Высокопреосвященный Платон (Удовенко; род. в 1940), архиепископ Ярославский и Ростовский с 17.12.1984 по 02.12.1993.

32

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

УКАЗ

АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКОГО И РОСТОВСКОГО

15 июня 1986 г. № 13

Архимандриту ПАВЛУ (Груздеву)

Копии: Уполномоченному Совета по делам Регилий при Совете Министров СССР по Ярославской области

Исполнительному органу ц.с. Верхне-Никульское, Некоузского района

Благочинному Рыбинского округа протоиерею В.Богданову

Дело Указов

Личное дело архимандрита Павла (Груздева)

Архимандрит ПАВЕЛ (Груздев Павел Александрович) увольняется с должности настоятеля Троицкой церкви с. Верхне-Никульское, Некоузского района, Ярославской области, согласно прошения почисляется за штат по состоянию здоровья.

С получением настоящего Указа Вам надлежит сдать справку о регистрации Уполномоченному Совета по делам Религий при Совете Министров СССР по Ярославской области.

+ ПЛАТОН

АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

[приписка от руки:]

Указ для передачи Архим. Павлу взяла староста храма Карелина Клавдия Петровна. 16.06.86

Копия верна. А. Лазурченко

Подпись старосты *Карелина* 16.06.86 года

33

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

УКАЗ

АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКОГО И РОСТОВСКОГО

от 19 сентября 1986 г. № 22

150001 г. Ярославль,
ул. Емельяна Ярославского 72а
телефон 22-41-60

Архимандриту ПАВЛУ (Груздеву
Павлу Александровичу)

Копии: Уполномоченному Совета по делам
Религий при Совете Министров СССР
по Ярославской области

Исполнительному органу ц.с.
Верхне-Никульское, Некоузского р-на

Благочинному Рыбинского округа
протоиерею Виктору БОГДАНОВУ

Дело Указов

Личное дело архимандрита ПАВЛА (Груздева).

Ради пользы Святой Церкви Вы назначаетесь на должность настоятеля храма Святой Троицы с. Верхне-Никульского, Некоузского района, Ярославской области.

После получения регистрации у Уполномоченного Совета по делам Религий при Совете Министров СССР по Ярославской области приступить к исполнению своих обязанностей.

+ ПЛАТОН

АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

[круглая печать Канцелярии
Архиепископа Ярославского
и Ростовского]

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

УКАЗ
АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКОГО И РОСТОВСКОГО

от «19» сентября 1986 года

150001 г. Ярославль, ул. Емельяна Ярославского 72 а
телефон 22-41-60

№ 221

Архимандриту ПАВЛУ (Груздеву Павлу Александровичу)

Копии: Уполномоченному Совета по делам Религий при Совете Министров СССР по Ярославской области.

Исполнительному органу ц.с. Верхне-Никульское, Некоузского района.

Благочинному Рыбинского округа протоиерею Виктору БОГДАНОВУ.

Дело Указов.

Личное дело архимандрита ПАВЛА (Груздева).

Ради пользы Святой Церкви Вы назначаетесь на должность настоятеля храма Святой Троицы с. Верхне-Никульское, Некоузского района, Ярославской области.

После получения регистрации у Уполномоченного Совета по делам Религий при Совете Министров СССР по Ярославской области приступить к исполнению своих обязанностей.

† Иоанн,
АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ.

34

† Божиею милостию
ПАТРИАРШАЯ ГРАМОТА

Дана Архимандриту Павлу (Груздеву)
Настоятелю Троицкого храма
С. В-Никульское Ярославской Епархии,
В благословение за усердные труды
Во славу Святой Церкви.

Патриарх Пимен
1988 года, месяца Апреля
в 1 день
в граде Москве

35

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему
Архиепископу Ярославскому и Ростовскому
от настоятеля Свято-Троицкого Храма
села Верхне-Никульского,
Некоузского района, Ярославской области
архимандрита Павла (Груздева)

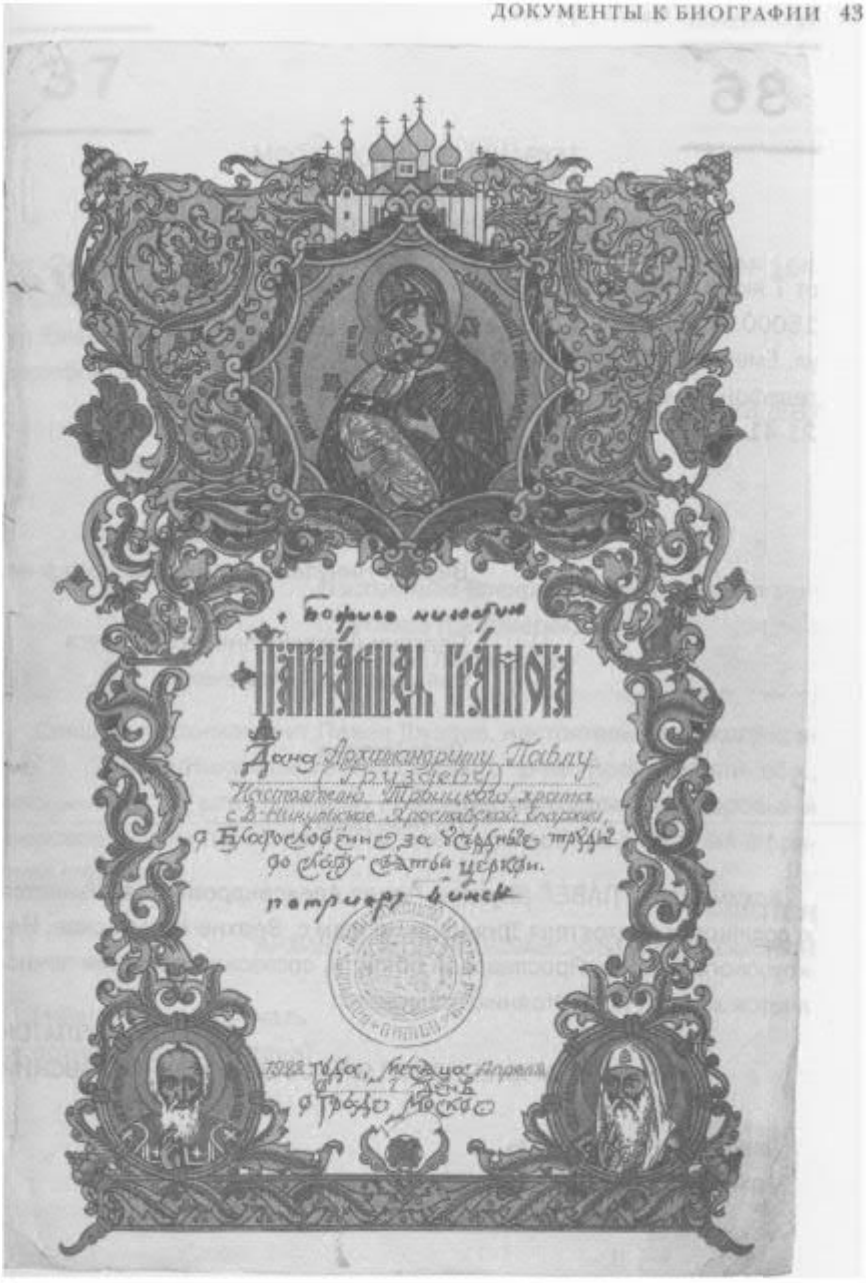
ПРОШЕНИЕ

Прошу благословения Вашего Высокопреосвященства определить меня за штат по состоянию здоровья ввиду преклонного возраста и ходатайствовать о назначении мне пенсии.

4 июня 1991 года

К сему:
Архим. Павел (Груздев)

[в левом верхнем углу резолюция:]
Господь благословит.
+ Архиеп. Платон
7.06.91

36

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

У К А З

АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКОГО И РОСТОВСКОГО

от 7 июня 1991 г. № 40

150001 г. Ярославль,
ул. Емельяна Ярославского 72а
телефон 21-41-73
21-41-25

Архимандриту ПАВЛУ (Груздеву)

Копии: Приходскому совету ц.с.
Верхне-Никульского, Некоузского р-на

Благочинному Рыбинского округа
священнику П. Кравченко

Дело Указов

Личное дело

Архимандрит ПАВЕЛ (Груздев Павел Александрович) увольняется с должности настоятеля Троицкой церкви с. Верхне-Никульское, Некоузского района, Ярославской области, согласно прошения почисляется за штат по состоянию здоровья.

+ ПЛАТОН
АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

[личная круглая печать
Архиепископа ПЛАТОНА]

37

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

УКАЗ

АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКОГО И РОСТОВСКОГО

от «24» мая 1992 года № 164

150001 г. Ярославль,
ул Емельяна Ярославского, 72 а
телефон 21-47-73

Священноархимандриту ПАВЛУ ГРУЗДЕВУ

Копия: Приходскому совету
Некоузского района

Настоятелю Воскресенского собора
г. Тутаева протоиерею
Николаю Лихоманову

Священноархимандрит Павел Груздев, настоятель Троицкого храма с. Верхне-Никульского Некоузского р-на Ярославской обл., увольняется за штат согласно прошения по состоянию здоровья и переводится на покой при Воскресенском соборе г. Тутаева с правом служения.

+ ПЛАТОН

АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

[личная круглая печать
архиепископа Платона]

38

Московский патриархат
МИХЕЙ
АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И
РОСТОВСКИЙ

от 23 ноября 1995 года № 312
г. Ярославль,
Б.Федоровская, 72-а
т. 21-47-73

ГЛАВЕ АДМИНИСТРАЦИИ г. ТУТАЕВА,
ЗЕЛИНСКОМУ Ю.И.

Многоуважаемый Юрий Иванович!

В Вашем городе, в сторожке при Воскресенском соборе в исключительно не приемлемых жилищных условиях, в связи с тяжелой болезнью, проживает 86-летний, заштатный клирик Ярославской Епархии, верой и правдой прослуживший Церкви Божией и Державе Российской более 30-ти лет — Архимандрит ПАВЕЛ (Груздев Павел Александрович).

В лихолетье отец Павел был незаслуженно репрессирован, но затем оправдан, реабилитирован.

Многоуважаемый Юрий Иванович, почтительнейше прошу Вас выделить отцу Павлу, для создания ему человеческих условий, ведомственную трехкомнатную квартиру. Глубоко верю, что за Ваше милосердие, Всемилостивый Господь воздаст сторицею.

С многим уважением и благими пожеланиями

+ МИХЕЙ
АРХИЕПИСКОП ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ[1]

[круглая печать
Ярославского Епархиального
управления
Московского патриархата]

[1] Высокопреосвященный Михей (Хархаров; род. в 1921 г.), епископ Ярославский и Ростовский с 17.12.1993, архиепископ Ярославский и Ростовский с 25.02.1995 по сентябрь 2002 г.

39

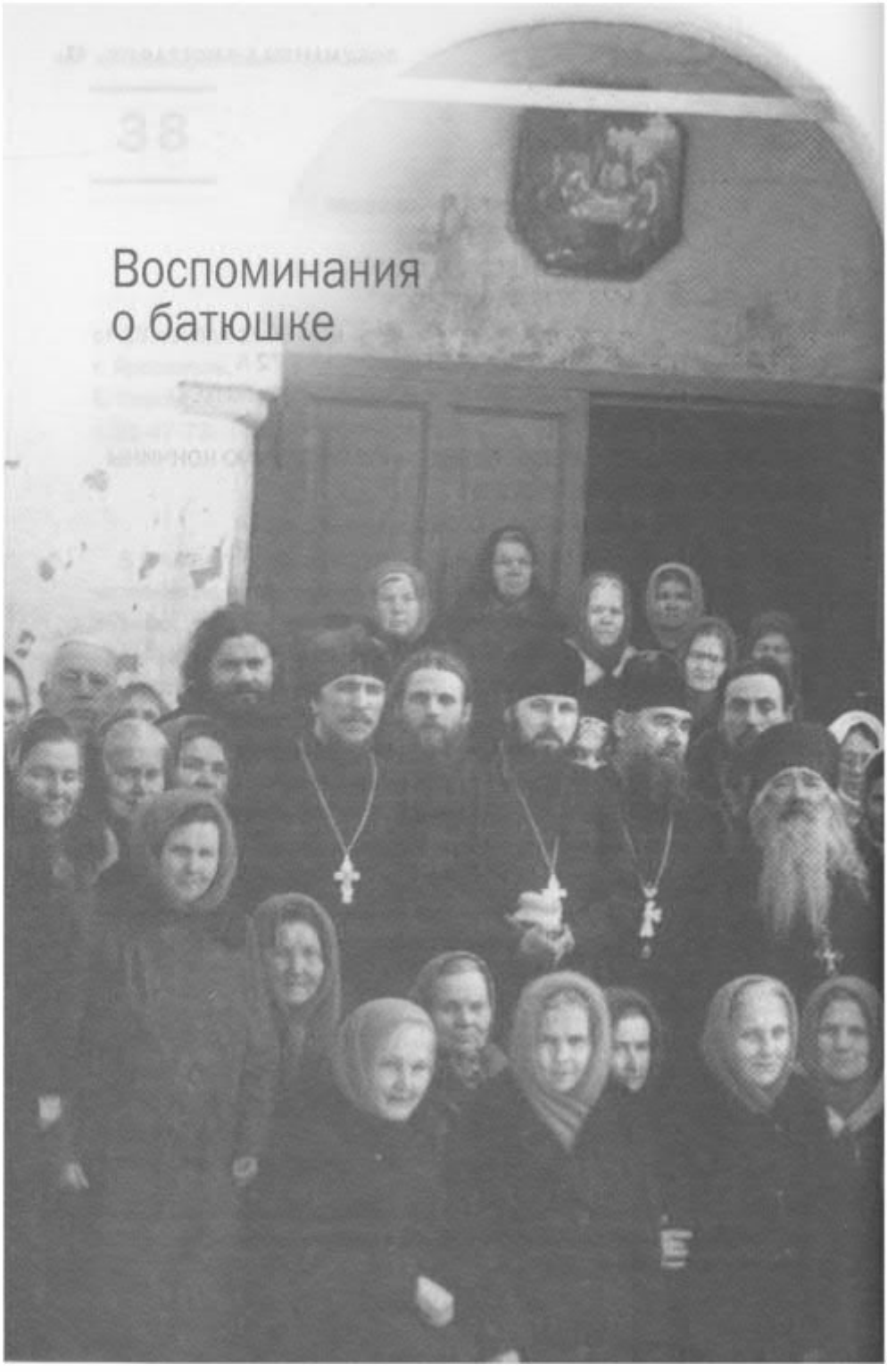
ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА 435/01 23 27/1 0905=

ЯРОСЛАВЛЬ 1 УЛИЦА БОЛЬШАЯ ФЕДОРОВСКАЯ 72 А
АРХИЕПИСКОПУ ЯРОСЛАВСКОМУ И РОСТОВСКОМУ МИХЕЮ

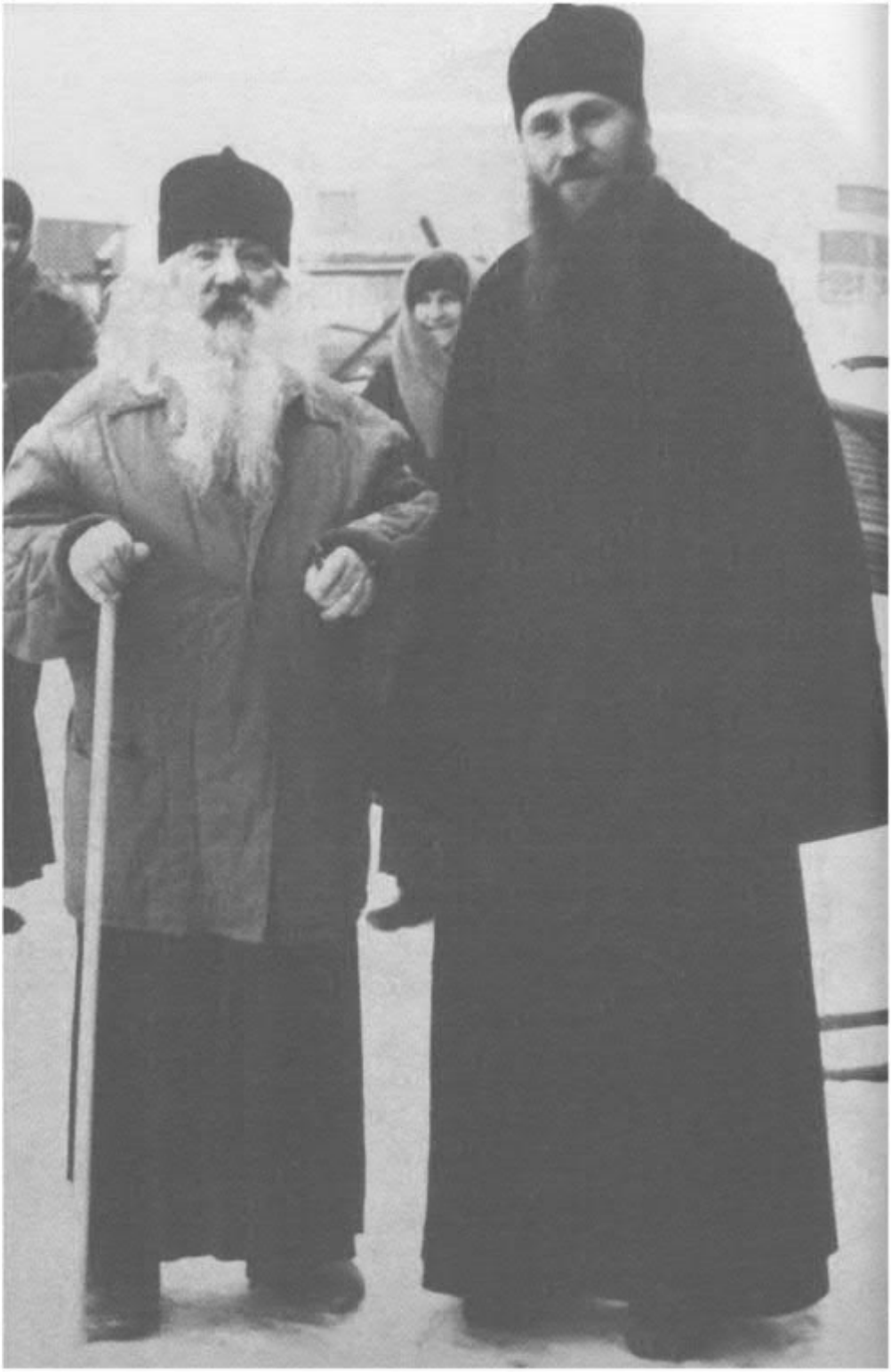
ВЫРАЖАЮ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ АРХИМАНДРИТА ПАВЛА ГРУЗДЕВА
МИТРОПОЛИТ ЮВЕНАЛИЙ[1]

[1] Высокопреосвященный Ювеналий (Поярков; род. в 1935 г. в Ярославле), митрополит Крутицкий и Коломенский с 1977 г.

Воспоминания о батюшке

Преосвященный Евстафий (Евдокимов), епископ Читинский и Забайкальский

Впервые я увидел батюшку — архимандрита Павла (Груздева) в Толгском женском монастыре[1] в мае 1988 года. Внешним видом своим он не выделялся, но поразил меня простотой в отношениях с людьми и некоторой даже, как показалось мне, грубостью. Впрочем, позже я понял, что грубость эта была кажущейся.

Я уже знал тогда, что появлялись довольно часто этакие самозванные старцы, старцы-самосвяты, поэтому к новому знакомству отнесся поначалу весьма осторожно. Но вскоре я осознал, что это было не простое знакомство — это было духовное откровение, которое, по милости Божией, открылось мне, грешному. И с тех пор я прилепился всей душой к этому удивительному, к этому великому человеку.

От Толги до Верхне-Никульского, где жил батюшка, было около 200 километров. Еженедельно, независимо от времени года или погодных условий, я старался побывать у отца Павла, чтобы поведать о своих неудачах, разделить с ним радость, получить отеческий совет. Сложностей у меня было немало — их порождала моя неопытность, — но батюшка помогал мне всегда.

[1] Свято-Введенская Толгская обитель находится на левом берегу Волги в 10 км от Ярославля. Основана как мужской монастырь на месте чудесного явления епископу Трифону (до пострижения в схиму — Прохор; +1328) в 1314 г. Толгской иконы Божией Матери. К началу XX в. в монастыре было 4 храма. В 1926 г. монастырь был закрыт. В 1987 г. монастырь был передан Русской Православной Церкви и стал возрождаться как женская обитель. В восстановленном Крестовоздвиженском храме находится чудотворная Толгская икона Божией Матери, здесь же почивают мощи свт. Игнатия (Брянчанинова), обретенные в 1988 г.

Восемь лет общения с ним пролетело для меня очень быстро. И вот теперь, когда его не стало, я смог, наконец, более или менее объективно оценить значение и место этого человека в моей судьбе. В его простых рассказах открылись для меня глубокие духовные истины.

В последние годы жизни отец Павел практически потерял свое физическое зрение. Но параллельно с этим у него открывалось другое зрение, гораздо более важное и необходимое — зрение духовное. Не видя внешность человека, он год от года все яснее и глубже постигал человеческую сущность, — и это помогало ему находить единственно правильные ответы на самые насущные для каждого приходящего к нему человека вопросы.

Несколько раз я был свидетелем, как отец Павел грозно обличал приходивших к нему. Иногда это были священнослужители. Было очень неловко находиться рядом в такие моменты. Но пороки, в которых пришедший был обличен батюшкой, рано или поздно открывались для всех, хотя в то время их могла заметить только прозорливость старца.

Известно, что одиннадцать лет батюшка провел в заключении. Он любил рассказывать об этом времени, а однажды я услышал от него знаменательные слова: «Дай Бог здоровья тюрьме!» И больше ничего сказано не было. Я расценил эти слова как благодарность Господу за все скорби и испытания, и за силу, которую дал Бог, чтобы эти испытания преодолеть...

После возвращения из ссылки Павел Груздев был рукоположен в иереи и отправился в приход села Верхне-Никульского, где прослужил тридцать два года. И только в 1992 году по прошению был отправлен на покой и переехал в Тутаев (Романов-Борисоглебск), чтобы жить при Воскресенском соборе.

А за год до этого я был назначен на должность наместника Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря в Ростове Великом[1]. И когда отец Павел переехал в Тутаев,

[1] Монастырь расположен на берегу оз. Неро, основан в 1389 г. свт. Иаковом, Ростовским епископом. Монастырь называется Яковлевским по имени своего настоятеля, Спасским — из-за приписанного к нему в 1764 г. Спасского женского монастыря, Димитриевым — по причине пребывания в нем нетленных мощей свт. Димитрия Ростовского. Монастырь закрыт в годы советской власти, возвращен РПЦ в 1991 г.

расстояние между нами сократилось всего до ста километров.

Батюшка хорошо знал монашескую жизнь, ведь с детских лет он жил послушником в Афанасьевском женском монастыре города Мологи. И вот, когда я оказался наместником мужского монастыря, я с радостью перенимал у него тот духовный опыт монашеской жизни, которым он был так богат.

Отец Павел любил престольные праздники. Особенно чтил он святителя Леонтия, епископа Ростовского[1]. Всякий раз, бывая в Ростове, он непременно посещал Успенский собор кремля, где были захоронены мощи святителя Леонтия. Чтил он, конечно, и святителя Димитрия, митрополита Ростовского[2]. Надо сказать, батюшка знал, наверное, все тропари Ростовским и Ярославским святым, стремился побывать на престольном празднике в честь этих святых. Ежегодно в день памяти святителя Димитрия он возглавлял богослужения в тогда еще неустроенной и бедной Спасо-Яковлевской обители. И всегда был организующим духовным центром, руководя этим торжеством...

Для меня всегда было радостно, что отец Павел посещал нас на день моего тезоименитства и разделял нашу радость, проявляя ко всем присутствующим особую теплоту, особую заботу и ласку. Он любил повторять: «Братия! Храните веру православную!» И это была не привычная присказка, это были слова, шедшие из самого сердца.

Характерной чертой батюшки было его гостеприимство. Когда бы ты к нему ни приехал (а приезжать иногда приходилось и за полночь), тебя всегда ждала радушная встреча, обильная трапеза, сердечная беседа. Отец Павел никогда не проявлял своего превосходства, и это, конечно, раскрепощало и помогало в общении.

Отец Павел освоил святоотеческий опыт и применял его к сегодняшнему дню, такому сложному и искусительному, осо-

[1] 23 мая (5 июня) – Обретение мощей свт. Леонтия, епископа Ростовского (1164) и Собор Ростово-Ярославских святых.

[2] 28 октября (10 ноября) день памяти свт. Димитрия, митрополита Ростовского (1709); 21 сентября (4 октября) – Обретение его мощей (1752).

бенно для монашествующих. Господь наградил его особым даром: даром совета, даром прозорливости. Конечно, когда к нему обращались с вопросами, не касающимися непосредственно духовной сферы, он мог прямо ответить: «Я в этом ничего не понимаю». Но если речь шла о духовных вещах — тут он всегда был на высоте. И человек, следуя его совету, выходил из своих затруднений с наименьшими потерями.

У батюшки были любимые поговорки. Например, когда его спрашивали, можно ли переехать жить в другое место, поменять работу, он часто отвечал: «Сиди, лягушка, в луже, а то будет хуже!» Когда я жаловался ему, говорил о своих неудовольствиях и обидах, он, обнимая меня и прижимая к груди, говорил: «Прости, но не мсти!» А если при нем кто-то кого-то осуждал, он часто повторял: «Не ищи худого в селе, а ищи худого в себе!» Обычно эти короткие фразы попадали не в бровь, а в глаз и помогали человеку вразумиться...

Мне отец Павел предсказал архиерейство. Когда в 1990 году меня впервые вызвали на заседание Синода по этому вопросу, перед поездкой я ездил к нему за благословением и спросил, как мне быть — соглашаться на архиерейство или нет. Отец Павел уверенно ответил: «Соглашайся, обязательно соглашайся! Все равно будешь архиереем!» И хотя хиротония моя во епископа произошла лишь через десять лет, я неоднократно слышал от батюшки: «Евстафий, будешь архиереем, будешь!»

Характерная особенность отца Павла — он никогда не навязывал своих советов: в этом тоже было проявление его настоящей, а не мнимой духовности. Он отвечал только тогда, когда его спрашивали, только тогда, когда видел, что спрашивают не из праздного любопытства, а по насущной потребности.

Я был свидетелем одного случая: приехала к батюшке из Петербурга его давнишняя почитательница, женщина лет за пятьдесят. Отец Павел сидел на лавочке возле Троицкого храма в своем Верхне-Никульском. Она привезла ему какой-то подарок и, вручив его, видимо, решила, что отец Павел ею как бы уже куплен, она, вроде, уже имеет на него особые

права. И вот она стала спрашивать у него совета на что-то, и спрашивать не то чтобы с надменностью, но с некоторой самоуверенностью. И вдруг он грозно и резко отвечает: «А ну, иди отсюда! Нашла советчика! Какой я тебе советчик? В другом месте ищи!»

В Толгском монастыре

Она от неожиданности сразу притихла. Посидела, а потом так осторожненько начала у него спрашивать о своих нуждах. И он стал отвечать вполне спокойным тоном. И она все у него выспросила, что ей было нужно. Но вместе с его ответами она получила еще и духовный урок смирения — и, возможно, это было для нее самым главным...

А однажды был случай, когда отец Павел при мне обличал священника, иеромонаха одного монастыря. Он видел его впервые в жизни, но обличал в нем такие тайные грехи и пороки, которые ведомы были, конечно, одному Богу. Да еще мне, потому что когда-то раньше я исповедовал этого несчастного иеромонаха. Я стоял рядом и был готов буквально сквозь землю провалиться: ведь человек мог подумать, что это я рассказал старцу о его грехах, нарушив тайну исповеди. Конечно, не я, а Сам Господь открыл отцу Павлу чужое сердце.

У батюшки до конца его дней сохранялась прекрасная память. Он помнил все, что было в детстве и юности, помнил убранство храмов, где когда-либо служил или только бывал в качестве псаломщика. Он хорошо помнил годы лагеря и ссылки, помнил поименно каждого заключенного, знал даже адреса тех людей, которые поверяли ему какие-то сокровенные мысли, которые просили его, если он останется в живых, рассказать о них родственникам на воле.

Самым счастливым днем своей жизни отец Павел называл день, когда он отдал свой хлеб, свою лагерную пайку девушке с Украины.

Любил батюшка рассказывать о суде над отцом Николаем Воропановым и о том, как, выслушав свой смертный приговор, отец Николай сказал: «Запомни, Павлуша: Бог был, есть и будет. Храни веру православную!» И эти слова страстотерпца отец Павел пронес через всю свою жизнь.

Батюшка любил Церковь и всю церковную жизнь, любил наши традиции, почитал иконы. Многие службы он знал наизусть, и это давало ему возможность служить тогда, когда он практически ослеп.

Очень любил отец Павел петь. Часто, ведя какой-нибудь разговор, он прерывал его, чтобы спеть общеизвестную молитву, тропарь, стихиру. Любил он и русские народные песни, которые знал в большом количестве.

Речь его была очень простой, безо всякой книжной витиеватости, но и без каких-то привычных многим словпаразитов. Настолько простой, что в ней не было ни одного лишнего слова. И это тоже был талант, дарованный Богом.

С любым человеком в любой обстановке он всегда мог найти общий язык. Но это были не дежурные фразы, это был назидательный, полезный именно для этого конкретного человека разговор.

В современных сложных условиях отец Павел, не нарушая чистоты церковных канонов, мог разумно оценить непонятные явления. При этом он избегал крайностей, не впадая ни в фанатизм, ни в столь любимую многими нами расслаблен-

Архимандрит Павел, игумен Евстафий (крайний справа), протоиерей Сергий Цветков (второй слева). Толгский монастырь. 1988 г.

ность. И вот это христианское благоразумие было для всех нас поучительным примером.

Круг его знакомств и общения был поистине необъятен: от академика Арцимовича[35] или профессора Кузнецова[36] до какой-нибудь самой незаметной и нищей деревенской старушки. Но и академик, и старушка, и все мы одинаково нуждались в его молитвах, в его отеческом слове, в его поистине материнской ласке к нам, грешным. И для каждого из нас у него находилось то самое нужное, то единственное слово, без которого мы не могли обойтись, потому что слово его всегда было словом подлинной духовной любви.

[35] Арцимович Лев Андреевич (1909–1973), физик, академик АН СССР (1953), Герой Соц. Труда (1969). Труды по атомной и ядерной физике.
[36] Кузнецов Сергей Иванович (1900–1985), микробиолог, член-кор. АН СССР (1960). Труды по изучению геологической деятельности микроорганизмов, по экологии водных микроорганизмов.

На фотографии второй слева — отец Николай Лихоманов

Архимандрит Вениамин (Лихоманов)[1], настоятель Воскресенского собора г. Тутаева, благочинный Тутаевского округа, секретарь Епархиального совета Ярославской епархии

Примерно на втором году моей священнической службы в Тутаеве мы с матушкой Анной узнали от одной старой нашей прихожанки, что ежегодно на престольные праздники, в дни памяти священномученика Харалампия и благоверных князей Бориса и Глеба[2], приезжают к нам в собор два очень благодатных старца – отец Павел (Груздев) и отец Серафим (Шустер). И каждый раз, когда они к нам приезжали, службы, по словам этой прихожанки, бывали просто необыкновенными. Особенно когда они вдвоем на клиросе читали канон.

Конечно, я ждал этого торжества с нетерпением – хотелось пережить то необыкновенное чувство, о котором шла речь.

Но прошел год, а отец Павел так и не приехал. Вскоре меня назначили настоятелем собора. И вот как-то, достаточно неожиданно, появился отец Павел. Приехал он, как мне помнится, раньше, чем обычно, на день памяти мученицы Татьяны[3].

Тогда мы с матушкой жили еще в сторожке при храме. И отец Павел, приехав, прошел сразу к нам в домик.

Помню, что впечатление от встречи было ярким и неожиданным. Главное, что бросалось в глаза, была его редкостная, поразительная простота.

[1] До монашеского пострига – протоиерей Николай Лихоманов.

[2] 10 (23) февраля и 24 июля (6 августа). В честь сщмч. Харалампия освящен престол южного придела нижнего (зимнего) храма Воскресенского собора; придел во имя свв. блгв. князей Бориса и Глеба находится в диаконнике главного алтаря верхнего (летнего) храма.

[3] 12 (25) января день мц. Татианы и с нею в Риме пострадавших (226–235).

Он начал рассказывать о себе, тут же стал расспрашивать меня. Потом повел нас на левый берег Волги и стал все показывать и обо всем рассказывать. А знал он буквально все, каждый дом — знал, кто где жил, знал, как сложилась судьба того или другого человека.

В конце концов отец Павел привел нас в родительский дом, на улицу Крупской. Усадил за стол, угощал и служил нам так, как служил когда-то Спаситель Своим апостолам. Было ощущение, что весь этот вечер он прожил ради нас.

Отпустил он нас очень поздно и даже пошел провожать. Эта встреча мне очень запомнилась, — ведь человек был, что называется, «не из простых». И я уже с нетерпением стал ожидать престольного праздника. С нетерпением, потому что отец Павел пообещал приехать.

И он действительно приехал. Служить в алтаре ему было нельзя (он состоял в другом благочинии, а тогда эти вопросы решались только через уполномоченных!), но, во всяком случае, помню, что он молился.

Он стал приезжать ежегодно, как ездил и раньше, — и мы тоже стали ездить к нему в Верхне-Никульское. Во-первых, на храмовый праздник — память иконы Божией Матери «Достойно есть»[1] и во-вторых — на день Ангела батюшки[2]. Эти дни стали для нас теперь постоянными праздниками — праздниками общения с ним.

Это было начало восьмидесятых годов, и время, как многие из нас помнят, было непростое. Для Церкви нашей это было, к сожалению, время господства уполномоченных. И если не было каких-то кровавых и тяжких гонений, то во всяком случае были довольно сильные и постоянные притеснения. Со стороны местных властей, со стороны уполномоченных.

[1] 11 (24) июня.

[2] Здесь речь идет о 6 (19) ноября, дне памяти свт. Павла, патриарха Константинопольского (350). До принятия монашеского пострига в 1961 г. отец Павел праздновал день Ангела 10 (23) января, в день памяти прп. Павла Комельского (Обнорского) (1429). Также своим Небесным покровителем отец Павел считал прп. Антония Римлянина, Новгородского чудотворца (1147), чей день памяти, 3 (16) августа, совпадает с официальной датой рождения батюшки.

Кстати, досталось как-то и отцу Павлу (он приехал тогда уже к нам в Тутаев, в собор). Был праздник, и он обратился ко мне: «Колянко, дай мне крестик. Поеду, освящу дальний источник».

Я дал крест, он съездил, возвращается обратно. И тут подходит к нему староста, еще с кем-то — и нас вроде как уличает в воровстве. Ведь крест-то келейник батюшки унес с собой на глазах у старосты.

Наседали и на отца Павла, и на меня. Мне как настоятелю это доставило немало хлопот с вызовами к уполномоченному, в милицию. Конечно, во время этих притеснений (которые длились достаточно долго) я всегда просил молитв у отца Павла. И я чувствовал, что в эти трудные дни он молится за меня и что эта молитва очень мне помогает.

Когда мы бывали у отца Павла в Верхне-Никульском, нас каждый раз очень впечатляла его проповедь перед исповедью. Он, казалось бы, не говорил ничего особенного, он просто учил нас всех, как относиться к людям, да и к самому себе. Кого считать верующим, кого неверующим. Я понимал, что мы, молодые священники, не всегда и не во всем поступаем так, как нужно поступать. Особенно, когда это касается людей, которые что-то против тебя имеют.

Из Никульского каждый раз мы приезжали воодушевленными, чувствовали, что Господь нас не оставляет.

Отец Павел был для нас примером, он показывал нам всем, как надо жить. Именно он, столько переживший в своей жизни, был всегда весел, никогда не поддавался унынию.

А как научала нас, священников, его молитва перед престолом! Она оставалась в памяти на всю жизнь. Он мог так просто и дерзновенно просить у Господа, казалось, самых простых, самых обыденных вещей для всех тех, кого он в этот момент поминал, для чад своих духовных. Ведь все мы, в конечном счете, ехали к нему с какой-то своей нуждой. И он все эти нужды повергал к Престолу Божию. И его молитва была лично для меня серьезной наукой в моем пастырском делании.

Шли годы. Вскоре его перевели в Тутаев, и нам посчастливилось быть рядом с ним все последние годы его жизни. Он

любил служить в соборе, но при этом проявлял такое глубочайшее смирение... Он, например, советовался со мной о вещах, которые знал, я думаю, гораздо лучше меня. Он, например, спрашивал у меня разрешение служить в храме, обращаясь ко мне как к настоятелю. Я, конечно, отвечал: «Батюшка! Да неужели же мы можем быть против Вашего служения? Наоборот, мы всегда рады, когда Вы его возглавляете!» И все же он спрашивал меня об этом, а потом еще и благодарил, часто говоря: «Спасибо тебе, что разрешаешь мне, недостойному архимандриту, возглавлять службу». И в таких словах проявлялось его непоказное, искреннее и глубокое смирение. Он всегда и за все был очень благодарен людям, и благодарность эту старался выразить словом, делом и своей священнической молитвой.

Отец Павел был очень доволен, что мы у себя в Тутаеве восстанавливали прерванную традицию крестных ходов с чудотворным образом Всемилостивого Спаса. На десятое воскресенье по Пасхе мы ходили крестным ходом по правому берегу и в воскресенье перед праздником пророка Божия Илии — по левому берегу Волги[1].

Во время крестного хода по левому берегу мы обязательно останавливались у дома Груздевых на улице Крупской, — ведь идея-то возобновления крестных ходов принадлежала именно отцу Павлу.

Несколько раз он ходил крестным ходом вместе со всеми, потом его, по немощи, начали подвозить на машине какой-то отрезок пути.

Ходят слухи, что отец Павел желал служить в Воскресенском соборе Тутаева еще при митрополите Никодиме. Но

[1] Образ Господа Иисуса Христа, именуемый Всемилостивым Спасом, — наиболее почитаемая и любимая верующими святыня Воскресенского собора. По преданию, он был написан в первой трети XV в. св. прп. Дионисием Глушицким и первоначально располагался в куполе древней деревянной монастырской церкви св. князей Бориса и Глеба. Позднее его перенесли в собор, построенный на месте церкви. В 1749 г. Ростовский митрополит Арсений (Мациевич) распорядился забрать чудотворную икону в архиерейский дом, но в 1798 г. она была возвращена в Воскресенский собор. В память о перенесении святыни и был установлен крестный ход по правой, Борисоглебской, стороне. А в конце XIX в. в память 900-летия Крещения Руси стали совершать крестный ход и по левому, Романовскому, берегу.

тот на его просьбы отшучивался примерно так: «Рядом Ярославль, рядом уполномоченные, а в храме чудотворная икона Спасителя, да еще и ты, Груздев-чудотворец, — нет уж, для одного прихода двух чудотворцев многовато, служи уж в Верхне-Никульском!»

Что запоминалось, что оставалось в памяти из всех наставлений отца Павла? Прежде всего то, что не надо никого судить и осуждать. Что бы и кто бы тебе ни сделал, ты, священник, ни на кого не должен обижаться. Ты должен помнить, что люди эти делают что-то недоброе по незнанию, что они не ведают, что творят, как сказано о недобрых людях в Евангелии[1].

Ведь прощая — ты не теряешь главного содержания своей духовной жизни, — ты не теряешь мира души. Потому что, потеряв этот мир, потеряв любовь к людям, впустив в свое сердце неприязнь и злобу, как сможешь ты, священник, молиться ко Господу, да еще у Его святого престола?..

Хотя, конечно, искушений и притеснений в те годы было немало. И далеко не всегда на сердце было легко и свободно; чаще — наоборот. Состояние после очередной стычки с уполномоченным бывало тягостное. И вот в такие-то трудные минуты чувствовалось, что за спиной твоей есть верные люди, что Господь все видит, а раз Он видит, то не нужно предаваться чему-то мелкому, преходящему и суетному.

Отец Павел учил молиться всегда, а особенно — в трудные времена испытаний. «Как бы трудно ни было, — говорил он, — а ты проси, умоляй! Соловецких чудотворцев, Валаамских чудотворцев, — всех проси о помощи!»

Как-то раз сложилась в моей жизни такая непростая и нелегкая ситуация, что мне выпало соприкоснуться с милицией, со следственными органами. И хотя соприкосновение мое было косвенным, история была тяжелая и могла довольно плачевно закончиться не только для меня, но и, что самое печальное, для нашего храма.

[1] См.: Лк. 23. 34.

Я поехал к отцу Павлу, просил его молиться обо мне, грешном (он тогда служил в Верхне-Никульском). Батюшка меня успокаивал, говорил, что все обойдется, но при этом посоветовал: «Ты возьми перед Богом обет и исполни его обязательно». И при этом даже подсказал: «Вот помоги-ка в восстановлении монастыря».

Я, конечно, с готовностью принял его благословение и сделал все, как пообещал. При этом, помню, я твердо верил в то, что он мне сказал. И, слава Богу, по молитвам батюшки все разрешилось благополучно. Такие случаи запоминаются и говорят нам о многом, хотя бывают они, к счастью, не так уж часто.

Запоминалась, разумеется, и батюшкина исповедь. Ведь на исповеди он был, прежде всего, как чадолюбивый отец, который хотел каждое свое чадо утешить, согреть, приласкать. После исповеди становилось так легко и радостно на сердце! Но и в этой ласке, в этом утешении тоже ощущалась высота его духа.

Я уже говорил, что молитва отца Павла пред Богом была дерзновенна. В его молитве ощущалась такая твердая вера, что ты ясно видел: этот человек очень близок Богу. Что он чист как младенец, потому и может вот так просто, вот так по-младенчески открыто беседовать с Господом!

И это было на самом деле, была эта близость, потому и ощущалась она всеми нами, независимо от нашего конкретного устроения и настроения.

Да, кто-то, не знавший его близко, мог соблазниться какими-то его словами или поступками, которые были сродни юродству. Но даже и такой человек не мог не чувствовать эту вот близость отца Павла к Богу. И эта его близость была для всех нас очень важна: отец Павел был и примером, и поддержкой, и живым свидетелем.

Я помню многих его чад и почитателей, теперь уже, по большей части, отошедших в мир иной, которые ездили к нему уже в те далекие годы — восьмидесятый, восемьдесят первый. Все они уже и тогда были одной сплоченной и дружной семьей. Отец Павел встречал каждого с неподдельной

радостью. Уже с порога любой гость слышал: «О-о!.. Кто приехал!.. Кто к нам пожаловал!..» И каждый после таких слов чувствовал себя самым дорогим гостем, самым родным для батюшки человеком.

Когда он жил уже при нашем храме и в его сторожке собирались гости, очень часто он приглашал к себе и нас с матушкой, желая разделить радость праздничного застолья. Никакое застолье не обходилось без батюшкиных рассказов о своей жизни. И хотя какие-то истории ты мог слышать уже несколько раз, — слушать их все равно было интересно. Как-то так получалось, что батюшка никогда не повторялся, никогда не рассказывал свою жизнь одинаково.

А самое главное — этими своими застольями он всех нас собирал, объединял. Мы до сих пор всей семьей поем его любимые песни, такие, например, как «Ветка»[1].

В последний год, вспоминается, отец Павел стал делать некоторые замечания, касающиеся жизни и деятельности нашего собора. Замечания эти были в форме совета, подсказки. Ведь он уже глубоко вошел в жизнь нашего прихода и потому мог теснее участвовать в этой жизни как духовный наставник.

Конечно, иногда во мне как в настоятеле пробуждалось некое раздражение в ответ на его замечания, но в конце концов я не мог не ощущать, что основа этих его замечаний — участие и любовь ко всем нам и ко мне как настоятелю.

Каждый раз 13 января, в день преставления отца Павла, наш храм теперь как-то по-особенному оживает: приезжают батюшкины духовные чада — священники, миряне. Служим панихиду в храме, ходим на могилу старца и там его поминаем. Очень хотелось бы нам устроить небольшой мемориальный музей, посвященный его памяти. Устроить его прямо в той сторожке при храме, где он жил последние годы. Ведь остались какие-то его вещи, книги, фотографии... Были у отца Павла рукописные тетради, им самим написанные, были памятные иконы, которые теперь хранятся у его чад, — все бы это могло очень украсить такой музей.

[1] См. с. 486.

Отец Павел и отец Николай Лихоманов на берегу реки Ильдь

Сохранился у нас резной деревянный крест, освященный на мощах преподобного Варлаама Хутынского, в монастыре под Новгородом. Этот крест отец Павел подарил мне, и он является для нас большой святыней. Всякий раз, когда я прикладываюсь к нему, я поклоняюсь памяти великого святого преподобного Варлаама и молитвенно вспоминаю отца Павла. Замечательно то, что день Ангела батюшки — Павла исповедника, патриарха Цареградского — совпадает с днем памяти преподобного Варлаама Хутынского (6/19 ноября). Так что для нас теперь этот день — двойной праздник.

Как-то раз мы приехали к батюшке в Никульское и задержались там. Это было в будний день, и отец Павел повез меня в Борок. Тогда еще священники не ходили в подрясниках свободно, и я был в обычном костюме. Отец Павел всем представлял меня как своего племянника. Мы встретились тогда с очень многими людьми, и меня поразила характерная батюшкина черта: с каждым он говорил на его языке, с каждым умел найти общие темы и к каждому каким-то удивительным образом проявлял искреннее и глубокое участие!

Он как будто входил в их душевное состояние, заговаривал о том, о чем они как раз и думали в этот момент, чем они сейчас жили. И в этом проявлялся его настоящий дар, дар прозорливости, если говорить высоким слогом и называть вещи своими именами. При этом каждая его беседа была особой даже по характеру: в одном случае это было утешение, в другом — наставление, в третьем — строгое предупреждение.

Батюшку трогало все, что касалось храмового богослужения, служения Богу. Бывает, споют у нас на клиросе какое-то песнопение новым распевом. Так батюшка после службы, у себя в сторожке, обязательно попросит, чтобы его спели еще раз, и сам начинает подпевать.

Еще одно воспоминание, которое заслуживает, на мой взгляд, особого внимания. Это связано было с переносом икон и церковной утвари из нижнего, теплого храма в верхний, холодный. Перенос такой у нас происходит каждый раз весной. И вдруг однажды отец Павел сказал, причем как-то вдруг и неожиданно, прямо перед службой: «Нужно отслужить молебен!» Мы все немножко опешили, а он объяснил: «Нужен молебен иконе Божией Матери "Благодатное Небо". Эта икона очень почиталась святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским, поэтому и мы должны почтить ее особым образом»[1].

Мне кажется, это было настоящее откровение, которое он получил свыше и тут же передал нам всем. В тот раз мы торжественно отслужили молебен Пресвятой Богородице, а в дальнейшем это вошло у нас в традицию.

Таким образом, по благословению отца Павла еще одна икона в нашем храме стала особой святыней. Конечно, мы, прихожане, почитали ее и до этого случая, но теперь как бы обратили на нее особое внимание, наученные отцом Павлом.

[1] Эта икона, находящаяся сейчас в Воскресенском храме Тутаева, была написана в 1900 г. в Москве по заказу сенатора В.П. Мордвинова для Успенской церкви Ваулов-ского скита (бывшее имение Мордвинова, переданное им в дар Санкт-Петербургско-му Иоанновскому монастырю, созданному трудами св. прав. Иоанна Кронштадтско-го). Икона являлась копией с образа «Благодатное Небо» из иконостаса Архангель-ского собора Московского Кремля. Празднование совершается 6(19) марта.

Иеромонах Павел
в Троицком храме села
Верхне-Никульского

Протоиерей Павел Красноцветов, настоятель Казанского собора Санкт-Петербурга

С архимандритом Павлом мне посчастливилось встретиться в давние и трудные (а все же счастливые!) времена. Это было в 50-е годы. Церковь тогда переживала известные хрущевские гонения.

1956 год... Я, молодой священник, только что назначен в Феодоровский кафедральный собор города Ярославля. Там, в храме, мы и познакомились с будущим отцом Павлом, а тогда еще мирским человеком, Павлом Груздевым. Но, и будучи мирским, отец Павел был, конечно, яркой, незаурядной личностью.

Родом он из Мологи, мальчиком был в Мологском монастыре. Потом — революция, разорение храмов Божиих. Всех насельников монастыря разогнали. И тогда они собрались в одной из деревень Мологского уезда и организовали что-то вроде сельхозартели.

В этой артели познакомился отец Павел с отцом Дмитрием Смирновым — священником, тоже служившим в Феодоровском соборе в 1956 году.

Потом артель, конечно, разогнали, ее членов арестовали и дали им разные сроки. И вот после лагерных мытарств, отец Павел и отец Дмитрий снова встретились в Ярославле, в 1956 году.

Интересно, что в этой артели трудились и монахи из Павло-Обнорского монастыря[1]. А с отцом Павлом это свя-

[1] Свято-Троицкий Павло-Обнорский Комельский монастырь находится в 15 км от г. Грязовца Вологодской епархии, на левом берегу р. Нурмы. Основан учеником прп. Сергия Радонежского прп. Павлом Обнорским в 1414 г. по благословению Мос-

зано вот каким образом: его Небесный покровитель (также как и мой!) — преподобный Павел Обнорский. Уходя из своего монастыря, монахи те взяли с собой почитаемую аналойную икону XVIII века, с изображением святого Павла Обнорского. И от них она перешла к отцу Павлу (Груздеву). А он, когда подошел к преклонным годам, завещал ее мне, поскольку я также наречен был в честь Павла Обнорского...

В 50-е годы в Ярославле правящим архиереем был епископ Исаия. Он был благочестивый и благостный старец, который любил всех и которого, в свою очередь, все мы любили. Владыка Исаия часто собирал нас у себя в покоях. Там я впервые близко сошелся с отцом Павлом, и там он рассказал мне о своей жизни, о своих трудах и мытарствах.

Чуть позже епархиальным архиереем стал владыка Никодим (Ротов). Владыка Никодим был человеком редкостным. Мне кажется, во времена притеснений, гонений, Господь, защищая Свою Церковь, выдвигает особых людей — сильных и мужественных. Таким человеком был владыка Никодим. За Церковь Святую он буквально душу свою полагал. И многое брал на себя. Приходилось идти на компромиссы с властями, но владыка уступал властям так, чтобы сохранить в неприкосновенности главное — Церковь. Владыка Никодим и отец Павел хорошо знали и любили друг друга.

В то время областным уполномоченным по делам религии был некто Ванин. Он требовал, чтобы храмы закрывали, да и сам этому способствовал. Делалось это таким иезуитским способом: умирал в каком-нибудь сельском приходе старый батюшка, а нового — не давали. Вернее, церковное начальство предлагает кандидатуры, а светский уполномоченный им в регистрации отказывает. Проходит месяц, дру-

ковского свт. Фотия. Монастырь был закрыт в 1924 г. Вновь открыт в 1994 г. Обитель, бывшая когда-то ставропигиальным монастырем и имевшая приписными Спасо-Преображенский Макариево-Писемский и Свято-Благовещенский Иннокентиево-Комельский монастыри, сейчас является подворьем Вологодского Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря. Здесь под спудом покоятся мощи прп. Павла Обнорского.

Епископ Ярославский и Ростовский Исаия в Воскресенском соборе г. Тутаева

гой, полгода — нет священника. Тогда уже местные власти поднимают вопрос о закрытии храма. Храм, конечно, закрывают, и уничтожается еще один приход Русской Православной Церкви.

Владыка Никодим боролся с этим злом, старался обязательно назначить в такой осиротевший приход священника. Я у него тогда был секретарем в Епархиальном управлении и знаю, что он выдерживал бои с уполномоченным, часто идя ему наперекор.

Отец Павел был настоящим простецом, духовного образования не имел, прошел одну единственную школу — школу монастырского послушника. Но он был глубоко верующим человеком, с терпением переносил любые тяготы — и Господь призвал его на высокое церковное служение.

Однажды, это было в 1961 году, владыка Никодим вызвал отца Павла в кафедральный собор и сказал, что собирается постригать его в монашество. Прямо у нас в соборе. А надо сказать, что в то время монахов в Церкви практически не было. Только несколько человек в Троице-Сергиевой Лав-

ре. У нас в Ярославской епархии, например, было всего два иеромонаха: иеромонах Ювеналий (Поярков), нынешний митрополит Крутицкий и Коломенский, и иеромонах Иероним (Карпов), который сейчас в чине архимандрита служит в одном из подмосковных приходов. И вот именно эти двое в чине пострижения были приводящими монахами, владыка Никодим постригал отца Павла как игумен, а мы все — духовенство Феодоровского собора — пели на клиросе за монашеский хор, которого тогда и не могло быть. После пострижения отец Павел молился в нашем соборе 40 дней.

Когда он по делам храма приезжал в Ярославль, он бывал у меня дома, играл с моими детьми. В общении с ними он был очень простым и душевным человеком. И все-таки за этой простотой проглядывало нечто высшее, проглядывала настоящая духовность. Он никаких слов не говорил просто так — его речь, его слова всегда были наполнены каким-то особенным смыслом.

В Верхне-Никульском у отца Павла тоже были проблемы — власти хотели закрыть храм. Но тут сыграли свою роль особенности его поведения и его жизненный опыт. Во время своих странствий он многому научился. В том числе умел принимать отел коров. А в Верхне-Никульском (наверное, промыслительно!) зимний отел коров в колхозе никогда не проходил без трудностей. И как только начинался отел, председатель колхоза посылал: «Идите за отцом Павлом! Просите, чтоб пришел». И отец Павел, конечно, им помогал. И поэтому местные власти его уважали.

А когда был сенокос, отец Павел становился впереди всех косцов и шел вместе со всеми. Конечно, такого человека не могли не считать своим, а потому и препятствий в богослужении не чинили. Так он и сохранял свой храм.

К нему много ездило людей, в том числе и из Москвы: многие ученые были его прихожанами и духовными чадами.

Вспоминаю забавную деталь: отец Павел рассказывал, как причащал своих, церковнослужителей. Была у него одна алтарница, возрастом лет за 90. И вот подходит она к Чаше, а

У сторожки Троицкого храма

имени своего назвать не может — забыла! «Мать, назови имя!» — говорит ей отец Павел. А она только молчит. Тогда он сам называет ее имя и причащает...

Потом я уехал из Ярославля в Петербург, тогдашний Ленинград, стал служить на Смоленском кладбище. Отец Па-

вел, приезжая сюда, всегда навещал меня, бывал за службой и дома. Помню, дали ему сан архимандрита. И вот подходит ко мне одна наша прихожанка (у него здесь тоже были духовные чада) по имени Елизавета и говорит: «Батюшка! Отец Павел просит: дай ему какую-нибудь митру. А то его архимандритом сделали, а шапки-то никакой и нету, чтобы надеть». Я нашел свою старую митру и послал ему. И так он до конца своих дней в ней и прослужил.

И с этой же Елизаветой он передал мне, незадолго до своей смерти, икону Павла Обнорского, которая хранится теперь у меня дома. И которая, надеюсь, перейдет к моему внуку, — ведь он тоже назван Павлом в честь преподобного Павла Обнорского.

Что связывало отца Павла и митрополита Никодима? Я думаю, связывала их, прежде всего, духовная любовь, какое-то особое понимание друг друга. И еще — оба они служили Церкви Божией. Один высоко на свещнице, как архиерей, другой — как скромный монах, приходской провинциальный батюшка. А в сущности — как старец.

У отца Павла был особый язык, особая манера поведения, в которой были явные черты юродства. Представьте картину: владыка — уже известный митрополит, глава Отдела внешних церковных сношений. И вот к нему приезжает отец Павел — простенько одетый, в вытертой рясе, стареньком подряснике. И владыка всегда приглашает его на торжественный обед в архиерейский дом и сажает рядом с собой. Для посторонних, я думаю, картина была удивительная, и не очень понятная.

Они беседовали часто и подолгу. И все мы видели, что беседуют они на равных, и им есть о чем поговорить. Вот эта духовная дружба во Христе, думаю, была главным, что их связывало. А еще — отец Павел помогал владыке митрополиту своими молитвами в его трудном служении на благо Церкви Христовой...

Отец Павел был человеком большим. Есть такое избитое выражение: «Большое видится на расстоянии». Я думаю, здесь оно как нельзя более подходит. Только теперь, после

разлуки с ним, мы все глубже понимаем высоту его духовную, осознаем его дарования.

То же и с владыкой Никодимом. При жизни думали, что ж, обычный архиерей, трудится, конечно, как все, на благо Церкви Божией. Но в них обоих было, очевидно, что-то такое, что сближало их. Что-то нам, обычным людям, непонятное.

Когда я переехал в Ленинград, поначалу мы жили в очень плохих условиях. А детей было трое, все они еще маленькие — холодно им... И отец Павел, приезжая в то время, утешал меня, а может быть, даже и пророчествовал. Он говорил мне: «Отец Павел, ты надейся. И ничего сам не ищи. А Господь все даст, и все у тебя будет».

И правда: Господь дал нам все Сам. И уже не надо было издалека воду носить и колоть дрова, потому что теперь, на старости лет, это было бы мне слишком трудно.

Иногда он говорил мне: «Отец Павел, ты смотри на все проще! Ты немножко сложно на жизнь смотришь. Ты смотри проще, тогда и все вокруг проще будет».

Это мудрые слова. Мир и так сложен, зачем самим его усложнять?

Простота была в сердце отца Павла...

У входа в Воскресенский собор г. Тутаева

Протоиерей Сергий Козлов, клирик Воскресенского собора г. Тутаева

Под руководством блаженно почившего священноархимандрита отца Павла мне довелось прожить несколько лет.

В городе Тутаеве я живу с 1990-го года, служа в Воскресенском соборе. И первая же поездка в село Верхне-Никульское, к батюшке, по приглашению нашего настоятеля, отца Николая Лихоманова, произвела на меня очень сильное и глубокое впечатление.

Происхожу я из семьи священников и потому с большим благоговением всегда относился к тем великим труженикам церковным, которые сохраняли веру в самые трудные, трагические десятилетия. Ведь именно они вынесли все тяготы нашей жизни на своих плечах. И таким тружеником был батюшка Павел.

Я познакомился с ним в алтаре Троицкого храма села Никульское. Первое, что бросилось в глаза, — батюшкина глубокая простота и в то же время — огромная духовная сила, которой он обладал. Он как-то сразу располагал к себе сердца — располагал своим душевным отношением, сердечной заботой. В первый момент мне показалось, что батюшка так молится, так сосредоточен на чем-то внутреннем, что к нему и подойти неловко. Но когда я все же подошел, он так дружелюбно и радостно меня встретил, так легко пошутил со мной, — что я сразу почувствовал в нем родного человека. Мое сердце в один миг расположилось к нему, и каждая следующая встреча с ним была для меня все более желанной. Я хотел этих встреч, хотел, чтобы батюшка помнил о нашей семье. чтобы он молился за нас.

Этот день был памятным, праздник в честь иконы Божией Матери «Достойно есть» с крестным ходом. И батюшкино отношение к народу и своим собратьям-священнослужителям тоже произвело на меня глубокое впечатление. Я понял, что батюшка – человек редкой духовной мудрости и высоты. Он в одну секунду мог понять все, что происходило вокруг, мог сразу ухватить существо человека и без лишних слов направить его на путь истинный.

Этот праздник мне, например, показал, насколько еще жива вера в самой глубине России и какие великие светильники существуют в нашей Церкви...

Прошло не более года, как вдруг мы узнали, что батюшка решил переселиться в Тутаев. Конечно, нас эта весть очень обрадовала, хотя происходило все очень неожиданно.

Как-то раз, после богослужения, мы занимались заготовкой сена. А у нас возле храма хороший покос бывает, душистые травы растут. Вдруг слышим, что едет батюшка, часовым автобусом приезжает в Воскресенский собор, чтобы закончить здесь свои дни. Тут начались спешные приготовления. Может, и не все мы организовали так, как хотелось бы, но, во всяком случае, чем могли – старались помочь.

Отец Павел чем-то напоминал мне моего родного отца, человека необычной судьбы, тоже пожилого, богатого духовным опытом. Я и старался к батюшке относиться как к родному отцу. Хотя иногда мне и страшно было подходить к нему: я чувствовал, что он видит меня, мою душу насквозь, что он может меня обличить, может показать мне все мои недостатки. Оттого и подходил я к нему всегда с большим трепетом.

К семье нашей батюшка относился всегда очень хорошо. Именно с ним связано самое большое и трагическое событие в нашей жизни. Когда батюшка сюда переехал, у нас было трое детей. Все они были здоровы. Прошло буквально несколько месяцев, как вдруг старший сын внезапно заболевает серьезной болезнью, белокровием.

Его увезли в Ярославль на лечение. В это время батюшка нас очень сильно утешал, молился за нас и за нашего сына.

Каждый раз, когда мы приходили к нему, он находил слова утешения, ободрения, поддержки. Это были не просто человеческие слова, это были слова, подсказанные Свыше именно ему и именно для нас.

Рано или поздно исполнялось в нашей жизни каждое его слово. И вот батюшка предсказал нам, что сынок наш умрет... отойдет ко Господу. Но он не просто предсказал нам это тяжелое событие, он подготовил нас к нему. И мы пережили момент нашего расставания с сыном еще до его смерти. И когда пришла настоящая минута прощания, мы были воодушевлены верой, что по батюшкиным молитвам Господь сподобит нашего дорогого сына вечной жизни...

Батюшка очень глубоко вошел в наше горе, всегда старался помочь молитвой и словом, старался поддержать всех нас.

Как старшему священнику Воскресенского собора, мне пришлось участвовать в событиях последних лет жизни отца Павла. Мы часто служили с ним вместе. И всегда просили, чтобы он возглавил службу. Возможно, давалось ему это не очень легко, но нас очень укрепляла та духовная сила, та радость, которая в нем всегда была. В этом человеке, прошедшем лагеря, ссылки, гонения, присутствовала удивительная жизненная мощь и какой-то безыскусственный оптимизм.

Даже голос у него был бодрый и сильный. Когда он служил, он буквально оглашал своды храма. Мне не приходилось слышать подобного голоса. Во время его богослужения душа буквально воскресала. Часто отец Павел обращался к нам, священникам, и напоминал нам о высоте нашего служения. О том, как серьезно мы должны к этому служению относиться.

А порой он обличал и наши немощи. Пришлось как-то и мне выслушать от батюшки такое напутствие: «Необходимо искоренять гордость!» Действительно, гордость может быть очень тонким грехом, почти незаметным со стороны. Живем, живем своей обыденной жизнью — и искренне считаем, что не гордимся. А гордость, в конечном счете, — корень всех остальных грехов...

В Воскресенском соборе г. Тутаева. Исповедует протоиерей Сергий Козлов

Звонкий батюшкин голос проникал в глубину души каждого стоящего в храме, вдохновлял, вселял веру и радость. А как удивительно было батюшкино пение на клиросе! Иногда он просто выходил на клирос, чтобы пропеть вместе с прихожанами какое-то всем известное песнопение, — и всех воодушевлял этим чувством духовного торжества.

Народ всегда любил батюшкины службы, любил слушать его проповеди. В своих словах батюшка мог давать самые простые и незамысловатые советы, но все они, в конечном счете, вели человека по пути спасения. Иногда он мог сказать, например, так: «Сегодня, мои дорогие, мы совершаем память Небесных и бесплотных Сил Божиих — Ангелов, Архангелов, верховного Архистратига Божия Михаила. А потому сегодня в алтаре молятся вместе с нами все Ангелы хранители здешних церквей!» И сердца при этих его словах трепетали радостью. И ты ясно понимал, ощущал, что отец Павел действительно видит духовную жизнь, действительно общается с духовными силами.

Батюшка всегда чувствовал состояние человека, мог несколькими простыми словами наставить или предостеречь, мог обличить мысли. Когда на кого-то нападали сильные мысленные искушения, он мог подойти — и просто погла-

дить по руке. И человек сразу ощущал духовное успокоение и утешение... Отец Павел строго и ревностно соблюдал устав того или иного богослужения и многое передал всем нам из своего духовного и богослужебного опыта. Но и в обыденной, внецерковной жизни совет батюшки был бесценен. Да и не только совет, но и любое слово.

Вспоминаю такой случай. Как-то наши девочки-девчонки спешили на поле, чтобы подоить коров. Бежали мимо сторожки, где на лавочке сидел батюшка. Они подошли к нему и говорят: «Батюшка! Благословите идти на поле доить коров!» А он повернулся к ним и отвечает: «Да вы не спешите. Ваши коровки все равно девки будут». И в этот год ни одна корова не покрылась. В нашей семье тоже есть скотинка, и мы тоже обращались к батюшке за советом. Каждое его слово исполнялось. Скажет он, например: «У вашей коровы будет телочка — назовите ее так-то». Так и произойдет. Мы знали, что батюшка видит намного дальше нас, а потому советовались во всех трудных моментах жизни. И всякое его благословение старались исполнить, чего бы это ни стоило.

Мне посчастливилось побывать в святом граде Иерусалиме. Когда впервые мне сказали о возможности такой поездки, я очень растерялся. Ведь человек я простой и неопытный. Подошел к батюшке, и он велел мне готовиться к поездке. Первая попытка оказалась неудачной, — но батюшка предупреждал меня и об этом. А когда я смог поехать, батюшка велел мне сделать за него земной поклон перед Гробом Господним.

Путешествие было удивительным, сопровождалось настоящими чудесами. И вот я вхожу в часовню Гроба Господня, поминаю всех своих родных и близких — но забываю помянуть батюшку! Я уже отошел от Гроба — и тут вспомнил. А очередь — около тысячи человек! Я сгорал от стыда, но я все равно умолял всех, чтобы меня пустили еще раз. И меня пустили, и я сделал за батюшку земной поклон у Гроба Господня. После этого в нашем пути было множество искушений, но все они рано или поздно развеивались.

Когда я вернулся в Тутаев, первым делом я пришел поблагодарить отца Павла за его молитвы. Но он сразу с порога

мне сказал: «Спасибо тебе за поклон!» Меня его слова поразили, а он еще добавил: «Я всю дорогу за тебя молился».

Да, Господь сподобил нас, недостойных, жить и служить рядом с великим старцем. Большинство из нас ни до того, ни после не встречали человека таких высоких духовных дарований. А потому мы не всегда и не все понимали в его словах.

К одной женщине забрались воры и выкрали все иконы. И вот она приходит к отцу Павлу: «Батюшка, у меня все иконы украли!» А он ей отвечает: «Да ведь я-то не крал». По-видимому, хотел ее вразумить, что она не к гадалке пришла и что он не станет угадывать, где ее иконы...

В житиях Христа ради юродивых мы можем найти немало похожего на духовные наставления отца Павла. Оптинские старцы, блаженный Афанасий Ростовский, дивеевские блаженные... Отец Павел терпеливо нес тяжкий подвиг юродства, он как бы воскрешал дух православных подвижников прошлых веков. Конечно, многого при его жизни мы не осознавали. Но когда батюшка преставился, Господь стал понемногу открывать подвиги этого удивительного человека, молитвы которого, можно сказать смело, открывали Небо.

К батюшке тянулось великое множество людей, и здесь, в Тутаеве, без него не обходилось ни одно церковное событие. А когда по состоянию здоровья он уже не мог принять участия в богослужении или крестном ходе, он все равно выходил из сторожки и благословлял нас. Батюшка был словно солнце среди мрака нашей суетной и грешной жизни. В последние годы он стал слаб и редко посещал богослужения, но причащался во все воскресенья и праздники.

Перед смертью батюшка окончательно занемог, большей частью лежал. Но, принимая людей, все равно брал на себя их страдания и немощи. Бывало, придешь к нему и не успеешь еще слова проронить, как он тебя обнимет, погладит и причину твоих страданий скажет. А потом еще и утешит: «Ничего, Бог даст, все пройдет!» И куда что денется — ни тяжести на сердце, ни тоски в душе...

Батюшка сразу замечал всякую неискренность, фальшивость, лицемерие и был ко всему поддельному очень строг.

Такие люди, не понимавшие, что батюшка от них хочет, не могли понять и его великих даров. Зато к истинным делателям отец Павел относился с настоящим участием и теплотой.

Однажды, перед самым праздником Рождества, прошел слух, что батюшка занемог. Многие духовные чада знали, что батюшка именно на Рождество предсказывал себе болезнь и кончину, поэтому все заволновались. Мы и так каждый раз, когда приближался праздник Рождества, старались усиленно молиться и испросить у Господа продления жизни нашему старцу. И вот уже накануне праздника мне довелось навестить его в келье. Я с изумлением увидел, что батюшка весь как будто светится. Снежно-белые волосы, белое, удивительно-чистое и тихое лицо... Я замер на пороге, и все вглядывался в его черты, стараясь запечатлеть их в своей памяти на всю жизнь. Это были его последние дни...

Батюшка страдал многими неизлечимыми недугами — сказывались последствия многолетней лагерной и ссыльной жизни. Но он-то никогда ни на что не жаловался, терпеливо перенося все страдания. Часто его навещали врачи из районной больницы, которые очень тепло к нему относились. Медсестра Лена приходила каждый день и своим усердием тоже старалась облегчить его страдания.

Когда батюшка занемог окончательно, доступ к нему совсем прекратился, чтобы лишний раз его не беспокоить. Но он продолжал живо интересоваться всем, по-прежнему пытался всех поддержать, успокоить, утешить.

Как раз в эти дни приехал к нему его духовный брат, отец Вячеслав. И батюшка в разговоре с ним сказал такие слова: «Вот, отче, я уже скоро... Сегодня понедельник, потом — вторник, среда, четверг, пятница, а в субботу — все...» Казалось бы, смысл этих слов более чем ясен, — и тем не менее никто не придал им значения! Никто даже мысли такой допустить не хотел, никто не хотел поверить. Пытались все, что можно, для батюшки сделать, пытались облегчить его страдания, врачи устраивали консилиумы...

В конце концов, решили еще раз поместить батюшку в больницу, чтобы поддержать его, проведя очередной курс лечения. Но это было наше последнее расставание... Многие люди, как мне запомнилось, находились в каком-то оцепенении: они не могли ничем ему помочь и в то же время — чувствовали надвигающуюся беду. Хотя надежда на его выздоровление все равно оставалась.

Однажды во время богослужения кто-то сообщил, что из больницы был звонок и что батюшка находится в крайне тяжелом состоянии. Нужно было срочно его причастить. Последний раз он причащался 19 ноября, на свои именины, поэтому мы быстро собрались и поехали в больницу. Хотя мы очень торопились, счет шел буквально на минуты. В тот самый момент, когда мы входили в палату, батюшка, по свидетельству врачей, совершенно неожиданно потерял сознание. Ему было очень трудно. В последние ночи он практически не спал от мучившей его боли. При этом находившиеся рядом слышали, что он все время молится, из последних сил сдерживает стоны и лишь изредка просит пить. У него было великое мужество.

И вот как раз в момент нашего прихода силы его оставили. Тут же появились врачи из реанимации, которые очень умело использовали все имеющиеся у них средства и на наших глазах привели батюшку в сознание. Мария, келейница, обратилась к нему: «Батюшка! Приехали тебя причастить». Он ответил: «Давайте скорее!» Прочитав разрешительную молитву, я причастил батюшку. Приняв Причастие, он закрыл глаза и снова потерял сознание. Теперь уже навсегда...

Позже я вдруг вспомнил и осознал, с каким желанием, трепетом и страхом Божиим батюшка приобщился Святых Христовых Таин.

Все мы понимали: земная жизнь старца подходит к концу. Не откладывая, мы приступили к соборованию. Соборование совершали: настоятель Воскресенского собора и благочинный Тутаевского района отец Николай Лихоманов, настоятель храма в честь Животворящего Креста Господня из Тверской губернии отец Сергий Цветков. Здесь же были его

В Воскресенском соборе г. Тутаева. Справа — архимандрит Евстафий

келейницы, Тамара и Мария (ныне мать Павла, насельница Толгского монастыря[1]).

Когда завершилось соборование, врачи настояли на переводе батюшки в реанимационную палату, где ему окажут всестороннюю помощь. К тому же, из Ярославля в это время доставили необходимые лекарства.

Но в сознание батюшка больше не пришел, хотя после Причастия и Соборования в его состоянии наступило видимое для всех улучшение. Отступила горячка, он лежал спокойно и лишь изредка тело сводила легкая судорога, — видимо, из-за сильной внутренней боли.

Как замечали бывшие рядом врачи, с момента перевода отца Павла в реанимационную палату духовная атмосфера в палате как-то изменилась. Все словно подчинились общему настроению успокоения. Медперсонал вместо громких разговоров перешел на шепот, все стали ходить чуть ли не на цыпочках. Вселенский мир и покой снизошел с Неба и воцарился в больничных коридорах. Было видно, что всех при-

[1] Умерла 29 января 2004 г. Хоронили ее 31 января, в день святителей Афанасия и Кирилла, архиепископов Александрийских.

сутствовавших в больнице охватило благоговение. Все прониклись к этому человеку глубоким уважением, хотя многие даже и не знали, кто он.

Кое-кто из медперсонала заметил тогда, что в реанимационной палате привычные для медицинского заведения специфические запахи стали исчезать. Их сменяло какое-то тонкое, едва уловимое благоухание, которого раньше эти люди никогда не ощущали. Все сходились в мнении, что это не запах духов, не запах цветов, а что-то особенное. У многих это ассоциировалось с запахом свежести, а женщинам это напоминало аромат новорожденного младенца, грудничка. Другими словами, это был запах, аромат чистоты...

В это время к реанимационной палате стали стекаться люди из соседних отделений. Они заглядывали украдкой в приоткрытую дверь, порой осеняли себя крестным знамением, что-то шептали. Скорей всего, они обращались к батюшке с молитвой. Вместо привычных в такие минуты горя и страха ощущался праздник — ведь рядом с нами умирал праведник, христианин, угодивший Богу своей жизнью.

Тем не менее было решено отслужить последнее богослужение о здравии болящего архимандрита Павла. Это было

накануне праздника Обрезания Господня и дня памяти святителя Василия Великого, 13 января. Совершалось всенощное бдение, затем служили Литургию. В 2 часа ночи удалось еще раз причастить батюшку Святой Кровью. В конце службы, когда отец Николай в храме совершал отпуст, из больницы пришло сообщение, что отец Павел скончался...

Хотя все мы уже много дней готовились к этому, все же весть потрясла всех нас, — ведь в душе все равно жила надежда, что батюшка выздоровеет, что мы еще увидим его, не раз приедем к нему за утешением. И вот — невосполнимая утрата! Ведь мы потеряли жившую рядом с нами во плоти правду и любовь...

Врач, который присутствовал при последних минутах его жизни, говорил, что батюшка умирал очень спокойно, а сам момент смерти был по-особому торжественным, строгим и трепетным.

Вскоре после кончины мы перевезли батюшку в храм и стали готовить его для прощания. Собрались все его близкие духовные чада, некоторые приезжали совершенно неожиданно, еще ничего не зная о его смерти. Прибывший из Ростова отец Евстафий облачил батюшку и приготовил для погребения. Тело поставили в храм и рядом с ним началось беспрерывное чтение Евангелия. Сначала читали священнослужители, потом — миряне из числа близких духовных чад. Из разных мест начали поступать телеграммы с выражением соболезнования.

Отпевание архимандрита Павла совершал владыка Михей, архиепископ Ярославский и Ростовский, в присутствии огромного количества духовенства и народа из самых различных уголков России — из Вологды и с Валаама, из Костромы и Москвы. Пел хор сестер Толгского монастыря во главе с настоятельницей игуменьей Варварой.

Многие плакали, но общая атмосфера, царившая на погребении, была нисколько не трагична. Наоборот, во всем была какая-то удивительная светлая радость. Ощущение было такое, какое бывает в момент выноса Плащаницы, когда в душе одновременно присутствуют скорбь и удивительное духовное ликование.

Это ощущали все...

Отец Павел в сторожке Воскресенского собора с архимандритом Евстафием,
игуменией Варварой, настоятельницей Толгского монастыря,
и игуменом Иоанном, наместником Борисо-Глебского монастыря

Игумен Иоанн (Титов), наместник Ростовского Борисо-Глебского, что на Устье, монастыря

В первый раз отца Павла я увидел в 1991 году в Спасо-Яковлевском монастыре. Он приехал на празднование тезоименитства игумена Евстафия 3 октября и на праздник Димитрия Ростовского 4 октября. Тогда я еще был послушником. Каждой встречи с отцом Павлом все ждали с трепетом, потому что отношение было к нему как к рентгену: отец Павел мог видеть ту грязь, которую ты сам не замечаешь. Когда человек болен, с одной стороны, он должен узнать о болезни, чтобы вылечиться, а с другой стороны, страшно узнать. Именно такой страх был и у меня перед отцом Павлом.

Когда отец Павел приезжал в монастырь, он по-доброму ко всем относился, старался приободрить, что-то сказать, кого-то потреплет по голове, слово скажет. А меня только благословит и все, да я и сам не шел на сближение. А я был уже одним из помощников отца Евстафия, и такая холодность отца Павла по отношению ко мне не ушла от его внимания. Он мне высказал, что неслучайно отец Павел держит меня на отдалении.

Когда я стал иеромонахом, то однажды, в 1993 году, мне необходимо было поехать к отцу Павлу. Беда постигла моего близкого родственника, племянника, он серьезно разбился на мотоцикле, и я поехал в Тутаев к отцу Павлу, чтобы просить его молитв. Отец Павел очень тепло меня встретил, благословил, обнял и спрашивает:

– Игумен?

– Да нет, отец Павел, какой же я игумен?

Он говорит:

– Игумен, игумен, – и так по плечу меня еще потрепал.

Потом пришли к нему в келью. Я стал рассказывать о цели моего приезда, просить, чтобы он помолился о племяннике. Тут он меня как холодной водой облил:

– Пусть помирает.

Я говорю:

– Отец Павел, он же молодой.

Отец Павел молчал минуты две, потом опять по плечу меня потрепал и говорит:

– Будет жить Лешка. Скажи, отец Павел за него молится. Мы еще и свадьбу сыграем.

Когда я приехал обратно в Яковлевский монастырь и позвонил сестре, то узнал, что на самом деле была серьезная опасность, но сейчас кризис миновал. Слава Богу, все случилось по словам отца Павла: Леша и выжил, и женился.

После этого разговора я как-то проще стал относиться к отцу Павлу и не такой страх был перед ним, но все равно благоговение и трепет остались.

В 1994 году осенью на тезоименитство отца Евстафия (тогда он уже был архимандритом, но еще не стал епископом), отец Павел возглавлял службу, был предстоящим, а мы сослужили. И вот отец Павел кивает мне, и я должен дать возглас. Я, желая показать свою ревность служения Богу и надеясь, что это понравится отцу Павлу, все свои душевные и телесные силы вкладываю в этот возглас и кланяюсь ему. Я надеялся, что отец Павел оценит мои старания, но тут он такую «похвалу» мне дает! Смотрит и говорит:

– Почему не кланяешься? Гордец! – и владыке Евстафию: – Он гордец и не кланяется.

А я только что поклонился! Думаю, значит, он не заметил. А отец Павел и еще что-то говорит по поводу моей гордости. Я начинаю оправдываться:

– Отец Павел, я поклонился.

Но это только усугубило мое положение. После его слов я думал, лучше бы мне умереть. Если бы кирпич упал, свод рухнул, это было бы уже счастье для меня.

Литургия заканчивается, я стою у престола ни жив ни мертв. Все пошли поздравлять отца Евстафия. В алтаре остались только отец Павел и я. Он на стульчике сидит, а я стою в другом конце алтаря, никак в себя не приду, двинуться с места не могу, потому что сил у меня уже никаких нет. И тут отец Павел подзывает меня к себе. Я подхожу. Как будто ничего до этого не было, он прижал меня к груди, так носом в лоб уперся, держит меня и говорит:

– Иди, поздравь отца-то. Ведь ты же вития. И что бы ни случилось, из монастыря не уходи. Вместе будьте. Не оставляй.

Я думаю: да, «вития», я вообще ни слова сказать не могу, никаких оснований для того, чтобы назвать меня «витией», не было ни до ни после. И я это осознавал. А вот сомнения тогда у меня были, на самом деле уже думал уйти в другой монастырь: чего-то стал накручивать, что не тем занимаюсь, слишком много ненужных хлопот, не за тем я пришел в монастырь, чтобы заниматься хозяйственными делами и прочее... Но тут уже я от счастья воспарил, что отец Павел меня к груди прижал. Сил в ногах нет, идти не могу, но счастливый.

Потом приходит отец Евстафий в алтарь, смотрит на меня понимающими глазами: это, конечно, серьезно, от отца Павла такой разгон получить у престола. Праздники заканчиваются, и у нас с архимандритом Евстафием происходит серьезный разговор о том, что он слышал обо мне от отца Павла в алтаре. Я вижу, что он расстроен, помочь мне хочет, чтобы я в чем-то покаялся, что-то изменил в жизни. Все-таки он считал меня своим помощником и многое доверял, и вот на чистоту решил поговорить со мной:

– Я же вижу, что отец Павел к тебе холодно относится. Бывает, с кем-то пошутит, кому-то что-то скажет, а тебя благословит и все. Может, что-то есть о чем ты забыл, подумай.

А я отцу наместнику ничего сказать не могу, просто я рад, пребываю в том состоянии, когда отец Павел меня обласкал, прижал к груди, слов-то больше не надо никаких и говорить мне не хочется ничего...

Через две недели, 17 октября 1994 года, отец наместник, приехав из епархии, позвал меня к себе в приемную для обсуждения монастырских дел. Под конец разговора он говорит:

– На, почитай.

Дает мне документ, и я читаю указ о своем назначении игуменом Борисо-Глебского монастыря[1]. На меня это не произвело никакого впечатления, и я сказал, что у меня на это нет здоровья.

После этого разговора отец наместник уехал на две недели на Валаам, оставив меня за старшего в монастыре. Однажды под вечер я поехал в епархию к владыке Михею с твердым намерением убедить его, что мне не по силам игуменство в Борисо-Глебском монастыре. Около часа проговорили мы с владыкой. Он рассказывал о своем игуменстве в Жировицком монастыре. В конце разговора владыка мне говорит:

– Ну, ты попробуй, уж если не справишься... отказаться никогда не поздно.

После приезда отца Евстафия мы с ним поехали к отцу Павлу по поводу указа о переводе меня в другой монастырь. Мы были уверены, что отец Павел не благословит. Я помнил его слова, сказанные тогда в алтаре, чтобы от отца Евстафия не уходить и быть вместе.

Когда мы приехали к отцу Павлу и рассказали ситуацию, он говорит:

– Указ получил? Получил. Вот так и поступай. Попробуешь открутиться, перед Богом отвечать будешь. Велик преподобный[2] перед Богом, что бы ни случилось, от преподобного не уходить!

[1] Основан в 1363 г. по благословению прп. Сергия Радонежского, указавшего пустынникам Федору и Павлу место для постройки храма во имя свв. блгвв. кнн. Бориса и Глеба. Монастырь процветал под покровительством царского рода Рюриковичей, связанного со свв. страстотерпцами кровными родственными узами, но с 1764 г. начал быстро приходить в упадок. После 1917 г. обитель была упразднена, в 1995 г. возвращена РПЦ.

[2] В XVI в. в Борисо-Глебском монастыре подвизался в иноческом чине прп. Иринарх. Стяжав подвижнической жизнью благодатные дары, прп. Иринарх был вознагражден и даром прозорливости. Его мощи почивают под спудом. Память 13 (26) января.

Борисо-Глебский, что на Устье, монастырь

Я попытался объяснить, что это неполезно для Спасо-Яковлевского монастыря, что братию раздергивать смысла нет. Отец Павел ничего этого не слушал.

Сели за стол, посидели, а потом он стал говорить обо мне такие слова, которые я совершенно не заслуживал. И тогда не заслуживал, и сейчас тоже не заслуживаю. Когда поехали назад, отец Евстафий мне сказал:

– Ты забудь те слова, которые отец Павел говорил. Это он для меня говорил, а не для тебя.

Этим отец Павел как бы реабилитировал меня перед отцом наместником, что во многом повлияло на наши с ним отношения, которые имели большое значение для возрождения монашеской жизни в обители Борисо-Глебской и для меня лично. Я понимаю, что не по моим заслугам что-то дается, отец Павел хотел поддержать монастырь, в который я был назначен игуменом. Так отношения с отцом Евстафием, которые на какое-то время охладели, выровнялись. Меня перевели в Борисо-Глебский монастырь, и я вскоре туда переехал.

Каждый месяц мы с отцом Евстафием ездили к отцу Павлу, а потом, когда отец Павел болел, я уже почти каждую неделю бывали. За трапезой у отца Павла мы получали духовные уроки монашеской жизни, опыта которой к тому времени почти никто не имел. У отца Павла был тот монашеский дух, без которого невозможно стать монахом. А мне просто необходимо это было почувствовать, ведь когда имеешь ответственность за обитель и нет опыта, – это страшно. Можно жить по букве, но откуда-то надо еще напитаться и духом. И вот за столом у отца Павла главной была не трапеза, за которой мы сидели и разговаривали о своих делах, а главной была счастливая возможность напитаться монашеским духом от отца Павла. Все сидящие за столом это, конечно, понимали. Он стремился напитать пищей духовной, осознавая, что уходит и надо научить людей жить по-христиански.

То, что говорил отец Павел, сначала, может быть, и не воспринималось, но чувствовалось: чувствовалась радость общения, жажда этого общения. А через какое-то время уже разузнавалась и польза. Иногда слова отца Павла осознавались только через годы. Они и были сказаны для того, чтобы когда-либо они оказали помощь, чтобы на эти слова можно было опереться.

Из тех уроков, которые отец Павел преподал мне, некоторые стали совершенно необходимы. Не знаю, как бы сложилась жизнь в монастыре без того, чему научил отец Павел. Когда не совсем уверен, правильно делаешь или нет, и не на что опереться, то ошибки могут быть очень серьезными. Я благодарен Господу, пославшему мне опору, когда я стал наместником. Я понимал, что без отца Павла, отца Евстафия и их поддержки мне не выстоять. Отец Павел, например, говорил слова, которые не сразу воспринимались, но запомнились и потом помогли выстоять:

– Три монаха – это монастырь. Три монаха да пять полудурков – какой монастырь!

И в подтверждение своих слов про Варлаамо-Хутынский монастырь рассказывал:

– В Варлаамо-Хутынском в последнее время три монаха было, но какой высокой жизни был монастырь! А тридцать монахов где теперь наберешь... Колхоз.... Пусть у тебя будет три монаха, но пусть это будет монастырь.

Так он предупреждал меня, чтобы я не смущался малолюдностью. Его слова давали какую-то перспективу, и не было безысходности. Он говорил:

– Даст Бог, потом и старые монахи придут. А, может быть, и с Афона.

Думаю, слова отца Павла о старых монахах можно отнести к отцу Афанасию, архимандриту Троице-Сергиевой Лавры, который в последние годы своей жизни приезжал пожить в нашем монастыре. Более сорока лет он провел у мощей преподобного Сергия, 14 последних лет он был старшим в Троицком соборе. Его советы, беседы тоже были для меня уроками монашеской жизни. Отец Афанасий, как и отец Павел, тоже, казалось бы, иногда рассказывал ни о чем. Но в этих рассказах был дух монашеский. Он вспоминал о том, как пришел в Лавру и застал там 70 человек еще прежних монахов – «старичков», как он говорил. И какое же было отношение молодой братии к этим монахам! Отец Афанасий рассказывал, что он чувствовал, видя старого монаха впереди: надо выполнить какое-то послушание, казалось бы, бегом надо сделать, а впереди идет монах, настоящий старый монах, – он говорил: «как Ангел». Говорит: «Идешь и дыхнуть боишься, чтобы как-то не потревожить его и ждешь, когда он пройдет, чтобы не обгонять его. А если идет навстречу, поклон делаешь до земли». Это было благоговейное и трепетное отношение к подвигам, которые они несли, к тем годам жизни, которые они прожили, пройдя через тюрьмы и лагеря. Отец Афанасий, сопоставляя сегодняшнюю жизнь в монастырях с той жизнью, говорил: «А теперь что? Теперь молодой насельник может похлопать по плечу старика и не задуматься, сколько ему лет и кто перед ним». Отец Афанасий в Борисо-Глебском монастыре находил покой, его тянуло сюда, но он не мог оставить Лавру, преподобного Сергия. Отец Афанасий привел меня к архимандриту

Кириллу (Павлову). За это я тоже благодарен Богу: не было бы общения с отцом Павлом, наверное, не было бы у меня и встреч с этими старцами.

По многим вопросам слова отца Павла всплывают в памяти именно когда нужно. «А зачем мне это все?» – именно так я несколько раз думал, когда мне отец Павел о чем-то говорил. Казалось бы, забытое совершенно, когда-то ненужное. Через два-три года, через пять лет эти слова становились настолько важными, что решали какую-то проблему. Вспоминаешь, что отец Павел это говорил, начинаешь думать о нем, ощущаешь необходимость в его молитвах и чувствуешь, что помощь от него идет. После поездок к нему на могилку тоже обычно решались проблемы.

Я думаю, многие могут об этом сказать. Все, кто имел общение с отцом Павлом, все, кого он в свое время поддержал, как-то между собой связаны. Иногда встречаешься с человеком, общаешься с ним и чувствуешь к нему симпатию, а потом узнаешь, что отец Павел в жизни этого человека тоже сыграл серьезную роль.

С другой стороны, люди, которые не знали отца Павла, а только слышали рассказы о нем, не видели, как он относился к людям, в каком контексте произносил те или иные слова, пересказывая что-то об отце Павле, иногда теряют самое главное, его дух. Вот говорят, что отец Павел ругался матом. С кем, как и для чего? Наверное, для того, чтобы людей усовестить. И если после этого у собеседника отца Павла не было желания ругаться, то это что-то значит! Говорили, что отец Павел мог выпить. Но если люди, с которыми он сидел за столом и выпивал, после этого знали меру, то это тоже много значит.

Когда у отца Павла просили молитв, он говорил, показывая на сердце: «Вы у меня здесь». И, конечно, я думаю, он чувствовал свою ответственность и за монастырь, в который меня назначили игуменом. Последние годы жизни отца Павла совпали с возрождением Борисо-Глебской обители и с моим здесь игуменством. И то, что отец Павел так тепло и живо проявлял участие к жизни монастыря, я считаю не своей заслугой, а необходимостью монастырской.

Общий вид города Мологи

Город Молога. Ярославская улица

Молога. Базарная площадь

Сплав плотов по реке Мологе

Мологский Кирилло-Афанасьевский женский монастырь

Сестры Мологского Кирилло-Афанасьевского монастыря

Дача монастыря. Храм во имя Архистратига Михаила

Сестры на Даче монастыря

В Мологском монастыре. На переднем плане, в группе детей, крайний слева — Павёлка Груздев

Павёлка Груздев (увеличено)

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон в бытность архиепископом Ярославским и Ростовским

Семья Труздевых. Слева направо: отец — Александр Иванович, мать — Александра Николаевна, бабушка по отцу — Мария Фоминична, старший сын Павел

Александр Иванович Груздев (сидит в центре) со своими сыновьями. Слева направо: Павел, Александр, Алексей

У родного дома. Справа — мать о. Павла Александра Николаевна, слева — тетка Елизавета Груздева

Отец о. Павла — Александр Иванович

Спасо-Преображенский Варлаамо-Хутынский монастырь в Новгороде

Настоятель Хутынского монастыря
архимандрит Серафим

Преображенский собор
Варлаамо-Хутынского монастыря

Романов-Борисоглебск. Казанский спуск

Романов-Борисоглебск. Храм в честь Вознесения Господня (Леонтьевская церковь)

Вид на Романовскую сторону

Пристань в Романове

Воскресенский собор г. Тутаева. *Фото нач. XX в.*

Крестный ход с иконой Всемилостивого Спаса. *Фото нач. XX в.*

Образ Всемилостивого Спаса. Фото нач. XX в.

Осужденный — Груздев Павел Александрович, 1911 г.р.

Кировская обл. Кирсинского р-на
Совхоз № 3 и его руководящий
персонал
Нач.хоз Юшков И.К.
Прораб О.К.С. Пономарёв Х. А
Участка дорожный мастер Груздев П.Я
Зав животноводством Коваленков

В Вятском исправительно-трудовом лагере

Подпись Павла Груздева на обороте фотографии

Письмо
Павла
Груздева
из лагеря

Зная, что у меня нет опыта и поэтому можно навлечь многие скорби и беды, набирая братию, отец Павел говорил:

– Не бойся десять праведников за ворота выставить: праведника Господь не оставит, праведнику за то венец и тебе награда – о стаде радел. А бойся волка и паршивую овцу в стадо запустить – стада лишишься.

Какая это была поддержка, невозможно представить человеку, который не был в моей шкуре, не ощущал возложенной ответственности. Ведь народ в монастырь шел разный. Иногда приходит вроде благочестивый человек, ты ему отказываешь, чувствуя какую-то тревогу, а уходит он, ругаясь матом.

Отец Павел, говорил, что наместник должен и палку показывать, тогда увидишь, овечка это или волк: если зубы оскалила, значит, волк. Наместник должен пасти овец и выгонять волков. Трудно пойти на такой шаг, чтобы кого-то не «допустить к Богу», как все говорят обычно, приходя в монастырь. Это уже потом, имея опыт, можно как-то в ситуации разобраться и увидеть, что, чем человек более дерзкий, чем меньше в нем благочестия, тем меньше в нем желания работать Богу. Многие свою дерзость выказывают за дерзновение служения Богу. И когда мне начинали говорить: «такой-сякой, к Богу не пускаешь», я думал, значит, не туда идешь или не оттуда, потому что к Богу не пустить нельзя; еще раз десять придешь, кого надо, палкой не выгонишь, а за каждым бегать и зазывать калачом – калачей не хватит. Я словами отца Павла неоднократно таких людей ставил на место. Такие поучения в двух-трех словах и составляют основу нашего отношения к жизни. Пока на память что-либо приведешь из прочитанного... А тут : «Не бойся десять праведников выгнать, бойся одну паршивую овцу или волка в стадо запустить» – и все становится на свои места. Во многих случаях слова отца Павла, непонятые сначала, потом давали свои плоды, как семена.

Можно много прочитать, все это в памяти, может быть, отложится, но будет грузом, который тащишь, которым можно пользоваться, чтобы показать свои знания, но ни-

как нельзя применить этот багаж. А слова отца Павла часто были кратки и всегда полезны. Например, по поводу того, нужно или нет интересоваться врагом рода человеческого. Стало очень много книг выходить о мире демонов, и очень многие стали интересоваться. Книги эти читались, как романы. И у меня тоже интерес к этому был: врага, мол, надо знать. Отец Павел четко все расставил на свои места:

– Мы ленимся о Боге узнать, а туда лезем.

Все так просто. В двух словах. Если мы туда лезем, то и получаем. Если мы всматриваемся в бездну, то и бездна всматривается в нас. Не лезь, не смотри туда, а смотри на Бога, смотри туда, куда святые зовут.

Поразили меня несколько случаев со святынями, которые благословил мне отец Павел еще задолго до своей смерти, а потом, казалось, об этом забыл.

За полгода, а может быть, и больше, до смерти отец Павел благословил мне икону преподобного Дорофея Югского, которая была написана в Мологском монастыре, где одна из его тетушек была старшей над иконописцами. Отец Павел однажды взял эту икону и сказал:

– Это вот тебе.

Потом посмотрел и добавил:

– Надо бы, конечно, ее подреставрировать, – и поставил опять себе на столик. Потом говорит: – Ну, ничего, подреставрируешь.

Через какое-то время отец Павел, глядя на Шестоковскую икону Божией Матери, написанную на холсте, которая была прибита на стену перед его коечкой в сторожке, сказал:

– Вот у отца Евстафия есть Шестоковская, у отца Григория есть, это – тебе. Ну, потом возьмешь, она у меня к стене прибита.

За несколько месяцев до смерти отца Павла мы с отцом Евстафием были у него. Он сказал:

– У меня вот вам по мантейке есть. Ну, потом разбирать вещи будут, тогда получите, не сейчас. Вещи перевозили, их сложили и сейчас трудно найти.

Все это вскоре забылось, ну, пообещал и пообещал. А после смерти отца Павла в день его похорон отец Евстафий после поминальной трапезы, обращаясь к брату отца Павла Александру Александровичу, к Марье Петровне (будущей монахине Павле, келейнице отца Павла), говорит:

– Мне ничего не надо. Только мантию, в которой я служил первую панихиду об отце Павле и посох его.

Стали искать мантию и посох, и не могли найти. И тут отец Евстафий бросил взгляд на занавеску у окна – а там на гвоздике висят две мантейки. Не знаю, каким образом они там оказались. Отец Евстафий снимает эти две мантейки, и тут мы вспоминаем, что отец Павел нам их обещал. Отец Евстафий говорит:

– Ничего мне больше не надо, вот я беру одну мантейку, а одну отцу Иоанну даю.

И одел эту мантейку, привез в свой монастырь и повесил у себя в келье.

На девятый день сидим за столом на поминальной трапезе, а в келье отца Павла разбирают вещи: Толя, Володя Белов, отец Григорий, Марья. И Володя Белов берет икону преподобного Дорофея Югского, которую отец Павел мне давным-давно обещал, и говорит:

– Мне ничего не надо. Я вот возьму одну иконочку.

Я смотрю, это та самая иконочка, которая вроде мне благословлена была. Сердце немножко екнуло, вспомнилось, что мне отец Павел ее благословил. А дальше произошло совершенно непонятное. Владимир говорит:

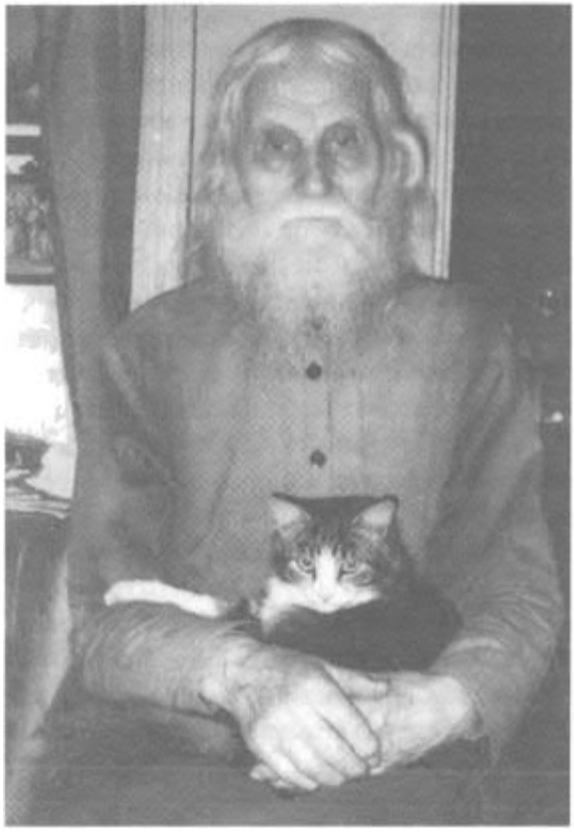
– Ну, я беру эту икону, – подходит с этой иконой к столу, – и отдаю ее отцу Иоанну.

Его не было, когда отец Павел мне благословлял эту икону, и я-то подзабыл это все!

Через какое-то время отец Григорий с Толей снимают со стены Шестоковскую икону. Толя говорит Марии Петровне:

– Дай какую-нибудь скатерочку: икону закрыть.

Я смотрю, а эта икона тоже уже благословлена была мне. А Толя заворачивает ее в скатерку, подносит и вручает мне. Вот так ко мне и Шестоковская икона пришла.

Протоиерей Николай Гурьянов

А потом пришли четки отца Павла, скуфейка, потом Александр Александрович привез коврик из кельи отца Павла, потом Толя привез любимые ботиночки отца Павла 30-х годов, сапоги и кофту, в которой я потом к отцу Николаю ездил на Залит.

Отец Николай поразил меня своим серьезным отношением к святыне. Я-то скуфейку отца Павла носил два года не снимая потому, что недосуг было купить другую: хорошо подошла, носил и носил. А ботинки с сапогами Толя привез и говорит: сам или кто-то из братьев поносит (слава Богу, хватило других сапог, чтобы оставить эти целы!). Так и кофточку отца Павла я надел, когда к отцу Николаю поехал, не потому только, что для меня это была святыня, а потому еще, что она теплая и ничего другого не нашлось одеть в тот момент.

Когда я приехал к отцу Николаю, он снял с меня скуфейку, надел на себя и говорит:

– Вот хорошая скуфеечка-то, потому что простая. В такой и ходи.

А перед этим мне пытались подарить скуфейку, отороченную хорошим мехом, но я от нее отказался: за такую скуфеечку отвечать придется. Ну, и сказал отцу Николаю, что вот кофточка-то тоже отца Павла.

И отец Николай без того юродства, которому мы бываем подвержены, когда говорим о чем-то святом, а показывая, насколько для него это важно, сказал:

– Батюшка, благословите приложиться.

Взял кофту, которая была на мне надета, и приложился к ее краю как к святыне. Для меня это было уроком, чтобы мы посерьезнее относились ко всему, что освящено молитвой, с благоговением, чтобы не юродствовали. Тем более, отец Павел не раз говорил: «Сейчас юродивых нет, сейчас одни полудурки». Два слова, но на место ставят. Отец Николай не встречался с отцом Павлом, но говорил о нем как о человеке великого духа и святой жизни.

И еще невозможно не сказать о том, как отец Павел, уже после смерти, дважды являлся мне во сне. Не знаю, насколько это можно назвать сном. Оба раза это была болезнь, оба раза перед праздниками. Один раз на память Александра Невского, в ночь на 12 сентября. В другой раз в ночь на память святителя Иакова, в декабре. Про этот случай я расскажу.

Как-то приехал я к отцу Евстафию в Спасо-Яковлевский монастырь по делам. Я знал, что еще при мне туда было взято ящика два-три шаровых кранов, и сейчас я хотел попросить их у отца Евстафия для Борисо-Глебского монастыря:

– Отец наместник, благословите 20-30 шаровых кранов.

Он говорит:

– Нету.

Я ничего не ответил ему, но про себя подумал: «Зажал». Ну, ладно, виду не показал. Чувство не очень легкое после этого настало, стало меня немножко подкручивать. На обратном пути я заехал в Залужье. Там какая-то организация разваливалась, и мне там надавали этих кранов и еще чего-то – как из рога изобилия. Я думаю, ну, ладно, и сами с усами, и без вас проживем.

После этого я стал реже ездить в монастырь к отцу Евстафию. И вот на день памяти святителя Иакова собрался я ехать в Яковлевский монастырь. Накануне служили мы вечернюю службу у себя в монастыре, а утром, думаю, поеду на Литургию в Яковлевский монастырь. И вот после службы я очень сильно заболел, был в полуобморочном состоянии. Лежу в келье ночью, то проваливаюсь, то опять прихожу в себя, температура высоченная. Свет горит, келейка маленькая. В один из этих провалов, когда я сознание терял, я буквально наяву вижу отца Павла в доме моей покойной тетушки. Открываю дверь из комнаты на кухню и смотрю, за столом у самовара сидит отец Павел: фланелевая рубашка, валенки. Я настолько не ожидал его там увидеть, что растерялся, стою в дверях. Отец Павел почувствовал, что кто-то вошел, поворачивается и говорит:

– Ну, проходите.

И вот я прохожу, складываю руки и, как обычно:

– Отец Павел, благословитё.

И подсовываю руки под благословение, потому что он без очков сидит, да и в очках-то уж плохо видел. И тут я сталкиваюсь с его взглядом, пристально всматривающимся в меня. Я был поражен тем, что его глаза совершенно зрячие, что он все видит. Я это ясно понимаю, но не успеваю ничего еще ответить. Отец Павел благословил, прижимает к груди, как тогда в алтаре было и потом как неоднократно бывало, стискивает в своих объятиях, я стою на коленях перед ним, носом он упирается мне в лоб, и я, вспоминая его слова «Проходите», говорю:

– Отец Павел, я один.

Потому что все время мы с отцом Евстафием приезжали. Он еще крепче меня прижимает и говорит:

– Знаю.

Начинает постукивать по спине, так хорошо колотит, по-отцовски, чтоб пролетело все, что было. И произносит слова, которые врезались в память на всю жизнь:

– Не потеряйтесь.

И тут я оказываюсь опять у себя в келье, смотрю на потолок, на лампочку, чувствую запах отца Павла в келье и слышу

отзвук его слов. Я был сильно поражен, почувствовал, что я выздоравливаю, как и тогда в алтаре, мне было спокойно и радостно. Правда, поехать в тот день на службу в Яковлевский монастырь я не смог.

Через некоторое время приехал я в Ростов, в монастыре какая-то надобность заставила меня пойти в ту башню, где разная сантехника находилась. Я взял ключи, зашел, посмотрел – а ящиков-то с кранами действительно нет. Потом отцу Евстафию я все рассказал: и о том, что видел отца Павла, и о своих подозрениях, и что сейчас я в самом деле не увидел этих кранов. Отец Евстафий говорит:

– Я ж тебе говорил, что я их отдал.

Неизвестно, что было бы, если бы не явился отец Павел. Он опять поддержал меня: среди множества бытовых суетных проблем надо было не потеряться с теми людьми, с которыми свел Господь.

Когда отец Павел приезжал в Спасо-Яковлевский монастырь, он не раз говаривал: «Мученики, мученики». А в последнее время очень часто пел песенку: «Приезжает товарищ Сталин, приезжает отец родной». И когда я был уже в Борисо-Глебском монастыре, отец Павел тоже неоднократно пел эту песенку, а потом добавлял: «А, может, и обойдется. Велик преподобный пред Богом. Что бы ни случилось, от преподобного не уходите».

В самых трудных ситуациях всегда вспоминались слова отца Павла о том, что надо выстоять, что дело не в числе, не во внешней мощи, а в том духе, который есть на этом месте.

Отец Георгий Перевышев служит панихиду на могиле архимандрита Павла (Груздева)

Священник Георгий Перевышев, клирик Воскресенского собора г. Тутаева

Я приехал в Тутаев с Урала в 1990 году. У меня не было ни семьи, ни определенного занятия, и я приехал, чтобы жить здесь при соборе. Работал я при храме сторожем. Нас таких было три человека (двое стали священниками: я и отец Иоанн, который живет сейчас на левом берегу): мы работали по сменам и еще совместно пономарили в алтаре.

От людей я слышал, что здесь бывает отец Павел — старенький батюшка, человек высокой духовной жизни, у которого можно было спросить духовного или житейского совета. Кто-то говорил, что он прозорливый старец. Кто-то говорил, что он может сразу обличить, какие-то тайные грехи назвать. И мне, с одной стороны, было страшно появиться рядом с таким человеком, который может сразу прилюдно обличить, а, с другой стороны, я трепетно ждал, когда можно будет увидеть такого батюшку, о каких в книгах пишут, что Господь им открывает через Духа Святого, как человека укрепить, вразумить, на путь истинный наставить.

И вот как-то летом стали говорить-поговаривать, что батюшка, отец Павел, будет жить при нашем соборе. Кто его видел, кто с ним разговаривал, кто его знал — все ждали его приезда с трепетом: батюшка приезжает и будет жить рядом с нами! Конечно, для всех это было радостью. Но лично для меня это было ожидание какого-то предстоящего жизненного переворота. Ведь у меня, приехавшего с Урала, представление о монашестве было книжное, наслышанное. Я видел монахов, когда ездил в Троице-Сергиеву Лавру, но в основном только на службе. А здесь архимандрит будет жить рядом с нами!

К приезду батюшки все готовились: в комнатах, где батюшка будет жить, все убиралось. В этом же доме были и мы, сторожа: батюшка занимал две комнаты слева, а мы, как заходишь в сторожку, — сразу справа.

И вот в тот день, когда батюшка должен был приехать, мы все с утра ждали его. Литургия уже прошла, после обеда приезжает батюшка. Мы, все три сторожа, оказались здесь. Стоим и ждем. И вот заходит батюшка и — сразу к сторожам. А мы выстроились в ряд и не знаем, как себя вести. Надо благословение брать, но мы почему-то стоим в каком-то замешательстве. Батюшка заходит и первое, что он говорит: «Ребята, вы меня не будете обижать?» Это он, архимандрит, так спросил. До сих пор эта фраза во мне звучит. Мы должны ему в ноги бросаться, а он нас спрашивает: «Ребята, вы меня не будете обижать?» Это было сказано в смирение нам, и в то же время была какая-то боль в голосе. Только, наверное, высоко духовные люди, чистые сердцем, так говорят; в таком выражении молятся, наверное. Я видел в нем любовь, смирение и простоту: он как равный нам это сказал... Мы взяли, конечно, благословение, потом батюшка ушел.

Когда еще батюшки не было, в нашей обязанности было и котел топить брикетами, и воды принести. Когда они приехали, Мария в основном все делала сама, она в нашей помощи не нуждалась. А мы по суткам дежурили при храме, с утра и до утра. Это только так называлось, что смена, а бывало, что целыми неделями там живешь и никуда не уходишь — не хотелось никуда идти, все время при соборе. Тут же дежуришь, тут же пономаришь. Но служить при храме, пономарить — это было для нас наградой. Отец Николай далеко не всем предлагал пономарить, долго присматривался.

Мы старались зайти к батюшке за благословением на дежурство. Стучали очень тихонечко, с молитвой, к батюшке обращались. Бывает, что Мария уходит куда-нибудь, мы бежим к батюшке — может, она дверь не закрыла, — чтобы с батюшкой хоть немножко поговорить. Мария, спаси ее Господи, конечно, охраняла его, ограждала от людской праздности.

А людей приезжало много — с вопросами, за благословением. Вольно или невольно иногда мы говорили, что нужно подождать, батюшка отдыхает: мы видели, как действительно батюшке тяжело. Мы всегда помнили, что батюшка рядом, старались разговаривать негромко. А люди часто приезжали с праздными вопросами. Я часто не понимал, ну, неужели с такими вопросами надо идти... Бывало такое: когда батюшка видел, что человек от праздности к нему пришел, он его благословлял сначала на службе постоять, молебен заказать и помолиться.

Часто у батюшки в келье мы не были, благословение брали у порога. В комнате с правой стороны диванчик стоял, и здесь Мария батюшке книги читала, иногда они пели. Мы стучались — нам открывали. Мы сразу подходили, на коленочки вставали и благословение у батюшки брали, какие-то вопросы спрашивали. Когда я находился рядом с ним, я чувствовал необыкновенную теплоту. Если ощущать физически — это теплота тела младенца, от него пахло молоком. Когда я к нему подходил с вопросом, иногда казалось, он меня даже не слушает, а так возьмет в охапку, так прижмет к груди, и я — носом ему в грудь, и пахнет парным молоком...

Я видел батюшку в келейной обстановке и видел его у престола. Это что-то несказанное...

Место, где священники молятся, — это одно, а где пономарка — там, вольно или невольно, суета: чтоб кадило не погасло, чтоб свечу вовремя зажечь, какие-то люди заходят, что-то спрашивают. И чтобы молиться... надо постараться, чтобы в пономарке была молитва. Ближе к престолу, к жертвеннику — туда стараешься не заходить: подашь кадило и уходи в стороночку. Но если хочешь помолиться, стой, не запрещалось — пономарь заходил, в сторонке стоял и молился.

Я неоднократно был свидетелем, когда батюшка просил за кого-то, молясь у престола. Это было после «Милость мира», когда уже хлеб и вино преосуществились в Тело и Кровь Христовы, и вот в это время батюшка начинает молиться. Он говорил: «Господи! У Маньки корова плохо дои́т, пускай она

дóйт!» или: «Господи! У Гальки сын пьет, а сын-то хороший, сердце у него доброе. Пьет он! Да помоги же ему, Господи!»

А мы невольно стоим здесь, потому что именно в это время нужно подать кадило. И мы становимся свидетелями его молитв перед престолом ко Господу, напрямую. Я стою с кадилом и чувствую, что не могу здесь находиться, недостоин, здесь происходит какая-то тайна, величайшая тайна. Это было страшно. Бывало так, что я просто холодел весь и хотел быстрее вручить кадило дьякону.

Это были краткие фразы и обращения. Может, кто-то вчера рассказал батюшке о своей беде, попросил помолиться, а сегодня у престола он Господа и просит. Вот так батюшка с открытостью и любовью сострадал тяготам людским.

Иногда в конце Евхаристического канона после слов «Преложив Духом Твоим Святым», батюшка, стоя перед престолом, произносил: «Господи, Ты опять с нами». В алтаре это всем было слышно. В эти священные минуты общего молчания и благоговения чувствовалось живое присутствие Господа, к Которому просто, по-детски обращался старец с людскими нуждами.

Отец Павел за полгода до моего рукоположения сказал мне, что я буду священником. Это было так. У нас там где-то грязь, где-то уголь, что-то переносили, грузили — руки грязные бывают, и как там мыть? Когда я как-то пришел за благословением, батюшка мне сказал: «Юрка, ты руки научишься-то мыть? Тебе скоро руки целовать будут, а они у тебя все грязные». Тогда мне даже в голову не пришло, что это имеет какое-то не житейское значение. Я только подумал: «Откуда батюшка руки мои видит, когда он слепой?» Потом, когда меня рукоположили в январе 1994 года, я вспомнил это благословение. Приход мой был в селе Закобякино Любимского района, это 80 км от Ярославля, другая сторона. Зимой после рукоположения я к нему приехал. Он лежал в больнице в Тутаеве. Мне так посчастливилось, что я был в тот момент у него один. Так Господь устроил. Батюшка уделил мне время, я минут десять с ним разговаривал. Я ему сказал: «Батюшка, Вы как сказали, меня рукоположили, я священник». Он улыбнулся и говорит: «Это было сразу видно».

Батюшка много шутил и по-прямому мог сказать что-нибудь. У меня была большая борода, и когда я к батюшке подходил, он временами за бороду так брал и даже так мне ее дергал. И когда в очередной раз я к нему подошел, он взял мою бороду в пучок, так подергал и говорит: «Борода Авраама, а дела-то Хама». Я от батюшки отбегаю, прибегаю домой, открываю Библию, листаю, ищу «дела Хама». Если бы кто-то другой сказал, я наверное возмутился бы, но все, что исходило от батюшки лично ко мне, все я понимал так, как он сказал. Я просто прочитал дела-то Хама и думаю: хорошо, что он мне сказал. А может быть, действительно, что-то во мне в то время было и сейчас надо что-то исправлять. Слава Богу! Когда человек живет, он должен исправляться. Эти слова я очень хорошо для себя запомнил.

Моя жизнь рядом с батюшкой была очень теплой. Я Господа благодарю, что по милости и любви, дал мне прожить рядом с таким высоко духовным, чистым человеком. Полтора года находиться рядом с батюшкой — это не было привычкой, а это все время было состояние радости и благоговения. Было понятно, что это не просто какой-то престарелый архимандрит, хотя архимандрит — это уже высоко: человек прослужил всю жизнь Господу. Он про́сто жил, жил только чисто. Другой человек тоже живет, но не про́сто живет, а он про́сто жил. В комнатах, где он жил, все было просто, ничего особенного не было. Просто проходило время, и он пребывал в этом месте. Вот эта память, особенно для священника, очень поучительна. Мне как священнику взять хотя бы маленькую частичку того, как батюшка жил, как обращался к человеку, как воспринимал просьбы, людское горе! Но хоть чуть-чуть применить это к своей жизни сейчас — бывает очень тяжело. Наверное, все должны быть такие священники. Но насколько мы можем это в своей жизни применить? Это все равно непостижимо.

С тобой рядом источник — подходи и пей — и он неоскудеваем. Я всегда понимал, с кем я рядом находился. Таких людей совсем немного. Без них нельзя, невозможно прожить. Я всегда его помню и за него молюсь, надеюсь, что он тоже меня помнит и за меня молится.

На фотографии справа — отец Сергий Цветков

Протоиерей Сергий Цветков, настоятель храма в честь Животворящего Креста Господня, село Поводнево Тверской области

Познакомился я с отцом Павлом в 1982 году. Это было начало моего служения в Сонковском районе Тверской области. Будучи молодым, начинающим священником, я служил старательно, и поэтому меня удивило, когда я узнал, что некоторые сонковские верующие ездят на службу в соседнюю Ярославскую область к неизвестному мне еще тогда архимандриту Павлу. Эти люди рассказали мне о том, что он благодатный старец. Тогда решил съездить к нему и я. Повезла меня раба Божия Параскева, его духовная дочь: она знала как лучше проехать.

Батюшку дома мы не застали, он лежал в Борковской больнице. Там и произошла наша первая встреча (кстати сказать, и последняя встреча тоже была в больнице, только в г. Тутаеве). Отец Павел произвел на меня тогда огромное впечатление: он говорил со мной с такой любовью, что, казалось, мы с ним всю жизнь были знакомы. Тогда же, в больнице, я получил разрешение старца приезжать к нему.

Наверное, мои приезды совпадали с дневным отдыхом отца Павла, поэтому Марья в первые мои посещения всегда меня ругала. Я от этого смирялся и пребывал в доме батюшки со страхом. Когда она стала относиться ко мне лучше, я даже жалел, что нет того прекрасного душевного состояния. Когда умер мой духовный отец, я попросил стать им отца Павла. Он согласился. Но вести духовное аскетическое руководство не соглашался, хотя я не раз просил его об этом. Может быть, он отказывался по смирению, а может быть, считал это возможным только в монастыре.

Думаю, что отец Павел победил беса уныния. Когда вследствие поднятия уровня почвенных вод, в его храме, в Никульском, произошла усадка фундамента, то в результате рухнул один из куполов и сокрушил алтарь. Даже в этом случае он не показал вида, что страдает. И когда он лежал слепой, с трубкой в боку, до последнего вздоха продолжал шутить и не терял своей веселости. Мне хотелось бы сказать и об отсутствии уныния вокруг отца Павла, о том, как он исцелял людей одним своим присутствием. Я сам не раз испытал это на себе.

Впрочем, исцелял он не только от уныния. Помню, мама моя после соборования упала с крылечка и сломала себе какую-то кость в плече. Перелом был очень болезненный, причем боль не отступала ни на минуту. И врачи толком помочь не могли. И мы с мамой поехали к отцу Павлу. А он постучал по ее плечу кулаком — и все... И боль прошла. Я не скажу, что сразу кость срослась или еще что-то. Нет, заживление шло своим чередом. Но боль отступила, ушла, — а для нее тогда именно боль была самой большой тяжестью. И таких случаев было немало.

Валентина М. рассказала мне, как отец Павел исцелил ее и дочку. У Валентины был нарыв на пальце. В больнице хирург прооперировал палец и задел нерв, в результате ладонь перестала сгибаться. Хоть плачь! Ведь работа в колхозе, и дома за скотиной ходить надо. Поехала с этой бедой в Верхне-Никульское к батюшке. Он взял ее за руку и долго держал в своей руке. Потом Валентина взяла благословение и поехала домой. В этот же день рука стала здоровой. А у ее дочери Веры после гриппа случилось осложнение на глаза: образовалась пленка, и она перестала видеть. Они вдвоем поехали к старцу. Там в храме отстояли Литургию и заказали молебен Божией Матери в честь Ее Казанской иконы. После молебна батюшка позвал их к себе в дом и накормил. По словам Валентины, как только они после обеда вышли от отца Павла на улицу, дочка радостно воскликнула: «Мама, я вижу!»

У батюшки был дар исцелять любые кожные болезни. Иногда он при мне делал лечебную мазь. Надевал епитра-

хиль и смешивал компоненты. Я наблюдал. Раз он мне сказал: «Вот ты знаешь состав, но у тебя ничего не получится, слово нужно знать». По свидетельству врачей из Борка отец Павел вылечивал своей мазью любые кожные заболевания, даже те, от которых врачи отказывались. Еще старец говорил, что этот дар один человек получил от Божией Матери и передал ему. Хотя я думаю, что, возможно, он и был тем человеком. Любовь отца Павла к Царице Небесной была безгранична.

Каждый Великий Четверг батюшка заготавливал «четверговую соль»[1]. Он и мне рассказал, как это делать. Я спросил его, для чего она нужна. Он ответил: «Раздаю людям, даю и для животных». И рассказал, что у соседей издыхала овца. Пришли к нему. «А я положил три поклона у Царицы Небесной и дал им четверговой соли. Они растворили ее в воде, напоили овцу, и она поправилась».

Все мы, кто общался с батюшкой, знаем, что Господь наделил его даром прозорливости. Хотя, как человек смиренный, он этот дар тщательно скрывал ото всех. В связи с этим вспоминаются такие случаи.

Мы сидели со старцем одни в комнате — он что-то делал, а я размышлял. Я думал: «Почему после общения с отцом Павлом, за столом или в церкви, убитые горем люди и отчаявшиеся грешники становились веселыми и жизнерадостными и возвращались домой, как на крыльях?» В этот момент батюшка обернулся ко мне и сказал вслух: «А я их исцеляю» и опять продолжил работу. Тогда я не сразу понял эти слова. Но когда умерла моя мама, ничто не могло успокоить меня, и только общение со старцем полностью исцелило боль. Теперь я понимаю, что Господь дал ему дар исцелять души людей через обычные беседы.

[1] В русском народе издревле существовал обычай накануне Великого Четверга ставить в избе под иконами решето с зерном, печеным хлебом и солонкой особо приготовленной в печи соли (она называлась «четверговой»). Помолившись Богу, хозяева оставляли все это в святом углу до первого дня Пасхи. Зерно высыпали в закрома, чтобы не было недостатка в хлебе. Печеный хлеб давали скоту, выпуская его весной в первый раз на пастбище, чтобы не было пропажи скотины. Четверговую соль использовали как лекарство и во избежание разных несчастий.

Весной 1988 года, когда мама была еще жива, мы поехали с ней в Верхне-Никульское к батюшке Павлу. У него были пластинки и, когда мы приезжали, он иногда ставил церковные хоры или детские сказки. В этот приезд старец поставил нам сказку «Черная курица». При прослушивании, когда подземный министр прощался с Алешей, говоря: «Прощай, навеки прощай!», у меня прошел холодок по спине. Когда мы возвращались домой, я сказал об этом маме. Она мне ответила: «Так батюшка сообщил мне о моей смерти». Я, конечно, стал успокаивать маму, говорить, что это не так, но где-то через месяц она умерла. Ей было 62 года.

Как-то я остановился в Верхне-Никульском на ночлег у Куликовой А. (ныне уже усопшей). Она мне рассказывала, что батюшка называл ее по имени и отчеству: «А я и подумала, грешная, звал бы меня попросту». На второй день батюшка, увидав ее, еще издалека поднял руку и закричал: «Здорово, Куличиха!»

Однажды батюшка мне говорит: «Забери монастырские иконы у Мани-Вани (это моя прихожанка, у которой эти иконы хранились после разорения Шелтометского монастыря), свези их в Толгу и Спасо-Яковлевский монастырь». Я выполнил послушание старца. После этого в доме этой старушки трижды были воры. Отец Павел вовремя спас иконы.

К слову сказать, заговорили мы как-то с батюшкой о мироточении икон. Он показал мне на Толгскую икону Божией Матери, что стояла у него в большой комнате на божнице и сказал, что от нее здесь текло миро.

Однажды я был у батюшки, и почему-то он трижды за время моего пребывания у него рассказывал одну и ту же историю. К нему пришли мужчины и предложили отремонтировать храм, а он отказал. «Плуты» — добавлял он. Я удивился, зачем он мне это три раза повторил. Оказалось, очень кстати. Дома меня уже ожидала бригада, назвавшаяся реставраторами. Они предложили мне сделать ремонт храма. Вспоминая предупреждение батюшки, я предложил им сначала отремонтировать забор (300 метров). Пока они занимались забором, я узнал, что их выгнали из соседнего колхоза, где

они выдавали себя за плотников. Когда они закончили работу, я уплатил им, как договаривались, и мы вежливо распрощались.

Кстати, наш приход благодарен батюшке за то, что он прислал нам замечательного мастера-кровельщика — Вадима из Рыбинска (ныне уже усопший). Он был прекрасный специалист. Мы звали его человек-бригада, потому что всю работу он выполнял один. По молитвам старца на большой высоте Вадим довольно быстро покрыл оцинкованным железом пять больших куполов на нашей Крестовоздвиженской церкви. Притом работал он в разгар зимы и пользовался только лестницами и веревками. Взял за работу немного. Уже после старца он восстановил и сделал заново на другом нашем храме шесть куполов и шесть крестов над ними. Этот мужественный, немного грубоватый человек с тяжелой судьбой очень любил отца Павла. Но нас удивляло то, что он считал себя как бы обязанным завершить эти работы. Этот случай убеждает нас, что наш духовный отец и на том свете продолжает заботиться о нас.

А вот история, как отец Павел меня смирял. И тоже связанная с его даром прозорливости.

Однажды на престольный праздник иконы Божией Матери «Достойно есть» к батюшке приехало очень много духовенства. Перед всенощной отец Павел привел меня в алтарь, показал на стопку облачений и сказал: «Ты будешь ризничий, всем раздашь облачения. А вот эту ризу наденешь сам». Сказав это, он убежал. Это была самая красивая риза. Я тут же с удовольствием ее надел и залюбовался собой. Вдруг отец Павел опять появился в алтаре и строго сказал: «Снимай ризу, ее наденет отец Аркадий». Меня словно холодным дождем окатило. Я разоблачился и надел самое простое облачение. Всю всенощную я ощущал сладость смиренного состояния души, это невозможно передать словами, мне казалось, что служба шла на Небесах. Так, исподволь, батюшка давал почувствовать, что есть духовный мир, его удивительную красоту.

Он смирять умел очень интересно. Ты стоишь рядом с ним — и вдруг он заругается на кого-нибудь. Не на тебя. Толь-

ко ты почему-то ощущаешь, что это именно для тебя говорится.

Однажды, читая «Лествицу» преподобного Иоанна, я подумал, что мог бы иметь совершенное послушание у старших в монастыре. В этот же день я поехал к батюшке. Он, как всегда, встретил меня радушно и усадил за стол. На первое блюдо отец Павел предложил мне какой-то невкусный концентрат, на поверхности которого плавали кусочки сала. Я, понуждая себя, с трудом доедал свою порцию. Вдруг батюшка вскочил, схватил кастрюльку с концентратом и, улыбаясь, вылил все оставшееся в ней мне в тарелку, говоря: «Ешь, ешь за послушание». В голове мелькнуло: «Меня сейчас стошнит, а я ведь причащался». Поэтому я тут же своими устами поспешно сказал: «Нет, батюшка, такого послушания я выполнить не могу». Вот так легко батюшка показал мне мои возможности и обнаружил свою прозорливость.

А один мой знакомый приехал к отцу Павлу просить благословения на Иисусову молитву. Ехал долго, добирался издалека. Думал: «Возьму у батюшки благословение на четки, буду подвиг Иисусовой молитвы нести». И вот добрался. Но еще не успел тот подвижник и рта раскрыть, как батюшка ему: «Садися, садися, родной! Вот машина как раз, довезет тебя до поезда!» Это значит, в обратный путь! «Батюшка, мне бы молитву Иисусову, благословите!» — «Садись, садись, а то сейчас уедут!» И молитвенник наш уже смирился, идет к машине, садится, но все же успевает спросить: «Батюшка, а молитва-то?» А батюшка ему так строго: «Не пойдет!»

И действительно, он мне потом рассказывал, что с подвигом Иисусовой молитвы ничего не получилось. Но позднее он понял, что для умного делания нужно соответствующий образ жизни вести. А отец Павел это увидел сразу.

Да, отец Павел мог обличить, мог поругать, но он мог и так приласкать человека, как родная мать приласкать не сможет. Или так дураком назовет, что хочется, чтобы тебя еще раз дураком назвали. Потому что все в нем было растворено любовью.

В своих проповедях отец Павел всегда затрагивал тему деятельной любви к людям: накормить, напоить голодных, чему сам был примером. А также почти все проповеди повторял: «Русь святая, храни веру православную». Сам умел вкусно готовить и постоянно приносил в сторожку поесть всем оставшимся ночевать после всенощной. Я наблюдал, как он готовил. Можно было подумать, что он священнодействовал — так это было ловко и опрятно.

А однажды было, что я задумался о его гостеприимстве. Конечно, приятно, что меня, недостойного, великий старец так привечает — как приедешь, тут же он и Марья хлопочут накрыть стол. Думаю, могли бы и подождать кормить, сначала бы духовно напитаться, общаясь со старцем.

И вот приезжаю в очередной раз. Но подъезжая (и уже проголодавшись), все равно предвкушаю, как он меня угощать будет. Вхожу, здороваюсь, сажусь. Начинаем с ним разговаривать. Но чай пока не несут. Вот и хорошо, думаю. Не за едой приехал, а духовной пищей насладиться.

Наконец, Мария, верная помощница, голос с кухни подает: «Батюшка! Рыбу-то разогреть?» — «Да подожди, Мария!» — отвечает он. И опять течет беседа, продолжается разговор... Опять Мария с кухни: «Может, хоть чаек поставить, отец Павел?» — «Подожди, Мария, подожди!» И опять мы беседуем.

Вдруг он встает и приглашает меня в церковь. Идем в храм, прикладываемся к образам. Потом он начинает мне, как водится, особо чтимые иконы показывать, рассказывать о чудесных случаях. А я уже, между прочим, проголодался. Возвращаемся к нему в сторожку, опять садимся за стол разговаривать на духовные темы. Опять Мария голос подает, и опять он ее обрывает. А я уже сильно кушать хочу!

Наконец батюшка, улыбаясь, достал кусочек четверговой соли, раскатал его скалкой, принес кусок хлеба (он такой хлеб называл «папушник») и кружку кваса. Все это он делал как-то красиво и значительно, с любовью. Все так же улыбаясь, он макнул кусок хлеба в соль, аппетитно откусил и запил квасом. Затем быстро придвинул это мне. Я вкусил, и мне показалось, что я отродясь не ел ничего более вкусного. И по-

нимаю, что я как тот царь из «Отечника», который пришел к пустыннику и вкусил его самой простой пищи.

И вдруг вспоминаю, что ведь я же сам хотел получить от нашей встречи духовного, — и вот получил по своему желанию. Но кто же батюшке-то об этом сказал? Сказало его духовное чутье. Да, Господь открывал ему человеческие души, чтобы он исцелял их и вразумлял. И очень часто батюшка действовал как бы навстречу нашим чувствам, желаниям.

Отец Павел был удивительным, замечательным человеком. И все же мне не хотелось бы его идеализировать. И не потому, что, как говорят, нет пророка без порока (как раз в батюшке я не замечал никаких пороков!), а потому, что старческая высота запросто сочеталась в нем с обычными человеческими качествами.

Он был замечательным рассказчиком, мог часами занимать нас удивительными историями о своей яркой и необычной жизни.

У него был особый дар совета. Все советы, которые он давал, были не то что полезны, а — спасительны. Очень глубоко он судил о жизненных случаях, ситуациях, которые происходили с его чадами. Его талантливость проявлялась даже в почерке: у него был ровный, абсолютно каллиграфический почерк, какого в наше время уже не встретишь.

Конечно, его таланты, в частности, дар совета, имели духовную основу. За этой глубиной понимания стоял огромный опыт, молитвенный труд, знание духовной жизни. Сколько раз, когда я спрашивал его о каком-нибудь человеке (которого он, кстати, в глаза никогда не видел!), он так метко и верно его оценивал, что я поражался.

Как-то мы приехали с батюшкой в Толгу. Я вел его под руку, он почти ничего не видел. Многие подходили к нему за благословением и советом. Подошла одна девушка и попросила благословения в монастырь. Отец Павел сказал: «Не годишься». Она удивилась. Затем, обогнув несколько зданий, забежала вперед и опять спросила благословения в монастырь, но другими словами (может быть, зная, что он плохо видит). Старец спросил, откуда она приехала. Девушка отве-

тила. «Вот туда и поезжай» — был ответ. Я также спрашивал отца Павла об одном человеке, желавшем рукоположения. И хотя он его никогда не видел, сказал мне сразу: «Не годится». Прошло больше года, и меня опять попросили узнать об этом мужчине. Старец ответил: «Если его посвятят, то его ждет участь Иуды».

Жизнь его вся — удивительный творческий труд. Он был своего рода художником. Если можно так сказать — художником духовной жизни. Он любил сам создавать какие-то живые ситуации, которые всех радовали и веселили, утешали и вразумляли.

Опишу один случай из этого ряда. Ехали мы из Москвы на поезде втроем: батюшка, Толя Суслов и я. И вот батюшка говорит: «А ведь в Сонкове Нинка нам к поезду пирогов принесет. Ох, хорошо она печет пироги!»

А проводницей у нас была пожилая женщина, которую отец Павел сразу стал называть девчонкой. Так к ней и обращался: «Галек, девчонка! Принеси чайку!» Она как услышала это в первый раз — так сразу и расцвела. И даже вроде как помолодела. И так она батюшку полюбила, что сама спрашивала, чего он еще пожелает.

Но вот и Сонково, остановка. Сидим, ждем обещанных батюшкой пирогов. Что-то не несут... Минута проходит, другая, вот уже остановка подходит к концу. Не несут! Тронулся поезд, поехали...

И тут с победным видом является «Галек-девчонка» и гордо объявляет: «Вы знаете, как к Вам рвались! Но я строго-настрого сказала, что старца беспокоить нечего!» Стоит и похвалы ждет за свою преданность. Батюшка, конечно же, ее хвалит: «Молодец, девчонка, молодец!» Она еще больше расцветает от этих похвал.

Ушла она, он пошутил что-то добродушно на ее счет, но при этом нисколько не огорчился. А позже уже Нина нам рассказывала: «Христом Богом умоляла ее пропустить меня, чтобы батюшку пирогами угостить. Но она — ни в какую: нечего, мол, старца беспокоить! Прошу ее, чтобы хоть сама передала — ни за что: пусть старец отдыхает!»

А вот еще одна история про «пироги». Как-то с группой моих прихожан мы ездили к отцу Павлу на престольный праздник к «Достойной». В числе прочих были псаломщица Екатерина и алтарница Елизавета, обе из моего храма. На исповеди, прочитав над алтарницей разрешительную молитву, батюшка Павел громко сказал ей: «Тебе скажут: Елизавета, спеки пироги, а ты скажешь: не буду!» На второй день, когда мы все вернулись, должна была быть воскресная служба в нашем храме. Мне доложили, что алтарница с псаломщицей поссорились, и Елизавета не хочет печь просфоры на службу. Как мы ни уговаривали ее, она, от обиды, отказалась печь наотрез. Тогда я напомнил ей предсказание батюшки, что не о пирогах он ей намекал, а о просфорах. Она задумалась, и стала печь.

Особо мне хотелось бы сказать о подвиге юродства, который нес батюшка. Его юродство было очень тонкое, иногда на грани разумного, иногда вроде и переходя эту грань. Но если начать обдумывать — ничего неразумного в его поступках не было. Была парадоксальность, которой отличается поведение юродивых.

Известно, например, что он зимой в мороз ходил в баню босиком за несколько километров. И я как-то не удержался и задал ему вопрос: «Батюшка! А зачем же ты, все-таки, босиком-то шел?» В общем, не очень тактичный вопрос, если учесть, что задавал я его старцу. Но как спросил, так и получил. Он мне в ответ сказал коротко: «Спорт!»

А местные жители мне рассказывали, что он и раньше ходил в баню зимой босиком, притом, что сапоги на плече нес. Его спрашивают: «Почему ты босиком?» А он отвечает: «Да сапоги новые, топтать жалко!»

Моя прихожанка, бабушка Настя, ныне уже покойная, написала мне как-то письмо, в котором привела такой рассказ певчей Любы: «Еду из Борка на автобусе, глядим вперед: бежит мужик в полушубке, в шапке — и босиком. Штаны засучены до колен, а сапоги несет через плечо. Догнали, а это отец Павел идет из бани. Снег уже таял, но ночью подвалило на четверть, раскисло так, что грязь чуть не по колено. Води-

тель остановил автобус и говорит: "Садись, отец Павел!" Он вошел и стоит голыми ногами на железе. Я махнула ему: "Садись", а он мне кулак кажет. На своей остановке выскочил и побежал домой». Так он юродствовал.

Мне говорили, что это хождение по снегу было связано у батюшки с каким-то лагерным испытанием. Две женщины, Настя и Поля, по неделе жили у отца Павла, так разговаривали с ним про все. Он им рассказывал: «Когда был в заключении, пилили дрова. Как все сядут отдохнуть или покурить, так я бегу за костер[1] Богу молиться. Один раз меня увидели и за это привязали к березе, а сапоги сняли. Снега было по колено. Я стоял до тех пор, пока снег не растаял под ногами до земли. Думал всё — заболею и умру. А я и не кашлянул. Вот с тех пор у меня ноги и не зябнут. Я бы мог ходить все время босиком, но не хочу народ смущать».

Вспоминаю отца Павла на одной фотографии. Он стоит там с таким огромным ключом. Когда он показал мне эту фотографию, то сказал, что фотограф, который это снимал, получил за свой снимок премию. А снимок интересный: батюшка стоит босиком, одна штанина закатана, другая опущена.

Я хочу сказать о том, что иногда батюшка допускал в своем внешнем виде этакую нарочитую небрежность. И это было в его духе. В духе того самого тонкого юродства, про которое я уже говорил. Потому что на самом деле он мог быть очень, подчеркнуто аккуратным. Просто таким образом, как я предполагаю, он обличал непорядок и небрежность в наших душах. И когда вдруг батюшка мог выразиться крепким словом, все вокруг ощущали: это наша грязь. С разными людьми старец мог разговаривать на их языке. Часто неверующие люди стараются при священниках, при верующих ругнуться матом, чтобы задеть, оскорбить, показать, какие они бравые. Это лукавый их так научает. Но батюшку таким образом нельзя было взять, он употреблял оружие врага против него самого. Такого человека он мог отбрить очень сильно,

[1] Костер — сложенные в клетку дрова.

и тот смирялся и видел, что отец Павел не уступает ему в этом, а в другом-то во всем превосходит. Батюшка нес трудный подвиг, по апостолу Павлу: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»[1].

А сердце старца болело обо всех. 1 февраля 1990 года батюшка сказал мне, что видел во сне стоящую женщину с ребенком, а за ней больные, пораженные молодые деревья. Я тут же спросил его: «С Младенцем это, наверное, Божия Матерь?» Он ответил: «Наверное». — «А гибель деревьев, — опять спрашиваю я, — это смерть молодых людей?» Старец ответил: «Да». Я спросил: «Война будет?» Он ответил: «Без войны».

Мне, конечно, доводилось слышать от некоторых людей мнение, что он уже ослабел умом в старости. Но это не глубокий взгляд. Я вспоминаю «Патерик». Там описывался один пустынник, который, когда его вот так же обвинили в безумии, отвечал: «Чадо! Чтобы достичь этого безумия, я тридцать лет подвизался в пустыне!» Потому что безумие безумию — рознь...

Иногда сидим, разговариваем, слушаем его, кажется: ну, просто старичок и старичок... И вдруг одна фраза, даже одно его слово — и мороз по коже. И сразу ты ощущаешь, что это не просто добрый, ласковый, расположенный к людям дедушка, а человек необыкновенный — высокого духа человек.

Всей своей жизнью отец Павел учил людей чистоте. Много раз он рассказывал один и тот же случай из лагерной жизни о том, как девушка-украинка, три дня не евшая, не захотела принять от него хлеб. Она сказала: «Я честь не продаю». Отец Павел удивился и не понял. Когда ему разъяснили, он передал ей хлеб через знакомую лагерницу. Этот случай отец Павел часто рассказывал, как пример целомудрия.

Скажу хоть несколько слов о том, как он был в лагере. На заготовке леса в тайге отец Павел был пропускник, то есть

[1] 1 Кор. 9, 22.

имел возможность выходить за ворота лагеря для проверки узкоколейки. Пользуясь свободным выходом, он делал в лесу запасы на зиму. Для этого он выкопал яму, обложил ее стенки ветками и обмазал их глиной, затем развел костер внутри ямы — получился большой глиняный котел. В него старец все лето ведрами таскал грибы из тайги и пересыпал их солью. Осенью, когда яма наполнилась, он завалил все толстыми сучьями и сверху положил большой камень. Еще осенью делал стожки из веток рябины с ягодами. А зимой кормил всем этим заключенных. И спасал людей от цинги и голодной смерти. Как он говорил: «Ведро грибов или ягод охранникам дашь, зато два ведра — в лагерь».

Но особенно меня всегда умиляло, как он спас немца-заключенного, у которого коней задавило дрезиной. Сначала из петли его вынул, а потом на суде защищал. Ему самому расстрелом грозят за то, что он фашистскую морду защищает, а он им в ответ: «Можете меня расстрелять, только он не виноват». И суд этого немца оправдал. И немец этот каждое утро приходил к постели отца Павла и клал ему кусок от своей хлебной пайки, — так он был ему благодарен.

Думаю, что этот случай батюшка рассказывал многим. В лагерях духовенство помещали вместе с уголовниками. Отец Павел рассказывал: получил пайку хлеба на весь день (он показал пол-ладони) и спрятал за веником у нар. Пошел за баландой. Кто-то из уголовников из озорства подставил ногу, похлебка пролилась. Спрятанный хлеб оказался украденным. Очень хотелось есть, и отец Павел пошел в тайгу посмотреть каких-нибудь ягод. Снегу в лесу было по колено. Немного углубившись в лес, батюшка обнаружил поляну абсолютно без снега, и множество белых грибов стояло на ней. Отец Павел разложил костер и, обжарив грибы, нанизанные на ветке, утолил голод. Об этом старец рассказывал много раз как о явном чуде Божием.

Батюшка рассказывал о заключенных людях, с которыми вместе сидел — о священниках, монахах, художниках... Рассказывал, как однажды священство из заключенных служило Литургию в лесу. Престолом был обычный пень. И когда

их лагерь переводили в другое место, началась гроза, молния ударила в этот пень и сожгла его. Так Господь прибрал святыню, чтобы не оставлять ее на поругание несведущим людям.

Старец говорил, что духовные люди в лагере знали о том, что для невинно осужденных и пострадавших за веру пришитый к робе личный тюремный номер будет свободным пропуском через мытарства в Царство Небесное, и что кому-то об этом было видение.

О лагере батюшка вообще рассказывал немало. Рассказывал как бы между прочим, даже и не о себе. Но из этих рассказов я узнал, например, что он весь свой срок вставал за час до подъема и вымывал весь барак. И конечно, за такие поступки его не могли не любить. А Господь давал ему, как труженику, здоровья. Потому что отец Павел был великим тружеником. Стоило только посмотреть на его руки, чтобы понять, что эти руки могут делать все.

Да они все и делали. Отец Павел не любил праздности, он все время был в движении: то кладбище очищает, то просфоры с Маней печет, то дровами занимается — а ведь было ему уже за семьдесят. Запомнилось, что как-то зимой нам пришлось у него заночевать. Утром мы еще в постелях, а отец Павел вскочил чуть свет, схватил лопату и побежал дорожки от снега расчищать. Он был таким живым, что чувствовалось, будто он молод и дух в нем играет.

Любил батюшка собирать всякие святыни, мог поделиться с другим. Камешки из Иерусалима, с Гефсиманской горы, кора с древа Божией Матери, каменный горох. Про каменный горох отец Павел рассказывал нам предание: шла Божия Матерь, встретила сеятеля и спросила, что он сеет. А он сеял горох, но Ей ответил, что сеет камень. Ну тогда Она ему сказала: «Что сеешь, то и пожнешь»[1].

Он много рассказывал о русских монастырях, где, какие были настоятели, как их звали и очень хорошо знал, какие святыни были в этих монастырях и в каком месте. Еще в со-

[1] См. с. 689.

ветское время он неоднократно бывал на Валааме[1], очень любил его. Перебывал во всех скитах. Привозил оттуда различные кусочки святыни, а иногда даже целые кирпичи притаскивал — нес на себе, а ездил он туда уже пожилым и больным. Но ему важно было, невзирая на тяготы, привезти домой этот кирпич как святыню, как память о Валааме. Как он мне признавался, пока пароход стоял у пристани, он пробегал по Валааму около 30 километров. Говорил иногда о себе: «Русь уходящая...»

Обладал он удивительной, какой-то необычной памятью. Он знал много длинных старинных песен и умел петь их, кроме того, знал разные старинные обычаи и обряды. Когда мы ездили с ним по Ярославской области, пути наши бывали довольно протяженными. И тогда всю дорогу он пел песни. Эти песни я не слышал больше никогда — ни до, ни после. Они были очень длинными, десятки куплетов — и все это он помнил с молодости.

Батюшка оказывал на всех потрясающее влияние с первой встречи. Он просто ошеломлял людей. Приехал к нему один мой знакомый, батюшка сказал ему всего несколько слов, — и тот сразу понял, что слова эти сказаны именно для него, именно его проблем касались, хотя виделись они впервые в жизни.

Вспоминаю, как отец Павел меня исповедовал. Мы всегда шли с ним в церковь, к престолу. Вычитывали положенные молитвы и обязательно батюшка заставлял читать «Верую». После исповеди он давал целовать Евангелие и крест. Евангелие всегда было раскрытым, и когда я прикладывался, то успевал прочитать часть текста. Это было или «... прощаются тебе грехи...» или что-то другое, соответствующее моменту. Затем старец поздравлял с очищением и троекратно целовал

[1] Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный мужской монастырь расположен на Валаамском архипелаге, основан в начале XIV в. В нижней церкви Спасо-Преображенского собора под спудом покоятся мощи прпп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Из числа валаамского братства вышли знаменитые подвижники и основатели многих монастырей: прпп. Александр Свирский, Арсений Коневский, Корнилий Палеостровский, Савватий Соловецкий, Герман Аляскинский. Обитель возрождается с 1989 г. Возрождается жизнь и в 10 монастырских скитах.

меня. Интересная особенность: иногда зимой в неслужебные дни в его церкви было довольно холодно, но он никогда не мерз. Отец Павел брал мои замерзшие руки в свои, а они у него были теплые и мягкие, и мне становилось тепло...

Никто не мог так, как он, создать в храме праздничную атмосферу. Можно сказать, что его праздники были особенно праздничными. Он все мог как-то приподнять, одухотворить, наполнить содержанием. Одна старушка-прихожанка поделилась со мной: «Вы знаете, он так крестом осеняет, я еще никогда такого не видела!» Вроде бы — какое простое действие! И такой восторг он вызывал, просто когда осенял всех крестом.

Господь продлил ему дни. Батюшка говорил: «Тех, которые меня били, которые зубы мне выбили, их, бедных, через год потом расстреляли, а мне вот Господь столько лет жизни дал».

Иногда я спрашивал у него: «Батюшка, вот тебе Господь помогает во всем, такие глубокие вещи открывает... Это за то, что ты нес в своей жизни такой подвиг?» На эти вопросы он мне всегда отвечал: «А я ни при чем, это лагеря!» Помню, как он разговаривал с матушкой Варварой, игуменьей Толгского монастыря, и на ее похожий вопрос ответил: «Это все лагеря, если б не лагеря, я был бы просто ничто!»

Я думаю, что он имел в виду страстную природу всякого человека, особенно молодого. Действительно, именно страдания выковали из него такого удивительного подвижника, старца. Он о своем добро́м говорить не любил, но иногда само проскальзывало. Однажды мы шли с ним, прогуливаясь около храма. Он показал мне живописное уединенное место: «Вот здесь, бывало, я прочитывал Псалтирь от корки до корки».

Ночами он писал дневники (это помимо огромных молитвенных правил!), очень любил акафисты читать. Практически на каждой службе он вычитывал какой-нибудь акафист и вычитывал его с такой торжественностью, что, кажется мне, святые с Неба глядели и удивлялись: «Кто же там так читает?»

Отец Павел часто рассказывал анекдот про больного, которому делали операцию под наркозом. Он очнулся и спра-

шивает у человека с ключами: «Доктор, как прошла операция?» Тот отвечает: «Я не доктор, а апостол Петр». Этот анекдот имеет свою предысторию. А дело было так. По рассказу отца Павла, когда ему делали тяжелую операцию по удалению желчного пузыря, он вдруг очнулся в другом мире. Там он встретил знакомого архимандрита Серафима[1] и с ним увидел множество незнакомых людей. Отец Павел спросил у архимандрита, что это за люди. Тот ответил: «Это те, за которых ты всегда молишься со словами: помяни, Господи, тех, кого помянуть некому, нужды ради. Все они пришли помочь тебе». Видимо, благодаря их молитвам батюшка тогда выжил и еще много послужил людям.

Я присутствовал при последних часах отца Павла. До сих пор помню это удивительное ощущение: мы находимся при кончине русского богатыря, этакого былинного Ильи Муромца. Конечно, мы понимали, что старец, что молитвенник, высокой духовности человек... И все же приходило на ум сравнение именно с русским богатырем, красивым и мужественным.

Мы можем сказать — все, кто его знали, — что сподобились увидеть настоящего праведника, святого старца, словно из старинных книжек, исповедника Христова, обладающего подлинным смирением. И это было удивительно — такое изобилие даров, и при этом — такое смирение, смиренномудрие. И эти, казалось бы, такие разные качества — величие и кротость — удивительно в нем соседствовали и гармонировали.

[1] Архимандрит Серафим — настоятель Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде.

На фотографии справа — отец Григорий Гогишвили

Протоиерей Григорий Гогишвили, настоятель Казанского храма г. Рыбинска

С детских лет я окормлялся в Вознесенско-Георгиевской церкви нашего Рыбинска, и с самого юного возраста от бабушек-прихожанок был наслышан об отце Павле. О том, что в Верхне-Никульское, где он служил у Престола Господня тридцать два года, все едут к нему за утешением, духовным наставлением и благословением. И однажды меня, в то время еще мальчика, взяли с собой наши женщины-прихожанки.

Так первая моя встреча с отцом Павлом запала в мою душу на всю оставшуюся жизнь. Наши контакты были разными — и духовными, и просто житейскими. Но мне хочется сказать о главном: о том, как батюшка повлиял на всю мою дальнейшую судьбу — как диакона, как священника, как, наконец, настоятеля храма.

В отце Павле прежде всего поражала, конечно, простота. Простота истинная, нелицемерная. Не та напускная «простота», которой сейчас пытаются прикрыться многие, а настоящая простота, простота Христова.

Он от всех скрывал дары, данные ему от Бога, — дар прозорливости, дар исцеления. Но близкие люди, соприкасавшиеся с ним постоянно, знали о той духовной силе, которая в нем присутствовала. Ведь по его молитвам они часто получали от Господа Бога просимое.

Помню, когда зашла речь о моем рукоположении в сан диакона, то на это было получено благословение отца Павла. Незадолго до того как принять сан священника, я вновь поехал к отцу Павлу, был им радушно встречен и высказал ему

пожелание жителей Рыбинска об открытии Казанской церкви, которая в то время была закрыта. Храм был полуразрушенным, в нем размещался местный филиал Государственного архива. Но инициативная группа верующих хлопотала перед государством о передаче храма. И когда я рассказал это отцу Павлу, он вдруг сказал: «Хорошо бы тебе стать настоятелем в этом святом храме».

И ведь вся моя жизнь связана с образом Казанской иконы Божией Матери! В детстве я стоял у подсвечника перед Казанской иконой в Воскресенско-Георгиевской церкви. Позже, когда начались притеснения в школе, мне пришлось перейти в церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Там я был благословлен в алтарь, в алтаре поставлен опять на такое место, где прямо на меня смотрела со Своей Казанской иконы Пресвятая Богородица...

И вот перед моим рукоположением во иерея отец Павел вручает мне на молитвенную память главную христианскую святыню — святой антиминс — священный плат с изображением положения во гроб Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, со вшитой в него частицей мощей.

И этот антиминс был освящен в храме Казанской иконы Божией Матери. А через несколько дней из Епархиального управления мне пришел вызов с извещением, что мне надлежит быть рукоположену в сан священника.

За сорок дней богослужебной практики, которую я проходил у отца Павла в Верхне-Никульском, я получил в смысле духовного опыта несравненно больше, чем за семь лет своего послушания алтарником, чтецом и певцом.

А через сорок дней вышел указ о моем назначении настоятелем храма Казанской иконы Божией Матери. Мне надлежало открыть этот святой храм, восстановить его, возродить к жизни, вернуть ему былое благолепие. Но самое главное — Господь доверял мне, недостойному, восстанавливать с помощью Таинств церковных нечто гораздо более важное — живые души человеческие. Ведь народ наш православный и сегодня переживает нелегкое время. Пусть прекратились видимые гонения, но невидимые на-

падения на Церковь Христову, может быть, еще и усилились.

Господь направил меня на путь нелегкого и ответственного пастырского служения. И на этом непростом пути я всегда находил утешение и духовное подкрепление в словах и назиданиях отца Павла. А сколько святынь батюшка передал для возобновления богослужений в нашем святом храме! Иконы, облачения, церковные сосуды, прочая богослужебная утварь. Все, что необходимо для совершения Божественных служб во вновь открывающемся храме Божием.

Я уже говорил о потрясающей простоте отца Павла. Несколько раз я был свидетелем того, как он молился в алтаре во время Евхаристического канона на Божественной литургии. Он обращался к Господу такими простыми словами... Было полное впечатление, что батюшка напрямую разговаривает с Богом. И эти его простые просьбы, иногда выглядевшие обычными, житейскими, были исполняемы по его молитвам. Чистота веры, простота обращения отца Павла не только к людям, но и к Богу помогали ему на протяжении всей его жизни.

Все знают, что этот великий старец прошел сталинские лагеря за исповедание православной веры, но лично я никогда не слышал от него ни слова ропота на это. Наоборот, он за все благодарил Бога. Он всей своей жизнью воплощал завет святителя Иоанна Златоуста, наставлявшего нас благодарить Бога за все. Ибо благодарный человек не нуждается ни в чем...

Отец Павел никогда в жизни ни на что не жаловался. Ни на состояние своего здоровья, ни на материальные трудности. Он всегда призывал нас к тому, чтобы все свое упование мы всецело возлагали на Господа.

Когда открылся наш святой храм, отец Павел неоднократно бывал в нем, особенно он любил служить у нас в праздник Казанской иконы Божией Матери. После его отъезда из Верхне-Никульского к нам в храм была передана чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Достойно есть» («Милующая»), которую на протяжении всей своей жизни отец Павел особенно чтил...

Отец Павел очень почитал и Почаевскую икону Божией Матери. В праздник Рождества Пресвятой Богородицы, когда празднуется память Почаевской иконы, он, после водосвятного молебна, всегда погружал Почаевскую икону в освященную воду. А икона у батюшки была старая, привезенная из Почаева еще монахиней Мологского монастыря матушкой Елизаветой (Иевлевой). С этой иконой было связано чудесное событие: в монастыре приключился пожар, сгорел келейный корпус. Но самая середина его, где пылало пламя (и где была келья матушки Елизаветы), осталась невредимой. Ведь в келье-то находилась Почаевская икона. Так рассказывала сама матушка.

Потом она подарила икону отцу Павлу, завещала хранить. Он берег ее как зеницу ока, даже прятал ото всех и выносил только на праздник. И вот в праздник Рождества Пресвятой Богородицы он вынес Почаевскую и при всем народе сказал: «Эту икону я завещаю отцу Григорию, чтобы он так же чтил ее, как и мы чтим!»

А после службы обратился ко всем: «Батюшке, который сейчас у нас здесь служит, только что дали приход. Ему надо восстанавливать храм. А у него ничего нет. Подайте, кто что может. А я сейчас сам встану с тарелкой».

И вот в сельском приходе за один раз набрали сумму в пять тысяч рублей! Конечно, это было настоящее чудо, которое совершил Господь. На эти деньги мы заказали тогда много по «столярке», сделали двери в храм. А на Воздвижение Креста он свою просьбу повторил, и тогда собрали еще три тысячи рублей. На эти деньги мы провели в храм электричество. И поэтому на праздник Казанской иконы 4 ноября (наш престольный праздник) мы уже служили. И первую службу в нашем храме совершал отец Павел.

Однажды в его храме в Никульском мы с ним вошли в Никольский алтарь, и он вдруг подал мне образ святителя Николая. «Вот, отец Григорий, мы, два старика, будем помогать тебе восстанавливать храм. А кто еще тебе поможет? Больше некому...» Эти слова тронули меня до самого сердца. А образ святителя Николая и сейчас находится в моей келье, я его

очень чту. Но самое главное, что на эти слова («Мы со святителем Николаем») батюшка имел духовное право...

Он все безропотно терпел, и все ему было хорошо. «Отец Павел, как ты себя чувствуешь?» — «Лучше всех, только глаза вот плохо видят». (Он говорил «плохо» — когда они вообще ничего уже не видели!) А давление у него бывало такое, что не хватало шкалы на тонометре. И при этом, если его звали служить, он вставал в любом состоянии и шел в церковь. Нам, молодым, так служить уже не по силам.

На престоле, в алтаре у него всегда был идеальный порядок, евхаристические сосуды соблюдались в особой чистоте. Он показывал всем нам пример, как надо относиться к святыням. А как он хранил Святые Дары! Положим, не было у него, по бедности храма, серебряной дарохранительницы — так был специальный хрустальный ковчежец. В храме чистота, пол выкрашен, подсвечники начищены, ризы постираны. Не было дорогих облачений, зато всё и всегда было аккуратно. Ведь с этого все начинается, и через внешнее познается внутреннее. Блаженной памяти митрополит Иоанн (Снычев)[1] всегда говорил, что неряшливый батюшка может принести больше зла для церкви, чем любой откровенный безбожник.

Отец Павел всегда вспоминал тех, кто в детстве, в молодости что-то дал ему, чем-то помог. Он всегда вспоминал их, до самой своей кончины.

А память у него была феноменальная. Он, например, и в старости помнил, сколько было в деревне, где он родился, Иванов, или сколько колодцев и какая в каком из них была вода. Поэтому неудивительно, что службу он знал наизусть и никогда в ней не сбивался.

Батюшка очень не любил, когда к нему приезжали люди весьма определенного склада, которые хотели бы обязательно получить от него какое-нибудь «откровение». Он говорил в таких случаях: «Да ведь я не ворожея, зря вы ко мне приехали!» Всякие досужие разговоры «про Антихриста», про Второе Пришествие он очень не любил вести. Навер-

[1] Высокопреосвященный Иоанн (Снычев; 1927–1995), митрополит Ленинградский и Новгородский с 1990 г.

ное, потому, что помнил евангельские слова: «Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему...»[1] Ведь чудо-то по-настоящему воспринять может только верующий, но настоящему верующему как раз и не нужно чуда...

Батюшка был очень осторожным в отношении благословения кого-то на священство. Некоторых он благословлял, но иногда он уклонялся от благословения и не брал на себя такой ответственности, как рукоположение неизвестного ему человека.

У отца Павла была мечта купить матери кружку. Юбилейную, с надписью «300-летие Дома Романовых». Как-то в 70-е годы, еще при митрополите Никодиме, с которым он дружил, батюшка поехал в Ленинград. Не один, а в сопровождении монахинь, еще тех, старых матушек. И вот, ходя по магазинам, в каком-то комиссионном они увидели то, что было нужно. И батюшка эту кружку купил своей матери, которая тогда еще была жива.

Но пока они бродили по городу, он сильно стер ноги, и поэтому, выйдя из магазина, снял сапоги. Посмотрел на часы и увидел, что опаздывает на поезд. Тогда он бросился бежать на вокзал босиком. Кружку в руках держит, а сапоги — через плечо.

Увидел его какой-то милиционер и подумал, что он эту кружку украл, и свистит ему. А отец Павел еще шагу прибавил. Народ говорит: «Гражданин, Вам свистят!» А батюшка отвечает: «Извините, у меня здесь родственников нет! Кому мне свистеть?»

Милиционер его-таки задержал. Кто, что? Он отвечает: «Игумен Павел Ярославской епархии». Проверили документы: «Больше по Ленинграду босиком не бегайте!» Приезжает он, наконец, на вокзал, а монахини там ревмя ревут: «А мы думали, отца Павла снова в тюрьму забрали!»

Известно, что батюшка часто ходил босиком — и летом и зимой. А однажды случился такой казус. Идет батюшка боси-

[1] Мф. 16, 4.

ком по зимней дороге, а его нагоняет на «Буране» один знаменитый полярник. Он тогда директором института в Борках был[1].

Догоняет и говорит: «Эй, поп, чего тут босиком ходишь?» — и начал сквернословить. А отец Павел отвечает ему примерно такими же словами. Полярник удивился и говорит: «О, да ты и матом умеешь ругаться?» — «А ты как думал? Я в лагерях одиннадцать лет провел!» — «И я умею — давай, кто кого!» Так и познакомились.

Примеров его прозорливости можно привести немало. Ну, вот хотя бы один, бывший со мной. Как-то раз я поехал к отцу Павлу с каким-то вопросом. А тайным моим желанием было то, чтобы он меня накормил скоромной пищей (шел тогда Великий пост). Когда я раньше постом к нему приезжал (естественно, не имея таких грешных помыслов!), у него на столе всегда оказывалось и молочное, и даже мясное... Но когда я приехал с такой тайной мыслью — на столе не было вообще ничего, и весь день отец Павел, можно сказать, проморил меня голодом. Тем самым он мне ясно показал, что главной моей целью была не пища духовная, а пища телесная. И уже в этом была явлена его несомненная прозорливость.

Однажды посетил батюшку какой-то иеромонах или игумен из Троице-Сергиевой Лавры. Дело было накануне праздника Крестовоздвижения. А у отца Павла подают на стол гороховый суп с мясом. Монах этот ложкой по миске своей бродит, бродит: «Это с чем же суп-то у тебя, отец Павел?» А Марья-келейница подходит к нему и говорит: «С чем суп — это ты где-нибудь повыше спрашивай. А здесь сиди и ешь, что дают!» А назавтра все мы служили вместе Литургию. И батюшка после службы старосте говорит: «Клавдия! Скажи Насте-поварихе, чтобы приготовила нам постного — да по-

[1] В Борках находился Институт биологии внутренних вод АН СССР, занимавшийся проблемами народнохозяйственного использования водохранилищ. Его организатором и первым директором, работавшим здесь с 1952 по 1972 гг. был Иван Дмитриевич Папанин (1894–1986) — советский полярный исследователь, Дважды Герой Советского Союза, доктор географических наук, контр-адмирал. В 1986 г. Институту было присвоено имя И.Д. Папанина. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

жирнее!» Конечно, делал он это не для того, чтобы пост нарушить, а для того, чтобы содрать с людей коросту фальшивой нашей «правдивости» и «святости».

Дар исцелений отец Павел тоже тщательно скрывал. Как скрывали его и все другие подвижники. Иногда он как бы невзначай ударял кого-то по больному месту — болезнь отступала. Зная это, многие прямо обращались к нему: «Отец Павел, побейте меня!», и он начинает колотить такого человека, как бы в шутку.

Но самым главным из его даров была молитва. Молитва постоянная, молитва умная, какая бывает только у святых людей. Которой так недостает нам... Ведь мы привыкли исполнять лишь молитвенное правило, да и то зачастую формально, а отец Павел пребывал в молитве постоянно, и его пастырская совесть не была связана никакими «куплями житейскими»[1]. Потому-то каждому вопрошавшему он мог дать исчерпывающий ответ на мучившие вопросы.

Сейчас, когда отца Павла уже нет с нами, о многом сожалеешь. Но время уходит, а благодарная память о нем сохраняется в сердце. И в храме на богослужении мы его поминаем о упокоении, и во время проповедей всегда ставим в пример как образец чистого служения Церкви и народу Божию. В день его Ангела собирается множество людей, бывших его духовными чадами, которых он благословил посещать наш храм и молиться в нем. Ведь он знал, что здесь будет находиться такая великая святыня — икона Божией Матери «Достойно есть», под покровом Которой и все мы сейчас пребываем...

Мне хочется вспомнить слова апостола, который говорил примерно так: в последние времена люди будут иметь благочестивый вид, силы же духовной уже иметь не будут[2]. Так вот, в отце Павле была духовная сила, которой он щедро делился с окружающими людьми. Потому-то они и чувствовали благодать Божию, духовную поддержку, защиту, подкрепление.

[1] 2 Тим. 2, 4.
[2] См.: 2 Тим. 3, 1-5.

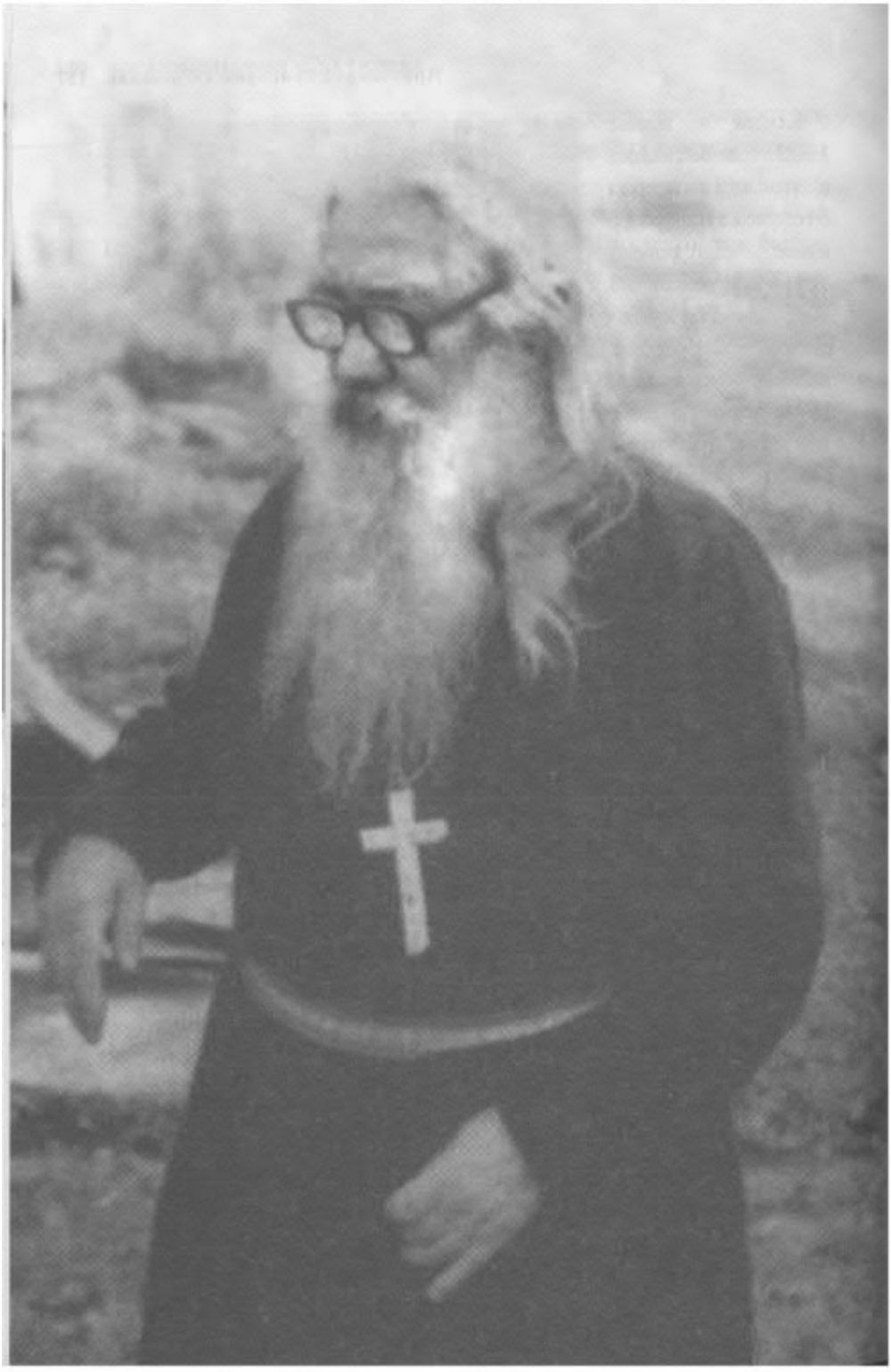
В Троицком храме у иконы Божией Матери «Достойно есть»

Когда в июне 1992 года батюшка в последний раз отслужил на празднике «Достойно есть» и уехал из Верхне-Никульского, — народ буквально осиротел. И я говорю не только о духовном сиротстве, это-то конечно. Замечательны были еще более удивительные вещи: во всей округе после его отъезда пересохли колодцы. Причем лето было не только не засушливым, но наоборот — дождливым! Господь явно показал всем нам, что бывает, когда в какой-то местности перестает молиться настоящий молитвенник.

Конечно, мы помним из Евангелия, что «не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем»[1]. Не все до конца осознавали, какой великий светильник жил и молился между нами. Не все почитали как должно отца Павла при его жизни. Зато когда мы поняли, что его с нами нет, — мы ощутили настоящую духовную потерянность. И ощущаем ее по сей день...

И все-таки, поминая его в наших слабых молитвах, мы надеемся на то, что он имеет дерзновение молиться за нас, грешных, пред Престолом Всевышнего. Что он помогает нам в нашем пути к главной цели христианской жизни. А цель наша одна — жизнь вечная...

[1] Мф. 13, 57; Мк. 6, 4.

Священник Георгий Захаров, клирик Троицкого храма, село Верхне-Никульское

Когда отца Павла не стало, мне показалось, что все потеряно, что опора пропала, что и обратиться-то не к кому. Я даже чуть в уныние не впал, тем более даже на похороны не смог попасть. Но оказалось совсем наоборот: чем дальше, тем он ближе, все время ощущаешь его рядом, все время вспоминаешь: а вот как бы в этой ситуации отец Павел сделал, что бы сказал. Это значит, он где-то присутствует и все время напоминает о себе. Тем более я сейчас служу в этом храме, в Верхне-Никульском, где он служил. Каждая мелочь — все напоминает о нем.

Была у меня такая история в общении с отцом Павлом. Он вдруг перестал допускать меня к исповеди. Я неделю готовлюсь — он говорит: «Рано тебе». Вторую неделю готовлюсь — опять рано. И так месяц, наверное. А я все готовлюсь к исповеди. Потом вдруг говорит: «Вот сейчас тебе самое время». Я эту службу и не помню, как отстоял — так радостно мне было. Когда на малой ектенье отец Павел вышел к хору, он мне показался раза в два выше ростом. Меня это поразило. Отец Павел такой маленький, а тут такой большой-большой на солее стоял. Потом я к нему причащаться подхожу, а он говорит: «Ну, вот теперь от тебя ничем и не пахнет». Домой я как на крыльях летел. И вот после его кончины он мне все время представляется большим и значительным — каким я его тогда в храме увидел.

Меня всегда поражала его простота. Вроде бы простой человек, все просто — а все время тянет именно к нему. Он и говорил: «Меня любят, потому что я простой». А эта простота —

В Троицком храме с прихожанами

ее ведь и понять невозможно. В чем она, простота? Никак не поймешь. Вроде если будешь вести себя со всеми запанибрата — это не простота, это неискренность какая-то. А у него это все искренне получалось, естественно. Он общался со всеми: от академиков до пьяниц последних. Со всеми находил общий язык, и все его любили. И никак ведь не скажешь, что он всем ласковые слова говорил — нет, он еще как обличал! А все равно к нему тянулись. И еще меня поражали его предсказания. Я ему как-то прямо сказал: «Батюшка, откуда ты знаешь?» А он говорит: «Юрка, почем я знаю, ничего я не знаю. Выдумываешь». А ведь было же!

То, что я священником буду, он мне никогда не говорил прямо. Но очень много было для меня назиданий, прямо касающихся священнических дел. Я художником был, а он мне все время показывал: «Служить больше». Почему он мне тог-

У дверей Троицкого храма

да рассказывал: «Вот я сегодня послужил, завтра послужу, еще послужу»? Почему о служебных делах говорил, о священниках, об их поведении (он иногда очень критически относился к некоторым священникам)? И сейчас только задним числом я вспоминаю его слова и этими назиданиями пользуюсь как руководством по службе. Так что нет, он не умер, он всегда рядом со мной.

Иеромонах
Павел
(Груздев)

Архимандрит Кенсорин (Федоров), духовник Спасо-Елеазаровского монастыря[1]

Монашеский постриг я принял в 1957 году в Псково-Печерском монастыре[2]. Спустя некоторое время приехали в монастырь семь валаамских старцев. И вот, по милости Божией, мне восемь лет довелось за ними ухаживать. Множество людей посещало этих великих праведных старцев, и приехал как-то из Ярославской епархии отец Павел, архимандрит. Тогда, в 60-е годы я с ним встретился в первый раз. Я не слышал ничего о нем, поэтому и благословения не взял, и все прошло в каком-то забытьи.

Спустя уже 20 лет мне захотелось посетить свою родину. Родом я с Ярославщины, Борисо-Глебского района, деревня Степаново. В Ярославле у меня племянник, в Костроме сестра живет, вот мне и захотелось съездить. Ростов Великий я посещал в детстве, ходил в храм Иоанна Милостивого пешком вместе с мамой. Потому что храма-то ближе и не было, как только в Ростове. И вот теперь, когда я приехал в Ярославль, я уже много слышал об отце Павле и решил поехать к нему на приход, его проведать.

[1] Расположен в 25 км к северу от Пскова, близ Псковского озера. Основан прп. Евфросином, Псковским чудотворцем († 1481) в начале XV в. В XVI в. здесь подвизался старец Филофей, которому принадлежит идея Москвы – Третьего Рима, России как хранительницы истинного православия. С 1908 по 1915 гг. в обители подвизался старец схиархим. Гавриил (Зырянов). В настоящее время древнейший монастырь на Псковской земле возрождается.

[2] Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь расположен в 43 км от Пскова, годом основания считается 1473. Монастырь всегда был духовным центром псковской земли. Здесь подвизались известные старцы: схиархим. Пимен (Гавриленко), архим. Афиногеи (Агапов), иеросхимонах Сампсон (Сиверс) и др. Традиция старчества не прерывается и поныне.

Псково-Печерский монастырь. *Фото 1950-х годов*

Пришел на вокзал. Смотрю — людей видимо-невидимо. Спрашиваю:

— Куда вы едете?

— А к отцу Павлу.

У него праздник был престольный, кажется, «Достойно есть», иконы Божией Матери. Стал я разговаривать со старушками, одна и говорит:

— У меня, батюшка, такой случай интересный был с отцом Павлом.

— А что случилось?

— А вот, — говорит, — приехала я к отцу Павлу поздравить его с днем Ангела. Я только на порог, а он тут же: «Поезжай срочно домой!» Я в слезы: «Батюшка, да я к Вам приехала помолиться, Вас поздравить с праздником». — «Срочно, срочно поезжай домой!» Меня чуть не втолчки выгнал. Ну, пришлось ехать. Приезжаю, а на кухне у меня трубу прорвало, уже все залито водой. Если бы не приехала, вообще было бы целое стихийное бедствие.

Доехали мы до Рыбинска, там еще толпа людей собралась. Конечно, с трудом добирались. Когда приехал в его храм,

Приезд в Псково-Печерский монастырь валаамских старцев. Сидят, слева направо: первый — схиигумен Лука, третий — схимонах Герман, четвертый — архиепископ Иоанн (Розумов), пятый — схимонах Николай. Стоят, слева направо: второй — игумен Алипий, пятый — настоятель архимандрит Августин, седьмой — монах Кенсорин

уже шло богослужение. Подхожу я к отцу Павлу (а он уже был слепенький, ничего не видел). Спрашивает:

— Как звать?

Я говорю:

— Отец Кенсорин.

— А, отец Кенсорин. Я был у вас, помнишь, у старцев в Псково-Печерской обители?

Я его как будто впервые вижу, а он слепой, сразу вспомнил все. А потом говорит:

— Какой ты был!

Я понял, что какой я был, а какой стал. Как-то он меня этим немножко обличил. И уже греховность мою, наверное, провидел.

Потом мне говорят, что вот с Толги приедут утром игуменья и хор. Мне показалось странным, что в такую даль, за 150 километров поедут к старцу столько людей. Мы помолились, богослужение было очень торжественное.

Потом пошли на ужин. Отец Павел радостный очень, всегда какие-то шутки-прибаутки вставлял в разговор. «Я, говорит, старинный монах». Просидел он много лет в заточении, а когда стали выпускать, он спрашивает: «Товарищ начальник, а за что ж я просидел 11 лет?» А начальник говорит: «Простите, батюшка, просто по ошибке».

Утром действительно приехали отец Евстафий и полный автобус монахинь с Толги. После службы я хотел еще с батюшкой пообщаться и говорю: «Батюшка, может, благословите остаться?» А он отвечает: «Нет, ни в коем случае. Поезжай со всеми на автобусе». И когда я приехал в Ярославль, те, которые остались, потом говорили: «С таким трудом мы добирались обратно, очень много было препятствий». Видимо, отец Павел прозрел это и благословил меня вместе с отцом Евстафием возвратиться.

Еще была у меня встреча с ним в Тутаеве. Мы приехали с одной женщиной, которая помогала мне в восстановлении Святогорского монастыря[1], когда я там был наместником. Ей очень хотелось посетить старца, чтобы взять благословение. Я и говорю: «Поедем, Валентина, в Тутаев. Там есть старец блаженный». По милости Божией попали мы к нему. Я свои вопросы решал, спросил, надо ли мне уходить из монастыря: мне здоровье не позволяло в монастыре. Мы с ним мало беседовали. Но вот эта женщина, Валентина, рассказывала: «Я мысленно задавала ему вопросы, и он на мысли мои отвечал».

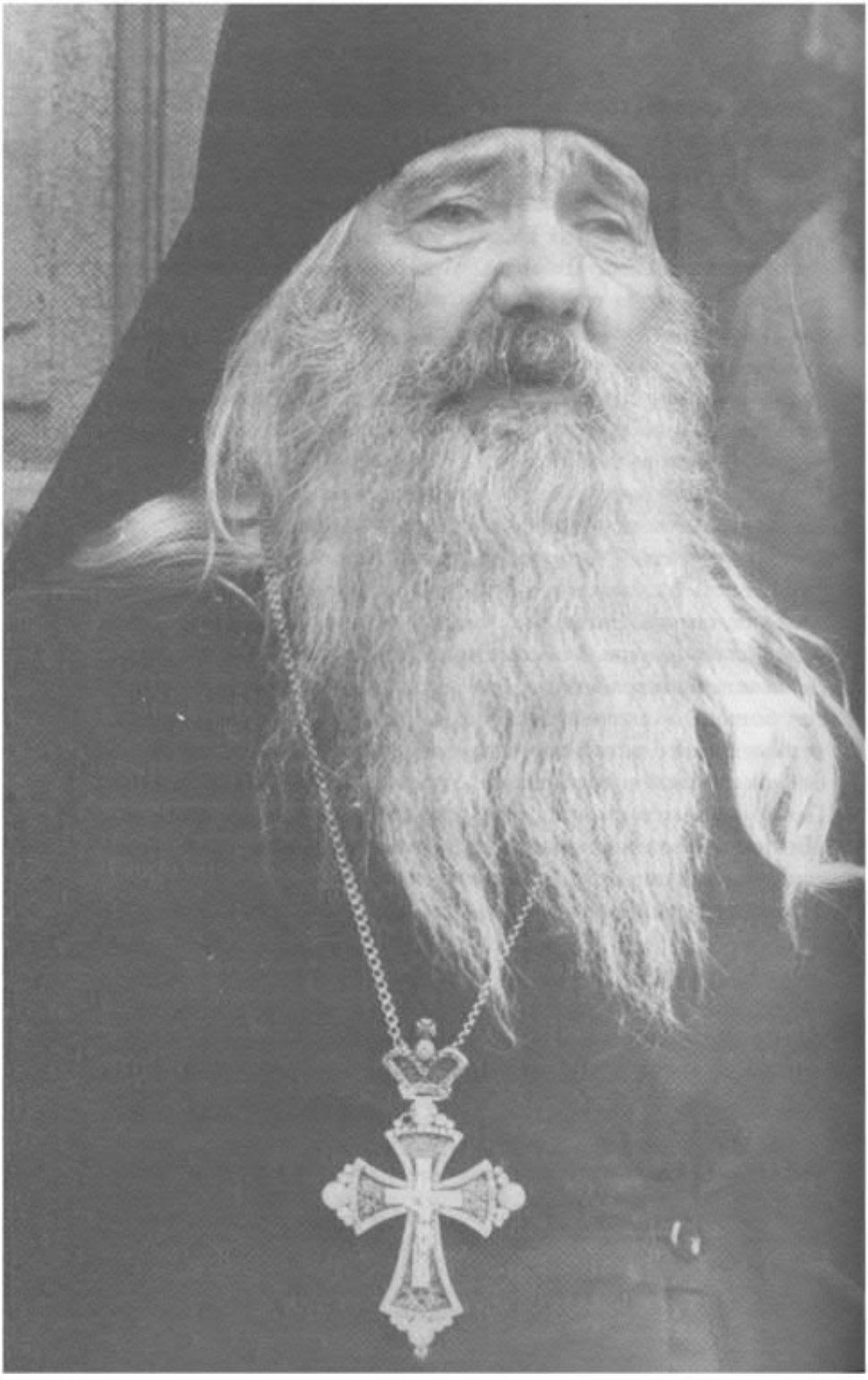
Вот и мне показалось, что он прозорливый был. Хотя ничего особенного он мне не сказал. Слава Богу, что Господь привел меня к нему. Это милость Божия. Жаль, что такие праведные старцы уходят. Я и сейчас чувствую его молитвами милость Божию.

[1] Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь основан в 1569 г. на Святой горе (прежде Синичьей) псковским наместником кн. Юрием Токмаковым на месте чудесных явлений икон Божией Матери «Одигитрия» и «Умиление» и в связи с чудесами, бывшими от этих икон. В обители есть и третья чудотворная икона Божией Матери, «Феодоровская». Внутри монастыря кладбище, где погребен А.С. Пушкин, его мать, отец, дед и бабушка.

Много воспоминаний передают люди, которые с ним общались. Как-то я случайно приехал в Сосновый Бор (это под Санкт-Петербургом), и там женщина рассказывала, Татьяна ее зовут, что она духовное чадо отца Павла, много раз к нему ездила. Очень она отца Павла почитает.

Он всех называл «Ванька», «Манька», «Сашка». «Простите, говорит, меня грубостям в тюрьме научили. Стесняюсь даже, бывает, у меня выскакивают грубости в разговоре». Но это он, может, немножко юродствовал. Специально, чтоб его не считали праведным человеком. Многие святые старались свою праведность скрывать от людей. Это тоже в нем всегда чувствовалось.

Отец Павел очень был внимательный в богослужениях. Дьякон запнулся, не мог последние слова евангельского чтения сразу найти — батюшка по памяти прочитал их сам. Был уже слепой, а служил. И в глубокой старости у него была прекрасная память. Это тоже говорит о многом. Когда человек ведет благочестивый образ жизни, то у него всегда ясный ум. До конца просвещается. Чем больше его жизнь преклонна, тем больше он насыщается умом. Наркоманы, пьяницы, распутные люди быстро глупеют и перед смертью делаются совсем уж какими-то дурачками. У меня старец был, в Псково-Печерском монастыре, отец Никита. Он всегда повторял: «Если кого Бог хочет наказать, отнимет ум». А когда человек святую жизнь ведет, то у него всегда светлый ум и ясные очи. Таким был отец Павел.

Иеромонах Борис (Шпак), начальник подворья Коневского Рождества Пресвятой Богородицы монастыря в Санкт-Петербурге[1]

С отцом Павлом я впервые встретился в 1987 году, когда был трудником Свято-Данилова монастыря. Я уже тогда много слышал о нем, и потому ехал к нему с великим трепетом и благоговением. Ведь это старец! Как я увижу его? Что он мне скажет?

И ожидание меня не обмануло. Встреча с отцом Павлом все перевернула во мне. Впрочем, встреча с ним ни для кого не могла пройти бесследно. Впервые в жизни я узнал человека, прямо глядящего на окружающую нас реальность, видящего любой предмет так, как он есть.

В том числе и монашество. А ведь монашество — настолько непростая вещь, что и мы, монахи, зачастую плохо понимаем суть монашества. И именно встречи с отцом Павлом стали своего рода вехами на моем монашеском пути.

Уже будучи на Валааме, мы, вдвоем с одним братом, приехали к отцу Павлу. Был праздничный день, и батюшка пригласил нас служить Литургию. А перед началом Литургии мы попросили, чтобы отец Павел нас исповедал. И вот он пригласил нас к престолу. Мы подошли. «Ну, исповедайтесь!» — сказал он. Тут мы растерялись: кто из нас должен начать?

И тогда он взял нас обоих, приобнял за головы, прижал к себе и сказал нам все те грехи, в которых мы собирались ему исповедоваться. За себя-то я отвечаю точно, но и по лицу собрата я понял, что он услышал от батюшки то же самое. И

[1] Ранее — иеромонах скита Всех Святых на Валааме.

после этого отец Павел открыл Евангелие и сказал: «Братья! Прочтите это место, оно для вас».

Второй такой исповеди, наверное, не было в моей жизни. Во-первых, по тому горячему чувству покаяния, которое я пережил, а во-вторых — по какому-то удивительному ощущению, что Господь простил и разрешил наши грехи. Отпустил их по молитвам старца.

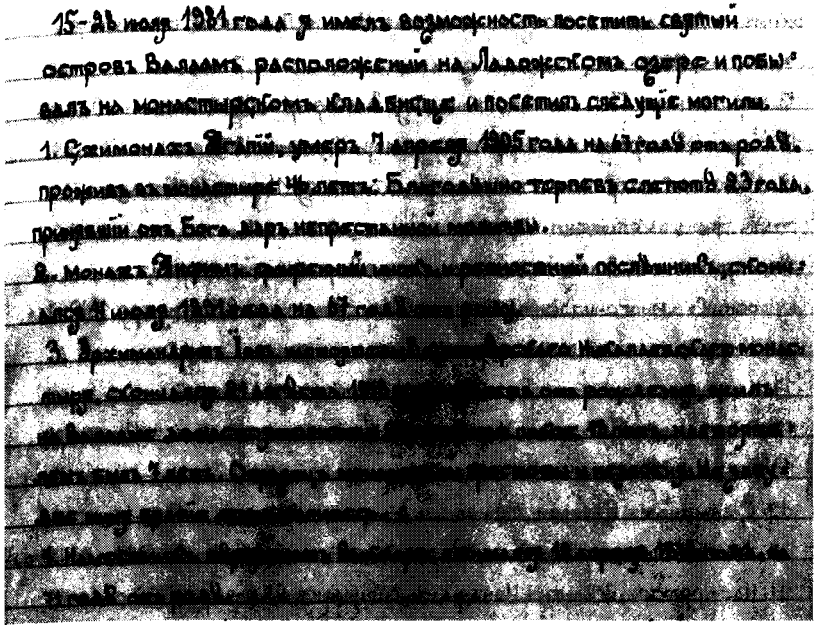
Потом мы служили Литургию. Казалось бы, что особенного? Деревенский приход, хор из стареньких бабушек, а нам казалось, что мы на седьмом небе. После службы батюшка вывел нас на амвон и сказал: «Братия и сестры! К нам приехали монахи с дальнего Валаама. Раньше это был цветущий монастырь, а нынче он лежит в развалинах. А потому, бабушки и дедушки, складывайте деньги, жертвуйте на обитель!»

Сами понимаете, немного могли пожертвовать полунищие старушки. В лучшем случае — рубль или три, а в основном — медь да серебро. Но дороже этой малой лепты, этих скудных копеечек для нашего монастыря, кажется, никогда никакой жертвы не было. Потому что эта жертва давалась не от избытка, а от бедности...

Отец Павел всегда любил Валаам, живо всем интересовался. Как там у вас сегодня? Много ли братии? Что нового отремонтировали или построили? И никогда мы не уезжали от него с пустыми руками. Он подарил нам напрестольное Евангелие, дарил много икон. Но главное — нас поддерживала его любовь к Валааму, его молитвы за нас. И мы всегда считали отца Павла своим ктитором[1] — духовным ктитором, к которому многие из нашей братии обращались за поддержкой. И никто не уезжал от него не утешен.

Он ставил каждого из нас в те рамки реальной монашеской жизни (без восторженности и экзальтации), в которых только эта жизнь и возможна. И человек начинал понимать, насколько важно монаху иметь реальный взгляд на все окружающее.

[1] Ктитор — в Византии и Древней Руси создатель и попечитель храма или монастыря.

Фрагмент записи отца Павла о посещении острова Валаама в 1981 г.

Хочу вернуться еще к той службе у отца Павла, о которой рассказывал выше. Вслед за батюшкой мы причастились, а потом положено священникам прочесть благодарственные молитвы. И мой собрат, зная, что отец Павел плохо видит, предложил: «Батюшка! Давайте, я прочту благодарственные молитвы?»

И тут отец Павел посмотрел на нас каким-то отстраненным взглядом, тяжело вздохнул и тихо так, смиренно ответил: «Братия! Я уже поблагодарил Господа в своем сердце». И так он сказал эти слова, что мы просто растерялись. Ибо мы воочию увидели какую-то высшую, неземную степень молитвы и духовности. Потому что все чины, чинопоследования церковные существуют для нас, немощных людей. А когда человек достигает духовного совершенства, когда он просветлен благодатию — все чинопоследования остаются для него второстепенными. Ибо общение с Богом происходит у него на личном уровне.

Таким духовно совершенным был и отец Павел...

На фото крайний слева — иеромонах Фотий

Иеромонах Фотий (Бегаль), подворье Валаамского монастыря в Приозерске, храм Святой Троицы

Каждый семинарист, поступив в Семинарию, сразу начинает решать, какую выбрать стезю в своем будущем служении. То ли жениться и стать приходским священником, то ли пойти иноческим путем. И я не был в этом исключением. С первых же дней моей учебы (а это был 1982 год) меня волновал вопрос, какой путь избрать.

Как-то раз я высказал свою тревогу другому семинаристу. А он ответил, что такие вопросы надо задавать старцу и что он знает одного благодатного старца — архимандрита Павла (Груздева).

Наступил Великий пост 1983 года. Вдруг этот мой товарищ сообщает мне, что отец Павел приехал к нам в Семинарию[1]. И даже из окна показал, как батюшка шел по двору и входил в дверь Академии. Но в этот раз встретиться не пришлось — слишком много людей окружало отца Павла.

Спустя некоторое время, стоя в Покровском храме Академии за Литургией, я неожиданно увидел отца Павла служащим в алтаре. Меня сразу залихорадило: как к нему подойти? Как о себе рассказать? Как объяснить свою нужду?

Служба шла своим чередом, я успевал следить за отцом Павлом и вдруг, после запричастного стиха, увидел, как отец Павел вышел из храма. Конечно, я очень этому огорчился. Но вот закончилась Литургия, служащий священник вышел

[1] По свидетельству прихожан из Верхне-Никульского отец Павел, пока не потерял зрение, во время Великого поста дважды, на третьей и на пятой неделе, ездил исповедаться и причащаться в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. У отца Павла было Евангелие, написанное монахами из Лавры специально для него большими буквами.

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

из алтаря, и все пошли ко кресту. И вдруг в храме неожиданно снова появился отец Павел. Он направлялся к кресту, и тут меня что-то к нему подтолкнуло. Я вышел из толпы и оказался лицом к лицу со старцем. Отрывистыми невразумительными фразами я пытался объяснить, кто я и кто должен был меня с ним познакомить.

Батюшка спокойно слушал мою взволнованную речь и вдруг, внимательно на меня посмотрев, воскликнул: «А, Васька... Монахом будешь!»

Я опешил. Ведь как раз о монашестве-то я еще и не успел его спросить! И тут же понял, что в словах отца Павла прозвучала для меня Божия воля. После этого в душе моей все как-то сразу улеглось на свои места. Я поверил, что именно этот путь, скорбный путь иночества, предначертан мне Господом. И я стал, как мог, готовить себя к монашескому пути...

Вспоминаю еще одну встречу с отцом Павлом в Лавре. Я уже знал его, поэтому смог сразу пойти в Троицкий корпус,

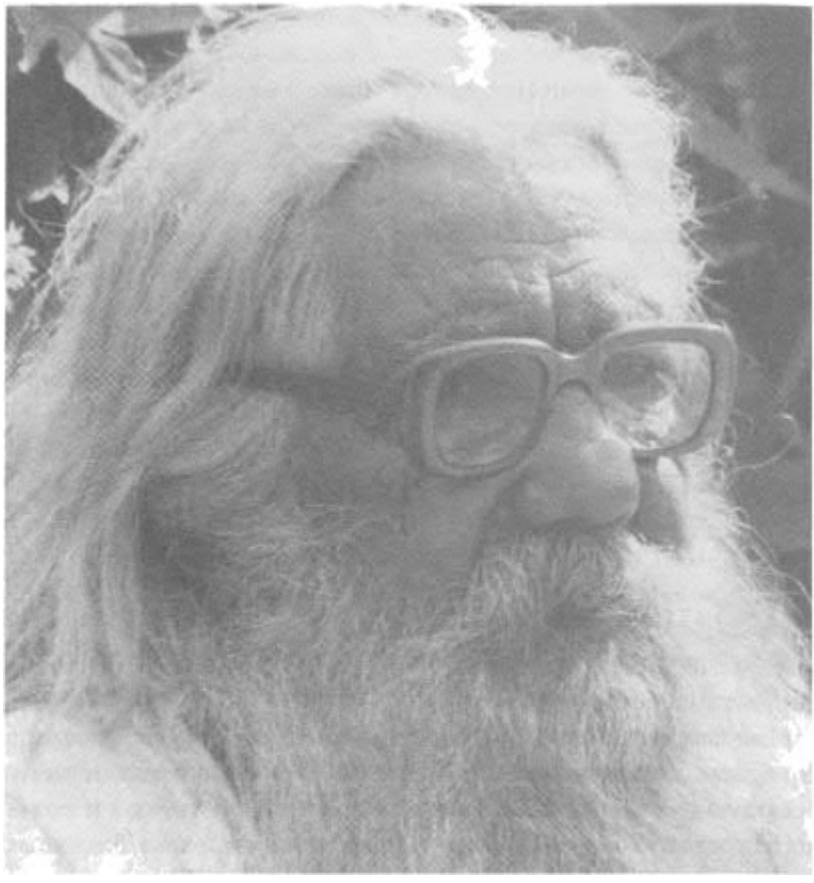
где он остановился. Я поприветствовал его и взял благословение. В этот его приезд мы с ним пошли в Троицкий собор, к мощам преподобного Сергия. И вот когда мы проходили мимо лавки, где выдают освященное маслице, вдруг батюшка говорит мне: «Сбегай, посмотри, лавка-то открыта?» И тут мне приходит помысл: а где же его прозорливость? Я сбегал, лавка оказалось закрыта. Как же так? Неужели он не знал, открыта она или нет? И только позже, со временем я понял, что прозорливость – это не ясновидение. Это дар Божий, дающийся человеку особой духовной чистоты и силы. И дается этот дар не для каких-то мелких гаданий, а как свидетельство Божиего света в этом грешном и бездуховном мире. Прозорливость дается старцу для окормления тех, кто приходит узнать Божию волю о самих себе. Но бывает так, что воля Божия о каком-то конкретном человеке закрыта и для старца.

Потом я стал монахом, иеродиаконом, иеромонахом, и все продолжал ездить на приход отца Павла в село Верхне-Никульское. И каждый раз удивлялся, с какой любовью, с каким отеческим тактом встречал отец Павел нас, молодых и неопытных семинаристов.

Мне запомнились его исповеди. Однажды я, сослужа ему, совершал проскомидию, а отец Павел исповедовал. К нему подошла исповедоваться старушка, склонила голову и только открыла рот, чтобы начать говорить, как вдруг батюшка накрыл ее епитрахилью и перечислил все, в чем ей подобало каяться. И напоследок напутствовал: «Смотри, больше так не греши!»

Перед Литургией исповедовался ему и я. Помню, как-то раз стал перечислять свои грехи и немощи и вдруг почувствовал, что отец Павел меня не слушает, а думает о чем-то своем. Но после исповеди он неожиданно строго произнес: «Какой бы монах ни был – за ним Господь. Потому, как монаха ни черни – чернее мантии не будет!» И я ощутил, что ему открыта моя душа и без моих немощных слов.

Великая радость была – сослужить ему Божественную литургию. Как-то раз был со мной один семинарист, который не готовился к Причастию. Но батюшка, приглашая всех

нас, вдруг спросил его: «А ты чего, не будешь причащаться?» – «Да нет, я не готов», – отвечал тот. «Причастися, причастися», – сказал отец Павел. И причастил его. Такое дерзновение... Да, он имел дар молитвы и мог испросить у Бога прощения грехов любому, кто имел внутри покаяние.

Однажды к отцу Павлу приехало несколько священников сразу. Они просили его исповедать их. И что же? Он вывел их на улицу, показал рукой: «Вон там за алтарем валяется железо. Сложите его как следует – это и будет ваша исповедь!"

Его дар прозорливости я испытал на себе. Незадолго до своей кончины, в каждый мой приезд, отец Павел начал время от времени спрашивать меня: «А ты-то приедешь на мои

похороны?» Я, конечно, отвечал, что буду стараться. Но он, бывало, помолчит, посмотрит в мою сторону, махнет рукой и скажет: «Нет, не приедешь...» Меня огорчали его слова, к тому же я не мог понять, что может мне помешать приехать к нему на похороны.

И вот я поехал к себе на родину, на Украину. Съездил в Почаевскую Лавру, вернулся к себе в деревню, и тут сосед, у которого единственный на всю деревню телефон, сообщает, что на мое имя пришло печальное известие: отец Павел умер. Была суббота, 13 января, канун праздника Обрезания Господня и памяти Василия Великого, а похороны назначены были на понедельник, 15 января. А до Тутаева — полторы тысячи километров. Понятно, что я не успевал. И тут-то я вспомнил слова батюшки, повторенные им несколько раз...

И еще, я постарался вспомнить, где был в момент батюшкиной смерти. Оказалось, мы стояли тогда на Литургии в Почаевской Лавре, и я молился о здравии болящего архимандрита Павла.

Ехали мы быстро, старались успеть. В Ярославле спросили, как проехать в Тутаев с его левого берега, потому что решили ехать не в Воскресенский собор, где отец Павел жил в сторожке последние годы, а прямо на кладбище, на левый берег. Милиционер подсказал нам дорогу. А когда приехали — оказалось, что он ошибся, и мы оказались все же на правом берегу. Я понял, что мы опоздали. Но все равно надо ехать на кладбище, чтобы хоть на свежей могиле батюшки послужить панихиду. И тут я вспомнил свой самый последний разговор с отцом Павлом.

Дело было так. Мы сидели в его комнате втроем, он, келейница Мария Петровна и я. И батюшка, задумавшись, говорит мне: «Вот приедешь сюда, переедешь на ту сторону Волги и возглавишь...» А было это летом, после праздника преподобного Сергия Радонежского[1]. И я подумал, что батюшка говорит о празднике Нерукотворенного Спаса[2], ког-

[1] 5 (18) июля — Обретение честных мощей прп. Сергия, игумена Радонежского (1422).
[2] 16 (29) августа — Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворенного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа (944).

да здесь, в Воскресенском соборе, совершается великое торжество и крестный ход с чудотворной иконой Спасителя. Но почему я должен возглавить этот крестный ход? Наверное, он спутал меня с архимандритом Евстафием, настоятелем Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря? И потому я так осторожно начинаю: «Батюшка, может, вы меня с отцом Евстафием спутали?» Ведь я же знал, что он видит плохо, да к тому же возраст, болезни...

Отец Павел взглянул на меня и спрашивает: «А ты кто?» — «Иеромонах Фотий», — отвечаю. Тогда батюшка как-то махнул рукой и сказал: «А-а...»

И я в тот момент как будто убедился, что отец Павел действительно меня перепутал. Но это в тот момент. А сейчас, когда мы приехали к собору и все увидели, как народ возвращается с погребения по скованной льдом Волге, — сейчас я понял, что слова батюшки были пророческими, что все сбылось. И то, что я не успею на похороны, и то, что теперь я должен буду сам возглавить панихиду на кладбище, поскольку из всех моих спутников я один имел священный сан...

И вот мы поехали на кладбище, чтобы послужить панихиду. Сразу после похорон начался снегопад, и когда мы приехали на могилку, она вся уже была занесена снегом. Ни свежей земли, ни следов людей — сплошной белый покров.

Это были незабываемые минуты... И если сначала мне было обидно и больно, что я опоздал на погребение, то к концу панихиды удивительное утешение посетило наши души. Конечно, по батюшкиным молитвам.

Потом мы вернулись назад, в ту сторожку при Воскресенском соборе, где жил отец Павел, и стали в тесном кругу почитателей вспоминать своего батюшку. То великое дело, которое он делал, ту любовь, которую он имел ко всем нам.

На память о нем мне досталась икона Архистратига Михаила, писанная его теткой, инокиней Кирилло-Афанасьевского монастыря Ольгой. И когда я поместил этот образ в своей келье, я ясно ощутил его великую намоленность и духовную защиту.

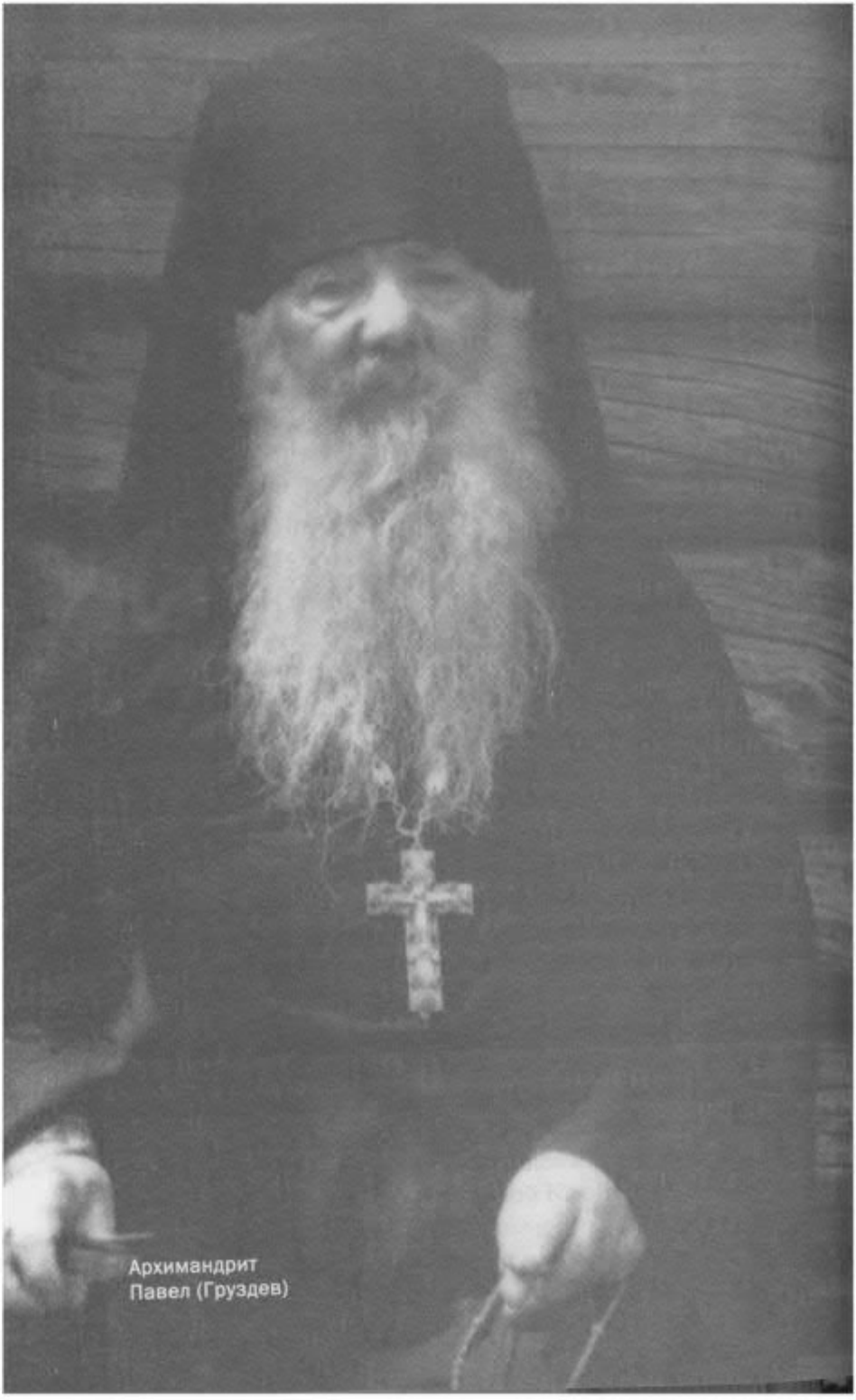
После смерти отца Павла все его духовные чада, конечно, ясно чувствуют, что он и сейчас не забывает, не оставляет никого из нас. Молясь о его упокоении, я часто ощущаю его ответное духовное дерзновение, которое он заслужил у Бога своими страданиями, своим подвигом.

В день похорон архимандрита Павла (Груздева)

Вообще в последние годы, видя его такие частые и такие тяжелые болезни, я часто задавался вопросом: неужели одиннадцать лет тюрьмы и ссылки, гонения и страдания всей жизни не искупили его человеческих грехов? Но теперь я понимаю, что его страдания были страданиями за грехи всех нас, его чад...

В Лавре был покойный келарь, архимандрит Вениамин, очень почитавший отца Павла. И вот, при одной из встреч отец Вениамин со слезами на глазах говорит отцу Павлу: «Батюшка, я такой недостойный и грешный, — помолись, прошу, о моих немощах!» Отец Павел поднял свой взор к Небу, перекрестился и ответил: «Я помолюсь, чтобы Господь на той лесенке, которую я всю жизнь строил к Небу, несколько ступеней уделил и тебе, брат...»

Архимандрит
Павел (Груздев)

Игумен Ефрем (Виноградов)[1]

Осенью 1990 года, когда Вологодская епархия получила, наконец, документы о передаче ей части зданий, принадлежащих «комплексу архитектурных памятников Спасо-Прилуцкого монастыря», правящий архиерей — Вологодский архиепископ Михаил — должен был назначить кого-то на должность наместника. В те годы в епархии еще не было ни одного действующего монастыря, а потому все пятеро монахов служили приходскими священниками. Выбор у архиерея был небольшой. От одной мысли о возможности такого назначения меня бросало в холодный пот, и я начинал лихорадочно перебирать в уме варианты, с помощью которых мог бы избежать нежелательного назначения.

У меня были совсем другие планы. В конце 80-х с большим трудом удалось организовать восстановление огромного храма в честь Казанской иконы Божией Матери в городе Никольске. Этот крошечный одноэтажный городок с деревянными тротуарами, затерявшийся в глухих лесах северо-востока Вологодской области, являлся районным центром, хотя многие из его жителей никогда не видели железной дороги.

В этих дивных по красоте местах, где природа еще не подверглась варварскому уничтожению, я собирался обосноваться надолго и задумал устроить келью в лесу для уединенной монашеской жизни. Но теперь, узнав о передаче монас-

[1] Печатается в сокращенной редакции по материалам статьи «Воля Божия и воля человеческая» в «Православной газете для простых людей», 2002 г., № 6 (36).

тыря епархиальному управлению, я не на шутку испугался: все мои планы и мечты об уединенной молитвенной жизни могли рухнуть в одно мгновение. Кроме того, пугало и другое: немало за свою жизнь пришлось мне повидать людей, для которых духовная власть явилась непосильным испытанием. Их быстрое нравственное и духовное разложение было для меня страшным предостережением, напоминающим о том, что человеку, в котором еще бурлят страсти, и в первую очередь, — страсть тщеславия, — смертельно опасно занимать высокую должность. Но по временам я замечал, как эта страсть шевелится и в моей душе, а потому очень опасался любого высокого назначения, не желая чтобы она получила дополнительное питание для своего пагубного развития.

Но это еще не все. Два года напряженного труда в качестве архитектора, прораба, строителя, верхолаза, плотника, стекольщика, экономиста и снабженца совершенно выбили меня из моего обычного молитвенного ритма. Я просто физически не мог выполнять полностью свое монашеское правило, к которому привык еще в ту пору, когда служил вторым священником на прежнем своем приходе. Все это являлось для меня причиной большой скорби, так как я отчетливо чувствовал свое духовное ослабление.

«Вот закончу, — думал я, — стройку, пущу в храме отопление, а тогда уж буду молиться как раньше, и постепенно верну себе прежнюю молитвенную "форму"».

Мечта о келье, размером с баньку, в сосновом бору на безлюдном берегу прозрачной реки становилась, наконец, абсолютно реальной, близкой и легко достижимой...

Вскоре, на храмовый праздник Казанской иконы Божией Матери в Никольск прибыл архиепископ Михаил. За час до его приезда, 3 ноября 1990 года, в храме впервые заработало водяное отопление. На другой день, после праздничной Литургии, внимательно осмотрев все, что было сделано, владыка уехал, ничего не сказав. А через некоторое время я получил от него телеграмму с требованием явиться в епархиальное управление. Тяжелое предчувствие овладело душой,

Спасо-Прилуцкий Димитриев монастырь

но что было делать?! Надо садиться на «кукурузник» и лететь в Вологду.

После вечерней службы архиепископ, которому было уже около восьмидесяти, пригласил меня к себе на ужин. Мы сели к нему в машину и несколько минут ехали молча. Вдруг владыка повернулся ко мне и... словно обухом по голове рубанул:

– Отец Ефрем, я должен вам сообщить, что назначил вас наместником Спасо-Прилуцкого монастыря. Документы уже отосланы в Святейший Синод. На днях, надеюсь, я получу подтверждение этого назначения после очередного заседания Синода.

Кровь толчком хлынула к голове, в ушах зазвенело. Такого оборота дел я не ожидал. Понимая, что отказываться уже бесполезно, я, тем не менее, сделал пробную попытку и сразу почувствовал, что владыка отступать не намерен. Он начал «кипятиться», и я сменил тему разговора...

В декабре в Вологде темнеет рано. Выйдя из одноэтажного деревянного архиерейского дома с громким титулом «резиденция» (хотя он ничем не отличался от окружающих строений), я оказался в темном переулке. Далеко впереди, сквозь хлопья косого снега синим мертвящим светом тускло

светил фонарь. Я шел против ветра мимо почерневших от времени палисадников, глубоко надвинув на лоб старенькую скуфью, и напряженно обдумывал план дальнейших действий. Мне было ясно: любым способом нужно избежать нежелательного назначения. Вдруг мне в голову пришла мысль: хотя от почетных должностей монаху отказываться, конечно, похвально, но и на это все-таки необходимо брать благословение. Не должен монах даже доброе дело начинать без духовного совета со старцем. Я прыгнул в троллейбус и отправился прямо на железнодорожный вокзал, чтобы завтра быть уже у отца Павла в небольшом селе под Рыбинском. Билет купил до Ярославля.

Перед тем как уснуть под успокаивающий стук колес, я непрестанно молился, чтобы Господь открыл мне Свою волю через отца Павла. В Ярославль поезд прибыл глубокой ночью, а первая электричка на Рыбинск уходила только в 6 часов. Я устроился в кресле на галерее второго этажа вокзала и снова, пока не задремал, молился о Божием вразумлении через старца, обещая, что непременно выполню все то, что Господь откроет ему для моей пользы.

...Я сошел за Рыбинском, на станции «Шестихино», и сел в полупустой автобус. Заснеженными полями и перелесками он осторожно пробирался через заносы к остановке «Верхне-Никульское». Отсюда хорошо была видна церковная колокольня. Чтобы не делать крюк, я отправился напрямую по утоптанной тропе пешком через поле. У самой церковной ограды взглянул на часы: было около часу дня. Неприятно взвизгнула на морозе кованая узорчатая калитка. Вокруг сторожки не было видно ни единого следа. Значит, сегодня в дом никто не входил и никто из него не выходил. Выпавший ночью снег был девственно чист.

С хрустом проминая целину, я добрался до двери и постучал. Пришлось немного подождать, прежде чем я услышал шаги, и дверь открыла мать Мария — келейница отца Павла. Она всегда встречала гостей очень сурово. Я не был исключением.

— Чего надо? — грубовато спросила она, просунув в щель только голову.

У сторожки Троицкого храма в селе Верхне-Никульском

Я знал, что она даже Патриарха так встречает, оберегая молитвенный покой старца, а потому не удивился и спокойно ответил:

– Передайте, пожалуйста, отцу Павлу, что его хотел бы видеть иеромонах Ефрем.

– Сейчас спрошу.

Захлопнув дверь перед моим носом, келейница скрылась в сторожке. Однако не прошло и минуты, как дверь отворилась настежь, и мать Мария, широко улыбаясь, пригласила меня войти. В коридоре было темно, а когда за моей спиной захлопнулась уличная дверь, наступил полный мрак. В последний момент я, правда, успел разглядеть коренастую фигуру старца, который держал высоко над головой какую-то икону. Когда глаза немного привыкли, я заметил, что сквозь маленькое пыльное окошко в конце коридора прорывался тонкий луч света. Он падал на старца со спины, создавая во-

круг него едва уловимое мягкое свечение. Когда я приблизился, отец Павел резким, грозным голосом остановил меня приказом:

— На колени!

Не рассуждая, я упал перед ним на колени. Он подошел, перекрестил меня иконой и поднес святыню к моему лицу:

— Целуй.

Я перекрестился и поцеловал икону. Тогда старец спросил:

— А ты знаешь, что это за икона?

Единственный источник света — маленькое окошко под потолком, находилось у него за спиной, и я, конечно, не мог увидеть, что было изображено на толстой иконной доске.

— Это икона Димитрия Прилуцкого! — торжественно объявил отец Павел.

Я был потрясен до глубины души. Димитрий Прилуцкий основал тот самый монастырь, убежать от настоятельства в котором я сейчас и пытался. Уроженец Переславля Залесского, преподобный Димитрий в 1372 году остановил свой выбор на излучине (при луке́) реки Вологды, где и возник Спасский монастырь, названный по месту Прилуцким. Так вот, именно иконой первого настоятеля и основателя этого монастыря, Димитрия Прилуцкого, меня и встретил отец Павел! И откуда у него такой редкий образ?! Нигде, кроме Вологодского музея, я не встречал больше иконы преподобного Димитрия Прилуцкого. Не было ее ни у меня, ни у кого из моих прихожан. Теперь легко представить, как я был поражен, когда понял, что старец заранее ждал меня, причем именно с этой иконой! Из темного коридора мы прошли в дом. Я еще не успел прийти в себя от изумления, как отец Павел протянул мне икону.

— Держи, это мое благословение. Поезжай в монастырь и не сомневайся. Все у тебя будет хорошо.

Но ведь я еще ничего не успел объяснить старцу, рта еще не раскрыл, чтобы задать хотя бы один вопрос, а ответ, за которым ехал, — уже получил. Это было тем более поразительно, что отец Павел ни от кого не мог узнать о моем назначении. Кроме архиепископа да меня самого, никто о нем

ничего не знал. Даже телефона в сторожке у отца Павла никогда не было.

Все вопросы отпали сами собой. Невольно пришли на память слова из пророчества Исаии: «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь»[1]. Понял я, что должен смирить себя, каким бы неполезным мне это назначение ни казалось. Свое обещание: выполнить то, что Господь укажет через старца, — нужно было держать, и поступать не по своей воле, а по воле Божией, которая была указана так четко и ясно.

Видя мое потрясение, отец Павел громко запел тропарь преподобному Димитрию. Он спел его целиком, наизусть, чем привел меня в еще большее изумление. В то время тропаря я еще не знал. Но мне уже было известно, что у старца совершенно феноменальная память. Обняв меня за плечи, он весело сказал:

— Очень вовремя ты приехал, отец Ефрем. Мы сейчас будем обедать... Мария, собирай на стол!

Старец ушел за перегородку в соседнюю комнатку, а в это время, поднявшись с дивана, ко мне подошел молодой батюшка. Мы поздоровались по-священнически.

— Иерей Сергий, — представился он, и добавил: — духовное чадо отца Павла. Я здесь часто у старца бываю.

— Вы, наверное, где-то недалеко служите?

— Совсем близко отсюда, хотя и в Тверской епархии, но почти у самой границы с Ярославской областью. Тут на электричке мне недолго добираться... Сам-то я приехал еще вчера, ночевал здесь, у старца. И сподобился, между прочим, наблюдать удивительное чудо. Пусть и не в первый раз я вижу у старца подобное, но сегодня... это что-то поразительное!

Отец Сергий замолчал, как бы вновь переживая виденное. Я осторожно спросил его:

— А вы могли бы об этом и мне рассказать?

— Ну, конечно! Ведь только сегодня, с вашим приездом я понял, наконец, действия отца Павла, которые вчера вызва-

[1] Ис. 55, 8.

ли у меня недоумение. Мне-то, конечно, хорошо известно, что старец ничего не делает просто так. Какой-то скрытый для меня смысл в его действиях был. Ну так вот... Вчера вечером отец Павел залез под свою кровать и вытащил оттуда старый сундук. Открыв его, он начал вынимать из него какие-то книги, старые облачения, стопки тетрадей, одежду. Он явно что-то искал. Наконец старец наткнулся на икону, достал ее из тряпочки, поцеловал, а затем вышел в коридор и повесил на гвозде. Помню, я еще подумал про себя: зачем же икону помещать в коридоре на гвозде, а не в красном углу, где положено вешать иконы? Но за многие годы духовного общения со старцем я знал, что он ничего не делает случайно. Что-то за этим скрывалось. И я решил выждать. А сегодня, когда вы приехали, мне все стало ясно. Действия разворачивались у меня на глазах. Когда в дверь постучали, и мать Мария доложила, что пришел некий отец Ефрем из Вологды, старец вышел в коридор, снял эту икону с гвоздя и послал матушку вас встречать, сказав нам: «Это от Димитрия Прилуцкого наместник приехал». Тогда-то я и понял, что он еще вчера вечером знал о вашем приезде, и потому приготовил заранее икону. А в коридор ее вынес для того, чтобы когда вы придете, встретить вас с этим образом в руках...

Этот случай мне рассказала верующая женщина, которая жила в Рыбинске, в то время как дочь ее училась, если не ошибаюсь, в Ярославском медицинском училище. Материнским чутьем она ощутила однажды сильное беспокойство за своего ребенка и несколько дней мучилась от безотчетной тревоги. Ночами ее стали преследовать кошмары, в которых с дочерью всегда случалось что-то ужасное. Бедная женщина почти потеряла сон. Наконец она так измучилась, что отпросилась с работы и отправилась в Ярославль, чтобы проведать свою дочь. Но прежде решила заехать к своему духовному отцу — архимандриту Павлу, посоветоваться. На церковном дворе она увидела старца за какой-то работой у сторожки, где он жил. Склонившись над лавкой, устланной газетами, он что-то старательно делал, орудуя большим ножом.

Со спины она не рассмотрела — что именно, и спросила:

— Отец Павел, что это вы делаете? Может, вам помочь?

— Аборт делаю, — ответил старец, не оборачиваясь.

— Батюшка, да что это вы такое говорите-то?! — вскрикнула женщина и подошла ближе. Тут она увидела, что на газете лежит рыба, и отец Павел ее потрошит, вычищая внутренности.

— Ну что — не видишь разве — аборт делаю, — повторил отец Павел.

— Батюшка, я к вам с серьезным делом. Вот уже несколько дней я чувствую ужасное беспокойство. Что-то, наверное, случилось с моей дочерью. Хочу поехать в Ярославль, навестить ее. Душа прямо места себе не находит. Как вы мне благословите поступить?

Отец Павел ответил:

— Растяпа! Срочно езжай к дочери, только не в общежитие, а сразу в больницу!

Мать только охнула и бегом помчалась на автобус. Впоследствии она сама рассказывала, что нашла дочь там, где указал искать отец Павел. Из регистратуры мать отправили в гинекологическое отделение. Здесь и выяснилось, что дочь ее лежала с осложнением после аборта.

— Я действительно растяпа, не успела... — закончила свой рассказ женщина.

Однажды, вместе с моей мамой, Ольгой Владимировной, мы решили навестить отца Павла в бывшем Романове-Борисоглебске, переименованном большевиками в Тутаев. Мама очень любила старца и часто приезжала к нему только для того, чтобы посидеть рядом, послушать его, а затем, помолившись в храме и взяв у него благословение, уехать обратно в Москву. Конечно, ей хотелось как-то выразить ему свое благоговейное уважение, и она делала это чисто по-женски: привозила старцу что-нибудь вкусненькое. Интересно было наблюдать как эта широко образованная женщина, разговаривающая на нескольких европейских языках, с нескрываемым удовольствием слушала грустные, а иногда страшные или смешные, но всегда невероятно увлекательные рассказы отца Павла. Старец говорил простым, но очень сочным кре-

стьянским языком, с каким-то особым деревенским выговором, который в этих местах сохранился только у стариков. Мама слушала его с нескрываемым восторгом. Он был не просто рассказчиком, но и очевидцем, и даже более того — участником страшных событий, которые произошли в нашей стране во времена нечеловеческих гонений на православную веру. Многого из того, о чем он рассказывал, мама не знала, потому что родилась за границей в семье белого офицера и вернулась из эмиграции на родину предков лишь в самом конце Великой Отечественной войны. Но дело было не только в рассказах старца. Важно было то, как он рассказывал. Дух любви и благодати Божией, который он стяжал не только молитвами, но также исповеданием Христа даже до крови, изливался через него на слушателей обильным потоком. Люди, подобные отцу Павлу, встречаются крайне редко, и не многим повезло хотя бы раз в жизни их видеть, слышать или иметь счастье поговорить. Рядом с ним мама чувствовала себя как человек, который после холодной зимы впервые вышел погреться на весеннем солнце. Она сидела подле старца и как бы впитывала в себя лучи Божественной благодати. А потом мама уезжала в Москву с удивительно возвышенным настроением. Казалось, она подзаряжалась от старца силой и радостью на долгое время.

И в этот раз, как всегда, мы привезли отцу Павлу кое-что из продуктов, передали их келейнице и отправились в Воскресенский собор, чтобы приложиться к огромной чудотворной иконе Спасителя. Мама вышла из храма немного раньше и, пока я разговаривал с отцом Николаем Лихомановым, настоятелем собора, успела пристроиться на лавочке рядом с отцом Павлом у сторожки. Вскоре после того как я присоединился к ним, нас окружила плотная толпа вновь прибывших паломников. Ничего не оставалось, как только распрощаться со старцем. Мы сели в переполненный автобус и направились на железнодорожный вокзал. На ухабах автобус основательно встряхивало, и для того чтобы не упасть, приходилось крепко держаться за поручни над головой. Вдруг мама тихо вскрикнула:

– Господи! Что за чудо?

Я с удивлением повернулся в ее сторону.

– Посмотри, у меня ведь сумка висит на правом плече! И я правой рукой держусь за поручень!... И плечо не болит!

Радость и одновременно изумление светились в ее глазах. Я сразу понял, что она имела в виду. В течение нескольких последних месяцев у мамы очень сильно болела правая рука в плечевом суставе. Она считала это следствием отложения солей. Без сильной боли она уже не могла поднять руку даже на уровень плеч. Спать на правом боку стало невозможно, а если во сне она случайно поворачивалась на этот бок, – чувствовала невыносимую боль и просыпалась. Мама мужественно переносила это испытание и никогда не жаловалась. К отцу Павлу она поехала, ни на что не обращая внимание, только сумку носила на другом плече – на левом. И лишь в автобусе мама вдруг обратила внимание на то, что машинально надела сумку на больное плечо, совершенно забыв о своих страшных болях. Более того, чтобы удержаться в прыгающем на ухабах автобусе, она крепко схватилась за поручень, высоко подняв над головой руку, которую еще сегодня утром не могла приподнять даже на четверть. Еще не веря чуду исцеления, мама сказала:

– Ну, наверно, к вечеру заболит.

Однако ни вечером, ни на другой день рука так и не заболела. Еще целую неделю мама ежедневно ожидала возвращения боли... и не дождалась. Рука теперь была совершенно здорова.

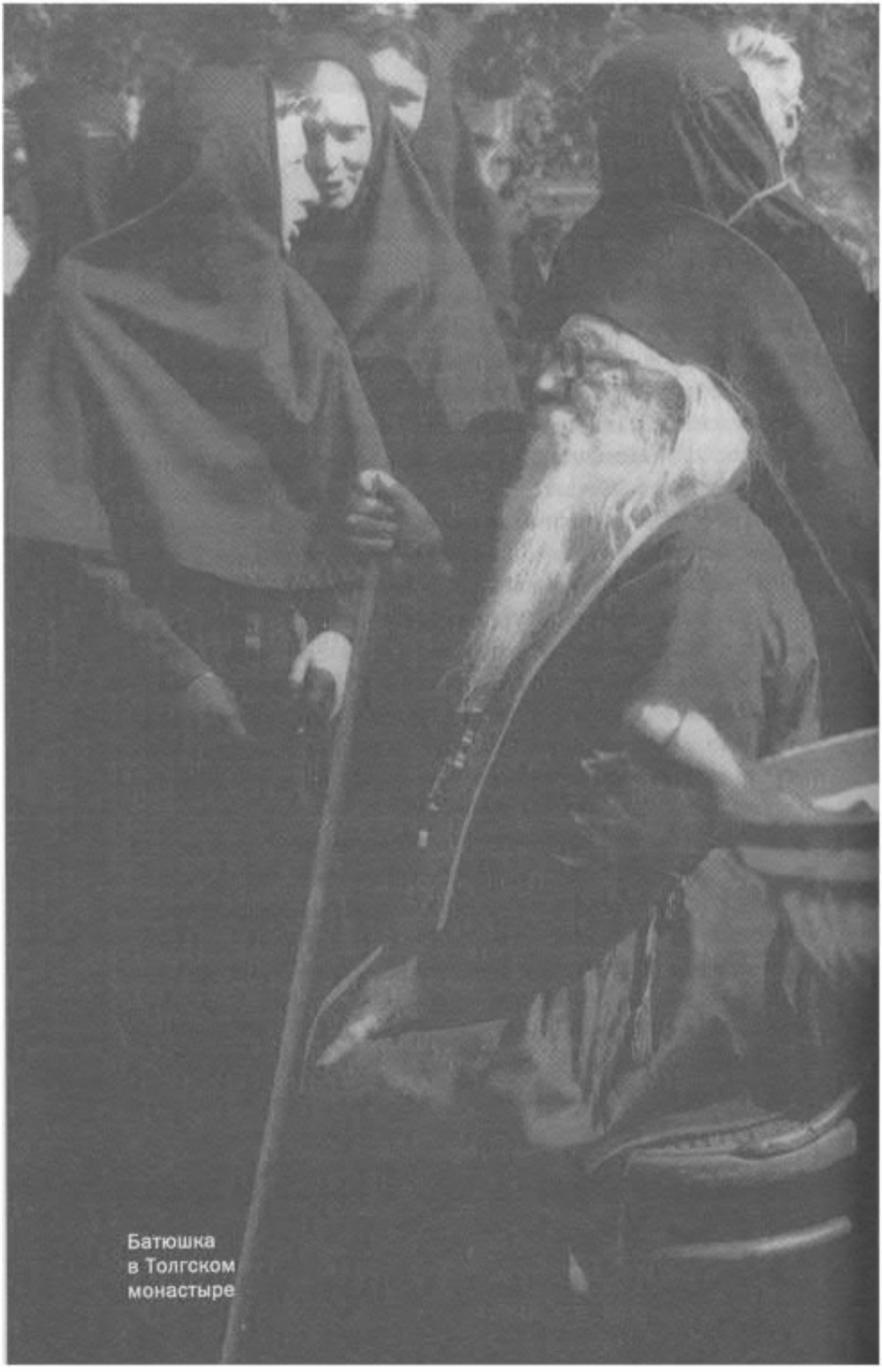
На следующий день после поездки я спросил маму:

– Как же это могло все-таки произойти?

Немного подумав, она ответила:

– Когда отец Павел благословил меня в дорогу, он неожиданно (о больной руке я ему ничего не говорила) легонько потрепал меня по больному плечу – и больше ничего.

Всего лишь легкое прикосновение старца, но плечо у мамы больше никогда не болело. А прошло с тех пор уже семь лет.

Батюшка
в Толгском
монастыре

Игуменья Евстолия (Афонина), Свято-Никольский женский монастырь г. Переславля-Залесского[1]

С батюшкой я познакомилась в Толгском монастыре. Приехал отец Павел, все сестры побежали навстречу, вышла и я. Батюшку вели под руки, поскольку он был уже слепой. Все подходили под благословение. Подошла и я. Ему сказали, что это послушница Ольга, художница. «Лелька! Иконы-то маслом будешь писать?» — спросил он. Так мы и познакомились.

Конечно, все мы были счастливы просто постоять рядом с ним, потому что от него исходило что-то необыкновенное. У меня потом долгое время даже хранился волосок, который упал с батюшкиной головы. Да, в сущности, он весь был — живая святыня.

Толгу он очень любил, любил толгских сестер, проявлял ко всем удивительную теплоту. «Девчонки, — говорил он нам, — любите Матерь Божию Толгскую!» И когда он ходил с нами по Толге, очень часто у него и у нас просто текли слезы. И на всех нас изливалась от него нескончаемая любовь.

Конечно, сестры монастыря очень любили отца Павла и прибегали к нему за советом. Матушка игуменья Варвара тонко чувствовала наши взаимоотношения и всегда нас к нему отпускала, чтобы мы могли решить свои сложные вопросы. А вопросов было немало.

[1] Основан в 1350 г. прп. Димитрием Прилуцким, другом и учеником прп. Сергия Радонежского. В 1898 г. мужской монастырь обращен в общежительный женский. После 1917 г. Никольский собор был взорван, снесена шатровая колокольня. В 1993 г. монастырь возвращен РПЦ, восстановлена Благовещенская церковь, заново выстроен Никольский собор.

Не могу сказать, что отец Павел был моим духовником, но все главные моменты моей жизни как-то не проходили мимо него. Например, когда меня благословили стать настоятельницей Никольского монастыря в Переславле, мы поехали к старцам за духовным советом. И к отцу Павлу, конечно. Он сказал мне тогда очень теплое напутствие и очень этим меня поддержал.

Перед пострижением он все думал, какое имя мне дать. Сначала склонялся к тому, чтобы назвать меня Августой, в память игуменьи Афанасьевского Мологского монастыря, где он был послушником. Но в том же монастыре подвизались в монашеском подвиге две его тетушки. Одну (сестру отца) звали Ольга, другую (сестру его бабушки) — Евстолия. И вот в результате оказалось, что я в своей жизни имена двух этих подвижниц соединила: до пострижения была Ольгой, а в постриге — Евстолией стала.

С батюшкой в моей жизни и жизни нашей семьи связана одна достаточно говорящая история. Как-то, когда отец Павел жил уже в Тутаеве, приехала ко мне погостить моя мама. А в Тутаеве жила наша родственница, моя двоюродная сестра. Поехали мы ее навестить. А уж там в Тутаеве, я маме говорю: «А теперь обязательно сходим к отцу Павлу!»

И вот мы пришли. Он очень ласково ее принял, благословил иконкой, наговорил много хороших слов. Тогда мы решали вопрос, надо ли ей из Питера переезжать ко мне. Переезжать ее он не благословил, а в конце вдруг говорит: «А треть своей пенсии отсылай дочке». И повторил это как-то так отчетливо, даже с нажимом.

В следующий раз мама приехала через два года. Снова мы навестили мою сестру в Тутаеве, снова пришли в храм к отцу Павлу. Он вышел из алтаря, где молился. К нему, конечно, стараются никого не подпустить, но я набралась храбрости (не каждый день мама приезжает!) и говорю: «Батюшка, это я приехала!» — «А, Лелька, иди сюда! Ты с кем приехала-то?» — «С мамой, вот она, благословите, батюшка!» — «А, мама... Да-да, мама... Так ты треть пенсии отсылай дочке!» — говорит он ей, благословляя. И это было настолько неожиданно

В кедровой роще Толгского монастыря

слышать — оказывается, свои слова двухлетней давности он не забыл. Мало того, он на них настаивал. В чем же был их смысл?

Мама, как и многие люди ее поколения, прожила долгую нецерковную жизнь. И эта треть пенсии, добровольно отсылаемая дочери в монастырь, была, видимо, той милостыней,

той посильной жертвой, которая постепенно заглаживала грехи ее жизни.

Проводила я маму домой в Питер, прошло какое-то время, и вдруг, смотрю — она и вправду начала мне высылать деньги, треть пенсии. Пусть и не очень большие деньги, но для простого человека и не малые. И мне приятно, что от мамы, от родного человека...

Но вот наступил период, деньги приходить перестали. Месяц ничего нет, другой, третий... А месяца через четыре приезжает ко мне подруга из Питера. «А ты знаешь, — говорит, — что у тебя с мамой случилось?» — «Нет, не знаю. Мы с ней недавно по телефону разговаривали, вроде, все нормально». — «Это просто она тебе не говорит, а ведь у них пожар случился совсем недавно!» — «Что за пожар?»

Действительно, что за пожар? Живут они не в деревне, не в бревенчатом срубе, баню не топят. Обычная квартира в городской многоэтажке — какой там пожар, отчего?

Оказывается, у соседей по площадке произошел конфликт. И вот, чтобы навредить, облили дверь квартиры чем-то горючим и подожгли. Да на беду квартирой ошиблись, подожгли не ту дверь. Мамину. Причем, сделано это было ночью.

Слава Богу, мама живет не одна, с братом, меры они приняли. Но рубец в здоровье у пожилого человека все равно остался, да и материальный ущерб оказался значительным, — одна только дверь каких денег сейчас стоит...

И вот после этого она снова приехала ко мне. И в разговоре мы как-то осторожно задели эту тему. И я спрашиваю у нее: «Мама, а ты не считала, во сколько тебе ремонт обошелся? Не больше ли того, что ты мне высылала?» Она подумала и ответила: «Ты знаешь, ведь и действительно так...»

Вот и получилось, что, нарушая старческое благословение, денег не сэкономишь. Пример вроде бы простой, житейский, но, как мне кажется, очень яркий и показательный. И надо сказать, что после этого случая мама благословение отца Павла больше не нарушает...

Что было главным в батюшке? Рядом с ним ты ясно ощущал, что общаешься не просто с человеком. Нет, через это-

го вот человека ты общаешься с Духом Святым, то есть — с Самим Богом. И от этого, когда подходили к келье отца Павла, пробирала дрожь. От кончиков волос до пяток. В каждой встрече с ним было для тебя что-то от Божиего посещения, от Страшного Суда.

Он все видел насквозь. Он всегда стремился к твоему спасению, а для этого нужно было и смирить и утешить. Поэтому в течение одной беседы он мог перевести разговор с самого ласкового — на обличительный, сокрушительный, просто невыносимый для нашей гордости. Но, смирив тебя, он опять находил теплые, нежнейшие слова для твоего утешения. Просто пустых разговоров у него не было.

Встречи у нас бывали разные. Но последняя была особенная, утешительная. Мы с ним сидели, он держал меня за руку — и чего только не рассказал мне, и каких только песен не спел... Как будто запечатлевая свой образ в моей памяти. Это было осенью, а зимой его не стало. Такое у нас было расставание...

Страсти наши врачевать не просто. А особенно тех, кого Господь поставил начальствовать над другими. Конечно, смирит тебя иногда архиерей, который и поставлен для твоего исправления. Но старческое вразумление — особое. Оно может касаться самых личных, самых тайных сторон твоего сердца.

Батюшка был настолько духовным человеком, что в любом положении, даже самом тяжелом, думал прежде всего о других. Помню, приходим к нему в больницу с сестрой, жалуемся на какие-то свои неудачи и трудности, а он поднимает свою рубашку и показывает... У него прямо из живота толстая трубка выходит. И он говорит: «Видишь, как я мучаюсь? Так чего же ты-то плачешь?»

С этой трубкой, через которую отводили у него мочу, он прожил долгое время. Иногда она выпадала, и тогда приходили врачи и снова ее запихивали, без наркоза. Боли при этом человек испытывает просто страшные, это сродни крестной муке. А ведь он, переживая все это, даже никому не жаловался. Он продолжал думать и беспокоиться о других, продолжал нести свой духовнический крест.

На кладбище в селе Верхне-Никульском. На фото справа — отец Аркадий Шатов, рядом с ним отец Владимир Воробьев

Протоиерей Аркадий Шатов, настоятель больничного храма 1-й Градской больницы г. Москвы

Мне очень радостно вспоминать то, что связано в моей жизни с покойным батюшкой Павлом. Время, которое я имел честь провести рядом с батюшкой, было счастливым временем.

Отец Павел много раз приезжал в Москву и иногда останавливался у нас в доме. Квартиру эту мы получили по его благословению и молитвам. До этого мы жили в коммуналке без ванной и теплой воды. Когда у нас родился четвертый ребенок, по закону нам должны были предоставить отдельную квартиру, но для этого надо было хлопотать, писать, требовать. В какой-то момент я стал сомневаться, стоит ли это делать, но отец Павел очень решительно настоял на необходимости получить новую квартиру и предсказал, что она будет теплой. И действительно, вскоре после новых писем и хождений по кабинетам мы получили квартиру в центре, которая оказалась очень теплой, так как находится в угловой части «Г»-образного дома. Даже если зимой на время отключают тепло, у нас холодно в квартире не бывает.

Помню, как однажды он приехал на первой седмице Великого поста, и эта седмица, в которую по Уставу полагается сугубо каяться в грехах и плакать, стала для всей нашей семьи седмицей Пасхальной радости. Потому что рядом с батюшкой невозможно было о чем-то печалиться или грустить. Рядом с ним было удивительно покойно, просто и радостно. Отец Павел являл окружавшим его людям свет Христовой любви. И этот дар любви обращал к батюшке сердца великого множества людей.

Он сразу находил язык с каждым, будь это простая крестьянка или академик, юный отрок или убеленный сединами старец. Всех и каждого вмещало любящее и милующее сердце отца Павла, каждому находилось место в его душе.

Батюшка никогда не делил людей на плохих и хороших, на грешных и праведных. Он просто любил каждого приходящего к нему человека. Потому-то люди и тянулись к нему, искали у него поддержки, утешения и ободрения. Стремились через него узнать волю Божию о себе. И воля эта открывалась многим, потому что отец Павел был, конечно, настоящим старцем...

В 1991 году отошел ко Господу еще один замечательный старец, соименный батюшке — отец Павел (Троицкий). В письмах к нам он называл отца Павла Груздева старцем. И потому отношение к отцу Павлу как к старцу — не моя вольность, не плод фантазии таких же, как я, грешных и немощных людей, а свидетельство другого великого подвижника.

С отцом Павлом был близок архимандрит отец Таврион (Батозский). Когда они жили рядом, то исповедовались друг у друга. Отец Павел показывал мне крест, сделанный им самим и расписанный отцом Таврионом.

Отец Павел был очень талантливым человеком. Хотя прожитая им жизнь, мягко говоря, не очень способствовала развитию талантов... Отец Павел обладал удивительной памятью, ярким, сочным и живым русским языком. Причем он мог говорить с людьми, что называется, в разных жанрах. Он владел и высокой лексикой, и простонародным языком пословиц и поговорок. Иногда его язык был грубоватым, не стеснялся он и ненормативной лексики. И в этом проявлялась важная сторона его духовного подвига — юродства. Ведь юродивые, как мы знаем, делали то, что считалось в обыденной жизни абсолютно неприличным. Иногда я вспоминаю какие-то особенно яркие и сочные его выражения, повторяю их про себя, но вслух сказать не решаюсь: то, что позволено было праведному человеку, непозволительно мне, грешнику.

Но отец Павел знал и другой язык — дореволюционный, высокий, он мог говорить и в таком стиле, — и тогда мы видели

перед собой какого-то другого отца Павла, мы узнавали иную грань его образа. Хотя, конечно, в каждую минуту он оставался самим собой, оставался простым и цельным человеком.

Рассказчиком он был удивительным. Его творческая жилка проявлялась в том, что ни одну из своих замечательных историй он никогда не рассказывал одинаково. Я лично был свидетелем, как одну и ту же историю он несколько раз рассказывал все с новыми деталями и подробностями.

Он не столько стремился к фактической точности в своих рассказах, сколько выражал свое нравственное отношение к тому или иному событию. И у слушателей он любым своим рассказом всегда старался сформировать главное чувство — чувство любви и сострадания к ближнему.

Эта его живость мысли, творческая живость, не давала опуститься до протокольной, сухой фиксации фактов и событий. Его рассказы были, наверное, своеобразными притчами. Он мог говорить часами — и никто из слушателей никогда не уставал, хотя среди них были люди разного духовного, умственного склада, да и разного социального положения.

Помню, как-то раз мы с моей женой возвращались от отца Павла из Верхне-Никульского, с нами ехал попутчик, который знал отца Павла. Он был человеком нецерковным, а может, и неверующим. Конечно, он стал сразу вспоминать какие-то случаи об отце Павле (ведь все в округе его прекрасно знали!). И первое, что он вспомнил, когда узнал, у кого мы были в гостях: «Как же, как же, ведь он к нам в общественную баню ходит мыться!» Мы стали расспрашивать его дальше, и он сказал: «Ну, батюшка есть батюшка! Уж если он в баню пришел — тут уж никто мыться не станет. Все собираются вокруг и его рассказы слушают».

Отец Павел не мог получить хорошего светского или богословского образования, но его удивительные способности позволили ему глубоко воспринять и осмыслить все, что встретилось ему на долгом и трудном жизненном пути.

Отец Павел умел говорить на языке тех людей, с которыми общался. Он не был и не мог быть каким-то резонером, фарисеем и ханжой. Никогда не хотел казаться больше, чем

он был. Оттого его образ незнакомыми людьми воспринимался иногда несколько сниженно. Не все могли сразу понять, что за этой простотой скрывается высокая духовная личность. Тем более что батюшка никогда не говорил о духовных вещах с недуховными людьми. Он мог их и вразумить, и замечание им сделать, и советом помочь, но не говорил им того, чего они пока не могли воспринять.

Я должен сказать, что в жизни моей покойной супруги отец Павел сыграл огромную роль. Бóльшую во всех отношениях, чем в моей собственной жизни. Моя жена любила отца Павла больше, чем я. (Говорю это к своему великому стыду!) Она была более отзывчива на ту любовь, которую являл нам всем отец Павел.

Надо признаться, что когда отец Павел был жив, некоторые его черты меня несколько шокировали, я порой смотрел на него с осторожностью. Я человек обидчивый, самолюбивый, поэтому некоторые его слова были мне не по душе.

А вот жена моя ничего этого не боялась и очень любила отца Павла. И, конечно, отец Павел тоже ее любил. Любил ее очень сильно и, как мне кажется, сильнее, чем многих. Он любил разговаривать с ней. Они могли разговаривать часами. При этом он пел ей песни, рассказывал истории, читал стихи, которые он знал во множестве. Говорят, он всегда ждал ее, вспоминал о ней, молился. Когда она уже была тяжело больна, у нее были метастазы в печени и положение было безнадежно, она поехала к отцу Павлу попрощаться. На машине проделала долгий и очень тяжелый в ее положении путь из Москвы и утешилась тем, что увиделась с отцом Павлом еще раз. Очень велика была ее вера в отца Павла и его молитвы.

Батюшка благословил ее в последний раз. Именно он был для нее примером веры, надежды и любви, особенно в последнее время ее жизни.

Наша вера немощная, выражающая себя очень часто только в словах и в соблюдении внешних обрядов, не преображает души. Какая там любовь к врагам, у нас любви и по отношению к друзьям и родным не хватает! Мы очень часто любовь заменяем словами о любви, духовность превращается в раз-

говоры о каких-то высоких и не очень понятных материях. А для отца Павла его вера была служением людям, и в этом служении он не чурался ничего низкого и недостойного.

Например, батюшка рассказывал о себе такой примечательный случай. Однажды к нему приехал местный уполномоченный по делам религии. Хотел познакомиться с отцом Павлом. А отец Павел в это время чистил отхожее место, находившееся в церковной ограде. И уполномоченный, поглядев на него издали (близко-то подойти он побрезговал), изрек: «Это не поп!» и убрался восвояси, так и не поговорив с отцом Павлом...

Батюшка трудился до последних дней своей жизни, до последней возможности хоть что-то делать своими руками. Он, например, сам пек просфоры. Кто не пек просфоры в селе, тот, может быть, и не знает, какой это тяжкий труд, ведь тесто для просфор надо вымешивать очень долго. Преподобный Сергий Радонежский тоже пек просфоры. Так же и преподобный Феодосий Печерский. Когда мать преподобного Феодосия убеждала его, что печь просфоры — занятие очень низкое, недостойное, он отвечал: «Этот хлеб станет Телом Христовым». Мне кажется, отец Павел вдохновлялся тем же самым сознанием: просфоры, на которые он тратил столько сил, готовятся для Литургии, для Таинства Евхаристии!

Обилие жизни всегда поражало меня в отце Павле. Праведники и святые — это не фанатики, убившие в себе все живое, как иногда кажется нецерковным людям, нет. Святые — это люди, в которых полнота жизни во много раз больше, чем у нас, обычных грешных людей. Святость — это и есть настоящая, полная жизнь. Жизнь в превосходной степени, потому что источник ее — Бог...

Для людей нецерковных святость представляется чем-то мрачным и унылым. Людям кажется, что живет лишь тот, кто заматерел в грехе. А человек, жертвующий плотью, вроде как и не живет. Да и что еще там за Царство Небесное, которое может будет, а может — нет?..

На самом-то деле все происходит наоборот, и настоящая жизнь начинается именно тогда, когда человек приходит к

вере. По милости Божией, мне довелось знать несколько человек бесспорно праведных — и все они были людьми живыми, гораздо живее, чем мы с вами. Они умели любить, умели шутить, их жизнь была наполнена радостью.

Люди, живущие в подвиге, успевали сделать за свою жизнь гораздо больше, чем делает обычный мирской, нецерковный человек. Мне кажется, у них даже другое ощущение времени, их жизнь дольше и шире в своих временных понятиях. Впрочем, это ощущает всякий, кто хоть сколько-то времени может прожить вдали от городской суеты...

Как отец Павел совершал Литургию! Совсем не так, как служим ее мы, обычные священники. Его богослужение было живым и огненным. Глядя на него, можно было видеть, как он беседует со Христом. Как он со слезами просит: «Господи, не отрини мене!» Когда он брал в руки Святое Тело Христово, он обращался ко Христу, Который был здесь, рядом...

Конечно, это не было какой-то экзальтацией. В отце Павле вообще нельзя было увидеть никакой экзальтации, он был искренним, простым и цельным человеком. И в цельности этой даже со стороны угадывалось величие. И потому служение его в алтаре было каким-то высоким, недосягаемым — и простым. Настолько простым, что он мог подойти здесь же к какому-то иерею и сказать ему: «Петька!» Но и в этом тоже не было ничего фальшивого — просто отец Павел жил настоящей живой жизнью, которая меняется порой ежесекундно. Он был настолько разнообразен, что я сравнил бы его с бриллиантом, в котором множество сверкающих граней отшлифовано трудом, терпением, смирением, верой, подвигом. Потому что именно простота, искренность, неподдельность является признаком подлинной духовности...

В свои приезды отец Павел, кроме больницы, бывал на богослужениях в разных московских храмах. Однажды он поехал на чтение Великого канона преподобного Андрея Критского в Новодевичий монастырь, где служил митрополит Ювеналий, который очень почитал отца Павла. После посещения владыки митрополита отца Павла привезли

к нам домой на черной «Волге» с целым чемоданом подарков. А отец Павел в свойственной ему манере рассказал о том, что на него обратили внимание и, пока митрополит читал канон, пригласили в алтарь. Отец Павел видел уже не очень хорошо, электрический свет во время чтения канона не зажигают, и отец Павел, столкнувшись в алтаре с каким-то человеком, спросил его: «Парнёк, ты кто будешь?» — «Грешный епископ Григорий» (невозможно описать, с какой кротчайшей интонацией и с каким смиреннейшим видом передал эти слова батюшка). «Ну, тогда благослови меня, владыко», — ничуть не смутившись, сказал отец Павел.

Отец Павел любил людей, невзирая на их грехи или на их благочестие. Он, конечно, мог и обличать, и стыдить. Мог в автобусе сказать какой-нибудь деревенской бабе: «Манька! Ты, такая-сякая, хвост-то подбери!» При этом приезжали к нему священники, имеющие какие-то особые грехи. Даже такие, которые иметь священнику просто непозволительно. Ну, например, приезжал к нему один батюшка, который курил. Причем курил много и явно, не таясь. И отец Павел принимал его, причем принимал с любовью, с терпением. Он, возможно, и обличал его, и говорил что-то строгое, но принимал, любя и утешая. И этого священника, которого он мог назвать Петька или Мишка, он принимал точно так же, как других батюшек из Москвы, таких известных и уважаемых всеми, как ректор Свято-Тихоновского института отец Владимир Воробьев или отец Александр Салтыков, которых батюшка очень любил.

И вот этот Гришка или Сашка, который вел жизнь, совершенно недостойную своего сана, имел в очах отца Павла такую же ценность, как и любой другой, самый достойный иерей. И в этой «неразборчивости» ясно проглядывал отсвет любви Божией, любви Христовой, которая не разбирает и не делит людей на праведников и грешников.

Без преувеличения хочу сказать, что порой в облике отца Павла можно было увидеть очертания лика Самого Христа. Я имею в виду не черты лица, а строение души.

На фотографии справа — отец Владимир Воробьев

Протоиерей Владимир Воробьев, настоятель храма святителя Николая в Кузнецах, г. Москва

Я познакомился с архимандритом Павлом (Груздевым) тогда, когда у меня уже был старец – духовный наставник, тоже отец Павел, по фамилии Троицкий. К тому времени я жил под его руководством уже много лет. И потому, естественно, отец Павел (Груздев) не стал для меня таким руководителем, как для десятков других людей.

Мы познакомились через протоиерея Аркадия Шатова. Как-то раз отец Аркадий предложил мне поехать в село Верхне-Никульское, к отцу Павлу. День мне запомнился: это было в день праздника иконы Божией Матери «Достойно есть», а это, как известно, чтимый праздник в храме Верхне-Никульского.

Эта замечательная икона была привезена в Троицкий храм села Никульского со Святой Горы Афон, где специально по заказу из России ее писали афонские монахи. Она была списком с афонской иконы, выполненным в традициях Святой Горы.

И вот в первый раз я попал в Верхне-Никульское. Каким я увидел тогда Никульское? Совсем небольшое село, достаточно глухое; довольно ветхая церковь, как показалось мне, даже с покосившимися крестами. Подходим к церковной ограде, как вдруг навстречу выходит пожилой батюшка, небольшого росточка, с очень простым русским лицом, быстро и как-то радостно подходит ко мне, протягивает руки и громко и совсем просто говорит мне: «Володька!» Потом обнимает меня, целует – словно мы знакомы с ним уже лет двадцать.

А дальше я вижу, что точно так же он приветствует и всех остальных священников, которых тоже встречает впервые. И конечно же, с самых первых секунд знакомства у нас устанавливаются самые легкие, самые простые и близкие отношения. И никаких трудностей в общении, никаких вопросов...

В тот день мы вместе служили Литургию. Тогда отец Павел еще немного видел, а позже полностью потерял зрение. Служить ему было нелегко, и я удивлялся про себя, как он вообще может служить один? Ведь у него никогда не было ни диакона, ни знающего помощника.

Когда в гости к батюшке приезжали священники из разных мест — ярославские, московские, — он очень радовался, даже как-то духовно восторгался, это было заметно.

В тот день мы с батюшкой отслужили водосвятный молебен. При жизни батюшка сам его возглавлял — и пел громко. На этот праздник народ съезжался в Верхне-Никульское из разных мест, иногда — очень издалека.

Дорожка вокруг храма была украшена травой, кое-где — цветы. Праздник начинался молебном, потом служилась Литургия, а после Литургии происходил крестный ход. Все это было незабываемо!

После службы батюшка приглашал всех в свою хибарку при храме, чтобы разделить со своими гостями радость праздничной трапезы. И трапеза эта тоже была незабываемой!

Отец Павел, как я говорил уже, был очень прост. И я бы осмелился утверждать, что он юродствовал. Он, например, совершенно сознательно и намеренно нарушал общепринятый словесный этикет, используя, как сейчас называют, ненормативную лексику. Какие тому были причины? Не знаю наверняка, но могу предположить: тем самым он как бы показывал нам, что никакие внешние нормы не являются для него предметом уважения и почитания, что суть людей и явлений всегда глубже. И вот эта-то глубина чувств и мыслей накрепко связывала его с окружающими людьми.

К батюшке приезжало священство не только духовно более или менее опытное, но и занимавшее определенное, довольно видное положение в церковных кругах. Известные

столичные иереи, игумены и архимандриты, даже архиереи. Но обращался батюшка ко всем в высшей степени просто: «Колька!.. Сережка!.. Володька!..» Игуменью большого монастыря называл по имени, не величая матушкой. И это было для всех нас очень полезно: он смирял людей. Но, как я понимаю, не духовное лицо смирял как таковое, а человека, облаченного высоким духовным саном. При этом он как бы умышленно забывал о том достоинстве, в которое был возведен тот или иной священнослужитель. Он ко всем обращался так, будто перед ним какие-то мальчишки или девчонки...

И это действовало на людей замечательно, я бы сказал — отрезвляюще. Все эти сановитые лица, которые у себя, на своих постах постоянно окружены почтением и, хоть в малой степени, но избалованы, от слов отца Павла приходили в то обычное, нормальное, забытое уже состояние души, когда человек прекрасно понимает, что он прежде всего — прах и тлен, а уж если и есть в нем что-то хорошее, — то это от Бога! Не возносись! — такова была, мне кажется, главная мысль отца Павла в подобных случаях...

Сам отец Павел, имея высокий сан архимандрита, был прост в высшей степени, потому что всю свою жизнь посвятил Богу. Жизнь его была настоящим исповедничеством — ведь за свою веру он претерпел и гонение, и ссылки. Но я не могу припомнить, чтобы батюшка хотя бы раз сказал о каких-то своих заслугах. Наоборот! О себе он говорил настолько уничижительно, пренебрежительно даже, так подчеркивал свою худость, бедность, убогость, так безжалостно говорил о своей необразованности, — что рядом с ним никому, ни одному человеку невозможно было возноситься, выставлять свои достоинства и что-то из себя представлять. И от этого, конечно, отношения между людьми вокруг отца Павла устанавливались дружеские, сердечные, доверительные. Любой приехавший к нему человек должен был оставить перед церковной оградой все свои звания, титулы, чины и достоинства. Говорю о достоинствах мнимых, потому что подлинное достоинство как раз с простоты и начинается. И

первое приветствие: «Петька!.. Васька!.. Володька!..» — возвращало человека, отягченного земной суетой, к его действительной сути, освобождало его от тяжелого груза условностей.

Мне приходилось бывать у отца Павла не однажды. Чаще всего я приезжал на праздник иконы Божией Матери «Достойно есть», 24 июня по новому стилю. И каждый раз неизменно отец Павел был полон любви, окружал всех гостей заботой, радовался гостям так же, как и самому празднику. Иногда даже прямо так и говорил: «Этот праздник мне устроили москвичи!» Хотя, на самом-то деле, приезжали люди со всех концов, и каждого он принимал с открытой душой...

Конечно, он много рассказывал. Говорил о своем детстве, о юности, прошедшей в Хутынском монастыре под Новгородом, вспоминал о годах заключения и ссылки. Его рассказы были, как и он сам, просты по виду, незамысловаты, — и все-таки очень поучительны для каждого слушателя.

Любил батюшка петь, пел в церкви за богослужением, очень часто обращался во время трапезы к своей келейнице: «Манька! Запевай!» Из многих песен, которые я слышал, мне особенно запомнилась одна, которую батюшка с Марией называли «Ветка». «Мария! Давай про ветку споем». И они запевали... Эту «Ветку» наши дети выучили наизусть и теперь часто поют дома хором. Веселой эту песню не назовешь. В ней говорится о том, как ветка отломилась от дерева, и стихия уносит ее по водам в бушующее море. А в море этом ей, понятно, уготована гибель. Смысл песни очевиден: людям, у которых потеряны основы, корни — уготована гибель в беспокойном житейском море. Потому что житейская стихия поглощает всех и не щадит никого...

Помню, как отец Павел приезжал в Москву, к отцу Аркадию Шатову. Однажды я был у отца Аркадия, когда к нему приехал батюшка. Мы тогда замечательно побеседовали. А в это самое время в московских приходах начали появляться искушения, связанные непосредственно с отцом Павлом. Искушения были такого рода: многие священники московские начали ездить к батюшке за советом. Следом за ними

потянулись прихожане московских храмов. Известность и авторитет отца Павла быстро росли, многими он воспринимался как старец, поэтому люди ехали к нему с духовными вопросами.

И у меня в приходе в то время произошел такой случай. Одна прихожанка, ходившая ко мне исповедоваться, вышла, если можно так сказать, из послушания, потому что я не мог благословить ее на то, что она собиралась делать...

И тогда она поехала к отцу Павлу жаловаться на меня. А потом возвратилась и сказала, что отец Павел ей ответил: «Уходи от него, уходи!» Он имел в виду при этом меня, иерея Владимира. Честно говоря, такой ответ меня очень удивил — почему? Ведь батюшка так хорошо ко мне относится! А в беседе с этой прихожанкой дает мне, получается, самую нелестную характеристику!

Вопрос оставался, и я переживал его достаточно болезненно. И при первом же своем визите к батюшке я спросил его, что он имел в виду? А он с такой обезоруживающей простой улыбкой отвечает мне: «Володька! Да что же ты не понимаешь? Ведь эта баба тебя замучает! Вот пусть и идет, куда хочет от тебя! Ведь это я тебя от нее избавил, а не наоборот!»

Вот такими были некоторые его способы воздействия на человека. Наверное, кого-то они могли и смутить. Потому что в таких действиях был элемент юродства, а юродство малодуховным людям понять непросто...

Очень часто сбывалось то, что батюшка предрекал. Например, однажды он гостил в Москве в моем доме, и как раз в это время была у нас в гостях очень чтимая нами подвижница, можно сказать, старица — Агриппина Николаевна. И батюшка в разговоре с ней сказал: «Ты, матушка, умрешь, когда на дворе белые мухи летать начнут». И хотя Агриппина Николаевна прожила еще несколько лет после того разговора, но умерла она, действительно, на второй день после Покрова, в первый снег, когда по двору летали снежинки какой-то небывалой величины, похожие на сказочных мух...

Но прозорливость — прозорливостью, а меня в батюшке более всего поражали простота, смирение, любовь и кро-

тость, с которой он переносил все свои жизненные трудности и невзгоды. А невзгод у него было немало. Во-первых, слепота, которая к старости прогрессировала буквально с каждым годом и делала его совсем беспомощным в обыденной жизни. Потом — бедность, на грани нищеты. Когда он жил в Верхне-Никульском, у него иногда не было денег, чтобы купить на зиму дров. А еда? А другие жизненные нужды?

А тут еще, ко всему прочему, обрушился свод в главном приделе Троицкого храма! Храм давно уже требовал ремонта, потому что его фундамент постоянно подмывали воды Рыбинского водохранилища, нанося огромный вред всем храмовым постройкам. Но денег на этот ремонт, на реставрацию храма, конечно же, не было. Но и в том, как рухнули эти своды, тоже видна милость Божия и забота о Своем избраннике.

Дело было так. Батюшка сам мыл полы в главном приделе. Неожиданно в руку его вонзилась большая заноза. Боль была такая, что батюшка бросил тряпку и вышел из храма. И в эту самую секунду рухнул свод купола. Многотонные каменные глыбы проломили пол, причем в том самом месте, где несколько секунд назад стоял отец Павел! Когда он вернулся в храм, он увидел облака оседающей пыли и груду камня на том самом месте, где он только что стоял... В куполе зияла дыра, сквозь которую виднелось голубое чистое небо. И при этом, чудесным образом, никто не пострадал!

Чтобы восстановить купол, нужны были большие деньги, а их, разумеется, не было. Тогда батюшка как-то закрыл проход между главным и боковым приделом и стал служить в боковом приделе. Он служил летом и зимой, служил почти совсем слепым. Он служил до тех пор, пока совсем не изнемог, — так он любил свой храм, свой приход. Так он любил богослужение.

Потом батюшке пришлось подчиниться Промыслу Божию и переехать к отцу Николаю Лихоманову в Тутаев, он же — Романов-Борисоглебск. Отец Николай поселил батюшку в келейке около храма, и здесь он был, конечно, всем обеспечен, досмотрен, ухожен, поскольку отец Николай очень о нем заботился.

Но тут возникла другая проблема: к нему стало ездить во много раз больше народа, чем это было в Верхне-Никульском. Потому что добраться до Тутаева гораздо быстрее и легче. Батюшка старался принять всех, хотя его келейница, Мария, пыталась ограничить этих посетителей, нелегких для старца.

Вот такой образ остался в моей памяти. Образ духоносного старца, внешне простого и даже юродствовавшего, образ его милующей любви, пламенной веры, горячей молитвы. Он очень любил одну притчу, которую часто рассказывал в храмовых проповедях.

В притче рассказывалось об одной женщине, которой было открыто, что в указанный день к ней в дом явится Сам Господь. И она, плененная этой радостью, отложила все дела и решила принять Господа с подобающей Ему честью.

Она убрала и вымыла весь дом, приготовила к назначенному дню самое лучшее кушанье и питье, и, все приготовив, стала ждать чудесного Гостя. Вот слышится стук в дверь. Отворяет — а там обычная нищенка, попрошайка, голодная и холодная, с протянутой рукой. «Сегодня не до тебя! — отвечает хозяйка. — Я высокого Гостя жду, некогда с тобой разговаривать!» И дверь закрыла.

Прошло немного времени, опять стук. Открывает, а на этот раз за дверью голодный мальчишка, хлеба просит. «Не до тебя сегодня! — говорит она. — Приходи завтра, а сейчас некогда!»

И так прождала она весь день, а всех, кто к ней приходил, отваживала, ссылаясь на большую занятость. Но вот кончился день, и хозяйка потеряла надежду, а с надеждой и терпение. И тогда она взмолилась: «Господи, что же Ты не идешь? Ведь я так готовилась, так ждала!» И тут она слышит голос в ответ: «Но Я же пытался войти к тебе сегодня много раз, да ты Меня даже в дом свой не пустила».

И эту притчу, такую народную, такую простую и доходчивую, батюшка рассказывал народу громко, со слезами на глазах, и было видно, как эти простые слова глубоко проникают в сердце каждого стоявшего в храме. Проникают, на-

поминая людям о милосердии, о любви и сострадании к ближним.

Вспоминается еще один случай. Батюшка как раз гостил в Москве, в нашем доме. Было это давно, еще до всех перестроек. И мы дома у себя совершали какую-то службу — то ли Соборование, то ли молебен служили, не помню точно. А после службы, на которой у нас был отец Павел, решили спеть песнопение, повсюду в те времена звучавшее как гимн — «Земля Русская».

Наши детки, певшие в церковном хоре, исполнили это песнопение. Громко, хорошо спели. А громче всех пел Алеша Емельянов, который к тому времени учился уже, кажется, в Семинарии.

Отец Павел был растроган до слез и несколько раз нам повторил: «Алешку-то берегите!.. Берегите Алешу!.. Он ведь большим человеком будет».

Так и получилось. Алеша стал отцом Алексием и всеми любимым священником. Его очень любит паства, у него немало духовных чад. Он стал настоятелем больничного храма и много трудится на самых разных поприщах. А отец Павел уже тогда прозорливо отметил этого мальчика, будущего священника, служителя Церкви.

Но бывали и другого рода воспоминания о взаимоотношениях батюшки с людьми. Так, вспоминал отец Павел одного священника, который во времена гонений на Церковь очень многих верующих сдавал в органы НКВД, доносся на них. На допросах или будучи агентом — этого я не помню.

Через него пострадали многие люди, в том числе и сам отец Павел. И вот отец Павел уже стал священником, даже архимандритом, а тот иерей продолжал служить в одном из приходов. И никакого видимого покаяния отец Павел никогда не замечал во всем его поведении.

И вот однажды, когда все священство собралось на общее Епархиальное собрание, отец Павел счел необходимым во всеуслышание сказать этому старику-священнику грозные слова: «Сережка! Скоро Страшный Суд!» Конечно, батюшка

не хотел гибели этого человека, наоборот, — он хотел напомнить ему о покаянии: «Скоро на Суд пойдем!»

И вот, когда батюшка рассказывал нам об этом случае и произносил эти слова, мне почему-то казалось, что он говорит это не только для того злосчастного иерея, погубившего множество людей, — мне казалось, что он напоминает о Страшном Божием Суде всем нам, каждому, кто был рядом. Такая в его голосе была вера, такая убежденность, что не могло это быть только рассказом о прошедшем времени. Нет, он напоминал каждому из нас о том, что скоро грядет Суд Божий, и каждому придется ответить за все свои поступки, слова и помышления. И неважно, что грехи у всех нас разные, — важно, что отвечать придется каждому, и Суд Божий будет для всех.

От отца Павла у меня осталась память. Как-то мы приехали к нему вскоре после того, как рухнули своды храма в Верхне-Никульском. Храм был засыпан кирпичом и штукатуркой. Из этого завала батюшка уже ничего не мог достать, да и разгрести-то его долгое время не могли. И тогда мы попросили у него взять каждому что-нибудь на память из этих руин. Батюшка нам это позволил.

Мне достался один подсвечник, который отец Павел отдал мне сам. Подсвечник этот был весь смят, искорежен ударами. Я отдал его в реставрацию, его выправили, и теперь этот подсвечник напоминает мне об отце Павле, о Троицком храме в Верхне-Никульском и о том замечательном времени, когда мы отовсюду собирались на праздник иконы Божией Матери «Достойно есть».

Конечно, я бывал у батюшки и в Тутаеве. Был на его отпевании и погребении. Похороны отца Павла ясно показали его настоящее место в Церкви. Они были такими торжественными, собралось столько священства во главе с владыкой Ярославским и Ростовским архиепископом Михеем, молилось такое громадное количество верующих людей со всех концов России, что было ясно: мы хороним не обычного священнослужителя, а редкостного, удивительного, всеми любимого и чтимого старца!

У Троицкого храма в селе Верхне-Никульском. Стоят: справа третий — отец Владимир Воробьев, четвертый — отец Димитрий Смирнов, слева второй — отец Александр Салтыков, пятый — отец Аркадий Шатов

Протоиерей Димитрий Смирнов, настоятель храма Святителя Митрофана Воронежского, г. Москва

Кто-то сказал однажды, что на Ярославской земле есть две святыни. Одна – это образ Спаса Нерукотворного из города Тутаева (Романова-Борисоглебска), а вторая – архимандрит Павел (Груздев). Тот самый, который служит неподалеку от станции Шестихино, в Троицком храме села Верхне-Никульское.

И вот мы с друзьями, несколько московских священников, смогли-таки собраться и навестить отца Павла. Я не помню, в каком году это произошло, но обстоятельства первой встречи припоминаю. Впечатление от нее было замечательным и абсолютно благодатным.

Принял батюшка нас с необычайной заинтересованностью и любовью. При этом каждому еще старался дать какую-то свою полушутливую-полусерьезную характеристику (отец Павел был не только праведным, но и просто добрым человеком, и даже если подтрунивал над кем-то, то делал это незлобиво, шутливо).

Рассказал он нам и про местночтимый образ Божией Матери «Достойно есть» из Троицкого храма, написанный по заказу одного из жителей села на Святой Горе Афон. Как-то так получилось, что впоследствии мы с друзьями приезжали к отцу Павлу чаще всего именно на праздник иконы «Достойно есть». Впрочем, и сам он нас об этом всегда очень настойчиво просил.

А вообще Ярославская земля имеет немало святынь. Мне она особенно дорога, ведь я ношу имя в честь святого убиенного царевича Димитрия Угличского. Поэтому я, конечно,

любил и раньше ездить в Углич. А впоследствии все святыни Ярославской земли для меня как-то соединились — и Углич, и Спас Нерукотворный из Тутаева, и икона «Достойно есть» из Никульского, и, конечно, сам отец Павел.

Замечательно, что не так давно, уже после смерти батюшки, к нам в Благовещенский храм пришла удивительная икона. Тоже Спас Нерукотворный, тоже северного письма, тоже огромных размеров — разве чуть поменьше, чем тутаевская. И икона эта, после двухлетней реставрации, стала главной святыней нашего храма и известна теперь по всей Москве...

И так в течение нескольких лет мы с друзьями ездили к отцу Павлу, а потом каждый из нас получил свой приход. Собираться вместе стало все труднее, но поодиночке мы все продолжали к нему ездить. Мало того, я иногда брал с собой своих духовных чад, чтобы они могли просто посмотреть на человека, который сумел воплотить в своей жизни Евангелие. Ведь сколько бы премудрости ты ни получил из книг, но, пока не встретишь в своей жизни настоящего праведного человека, трудно бывает чисто умозрительно понять, в чем смысл христианства. Зато одна такая встреча, случается, полностью переворачивает душу.

Отец Павел (Груздев) был для нашей Церкви явлением, с одной стороны, типичным, с другой, — абсолютно оригинальным и неповторимым.

В чем состояла типичность отца Павла? Прежде всего, как это ни странно может звучать, в том, что он был человек святой. А ведь святость — это не скажу, обычная, но неотделимая от нашей Церкви черта. Типичной была и личная судьба батюшки. Как тысячи священнослужителей, как миллионы верующих людей его поколения, он прошел лагеря и ссылки, работал на самых тяжелых работах, но не сломался, все выдержал, все преодолел с помощью Божией. И этим страданием своим за Христа он засвидетельствовал, что его христианство — истинное. Наверно, это и есть настоящее исповедничество.

В чем была его нетипичность, его самобытность и отличность от других? Прежде всего, как мне кажется, в его простоте. Причем в простоте во всех ее проявлениях.

Действительно, по традиции, идущей с древних времен, русский священник – это высокообразованный в сравнении с окружающим миром человек, культурный светоч. А отец Павел окончил не то два, не то три класса церковноприходской школы, университеты свои проходил в монастыре, где монахинями были его тетки. Богослужение он еще в детстве заучивал наизусть на слух. То есть он являл то самое практическое христианство, которым была прежде сильна наша матушка-Русь.

У него был замечательный слух, и он очень точно интонировал при богослужении. Кроме того, он держал в памяти много своеобразного монастырского фольклора – рассказов, песен, прибауток. Весь этот фольклор исчез из памяти народа за десятилетия атеизма, и такие люди, как отец Павел, были последними носителями старой православной традиции.

Речь его была удивительно своеобразна и богата. Он сохранил в ней много из коренного ярославского говора и из той прежней культуры, которая теперь утрачивается безвозвратно. Мне очень запомнилось слово «пáпушник». Означает оно, кажется, белый свежеиспеченный хлеб. И слов таких у отца Павла было множество.

А как любил он народные песни, которые пел вместе со всеми за каждым застольем! Он ведь за столом в основном не ел (потому что ел он вообще очень мало) – а угощал, потчевал своих гостей. И делал это по-настоящему хлебосольно. Конечно, много еды привозили с собой и его гости, и в результате каждое застолье превращалось в этакий широкий приходской пир...

Официальное двухклассное образование батюшки вовсе не означало, что он был человеком малокультурным. Он читал так много, он так внимательно смотрел на окружающую жизнь, что, конечно, был образованнейшим человеком. А самое главное – его ум был просветлен молитвой, потому что отец Павел был настоящим, истинным молитвенником. И с юных лет до конца своих дней он оставался человеком, верным Христу и несущим по жизни свой крест.

Когда мы с ним познакомились, он почти всегда ходил босиком, в каких-то очень несовременных портках, в длинной рубахе неопределенного (и неопределимого!) цвета, которую к тому же носил навыпуск. Видел он тогда уже плохо и потому носил свои знаменитые толстые очки-линзы.

Внешность у него тоже была редкостная, своеобразная. Весь крепкий, кряжистый, с сильными мозолистыми трудовыми руками, небольшого роста, но твердо стоящий на ногах. Ощущение было такое, будто его скульптор Коненков вырубил из цельного куска дерева. Именно дерева, потому что он излучал такую природную теплоту, что хотелось подойти к нему, посидеть рядом, погреться в его лучах света и любви, да просто – понежиться рядом с ним.

А при этой крепости и силе у него был огромный выпуклый лоб. Прошу прощения за избитое сравнение, но это был лоб сократовский, лоб мыслителя и мудреца. Еще бы! Ведь батюшке достаточно было одного взгляда на человека, чтобы увидеть его насквозь. И достаточно было двух слов, чтобы дать этому человеку точнейшую характеристику.

Впрочем, иногда ему просто Бог открывал мысли другого человека. Рассказывала мне одна женщина, ныне уже покойная, что, ожидая своей очереди к батюшке на исповедь, она глядела на него и умилялась. Ну, все в нем ей нравилось, все приводило в восхищение! И вдруг отец Павел обернулся к ней и сказал: «Спасибо, что ты так хорошо обо мне думаешь». Понятно, что это был не какой-то там фокус, — это Господь его так извещал.

Он совершенно необычно служил Божественную литургию. Как-то глубоко, как-то по-особому проникал в смысл каждого сказанного им в молитве слова. Впечатление от сослужения с ним оставалось незабываемое. Такое же, как от служения Литургии с покойным старцем Таврионом (Батозским) или с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Это было ощущение совершенно необычное — что человек вот здесь, рядом с тобой, напрямую говорит с Богом...

В отце Павле все было необычно, и даже фамилия. Только вдуматься — Груздев! Разве это не характеристика? Ведь груздь — это такой удивительный гриб, чисто русский, соленый, островато-крепкий и в то же время — чисто-белого цвета. И сам отец Павел как будто, подобно этому груздю, из нашего дремучего леса вышел. Вышел, чтобы научать нас настоящей и нелицемерной любви Божией.

В его жизни случались абсолютно явственные и удивительные чудеса. Все мы помним, например, как Господь спас его в то время, когда рухнул купол храма в Верхне-Никульском. Батюшка, кажется, мыл пол, занозил палец и вышел из храма на свет, чтобы рассмотреть ранку. И в эту самую секунду обрушился купол храма и стер в порошок все, что находилось в этом приделе. Но Господь сохранял Своего избранника, чтобы он еще послужил Ярославской земле и всей нашей Церкви. Потому что слава о нем как о прозорливце и молитвеннике шла далеко.

Впрочем, он, конечно, никогда свою праведность и прозорливость специально не демонстрировал, как это делают различные ложные старцы. Наоборот, скрывал ее за некоторым юродством, что ли. В речи своей он иногда употреблял

непечатные слова. Для чего? Возможно, для того чтобы люди, которые ищут внешнего, но не умеют видеть суть, начинали задумываться о подлинном смысле вещей.

Цель юродства в каждом конкретном случае, как мне кажется, бывает особая. Но отец Павел юродствовал, чтобы скрыть свои духовные дары, чтобы пресечь это поклонение и восхищение многочисленных почитателей, на которое все мы, люди, очень способны. Он не хотел, чтобы из него сделали какую-то культовую фигуру.

Помню, еще только-только начали открываться монастыри, и вот ему предложили переселиться в один монастырь, где были созданы замечательные условия, — живи, молись да радуйся! Пригласили только из любви к нему, только чтобы упокоить его старость! Но он на это предложение спросил: «Вы что, деньги на мне хотите зарабатывать?!» То есть отец Павел предвидел и очень боялся, что если поселится в этом монастыре (а монастырь располагался в большом городе), то туда ринется столько народа, что — хочешь не хочешь — его начнут показывать как некое чудо.

Среди знакомых и друзей батюшки были люди большие, знатные. Он много рассказывал о своей дружбе с митрополитом Никодимом (Ротовым), знаком был с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием. Из Академгородка, который был расположен в Борке, приезжали к нему светила нашей науки, академики. Приезжали для беседы, для исповеди, за духовной поддержкой. А общение с ним всегда было такой поддержкой для каждого человека. И даже его нескончаемые рассказы из своей жизни, казалось бы, об одном и том же — все это тоже было духовным общением.

Вспомнилась мне одна смешная история, которая произошла с батюшкой в Питере, в бытность там митрополита Никодима. Как всегда, отца Павла не пускали в приемную к владыке, но тот, услышав о дорогом госте, выбежал, расцеловал, поприветствовал. Но в тот момент он был занят и потому попросил батюшку подождать, а пока пойти где-то перекусить. Кажется, и денег дал.

Отец Павел заходит в какое-то кафе или столовую, берет первое, второе, третье — все как полагается. А потом носит это по тарелке и ставит на столик. Туда же кладет и сумку с пластинками или книгами, которые успел подарить ему владыка Никодим.

И вот, неся свой компот или еще что-то, батюшка видит, что за его столиком совершенно незнакомый человек начинает есть его суп. Дело по лагерной жизни привычное: раз ест человек чужой суп — значит, голоден! Поэтому отец Павел придвигает к себе второе и тоже начинает есть. Незнакомец как-то странно на него смотрит, но молчит. Так они едят — один первое, другой — второе. Затем тоже молча выпивают пополам стакан компота, а потом незнакомец встает и уходит. Поднимается и батюшка, начинает искать свою сумку и понимает, что ее тоже унес этот неожиданный сотрапезник. Отец Павел озирается — и тут видит за соседним столом сумку с подарками и свой нетронутый обед! Так, значит, это он съел половину чужого обеда!

Всякий раз, когда батюшка рассказывал эту историю, она вызывала непередаваемый восторг...

Но самым примечательным из того, что он говорил, была его пастырская проповедь. Сколько раз я попадал к нему на службу, сколько раз слушал его проповедь? Наверное, много.

Но почему-то кажется, что проповедь у него была всегда одна и та же, об одном и том же. И эта его проповедь оказала на всех нас, и на меня в том числе, огромное влияние.

Собственно, это была притча в евангельском духе, совершенно народная по форме. Это был рассказ о том, как одна женщина получила известие от Самого Христа Спасителя, что завтра Он будет к ней в гости. И женщина эта готовится, убирает дом, печет и варит, а между делом прогоняет нищих и странников, которые мешают ей встречать Христа. Ну, а в результате, как вы понимаете, встречать ей было уже некого, потому что это именно Христос стучался весь день в ее двери.

В сущности, этой своей проповедью отец Павел раскрывал известную евангельскую истину: «Что вы сделали одному из малых сих, то сделали Мне»[1]. Но он доносил эту истину так просто, так понятно, что она становилась близкой для каждого сельского жителя, которому бывает трудно постичь что-то отвлеченно-философское, зато он сразу понимает и

[1] См.: Мф. 25, 40.

принимает конкретную евангельскую идею: любить людей — это и значит любить Христа...

В общем, несмотря на свою малограмотность (по мирским меркам), отец Павел был человеком умным, опытным и мудрым, да и просто талантливым. И еще, как всякий святой человек, он был страдальцем. Несмотря на то, что вокруг него всегда теснилось множество людей, он, как мне кажется, был одинок, потому что людей такого уровня, как он, вокруг него просто не было. Ведь он в некотором смысле пребывал уже в другом плане, в другом измерении духовного бытия. И от этого сквозила в его поведении какая-то грусть.

И даже когда его окружали архиереи (а такое случалось не так уж и редко), рядом с ним они производили впечатление молодых людей — настолько сильной и безусловной была его духовная власть. Хотя, как я уже говорил, власть эта не только не выпячивалась им перед всеми, но всячески пряталась и нивелировалась.

Мне хотелось бы запечатлеть его образ в своей памяти навсегда. Конечно, подражать отцу Павлу нельзя, как нельзя подражать и другим духоносным старцам. Все это люди совершенно разные — по происхождению, по воспитанию, по образованию. И все же их объединяет то, что все они настоящие духоносные мужи, исповедники, живущие жизнью Церкви.

Протоиерей Валентин Асмус, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Красном селе, г. Москва

Отец архимандрит Павел (Груздев) был, как виделось тем, кто имел радость с ним общаться, самым свободным человеком в мире — свободным не той мнимой свободою, которая царит в «неоновых джунглях» и у нас, и за границею, но свободою «познавших истину»[1], «свободою славы чад Божиих»[2]. Поэтому он не подпадает ни под какие определения и обобщения. О нем можно только рассказывать отдельные эпизоды: каким он помнится, каким, в своей цельности, он представал в каждом своем деле и слове.

Свобода того, кто уроднился святым, сущим на Небесах (а для отца Павла, казалось, не было земных авторитетов — ни царя, ни генералов), сочеталась у него с умилительной традиционностью: с каким ликованием рассказывал он о своем паломничестве на разоренный большевиками Валаам, где он с радостью узнавал в жалких руинах храмы и скиты, так хорошо известные ему по дореволюционным описаниям. Он вообще очень много читал: всякое духовное чтение, попадавшее в деревенскую глушь, он не только воспринимал своей живой душою, но и запечатлевал в обширных выписках.

Его слишком легко было воспринимать как явление вполне простонародное. Сам отец Павел своей диалектной речью заверял, что никак не отделяется от той народной стихии, которая его породила. И все же смею утверждать, что его непрерывное чтение, его постоянные усилия сделали его по-своему образованным человеком, хотя в его время и

[1] Ср.: Ин. 8, 32.
[2] Рим. 8, 21.

не было духовных семинарий, и школа, в которую его послали, была не в пример суровее и страшнее.

Однажды, когда батюшка приехал в Москву лечить глаза, он пришел на всенощную в Николо-Кузнецкую церковь. Настоятель, протоиерей Владимир Рожков, предложил отцу Павлу на следующий день сказать проповедь. Отец Павел, наслышанный о храме, где еще недавно звучало слово покойного протоиерея Всеволода Шпиллера, подготовился соответствующим образом. Проповедь была великолепная: исполненная внутренней силы, она была безукоризненно построена внешне по всем правилам семинарской гомилетики.

Кто мог не любить отца Павла? Но некоторым было с ним трудно (наверное, со святыми всегда бывает трудно). Одни и те же лица могли называть его, в зависимости от ситуации, или исповедником, склоняясь перед его подвигом, или юродивым, не желая принимать его уроков. Впрочем, он уроки свои никому не навязывал, но преподавал их зачастую в провокативной форме. Как хорошо он умел смирять напыщенных своей «духовностью» городских батюшек, вворачивая грубое простонародное слово, как бы заливая чернилами хрестоматийные прописи «духовности». И тут уж не помогали никакие самоуспокаивающие мысли на тему: «Ну, он же сидел!»

Вспоминается и такой случай. Столичный священник задумал создать большое и сложное церковное учреждение. Когда он попросил у отца Павла благословения и молитв, батюшка порылся в кармане и со своей обычной любовью протянул ему свою лепту. Священник, в высоком сознании величия своего замысла, не почувствовал символичности момента и отверг лепту старца. Снисходительно улыбаясь, он произнес: «Ну, что Вы, батюшка, нам нужно очень много денег!» Ответ был молниеносным: «Ну, и идите вы с вашим учреждением», — сказал отец Павел, отворачиваясь. Его фразу я цитирую не полностью.

Богослужение было для отца Павла не застывшей формой, но живой реальностью, самой Жизнью. И в богослужении он был свободен. Помню, как молодой начальствующий священник, стесняясь этой свободы, настоял на произнесе-

нии длинной молитвы на освящение воды, которую отец Павел уже было опустил. И в то же время, когда слепнущему батюшке стало трудно служить по Служебнику, московские художники по его просьбе срочно переписали от руки аршинными буквами Литургии святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Самое главное, что до гроба будут помнить те, кто встречался с батюшкой, — его огненную любовь, любовь не только к Богу и святым Его, но и ко всем, кто Промыслом Божиим встречался ему на жизненном пути. Как духовник он был бесконечно снисходителен и готов был отпускать грехи многие и лютые, не всегда считаясь с буквою канонов. Но любовь Христова, которая в нем жила и действовала, попаляла все нечистое и скверное, и напрасно к нему приближались те, кто хотел найти поблажку своим грехам.

Однажды отец Павел долго и очень серьезно, без обычных прибауток, внушал нескольким московским священникам, что их долг — помочь собрату, овдовевшему подмосковному иерею. Его все чуждались как модерниста-обновленца. Но через год я встретил этого иерея, и уже не было заметно его прежних увлечений. Я это приписал молитве отца Павла.

«Последний старец»? Может быть. Во всяком случае, один из последних ушедших от нас мучеников — «свидетелей верных»[1] Христовых — тех, кто пострадал не в силу одних лишь судеб Божиих, но и в радостной решимости пролить кровь за Христа. По одной эсхатологической догадке, гонения 1920-х–1930-х гг. и были той предсказанной «великой скорбью, какой не было от начала мира доныне, и не будет»[2]. А конец мира может наступить в один момент, стоит лишь заморскому человекообразному зверю нажать маленькую кнопку...

Но верующему во Христа это не безмерно страшно. А память о таком человеке, как отец Павел, благодатью Божией победившем зло мира, помогает возгревать христианское упование. С радостным трепетом внемлю до сих пор звучащему в памяти приветствию старца: «Валькя-я-я!»

[1] Откр. 2, 13.
[2] Мф. 24, 21.

На фото — отец Димитрий, отец Василий и отец Анатолий Денисовы (слева направо) с отцом Павлом

Протоиерей Анатолий Денисов, благочинный Брейтовского округа Ярославской епархии

С отцом Павлом я познакомился еще до армии, в Тутаеве, у своего зятя, протоиерея Николая Лихоманова (ныне архимандрит Вениамин), настоятеля тутаевского собора. Отец Павел очень ценил тутаевский Воскресенский собор, его великую святыню — чудотворную икону Спасителя. Кроме того, в Тутаеве жил родной брат отца Павла Александр Александрович, и батюшка туда часто приезжал. Там мы с ним и познакомились. После армии я окончил семинарию и стал священником.

Еще до того, как я поступил в семинарию, отец Павел пригласил меня в первый раз к себе на приход. И вот едем мы из Тутаева. У него было восемь сумок — все набиты чем-то, тяжелые. Он говорит:

— Толянко, ты буланкой мне послужишь.

Я говорю:

— Батюшко, так конечно.

Он босиком. Жара невыносимая. Через плечо навешали: Марья две сумки, я сумки четыре. Пот — во все ручьи. Приехали в Рыбинск, оставили сумки на вокзале. Отец Павел говорит:

— Толькя, пойдем на Мытный рынок.

Это старый рынок в Рыбинске. Отец Павел там всех по имени даже знал. Вот мы идем. Подходим — памятник Ленину. Смотрю: отец Павел крестится и кланяется. Я говорю:

— Батюшко, так это же Ленин.

А он говорит:

— Толька, дурень, смотри внимательно пьедестал-то.

А я смотрю, пьедестал-то никак не вяжется с Лениным. Оказывается, Ленин-то — современная скульптура, а на пьедестале там царь Николай стоял раньше. И это очень заметно: старинный постамент, а на нем Ленина поставили.

Заходим на рынок. Одни грузины, да армяне, да азербайджанцы сидят; да арбузы да дыни — ножики воткнуты. И никто ничего не берет. Увидели батюшку отца Павла: волосы распущенные, босиком, шаровары. Подходит отец Павел к мужику-азербайджанцу, берет дыню, отрезает от дыни сантиметра три пласточек — мне, отрезает Марье. Этот мужик подошел — он и ему отрезал. Тот берет. Все едим. Мужик смотрит, отец Павел говорит:

— Ешь, ешь.

Он ест. Хочет, наверное, поперек сказать: у нас денег-то нету. Отец Павел говорит:

— Хороша дынька. Вкусно.

Мужик говорит:

— А у нас все такие.

— Толянко, возьмем?

А я думаю, чего же сказать-то? У нас и так восемь сумок...

И вот мы пошли по рынку, а этот азербайджанец бросил свой лоток и ни на минуту от нас не отстает. Я говорю:

— Ты иди, тебя ограбят.

А он говорит:

— Где этого деда можно найти еще?

Я говорю:

— Да тут много таких бородатых ходит.

— Я тебя спрашиваю, где вот этого деда можно найти.

— Чего ты к нему пристал-то?

— Не твое дело. Где этого деда можно найти?

— Так иди вначале покрестись.

— Не твое дело.

И вот так ходил целый час за отцом Павлом. Потом надавал ему этих дынь просто так.

Устали, сидим на вокзале с Марьей. Чего же делать-то будем с этими сумками, а? Как же быть-то, а? Отец Павел говорит:

— Пойдем к Ваське.

– Так поди уж скоро поезд.

– Толенькя, оставляй дыни, пойдем.

Заходим, смотрим: «Начальник отделения линейной железной дороги подполковник Василий Иванович какой-то там Важный». Отец Павел открывает двери.

– Ой, Васенька!

– Батюшка, дорогой ты мой!

– То ли вези, то ли сади. Как хочешь!

Подполковник выбежал, сразу обнял батюшку, закрыл кабинет свой изнутри поплотнее:

– Батюшка, по восемь капелек!

– Обязательно!

Сразу коньячку да по стопарику помаленечку. Марья кричит:

– Батюшка, тебе нельзя!

Он говорит:

– Васькя, ты бы Марью куда-нибудь в технички устроил бы. Надоела, зараза!

В шутку, конечно. Подполковник троих участковых вызвал, все эти сумки взяли, остановили поезд не на две минуты, а на пять, посадили в вагон, денег еще на дорогу дали, да еще и стремянную стопочку налил. Отец Павел говорит:

– Толенькя, вот так я и живу: не имей сто рублей, а имей сто пятьдесят.

А вот как отец Павел ездил в Тутаев брата своего навещать. Приехал в Рыбинск, да опоздал на тутаевский автобус. Подходит к таксисту, говорит:

– Ой, дорогой, меня к Шурке отвези. Я вот щуку везу в подарок.

А таксист говорит:

– Дедушка. Вот какое дело. Нам за пределы города запретили выезжать. Ты скажи, если спросят, что до Октябрьского.

– Да будет сделано.

Сел на заднее сидение, держит щуку, едет. Волосы распущены, босиком – как обычно. Только выезжают из города, милиционер останавливает, спрашивает:

– Дедушка, вы куда?

Александр Александрович Груздев — брат отца Павла

А отец Павел забыл это название:

— А-а, м-м-м, гм-гм...

Милиционер говорит:

— Видать, это немой.

Батюшка обрадовался:

— Немой, немой.

Когда я был еще молодой, только что после армии, семинарист, посмотрел я фотографии Иоанна Кронштадтского, и очень понравилась мне его соломенная шляпа. И я поехал без ведома моей молодой жены и купил желтую соломенную шляпу.

Приезжаю домой, а Галя на меня:

— А, ты такой-сякой, как тебе не стыдно, в такой шляпе!

А я себе возомнил, мне нравится: Иоанн Кронштадтский тоже в шляпе ходил. А я в пиджаке, да волосы длинные, да еще в шляпе.

Однажды ко мне родственники из Сибири приехали, и мы решили на ВДНХ сходить. До обеда мы на Литургии побыли, а после обеда на ВДНХ. Многие там на нас смотрели и удивлялись: попы на вылазке, длинные волосы, да еще шляпа. Матушке моей это очень не понравилось, она-то вроде городская и под ручку со мной не хочет идти. Сильно она на меня восстала, и целый вечер мы ругались. Эта шляпа была камнем преткновения. Я говорю:

— Не брошу шляпу и все. Она мне нравится.

Она говорит:

– А мне не нравится шляпа.

И вот как-то я отправился к отцу Павлу: у меня много вопросов было. Это был дальний путь. Я доехал на поезде до Шестихина, там на автобусе, дальше пешочком. Приехал. Отец Павел выходит из своей кельи: короткие шаровары, ноги босиком, волосы распущены. Говорит:

– О, Толянко, в параличной шляпе идет.

Я говорю:

– Батюшко, дак новая.

– Дак сам вижу.

Он снял с меня шляпу и на кол повесил. Так она три года ворон отгоняла. Приехал я домой – и никакой атомной войны.

Разругались второй раз. Пошла тогда матушка моя к отцу Павлу жаловаться уже на меня. Вот он ее встретил и говорит:

– Галькя!

– Чего, батюшко?

– Денисовых-то много?

– Много.

– Так тебе самый лучший достался!

– И верно, батюшко.

И по сей день живем вместе, уже 24 года, по молитвам отца Павла.

Приехала как-то к отцу Павлу другая матушка.

– Батюшко, все бы хорошо. Да у меня священник мой дурак. Чего с ним делать? То ли бросать?

– Да нет, матушка, бросать не надо. Мне кажется тут есть виновник.

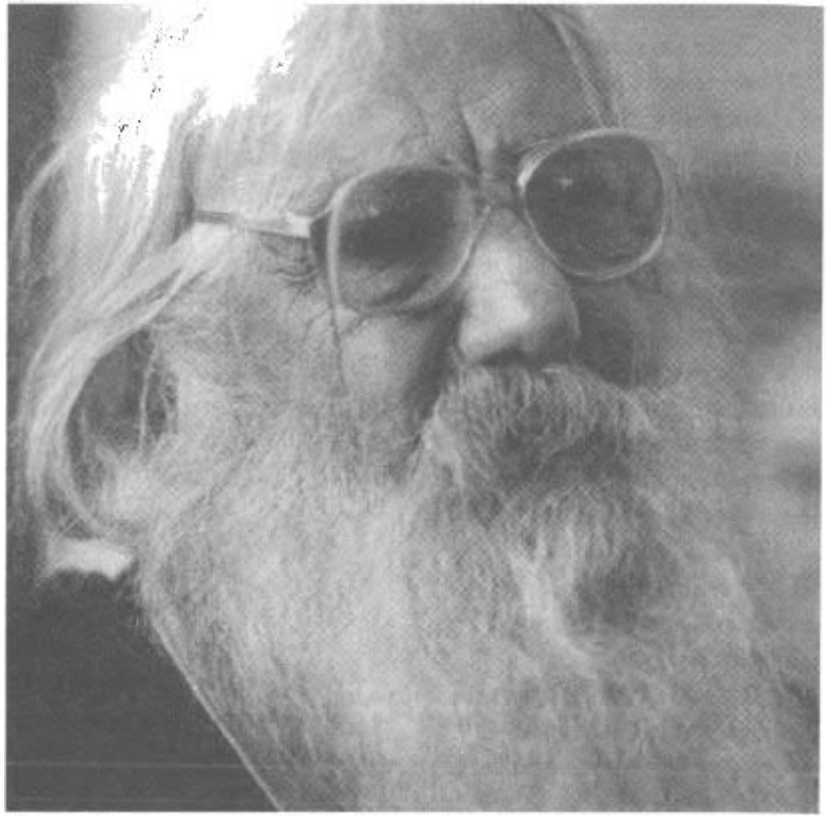
– А кто?

– Тюфяк. Да, тюфяк. Я даже могу тебе подсказать, как помочь твоему делу.

– Да я запишу даже, батюшко.

– Да можешь не записывать. Ты иди домой, возьми тюфяк на спину и держи, а батюшку попроси, чтобы он его хорошенько наказал, пусть тюфяк-то выколотит. И это сразу поможет.

Тогда матушка поняла, что она много говорит, а дома по хозяйству ничего не делает. А батюшка придет со службы –

В Димитриевском соборе Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря, г. Ростов-Великий. 4 октября 1992 г.

и не покушать, и не постирано. А она, несмотря на это, пришла еще и к отцу Павлу жаловаться. А батюшка-то с любовью ее обнял да и сказал, что тюфяк виноват.

В 1985 году я окончил семинарию, и владыка Ярославский и Ростовский Платон (он сейчас в Аргентине), который в этом же году занял эту кафедру, отправил меня в самый глухой приход. Это север Ярославской области, село Спас на Водоге Пошехонского района.

Когда мы с матушкой первый раз туда поехали, это было ужасно. После Троице-Сергиевой Лавры какое-то Пошехонье, да еще 50 километров, полное бездорожье. А матушка

перед тем как ехать купила новые босоножки. Вот идем, босоножки на втором километре сгорели полностью. Уже ропщем: да какие же это мастера, да зачем так далеко церковь построили!

Пришли туда, а там всего 10–20 старух. Они и говорят:

– Да нам вроде и священника-то не надо. Мы тут все уже умираем. Понамрут-понамрут – батюшка приедет соседний, отпоет, и опять мы так живем. Нам постоянного, наверное, и не надо. Как вы будете здесь жить? Умрете с голоду, да и все. Дорог нету, магазина нету, медицины нету. Чего вы здесь будете делать? Давайте-давайте отсюда. Мы вас чайком попоим, да и милости просим: езжайте.

И вот мы снова пешочком обратно, нисколько не думавши, что мы сюда вернемся. Поехали с Галей к отцу Павлу.

– Батюшко, так-то, так-то, нас отправили в такое село.

А он и говорит:

– Толькя, был бы я архиерей, дальше бы направил. Да там так хорошо!

Свечек нам надавал, подарков разных да проводил. Мы и пошли с Галей.

Приезжаем обратно. А там совершенно другая атмосфера. Вот, кажется, было черное, когда уезжали, приехали – а все белое. Все рады, все нормально, и 15 лет мы отслужили на том месте.

Когда прослужили мы там год, поехали с Галей к отцу Павлу. А к нему приезжаешь – как к себе домой. Не то что «извините» да «простите». Отец Павел скажет: «Чего расселся, иди хлеб режь. Что ты там, иди картошку почисть». Именно как домой пришел.

Я только дверь открываю:

– Батюшка, благослови!

А он:

– Иди за водой сходи, благослови-благослови... Галькя, заходи сюда!

Я за водой побежал, а он Гале-то и говорит:

– Галькя!

Она говорит:

— Чего, батюшка?

— Да я вот чего думаю. Чего вы там в глухой деревне сидите. Я с владыкой переговорю, вас, может, и переведут.

— Батюшка, а нам понравилось. Мне кажется, и не надо никуда. Я думаю, чего в городе делать? В деревне то ли дело.

Вот так он проверил нас.

Слава Богу, что мы стали там трудиться. Мы стали заниматься восстановлением храма, но и лампочки по деревне надо завернуть, и дорогу пробить, и покосить старухам, и дровишек привезти. Я поехал в Троице-Сергиеву Лавру попросить старый трактор, так как я в тракторах лучше разбираюсь, чем в Жигулях. Мы его подремонтировали, и я на нем и старух перевозил в церковь и из церкви, и дровишки начали заготавливать.

Настало время, когда депутатов стали выбирать. Старухи меня и выбрали за то, что я лампочки по деревне заворачивал, потому что у меня у единственного в округе «когти» были на столбы лазить. А старухи куда в 90 лет полезут на столб-то?

И узнал обо мне друг детства из Сибири Павел и захотел найти меня. Он очень много выпивал, развалил много семей, то одну бросит, то вторую бросит, детишек много, а мать все плачет. Он говорит: «Пойду-ка я Тольку искать, он попом стал». Вот и поехал. Сала отрезал, одеяло, подушку с собой взял, сто рублей зашил — как бы только не ограбили. С большими трудностями из тюменской деревеньки добрался до ярославского глухого села. Вот и встретились. Он приехал с большой жалобой на себя: «Спиваюся. Помоги!»

Я в то время к отцу Павлу уже часто ездил, потому что Господь помог мне увидеть в нем истинного пастыря, который доходчив был до любого сельского и городского нуждающегося. Мне жалко было этого Пашу, и я повез его к отцу Павлу.

Мы долго добирались, пришли к отцу Павлу. Он нас встретил:

— Чего, Толянко?

Я говорю:

— Дак чего, батюшко, приехал вот Пашка-друг, дак пьет.

– Чего, Павлушка?

– Дак чего, батюшко, беда, напиваюсь я.

А отец Павел кулак сунул ему под нос и говорит:

– Паша! Не бросай. Не бросай!

Мы все рот открыли, думаем, что же такое-то, вроде все наоборот.

И вот с этого дня тот бросил пить, и сейчас прекрасный человек, и в рот ни капли не берет. Потому что у батюшки была огромная сила слова – не витиеватость, а именно сила. А сила его слова – от молитвенного подвига. Он любил молиться, любил акафисты читать.

Один раз на меня уныние напало. Появились у меня такие мысли: все люди такие степенные, такие важные, а я какой-то непутевый, все суечусь чего-то. Я пришел к отцу Павлу, говорю:

– Батюшка, как на кол надели на меня рясу-то, от меня толку никакого нет.

А он посмотрел на меня и говорит:

– Толькя, а Иоанн Кронштадтский шустрее был тебя, да и не заглядывал ни на кого, а был какой есть. Ты понял? Вот и иди отсюда.

И я пошел...

Как-то решил я крышу перекрыть. Но как одному справиться? И вот Господь помог мне. Из Москвы приехал ко мне Александр. Хороший, большой человек, душа. Спаси его, Господи. Приехал и говорит:

– Я помогу тебе, батюшка, крышу покрыть.

Помню, купил я армированное железо за 8 рублей лист: гофрированное, хорошее, легонькое. Рад-радешенек. Привезли, крышу перекрыли. Он сам собрал мужиков. В 4 часа утра встает и нас гоняет. Я говорю:

– Да ладно, ты не указывай мне.

А он говорит:

– Ты иди молись. За крышу я отвечаю перед Богом, а не ты.

На фото справа — отец Анатолий Денисов

Дело-то уже к концу, а я забыл насчет денег-то с ним договориться! Сколько он с меня попросит? Вот тут-то я и присел. Думаю, как объявит мне цену-то московскую, мне придется в колхозе полстада продавать. А он мне и говорит на мой вопрос:

— Да нет, батюшка, если бы мне надо было денег, я бы в Москве заработал. А ты мне найди медку да своди к отцу Павлу. Вот что мне и надо.

И вот по окончании крыши поехали мы к отцу Павлу. А дорога плохая была. Это царская еще дорога была от Рыбинска до Углича, ее недавно асфальтировали, лет 10 назад, а тогда она каменка была. Подъезжаем. У отца Павла келья была всегда закрыта. Я стучу:

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас. Отец Павел!

Он кричит:

— Толянко, давай Сашку-то сюда веди!

Меня даже озноб взял. Сотовых не было, телефона не было, в окошко не видел — почему он сразу его назвал? Ему за-

ранее никто не мог бы сказать, что я с Александром приехал. Я хотел спросить у него: «Ты откуда знаешь?» Но я знаю, что он бы ответил: «Не твое дело».

Всех нас он принял, всех приголубил, мы очень довольны были.

А однажды поехал я к отцу Павлу с экономом из Лавры отцом Спиридоном. Вот, значит, едем-добираемся. На улице жара ужасная! Обычно когда к батюшке едешь, все чего-то купишь на стол: он сельский батюшка, да чего у него там есть? А он заботится, чем-то нас кормить надо. А в этот раз мы засуетились и ничего с собой не взяли. А тут вроде эконом-то едет, и я-то еду, и стыдно — даже куска хлеба с собой нет. А пока шли пешком да проголодались-то! Пуще, чем соловецкая чайка. Приходим к нему:

— Батюшко!

— Ой, Толька, здорово!

— Да вот чего. Привез эконома из Лавры.

Он говорит:

— А я ничего не сэкономил. Да заходи давай!

Пришли. А в это время отец Павел отпевал Васю — первого коммуниста в Верхне-Никульском. Народу пришло! Все такие видные, а мы зашли в храм: отец архимандрит Спиридон в штормовке и я в какой-то скуфейке. Подошло время Апостол читать. Отец Павел на меня надел епитрахиль, я прочитал Апостол. Потом снял епитрахиль и на отца архимандрита Спиридона повесил: «А ты Евангелие читай». И когда дело дошло до разрешительной молитвы, он ее не читал, только так ее свернул, перекрестил ею покойника и говорит:

— Васенькя! Мы же с тобой хорошо жили, не ругалися.

Но разрешительную не стал читать, потому что, говорит, он был ярый коммунист. Потом сказал всем:

— Не забывайте, молитесь, ходите на кладбище, поминайте.

А когда отнесли его на кладбище, коммунисты там стали говорить речи-митинги, а отец Павел нам говорит:

— А я-то первый.

После отпевания мы пришли к отцу Павлу. Батюшка поставил на стол капусту и говорит:

— Капусту и поставить не стыдно, и съедят — не жалко.

А потом говорит:

— Отец архимандрит, ты нас обожди. А мы с Толянкой куда-то сходим.

У него шаровары короткие, волосы длинные, он вдоль деревни идет. Идем по улице, смотрю: красивый дом! Наличники, все украшено. Замок висит. Он руку куда-то засовывает, достает ключ, открывает дом. Заходим, там все чисто, убрано, намыто, навытерено. Он открывает русскую печь, там стоит чугун, он берет горшевик (это тряпка, которою горшки вытаскивают), мне дает этот чугун. Я беру, выхожу. Он закрыл дом. Я впереди с чугуном, он сзади. Идем значит. Он говорит:

— Надо же эконома-то накормить.

Вот он налил вкусных щей нам всем из этого чугуна, потом говорит:

— Ты помнишь, где брал-то? Вот туда иди и поставь.

А это дом-то председателя колхоза был. Он пока на работе был, а мы у него щи уперли. Я шел, думаю, ой, да если поймают-то, а я-то из печки щи упер, да вместе с чугуном! А боюсь: как батюшки не послушать! Руки трясутся, на пол поставил чугун-то, да как бы не пролить-то, открыл дверь, захожу, оглядываюсь, как бы не зашла хозяйка. А как закрыл дом-то, так я не помню, как бежал-то: грязь выше затылка летела.

Наелись. Отец Павел говорит:

— Вот, отец архимандрит, так я и живу. Не имей сто рублей, имей сто пятьдесят.

Был еще такой случай. Первая неделя Великого поста. К вечеру к отцу Павлу приезжает игуменья одного монастыря. Он ее очень чтил и уважал.

— О, преславные небесе, мать игуменья сама ко мне! Как хорошо! Марья, ставь на стол! Уж что Бог послал.

Поставил студеня на стол, мясо.

— Матушка, давай хоть по восемь-то капель. Уж что Бог послал.

Сидят, три часа дня, пятница первой недели Великого поста, пьют, мясо едят.

– Матушка, ну, уж что Бог послал.

Стала она уезжать, отец Павел опять говорит:

– Уж что Бог послал.

Она не понимает, почему отец Павел все время это повторяет, как-то не у места это слово. Приезжает в монастырь – а там курятник сгорел, пилорама сгорела, монастырская машина «Урал» с моста упала на железнодорожную ветку Москва – Владивосток: на час задержала движение, счет им выставили. Игуменья побежала по телефону звонить:

– Батюшка, у нас такое несчастье.

А он говорит:

– Что уж Бог послал.

Один парень, Коля, окончил сельскохозяйственный институт. Отец у него первым коммунистом района был, первым организатором колхозов, депутатом съезда. И вот после получения аттестата идут ребята толпой мимо храма, где батюшка служил. И один паренек говорит:

– Слушайте, ребята, пойдем забежим. Тут батюшка такой интересный служит.

Коля говорит:

– Батька-то узнает, так выпорет меня. Скажет, к попу ходил, с работы еще снимут.

А отец Павел увидал их всех, подошел к этому Коле и говорит:

– Колянушко, дай-ка бумажечку, которую тебе дали за пять лет учебы.

Коля аттестат-то подает, а там все красиво выведено, чернилами. Отец Павел взял и написал прямо посередке: «Колянушко, люби всех и тебе так же». И точка. Парень вроде и расстроился, а отец Павел его так прижал к себе и обнял. Так тот говорит, что и по сей день такого тепла ни от кого не видел. Сейчас он заместитель главы нашего района, у него в кабинете на столе стоит фотография отца Павла.

Отец Павел очень любил свой Троицкий храм в Верхне-Никульском. Не было дня, чтобы он утром не встал, не зажег лампадочку, не почитал акафист. Акафист, бывало, читал один. Один встанет посередке — и сколько есть сил кричит, читает акафист.

Очень он почитал икону «Достойно есть» и всегда на день прославления этой иконы Божией Матери рассказывал историю ее появления в селе Верхне-Никульском. В этом селе жил Илюшка Мраморный. Он пожелал уйти в монастырь, и не куда-нибудь, а прямо на Афон. На Афоне он принял постриг с именем Иосиф. Отец Павел объяснял, что отец Иосиф был великой жизни человек. И насколько он мог, он жил по примеру афонских старцев, и тем самым обрел такое уважение у игумена, что игумен изъявил желание внимание ему оказать. Отец Иосиф говорит: «Мне не надо, а напиши лучше в подобную меру копию иконы "Достойно есть" и отправь ее ко мне на родину». И не только написали икону, а даже три частички мощей вложили в эту иконочку и отправили к нему в Верхне-Никульское Некоузского района Ярославской епархии. На сегодняшний день эта икона находится в граде Рыбинске в Казанской церкви.

Батюшка очень почитал монашествующих. Когда ему исполнилось 50 лет, он принял монашеский постриг. Как он говорил: 50 лет миру, 50 лет Богу.

Отец Павел любил рассказывать про Афанасьевский монастырь. Недавно мологжане пригласили меня поехать на Мологу. Мы отслужили там панихиду, и веночки бросали, и за веночком падали слезы. Старичков-то уж мологжан мало осталось, и все отца Павла знали, все к нему ездили.

Батюшка очень любил ездить на Валаам, и всегда, когда мы собирались вокруг него, он рассказывал нам о своих поездках. Всегда он ездил не один, а «с дурочками», как он говорил. Ездил на корабле. А на корабле дикарей-то не возили, только группами.

«А я, — говорит, — не турист, я ездил-то помолиться. Вот, говорит, объявляют:

После возвращения из ссылки

Воскресенский храм села Борзова — место первого служения отца Павла

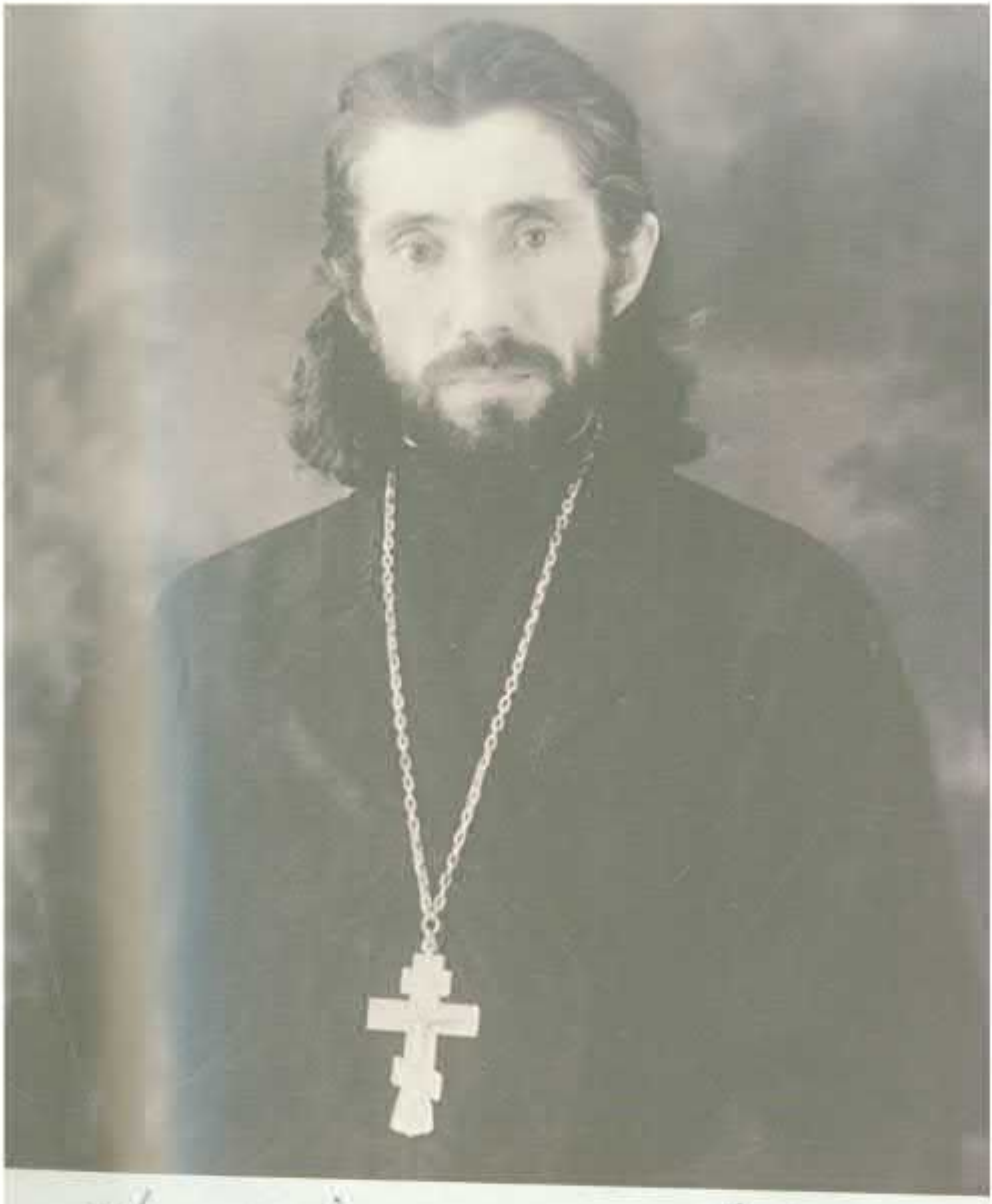
Преосвященнейшему
епископу Исаие

от Павла Александровича
Груздева покорнейшая
просьба.

Христос Воскресе! 1961 г.

Ваше Преосвященство Владыко-Святый!
Господь наш Иисус Христос, святым своим
ученикам и апостолам а в лице их и всем
христианам сказал "Жатва убо многа делатели
же мало". На основании этих святых слов дерзаю
аз недостойный молити убо Вас Господина жатвы
да изведете меня делателя на жатву Господню.
Повелеть причесть мое недостоинство к лику служите-
лей святаго Алтаря: Множество верующих нашего
города Тутаева мне заявляють почему я с моими
знаниями и способностями не прошу Вашу
Святыню о рукоположении меня во священники.
И сам я духом чувствую что моя дорога должна
идти на Службу Богу.
Моя авто-биография Груздев Павел Александро-
родился 3го Августа 1911 г. Яросл. обл. Мологский р-н
деревня Борок рядом с нашей деревней находился
Мологский Афанасиевский женский монастырь.

Прошение Павла Груздева епископу Исаие о рукоположении

На добрую память Нине из
теплых рук — Иван Шмелев

Храм во имя Живоначальной Троицы в селе Верхне-Никульском

Сторожка священника при Троицком храме

В селе Верхне-Никульском

Надпись на обороте фотографии

Х В
Доброе девочки здравствуите! Как Вы
поживаете я вон наливаюсь по самовару
Зарежаю Жив и сравнительно здоров
да вроде и Енюха-та неплево завтра
поедут в Рыбну к Анне надо яиц свести
пусть едят да купить надо краски
надим делать навужной ремонть
а в Хутыне то всегаки ноче в
Петровки думаю что побываем
будте здоровы и Богом Храним
Ё. Привет привет Васе с Мофіеш,
и Ж В. уш Константиновна
не хварает
надо ел олеха
вим не вешт

Его Высоко-преосвященству Высоко-преосвященнейшему Никодиму, Архиепископу Ярославскому и Ростовскому: от священника села Верхне-Никульское Некоузского района Грузова Павла Александровича

Прошение:

Ваше Высоко-преосвященство, милостивый мой архипастырь и отец, сегодня 3-16 августа от дня рождения мне исполнилось 50 лет, которые провел в мире и вся жизнь в нем; Перешагнув на вторую половину моего века молю и прошу Господа, и преподобного Антония Римлянина в коего день памяти я родился провести остальные дни моей жизни в монашеском чине. К коему имею желание во все дни жизни моей. А посему прошу Вас милостивого моего архипастыря и отца если будет на то Ваша воля и Благословение удостоить меня монашеского пострига.

Повергаю себя и свою волю у ног Вашего Высоко-преосвященства.

Нижайший и многогрешный Ваш послушник свящ. Павел Грузов 16 Августа 1961 года

Прошение отца Павла о монашеском постриге

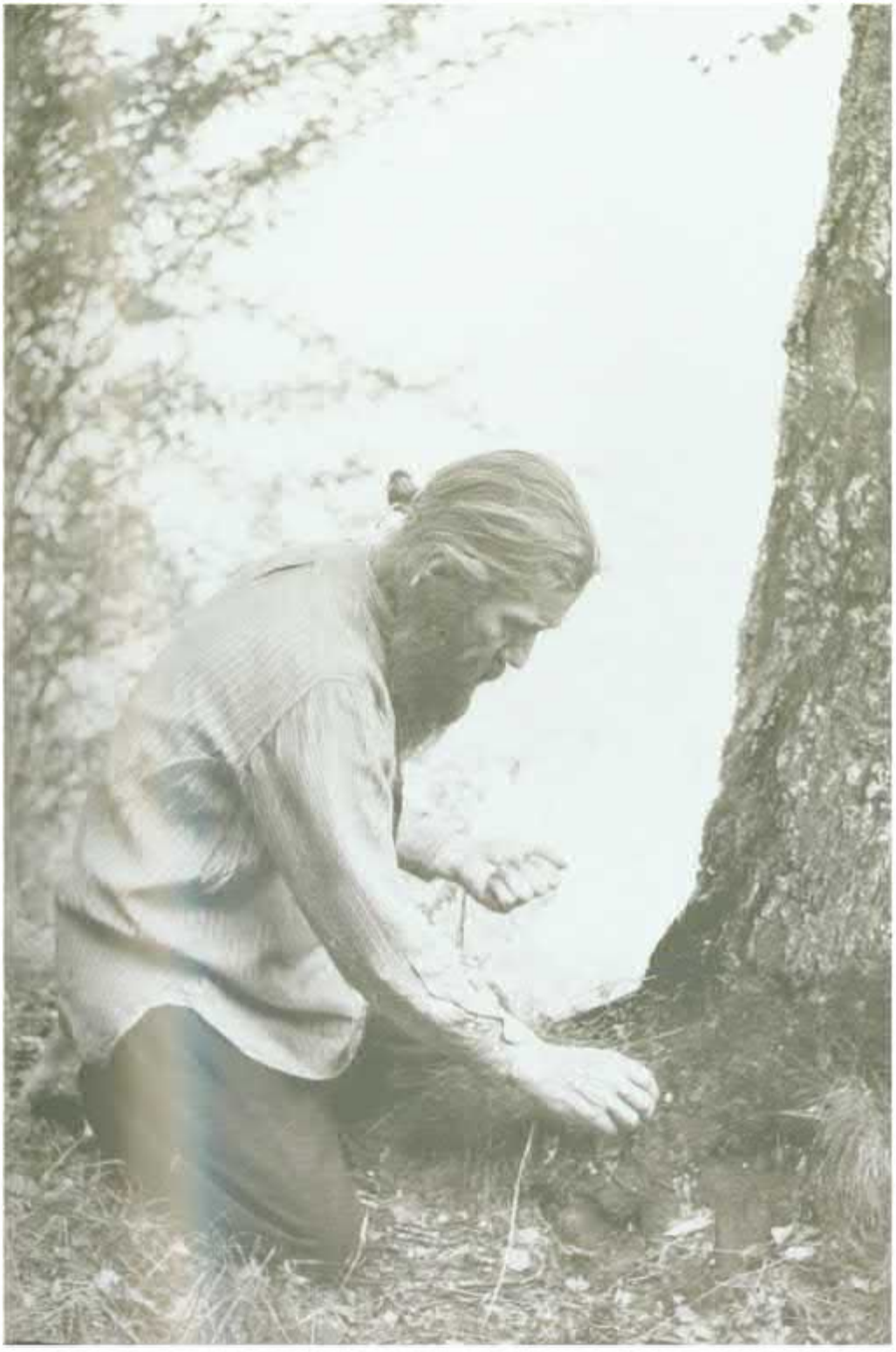

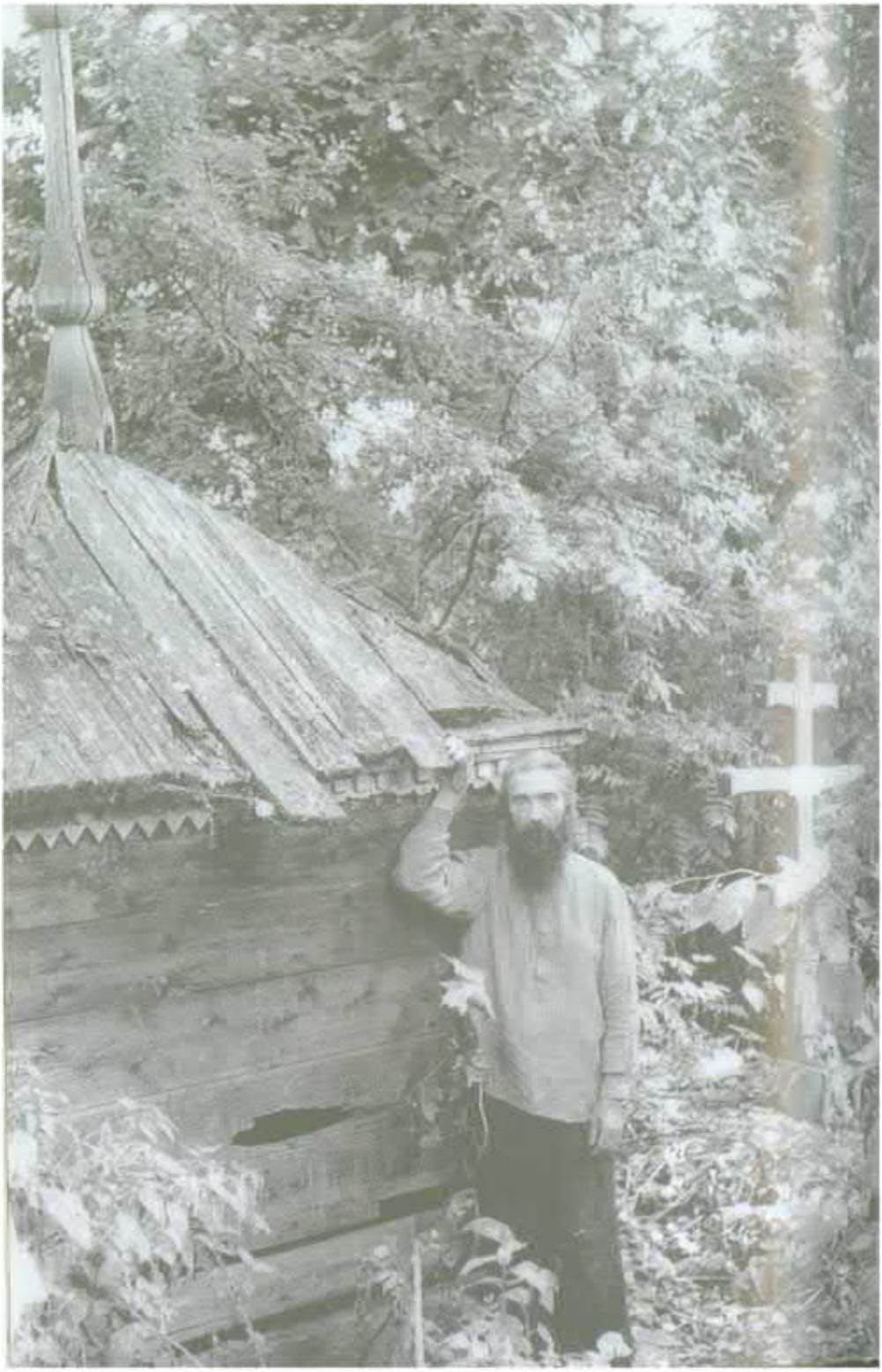

Отец Павел с сотрудниками Института внутренних вод в Борке

Иеромонах Павел

Отец Павел с академиком Академии Наук СССР,
лауреатом Ленинской и Государственной премий,
Героем Социалистического труда Львом Андреевичем Арцимовичем
(1909–1973) и его дочерью

◂ У часовни на кладбище в селе Верхне-Никульском

В селе Верхне-Никульском

Отец Павел с архимандритом Платоном, будущим архиепископом Ярославским и Ростовским.
Начало 1970-х годов.

В селе Верхне-Никульском

— Такие-то, такие-то, всем явиться в ресторан.

А «дурочки» мои говорят:

— Батюшко, может, мы-то не пойдем.

— Не пойдем, так нехорошо же будет. Ладно, вы спите, вот по яичку вам.

А сам-то пошел. Прихожу, смотрю, мне поставили все: это все в билет входит. Взял перекрестился, «Отче наш» прочитал, «Христе Боже, благослови ясти и питие рабом Твоим». Сижу, ем. А мужик рядом сидит и говорит:

— А Вы только себе? А мне можно?

— Так я бы и перекрестил, только там нечего и выпить-то.

— Ой, да сейчас будет, батюшко.

Тут второй мужик говорит:

— А мне?

Смотрю, народ-то весь уже встает. Ну, что ж надо тогда: «Христе Боже, благослови ясти и питие рабом Твоим»...

Вместе так нажрались! Буфетчица и кричит:

— Убирайте старика-то, завтра нечем торговать будет!

Приехали туда. Велик остров Валаам тем, что он действительно намоленный. И вот батюшка рассказывал, как он сильно переживал, что не мог попасть в валаамские храмы и соборы, потому что там была государственная реставрация. Он пришел к строителям в вагончик, а там какая-то баба сидит с цигаркой. Он открыл дверь, и ей — как снег на голову: стоит монах в рясе. А она и не знает, чего делать. Цигарка изо рта выпала. Батюшка ей объяснил, что хочет в храм попасть. Она говорит:

— Только в каске, чтоб на голову чего не упало.

И вот отец Павел привез из этого храма кирпич. У него в келье на нем стоял утюг. Еще привез литровую банку углей с места пожара, где сгорела часовенка, и внутрь положил бумажку: «Это богатство при пожаре выносить первым». В уголочке у него хранилась вешалка от монахов, и он говорил, что этой вешалки касались руки людей великой жизни.

Приезжали мы к отцу Павлу в Верхне-Никульское два раза в год обязательно: 24 июня на празднование в честь иконы

Божией Матери «Достойно есть» и 19 ноября на День Ангела. Много нас собиралось, человек 30 или 40: и московские батюшки (отец Владимир Воробьев, отец Аркадий Шатов, отец Александр Салтыков), и тверские, и ярославские. А у батюшки проповедь была всегда на злобу дня, и всегда простыми словами. Это было всем необходимо и дорого. Ведь если батюшка начнет сыпать богословскими терминами — трансцендентность, имманентность — старухи же ничего не поймут. А он выходил на амвон: митра, может быть, кривенькая, из-под подрясника валенки починенные торчат — и говорил:

— Дорогие мои старухи! Верно, Марья?

А она из угла отвечает:

— Верно, верно, батюшко!

— Вот сидят на пенсии. Морду нажрала, как решето, сидишь на пенсии — обленилася. Ах, ты зараза, работать надо. Тебе не надо — людям надо. Верно, Марья?

— Верно, верно, батюшко!

— Спаси, Господи, праведников шоферов. Мы поедем в центр: постоять немного, дак заорем да зашипим, что не уступили место. Ух, негодные старухи! А пойдем в магазин, начнем хлеб-то выбирать да вилкой щупать: ой, этот твердый. Взять за ухо да отвести домой: пеки сама! Муки дают — лень пекти. Во как обленилися!

И еще говорил в проповеди:

— Один раз намедни меня пригласил Васькя потолок покрасить. «Отец Павел, пойдем потолок покрасим». Ну, что ж, Пасха на носу, надо помочь. Пришел. Открыли форточку, чтоб не угореть. Красим потолок, смотрю: чего-то неладно. Залетел воробей и под нашим носом вертится. «Васенькя!» — «Чего, батюшко?» — «Да неладно чего-то». Выглянули в окошко, а из подоконника-то гнездышко с птенчиком-то и выпало нечаянно. А воробей-то, превозмогая воробьиный страх, летит к человеку, чтобы он ему помог. Каково ему жалко птенцов-то! А вы, бабы? Почувствуете в брюхе — куда бежите? Да за это убийство — аборт-то — и вы будете отвечать перед Богом по всей строгости, и муж ваш...

Жила у отца Павла бабка Еня. Она была блаженная. Отец Павел ее очень ценил, ухаживал за ней. Она великой жизни была. У нее было много кукол, и она все с ними возилась, а батюшка на проповеди говорил: «Это все ваши абортники».

Как-то молодой паре на проповеди он сказал:

— Отныне вы муж и жена.

Они заулыбались. А он прибавляет:

— А жена-то взята из ребра, а кости-то мозга не имеют. Ты мужа-то слушай.

А однажды при мне отец Павел открыл какой-то чемодан, а у него там — фаты от невест. Я говорю:

— Батюшка, тебе зачем?

А он говорит:

— Ну, вот вечером придут: венчай. А как она называется: не-веста — она должна не-ведать, а она уже ведала. Снимай фату, баба! Ты баба, а не невеста. Если невеста, значит она не ведает, а если ведает — значит ведьма.

Помню, отец владыка Платон приехал на праздник «Достойно есть». Начали ему многолетие петь, а он едва слезы сдерживает. Отец Павел увидел, что тяжело ему, и стал шутить:

— Ох, как зареву! Как сейчас зареву!

Потом говорит:

— Владыко, да хватит, останови их. Что ж они поют: «многая лета» да «многая лета» — так и не умрешь!

У отца Павла в храме был лысый пономарь Костя. Лысый-лысый и старше его в два раза, медленный такой. И вот отец Павел мне рассказывал:

— Толянко, а у меня Костя какой пономарь хороший. Я говорю: «Костя, кадило!» А он говорит: «Чичас разожгу-у-у».

Я тогда молодой был, не понимал, а сейчас понимаю: это что ж получается: надо всем в храме час стоять ждать, пока лысый Костя кадило разожжет? Какое терпение было у отца Павла, что он эту нерасторопность еще и в шутку превращал.

Если бы храм в Верхне-Никульском закрыли на три года, то никто бы не похудел, потому что за каждой иконой хранилось по 20–30 коробок конфет, по 50 ящиков консервов. Чего там только не насовано было! Отец Павел по случаю раздавал это людям.

Мои папа с мамой купили в Тутаеве рядом с собором домик. Мама любила батюшке отцу Павлу оладушек напечь. Отец Павел говорил: «Марья, напеки мне опекушков да папушников. Пироги — вакса: ешь и пачкайся». Папа пойдет перед службой, понесет оладушков:

— Батюшко, вот мы тебе принесли.

Служба кончается, и батюшка начинает всем раздавать. Эти оладушки-то папе и достаются. Он принесет домой маме:

— Вот отец Павел дал.

Мама-то и начинает папу костерить...

А когда отца Павла в Москву положили в больницу, туда столько верующих пошло — все идут и идут! Все несли отцу Павлу варенье да конфеты. Сосед говорит:

— Слушай, мне уже неудобно спать, банки в бока упираются.

Потом решили запретить это дело, перестали пускать к нему. Тогда верующие вот что придумали. Узнали, что в этом корпусе нет флюорографии, и всех больных водят в другой корпус. Двое посетителей шли в тот корпус, один надевал белый халат, а другого вел как больного, будто возвращаясь с флюорографии, и оба проходили к отцу Павлу.

В одной палате с отцом Павлом лежал какой-то высокий начальник. Он подумал: ну, что это люди за помощью к этому деду ходят, может, и мне он поможет. Говорит отцу Павлу:

— Дед!

— Чего?

— Да чего-чего! Храпит сосед. Я не спал уже три дня, глаза красные. Поможешь?

— Конечно, выручу.

Тот думает, как же он мне поможет?

Отец Павел подходит к тому, который храпит, и спрашивает:
– Тебе ничего не говорили?
– Нет, а что?
– Да вчера здесь вшивый умер.
Того как ветром сдуло.

Как-то на 9 мая собирали духовенство у вечного огня. Приезжал архимандрит Авель из Иоанно-Богословского монастыря. Он очень чтил отца Павла. Народу много, «Со святыми упокой» пропели. Когда все закончилось, отец Павел мне говорит:
– Толькя!
Я говорю:
– Чего.
– Я, говорит, сейчас в огнепоклонстве покаялся у Авеля, а он у меня.
Ведь вечный огонь – кому нужен? Вечная память, вечный покой – вот что нужно. А тут взяли и заменили вечный покой на вечный огонь.

Батюшка умел ладить с людьми, никого не обижая. В 1994 году я был в Иерусалиме. А отец Павел очень любил ладан. Он говорил: «Люди СПИДом болеют, а я ладан люблю». В Иерусалиме я встретил отца Фотия (он сейчас архимандрит в Приозерске, Валаамское подворье возглавляет), который передал мне для отца Павла ладан. Я приехал из Иерусалима, бегу быстрей в Тутаев, к келье. Только хотел стучаться в келью, смотрю: а там сидят мэр города Тутаева, заместитель губернатора, директор моторного завода – все такие видные. А отец Павел увидал меня, выглянул и кричит:
– Толькя!
Я говорю:
– Чего, батюшка?
– Ты не ходи сюда, тут вся эта мэрия-СССРия сидит.
И я не обиделся, и гости все поняли. Отец Павел скажет – и все понятно. Потом я, конечно, передал отцу Павлу ладан из Иерусалима. Столько было радости!

Отец Павел прошел большую школу жизни, и особенно в лагерях он научился сочувствовать людям.

Батюшка рассказывал, как тяжело жилось заключенным в лагерных бараках: утром выносили мертвых, складывали рядами. Когда его отправили из барака на вольное поселение, он как мог поддерживал арестантов. Помню батюшкин рассказ: «Слава Богу, в тот год урожай был на грибы. Думаю, Господи, прости, вот буду священником, замолю этот грех: упер у одного ведро соли. Взял лопату, пошел в лесу вырыл яму два на два, обмазал глиной, накидал туда дров, обжег, промыл это все — получилась бочка. Насолил я туда грибов, зимой отколю топориком и в барак отнесу».

Батюшка говорил, что он три раза в жизни плакал. Один раз — когда в лагере подал кусок хлеба умирающей от голода девушке, а она, заподозрив его в нечистых мыслях, отодвинула руку с хлебом и сказала: «Я честь за хлеб не продаю». «Я, — говорит отец Павел, — побежал и заревел: какая бывает чистота и высота!» Второй раз — когда сильно голодно в лагере было, уже снег выпал, и в лесу отец Павел увидел такое чудо: стоит елка, везде снег, а под лапами целая куча грибов. Они не должны там быть — а это такая милость Божия... И еще раз плакал, когда был в Троице-Сергиевой Лавре на открытии мощей преподобного Сергия[1]. Отец Павел рассказывал, что он смотрел на монахов и думал: «Неужто они настоящие, как те, которых я помнил? Неужто они не чекисты и меня не заложат?» Говорит, не выдержал, подошел к одному монаху, потрогал его и спрашивает: «Ты настоящий или нет?»

Рассказывал отец Павел, как пригнали их по этапу в Северный Казахстан: «Построили и стали пересчитывать. Ива-

[1] В апреле 1919 г. большевиками был произведен кощунственный акт вскрытия мощей прп. Сергия Радонежского, в 1920 г. Свято-Троицкая Сергиева Лавра была закрыта. В 1946 г. обитель вновь была открыта, Святейший Патриарх Алексий I совершал богослужение в Успенском соборе и открывал крышку над ракой мощей прп. Сергия. Честные мощи святого некоторое время пребывали в Успенском соборе, затем в Трапезном храме, освящая своим присутствием осквернённые святыни, потом заняли свое исконное место в Троицком соборе.

нов туда, этот туда – всех по списку. Список кончился, а мы трое остались. Всех увели, а мы стали кричать:

– А нас-то куда?

– Идите в военкомат.

Время уже позднее. Пойдемте хоть в кусты поспим маленько, ведь не спали да не ели там. Лежим, слышим: бум-бум, бум-бум. Утро: на службу. Глядь – недалеко церковь. А между собой-то опасно говорить: кто их знает, кто какие рядом. Я думаю, вот я пошел бы в церковь, исповедался. И говорю:

– Эй, ты, пойдем, может, поп-то накормит.

Один говорит:

– Ну, пойдем.

Другой:

– Ну, ладно. Чего ж.

Вот приходим. Я смотрю, народу много, видно, какой-то праздник. А нас видно, что мы арестанты, в кушачошках таких. Смотрю, батюшка вышел из алтаря, пошел на исповедь. Я думаю: тихонечко обойду и подойду к батюшке, может, арестанты мои и не заметят. Раз-раз-раз посередине прихожан. А там перед тем, как к батюшке подойти, разворачиваются, кланяются: простите меня, дорогие братья и сестры, – и на исповедь. Я разворачиваюсь – а они тоже стоят. Я думаю: была не была, добавят срок – все одна радость. Исповедался, объяснил батюшке все. Второй-то подходит. Оп, смотрю: а батюшка у него благословение берет. Значит это епископ арестант-то был. Потом батюшка с амвона объявил, прихожане покушать собрали, посидели там. А потом мы пришли в военкомат, там немножко нам добавили, годика два».

Рассказывал отец Павел, как на поселении в Северном Казахстане он работал на камнедробилке, жил у какого-то мужика в бане... «Однажды один мусульманин пристал ко мне:

– Паша-Паша, Паша-Паша, пойдем рыбу ловить!

Я и рыбу ловить не умел, чего я буду сидеть с этой палкой? Ну, чувствую, заставит. Ну, я пошел, взял удочку – давно зовет, надо сходить. А рядом церковь была Петропавловская...

Вот он закинул, и я сижу. Думаю, чего мне с этой палкой сидеть? Я от него подальше-подальше, пошел у Иваныча купил полведра рыбы. Стою дальше, он подходит:

— Паша, а это что у тебя полведра? А у меня ни одной.

Я говорю:

— Ты какому Богу молишься?

— Магомету.

— А я Петру и Павлу.

А он как вскочит, как закричит:

— Петр и Паша,
Бей Магомет наша!
Мой Магомет —
Совсем рыбы нет!»

А однажды мы с отцом Павлом были на праздновании Югской иконы Божией Матери у моего брата, отца Василия. После службы сидим за столом. И была там бабулька одна, работала в этом храме, старенькая, все помалкивала — видать, сидела за веру-то. Разговаривать боится: вдруг Сталин-то еще живой, может, обманули, что умер, и посадят ее еще разок — ничего приятного. Отец-то Павел ее сразу определил, сам сидит разговаривает. Тут отец Василий говорит:

— У нас Марья есть, она сейчас тоже чего-то расскажет.

Только она рот раскрыла, а отец Павел говорит:

— Опа, Марья, за чё сидела?

— За картошку.

Он говорит:

— А я ни за чё.

Очень многие хотели побывать у отца Павла и просили меня отвезти их к нему. Однажды одна игуменья обратилась ко мне:

— Повези меня к отцу Павлу.

Везу. А она уже важная была — что ты! Приезжаем, а время двенадцатый час ночи. Смотрим — замок. Соседи говорят, он в Борке в больнице. Подходим во втором часу ночи к боль-

нице. На втором этаже лежит батюшка. Нас только увидели, говорят:

– А, это к отцу Павлу. Ведите.

Заходим. Он в подушках сидит, в нижней рубахе, длинной, как подрясник. Я говорю:

– Батюшка, игуменью привез.

– Да ты что?!

Смотрит на нее и говорит:

– О, баба какая здоровая. Ты глянь-ка! Ну-ка, повернись еще. Да ты здоровая!

Она говорит:

– Батюшка, чего-то я болею.

– Врешь, зараза!

– Батюшка, а я вот кое-когда просыпаю на службу-то идти.

– Лентяйка!

Она думала, что он ее пожалеет, а как-то разговор не клеится... Тут отец Павел говорит:

– Игуменья, ты умеешь петь?

– Умею.

– Давай молебен, а?

– Давай.

– Давай начинай.

И сколько есть мочи в два часа ночи: «Благословен Бог наш...» – и кричит, сколько есть сил!

Я думаю, два часа ночи, сейчас врачи прибегут: вы чего делаете? Но никто не пришел.

Был еще такой случай. В Брейтове, где я сейчас служу, сильно почитали батюшку. Кто-то сказал, что отец Павел умер. Настолько достоверный человек, что все поверили. Райпотребсоюз выделил УАЗик, купили венков, взяли мешок судаков и поехали к отцу Павлу на поминки. Приезжают, подходят в Верхне-Никульское, идут все в черных платках. Выходит Марья. Они спрашивают:

– Где отец Павел?

Она говорит:

– В Борке, в больнице.

На фото слева — Анатолий Карпович Мусихин, хирург больницы в Борке

Видать, еще не привезли. Поехали туда. Подъезжают. Староста Валентина Михайловна говорит:

— Осиповна, иди ты первая.

— Нет, ты иди. Ты хоть платок сними, вдруг он живой!

— Как это живой? Та баба не обманет, она каждый раз с ним ездит.

Спорили-спорили. Подымаются обе.

— Вы к отцу Павлу? Проходите на третий этаж.

Третий этаж — значит, живой. Идут, открывают двери, заходят. Батюшка лежит. Увидел их и говорит:

— Михайловна.

— Чего?

— Неси рыбу Тольке — Анатолию Карпычу. Тольке-то рыбу дадим, так он мне еще здоровья даст. А помянуть меня всегда надо. И венки пригодятся: я долго не проживу.

У отца Павла спрашивали:

— Батюшка, как ты живешь?

Он отвечал:

— «Раз дощечка, два дощечка — будет лесенка». Пошел в лес взял бревно, испек хлеб — вот тебе и живу. «Раз словечко, два словечко — будет песенка». Я говорю: Марья, благословен Бог наш. А она: Аминь. Так и живу.

— А нам-то как жить, батюшка?

— А вот как:

Друг любезный! Так живи:
плохим мыслям и пожеланиям в сердце двери затвори,
читай Иисусову молитву, да поменьше говори.

В июне 1993 года в Воскресенский тутаевский собор приезжает Святейший Патриарх. В то время отец Павел уже там жил. Идет серьезная подготовка к приезду Святейшего, там вся милиция, ковры всех цветов выложены. Одну из почетных миссий — поднести Святейшему крест на подносе — поручили отцу архимандриту Павлу (Груздеву). Он был уже старенький и плохо видел, и отец Николай попросил, чтобы с одной стороны стоял я, а с другой — отец Григорий Гогишвили, рыбинский батюшка. И вот стоим по бокам. Народищу! Епископы! А он мне в бок локтем:

— Толькя!

Я говорю:

— Чего?

— Вот сейчас Святейший подойдет, я ему знаешь чего скажу?

— Чего?

— А я ему скажу: я как Ленин — по тюрьмам да по ссылкам, по тюрьмам да по ссылкам.

А когда Святейший подошел, он сказал другую речь:

— Ваше Святейшество, перед Вами дряхлый старик, 11 лет был на Соловках в командировке за православную веру. Вот перед тобой мантейка такого-то, четочки такого-то епископа, такого-то митрополита покойного...

И он упоминал тех митрополитов и епископов, которых Святейший отлично знал еще в то время.

— А Вам, Ваше Святейшество, — крест.

И, конечно, Святейший очень внимательно выслушал, говорит:

— Батюшка, дорогой, да как да чего?

Он говорит:

— Слава Богу, Ваше Святейшество.

Перед Литургией отец Павел говорит:

— Ваше Святейшество, у меня к Вам просьба. После обедни к нам с Марьей на похлебку.

Тот говорит:

— Конечно же.

Отец Павел кричит:

— Марья!

Она:

— Чего?

— Да Марья! Чего-чего! Там похлебку приготовь, Святейший приедет хлебать.

И Святейший после Литургии пошел к батюшке хлебать похлебку. На память об этой встрече Святейший подарил отцу Павлу свою фотографию с личной надписью батюшке.

Пять лет назад, когда отца Павла уже не было, меня перевели в другой приход, в Брейтово. До этого я 15 лет по благословению батюшки служил на глухом приходе. Туда только на вертолете прилетали, но в конце я бронетранспортер приобрел: ведь умирают люди, надо и вывезти, надо и муки привезти, надо и рожениц отвезти. Жил я и доволен был. Пилорама, гуси, курицы — все есть и слава Богу. Помолимся, и наедимся, и богаты, и спал не на дровах, а на подушке, и не было заплат. И вот меня переводят в Брейтово. А я с большим нежеланием. Владыка, видать, хочет угодить, а я как наказание это принимаю. Я расстраиваюсь, а в то же время послушание выше: «Владыко, благословите». Мы переезжаем, но так у меня на душе тяжело: ну за что, ну почему такие крайности? Маленько и тщеславие подбивает: вроде, и семинарию окончил; вроде, всего пять человек было с семинарским образованием, все в Ярославле да в городе, а я — то под Вологдой в болотах, то отправили меня в Брейтово, тоже километров 300 от Ярославля.

И вот приходят ко мне, говорят:

– В Городище Анна померла. Безродная старуха, верующая. Надо отпеть.

Храма еще не было деревянного, мы потом его построили там. И вот мы со старостой пошли в Городище. Доехали едва-едва, а там оказалось, речку бродом надо переходить. А лед уже плывет. Я говорю:

– Валентина Михайловна, снимай обувку, пойдем.

Она говорит:

– Батюшко, здесь же глубоко.

– Так не обратно же возвращаться. Городище-то на той стороне.

Ну, ничего, пошли босиком. Я говорю:

– Ты побыстрей ногами-то шевели, так и вспотеешь.

Вот мы перешли через речку. Заходим. Смотрю: действительно, человек Божий, потому что книг старинных очень много, иконочки лежат, никакой краски ни на стенах, ни на потолке, а все чисто вымыто.

Я стою, отпеваю и думаю: «Ну, за что такой приход? Две крайности: с одного края Ярославской области на другой. Но ведь есть в этом воля Божия, что меня взяли и отправили оттуда сюда. Господи, ну, открой, открой, ну что это?»

После отпевания заместитель главы сельского совета, хорошая женщина, Нина, говорит:

– Батюшка, забери все книги. Кому они нужны?

А я с желанием, я все старинное люблю. Я первую книжку открываю, а там лежит фотография отца Павла – так это я ее делал, отца Павла фотографировал! Он мне тогда еще сказал: «Привези мне штук сто». Я и напечатал их много. А эта усопшая Анна сильно любила ездить к отцу Павлу, вот у нее и фотография его оказалась. И я открываю первую попавшуюся книгу, смотрю – отец Павел. А, вон что! Это на мой вопрос конкретный ответ.

Прихожу, говорю:

– Галя, это опять отец Павел нас благословил.

Она говорит:

– Неужто?

Я говорю:

— Вот не поверишь. Шестнадцатую страницу открывай!

— Так это же мы с тобой делали фотографию!

Я тогда понял: все, сиди и не ропщи, исполняй волю Божию.

Анну похоронили, Божий человек была. И сейчас я очень благодарю Бога, что оказался здесь, на этом приходе, и уже пять лет тут служу.

Еще у меня на приходе произошла такая история. Один мой прихожанин по долгу своей милицейской службы зашел вечером в бар. Смотрит: там человек непорядочно ведет себя. Он говорит:

— Братец, ты пришел покушать — кушай. Зачем так ведешь себя?

— Ах ты, мент, ты мне еще указываешь!

Слово за слово, посетитель бара полез на рожон, произошла драка, в результате которой хулиган оказался в больнице. А родители у него ушлые, решили написать на милиционера заявление.

Пошло-поехало, стали раздувать, грозить судом и тюрьмой. Я, как местный священник, вижу, что происходит неправда. Человек очень правильно поступил, что вовремя приструнил хулигана. Как милиционер, он должен был его остановить. А дело все хуже и хуже.

А родственники милиционера слышали много об отце Павле и говорят мне:

— Батюшка, нельзя ли нам съездить на могилку к отцу Павлу?

Жена милиционера изъявила желание с одной знакомой, близкой родственницей съездить к отцу Павлу на могилку пожаловаться.

А в тот год пристани в Тутаеве не было, и надо было на метеоре, который идет из Брейтова, ехать сначала в Ярославль, потом пересаживаться на автобус и обратно ехать 50 километром. То есть сначала проехать мимо Тутаева, а потом вернуться к нему обратно. Да и на самом кладбище было трудно найти могилу отца Павла, потому что батюшка изъявил желание, чтобы его похоронили рядом с роди-

телями, а это центр кладбища, и там трудно сориентироваться.

И вот женщины сели на метеор и поплыли мимо Тутаева. Метеор по частным просьбам, конечно, не останавливается. Ты же когда в самолет или поезд сядешь, не скажешь: я хочу здесь остановиться. Но вдруг метеор останавливается в Тутаеве: причала нету, а он посередке остановился. Подплывает небольшой катер:

– Кто на Тутаев?

– Мы.

– Ну, садись.

Они боятся спросить: а кто вы? потому что все это из области фантастики. Садятся, как обмороженные, ни живы ни мертвы:

– Вообще-то нам действительно в Тутаев.

– Ну, и слава Богу, садитесь.

И привезли их не на правый берег, а на левый – куда им и надо. Они сошли, куда идти, не знают. Спросили, где Леонтьевское кладбище, им сказали: от Леонтьевской церкви повернуть, пройти. Подошли к кладбищу, а куда идти к отцу Павлу, не знают. Смотрят, идет в подряснике какой-то священник или монах.

– А Вы не могли бы нам подсказать, где могилка отца Павла?

– Ну, пойдемте, мне туда же.

Они идут потихонечку. Он начал молиться.

– Вы помяните нас.

– Хорошо.

– А Вы могли бы за нашего батюшку отца Анатолия помолиться? Может, Вы его знаете?

– Конечно, знаю. Я епископ Евстафий.

Помолились они на могилке у отца Павла, и дело уладилось. Несмотря на все перипетии, все хорошо завершилось.

Смертью всё не заканчивается, у Бога все живы. И если Бог кого прославляет, благодать его действует и после смерти. И когда у меня возникают какие-то вопросы, я всегда обращаюсь к отцу Павлу, и он помогает.

На фотографии второй справа — отец Димитрий Денисов, третий слева — отец Анатолий Денисов

Протоиерей Димитрий Денисов,
настоятель храма Параскевы Пятницы
на Туговой горе,
г. Ярославль

Отца Павла я знал примерно лет двадцать. Познакомились мы в Сергиевом Посаде, когда я, еще до священства, будучи мирским человеком, трудился в Лавре. Когда отец Павел приезжал в Лавру помолиться, он, как правило, заезжал ко мне попить чайку, а иногда и переночевать.

Из бесед с отцом Павлом духовно я почерпнул очень многое. Ведь, будучи мирским, я иногда размышлял о возможности священства, но, конечно, боялся, себя считал недостойным этого высокого сана. Я разговаривал с батюшкой — и моя вера укреплялась, добавляла мне мужества.

И вот, когда я уже был семейным человеком (а жизнь моя распорядилась именно так), из Сергиева Посада я переехал в Ярославль и здесь принял рукоположение во священника. И теперь я священник уже более десяти лет.

У отца Павла в Верхне-Никульском я бывал часто. Доводилось сослужить ему в большие праздники. На праздник иконы Божией Матери «Достойно есть» собиралось у него до тридцати священников. Такие службы особенно укрепляли нас, молодых иереев. А после Литургии всегда бывал праздничный стол и за ним — незабвенные рассказы отца Павла...

Пришло время, меня назначили настоятелем. Храм был, конечно, в разрухе, икон не хватало. И тогда отец Павел от своих щедрот благословил в наш храм иконы в честь святого великомученика и Победоносца Георгия и моего Небесного покровителя великомученика Димитрия Солунского, которая сейчас находится в иконостасе и является украшением нашего храма.

Крестный ход в день празднования иконы Божией Матери «Достойно есть» в селе Верхне-Никульском

В своих грешных молитвах я всегда поминаю отца Павла, который был очень прямым, иногда резковатым, но всегда — любящим и милостивым. Я стараюсь, как могу, подражать ему и в ревностном храмовом служении, и в общении с людьми.

Одним из памятных примеров нашего многолетнего общения с отцом Павлом остается для меня такой случай. Еще когда я жил в Сергиевом Посаде и работал на мирской работе, появилось у меня желание купить машину. И вот как-то в очередной раз приезжает отец Павел в Лавру. Конечно, бабушки вокруг него толпой... Потом я встречаю его, привожу домой на чай. Заходит разговор о том, о сем... Задаю свой больной вопрос о машине. А отец Павел отвечает так резко и определенно: «Будешь брать — покупай самую хорошую!» — «А какую это — самую хорошую?» Ведь самая хорошая в те годы была «Волга»! «Нет, — говорю, — отец Павел, "Волга" — са-

мая хорошая, но она мне не по карману!» — «Ну, хорошо, давай, какую поменьше», — отвечает он. «"Ниву", что ли?» — спрашиваю я. «Вот-вот, "Ниву!" В самый раз тебе будет!» На этом разговор наш закончился.

Прошло какое-то время, может, полгода. Денег у нас, помнится, все равно не хватало, но была какая-то уверенность: если старец благословил, то сбудется как-нибудь. И вот, в один прекрасный вечер, приходит ко мне мой родственник, отец Николай из Тутаева, и говорит: «Ты ведь хотел машину покупать. Будешь брать "Ниву"?» — «Буду, — отвечаю. — Но где?»

И он рассказывает, что у них в Тутаеве, в Райпотребсоюзе, висит объявление о продаже новой «Нивы» для пайщиков.

Выпили чайку и поехали в Тутаев. И уже тем же вечером заплатили за машину. А утром получали в Ярославле новенькую «Ниву» зеленого цвета.

Проездил я на этой машине семнадцать лет и продал только, когда она стала потихоньку ломаться. А кого только эта «Нива» ни возила — и архиереев, и архимандритов, и игуменов... В общем, намоленная была машина. И верно служила, почти не ломалась все эти годы. Вот что такое благословение старца даже на мирское, казалось бы, дело. А ведь иногда в эту машину садилось по девять человек вместо пяти!..

Отца Павла я помню всегда и поминаю молитвенно. И не только его самого, но и его родственниц-монахинь Евстолию, Ольгу, Елену с последней настоятельницей Мологской Кирилло-Афанасьевской обители игуменьей Августой (Неустроевой).

Царствие им всем Небесное, вечная память и вечный покой...

В сторожке Воскресенского собора г. Тутаева.
Слева направо: первый — Анатолий Суслов, третий — архимандрит Евстафий (Евдокимов), четвертый — игумен Иоанн (Титов)

Анатолий Павлович Суслов, келейник отца Павла

Умерла у старух корова, а они коровой этой, можно сказать, жили. Что делать? Другую такую корову не купить. Пришли, батюшке поплакались. Он им дал денег и велел купить корову.

Про этот случай он сказал лишь нескольким людям. А вообще-то всегда повторял евангельские слова о том, что милостыню надо делать так, чтобы правая рука не знала, что творит левая[1].

Батюшку окружали деревенские люди. Вот семья Овчинниковых, например. Он с Иваном Дмитриевичем очень дружил, а когда тот умер, батюшка очень сильно переживал и часто говорил: «Неужели Ваньки уже нет, а я думал — он вечный!»

Рассказывают такой случай. Собрались как-то батюшка и Иван Дмитриевич в баню, в Марьино. Незадолго до того сын из армии привез Ивану Дмитриевичу в подарок ботинки. А батюшке академик Арцимович подарил часы. Вообще-то батюшка на руке их не носил, они висели у него на спинке кровати, он по ним время замечал, когда яйца варил.

Но в тот день, ради торжественного случая, батюшка надел дареные часы, а Иван Дмитриевич — ботинки, подарок сына. Попарились всласть, пришло время одеваться. Смотрят — у Ивана Дмитриевича ботинок нет, а у батюшки часов. Украли...

И вот Иван Дмитриевич, в шутку так, спрашивает: «Батюшка! А который час-то, не подскажете?» А батюшка по-

[1] См.: Мф. 6, 3.

молчал-помолчал, да и отвечает: «Ладно, Иван, обувайся-ка, да пошли».

С батюшкой были дружны многие люди из Борка, из Академгородка. Например, Сергей Иванович Кузнецов, членкор Академии Наук, микробиолог. Человек он был глубоко верующий, настоящий старинный человек. Когда построили Институт микробиологии внутренних вод в Борке, Сергей Иванович возглавил там лабораторию, у него было немало учеников. И всегда, когда он жил в Борке, то ходил в храм в Верхне-Никульское, к отцу Павлу. Человек он был в высшей степени интеллигентный и нестяжательный. Ходил все время в одном пиджачке, какие-то часики затрапезные носил в кармане на цепочке, хотя часы эти были не карманные, а наручные.

Придет в храм, стоит на службе — а из себя высокий был, видный. После службы батюшка его пригласит на трапезу. Если пост идет, накрошит в квас хлеба, луку, капусты — мурцовку сделает. Сергей Иванович с удовольствием хлебает.

А потом старенький стал. Как-то привезли его в храм на машине, а он уже ходит плохо, ведут под руки. Ну, думаю, видно, недолго ему осталось. И действительно, вскоре после этого умер. Батюшка часто останавливался в его московской квартире, когда в столицу приезжал.

Бывал батюшка в Москве и у известного физика, Льва Андреевича Арцимовича. Однажды был такой случай. Сидели они вечером у Арцимовича, ужинали, потом батюшка их исповедовал — Арцимовича, Курчатова[1] и Келдыша[1]. А после этого Лев Андреевич стал укладывать батюшку спать. Как показали ему постель — а там все шелковое да атласное. Батюшка даже руками замахал: «Левушка, Левушка, ты меня лучше к Сергею Ивановичу отправь, а то я твое ложе ненароком испачкаю!» Батюшка ведь любил, чтобы все было попроще.

[1] Курчатов Игорь Васильевич (1902/03–1960), физик, первый организатор и руководитель работ по атомной науке и технике в СССР, академик АН СССР (1943).

[2] Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978), математик и механик, академик АН СССР (1946), президент АН СССР (1961–1975). Фундаментальные труды по математике, аэрогидродинамике, теории колебаний. Руководил многими советскими космическими программами, включая полет человека в космос.

Среди учеников Сергея Ивановича Кузнецова был Виталий Иванович Романенко, тоже микробиолог. Да мало ли было знакомых ученых у отца Павла — почитай, весь Академгородок с ним общался.

В 1979 году, когда я был в армии, с батюшкой случилось несчастье. Приступ боли в желчном пузыре — а он дома был как раз один. Кое-как из сторожки выполз на улицу. И тут идет как раз та самая девочка, которая родилась тогда, когда у ее родителей дом сгорел, и батюшка помог им купить новый. Она была в то время уже взрослая, вызвала скорую помощь, и батюшку спасли, вырезав желчный пузырь. А могли бы и не спасти, так как он находился уже в коме и даже, по его словам, видел, как покойные лагерники, с которыми он когда-то отбывал срок, шли его встречать...

Помню, как-то раз, в пору межсезонья, спрашиваю у батюшки, как мне лучше ехать от него до Ярославля. Он мне в ответ: «Езжай на поезде!» Из Верхне-Никульского до Рыбинска доехали на поезде. А время до ярославского поезда еще есть. Дай-ка, думаю, сгоняю на причал, проверю, ходит «Метеор» или нет. Не то чтобы даже из любопытства, а было в душе такое желание — проверить, правильно ли батюшка сказал. Словом, прибежал на водный вокзал, проверил — точно: «Метеор» не ходит. И уже с какой-то уверенностью вернулся на железнодорожный вокзал и поехал поездом.

А однажды был в Верхне-Никульском, помогал ему что-то по плотницкой части, — и вдруг потерял гвозди. А гвозди нужны были срочно, позарез! Все обыскали, а гвоздей нет, переживали с батюшкой оба. И вдруг он выходит из своей сторожки, кладет руку на почтовый ящик и говорит: «Толянко! Вот они, гвозди. Господь меня слышит».

Иногда приезжаешь к нему с какой-нибудь печалью на душе, с какой-нибудь нуждой, — а он вроде бы уже все про тебя знает. Иногда скажешь ему про эту печаль, иногда не скажешь — а камень с души уйдет и так легко сделается...

Рассказывал мне батюшка про одного молодого человека. С ним такое было: моется, бреется, белую рубашку надевает — а потом идет вешаться. Один раз его из петли вынули, вто-

рой... А потом родственники его стали средство искать от такой напасти. Прослышали, что есть где-то молитвенник такой, отец Павел. Приехали и мальчишечку этого горемычного привезли. И после этого визита все как рукой сняло, перестал парень шалить.

Знал батюшка одну мазь, на основе дегтя. В ней было много составных частей, а еще обязательно читалась молитва, правда, не знаю, какая. И из чего та мазь составлялась, тоже не знаю. Но знаю наверняка, что очень многим эта мазь помогала от экземы — и младенцам, и взрослым. Этой мазью батюшка лечил даже хирурга, Анатолия Карповича Мусихина, и знаю, что помогло.

Я был свидетелем, как отец Павел сделал эту мазь и стал переливать ее в майонезную баночку. И на наших глазах эта баночка просто взорвалась, хотя в мази этой ничего особенного не было, даже повышенной температуры. А баночка раскололась, будто на углях.

Впрочем, батюшка ни о чем таком особенном, сверхъестественном не любил говорить. Он просто трудился и молился, делал добро людям. Так учил и всех нас. Он часто говорил: «Если хочешь, чтобы тебя напоили стаканом воды — прежде ты напои. Если хочешь к себе уважения — прежде сам научись уважать. И не ищи худого в других людях, а ищи худое в себе!» А о православии отец Павел любил повторять слова древнего отца: «Кому Церковь не мать — тому Бог не Отец»[1].

Иногда меня спрашивают о взаимоотношениях отца Павла с митрополитом Никодимом. Я слышал, как батюшка отвечал на подобный вопрос: «Пусть про владыку Никодима говорят, кто что хочет, а для меня он был и тятя, и мама». Батюшка всегда называл владыку тятей.

Владыка постригал отца Павла в монашество. Они сдружились до такой степени, что батюшка очень часто бывал у владыки в Ленинграде, когда его туда перевели[2]. Бывало,

[1] Эти слова принадлежат сщмч. Киприану, еп. Карфагенскому († 258): qui non habet Ecclesiam matrem, non habet Deum Patrem.

[2] С 9 октября 1963 г. владыка Никодим — митрополит Ленинградский и Ладожский.

приедет к нему, и если владыка сам служит, то сразу батюшке: «Становись, служи!» А я с батюшкой приеду, из нашей зимы, да в питерскую слякоть, иду по собору в валенках, на коврах лужи остаются, но мне даже и замечания не делают — так все батюшку уважали и любили.

Знал митрополит Никодим, что батюшка очень любит старинный ладан, а доставать его в то время было невозможно простому иерею. И вот владыка даст батюшке ладана, всякой провизии, да еще сапоги купит в подарок. Еще батюшка очень любил старинные книги и при первой возможности всегда их покупал[1].

А как-то был такой случай. Служат они с митрополитом в соборе Александро-Невской Лавры, всенощная идет к концу, а батюшка помазует.

А владыке надо срочно уезжать, он и говорит своему иподиакону: «Беги за отцом Павлом и приведи его, мы уезжаем!» Иподиакон в ответ: «Так ведь он помазует». — «Ладно, беги и зови, а то он там промажет!»

А тем временем происходит следующее (это уже со слов отца Павла): сначала он, как и положено, помазывал кисточкой. А старухи ему: «Батюшка! Ты помажь побольше!» Тогда он откладывает кисточку и начинает мазать пальцем. Естественно, прихожане тут же его окружают толпой: ведь пальцем может помазывать не какой-то обычный иерей, а человек духоносный, старец. И каждый просит помазать его побольше. Бабы кричат: «Вот ее так помазал — и меня так помажь!» А одна уже в третий раз подходит. И тогда батюшка берет масло всей пригоршней и на голову ей: «На, баба, и не болей!»

Владыка брал батюшку с собой в различные поездки: в Новгород, например, они вместе путешествовали, в Москве встречались часто. А по смерти владыки Никодима отец Павел очень чтил его память, каждый год мы ездили к нему на могилу в начале осени, 5 сентября...

[1] По воспоминаниям одной прихожанки, когда отец Павел ездил в Ленинград, обязательно покупал там целую подшивку старого журнала «Нива»; а больше всего у него было старых красочных книжек с рождественскими сказками.

Батюшка очень любил славный остров Валаам, часто пел о нем песню. А еще пел про Афон[1]:

Гора Афон, гора святая,
Не видел я твоих красот
И твоего земного рая,
И под тобой текущих вод...

Он вообще очень любил стихи и песни, причем с людьми духовными он и песни пел духовные, а с мирскими людьми – мирские. И вот что удивительно: хотя народ валил к нему валом, но каждый находил именно то, что было нужно ему одному!

Как пример, хочу привести одно письмо, написанное к батюшке. Мне кажется, оно отражает ту небесную простоту, которую нес в себе отец Павел. Отражает во всем. Начать с адреса: «Станция Пищалкино (зачеркнуто). Село Никульское, настоятелю в храм, отцу Павлу».

И, как ни странно, письмо с таким кратким адресом дошло до адресата и было прочитано. А само письмо тоже интересное:

«Пишу Вам поздравление с наступающим праздником Рождеством Христовым, а потом с Новым годом и Богоявлением Господним. Но покуда почта принесет Вам это письмо, что теперь впереди, тогда уже будет позади, время течет как река и сокрывается в вечность.

Святые Архангелы и Ангелы да укрепят Вас в мирном терпении. Простите меня, грешную, дорогой батюшка, и простите меня, многогрешную!»

Мне кажется, столько в этом письме невысказанного человеческого доверия и надежды...

А вот еще одно письмо от постоянной батюшкиной корреспондентки:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Христос посреди нас! Исцеления всех болезней, отгнания всех врагов и долгих лет жизни Вам, неоценимый наш духовный отец!

[1] См. с. 507–508 и 675–676.

Ради славы Божией и ради нас, грешных, отец, помолись! У сына пропал газовый баллончик, он привез его из Германии для самозащиты. И идет между братом и сестрой ссора. Не знаю, кто у кого взял, свои или чужие. Помолитесь, чтобы прекратилась вражда! Дайте ответ, простите ради Христа».

В Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре г. Ростова. За отцом Павлом — Анатолий Суслов, справа — келейница батюшки Мария Петровна Никанорова (Марья). 3 октября 1991 года.

И ведь на каждое письмо батюшка старался отвечать, всех хотел обласкать, всем угодить.

На нашей памяти начали вновь открываться храмы, и батюшка принимал в этом самое активное участие. В разоренные церкви он отдавал иконы, церковную утварь. Во вновь открываемый Толгский монастырь отец Павел отдал Казанскую икону Божией Матери, икону Спасителя, чудом сохранившийся образ святителя Николая — местночтимая икона, она теперь находится в Никольском надвратном храме Толгской обители. Отдал батюшка в Толгский монастырь и паникадило.

Когда в Верхне-Никульском упала главка храма, батюшка отдал в Тутаев боковую дверь (диаконскую дверь) с изображением Архангела Михаила. В Рыбинск он отдавал антиминс, иконы, церковные сосуды. На Туговой горе, у отца Димитрия Денисова в храме от отца Павла несколько икон.

Но главное даже не иконы; главное — его молитва за тот или иной храм, ту или иную обитель. Как он молился за Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь и его наместника ар-

Ватопедская икона Пресвятой Богородицы (келейная икона святителя Димитрия Ростовского)

химандрита Евстафия! Как он молился за Валаамскую возрождающуюся обитель!

Помню, приехал с Валаама к нам иеромонах Борис. Батюшка мне говорит: «Толянко! Чего у нас лежит это Евангелие церковное? Ведь оно старинное, хорошей работы! Воров бояться надо, того и гляди, украдут!»

Все это — утварь, иконы, книги — приносили ему его прихожане. Они знали, что у батюшки священный предмет будет употреблен по назначению. А батюшка как брал, так и отдавал.

Вспоминаю историю с Ватопедской иконой Божией Матери. Началась эта история в 1991 году, когда Церкви передали Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь. Тогда отец Павел

почему-то очень часто стал говорить о чудотворном Ватопедском образе Божией Матери, который еще называют «Отрада» или «Утешение»[1]. А говорил он, что Ватопедская икона из Спасо-Яковлева монастыря находится у митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, в Ново-Девичьем монастыре в Москве. И каждый раз батюшка говорил примерно одно и то же: «Хорошо бы владыка Ювеналий икону-то Ватопедскую отдал назад в Ростов! Хорошо бы она вернулась на свое прежнее место!» Да и наместнику монастыря, отцу Евстафию он постоянно напоминал: «Авва! А ведь Ватопедская-то Божия Матерь там!» — и показывал рукой в сторону Москвы.

И вот на наших глазах совершилось чудо: 25 августа 1997 года, в понедельник, Ватопедская икона Божией Матери по благословению митрополита Ювеналия переехала из Ново-Девичьего монастыря в Ростовский Спасо-Яковлевский, к своему исконному хозяину, святителю Димитрию, митрополиту Ростовскому[2].

Батюшка любил вспоминать, что на могиле доктора Гааза[3] есть слова: «Спешите делать добро!» В сущности, именно эти слова являлись символом всей его жизни. Он все время спешил делать людям добро. Я уж не говорю про годы лагерей и ссылки; про это много сказано всеми знавшими отца Павла. Но достаточно вспомнить, как он, еще мальчишкой, доставал для монахинь и послушниц Мологского монастыря бочонок меда, чтобы их порадовать, — и становится понятно, что это был за человек.

Я приезжал к батюшке на выходные. Обычно выезжал из Ярославля в пятницу, часов в пять вечера, а в половине десятого уже был в Верхне-Никульском.

[1] Этот образ был привезен в Ростов свт. Димитрием при заступлении им на митрополичью кафедру 1 марта 1702 г. После смерти святителя его келейная икона была помещена в Зачатьевском соборе Спасо-Яковлевского монастыря, где она прославилась чудесами. После того как в 1920-х гг. монастырь был закрыт, местонахождение иконы было неизвестно.

[2] С этого дня в обители установлен праздник Сретения Ватопедской иконы Пресвятой Богородицы.

[3] Гааз Федор Петрович (1780–1853), русский врач. Как главный врач московских тюрем (с 1828) добился улучшения содержания заключенных, организации тюремной больницы (1832), школ для детей арестантов.

В селе Верхне-Никульском

Прихожу, меня уже ждут. Горит огонек у Марьи, стоят, знаю, щи на печке, батюшка лежит на кровати. Приехал, звоню, Марья спрашивает: «Кто?» — «Это я!» Вхожу, читаю молитву: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» А батюшка уже кричит из кельи: «Аминь! Аминь! Толянко, приехал? Живой?» — «Все нормально!» — отвечаю я. «Ну, какие новости?» — спрашивает.

И тут начинаем мы делиться новостями. Говорим, говорим, а попутно еще и поужинать успеем. Ложимся спать, проходит час. Вдруг радио заиграло. Это батюшка включил — новости послушать. Он всегда так — слушал по радио новости, читал газеты, журналы. Старался быть в курсе всех событий.

Но вот новости кончились, батюшка радио выключил. Вроде все утихомирились, засыпаем. Вдруг батюшкин голос: «Марья, ты спишь?» — «Сплю!» — «А ты, Толя?» — «Я тоже, батюшка». — «Ну, ладно, спите», — соглашается он.

И вот засыпаем. Поспали несколько часов, он встает. Новый день! И вместе с ним встаешь, как обновленный. Вчера

один был, а сегодня — другой. Лучше или хуже — не в этом дело, а важно, что другой!

Батюшку я знал много лет и всегда стремился к нему. Впрочем, как все, кто близко его знал. Потому что в нем зримо и ощутимо присутствовала благодать.

Бывало, смотришь — съезжается к нему народ, и все ходят вокруг кельи, если батюшка еще не вышел. Тихо все, на полушепоте между собой перекинутся словом.

Но как только он вышел, все вокруг наполняется радостью. Все как будто даже парить начинают. Бегут к нему под благословение, а он говорит со всеми — коемуждо по делом его. При этом кого по плечу похлопает, кого по лицу погладит, кого просто спросит: «Что, жива?» — «Жива, батюшка!» — «И слава Богу!»

Автобусы приходили из разных мест примерно в одно время, народ съезжался как-то сразу. К этому часу у батюшки была готова еда — щи какие-нибудь, салат покрошенный, который он называл силосом. Поедят все, что-нибудь поделают по хозяйству, а потом начинается всенощная.

И вот так всю неделю живешь в городе, работаешь, а сам думаешь: «Скорей бы выходные! Скорей бы к батюшке»! В то же время, начинаешь и анализировать: что сделал не так, в чем Бога прогневил?

В таком приподнятом настроении едешь в Верхне-Никульское. А батюшка тебя встречает. Причем встречает всегда соответственно твоему внутреннему устроению. Был смирен, соблюдал наставления старца — встретит как родного. А если жил жизнью, недостойной христианина, — нерадостно встретит, холодно. И сразу понимаешь, что ведомы ему все колебания твоей души. И устыдишься, и раскаешься. Но стоит раскаяться сердцу, сокрушиться грешной душе — и батюшка сразу улыбнется, обнимет как самого родного и согреет своим теплым словом...

Батюшка в Толгском монастыре

Священник Петр Кривощеков, клирик Свято-Введенского Толгского монастыря

Отец Павел сыграл в моей жизни серьезную и важную роль. Он был для меня, да и для всех нас, подлинным отцом, отличался всегда простотой и любовью. Простоту и любовь к людям он, как Божий дар, имел с детства; сохранил эти качества и в лагерях.

Он рассказывал, что в лагерях встречал многих епископов и священников, впоследствии расстрелянных. Он вписывал таких людей в свой синодик и потом до конца жизни их поминал. Синодик батюшкин сохранился, он написан удивительным батюшкиным почерком, очень красивым, хотя батюшка нигде никогда не учился. Жизненный путь у него вообще был тяжелый, но он никогда не терял христианской самоотверженности, а еще и помогал другим. Потому что думал прежде всего о ближнем, а потом уже — о себе.

Человеком он был очень гостеприимным, потому все любили к нему ездить. Иногда едешь к нему больной, в совершенно разбитом состоянии. А когда тело болеет, то и душевные недуги обостряются. Чувствуешь, что сам никогда не выйдешь из этого состояния отчаяния и потому спешишь к батюшке, словно в больницу, или же — к родному и любимому отцу.

Батюшка встретит очень просто, назовет Ванькой, Петькой, Васюткой, усадит рядом с собой, начнет что-то рассказывать, вроде и не относящееся к делу. А то песню споет, стих расскажет, прибаутку какую-то вспомнит.

И вдруг ты начинаешь чувствовать, что у тебя внутри все меняется: затягиваются твои раны, уходит куда-то печаль и

тоска, и через батюшкины руки вливается в твое сердце тепло. И домой от него ты уже летишь как на крыльях. А ведь он порой даже и не исповедовал тебя, не отпускал твоих грехов — он просто что-то рассказал, спел, да подержал твои руки в своих теплых и мягких руках.

Кормил батюшка всегда очень просто, но вкусно и сытно. Впрочем, всем известно, что в пост он мог для смирения накормить скоромным, иногда даже мясом. Но мне вспоминается случай другого рода. Как-то раз мы приехали к нему неожиданно, и получилось так, что нас сразу завели к нему в келью. Батюшка как раз сидел за столом и трапезовал. Мой взгляд упал на его чашку, и я увидел, что батюшка ест кусочки хлеба, накрошенные в воду. Но при этом он еще старался прикрыть свою чашку рукой, чтобы подвигов его постнических никто не мог увидеть.

Доверие к батюшке у всех у нас было безграничное; но потому был и страх, трепет перед его словами. Однажды я тяжело заболел. Поехал к отцу Павлу, чтобы спросить его, вдруг эта моя болезнь — к смерти? Приехал, рассказал о болезни, а он меня спрашивает: «Петька, тебе лет-то сколько?» — «Тридцать девять», — отвечаю я. «Ну вот, а ведь ты еще до моих годов должен дожить!» — говорит мне батюшка.

Он умел утешить, приласкать как никто. Но в то же время он мог и обличить тебя прямо перед всеми, если это нужно было для твоей душевной пользы. Порой ты обижался на него за это, страдал. Но проходило время — и ты вновь ехал к батюшке как к самому родному человеку.

Даже похороны отца Павла не были печальными. Сначала, когда мне сообщили о смерти батюшки, я даже не хотел ехать — такое на меня напало отчаяние. Потом решил, что если не побываю на батюшкиных похоронах — никогда себе этого не прощу. И поехал. И уже подъезжая к Тутаеву, я вдруг почувствовал, что печаль моя как-то незаметно превращается в радость. Зашел в храм — и почувствовал, что батюшка здесь, с нами, со мной. Не только телом здесь, но и духом. А во время отпевания чувствовалась уже настоящая пасхальная радость.

Митрополитовъ:
Павла. Ярославский
Николая. Алматинский
Филофея, въ схимѣ Феодора
помер 31 мая 1921 г. въ г. Тюмени. 75 лѣт
Филарета, въ схимонахѣ Федо
сия. Кіевский. помер 21 декабря 1857 г.
Питирима. Петроградскій.
Николая † 5 сент. 1978 г.
Архіепископовъ:
Іонафана. Ярославскій
Варлаама. Рязанскій.
Саввѣ. тверской
Филарета. † 13 окт. Черниговскій
Іосифа. † 20 11 1892 г. Воронежскій
Иоаннъ 1986 г.
Епископовъ: Феофана † 1899 г.
Никона.
Варлаама. Пилиповъ.
Вениамина. Тульскій.
Андроника. викарій Новгород.
Мефодія. † 3 11 Петропавл.
Епископовъ:
Варнавѣ. Тобольскій
Силиверста. Рыбинскій.
† 8-21 окт. 1950 г. Исаію. Угличскій
Сергія. Іоанникія. Макарія. Смоленск. 1933 г.
Архимандрита Макарія. † 19 1999 г.
и родителей его Іоанна и Феодосіи.
архим. Макарій былъ настоятель
Русскаго Пантелеимонова монастыря
на св. горе Аѳонѣ.
Священно-архимандритовъ:
Фотія. Юрьевскій Іерона. † 15 1912 г. 15 авгус.
Никона. Варлаама.
Сергія. Серафима.
Ксенофонта. Ераѳы. † 15 1903 г.
Григорія. Поликарпа.
Христофора. Макарія.
Феофана. Новозаѣскій † 3 - 11
Іоанъ. кронштадтскій † 9 января 1908 г.
Игнатія. Валуйскій † 9 февраля 1912 г.
Агафангела. Саратовскій. † 27 декабря
Антонія. † 12 мая 1877 г. Сергіева лавра. Тронице.
Игнатій. Ижевскій.

Страницы синодика отца Павла

Конечно, он был прозорливым старцем. Когда заболела моя мама, мне позвонил брат. А в монастыре как раз гостил отец Павел. Я вхожу к нему и говорю: «Батюшка, с нашей мамой плохо». Он только спросил: «Как зовут?» Я отвечаю: «Пелагея». Тогда он подумал и сказал: «Умрет». Действительно, эта мамина болезнь оказалась к смерти. Я в то время был диаконом, поэтому я взял с собой свечи, кадило и поехал к маме в полной уверенности, что слова отца Павла сказаны не напрасно. Так все и случилось.

В Толгском монастыре

Последним батюшку в больнице причащал отец Сергий. Батюшка был без сознания, но когда подошло время Причастия, он пришел в себя, принял Святые Дары и в скором времени начал отходить. И тут по всей палате разлилось такое благоухание, что врачи даже встревожились — откуда оно? Рассказывают, что такое же явление было при кончине патриарха Пимена, человека великой жизни.

Главными качествами отца Павла были любовь и смирение. Сам он был простоты необыкновенной. Когда я служил на приходе, недалеко от Верхне-Никульского, я видел иногда, как батюшка юродствовал, ходил босиком по храму, по улице. Ученая интеллигенция из Борков его очень любила. А он с ними запросто разговаривал: «Ванюшка, Манюшка». Вроде и не ученый человек, а с ними был на равных. Дух Святой просвещал его, потому он и мог с любым профессором разговаривать на любую тему.

Обличать он мог тоже самыми нелицеприятными словами. «Попов как клопов, — говорил иногда, — а в церкви матушки руководят».

Однажды приехал один священник к нему на исповедь. «Нет, я тебя исповедовать не буду, — говорит ему отец Павел. — Уж больно много ты на людей клевещешь!» Тот, конеч-

но, покаялся в своем грехе и получил от батюшки прощение. Потому что задача батюшки была не опозорить человека, а обличить и привести к покаянию. Ведь в основе всех его поступков лежала духовная мудрость.

Все мы знали, что зрение у него было совсем плохое, очки он носил с какими-то невероятными линзами. В то же время в Толгском монастыре я только подхожу к Спасскому собору, а он издалека мне кричит: «Петька! Иди сюда!» Каким зрением он все видел? Конечно, духовным.

Иногда его обвиняли, что прощал всех, водку на стол ставил. Даже сам со всеми мог выпить. Мне кажется, его главной целью было во время таких застолий снять уныние, подбодрить тех, кто приходил к нему со своими бедами и скорбями.

Однажды был такой случай. С одним водителем заехали мы поздно вечером к батюшке, по дороге в Толгу. Он, как всегда, усадил за стол, стал угощать. Я от водки отказался, так как чувствовал себя плохо. Тогда батюшка говорит водителю: «А давай мы с тобой выпьем, а то этот у нас трезвенник!»

И так мне стало совестно от его слов, что и я с ними тоже выпил. И выпили мы с водителем стопки по три, а нам еще до Толги ехать. Батюшка благословил, поехали. Доезжаем до Ярославля, а у кладбища милиция стоит, тормозят нас. «Ну, все, попали», — говорит водитель. Нет, проверили документы и отпустили. Пока до Толги ехали, нас еще два раза останавливали, прямо в окна нам автомат совали. Но документы проверят — и отпускают. Такова была сила батюшкиной молитвы, когда человек что-то делал по его благословению за послушание.

Настоящих духовных старцев всегда немного. Мне приходилось слышать, что сейчас даже на Афоне есть только несколько человек, у которых идет настоящая молитва. Я об этих высоких вещах судить не могу, но думаю, что отец Павел был настоящим духовным человеком, стяжавшим подлинную молитву, крепкую веру и нелицемерную любовь. Я верю, что и сейчас он имеет дерзновение молиться за нас, грешных, и поддерживать нас на нашем многотрудном пути.

В Толгском монастыре. Рядом с отцом Павлом — игуменья Варвара

Игуменья Варвара (Третьяк), Свято-Введенский Толгский монастырь

Впервые с великим старцем отцом Павлом я встретилась в Толгском монастыре в 1987 году, когда была благочинной обители. Батюшка шел по монастырю с матерью Пиамой и отцом Евстафием и, увидев меня, спросил: «Кто это такая?» Ему ответили: «Это мать Варвара, благочинная». Тогда он сказал: «Ох, а какая быстрая, какая быстрая!»

Приходилось быть быстрой, потому что в монастыре в то время все было разрушено, как после войны. Жили мы тогда в двухэтажном здании, где сейчас останавливаются паломники. Одна келья там была более-менее сохранившейся, а все остальное было в полном разорении.

В то трудное время каждый батюшкин приезд очень нас воодушевлял; но особенно помогали его молитвы. А чаще всего, конечно, мы сами ездили к нему в Верхне-Никульское, а потом в Тутаев, где он служил.

Однажды случилось так. Мы ехали к отцу Павлу, и вдруг нам навстречу вылетел грузовик — прямо лоб в лоб. Мы только ахнули — ведь были буквально на волосок от смерти! Приехали к батюшке перепуганные, рассказали все. А батюшка, провожая нас, сказал, воздев к небу руки: «Архистратиже Михаиле! Промети игумении Варваре дорожку!» Мы поехали — и не встретили по дороге ни одной встречной машины! Это чудо случилось по его молитве.

Батюшка много рассказывал о годах, проведенных им в лагере. За его доброе сердце его любили не только заключенные, но даже и сами тюремщики. Рассказывал, как потерял там зрение. Во время допросов прямо в глаза направляли яр-

кий свет. Отворачиваться и закрывать глаза не разрешали – сразу начинали бить.

И не только зрение – все свое здоровье он оставил в лагере. А все же, где бы он ни был, молитва его не прекращалась ни на мгновение. Молитва эта сохранила его в те страшные годы, молитва сделала его таким, какой он был.

Батюшка очень любил Толгу и толгских сестер. Эту его любовь, заботу мы ощущали постоянно. Когда он приезжал к нам, каждый раз можно было услышать от него: «Лучше Толги монастыря нигде нет!» Без его молитв, без его ласки нам всем пришлось бы гораздо тяжелее. Бывало, едешь к нему, а на душе такая скорбь, такая тягота... А обратно едешь – как на крыльях летишь: будто все твои скорби, как сорняки, кто-то вырвал из души и унес.

Конечно, каждому, кто к нему приходил, казалось, что батюшка именно его любит как-то особенно. Да, наверное, так оно и было. Мне он часто говаривал: «Матушка игуменья, Ваше Преподобие, Вы – старинная игуменья». Он очень желал, чтобы между сестрами всегда были согласие и любовь. Матери Н., к которой всегда очень тепло относился, он говорил: «Мать Н., жалей матушку игуменью, как родную мать».

Любовь и попечение, которые отец Павел имел к Толге при жизни, не прекратились и после его смерти. И я имею в виду не только его молитвы, которые, конечно, не прекращаются по сей день. Я имею в виду реальную помощь. Батюшка Павел, например, часто говорил Владимиру Александровичу Ковалеву: «Помогай толгским сиротам, помогай!» И вот батюшка умер, а Владимир Александрович продолжает эту помощь, помня завет старца.

Благодаря батюшке нам вернули нашу чудотворную икону Матери Божией. Дело было так. Икона, которая находилась в Песочном, по некоторым свидетельствам, была из нашего монастыря. Но нужны были какие-то свидетельства, чтобы это доказать. И тогда Татьяна Львовна, начальник областного Управления культуры, сказала мне: «Поедем к отцу Павлу. Он должен помнить какие-то особые приметы чудотворной иконы. Если эти приметы совпадут, значит, икона эта ваша».

Приехали к батюшке, спросили, и он ответил: «Если эта икона чудотворная, то на обратной стороне серебряной ризы должна быть гравировка: "Явление святителю Трифону Матери Божией Толгской"».

Проверили — надпись есть. И тогда с него взяли расписку, что он подтверждает и свидетельствует, что это именно Толгская чудотворная икона Матери Божией. Отец Павел дал расписку — и нам вернули нашу чудотворную икону.

В последнее время батюшка часто спрашивал, когда мы к нему приезжали: «Вы поесть привезли что-нибудь? Привезите мне чего-нибудь поесть!» Мы удивлялись, что у него нечего есть, спрашивали у Марии, но она всегда говорила, что всего полно. И действительно, ведь ему везли гостинцы каждый, кто к нему ехал. Да и толгские сестры никогда с пустыми руками не приезжали. И только когда батюшка умер, все мы поняли, что, прося привезти поесть, он таким прикровенным образом просил нас его поминать после смерти. Конечно, мы всегда поминаем его, ездим к нему на могилку — и в ответ получаем его старческие молитвы за нас, грешных.

Отец Павел очень любил песню толгских иноков «За кедровой рощей»[1]. И когда он к нам приезжал, мы выбирали момент и обязательно заводили «Кедровую рощу». Вообще, все работы во время его приезда приостанавливались. Иногда вижу: идет по монастырю батюшка, а его, как пчелы, облепили монахини. Увидеть его, взять у него благословение — было непременное желание каждой сестры. И вообще каждый его приезд был для нас праздник.

Батюшка очень тепло относился к Татьяне, нашему водителю. Однажды был такой случай. Татьяна привезла батюшку, сигналит, а ворота не открывают. Сестра-вратарница то ли не слышала, то ли замешкалась, то ли отошла куда-то. И тогда Татьяна полезла через забор. Вроде бы не очень-то

[1] Толгская обитель знаменита своей кедровой рощей, посаженной в XVI в. на средства Иоанна Грозного, получившего исцеление от чудотворной иконы. Между деревьями были выкопаны пруды, на ветвях одного из кедров в особой часовенке помещалась икона Божией Матери. До сегодняшнего дня сохранилось около 30 кедров, но роща пополняется новыми деревьями. См. с. 591.

На фотографии вторая слева — игуменья Варвара

удобно, но батюшка ее одобрил: «Танька-шофёриха — молодец!»

Чем отличался батюшка? Прозорливостью, терпеливостью, любовью ко всем. Кто бы ни пришел к нему, каждого он принимал тепло, каждому уделял внимание. Учил всех трудолюбию. Самая знаменитая его пословица: «Не потопаешь — не полопаешь». «Старухи, сено косите, коровок держите, жуков собирайте!» Он сам никогда не жил в праздности, потому и других приучал постоянно к труду.

Как-то раз приехал и говорит: «Зарежьте-ка эту коровку. Она у вас больная». Мы батюшкиных слов слушались беспрекословно, поэтому корову сразу зарезали. А у нее сердце оказалось, как тряпка, возможно, она доживала последние дни. Батюшка и это все видел.

Конечно, бывало и так, что любому, кто к нему приезжал, без различия чина и звания, он говорил: «Ты полудурок!» Смирял нас. Потому что настоящего-то смирения у нас ни у кого нет.

Терпение его было просто потрясающее. После операции, уже в последние недели жизни, у него, бывало, выпадал катетер, и ему без обезболивающего вставляли его на место.

А ведь это надо делать по живому мясу, буквально. И он терпел такие немыслимые боли, только иногда, когда совсем невмоготу было, кричал.

Как-то раз проведали его в Борке. И он говорит: «Мне в больницу надо на проверку». Мы его привезли, а он показывает на меня и говорит: «И ее тоже проверьте!» Я удивляюсь: «Зачем? Батюшка, у меня же ничего не болит!» — «Иди, иди, проверься!» И послал меня на УЗИ желчного пузыря. Стали меня смотреть — а у меня там целая груда камней! И пришлось ехать на операцию. У меня тогда 70 камней извлекли из желчного пузыря.

Или случай с доктором Мусихиным. Известный хирург, человек хороший, батюшкин приятель. Захотел купить машину, а батюшка ему сказал: «Не покупай, а то, не ровен час, еще разобьешься на ней». Но после смерти батюшки Мусихин все же купил машину. Поездил на ней года три — и разбился.

Когда батюшка умер — для всех нас наступила большая скорбь. Когда прикладывались к руке, она была теплая и живая — а ведь стоял на дворе январь, самый лютый месяц.

Однажды на кладбище, когда мы приехали в годовщину его смерти, на могиле батюшки начала кричать бесноватая. Не могла подойти к могиле — такая из нее исходит благодать...

У меня на память от отца Павла осталась Казанская икона Божией Матери, которую он подарил лично мне, и схимнический крест. Сказал своему келейнику Анатолию: «Анатолий, принеси матушке игуменье тот крест, что у меня в келье!» И вот крест этот, благословение батюшки, теперь у меня. Я в схиму, конечно, хочу. Доживу или нет — не знаю, но крест схимнический от отца Павла есть.

Главное наставление мне, как игуменье, было любить и жалеть сестер. Конечно, надо и смотреть, потому что всякие люди в монастырь приходят, но главное — любить. Он и сам всех любил, и покрывал все наши грехи любовью.

Батюшка был утешением и радостью всей ярославской земли, да и всей православной России. Народ к нему тек отовсюду, потому что люди идут не к сухому источнику, но — к живому.

У входа в Троицкий храм. Справа — Мария Петровна Никанорова

† Монахиня Павла (Мария Петровна Никанорова), Свято-Введенский Толгский монастырь

Как я попала к отцу Павлу? Жила я раньше в селе Калово, была у нас псаломщица Женя. А священником отец Андрей, давно уже покойный. Когда-то, еще в 20-х годах, служил он в Толге, в мужском монастыре. Потом монастырь закрыли, священство посадили. А когда он из лагеря вышел, то вернулся назад в Толгу. А что в Толге? Все разбито. И вот пришел он к нам, в Калово, и восемнадцать лет служил у нас на приходе.

И вот как-то раз отец Андрей мне и говорит: «А что, Марья, давай-ка съездим к отцу Павлу в Верхне-Никульское!» — «Что это за отец Павел такой?» — спрашиваю я. «А вот поедем — и узнаешь».

А Женя-псаломщица знала отца Павла. И знала еще по Тутаеву, где у Груздевых был дом. И вот собрались мы втроем и поехали.

Приезжаем, пришли, встречает нас отец Павел. И сразу говорит: «Ой, девки, ой, бабоньки, сейчас мы с вами мурцовку будем хлебать!» А мурцовка — это вроде окрошки: квас, овощи, хлеб, зелень разная. Наготовит батюшка сразу большое-большое блюдо и ставит на стол.

И вот сидим мы у него и хлебаем ту мурцовку. «А по единой-то, ребята! — спохватывается отец Павел. — По единой-то забыли!» Сейчас же встанет, принесет, разольет всем «по единой».

Была у отца Павла в то время келейница, тоже Женей звали, как и нашу псаломщицу. Но все ее называли Еней, бабкой

Еней[1]. Через некоторое время она умерла, и тогда батюшка мне предложил за ним ухаживать. Конечно, я согласилась. И вот, пролетело двадцать лет как будто один день. А когда и батюшка преставился, остались мне от него в память две банки святой воды. Взяла я их, да и пошла к себе на квартиру. Да не долго мне там пожилось — отправилась в монастырь. Дай Бог здоровья матушке настоятельнице, приняла меня, грешную, дала кров, постель, одежду. Так и живу.

Рассказывал отец Павел, как он приехал в Верхне-Никульское, когда его туда служить послали. Приехал — все снегом по пояс занесено. А вечером, на вечерней службе, надо было крест выносить. Вот он взял лопату, вышел, начал снег разгребать. Идут мимо храма местные мужики. Посмотрели на него — и засмеялись: «Мы думали, к нам попа прислали, а это, оказывается, не поп, а дворник!»

Ну, он внимания не обращает, расчистил дорожки. Зато уж вечером можно было нормально выйти и крест вынести.

В приходе нашем в те годы, как везде, в основном были старушки. И вот стоят-стоят, да и начинают между собой шушукаться, потом разговор и погромче пойдет. А в церкви, да еще во время службы, разве можно? И вот отец Павел потерпит, а потом как крикнет им: «Эй, старухи! Картошка вся продана!» Это значит: вы, наверное, думаете, что стоите на базаре и картошкой торгуете? Так вот представьте, что вы всю свою картошку продали, и молчите. Или скажет им: «Тише, Черная речка!» Они сразу замолкают. А это у него еще одна присказка была, которую все знали: «Черная речка — больше ни словечка!» Так он их утихомиривал.

Когда мы пели на клиросе, он иногда нам говорил: «Девки! Чередом пойте!» Это значит — стройно, по порядку, каж-

[1] Рассказывали, что «Ене, Евгеньюшке» было три года, когда она с матерью была у блаженной Паши Саровской, и та дала ей куклу и сказала: «Играй в куклы». И когда она была келейницей отца Павла, у нее было много кукол, в том числе и купленных батюшкой. Она все время кормила их, одевала — играла с ними. По свидетельству тех, кто ее знал, она была «добрейшей души человек. У ней никогда злобы ни на кого не было, а такая была любовь, что если кто-то приходил злой, она начинала его целовать, с рук и до ног, и всю злобу отнимала и давала благодать» (Дуся из Ленинграда). Умерла в 1980 г., похоронена на кладбище у Троицкого храма в Верхне-Никульском.

дая свой голос. Он любил, чтобы в богослужении все было благолепно.

Отец Павел видел, с кем каким тоном разговаривать можно. С кем ласково, осторожно, а с кем и грубо порой.

Как-то раз, это было уже при мне, схоронили в колхозе мужичка. Отец Павел его отпевал. А время было советское, отчетное. Надо было написать, кто хоронил по церковному обряду. И отец Павел в этой графе написал: «Весь колхоз». Чтобы ни на кого поименно не накликать никаких неприятностей.

Узнало об этом колхозное начальство, и приезжают они к нему в полном составе. «Отец Павел, а ну-ка, иди сюда!» — «Что вам надо от меня?» — «Ты почему написал, что весь колхоз его хоронил? Мы не хоронили!» — «А вы-то при чем? Вы и не колхозники никакие, вы — лоботрясы! И идите отсюда, чтобы я вас больше не видел!» Так они и ушли не солоно хлебавши.

Отец Павел и священника мог смирить, и даже архиерея. Как-то в Толгском монастыре на праздник Толгской иконы Божией Матери[1] был один архиерей со своими священниками. Сидели за столом, архиерей что-то рассказывал. А потом отец Павел и говорит: «Слушай, как ты все рассказываешь-то хорошо. А вот деньгами-то своими со мной не поделишься?» А тот отвечает: «Да у меня нет». — «Неужто совсем нет? А мне и домой-то отсюда не на что будет доехать!» Тот посидел-посидел, пошел, достал бумажник, дал отцу Павлу денег. «Ну, вот, — говорит отец Павел, — сразу бы так. А то, если бы я тебе не сказал — так ты бы и не догадался!»

Разные случаи вспоминаются. Идет, например, по церковному двору парень. Батюшка ему: «Ты кто такой?» — «Я с крана, крановщик». — «Вот и иди на кран! Нечего просто так по церковному двору ходить!» Парень развернулся и пошел обратно. Я говорю отцу Павлу: «Батюшка, чего это ты так с пареньком-то?» — «Так ведь чего удумал? Вино здесь ищет! — отвечает отец Павел. Он всегда водку вином называл, по-старин-

[1] Каждый год 21 августа, в день явления иконы и основания Толгской обители, совершается крестный ход с чудотворным образом Толгской иконы Божией Матери.

ному. — И где ищет? У попа! Вот я и послал его туда, откуда пришел!»

Была у нас Мария, а она в Брейтове работала и не кем-нибудь, а директором валяльной фабрики, где валенки делают. Ей, как начальнице, в церковь ходить в советское время было нельзя, а батюшка ее благословляет каждое воскресенье — в храм.

И вот возьмет она с собой продавщицу, погрузят целую машину валенок и приезжает. Перед оградой стоит машина, и с нее валенками торгуют. А она — в храме на службе, на клиросе с нами поет.

Вызывает ее партийное начальство: «Ты почему в церковь ходишь?» А она им: «Если я плохо работаю, вы меня увольняйте, найдете кого-нибудь на мое место!» Ей говорят: «Работаешь ты хорошо, только в церковь не ходи!» — «Да как же я не пойду в церковь? Ведь отец Павел увидит, что меня нет, — что он мне скажет?» И продолжает ходить. И ничего с ней сделать не могут, потому что молитва отца Павла все покрывала.

Как-то поздним вечером сидим с ним вдвоем в сторожке, вдруг — стук в окно. Спрашиваю: «Кто?» — «Мы к попу пришли, — отвечают. — Нам поп нужен! Здесь он?» — «Он-то здесь — говорю, — а вам-то чего?» — «Нам нужен поп!» — «Ну, отец Павел, — говорю ему, — там попа требуют». А отец Павел мне отвечает: «Раз требуют, Маня, пойдем. Только ты шапку надень, и я надену». — «А шапку-то зачем? — удивляюсь я. — Ведь на улице тепло!» А он мне: «Говорю тебе, надевай! Если по голове ударят — не так больно будет».

Ладно. Надели мы с ним шапки, да и выходим на крыльцо. Только батюшка на ступеньку встал, да запнулся и упал. А там с крыльца — три ступеньки. Вот поднимается он с земли и спрашивает: «Чего вам, ребята? Я знаю, вы — воры. А я — поп. Так чего вам от меня надо?»

А я сзади гляжу. Трое их, и все такие сильные, крепкие пареньки.

«А нам бы выпить», — говорят они. Тут уж я не выдержала: «Выпить? Это вы в храм-то как в питейное заведение пришли? Нечего у нас выпить!»

Мария Петровна Никанорова поет песню «Ветка»

«Ладно, Марья, ты пока помолчи», — говорит мне отец Павел. И к ним: «Вот что, ребята! Видите, у меня на голове ни одного черного волоса, все седые? Эту седину я в лагерях, в ссылке заработал. Так вы этих седин не позорьте, прошу вас, а оставьте меня здесь спокойно помереть!» Они ему: «Давай, поговорим!» А он: «Не о чем мне с вами разговаривать! Потому что вы церковь грабить пришли. Раньше власти церкви грабили, а теперь вы? Так судите сами, чьи вы дети будете! А потому, пока я живой, вы из храма ничего не возьмете, так и знайте! А лучше уходите подобру!»

Пошушукались они между собой, потом старший и говорит: «Ладно, пойдем. Пускай сам подыхает». А батюшка ему: «Стой, парень, стой, не уходи! Я как раз подыхать не буду! Я, как человек, хоть и грешный, буду помирать!» — «А какая разница-то?» — не понимает вор. «О, большая разница! — отвечает отец Павел. — Подыхает скотина, а человек — умирает. И умереть — это благо, потому что умереть — значит с Богом примириться». Так они и ушли от нас ни с чем. Может, связываться не захотели, а может, как-то батюшкины слова до них дошли, не знаю.

На фотографии стоит справа — Мария Петровна Никанорова

Была у нас в сторожке керосинка, все на ней готовили. Однажды такой случай произошел. Идет служба в Верхне-Никульском Троицком храме, а нам как раз грибов в тот день навезли — видимо-невидимо! Кому-то надо их жарить. Вот и вызвалась Наталья Белова, а меня отправила на клирос петь. Ладно, пошла я. Пою, а сама беспокоюсь. Как только «Отче наш» пропели — я в сторожку. Мало ли, думаю, человек новый: чего-нибудь не найдет. А ведь когда служба кончится, все гости сразу ринутся за стол — а гостей-то полон храм! И вот вхожу я в дом — Господи! А Наталья-то вся черная! Чернее черной редьки! «Что случилось?» — спрашиваю. А она мне: «Да вот, никак керосинка у меня не разгорается. Кручу фитили, кручу, — а вместо огня один дым идет!» А дыма — полный дом, ничего за дымом не видно!

«А грибы-то как? — спрашиваю. — Грибы-то готовы?» — «Да вроде готовы», — отвечает она. Попробовала я грибы — вроде не хрустят. «Ну, смотри, — говорю, — если грибы не готовы — задаст тебе отец Павел!»

Стали мы дом проветривать. Открыли все двери, окна. Вроде потихоньку все успокоилось.

Но, конечно, когда за стол сели — никто никому никаких замечаний не сделал. Батюшка вообще был непривередлив — ни в еде, ни в одежде.

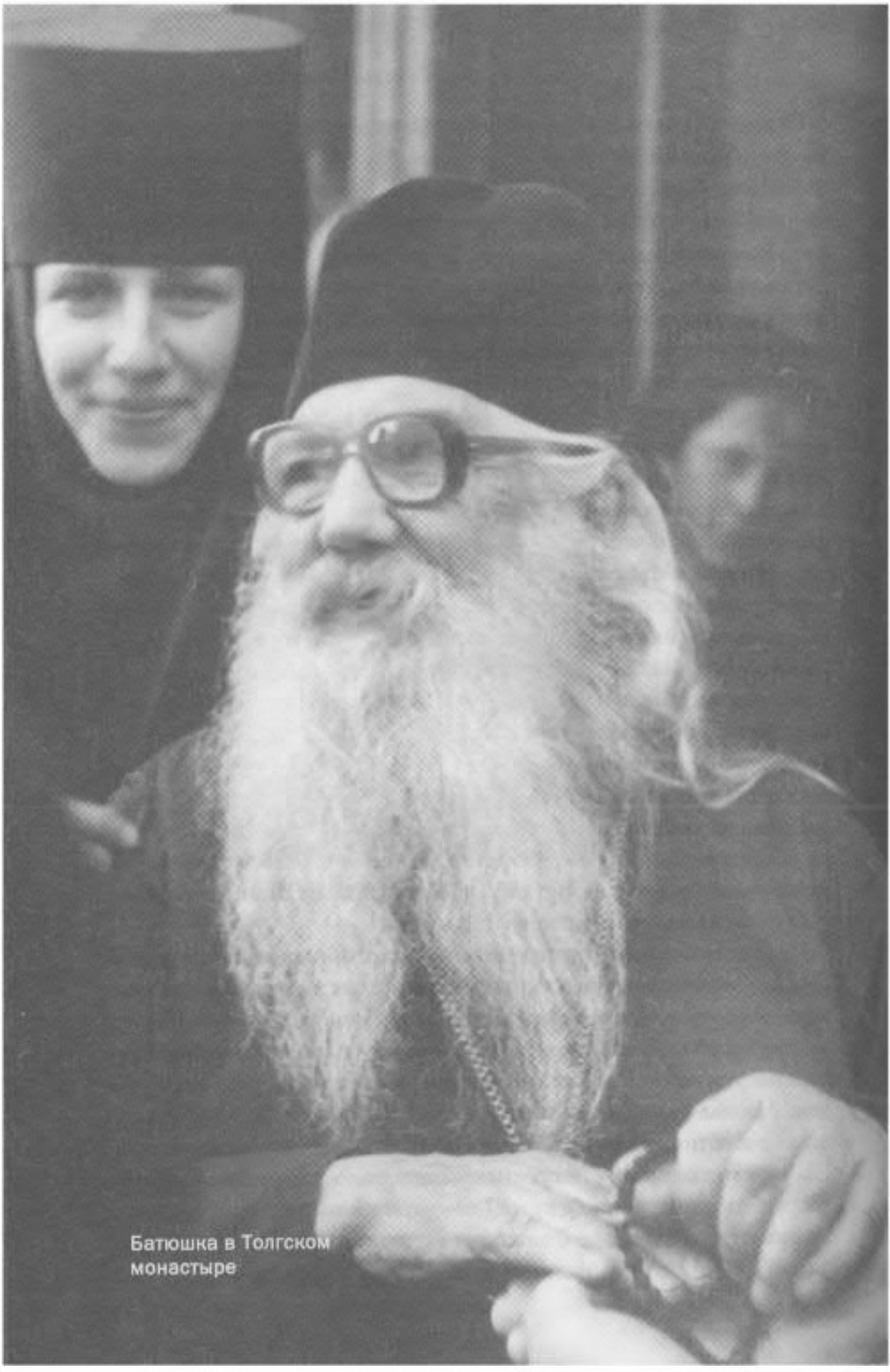
Еще вспоминается. Всех кошек у батюшки Лушками звали. И вот приезжает из Москвы многодетная семья, отца Аркадия. Звали девочек: Маша, Саша, Луша и Варя. Бывало, батюшка кошку позовет: «Лушка, иди сюда!» А девочка Луша подбегает к нему и говорит: «Я здесь, батюшка! Меня тоже Лушкой зовут!» Не понимала тогда, что имя ее христианское не Лушка, а Лукерья. А мама их, матушка София, уже совсем больная была. Приезжает в последний раз, поднимается с трудом по ступенькам и говорит отцу Павлу: «Вот, батюшка, как я к вам иду». А он ей: «Ничего! Мы еще с тобой поживем!» — «Конечно, поживем», — отвечает она. А ведь уже знала, что умирает. Но все равно, не было у нее никакого уныния. А это значит — было упование на Бога, была вера в Его милосердие. Вот бы и нам так.

Поскольку была я долгие годы келейницей отца Павла, то, наверное, все думали, что я не пускаю к нему посетителей. А на самом-то деле наоборот было, особенно в последние годы, когда он очень болел.

Приедут к нему, например, сестры из Толги, человек двадцать, целым автобусом. А он лежит у себя в келье и встать не может. Я захожу, говорю ему, что гости приехали. А он мне: «Марья! Да как же я встану? Не могу я».

Пойду, говорю им, что батюшка принять не может. Тут они все меня уговаривать начинают, а то и ругать. Как же, им ведь обидно: ехали-ехали, а их к отцу Павлу не пускают!

Иду опять к батюшке, начинаю его уговаривать. Мол, хорошие девушки приехали, как их не принять-то? «Ну, пойдем!» Возьмет он меня за шею, я поднимаюсь — и он с постели кое-как поднимается. Через силу встанет, выходит к ним. Но уж когда выйдет — тут он сразу и радостный, и веселый. «Как, батюшка, Ваше здоровье?» — спрашивают его. «А у меня никогда ничего не болит, ни голова, ни ноги!» А сам еле жив... Такой вот он был человек.

Батюшка в Толгском монастыре

Монахиня В.[1], Свято-Введенский Толгский монастырь

В первый раз я увидела батюшку в храме, во время богослужения, когда он приехал к нам в Толгу. Было это году в 1990-м, наверное.

Стою в храме, а из алтаря выходит старец. Все его сразу узнали: «Отец Павел! Отец Павел»! Целая толпа ринулась к нему за благословением. А я стою в стороне и думаю, как мне к нему подойти. Гляжу на него и мысленно обращаюсь: «Батюшка, не могу у Вас благословение взять!» А он кого-то так легонько отстраняет руками и вдруг оказывается передо мной. И благословляет меня.

В следующий раз приехал к нам, и я пошла к нему на исповедь. Он меня сразу узнал и спросил: «Ты уже рясофорная?» — «Да нет, батюшка, я пока еще послушница».

В то время я была старшая на коровнике. И батюшка, когда приходил к нам, всегда говорил: «Старайтесь, трудитесь да молитесь, коровушек жалейте!» Мы его, конечно спрашивали, как молиться. А он отвечал поговоркой: «Трудись да молись, одно проси — Господи, прости! — так и спасешься». А еще любил всегда повторять: «Храните веру православную!»

Однажды был такой случай. Посадили огурцы, они взошли, а тут надо срочно сенокос начинать. Мы обычно его после Троицы начинаем, а в тот год весна была очень ранняя. А уж как начали сенокос — так не до огурцов. И они у нас за время сенокоса так все сплелись, что к ним не подступиться

[1] Такое обозначение имен дается по просьбе авторов воспоминаний — сестер Свято-Введенского Толгского монастыря.

ни с какой стороны. Продернуть невозможно, подвязать тем более.

Я прямо завопила: «Матушка игуменья, что делать с огурцами?!» Она отвечает: «Езжай к отцу Павлу».

Поехали мы к отцу Павлу, вместе с ней и поехали. Приезжаем, они все поют, а я сижу да унываю, что огурцов в монастыре в этом году не будет. А батюшка поет-поет, потом вдруг подтолкнет меня в бок, да и скажет: «Не ной, будут тебе огурцы!» А я ему еще ничего про свои трудности не говорила.

Закончили они все петь, спросили мы, что с огурцами делать, тогда он отвечает: «Вот как вернетесь в монастырь, зайдите в парник, и какая мысль первая тебе на ум придет — так и сделай».

Возвращаемся в Толгу, захожу я в парник и думаю: «Что делать, как быть?» И вдруг мне в голову мысль. Стоит лопата — взяла я ее, да и начала прорубать в огуречной гряде дорожки туда-сюда. Прорубила, гляжу: уже и все корни видно, можно прореживать, можно подвязывать. А пока дорожки прорубала — еще целое ведро огурцов набрала. Оказывается, они уже созревать начали. Вот тебе и батюшкино благословение! Оказывается, у нас уже и огурцы есть.

В следующий раз приезжаем с матушкой к нему, благодарим за урожай, а он отвечает: «Так я же за вас у престола молился! Просил, чтобы Господь в Толгу побольше огурцов послал!» И вправду, в том году у нас столько огурцов было, что на все хватило.

А однажды был случай другого рода. Коровник у нас тогда был небольшой, в сарае размещался. Труба от печи через потолок выходила, а на потолке для тепла опилки были насыпаны.

И вот идет служба. Почти все, кто на коровнике работал, причащаются, кроме дежурной. И тут приходит девочка-паломница и говорит: «А почему из коровника какой-то дым идет?»

Побежали мы, двери открыли, свежий воздух туда вошел, огонь-то и полыхнул. Там у нас телята стояли, бык. Телят-то

успели вытащить, а бык сгорел, так как был на привязи, и отвязать его мы уже не смогли.

А в это время матушка игуменья приезжает от отца Павла. Как увидела — ей плохо стало. Вызвали пожарных, остатки потушили, но было уже поздно.

Оказывается, батюшка, пока матушка у него была, все ее уговаривал, чтобы она ни за что не переживала, истории ей всякие рассказывал, утешал.

Когда мы приехали к нему снова, он говорит: «В пожаре этом никто не виноват. Это воля Божия была, чтобы у вас коровник сгорел». И вправду, нам после этого пожара новый большой коровник построили и быка пожертвовали. Получается, что пожар этот нам был определен. Потому он и матушку так уговаривал не волноваться и не велел кого-то наказывать.

Однажды мы с сыном ехали к батюшке в Никульское. Дело к весне, грязь, бездорожье, то там застрянем, то тут не выедем. Уже время Литургии, а мы все никак доехать не можем. Сын мне и говорит: «Я очень хочу пить! Наверное, попью, все равно ведь к исповеди уже опоздали!» Я его уговариваю: «Витя, потерпи, кто знает, что будет!»

Приезжаем, заходим, почти перед самым Причастием. Стоим у двери. И так мне обидно, что опоздали, да еще я сыну и попить-то не дала. Вдруг батюшка кричит: «Витька с Толги, иди сюда!» Позвал в алтарь, поисповедал. Вижу, мой Витя причащается. Вот так, хоть мы и на службе не были, а батюшка его за одно стремление к Причастию допустил.

Один раз приехали к батюшке поздно, а рано утром надо в Толгу вернуться. Собираемся ехать, а машина ни туда, ни сюда — заглохла. Тогда батюшка говорит: «Ложись, Витька, утро вечера мудренее». Легли спать, а утром встаем: «Батюшка, что с машиной-то делать?» — «А ничего не делать, — отвечает он. — Садись да поезжай!»

И вправду: машина сразу завелась, мы сели и поехали. Только батюшка сказал: «Михаил Архангел, донеси их поскорее!» — и вот мы минут за двадцать уже в Ярославле. Так бы-

вало почти всегда: к батюшке едешь долго, трудно, с препятствиями, а от него летишь как на крыльях.

Однажды я ушиблась, и у меня так болела рука, что я не могла ею двигать. Через некоторое время поехали к батюшке в Тутаев на какой-то праздник. После службы все устремились к батюшке, чтобы благословиться, а он взял меня за руку, причем за больную, и ходит со мной, не отпуская. Я ему говорю: «Батюшка, меня-то благословите!» А он только отвечает: «Потом».

Водил он, водил меня, а потом ушел к себе в келью. Все наши садятся в автобус, собираются в обратный путь. Сажусь и я. Села и тут говорю печально: «А меня батюшка так и не благословил». А мне кто-то отвечает: «Ничего себе! Водил-водил ее под руку – да еще и не благословил!» И как мне это сказали, я сразу вспомнила про больную руку. А рука-то у меня больше не болит! Как будто не болела, как будто я ее не ударяла! Так вот почему батюшка говорил: «Потом!» Это значит, потом узнаешь, для чего я тебя так вожу. Такова у него была сила молитвы.

Как-то раз ездили к нему с матерью М. Матушка сказала: «Мать М. у нас заболела. Повези ее к отцу Павлу».

Приехали мы, батюшка лежит в кроватке, я сижу рядом и разговариваю. Батюшка уже ничего не видел. А мать М. написала исповедь, стоит в уголке тихонько, ее и не слышно.

Батюшка разговаривал со мной, а потом вдруг говорит ей: «Давай сюда свои грехи!» Благословил ее – и всю болезнь как рукой сняло.

А в другой раз батюшки уже не было, и снова мать М. заболела. Тогда мы поехали к отцу Павлу на могилку. Приехали, поплакались ему на могилке. Едем назад, а мать М. говорит: «Все у меня прошло, болезни больше нет, я здоровая теперь». Вот так батюшкины молитвы помогают.

Заболел наш духовник, отец Михаил. А батюшка его ни разу не видел, потому что отец Михаил издалека, из Симбирска. Когда я батюшке сказала об этой болезни, он ответил: «Умрет». – «Да что Вы, он молодой, ему всего-то сорок два года!» – «Ну что ж, что сорок два. А все же умрет». Прошло

три месяца, и отец Михаил действительно преставился к Богу. Поехали мы тогда с матушкой игуменьей к отцу Павлу просить, чтобы он принял над нами духовное руководство. А он выслушал и говорит: «А они и так давно мои». И еще сказал, что отец Михаил за нас в Царствии Небесном теперь молится.

Еще был случай. Захотел к нам в Толгу приехать схимонах Серафим. Старенький совсем, тоже лагеря прошел, только священства не принимал, всю жизнь был просто алтарником. Но человеком был духовным, прозорливым. Он в лагерях сильно молился святителю Николаю, просил, чтобы тот его к себе забрал. А святитель явился ему как-то и сказал: «Потерпи еще немножко, заберу под свое крылышко».

И вот отец Серафим захотел приехать в Толгу погостить. Матушка спросила об этом у отца Павла, и он ответил: «Пусть приезжает. Будет у вас два старика, два дурака». А потом подумал и добавил: «А вообще-то, лучше бы ему уже и не двигаться». И вскоре мы получили письмо, что отец Серафим заболел. Заболел, да вскоре и умер. Похоронили его против алтаря, в приделе святителя Николая. Забрал его святитель под свое крылышко.

В последний раз я у батюшки была вместе с Натальей, москвичкой, она часто к нему ездила. И вот он при мне ей говорит: «Все, Наталья, больше не увидимся». Она даже заплакала: «Батюшка, да что Вы, этого быть не может!» Но получилось именно так, как он сказал, и приехала она уже только на похороны. А ведь никому из нас и в голову не приходило, что батюшка может умереть. Казалось, что он с нами вечно будет. Да он, конечно, и остался с нами, несмотря на свою смерть.

Уже после его кончины приехала к нам в монастырь одна девочка. Насмотрелась всяких ужасов по телевизору и после этого спать не могла. Все ей казалось, что какая-то мохнатая рука ее трогала. Одна оставаться боялась, сразу кричит: «Матушка, не уходи, побудь со мной!» И приходится мне рядом с ней сидеть, ждать, пока она уснет.

А потом мы взяли и фотографию отца Павла повесили у нее над головой. И с этого дня исчезла рука, ничто уже ее не

пугало, и спала она спокойно. Значит, даже фотография отца Павла — и та помогает.

Хоть батюшки и нет, а все равно мы к нему каждую минуту вопием: «Батюшка, помоги!» Так и при жизни было: что бы ни случилось, мы всегда к нему обращались. И он всегда помогал, и сейчас он нам во всем помогает. А самое дорогое для нас, самое желанное — это съездить к нему на могилку. Для меня такая поездка лучше всякого паломничества.

Конечно, когда какая большая работа в монастыре — посев или сенокос, — мы первым делом к нему за благословением ехали. Как он благословит — так и делаем. Вообще на труды он всегда благословлял. Говорил: «Трудись и молись». Но про молитву никаких особенных правил мне, например, не назначал. Зато часто повторял: «Знай себя — и хватит с тебя!» Это значит, не за чужими грехами смотри, а за своими. А если кому на месте не сидится, хочется жизнь поменять, тому он говорил: «Сиди, лягушка, в луже, а то будет хуже!»

Один раз был интересный случай. Дело было в первые годы монастыря. Своего ничего нет, ни хозяйства, ни денег. И ездили мы осенью, когда урожай собирают, по деревням. Кто каких овощей пожертвует, мы того записываем на поминание родственников: о здравии или о упокоении.

И вот приехали в одно село, а там урожай хороший, и мы набрали сразу целую машину картошки. Радостно было, что не зря съездили. И матушка тоже обрадовалась и говорит: «Раз там урожай хороший, завтра поезжайте туда еще раз!»

И вот едем мы туда на второй день, а состояние у нас какое-то разбитое, и настроения никакого. Мы там у людей уже были, и второй раз ехать и просить — тяжело. А ехали отец Петр, мой Витя как водитель и я.

Доезжаем до Ростова и тут отец Петр говорит: «Давайте к святителю Димитрию заедем, приложимся, попросим, чтобы он за нас помолился». Заезжаем, а там отец Павел служит! Отец Петр как его увидел — так бегом к нему. Батюшка нас выслушал и говорит: «Не тужите. Езжайте домой, а завтра вас матушка совсем в другое место пошлет. А по дороге читайте все время “Да воскреснет Бог”».

Едем домой в смущении: матушка ругаться будет, что ее благословение не выполнили. Приезжаем, отец Петр говорит: «Матушка игумения, мы приехали, но ничего не привезли». Матушка игумения на это ничего не сказала. А наутро прихожу к ней на благословение, а она говорит: «Саша, сын твой, телеграмму прислал. Говорит, что у них урожай хороший, он всю картошку отдаст».

А ехать в Ульяновск, в Симбирскую губернию. Поехали мы на МАЗе. И такой в тех местах был урожай, что мы полную машину картошки оттуда привезли. И получилось все так, как отец Павел нам сказал.

Никогда батюшка не жаловался, что у него что-нибудь болит, никогда никому не плакался. Наоборот, говорил часто, что у него никогда ничего не баливало. Зато чем мы страдали — это он насквозь видел. Когда к нему ехали, я всегда записочку писала с вопросами — от себя, от матушки игумены. Так эту записочку никогда не приходилось даже вынимать: на все вопросы он сам отвечал, еще до того, как ему их задавали.

А как-то раз сын мой Виктор поехал за арбузами. Матушка игумения каждую осень посылала большую машину в Краснодарский край за арбузами. И вот машина в пути сломалась. А уже вечер, темнота, дождь идет — что делать в чужом месте? И тогда Витя мой взмолился: «Отец Павел, выручай! Не знаю, что делать!» И вдруг появляется машина, а в машине благочинная какого-то монастыря. А и сам-то монастырь совсем рядом. Отремонтировали машину, накормили-напоили, в дорогу дали, и они отправились дальше.

А где-то через день после этого случая мы из Толги приехали к отцу Павлу. Конечно, ничего про Виктора я знать не могла. И тут Марья рассказывает. Оказывается, отец Павел накануне вдруг ей говорит: «Марья, вставай, молиться будем! Витька мне кричит, он в беду попал! Просит, чтоб я помог».

А Витя потом ему говорил: «Ох, батюшка, как хорошо, что ты есть! По твоим молитвам всегда нам Господь помогает».

Такие вот бывали чудеса. И сейчас едут к нему на могилку, просят, и батюшка всем помогает.

В Толгском монастыре

Монахиня С.,
Свято-Введенский
Толгский монастырь

В Москве жила схимонахиня Евфимия, приписанная к нашему Толгскому монастырю. Ей отец Павел за десять лет до открытия Толгского монастыря предсказал, что она будет в нем. И подарил Толгскую икону Божией Матери, о которой она тогда вообще ничего не знала. И подумала: «Зачем батюшка дарит мне такую икону, которую я вовсе не знаю?» А потом, спустя годы, познакомилась с игуменьей Варварой, стала ездить в Толгу. И теперь вот — живет в Толгском монастыре.

Одна из сестер рассказывала, как ее тетушка, собираясь приехать к отцу Павлу, спросила у него, что ему привезти. Ну, он подумал и говорит: «Привези мне вина». А вином он звал водку, по-старинному. Тетушка думает: «Конечно, у него гости каждый день, ему же всех встретить надо!» И вот купила для батюшки целый ящик водки, погрузила все в сумку на колесиках и повезла. А сама она — маленькая, худенькая.

Кое-как довезла в целости-сохранности эту водку. А у него как раз был какой-то большой праздник. Гостей за столом много. Она подозвала его и говорит потихоньку: «Батюшка, я вам водки привезла!» — «Хорошо», — отвечает он. «Я вам много привезла, целый ящик!» — «Молодец, — говорит. — Так дай мне одну бутылочку!» Она дала, а он взял эту бутылку на руки как маленького ребенка, идет, качает ее на руках и песенку какую-то напевает.

Может, показал всем, как она об этой водке беспокоилась, заботилась, когда ему везла?..

Однажды к батюшке приехал молодой иеромонах. Был он в кожаном пальто. Батюшка благословил его с любовью, а потом, похлопывая по плечу, сказал: «Хоть ты парень и в коже, а иерей-то гожий!» Он очень любил разные прибаутки и часто говорил стихами.

Мне на всю жизнь запомнился такой случай. В очередной свой приезд в Толгскую обитель отец Павел стоял на дорожке напротив игуменского дома и раздавал сестрам конфеты из вазы, которую держала одна из матушкиных келейниц. Я тоже подошла под благословение. Он взял из вазы конфету и дал мне, но не благословил. И уже разговаривает со следующей сестрой. Мне стало очень горько и мысленно я стала себя укорять: «Да, конечно, я недостойна старческого благословения. Теперь уж он меня не благословит». Каково же было мое удивление, когда он резко повернулся ко мне, подал еще две конфеты и, благословив широким крестом, шепнул мне на ухо: «Наташка, на тебе еще две». А ведь он не знал меня ранее, Господь открыл старцу мое имя. С того времени я еще больше стала его почитать.

Одна матушка поведала мне недавно такой случай. Кончились у нее деньги. Открыла она пустой кошелек, заглянула в него — и закрыла. Положила кошелек в карман и пошла на дорогую могилку, к отцу Павлу, пришла, положила кошелек на могилку и со слезами стала просить помочь ей, помолилась от души, а после этого поехала в Толгский монастырь, где у нее дочь была насельницей. Увидела матушку игуменью, подошла к ней под благословение. А матушка, благословив ее, подает ей конвертик с деньгами. Там было ровно столько, сколько она просила для какого-то дела. Женщина эта сначала глазам не поверила, а потом поняла, чья это помощь.

Одна из наших сестер имела в помыслах своих уйти из монастыря. И вот, когда она уже почти на это решилась, ей приснился какой-то дедушка, который строго сказал: «Ты только не уходи из Толги!»

Проснувшись, она забыла о своем сне, но спустя какое-то время у одной из сестер увидела фотографию отца Павла. И узнала на ней дедушку, который ей приснился. Из этого слу-

чая видно, что и сейчас батюшка печется о Толге, не оставляет своим вниманием даже новоначальных, которые при жизни, может быть, его ни разу не видели.

Вспоминаются его похороны.

Приехали мы в Тутаев, в собор. Храм большой и очень много народу. Матушка с певчими ушла на клирос, петь, а мы стали прощаться с батюшкой.

Лежал он во гробе в самом центре собора. Я подошла, приложилась к его ногам. До этого у меня никакого особенного ощущения не было, но как только я коснулась его ног, я почувствовала, что мне очень жалко его терять. И у меня сразу слезы градом. Отошла в сторонку, стою со свечкой, плачу.

А через некоторое время нам еще раз разрешили к нему приложиться. Убрали Евангелие, и руки его открылись. Подошла я прикладываться к ручкам — а они у него теплые и мягкие, как у живого! Когда я это поняла, у меня в душе появилось чувство удивления, смешанное с радостью. Ведь раньше-то мне с таким сталкиваться не приходилось.

Потом началось богослужение. Служило, наверное, около сорока священников, во главе с владыкой Михеем. Служили так стройно, так согласно. А потом стали говорить о батюшке. И тот, кто первый говорил (не помню, к сожалению, кто это был), сказал, что отец Павел был светильником веры православной и что этот светильник веры сейчас не угас, а еще ярче возгорелся и будет светить нам из вечности. В этом первом слове о батюшке было сказано самое главное, потому что он действительно был светильником веры, и его любимыми словами были: «Храните веру православную!»

А потом началась панихида, и вдруг в сердце поднялась такая радость. Я как будто чувствовала, что он где-то здесь, рядом, и что он живой и молится вместе с нами. После я разговаривала об этом с сестрами, и у всех было одно и то же ощущение его живого присутствия. А когда приоткрывали лицо, он выглядел как живой, об этом все говорили.

На сороковой день матушка с сестрами собрались к нему на могилку. Я не думала, что меня возьмут, а матушка вдруг: «Собирайся прямо сейчас. Только никуда не заходи».

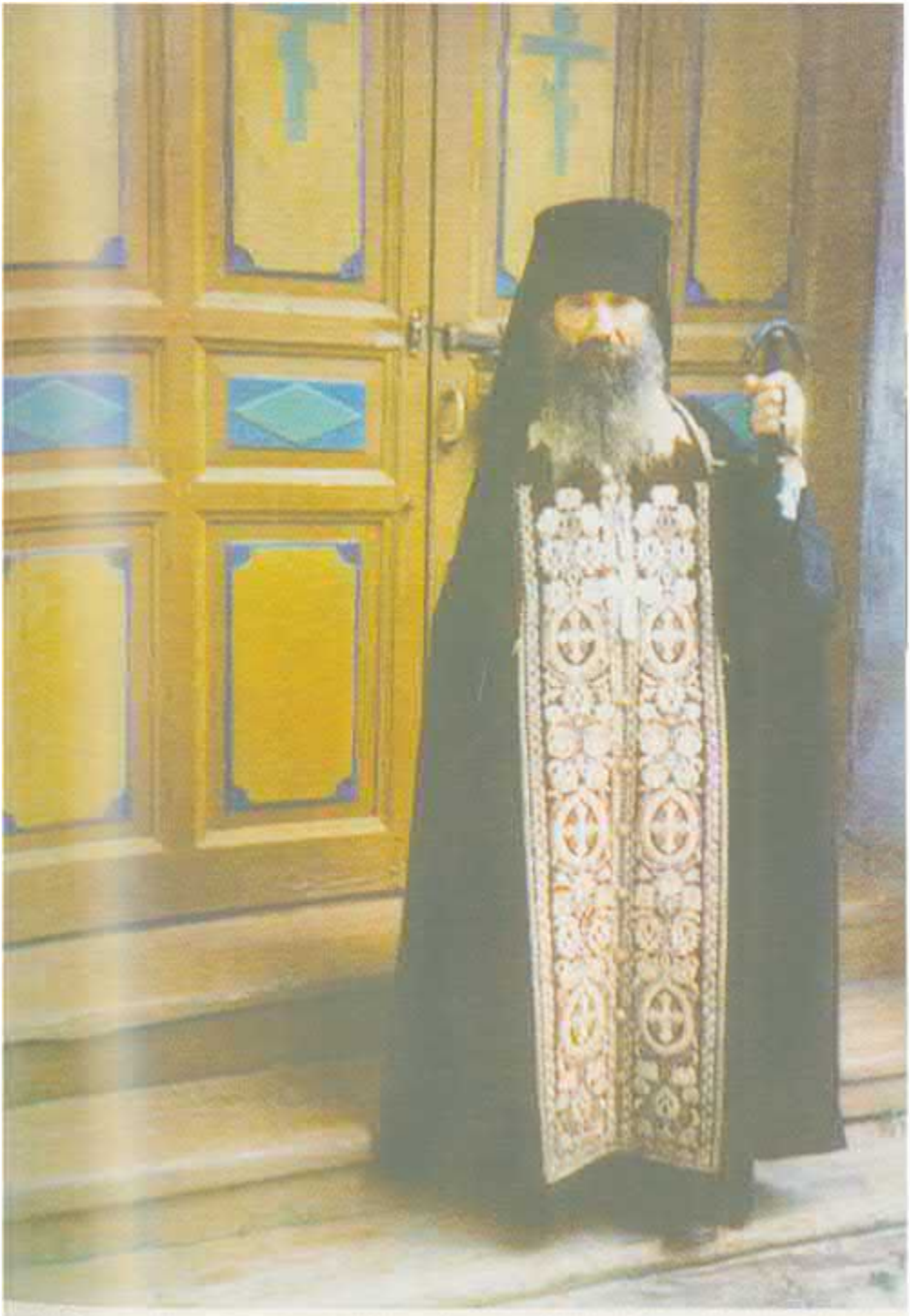
Приехали, а через Волгу переехать не можем. Уже близилась весна, во многих местах полыньи были. Матушка все же поехала на легковой машине, а мы с инокиней Н. решили пешком идти. А расстояние немалое! Да к тому же мы обе больные: у обеих было обострение остеохондроза. Но я очень радовалась тому, что меня взяли, и только кричала про себя: «Батюшка, помоги! Дай нам успеть прийти к панихиде!»

И вот они на машине, а мы — пешком. Дыхания уже никакого нет, а надо еще на такой крутой берег подняться. Прибегаем на могилу, а панихида только-только началась.

Над нами потом все потешались: «Ну, вы все время на хондроз жалуетесь, а тут раньше всех прилетели». И мы всю панихиду отстояли, вместе с теми, кто на машине ехал.

Помню, однажды матушка говорит: «Мы едем к отцу Павлу». Я начинаю просить: «Матушка, возьмите меня с собой»! Она отвечает: «У нас уже мест нет». Тогда я начала кафизму читать и на каждой «Славе» его поминать. И говорю: «Батюшка, ты же видишь, как мне хочется к тебе на могилку!»

И вот иду после послушания, а навстречу мне матушка. Но я знаю, что автобус с сестрами уже уехал, а она, если и по-

У двери Троицкого храма села Верхне-Никульского

В сторожке Троицкого храма. 1979 г.

Заготовка дров

19 ноября 1985 года — именины отца Павла

На кладбище в селе Верхне-Никульском

Архиепископ Ярославский и Ростовский Платон в селе Верхне-Никульском

Крестный ход в селе Балабаново в день празднования Югской иконы Божией Матери

Летом 1985 г.

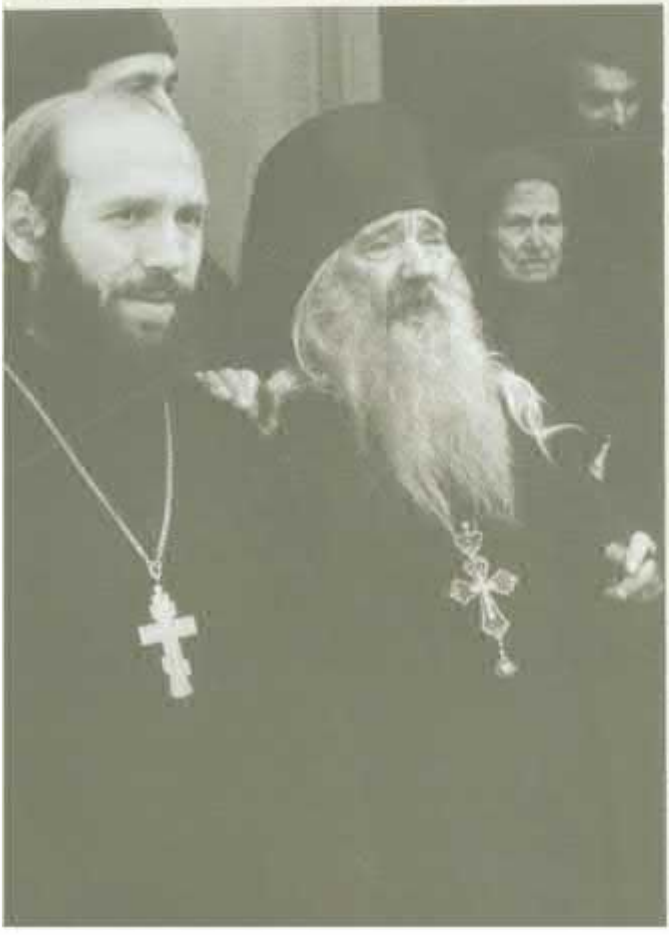

У Троицкого храма
села Верхне-Никульского

У Троицкого храма села Верхне-Никульского

В Троицком храме у иконы Божией Матери «Достойно есть» ▸

У Троицкого храма села Верхне-Никульского в день именин о. Павла 19 ноября.

В Верхне-Никульском

У Троицкого
храма
села Верхне-
Никульского

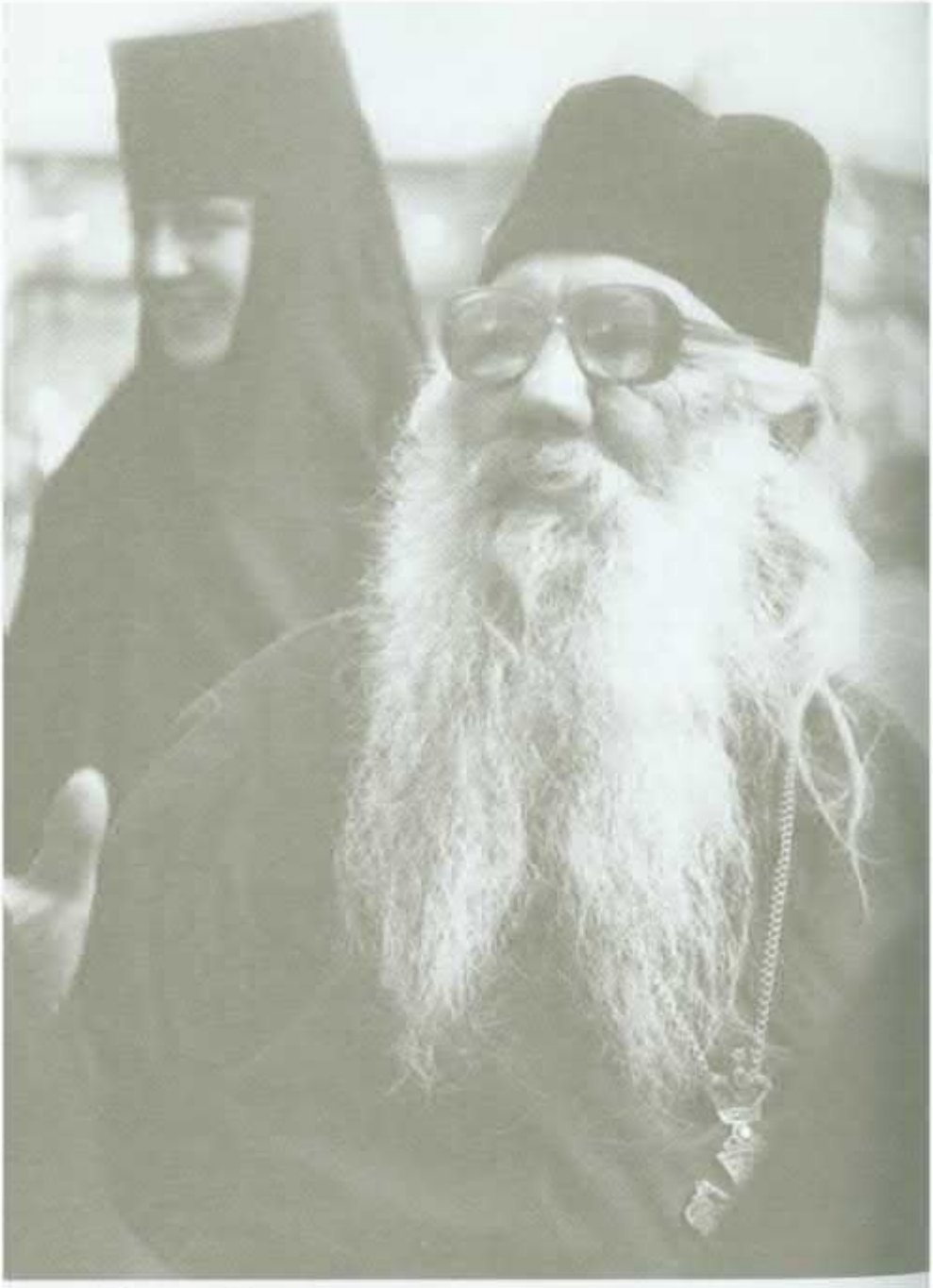
едет, то на легковой машине. И я говорю почти без надежды: «Матушка, возьмите меня к отцу Павлу!» И вдруг она говорит: «Поехали». Я даже опешила: никогда не бывало, чтобы она так легко согласилась. «А где машина?» — «Вон там у арки стоит. Иди и садись».

И, бывало, если прошусь к своему духовному отцу, то обращаюсь к батюшке Павлу: «Помолись, чтоб матушка меня отпустила!» И все, никаких проблем. А бывало, что матушка и сама первая скажет: «Собирайся, повезешь такую-то сестру».

Даже в мелочах — и то видна забота о нас отца Павла. Бывает, стоим на кладбище, а свечи ветер задувает. Приложусь к могиле, потом мысленно говорю: «Батюшка, сделай так, чтоб свеча горела! Хочется постоять и помолиться с зажженной свечой». И что? Свеча догорает в твоих руках до конца панихиды, и после панихиды еще на могилку к нему поставишь, и она там горит.

Батюшка даже настроение чувствует, с каким ты к нему идешь. Иногда — полное равнодушие внутри и маловерие. А иногда идешь — и молишься, и тогда весь день как праздник. Искушения, конечно, могут быть на следующий день, но уж в этот-то день батюшка покрывает своей благодатью.

Однажды в праздник Успения Пресвятой Богородицы я ездила с московскими благодетелями на могилку к отцу Павлу. Как сумела пропела ему «Со святыми упокой» и мысленно сказала: «Батюшка, дорогой, прости, что не умею петь и жаль, что нет священника, который бы послужил панихиду». И вот чудо: через четыре дня матушка игуменья благословила меня сопровождать на могилку к отцу Павлу иеромонаха Лонгина, соловецкого батюшку, с которым мы и пропели панихиду. Этот случай заставил меня убедиться в том, что очень скоро слышит нас батюшка, наш незабвенный отец Павел, и молитва его за нас дерзновенна пред Господом.

Батюшка в Толгском монастыре

Монахиня Т.,
Свято-Введенский
Толгский монастырь

К рассказам о батюшкиной прозорливости я поначалу относилась не то чтобы с недоверием, но с осторожностью. Потому что уже знала, что бывают люди хотя и прозорливые, но не богоугодные. И поэтому прозорливости отца Павла я особого значения не придавала.

Я приехала к отцу Павлу сразу после паломнической поездки на Валаам. Было нас несколько толгских сестер и наш духовник игумен Евстафий. Сидела я задумчивая, вспоминая недавнюю поездку, и про себя напевала песню про Валаам. Только первую строчку я помнила неточно и потому пела не «Предивный остров Валаам», как в песне, а «Пречудный остров Валаам».

Так пела я несколько минут, и вдруг батюшка после некоторого молчания тоже запел, но уже вслух: «Пречудный остров Валаам». Я на это не обратила внимания: ну запел и запел, бывают же совпадения.

А когда приехали в следующий раз, я уже знала, что в песне поется не «пречудный», а «предивный». И снова я за столом у батюшки про себя напевала эту песню. Только уж теперь я пела «предивный». И вдруг батюшка опять запел, но теперь уже запел, вслед за мной, правильно: «Предивный остров Валаам».

И когда мы в машине уже ехали обратно, я вдруг задумалась, почему это батюшка вслед за мной повторял песню и именно так, как я ее пела. А у него, очевидно, была цель привлечь мое внимание, чтобы я с доверием относилась к его наставлениям, сознавая, что если ему известны мои мысли.

то значит что-то ему Господь открывает обо мне. И он эту цель выполнил, потому что в дальнейшем я получила от него неоценимую духовную помощь и поддержку. И очень скоро поняла, что он не только прозорливый, но и богоугодный человек.

И еще был случай. С группой сестер мы приехали к отцу Павлу. Когда перед отъездом мы стали брать благословение у него, он мне сказал: «Ты только не уходи с монастыря! Ладно?» Я рассмеялась и ответила: «А я, батюшка, и не собираюсь». Только спустя десять лет я поняла, что этим хотел сказать батюшка...

Однажды зимой мы приехали к нему поздним вечером в сильную метель. Приехало несколько сестер во главе с отцом Евстафием. Побыли у батюшки до 12 и засобирались обратно. Попросили его, чтобы он за нас помолился. И он сказал: «Архангел Михаил, помоги им доехать!» Выехали в первом часу — и вдруг метель утихла, и мы по тихой и чистой погоде доехали до монастыря.

И еще один был случай. Мы вот так же попросили батюшку помолиться и в ночь выехали от него. За рулем, как всегда, был отец Евстафий.

Едем лесом и вдруг видим, что прямо посреди дороги стоит какой-то черный фургон. Из него выходят люди в милицейской форме и велят нам остановиться. Но все это было так подозрительно, что отец Евстафий даже не притормозил. Проехали мимо, доехали до какой-то деревни, и тут машина сама заглохла, прямо возле первого дома. И встала.

Мы сидим ни живы ни мертвы. Думаем, сейчас что-то будет. А те из леса уже нагоняют нас. Подходят: «Почему не остановились? Мы милиция!» Тогда отец Евстафий отвечает: «Простите, но я везу четырех девчонок, поэтому мы опасались остановиться в лесу. Я решил доехать до первой деревни и остановиться».

Они сочли ответ удовлетворительным, проверили документы и уехали. И как только они отъехали, наша машина завелась как ни в чем не бывало, и мы поехали дальше. Отец Евстафий даже побледнел от переживания. «Вот, сестры, —

сказал он, — это по батюшкиным молитвам машина заглохла. А то еще неизвестно что бы было!»

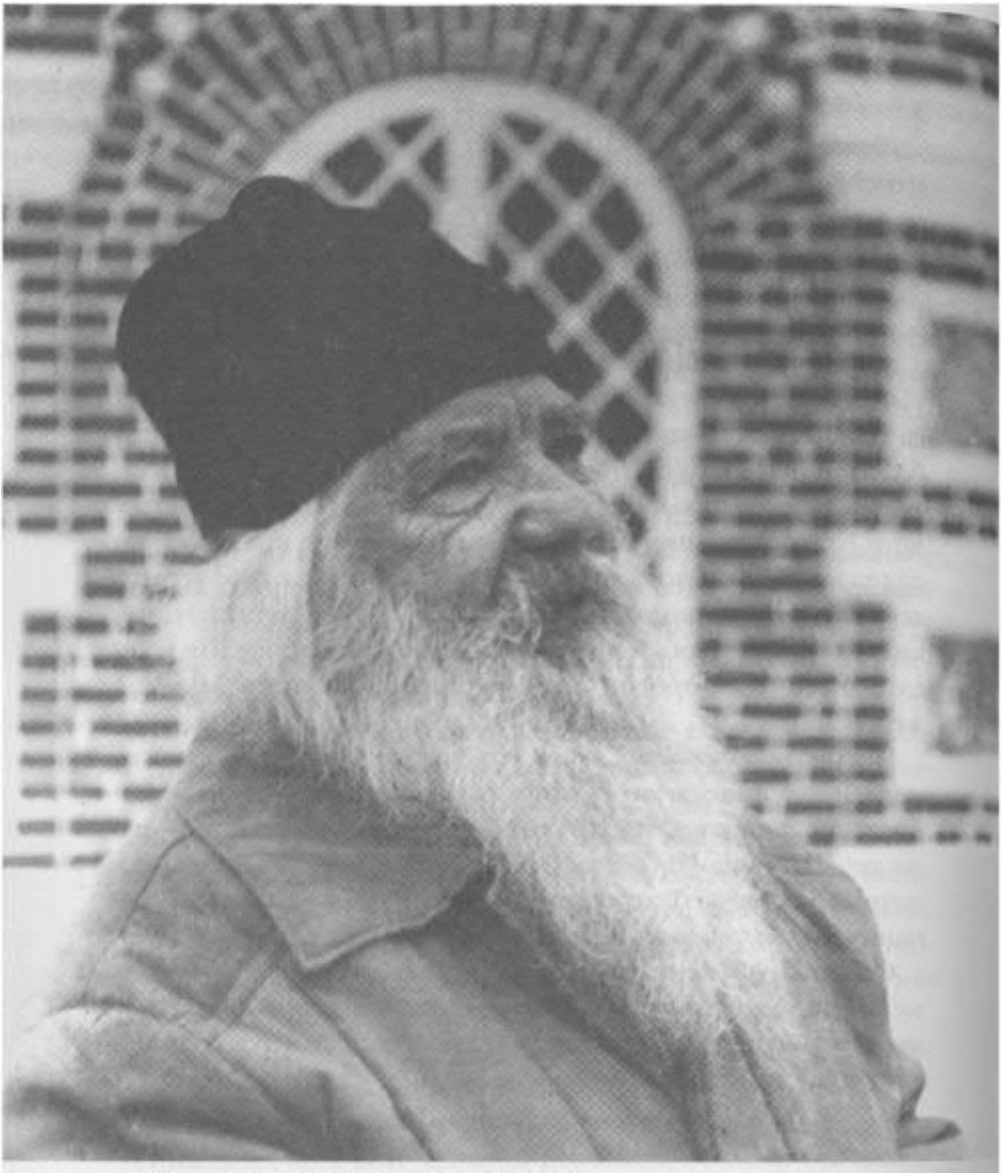
Помню, как батюшка сослужил отцу Евстафию в Спасо-Яковлевом монастыре и говорил проповедь. И в проповеди во всеуслышание сказал: «А отец Евстафий скоро станет архиереем». И сказал он так не один раз, а дня три подряд говорил это в каждой проповеди, что, в конце концов, и исполнилось.

...Я дедушку своего не помню, он на войне погиб. И отца Павла я воспринимала отчасти как дедушку. Да еще эта борода его — белая, пышная. Так мне всегда хотелось к этой его бороде приласкаться, погладить ее.

И вот приезжаю к нему в последний раз. Пришла, взяла у него благословение. А он уже болел, лежал в кровати. Посидела я рядом с ним, и он говорит: «Дай-ка я тебе что-то пошепчу». Наклонилась я к нему, он спел мне песню про кедр, а потом обнял меня и прижал к своей бороде. Не к лицу, а именно к бороде, как я всегда хотела. Исполнил мое желание.

Потом он долго ждал какого-то батюшку, чтобы отправить меня на машине, потому что в тот раз я приехала одна. Но никто не появился, и тогда отец Павел говорит: «Ну, сохрани тебя Царица Небесная!» И отправил меня. И по его молитвам я доехала благополучно, и даже не сделали мне замечания, хотя приехала я поздно.

Однажды я к нему пришла, а он так долго и пристально на меня посмотрел, а потом сказал: «Всех люби, всех бойся!» И он так произнес эти слова, что они мне запали в душу. И в последующей жизни очень пригодились.

Батюшка у часовни в Толгском монастыре

Послушница N.,
Свято-Введенский Толгский монастырь

Во вновь открытом монастыре я занималась большей частью снабжением. Утром монастырское правило и служба, вечером тоже служба допоздна, а днем заботы по устройству монастыря. Отдыхали, словом, мало.

В одно из воскресений, после трапезы, уставшая, я прилегла у себя в келье. Вдруг слышу, входит одна из сестер и радостно кричит, обращаясь ко мне: «Хватит спать, вставай — к нам приехал отец Павел из Верхне-Никульского!»

Можно себе представить мое неудовольствие: только задремала, а тут этот крик! Встаю кое-как, а сама и глаза не могу открыть. Что там еще за отец Павел такой? А сестра кричит: «Пошли, пошли скорей! Ведь он — старец!»

«Неужели старец?» — удивилась я про себя и стала приводить себя в порядок. А мысли бегут, бегут, и одна из них как будто упала на сердце: «Если он старец, то пусть скажет мне хоть что-нибудь по истории монастыря!»

Тут надо дать небольшое пояснение. В нашей семье особо чтили память Патриарха Тихона, а он в свое время был архиепископом Ярославским и Ростовским, с Толгой был связан[1].

[1] Свт. Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, в миру Василий Иванович Белавин (1865–07.04.1925). С 1897 епископ Люблинский, викарий Холмско-Варшавской епархии; с 1898 по 1907 служил в Америке; с 1905 в сане архиепископа. С 1907 по 1913 управлял Ярославской епархией, до лета 1917 был архиепископом Литовским и Виленским. В июле 1917 съездом духовенства и мирян Московской епархии избран архиереем Первопрестольной. На Поместном Соборе Православной Российской Церкви в ноябре 1917 жребием из трех кандидатов митрополит Московский Тихон был избран Патриархом Московским и всея Руси. Погребен в Донском монастыре. Архиерейский Собор 1989 г. канонизировал святителя Тихона (Белавина), Патриарха Московского и всея Руси, исповедника.

И теперь я шла к отцу Павлу с тайным желанием услышать что-нибудь новое о Патриархе Тихоне и Толгской чудотворной иконе Божией Матери.

И вот пошли мы, а там уже толпа народа. Мы даже и не надеялись, что к батюшке поближе удастся подойти, попросить благословения. Вдруг он как-то неожиданно раздвигает обступивших его людей, образовывается дорожка — и мы оказываемся лицом к лицу с батюшкой. Я знаю, что он слепой, а на меня смотрит так пристально, сквозь очки, потом делает шаг в мою сторону, широко раскинув руки, — и я сама не понимаю, как неожиданно оказываюсь в его объятиях!

«Девицы! — громко говорит батюшка окружившим его сестрам. — А Святейший Патриарх Тихон как этот монастырь любил! Но сейчас я всего вам не расскажу, а вот на праздник Толгской Божией Матери приеду и привезу вам книжечку. Есть у меня книжечка, в которой описаны все чудеса, творимые от этого святого образа в былое время».

И вот я сразу получаю ответ на свои вопросы. И если шла я на эту первую встречу с отцом Павлом с волнением, то отходила от батюшки со страхом Божиим.

Был у меня и еще один незабвенный случай, связанный с отцом Павлом. Матушка игуменья часто мне говорила: «Привези свою маму к нам в монастырь, пусть она научит нас печь караваи». А мама моя в то время уже очень болела. Узнала я о ее болезни летом, а сейчас уже была зима. Как-то зимой приехал к нам отец Павел, игуменья и послала меня к нему, чтобы узнать, приедет ли к нам моя мама.

Я отыскала отца Павла в одной из келий, где он отдыхал, и спрашиваю его: «Батюшка! Мать игуменья просит вызвать мою маму из Молдавии, а Вы-то как, благословите?» Батюшка поманил меня рукой и говорит: «Садись, дочка, ко мне на колени, я тебе песенку спою». Я удивилась, растерялась как-то, но присутствовавший при разговоре отец Сергий Цветков кивает мне: «Делай, что старец велит».

Я подошла к батюшке и как-то так присела к нему, а он сразу начал мне петь какую-то песню. Но я от смущения и страха ничего не понимала, даже слов этой песни не слышала. И

только в конце, как бы пробудившись от глубокого сна, я услышала слова: «А по морщинам слезы проливались»[1].

Затем я вышла от батюшки и поднялась к своему духовнику, игумену отцу Евстафию, на второй этаж жилого корпуса. И по мере того как я поднималась по ступенькам, я все отчетливее вспоминала утешительные слова отца Павла из этой песни: «Мама приедет, приедет мама». От этого на душе стало очень радостно — ведь старец пообещал, что мама приедет!

Попросив благословения, я вошла в келию отца Евстафия и еще от порога громко воскликнула: «Мама приедет!»

Отец Евстафий внимательно посмотрел на меня и спросил: «Ты была у отца Павла?» — «Да, да! — радостно отвечала я. — И отец Павел сказал мне, что мама приедет!»

И тут неожиданно отец Евстафий говорит: «Ты не поняла слов старца... Твоя мама умрет». — «Да как же так? — не соглашалась я. — Отец Павел говорил, что мама приедет!»

Отец Евстафий молча прошелся по кабинету из угла в угол и, остановившись у окна, снова повторил: «Нет, ты не поняла... Твоя мама умрет».

И вдруг я отчетливо вспомнила весь текст песни и поняла смысл ее слов. В ней пелось о том, как один мальчонка все ждал маму и спрашивал у своего дедушки: «Скоро ли мама вернется домой?» А мама к тому времени давно уже умерла, но дедушка не знал, как сказать об этом сиротинке. И он говорил ему: «Мама вернется, вернется мама», а по морщинам старческого лица слеза проливалась...

Спустя буквально месяц мама умерла. Но то первое утешение, которое я получила от отца Павла, и его святые молитвы помогли мне сравнительно легко перенести смерть близкого человека.

Всю дорогу из Ярославля в Москву и из Москвы в Бельцы, где жили мои родители, я встречала помощь и участие совершенно незнакомых, чужих людей. И от этого горе мое, разделенное со мной другими людьми, становилось все легче и легче...

[1] См. с. 578–579.

Похоронила я маму, вернулась в монастырь, привезя с собой еще гостинцев. И снова в дороге мне помогали люди, и снова я чувствовала утешение по молитвам этого удивительного батюшки.

Через несколько дней после приезда, испросив благословение у игуменьи матушки Варвары, я с несколькими сестрами монастыря отправилась в Верхне-Никульское, к отцу Павлу, чтобы поклониться ему и поблагодарить за его святые молитвы. И здесь снова произошло чудо, а связано оно было с предвидением отца Павла.

Нас привез в Верхне-Никульское один из монастырских работников, водитель. И вот, в разговоре с ним, отец Павел говорит: «Родные мои! Летом, на память святителя Леонтия, епископа Ростовского, все мы с вами будем в Ростове!» Мы удивились и недоумевали: не ошибся ли батюшка в своих словах, назвав Толгу Ростовом?

Но батюшка не ошибся. На ту пору никто еще не знал, что наместником Ростовского Спасо-Яковлева монастыря станет эконом Толгского монастыря игумен Евстафий, а я и еще одна сестра-послушница отправимся в Ростов на новое послушание — восстанавливать посильным трудом древнюю обитель.

Весной, в апреле, сразу после Светлой седмицы (а шел тогда 1991-й год), матушка игуменья пригласила меня к себе: «Сестра! Господу угодно твое послушание и усердие при игумене Евстафии в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре. Собирайся, дитя мое, да благословит тебя Господь!»

И вот 4 июня, в самый канун празднования памяти святителя Леонтия, епископа Ростовского, все собрались на праздник в древней Ростовской обители. Потому что именно в этот день рака с мощами святителя Димитрия Ростовского была перенесена при огромном стечении народа и священства из музея в Спасо-Яковлевский монастырь, где она находилась прежде. И с этого дня началось возрождение древней обители...

Прошло некоторое время, и мне снова довелось побывать на своей родине в городе Бельцы. Погостила, настала пора прощаться, и тут папа мне говорит: «Возьми, дочка, все, что

осталось у нас пригодного для монастыря, больше мы с тобой не увидимся».

Отец мой в ту пору был совершенно здоров, и поэтому его слова очень меня удивили: почему мы с ним больше не увидимся?

А он поставлял нам из своего сада вино для причастия, и через два месяца это вино как раз надо было забирать. «Вино для монастыря я сделаю, — сказал он, — а вот увидеться нам с тобой уже не суждено будет».

Как-то осенью, в октябре, звоню я домой из монастыря и спрашиваю у сестры, которая подошла к телефону: «Как там папа? Вино для нас сделал?»

А она мне отвечает: «Ты бы совесть имела! Наш папа в реанимации, а ты вместо здоровья про вино спрашиваешь!»

Я же, наивная, все еще не придаю этому значения: «Выйдет наш папа из реанимации. Зачем ты на меня сердишься?»

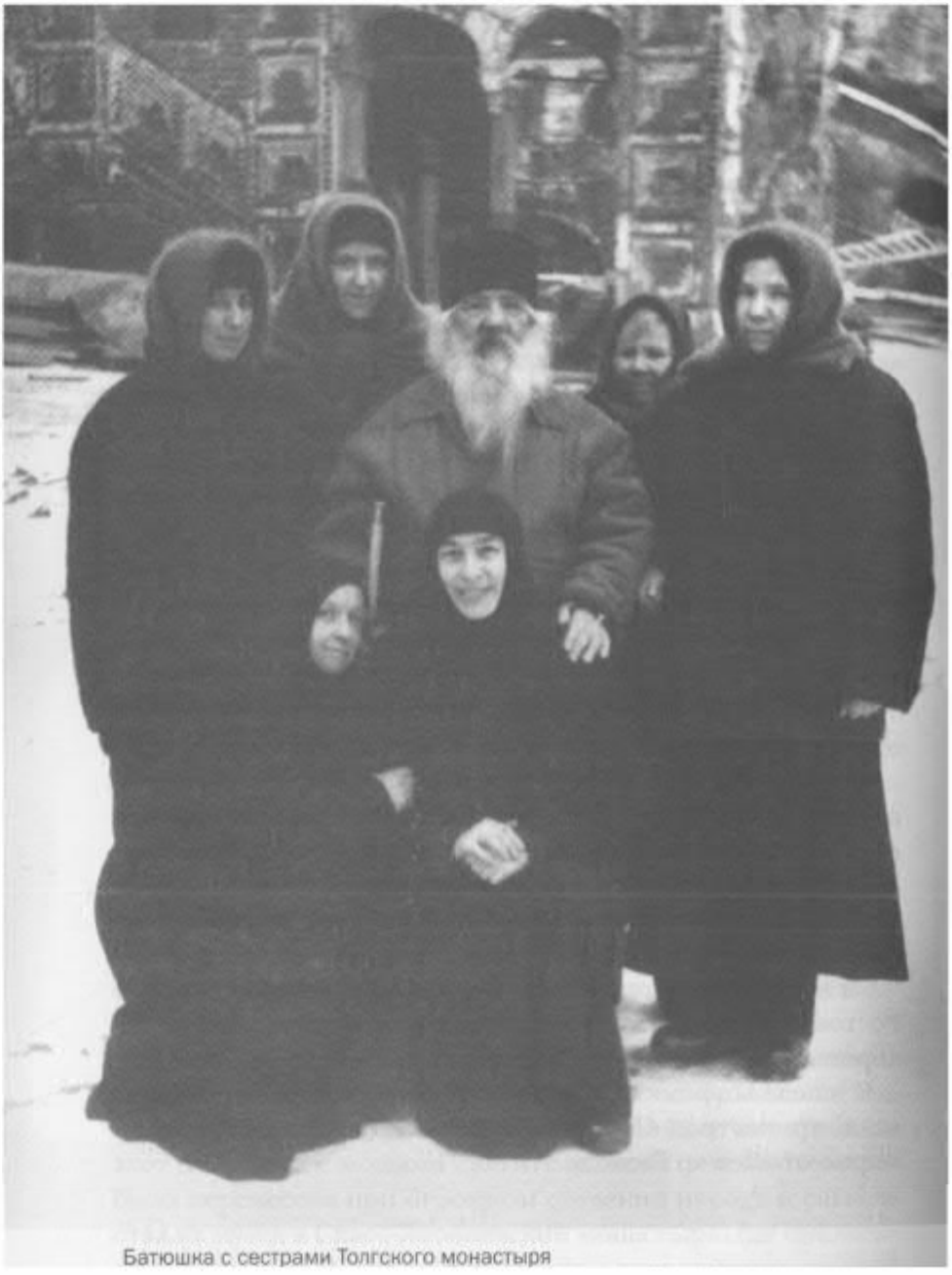
И все-таки в тот же вечер я решила поехать за советом к отцу Павлу, который в это время жил уже в Тутаеве.

Сидим мы за столом, беседуем, и я, как бы между делом, говорю, обращаясь к отцу Павлу: «Батюшка, помолитесь о моем папе, с ним плохо».

А батюшка вдруг медленно поворачивает ко мне голову и тяжело, словно кто-то его придавил, отвечает мне: «Он умирает».

От этих слов я растерялась, заметалась и лишь по дороге в Ростов поняла, что надо поскорее собираться и ехать на похороны.

Я успела вовремя и даже простилась с отцом. Его соборовали, причастили Святых Христовых Таин, после чего он мирно отошел ко Господу...

Батюшка с сестрами Толгского монастыря

Инокиня В.,
Свято-Введенский Толгский монастырь

Послушницей в Толге я была с 1988 года, со времени открытия монастыря. Поначалу была келейницей матушки игумены. Тогда я и увидела впервые отца Павла. Он приехал в Толгу, и меня благословили его покормить. Я его покормила, но разговора в тот раз никакого не состоялось.

А когда он приехал в следующий раз, тут уж мы познакомились, и он благословил меня приезжать к нему в Верхне-Никульское, где он тогда служил.

Вскоре случилось так, что меня стали переводить на послушание бухгалтером в епархию. А в то время в епархии работали только светские люди, в большинстве — нецерковные. Поэтому я очень волновалась. Тогдашний духовник, отец Евстафий, поехал к батюшке, я попросила его спросить обо мне. Он только заикнулся, что одну инокиню посылают на послушание в епархию, как отец Павел замахал двумя руками: «Срочно туда, это ее крест!» И по его молитвам я на этом послушании пробыла почти пять лет.

Сложностей было немало, а тут еще владыку избрали депутатом, и он подолгу жил в Москве. И вот я поначалу на таком послушании все ныла, ныла, жаловалась... И тогда батюшка в одну из наших встреч мне так серьезно и строго сказал: «Не скули. Тебя Сама Царица Небесная на это место поставила». Эти слова мне врезались на всю жизнь. И до сих пор, если случаются какие-то трудности, они, слова эти, очень меня поддерживают.

Батюшка предсказал мне многое из того, что потом произошло в моей жизни. Но каких-то специальных разговоров

о моих проблемах мы с ним никогда не вели. Батюшка вразумлял меня и помогал мне по-другому. Отец Евстафий меня всегда учил: «Ты поменьше спрашивай, а побольше наблюдай, что они с Марьей делают, о чем будут говорить». Я так и старалась поступать.

И вот сколько раз так было: еду к отцу Павлу с каким-то непорядком в сердце, еду жаловаться, что все меня обижают, никто не понимает... Приеду, сяду с ним за стол, а батюшка сидит и пальчиками так по столу постукивает. Смотрю я на его руку и понимаю, что сама во всем виновата. А он посидит и спрашивает: «Ну что, как дела?» — «Хорошо». — «Все слава Богу?» — «Да, батюшка, нормально». — «Ну, так мы щами тебя накормим». Нальют щей, а щи варили с мясом. Ем я щи с мясом и думаю: «Вот и ешь мясо, чтоб людей не есть».

Поем я, а он напоследок несколько слов скажет. И так мягко, ненавязчиво. Просто намекнет: мол, не надо так, надо помягче как-то... А ведь я ему ничего не рассказала о своих бедах — но он и так все знает.

А иногда молитва совсем не идет — то недосуг, то народ одолевает, то сил нету (хотя это, конечно, все отговорки). И вот еду к нему. Приеду рано, отец Павел еще только с постели встает, одевается. А Марья уже встала и причитает: «Ох, Царица Небесная!.. Ох, Царица Небесная!..» И батюшка тогда мне: «Вот ведь, Марья моя как встанет — так и начинает Божией Матери докучать!» А Марья в ответ: «А к кому же еще? Я все к Ней». Тут я, конечно, начинаю понимать, что это они для меня говорят, что это я молитву-то забросила! «Ну, а ты что приехала? — спрашивает отец Павел. — Случилось что-нибудь?» — «Да нет, ничего не случилось, я помолиться приехала». — «Так все нормально?» — «Все нормально». — «Ну и слава Богу!»

И вот я еще ничего не спросила — а мне уже все рассказали, на все ответили. Сижу и думаю про себя: «Дура-дура! Меньше ездить надо, а больше молиться!»

А так батюшка наперед знал, когда к нему едут. Бывало, приедешь, а Марья: «Он тебя давно ждет». Когда в больнице лежал, такое же было. Приехала к нему с сестрами, а врачи

говорят: «Он толгских сестер ждет, спрашивает, не приехали ли вы». Зашли к нему, он говорит: «Давно вас жду. Пирогов напекли?» — «Напекли, батюшка!» — «С капустой?» — «С капустой!» Он любил пирожки с капустой. А мы в тот раз привезли с капустой и с картошкой, на вид они одинаковые. Батюшка пирожок берет — ему, конечно, с капустой попадается...

Любовь батюшки была такая, что даже мучителей своих он не осуждал. Помню, когда про тюрьму рассказывал: «Этот следователь мне все зубы выбил. А хороший был человек. У него же семья, ее же кормить надо. Он для семьи и старался». И не то чтобы с иронией — он это искренне говорил. А после тюрьмы — сколько лет прошло! — так зубы и не вставил: Господь дал, Господь взял — значит, так и надо терпеть.

Говорят, если в монастыре много искушений, нестроений, то это неправильно. А батюшка, как мне кажется, считал по-другому. Как-то приехали к нему с сестрами, рассказываем про то, про это. А он говорит: «Да, тут ко мне игуменья одна приезжала, не ваша, не Варвара, и рассказывала, что сестры у нее золотые, все послушные, все смиренные. Молитва идет, хозяйство растет. А я ей говорю, что у нее не монастырь. Нет, не монастырь!»

И опять он иносказательно нам показал, что в монастыре невозможно без искушений, что где есть духовная жизнь, там и борьба обязательно будет. Поэтому мы должны к этим искушениям правильно относиться.

Отец Павел многим своим чадам говорил: «Я тебя и по смерти не оставлю, ты только призывай меня всегда. Я буду за тебя молиться Царице Небесной». И вот дня не проходит, чтобы я к нему не обращалась: «Батюшка, обещал? Так помогай!» И действительно, по молитвам его чудеса происходят. И главное чудо — что сердца умиряются. В первую очередь, конечно, мое, а потом и ближних.

Я преподобного Серафима очень почитала. И всегда думала, что батюшка наш на него похож, — такой же кроткий, такой же любвеобильный. Но только батюшка Серафим с дивеевскими сестрами играл, шутил, а — наш не играет. И только я

Свято-Введенский Толгский монастырь

это подумала — стал отец Павел со мной играть как с ребенком. В козу, например: «Идет коза рогатая...» Или подумаешь иногда: вот батюшка скоро умрет, что тогда с нами станется? А батюшка приезжает в Толгу, идет ко мне и у первой двери кричит: «Я еще живой! Иди, смотри, как я — ничего?» И начинает передо мной вертеться. На все наши мысли он отвечал.

Один раз приехала к нему в большой скорби. Посидели с ним, он вермишели мне сварил, долго чай пили. Уже пора и собираться, дело к вечеру. А он мне: «Нет, посиди еще. Ты от меня с таким сердцем никогда не уезжала». Я говорю: «Да все хорошо, батюшка!» — «Нет, я тебя пока не отпущу. Посиди, давай еще чайку». И так продержал меня допоздна, пока я совсем не успокоилась.

Однажды сидели у батюшки за столом, компания была большая, в том числе и священники московские. Шел пост, а

на столе — огромный открытый пирог с творогом. Я думаю про себя: «Ну ничего, пирожка сейчас поедим, подкрепимся». А батюшка той тетке, что пирог резала, говорит, кивая на меня: «А ей не давайте!» Раз хотела пирога — так и не получишь. Зато батюшка какому-то московскому — один кусок, второй. Тот ест, уже чуть не давится: «Батюшка, может, хватит?» — «Ну ладно, хватит». Все время напоминал нам, что главное — это пост духовный, а не запреты на пищу.

У самого батюшки тоже все подвиги были скрыты. Ни разу не видела, чтобы он с кем-нибудь из нас в келье молился. Зато выйдет на завалинку, покричит: «Гра́чи, гра́чи», — и все птицы со всей округи к нему слетаются. Я кричу — ко мне не летят. А к нему липнут.

Никогда он не любил длинных проповедей. Да и о чем все время говорить? Ведь все уже написано! Исполнять надо, а мы все говорим и говорим...

Как-то приезжаю к нему, а он: «Ты представляешь, столько людей приходит, приезжает — и все просят, чтобы батюшка научил, как жить. Так вот же Евангелие! Или ты неграмотная? Или полная дура? Читай, запоминай, иди и делай! За столько километров едут — и такие глупые вопросы задают!»

Иногда вроде что-то про себя рассказывает, а это, на самом деле, — про меня. Только надо было уметь его слушать. Как-то приехали с епархиальным водителем, посидели с батюшкой. Едем обратно. «А ты у батюшки спросить что-то хотела?» — «Так я уже все спросила!» — «Что-то я ничего не понял». — «А я зато все поняла».

В последний раз я у него в больнице была в декабре. И вот прощаемся. А он всегда говорил при прощании: «До поба́чення!» Поговорка у него была такая. А в этот раз говорит мне: «Иди с Богом». Я думаю, почему он «до побачення» не говорит? «Батюшка, я пошла!» — «Ну иди с Богом, иди». Всё, думаю, раз этого слова не говорит, значит, больше не увидимся. Так оно и случилось...

У меня два племянника. Когда батюшка уже был в Тутаеве, они всегда к нему под благословение подходили. И вот он Димку благословляет и говорит: «О, а этот — председатель

колхоза!» Марья говорит: «Батюшка, да какие колхозы, колхозов нет уже!» А батюшка в ответ: «Сейчас нет, а при нем будут, построят!» Может, не в смысле конкретного колхоза, а в том смысле, что какие-то времена вернутся.

Да и что мы можем знать? Разве могли мы предполагать, что церкви открываться начнут? У меня папа священник, в 1988 году он мне говорит: «Нас всех приглашают в Казань, в епархию, там будет торжественное собрание, в ресторане всех приходских батюшек кормить будут». Я ему говорю: «Да что с тобой, с чего ты взял?» Не верила, пока он мне фотографии не показал с празднования 1000-летия Крещения Руси. Когда я в епархии трудиться начинала, там еще уполномоченный был. Приедешь, в комнате накурено, портреты Ленина висят. Кто мог предположить, что все так повернется?

Батюшка душу человека видел насквозь. Взять хоть моего брата. Он художник по профессии. Всю жизнь правду искал. На исповедь хотел, но не просто на исповедь, а именно к старцу. Я ему предложила поехать к отцу Павлу.

А наша покойная бабушка была очень благочестивой и сильно любила своего внучка. И он ее любил. И вот подхо-

дим мы к дому отца Павла и слышим: «Ребятишки, ребятишки!» А бабушка нас всегда звала именно этими словами. Брат говорит: «Кто-то нас зовет совсем как бабушка!» Подходим ближе, а батюшка в маленькую форточку нам: «Ребятишки, я вас давно жду!» Входим в дом: «Вот, батюшка, я вам брата своего привезла». — «Ну давай, Шурка, входи!» Самое интересное, что брата все друзья и знакомые не Александром звали, не Сашей, а только Шуркой. И батюшка именно так его назвал.

А когда они поговорили, батюшка его поисповедал, брат говорит: «Он совсем как наша бабушка. Так же говорит, так же смеется. Я таких родных еще никогда не встречал».

Батюшка нас накормил, напоил, спать отправил. А напоследок говорит: «Шурка, золотой ты мой». И бабушка наша всегда говорила: «Внучек, золотой ты мой». Так у брата на обратной дороге даже слезы текли: «Ну, что за батюшка! Это же как дедушка родной».

А когда мы еще собирались в эту поездку, я брату говорю: «Ты возьми для батюшки какую-нибудь свою картинку». А он: «Да зачем же она ему, если он почти слепой? Скажет, что я над ним насмехаюсь». И вот, когда мы приехали, поговорили, батюшка и спрашивает: «Шурка, а ты картинку мне привез?» — «Нет». — «А почему не привез? Я картинки люблю. Ладно, в следующий раз привезешь». Все он слышал, все наши мысли.

Как-то, уже после его смерти, приехала я к нему на могилку. Хотела попросить, чтоб помолился. А была зима, и очень холодно. Могилу батюшкину я всегда по кресту находила. А тут хожу, хожу — нет креста! Я уже мерзнуть начинаю. «Батюшка, отзовись! Где ты есть-то?»

И тут появляются два мальчика. Одинаковые такие, лет по 14. А на кладбище никого нет, и время уже под вечер. Я иду по тропинке, и они за мной идут. Куда я — туда и они. «Вы чего тут делаете?» — «Мы отца ищем. А Вы кого?» И так оба пристально на меня смотрят. У меня внутри уже страх поднимается. «А я отца Павла потеряла». — «Так вот же он!» Взял один меня за руку и подводит к могиле. А крест-то — си-

ний, перекрасили его! Сама-то я бы его никогда не нашла. И только я чего-то замешкалась — а мальчиков этих уже и нет. Я туда, сюда — нигде никого. Так и не знаю, кто они были. Но то, что их отец Павел послал — это уж точно. Потому что не мог он меня бросить без помощи.

И еще так было: если дурой назовет — значит, все нормально. А если скажет: «Ой, да какая ты у нас умная!» — значит, все, значит, какой-то непорядок. А иногда скажет: «Дура!» Потом подумает: «Нет, полудурок». На людях вообще много шутил и юродствовал, а наедине всегда серьезно разговаривал.

А какие у него синодики были! Всех убиенных помнил, кого только ни поминал. Была как-то в Москве заваруха, ребят молодых поубивали. А они были некрещеными, евреями. Он и их поминал. Сердце не выдержало, пожалел он их. А в конце книжечки три космонавта погибшие были записаны[1]. «Это мученики за Христа». — «Так это же космонавты!» — «Это мученики, я их поминаю». Видно, где-то ему было про них открыто.

А уж с кем он в тюрьме сидел, с кем жизнь свела, — тех он всех помнил по именам и фамилиям. Помнил и поминал. Такая у него была любовь.

Одно время у меня сильно болел желудок. И вот приезжает его келейник и привозит мне огромного судака: «Батюшка срочно к тебе послал, чтобы ты съела эту рыбу, тогда твоя язва пройдет». — «А у меня, стало быть, язва?» — «Этого я ничего не знаю, я передаю, что тебе батюшка сказал».

Сварили мы эту рыбу, с сестрами съели, и, действительно, желудок мой болеть перестал. Я и забыла, что он у меня болел когда-то. Так прошел год или полтора. И вот, занимаюсь как-то стиркой, и у меня снова начинает сильно болеть желудок. Я говорю: «Батюшка, ты же обещал, что у меня все пройдет!» И вдруг почувствовала, как из желудка к горлу что-то поднимается, как будто что-то из меня вышло, — и все.

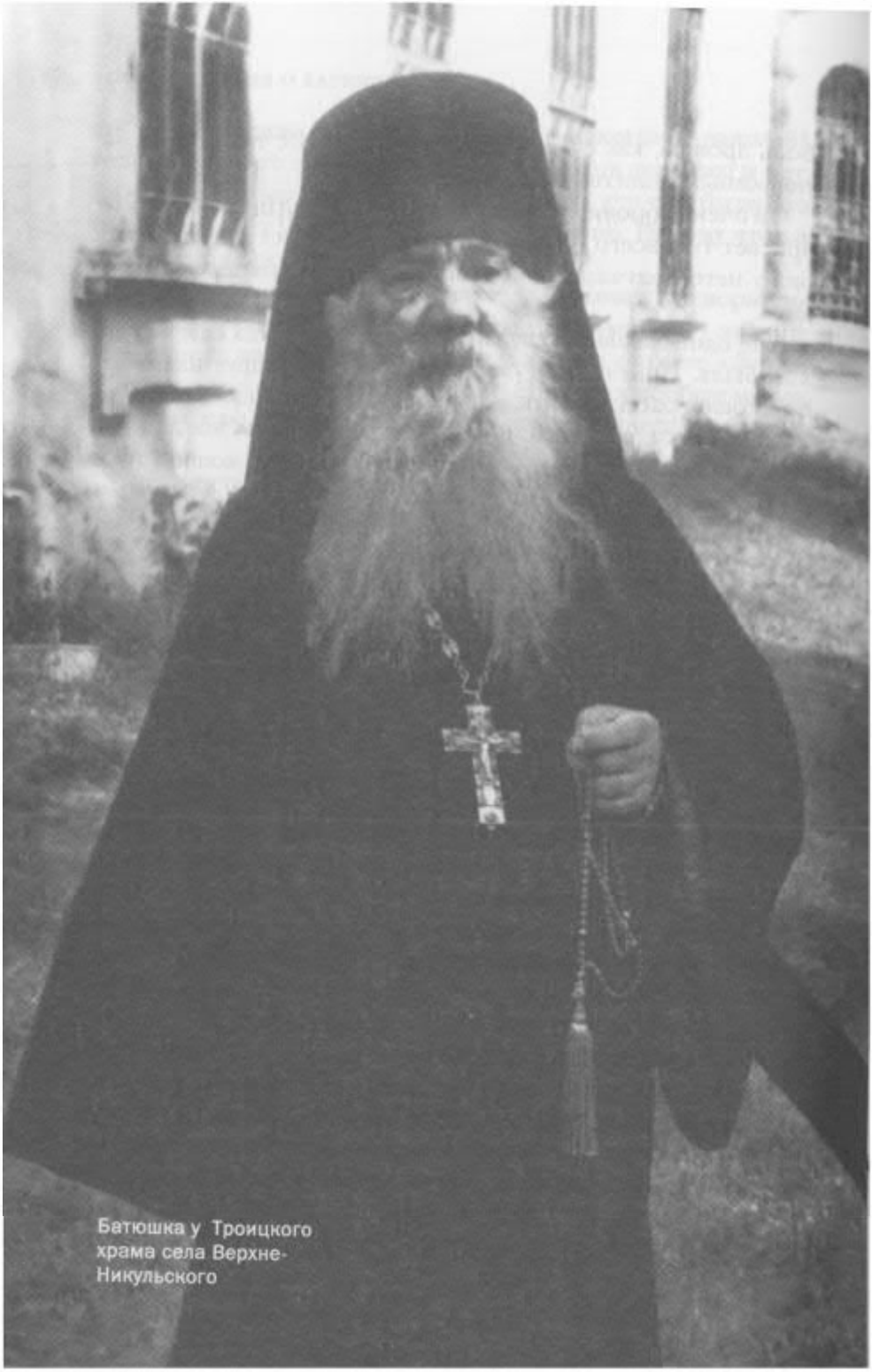
[1] Космонавты В.Н. Волков, Г.Т. Добровольский, В.И. Пацаев погибли при возвращении на Землю после завершения программы полета на «Союзе-11» и орбитальной станции «Салют» в июне 1971 г.

Боль прошла, как будто ничего не было. И с тех пор по батюшкиным молитвам ничего не болит.

Он очень хорошо готовил. И капусту солил прекрасно. Набросает туда всего – и клюквы, и моркови, и граната. Такая она у него получалась вкусная, впору хоть архиереям готовить.

Еще один забавный случай вспомнила. Я тогда еще в епархии была. Приезжаю к батюшке, а он мне вдруг начинает про кошек рассказывать. «Знаешь, как я с кошками борюсь? Беру водички, руку намочу и побрызгаю на них. Они и разбегаются». Я сижу и молчу – при чем тут какие-то кошки? А он опять мне то же самое повторяет.

Прошли годы. И вот я уже в монастыре, а здесь у нас кошек очень много. И конечно, все они лезут на кухню. И мое послушание на кухне. А я человек неспокойный, не дай Бог, волос какой-нибудь в пищу попадет. А тут целые стаи кошек! И вот, когда они меня уже довели, я кричать начала: «Батюшка! Что мне делать с этой напастью?» И вдруг вспомнила те его слова. Так вот он к чему их говорил! Уже тогда ему открыто было, что мне придется с кошками бороться. И я по его совету беру водички, да на кошек-то и брызгаю. Обижать их не надо, тоже живые существа, а вот так, водичкой... Они и убегут.

Батюшка у Троицкого храма села Верхне-Никульского

Тамара Николаевна Суслова, духовное чадо отца Павла

Моя мама была, как говорится, на подъем человеком тяжелым, а потому как-то раз мы с моим отцом, Николаем, вдвоем собрались да и махнули на его родину в село Багловское. Хотелось нам посетить могилки родственников, привести их в порядок, помолиться о упокоении близких.

Никого из родственников в живых давно не осталось, и на ночь нас приютила Прасковья Медведева, тетя Паша, ныне тоже покойная. Она-то и рассказала нам об отце Павле, батюшке из села Верхне-Никульское, что километрах в тридцати от отцовской родины.

В ту пору и у отца моего, и у меня был отпуск. Покрасили мы с папой кресты и оградки на могилах, привели все в порядок и собрались в обратный путь, в Ярославль.

Путь наш пролегал через станцию Шестихино, в пяти километрах от которой и расположено Верхне-Никульское.

И вот в дороге я нет-нет да и скажу отцу: «Пап! А может, заедем к отцу Павлу в Верхне-Никульское?» На что отец отвечает: «Да где оно, это твое Верхне-Никульское?» Он, конечно, представлял, где это село находилось, но то ли не хотелось ему, то ли решиться не мог...

А я помолчу-помолчу — и опять за свое: «Пап, а пап! А все-таки, к отцу-то Павлу надо бы заехать!»

Наконец отец не выдержал моей настойчивости и решил сойти на станции Шестихино. Вышли мы на перрон, и он мне говорит: «А вот теперь уж сама спрашивай, где это твое Никульское». Хорошо, я согласна!

Гляжу, прохожий идет. «А как бы нам в Верхне-Никульское попасть?» Он смотрит на меня удивленно: «А чего в него попадать-то? Села на автобус до Борка, пять километров проехала — вот те и Никульское!»

Так мы и сделали. Полчаса спустя мы уже стояли перед церковью в Верхне-Никульском. А в церковной ограде — ни единой души, поскольку воскресная Литургия уже закончилась. И вот сели мы на пенек — и сидим, ждем. А тишина вокруг — не передать, только птички поют...

И вот сидим мы так и вдруг слышим: топ, топ, топ... Кто-то топочет внутри сторожки. Открывается дверь и выходит на крыльцо старичок. Странный какой-то старичок, одна штанина длинная, а другая — закатана как-то нелепо, в руках рыбину здоровенную несет, кажется, леща... Идет быстро, живой такой старичок. Положил куда-то своего леща — и все так резко, быстро... Вдруг оглянулся, увидел нас — и к нам. На голове скуфеечка. Волосы седые слегка, как будто утренним морозцем подернуты, а борода — черная-черная. И весь он такой худенький, живой...

Подходит к нам и спрашивает: «А чего это вы тут сидите?» А я так важно ему отвечаю: «А мы здесь богослужения ждем». Тогда он нам так отрывисто: «В пять часов». И все. И пошел обратно рыбу чистить. Чистит своего леща, да так, что чешуя во все стороны летит. Подходит к нему какая-то старушка, разговаривает. Нам бы тоже подойти к нему, вопрос какой-то задать — но мы сидим как приклеенные. Хотя, конечно, уже догадались, что это он и есть, отец Павел.

И вот сидим мы, а он рыбу чистит. Вычистил рыбу и ушел, а мы даже не подошли. Вот и пять часов подходит. Где-то без десяти пять выходит он из сторожки, но теперь уже в полном монашеском одеянии. А я монахов-то на ту пору еще ни разу не видела, смотрю, дивуюсь... Стали прихожане собираться, старушки в основном, зашли и мы с ними в храм. Зашли — и сразу мне в глаза женщина одна бросилась. На вид важная такая, а голос громкий, грубоватый. Все называли ее Грушей. Оказалось, что была она церковным чтецом и читала у батюшки шестопсалмие, Апостол — словом, все, что по-

лагается. Хотя была она в то время уже пожилой, но помощницей была незаменимой, и все ее очень уважали. Приезжала она издалека, потому что жила в какой-то деревеньке на Волге. А иногда перед ранней и у кого-то из прихожан ночевала, потому как ехать было далеко.

Вот встали мы с папой в уголочке храма, стоим. Началась служба. Службу я тогда еще совсем не знала — в детстве бабушка меня в храм водила, но что я могла запомнить и понять будучи ребенком... Однако хоть я мало что понимала, служба мне понравилась. И батюшка такой необычный... А больше всего поразила его простота. Благодаря этой простоте любому человеку на службе у отца Павла было понятно все. Даже такому темному и непросвещенному, какой я была.

Но вот кончилась служба, и папа шепотом мне говорит: «Слушай! А где же мы ночевать-то будем?» А как раз в этот день к вечеру как-то резко похолодало. Стоим и не знаем, к кому обратиться. И тогда папа говорит: «А ты попробуй, подойди к священнику». Я, конечно, очень стеснялась и потому отказывалась. Но папа настаивает. Словом, деться некуда, подхожу к батюшке с замиранием сердца: «Батюшка, а нет ли здесь у Вас места, где переночевать? Мы ведь с папой издалека приехали». А он меня спрашивает: «А откуда?» А я ему так серьезно отвечаю: «Из Ярославля». Позже-то и сама смеялась над собой, когда узнала, откуда к батюшке люди ехали, — из Москвы и Ленинграда, с Украины и Казахстана, из Норильска и Владивостока. А я-то его Ярославлем хотела удивить — вот, мол, какая птица явилась!

Но батюшка так весело мне отвечает: «Да хоть из Питера, место всем найдем! Груша! Отведи-ка их к Куличихе!» Пошли мы. Груша впереди, как главнокомандующий, а мы с папой сзади, прижались друг к другу.

Приходим к Куличихе, та как раз на крыльце стоит. «Вот батюшка к тебе на постой прислал!» А Куличиха батюшку очень уважала. Ну, раз прислал, значит, проходите...

Прошли мы в избу, пристроились в уголочке возле двери, недалеко от умывальника. Смотрим, Груша картошку чистить начала, а сама разговаривает с тетей Шурой, как звали

Куличиху. Муж Куличихи, дядя Паша, ходит по избе взад-вперед, а потом вдруг спрашивает: «А вы откуда приехали?» — «Из Ярославля». И вот так слово за слово, сначала вроде нехотя, но потом все же разговорились. И вот, пока на стол готовят, папа все глядит на Грушу так пристально, а потом спрашивает: «А ты, Груша, не Бабловская ли?» А она глаза вскинула, смотрит на него и даже оторопела как-то: «Откуда ты меня знаешь?» А он ей: «Так я же Николай Добрецов!» Она как вскрикнет: «Колька! Это ты?!» И чуть ли не в объятия друг к другу.

Ну, тут уж все пошло повеселее, как-никак земляки встретились. Стали, конечно, вспоминать о всех и о вся. Потом, гляжу, отец мой замолчал надолго и вдруг говорит: «Груша! А ведь я рядом с твоим братом был в его последнем бою. В том бою он тогда и погиб...» Она удивилась, стала расспрашивать, и так часов до двенадцати обо всем вспоминали.

А наутро, как встали, вышли из избы не то что друзьями, а роднее родных. Ведь все оказались из одних мест, все близкое, все свое...

Приходим в церковь, начинается служба. Исповедников в тот раз было мало, почти что мы одни. Сначала батюшка папу на исповедь позвал. Потом очередь и до меня дошла. Обнял он меня за плечико. И такой ласковый, такой родной — словно дедушка. Отвел меня к окошку: «Ну, что у тебя, милая?»

Стала я ему рассказывать. А самое первое, о чем я хотела спросить, было про старца Колю. Жил такой человек в Красных Ткачах под Ярославлем, и многие тогда к нему ходили. Слух о нем далеко шел как о праведнике и чуть ли не чудотворце.

И вот рассказываю я про Колю батюшке, а он мне отвечает: «Ты, милая, больше к нему не ходи». А я же не соглашаюсь, я доказываю, что Коля этот такой хороший, такой праведный! А главное — о чем ни скажет — все сбывается! Значит — пророчит, правду говорит!

Батюшка мне в ответ: «Бесы тоже пророчат и правду говорят. Только правда бесовская и правда Господня — разные правды. Одна в погибель, а другая — в жизнь!»

Исповедал нас батюшка, причастил, благословил и напоследок сказал: «Приезжайте». И стали мы с тех пор к нему ездить. Сначала изредка, потом — почаще, а время прошло — и так нас стало туда тянуть, словно и людей-то лучше него на всем свете нет. И каждый, кто к нему хоть раз приехал, уезжал от него с таким чувством.

А людей ездило много, со всех концов страны. Батюшкины уже обижаться стали: и едут, и едут, никакого покоя от них нет! Но как же было к нему не ехать, если каждый полу-

чал от него утешение и радость! Он не наставлял людей както по-особенному, не учил их: «Делай то, не делай этого...» Нет, во всем у него была одна простота, но в этой простоте каждый быстро находил свое место и понимал, что он должен делать. У него бывали очень разные люди — и академики из Москвы, и какая-нибудь кухарка. Сядем, бывало, вместе за один стол, и они — ученые, и мы — неучи. Кажется, всю жизнь двух слов не мог связать, ан нет — при батюшке все вяжется и все ладится, и как будто все равны...

Прошло несколько лет, и заболел у меня Паша, мой муж. Ездить к батюшке я уже не могла, надо было за Пашей ходить. И вот как-то прошу Веру и Толю, моих детей, чтобы съездили к батюшке в Верхне-Никульское, а то я давно не была. Они к нему еще не ездили, только по моим рассказам о нем знали.

Вера и Толя согласились, собрались и поехали. Встретились с батюшкой, рассказали о больном отце, а он им говорит: «Отцу вашему осталось недолго. Только вы ему не говорите, что умрет, а скажите, что поправится. А вот матери передайте, чтобы готовилась к похоронам».

Вернулись они, рассказывают обо всем наперебой, а Паша слушает их и улыбается. Радуется, что батюшка ему выздоровление пообещал... А дети рассказывают, как их хорошо встретили. Дядя Паша и тетя Шура Куличи к зиме валенки подарили, накормили вкусно, спать уложили мягко. А батюшка какой хороший, какой добрый!.. В общем, восторгу было немало. А мне лично передал с детьми, чтобы на похоронах не плакала. Он никому плакать не давал, когда кого из близких хоронили.

Совсем немного времени прошло — схоронила я моего Пашу. Что делать? Поехали к батюшке панихиду отслужить, помянуть усопшего.

Встретил он нас, усадил за стол и давай смешные истории рассказывать, одна веселее другой. Мы от хохоту покатываемся, а батюшка не останавливается, рассказывает.

Вечером от него выходим во двор, и тут я дочке говорю: «Забыла!» Она мне: «Что забыла, мама?» Она думала, я вещь какую-то у батюшки забыла. А я ей отвечаю: «О Паше своем

забыла поплакать!» Ведь я как думала? Доберусь до Никульского, а уж там душу отведу, наплачусь вдоволь! И что? Оказывается, я у батюшки горе свое забыла и все свои слезы.

Конечно, те истории, которые он тогда рассказывал, я уже не помню. А если б и помнила — так, как батюшка, никогда бы не пересказала. Он рассказывал так, что человек самого себя забывал.

Как-то раз Татьяна Григорьевна из Рыбинска и говорит ему: «Батюшка! Только здесь у Вас мы и посмеемся от души!» А он посмотрел на нее и сказал: «Вечером с вами смеюсь, а ночью — плачу...»

Из Брейтова женщина приехала — дочь у нее умерла. А была дочь ее каким-то начальником, не то секретарем. И осталась от нее маленькая дочурка, внучка приехавшей женщины.

Вот приехала она в Никульское, а сама только плачет и плачет. Ничто ей в жизни не мило и не дорого. Отстояла службу, потом стал батюшка дочь ее отпевать. Вот и отпевание кончилось, а она все плачет не переставая. Батюшка нашей Клавдии, что за свечным ящиком стояла, говорит: «Ты денег с нее за отпевание не бери». — «Хорошо, батюшка!»

Потом он быстро в алтарь прошел, выходит — и уже у него полные руки гостинцев: коробка конфет вот такая огромная, буханка хлеба, яблоки (а где зимой в деревне яблок возьмешь?) да к яблокам-то еще апельсины. Такие яркие, нарядные.

Подает батюшка все гостинцы этой женщине и говорит: «Возьми. Скажешь внучке, что это мама ей прислала!» Как услышала она эти его слова — так в голос, на весь храм завыла: «А-а-а!..» И весь храм, все, кто были, вместе с ней ревут. Потом она утихать стала — тише, тише... И вот совсем успокоилась и говорит: «Ох, не знала я, что есть еще на свете такие люди».

К отцу Павлу шли все, кто в беду попал. Был такой случай: муж жену отправил в роддом, а сам со старшим ребенком дома остался. Выпил, конечно, на радостях (видно, уже знал, что она родила), пьяный закурил, да дом-то и спалил. Едва-едва с ребеночком успели выскочить.

А что теперь делать? Куда деваться с ребенком? Да еще та с младенцем в больнице, скоро ее получать надо будет — а куда?

Идет по деревне и воет от горя. Идет к отцу Павлу: «Батюшка, сгорел я, а за женой надо в больницу ехать! Что делать? Что мне ей сказать? Ты все знаешь, научи меня, как ее теперь утешить?»

Батюшка подумал, отвечает ему: «Ладно, поехали к ней вместе». Приехали в больницу. Взяли роженицу с новорожденным, уселись в машину, едут. Все молчат — и батюшка молчит. Вот уже проехали всю их деревню. Тут она и спрашивает: «А куда это Вы меня везете? Ведь деревню-то нашу уже проехали!»

А батюшка ей говорит: «Шура, ты богато не жила, тебе к богатству и не привыкать! Дай-ка мне руку!» Она протягивает ему руку, а он ей в руку деньги вкладывает: «Вот вам. Купите себе дом, живите, да не шалите!» Не грешите, значит. Потому что все беды человеческие от греха.

Купили они вскоре себе новый домишко и жили лучше прежнего. А Шура эта потом рассказывала: «Смотрю, ребенка в кулек заворачивает, а одеяльце-то не мое! Кажется, все приготовила, как в больницу ехать, — а они все другое привезли!» Конечно, другое, ведь батюшка все новое им купил...

Еще из Брейтова одна женщина приезжала, тоже погорелица. Видела я тот дом — дом как картинка, потому что муж был золотые руки. Все у них было справное, и двор, и скотина — и все сгорело. Остались они да корова. Пригорюнилась она, плачет. Служба закончилась, она все батюшке рассказала. Он выслушал и говорит: «Девчонки! С каждым может такое случиться! У кого что есть — подайте погорельцам!» Конечно, ни денег у нас особых, ни запасов, а все-таки... Что у каждого было, то и отдавали. Кто сережку, кто бусинку, кто еще что-то... Батюшка говорил, а Клавдия с подносом стояла и принимала пожертвования. А погорелица стояла рядом и ревела.

У батюшки так все время было. Иногда узнает, что кто-то совсем плохо живет, придет в гости, а деньги как-нибудь так

под скатерочку положит. Сначала и не подумают, а потом станут скатерть менять, да деньги-то и увидят.

Ну, да ведь он еще с лагеря привык другим помогать. Грибы из леса, ягоды, ветки пихтовые — все в лагерь нес, заключенных поддерживал. Однажды, как он рассказывал, собирает малину, а рядом тоже кто-то собирает. Ну, он думает, наверное, стрелок из охраны. Все ближе, ближе, уже почти в ухо дышит. Поднимает отец Павел глаза — Господи! С одной ветки с ним медведь малину собирает! Как он задал оттуда стрекача, через рвы какие-то перескакивал, благо — молодой тогда был.

Как-то приехала к нему большая компания, мать с дочками, кажется, и сыновья были. И вот ходят они за батюшкой по храму стайкой — ну, прямо как овцы за пастухом. А пол в храме натерт, блестит, и они своими каблучками по нему как копытцами: тук-тук-тук... Батюшка ходит быстро, чуть не летает, — и они за ним туда-сюда, туда-сюда. «Батюшка, а это как? А это что?» Он им все объясняет. А потом со смехом им говорит: «Ну что же вы за мной таким стадом бегаете? Ведь так и пол в храме сотрете!» Смеется — и они ему в ответ смеются.

А то приехали из Москвы две девушки, а народу в тот раз много было. Постояли в толпе вместе со всеми, отдельно их батюшка не принял, послушали его, как он говорит. И вот уходят уже — и такие радостные! Мы их спрашиваем: «Девочки! Батюшка с вами ведь не разговаривал?» — «Может, и не разговаривал, да только все нам сказал и на наши вопросы ответил». — «Да как же так?» — «А так: когда с народом разговаривал, тогда и нам все сказал, что мы хотели у него спросить!» Вот так бывало.

Как-то раз приехала игуменья Варвара из Толгского монастыря и говорит: «Батюшка! Дай мне от твоих девиц кого-нибудь в монастырь?» — «Что ты! — отвечает он. — У меня ведь умных-то нету, одни дурочки... Вон, возьми Марью-келейницу, поставь на ворота, пусть вас охраняет!» Но батюшка без Марьи никуда, конечно, мать Варвара ее не взяла.

Но прошли годы, батюшка в Бозе почил. А Марья-то оказалась в Толгском монастыре, у игуменьи Варвары. И звали ее мать Павла.

Сергей Васильевич Демидов, архитектор-реставратор

Работая в Ярославле в 1980-х годах над реставрацией Никольского корпуса Толгского монастыря, а затем и Феодоровского кафедрального собора в бытность архиепископа Платона (Удовенко), я не раз слышал об архимандрите Павле, служившем на одном из отдаленных приходов в Некоузском районе Ярославской области. И вот однажды, ближе к осени, представилась возможность побывать у него вместе со священниками Михаилом Перегудовым и племянником владыки Платона Александром Лазурченко.

Помогавший в то время отцу Михаилу в хозяйственных вопросах при храме и одновременно исполнявший обязанности водителя Саша от поездки отказался, боясь получить от отца Павла благословение палкой по спине. Был наслышан о прозорливости старца и его своеобразных манерах общения и я, что, надо сказать, посеяло и в моей душе некоторые семена сомнения: а стоит ли мне ехать к отцу Павлу и не получу ли я аналогичного благословения по спине, хотя и было за что.

Но любопытство повидать старца взяло верх над сомнениями, и вот мы, запасясь гостинцами, уже в пути. Длинная дорога не показалась утомительной — живописные окрестности, старинные села с богатой историей и интересными памятниками (Большое Село, Новое), легендарный Углич сменяли друг друга. Останавливались у некоторых заброшенных и поруганных храмов, надеясь, что в них что-то осталось от первоначального убранства и после реставрации сможет еще послужить для восстанавливаемых Толгского монастыря и Феодоровского собора.

Но вот мы уже в селе Никульском, где живет и служит отец Павел. Небольшое село утопало в зелени, которая полностью скрывала притаившийся в ее кущах полуразрушенный храм. Дорога уходила куда-то влево, впереди на обочине стоял проржавевший, видавший виды навес автобусной остановки, именовавшейся пассажирами и водителями не по названию села — «Никульская», а по имени старца — «отцом Павлом». Ведь именно к нему издалека приезжало множество всевозможного люда за советом, наставлением и благословением.

Храм появился как-то неожиданно. Вышли из машины, пошли к церковной ограде. После пыльной дороги и шума машины все вокруг казалось каким-то удивительно тихим и полусонным. На широком церковном дворе, поросшем густой зеленой травой, мирно гуляли куры. Навстречу нам из-за угла шел с палкой босиком бородатый старик в белых портах и такой же белой навыпуск рубахе. «Отец Павел», — шепнул мне отец Михаил. Заметив нас, отец Павел на некоторое время остановился, посмотрел в нашу сторону и окликнул: «Кого Бог послал?» Вперед вышел отец Михаил и как старый добрый знакомый направился к батюшке: «Благослови Мишку, отец Павел!» Узнав голос отца Михаила, старец расцвел в улыбке и обнял его: «Ах ты такой-сякой, что так долго не приезжал!»

Сославшись на загруженность работой по восстановлению Феодоровского собора, отец Михаил представил отца Александра, которого батюшка, видимо, знал, а также и меня. Подходя под благословение, я испытывал страх не страх, но какую-то робость. Но Бог миловал — все обошлось благополучно и до палки дело не дошло. Отец Павел отпустил еще несколько безобидных, не помню уж каких, выражений и пригласил в небольшой церковный дом. На крыльце нас встретила незаменимая помощница и охранительница отца Павла Мария, которую батюшка попросту и, очевидно, для смирения называл Манькой. Но она на это нисколько не обижалась, принимая все как должное и, как мне удалось заметить, позволяла себе на правах хозяйки кое в чем не соглашаться с отцом Павлом.

Дом не представлял из себя внутри чего-то особенного и мало чем, разве что большим количеством икон и церковных картинок, отличался от других деревенских жилищ. Сели за стол в большой комнате. Отец Павел стал вспоминать всю свою многотрудную жизнь, тюрьму, ссылку, непосильные работы. И что удивительно, он никого не поминал злым словом, но во всем видел прежде всего Промысл Божий. За разговорами был незаметно накрыт стол с душистым ноздреватым хлебом, окрошкой, яйцами, помидорами и огурцами.

У ручья Яшковца, притока реки Ильди, к которому отец Павел ходил за водой

Незаметно прошел час, другой, третий. Чувствовалось, что батюшка очень рад гостям. Перед отъездом отец Павел показал нам храм. За год до этого, в результате изменения уровня грунтовых вод, обвалились своды в передней (летней) части храма. Из стен торчали оборванные металлические связи, свисали листы ржавого железа, болталось небольшое с хрустальными подвесками паникадило.

Иконостас и киоты были разбиты вдребезги, и среди всего этого хаоса невредимым и непоколебимым остался большой, метра три высотой, киот с чудотворной иконой Богоматери

У Троицкого храма в селе Верхне-Никульском

«Достойно есть» афонского письма. Перед иконой не разбилось даже стекло! После обрушения все службы совершались в трапезной части (впоследствии паникадило из обрушившейся части храма было передано в Спасскую церковь Толгского монастыря, а сень над Плащаницею перевезли в Феодоровский собор Ярославля и установили над главным престолом). В южном алтаре отец Павел показал нам рукописный служебник, написанный прихожанами специально для него огромными буквами. Перенесший не одну операцию на глаза и почти ослепший, старец служил по памяти и лишь отдельные моменты богослужения вычитывал по этому служебнику.

На прощание всех нас благословив, отец Павел подарил мне кусочек хранившейся у него метлахской плитки от пола какого-то разрушенного храма. Для Феодоровского собора отец Павел передал небольшой четырехконечный серебряный крест с мощами, который при освящении врезали в крест под престолом. Уезжая от старца, я очень сожалел, что не взял с собой фотоаппарат. Впоследствии, когда появилась возможность купить видеокамеру, мне не давала покоя одна и та же мысль: съездить в Тутаев, где при соборе жил ос-

лепший отец Павел, и упросить его еще раз повторить свой рассказ о прожитом.

После долгих сборов, наконец, удалось договориться с отцом Михаилом Перегудовым о поездке в Тутаев. Игуменья одного женского монастыря, где я в то время руководил реставрационными работами, попросила меня взять в эту поездку трех монахинь, которые давно мечтали повидаться с отцом Павлом.

Приехав в Ярославль, я узнал, что отец Михаил болен и поехать со мной не сможет. Прибыв в Тутаев, зашли к настоятелю собора отцу Николаю Лихоманову, который и провел нас к отцу Павлу. Батюшка к этому времени был слаб и, к сожалению, сниматься не захотел. Тем не менее принял меня очень ласково, шутил, бодрился. Очень сожалел, что при переезде из Никульского куда-то убрал и никак не может найти большую фотографию отца Иоанна Кронштадтского с его собственноручным автографом, которую непременно хотел мне показать.

Воспользовавшись тем, что я на несколько минут вышел от отца Павла, Мария с большой неохотой пропустила к нему по очереди за благословением приехавших со мной монахинь. Когда я вернулся, отец Павел проворчал: «И зачем это таких негодных в монастыри берут!» Меня несколько смутило это замечание батюшки, поскольку всех троих я знал несколько лет и видел, как трудно им живется в полуразрушенной обители, совсем недавно возвращенной церкви. И лишь по прошествии некоторого времени, когда отец Павел уже умер, стало ясно, что имел в виду прозорливый старец. Одна из приехавших со мной к батюшке монахинь покинула обитель, и, разбирая брошенные ею вещи, сестры нашли несколько писем, из которых узнали о ее греховной жизни.

В Спасо-Яковлевском монастыре. На фотографии крайняя слева — послушница Зоя

Послушница Зоя, художник-реставратор, Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь

Я иконописец Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря. Живу здесь со времени открытия обители. Зовут меня Зоя Ивановна.

С отцом Павлом мы познакомились в Толге. Это было 1000-летие Крещения Руси; реставрировался и готовился к освящению Спасский храм. Я приехала с реставраторами из Москвы, из Данилова монастыря, где до этого работала. Даниловскую реставрационную мастерскую тогда возглавлял игумен Евстафий, потому он и пригласил в Толгу именно нас.

В то время в Толгском монастыре трапезная была внизу, у входа в монастырь. Надо было пройти по тропинке, а дальше – была лесенка. И вот мы уже подходим к этой лесенке, как вдруг видим, что пожилая женщина и молодой мужчина ведут под руки старца. У старца длинные волосы, длинная борода – и все это ослепительно белое.

Мы остановились, замерли, смотрим сверху. И вдруг он нам снизу кричит: «Девки, подождите!» Мы стоим и ждем. Он поднялся по лестнице, отдышался и запел: «Где ты, агница, сокрылась?» Пропел нам и спрашивает: «Вы кто?» – «Мы, батюшка, реставраторы». – «Ой, как хорошо! У меня тетка тоже иконы писала в монастыре». Тогда мы ему: «Батюшка, так, может, пойдете, посмотрите нашу мастерскую?» – «А как же, пойду!»

Повели мы его. А мастерская тогда находилась в здании школы. Все он осмотрел, всех нас благословил. Мы, конечно, потом стали интересоваться, кто это. Тут нам и рассказа-

ли, что это архимандрит Павел (Груздев), известный старец. Это была наша первая встреча.

А вторая встреча произошла, когда мы реставрировали большую Смоленскую икону Божией Матери. Она до сих пор в иконостасе Спасского храма. Икона эта древняя, века XVI или XVII. И вдруг во время реставрации она у нас замироточила. Где-то возле рук Спасителя, рук Пресвятой Богородицы вдруг стали появляться капельки. Мы растерялись: что делать? Игумена Евстафия в монастыре как раз не было. Зато был отец Павел, и мы побежали к нему.

Прибегаем, рассказали ему все. А он нам отвечает: «Девки, молчите громче!» И все, больше ничего не сказал. Мы, как он благословил, никому ничего не рассказали. И позже я поняла, что это был самый правильный выход. Потому что тогда в Толге, ко дню князя Владимира[1], собралось огромное количество паломников. И если бы паломничество началось в нашу иконописную мастерскую — мы бы ничего не успели сделать из того, что запланировали.

К вечеру вернулся в монастырь отец Евстафий, ему мы сразу все рассказали и показали икону. Он собрал миро на ваточки, нас помазал этим миром, а ваточки раздал нам. Эта Смоленская икона мироточила и позже. Я спрашивала у сестер, и они это подтверждали.

Потом я стала встречаться с отцом Павлом уже в Спасо-Яковлевском монастыре, куда отец Евстафий был назначен настоятелем и куда я перебралась в качестве реставратора. Очень запомнилось первое Рождество. На Рождественские праздники к нам приехал отец Павел, приехали толгские сестры. После службы была общая трапеза. И вот, за общей трапезой, отец Павел подозвал к себе двух послушниц (сейчас они уже монахини) и говорит: «Девки, идите сюда! Давайте петь!»

И в этот Рождественский праздник все пели. Как раз песнями отца Павла этот день, я думаю, запомнился всем. И вообще отец Павел ассоциируется у меня именно со своими

[1] 15 (28) июля.

песнями; он от них неотделим. Его знаменитая «Ветка», «Толгские цветы».

От него всегда веяло радостной и какой-то именно старческой любовью. И все к нему тянулись, как всегда тянутся к духовным людям. Очень часто в каком-то монастыре можно видеть: идет старец, а его сопровождает целая толпа. Причем толпе этой вроде ничего и не надо, они обо всем спросили, решили свои проблемы — и все равно бегут за ним, потому что ощущают благодать, которая исходит от старца. И в этой благодати хочется побыть еще и еще.

Так было и с отцом Павлом. В каждый его приезд по монастырю сразу разносилась весть: «Приехал!» И все бежали под благословение. Самое главное было — получить благословение. И как только ты благословлялся у старца — все, наступал праздник. Хотя я не помню у него никаких особых проповедей или поучений в храме. Все было очень просто, говорилось самыми простыми словами. Но чувство праздника не покидало.

Вспоминается одна служба в Димитриевском храме Спасо-Яковлева монастыря. В этом храме есть хоры, и во время Литургии на них стоят прихожане. А с хоров открывался вид на весь алтарь, так как иконостас и Царские врата, поставленные временно, были низковаты.

На той Литургии служил отец Павел. Пожилой человек, он за все время службы ни разу не присел отдохнуть. Служил он так, что от него нельзя было буквально оторвать глаз. Для тех, кто стоял на хорах и мог видеть служение отца Павла, вся Литургия пролетела будто за несколько минут. Не могу это объяснить, но, наверняка, есть какая-то особая благодать, которая соприсутствует истинно духовным людям во время богослужения.

Конечно, после каждого приезда отца Павла в монастырь все мы делились впечатлениями, передавали его старческие наставления и советы. «А что тебе сказал отец Павел?», «А тебя на что благословил?» Общался он со всеми очень просто: «Тебя как зовут?» — «Зоя». — «А, Зойка... А тебя?» — «Меня Татьяна». — «А, Танька, значит...» А то еще добавит: «Полуду-

рок. Танька-полудурок, Зойка-полудурок». И это звучало в его устах так ласково, так любовно, что люди искренне радовались, когда он к ним так обращался.

Когда отец Павел приезжал, его селили наверху, в покоях настоятеля. Днем он немножко отдыхал, а после отдыха можно было прийти к нему за благословением и с каким-нибудь вопросом. Иногда он говорил: «Садись рядом». Возьмет твою руку, положит к себе на колени и держит. И к этой теплой, мягкой старческой руке хочется прижаться так крепко, как ребенок прижимается к матери.

И вот, например, входит отец Евстафий, сидеть так уже неудобно, ты пытаешься встать, — а батюшка держит за руку и не отпускает. Вроде и неловко, — а в то же время так приятно и не хочется никуда уходить. И эту ласку невозможно забыть. Потому что кто бы ни обращался к отцу Павлу, кто бы ни приходил к нему, — никто не уходил неутешен. Мы ходили к нему даже не как к отцу или матери — а как к дедушке или бабушке, у которых и опыта больше, и терпения, и любовь вот именно особая — старческая.

Каждый обращался к нему со своим конкретным вопросом и получал конкретный ответ. Когда я оказалась в монастыре, я очень хотела узнать, есть ли на это воля Божия. И когда отец Павел приехал, я подошла и сказала: «Меня зовут Зоя. Я художник-реставратор». И он так живо отреагировал: «Художник? Хорошо! Айвазовский... Нет, нет... Васнецов ты наш! Твое место в Ростове».

И я как-то сразу успокоилась: как старец сказал, так и должно быть. И вот уже десять лет с его благословения я прожила в монастыре.

Однажды в Толге был такой случай. Отец Павел приехал в очередной раз и, конечно, все сестры ходят за ним толпой по монастырю, показывают, рассказывают, спрашивают что-то свое. И вот в кедровой роще отец Павел вдруг останавливается и говорит: «Девки, давайте петь тропари Рождества!» Я про себя удивилась, думаю: «Лето на дворе, при чем здесь Рождество?» А он настаивает: «Давайте петь тропари! Сейчас споем — до Рождества доживем!» И повторил так не-

сколько раз. Конечно, все дружно пропели тропари. И тогда отец Павел сказал: «Вот и слава Богу! Все до Рождества доживем!»

И вот сейчас я думаю: что это было? До того Рождества мы, действительно, дожили, но умер-то батюшка сразу после Рождества, хотя и несколько лет спустя. Не предвидел ли он свою кончину?

Конечно, рассказывают о многих случаях его прозорливости. Кому-то он предсказывал имена, которые им дадут в монашестве, кому-то предрекал игуменство или архимандритство. Однажды один послушник не мог решить: жить ему в миру или принимать монашество. Пришел к отцу Павлу, а тот ему ответил: «Что тебе сказать? И так для тебя хорошо будет — и так хорошо». И действительно, он еще долгое время то в монастыре поживет, то опять уйдет в мир. А сейчас, говорят, женился, учится в Семинарии. Так что все равно идет по церковному пути и Бога не оставил.

На фотографиях отец Павел почти всегда улыбается, но глаза у него остаются грустными. Особенно это видно на фотографии, где он сразу после ссылки. Там даже боль видна в его глазах. И на последних фотографиях, где он в очках, всегда сквозь очки смотрит на тебя его печальный взгляд. Наверное, это боль за людей, за весь мир...

На фотографии стоит крайний слева — Владимир Белов

Владимир Валентинович Белов,
сотрудник охраны,
г. Ярославль

Вспоминается мне такой маршрут: от Ярославля через Большое село и Углич на Мышкин (точнее Шипилово), от Мышкина на Новый Некоуз, далее Шестихино, а потом — Борок, где находится Институт внутренних вод Академии Наук СССР... И маршрут этот, который занимает километров двести, у меня до сих пор перед глазами — километр в километр, год в год, день в день.

А о чем речь? О том, что в Некоузском районе, в селе Верхне-Никульское я познакомился тогда с отцом Павлом. Это было примерно в 1978 году.

Но по порядку. В 1975 году поступил я на работу в милицию. Два года в звании рядового работал по карманникам, а потом, учитывая боевые заслуги, направили меня в группу по раскрытию преступлений, связанных с предметами старины и религиозного культа.

На мою долю выпало фотодокументирование этих предметов. Фотоаппарат «Зенит» со вспышкой «Луч-70» был в ту пору моим основным орудием производства. И вот я, уже к тому времени младший лейтенант, двигаясь по Ярославской области с попутными оказиями, должен был по приказу начальника областного УГРО фотографировать в церквях и музеях все, что могут украсть из предметов подобного рода.

К тому же поездки мои имели еще и важное образовательное значение для всех нас, работников милиции. Похищена, например, икона. Идет оперативно-розыскная работа. Но кто из оперативников знает, как выглядит и что такое икона «Покров» или «Знамение Пресвятой Богородицы», или да-

же — «Николай Чудотворец», «Неопалимая Купина», «Рождество», «Успение».

Вот в розыске и решили, что должен быть сотрудник, который сфотографирует все эти предметы, создаст в УВД области фототеку, и будет возможность наглядно показать другим милиционерам, что такое лжица, что такое звездица; чем киот отличается от оклада, а кадило от паникадила. Или, если «совершено преступление в районе амвона», то что такое — амвон? В общем, все мы проходили тогда азы.

И вот, лето ли, зима ли, а я езжу по области и фотографирую. Приезжаю в райцентр, уточняю, где расположены в районе действующие церкви, прихожу, разыскиваю старосту. Старостой в те времена была обычно пожилая женщина, ставленница Сельского совета, член церковной «двадцатки», которая всем и заправляла.

Пришло время, когда я был направлен в Некоузский район. От Ярославля через Углич надо было ехать порядка двухсот километров. Километров сто был асфальт, а уж дальше — никаких дорог, одни направления! И такая глина... В общем, условия фронтовые.

Ну, где-то на попутках, где пешком, — добрался я до Нового Некоуза. В Некоузском районе тогда было пять действующих церквей, а по всей Ярославской области — 87 приходов. В Новом Некоузе, в отделе милиции, мне подсказали: «Там-то церковь закрыта, там-то священник из Рыбинска редко служить приезжает... А съезди-ка ты в Верхне-Никульское, там и сфотографируешь все, что необходимо».

Выделили мне участкового из Борка, а Борок был, как бы сказать, своего рода волостной центр. Сели мы с участковым на мотоцикл, погрузил я свое фотооборудование — и поехали.

Село Верхне-Никульское находится на берегу Рыбинского водохранилища, храм окружен оградой, а по углам ограды четыре сторожки: две совсем ветхие, а две жилые. В одной останавливались приезжие, она была вроде странноприимного дома, а в другой жил отец Павел. Чем-то обстановка напоминала маленький монастырь.

Но это я узнал потом, а пока я, как представитель власти, приехал на фотофиксацию. Приехали, объяснили священнику, что должны заснять все, что может быть украдено. Он выслушал и ответил: «Ребята, погодите! Все сделаем, старосту позовем. А сейчас садитесь, пожалуйста, за стол!»

Ну, понятно, после такой дороги да непогоды за стол мы сели с удовольствием. Стол был богатый. Тогда жива была еще бабушка Женя — Еня, как все ее называли; в сторожке были и другие женщины. И вот, помню, все, что ни скажет батюшка, все исполнялось ими молча и быстро. Впрочем, тогда я этому не придал значения.

А дальше началась беседа. Простой разговор за жизнь, который на меня лично произвел огромное впечатление. Произвело впечатление буквально все, начиная с атмосферы доброжелательства, уюта, чувства, что попал домой к родному дедушке. Только представить: дальний край, сторожка, тишина, полумрак, в углу перед множеством икон — мерцание лампад, теплая печка, кошка Лушка... Мирная атмосфера во всем, мирная беседа о мире, необыкновенные рассказы.

И в то же время батюшка спрашивает, как идет служба, вплоть до процента раскрываемости, как те или другие мазурики себя проявили... И это было удивительно: двести километров по бездорожью, глухое село, а тут человек проявляет такие недюжинные знания и, я бы даже сказал, профессиональную осведомленность! Это уж потом я узнал, что было у него когда-то шесть лет ИТК и пять лет ссылки, а тогда я этого не мог и подозревать.

В общем, посидели мы, поговорили, а потом отец Павел посоветовал участковому возвращаться к себе в Борок: «Завтра приедешь, утро вечера мудренее», а мне — заночевать и с утра начать фотографировать.

Кстати, именно в тот первый приезд подарил он мне одну старую книгу: Немирович-Данченко[1] «По привольям и раз-

[1] Немирович-Данченко Василий Иванович (1848/49–1936), русский писатель, автор многочисленных художественно-этнографических очерков, военных корреспонденций, романов, рассказов, мемуаров. Брат известного режиссера Владимира Ивановича Немировича-Данченко. С 1921 г. в эмиграции.

дольям», очерки и рассказы. Книга дореволюционная, издательства товарищества И.Д. Сытина. Он даже надпись сделал для меня, в которой назвал меня прекрасным человеком, что, конечно, незаслуженно. Отец Павел всю жизнь собирал старые книги, журналы и очень любил их читать.

Ранним утром мы вдвоем пошли в храм (причем, ключи были у него самого, а не у старосты, как в других храмах) и я стал фотографировать все, что могли украсть: лампады, иконы, кресты, подсвечники, венчальные венцы и так далее.

Именно тогда, при первой встрече, говоря о церковном имуществе, отец Павел в беседе со мной особо подчеркнул, что все иконы в храме — это государственное имущество, а икона «Достойно есть» — его личная. На мой вопрос о ее происхождении он коротко сказал, что давно, по случаю, купил ее у цыган. Это уже потом, со временем, он рассказал, что это не так, а тогда он опасался, что после фотографирования икону заберут в музей.

Сделав работу, я уехал в церковь села Поповка, что близ железнодорожной станции Шестихино, но — осталось чувство, что вот там она и есть, родина, настоящая Россия, что именно «там русский дух, там Русью пахнет». Пускай это звучит литературно, но именно так это и было!

Как сейчас помню: в углу, в полумраке сторожки отца Павла, среди множества икон малого размера, висела большая (1х1,2 м), потемневшая от времени икона «Спас Нерукотворенный» — ковчежная, старая, но великолепной сохранности, наверное, начала XIX века, — и лик Спасителя так строго смотрел на меня, грешника, и от этого взора некуда было деться.

Я не знаю, что тогда повлияло сильнее, — отец Павел с его живыми задушевными словами или этот лик? А, может, все вместе. Но встреча та оказалась для моей жизни своего рода переломом.

Я продолжал свою службу, ездил в командировки по Ярославской области, побывал в Даниловском, Некрасовском, Любимском и других районах, — но, чем бы ни занимался, все время возвращался к мысли об отце Павле. Причем мне

хотелось съездить к батюшке просто, без каких-то оперативных, меркантильных или иных интересов. Тянуло к нему как магнитом.

К тому времени у меня уже была старенькая техника — мотоцикл «Ява». И вот я снаряжался, собирал рюкзак подарков. Хотя, казалось бы, никаких родственных связей там, в никульских краях, у меня нет — кому и что дарить? Но мне хотелось дарить, хотелось быть своим, хотелось быть рядом с отцом Павлом, потому что я ощущал, что еду — домой.

И вот я выезжал. До Углича асфальт, дальше — грунтовая дорога. Хотя какая грунтовка, если в распутицу половину дороги ты тащишь мотоцикл на себе? Но уж когда добирался — то это был дом родной. Приезжал, здоровался, и сразу, хлопоча по хозяйству, делал то, что советовала Марья: выносил мусор из сторожки, помойные ведра, приносил чистой воды, дров... Окружающая обстановка умиротворяла (удивляло, к примеру, что по деревьям у сторожки смело бегали белки, даже птицы были непуганными). Очень скоро я стал там своим человеком. «Володька приехал!» — говорят батюшке. «Какой Володька?» — «Да Володька-шофер!» — «А! Наш Володька», — говорит батюшка.

А шофером меня звали, потому что я довольно много возил отца Павла. Ездили мы с ним на разных машинах: чаще на «Ниве», бывало, и на грузовике ГАЗ-66 по разным маршрутам — Ярославль, Ростов, Тутаев. Например, на грузовике перевозили в Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь Ростова сохраненные отцом Павлом иконы для иконостаса. Везде в поездках отца Павла сопровождала Марья, охранявшая его покой от всех и вся.

И вот, проживешь у него субботу и воскресенье — и возвращаешься домой с огромным зарядом бодрости, жизни, света какого-то. И это несмотря на то, что народа у него было, как в московском метро, — не протолкнуться.

С отцом Павлом было у меня связано множество ярких, а порой и веселых случаев.

В те годы контакты милиционера со священником, понятное дело, не поощрялись, можно было потерять погоны или

получить «неполное служебное соответствие» (как произошло в моем случае). Партсобрания в любом коллективе проходили регулярно, и мы, беспартийные, обязаны были там присутствовать. Поэтому и отношения наши были, в определенной мере, «тайными».

Помню, остался как-то я у отца Павла ночевать в сторожке. Уложили меня на диване. Сам же отец Павел ушел в свою «келью» — это угол сторожки, отделенный от общего помещения шкафом и дощатой загородкой с портьерой. Батюшкина кровать стояла у русской печи, сторона которой была облицована изразцом. Перед сном он у меня вдруг спрашивает: «Володька, у тебя пистолет есть?» — «Есть». — «А ты меня не застрелишь?» — «Нет, конечно!» — отвечаю. А сам не могу понять, почему он мне такой вопрос-то задает. Он мне говорит: «А ты отдай мне его!»

Я, не говоря ни слова, достаю из-за пояса пистолет (я его, как опер, постоянно носил, но не в кобуре, а за поясом) и отдаю ему. Табельное мое оружие, естественно, заряженное, по привычке патрон в патроннике. Он берет пистолет, кладет себе под подушку, и мы ложимся спать.

Наутро встаем, я говорю: «Батюшка, ну как там пистолет-то мой?» Он мне его возвращает и начинает объяснять, почему он его забрал. Вот, мол, сидел я в лагерях, и с тех пор все из НКВД для меня — люди опасные... Ну, и так далее.

В общем, объяснение мне было понятным. Но я после уже для себя этот случай понял так: он меня тогда проверял, что называется, на верность. Ведь табельное оружие я никому не имел права давать в руки. А ему дал без всяких колебаний и сомнений. Возможно, так он убедился, что я ему доверяю полностью и абсолютно.

Это доверие было взаимным. Так однажды отец Павел рассказывал при мне одному священнику о месте, где перед затоплением Мологи монахи Мологской обители закопали ценности монастыря. И это место он показал тогда на старой монастырской фотографии...

Однажды приезжаю к нему в очередной раз, батюшка мне говорит: «Слушай, Володя, надо сделать сигнализацию».

«Какую сигнализацию?» — спрашиваю. «Ну как же! Такую, что если в храм полезут воры, то у меня бы в сторожке зазвенело!» (Здесь замечу, что по своему обыкновению в темное время суток или в ненастье отец Павел, взяв палку-посох, зачастую один обходил здание церкви, проверяя замки и окна.)

В ту пору я уже был с опытом установки сигнализации, технику эту понимал. В следующий свой приезд привожу все, что необходимо: инструмент, прибор, датчики, звонок, провода. Он дал мне ключи от церкви, сказал: «Иди, работай». И это тоже было удивительно. Ведь в других храмах в те времена, если ты что-то делал, то тебе в затылок обязательно смотрело недремлющее око старосты или казначея. А тут — иконы, материальные ценности, да просто деньги в кассе, — а он посылает тебя одного, малознакомого. Потому что — доверяет.

Сигнализацию я сделал с особым прилежанием, он меня похвалил и даже денег заплатил. Причем больше, чем стоил материал. Особенностью сигнализации было то, что звонок громкого боя, установленный на колокольне, можно было включать из сторожки. Эта предосторожность была не лишней. Уголовному розыску было известно, что воры из Углича по кличкам Фома и Барсук готовили в то время разбойное нападение на сторожку отца Павла. Батюшке об этом было своевременно сообщено, он реагировал спокойно, говоря, что ничего плохого не произойдет.

Вспоминаю, что при монтаже проводов сигнализации я обратил внимание на старинную фисгармонию, стоявшую в летней части храма и накрытую домотканым половичком. Приводилась она в действие многократным нажатием ног на две педали и была исправна. Что-то вроде маленького органа. На мое предложение передать этот уникальный музыкальный инструмент в музей отец Павел сказал, что имущество это государственное, записано в церковной описи, да, может, когда-либо церкви пригодится. Тогда же, отодвигая от правой стены большой резной киот, я наткнулся на всеми забытые, покрытые паутиной четыре десятка бутылок «и того». По команде отца Павла я отдал их на «экспертизу» очередным приехавшим гостям.

По поводу таких шутливых выражений батюшки, как «и того», «движение воды», «по единой», здесь уместно вспомнить один рассказ отца Павла. К одному сельскому священнику для проверки несения службы приехал вновь назначенный и потому незнакомый лично архиерей. После службы священник пригласил владыку домой, где был накрыт стол по случаю его приезда. Закусок было много, но, опасаясь неизвестной реакции на свой вопрос, священник, доставая запотевшую бутылочку к столу, робко спросил: «Владыка, благословите по единой?» — «Благословляю», — ответил владыка. Далее священник неоднократно под различные блюда повторял это вопрос: «Благословите по единой?» и всегда получал положительный ответ. Посещением этого гостеприимного прихода владыка был очень доволен и поздним вечером «еле можаху», но в добром настроении поехал в город. В другом селе при схожих обстоятельствах священник за столом спросил владыку: «Владыка, благословите по одной?» — «Благословляю», — ответил владыка. Далее под мирную беседу священник спросил: «Владыка, благословите по второй?» — «Благословляю», — ответил владыка. Но когда священник спросил: «Владыка, благословите по третьей?», владыка резко встал и, отодвинув в сторону стул, спросил: «Ты что, считать будешь?» С тех пор второй священник был на плохом счету в епархиальном управлении, а первый достойно продвигался по службе.

Я ездил к отцу Павлу восемнадцать лет и в Верхне-Никульское, и в Тутаев постоянно, из месяца в месяц, стараясь бывать чаще. Ранее в Верхне-Никульское ездил не один, а пытался взять с собой кого-то из своих товарищей, друзей. Инспектором уголовного розыска Угличского ГОВД был в ту пору мой друг Евгений Мелещенков — часто мы с ним ездили к батюшке. Оказалось, что его бабушка, по имени Валентина, была одно непродолжительное время келейницей отца Павла (скажем так, ее кандидатура рассматривалась). Воистину, мир тесен!

Все, кто приезжал к отцу Павлу, что-то с собой привозили. Кто-то икону, кто-то одежду, постельное белье, консервы,

конфеты или фрукты. Подарков ему было очень много. Но я хочу сказать, что отец Павел все раздавал людям. Всем приятно, когда что-либо дарят. На моей памяти сохранился эпизод, когда от полученного подарка отец Павел не просто радовался, а ликовал. Это было в 1993 году, когда отец Евстафий вернулся из поездки на остров Валаам. Войдя в сторожку Воскресенского собора с песней об острове, он подарил отцу Павлу буханку черного монастырского хлеба. При этом отец Павел подхватил песню и продолжил петь ее по памяти, чем удивил всех присутствовавших.

Вот, вспоминаю: начало восьмидесятых годов, зима. Приезжаю к отцу Павлу. У него, что случается редко, никаких гостей. В сторожке он сам и Марья Петровна. Усадив меня с дороги за стол, отец Павел спрашивает: «Вовка! Ты ел когда-нибудь поповскую яичницу?» Думаю про себя, что это такое? Отвечаю: «Нет, батюшка, не приходилось». — «Вот сейчас как раз и поешь!» — говорит он. И дает команду Марье разжигать керосинку.

А в хлебосольстве батюшка, как известно, был непревзойденный мастер.

Оказалось, что поповская яичница — это икра свежевыловленной рыбы, зажаренная в сливочном масле на сковороде. Вещь оказалась необыкновенно вкусная. Поели мы с ним, он мне и говорит: «А теперь пойдем, я тебе кое-что покажу!»

Выходим из теплой сторожки в холодный чулан. А морозы тогда стояли лютые. И что я вижу? Весь пол чулана слоем сантиметров на сорок засыпан рыбой, которая уже замерзла, но видно, что сыпали ее не так давно.

«Батюшка, да тут тонна рыбы, не меньше! Откуда это все?» — спрашиваю я. А он отвечает: «Проплывали (это зимой-то!) мимо рыбаки из Брейтова, пришли ко мне в гости, да немножко рыбки-то и отсыпали. Я их угостил: движение воды. Ты меня понимаешь?» Я про себя думаю: «Да куда же девать теперь эту кучу?»

И вот, пока мы так стоим да разговариваем, стучит кто-то в дверь из деревенских, а может, из соседней деревни, не

В Верхне-Никульском

знаю. Поговорили (о чем – теперь уже не помню), и батюшка этому человеку – раз! – сетку рыбы. Приходит еще кто-то, он и ему пакет! А следующему – куль! И на моих глазах, в течение одного или двух дней, он всю эту рыбу раздал людям! И тут я понял: хоть тонну рыбы привези, хоть две – все равно мало будет, потому что это – для всех...

Это одна маленькая история, а таких историй было много. Вообще много было чудесного вокруг отца Павла. Он умел жить, любил жить и учил этому окружающих его людей.

Вспоминаю еще одну историю. Мы к тому времени уже были знакомы с отцом Евстафием – он был тогда духовником и экономом Толгского женского монастыря – и вместе ехали к отцу Павлу. С нами были еще две монастырские послушницы, Елена и Евгения.

Я был за рулем, а потому особенно внимательно следил за местностью, по которой мы ехали. Дело в том, что до Верхне-Никульского, как я уже говорил, хорошей дороги не было, и последние полкилометра из-за грязи проехать было

особенно трудно. Правда, можно было двигаться кружным путем, по проселку, который у местных назывался «БАМ», и дорога шла в этом случае огородами мимо сельского магазина прямо к сторожке отца Павла.

Был августовский день, светило солнце. Мы ехали мимо картофельных полей. Но что это были за поля! Вся картошка до стеблей была съедена колорадским жуком! И эти участки стояли красные, а не зеленые, какой бывает ботва обычно.

Мне даже пришла в голову забавная мысль, что если бы колорадский жук шел, например, для производства лекарств, то, собрав жуков с таких вот колорадских плантаций, можно было бы разбогатеть! Этой своей коммерческой мыслью я поделился с отцом Евстафием. Мы посмеялись и вот в таком не очень покаянном настроении подъехали к сторожке отца Павла.

У батюшки, конечно, как обычно, уже были гости. Но и нас он тоже принял с распростертыми объятиями, усадил за стол. Шел общий разговор обо всем. Обсуждали и урожай. Как уродилась морковь? Как свекла? А как капуста, лук и чеснок? Ну и, естественно, заговорили о картошке, этом втором хлебе. И все в один голос стали обсуждать это небывалое нашествие колорадского жука. И вот, когда все выговорились, батюшка вдруг, в свою очередь, сказал: «А у меня колорадского жука нет».

А у него, надо сказать, тоже были два участка, засаженные картофелем. Один возле сторожки перед сельским кладбищем, а другой — прямо внутри церковной ограды, между двумя сторожками.

Но я-то видел, что кругом все буквально съедено жуком! И тут он говорит нам, что у него нет жука? Да этого же просто не может быть!

И я, как во всем сомневающийся опер, потихоньку встал из-за стола, никому не сказав ни слова, и пошел на проверку. Сначала пошел на тот участок, что возле кладбища. Хожу, смотрю, даже на четвереньки встал, чтобы удобнее было искать. И что же? Нет жуков! Но я-то знаю, что такого не может быть! А может, кто-то ему этих жуков прямо перед нашим

приездом собирал? Тогда должны остаться следы на листьях, изъеденных личинками. Изучаю листья — ничего! Следов ног также нет. Но ведь не может же этого быть, не может!

И тут вспоминаю, что у него еще один участок, внутри церковной ограды. Но там-то уж точно должны быть жуки! Там только невысокий деревянный забор, а по ту сторону забора — те самые колорадские жуки в огороде соседки Насти. Им через этот забор перелететь — плевое дело! Нет, все-таки найду я у него жуков, не будь я опер!

И вот на другом участке буквально ползаю по картофельным грядкам. Все излазил — ничего нет! Ничего!

Возвращаюсь в сторожку. Выждал паузу в разговоре и говорю: «Батюшка! Я сейчас оба участка картошки посмотрел. Ничего нет — ни жуков колорадских, ни личинок. И даже следов от них на листьях нет!»

А он отвечает спокойно, как будто само собой разумеется: «Так ведь я же тебе сказал. И зря ты ходил, искал. Я ведь против них молитву знаю».

Тут я про себя думаю: «Ну что он такое говорит? Какая еще молитва? Да мало ли этих молитв, — а толку-то что?» Таким я был в то время Фомой неверующим... И все-таки я был этим случаем поражен. Ведь это было нечто совершенно противоестественное. А точнее — нечто сверхъестественное.

И еще мне запомнилось, как батюшка в это же примерно время напевал им самим сочиненную песенку про колорадского жука. Звучала она примерно так:

Вот цветет картошка, зеленеет лук,
И ползет на грядку колорадский жук.
Он ползет — не знает ничего о том,
Что его поймает Володька-агроном.
Он его поймает, в сельсовет снесет,
В баночку посадит, керосин нальет.
Вот цветет картошка, зеленеет лук,
В баночке балдеет колодарский жук.

Речь здесь идет о соседях отца Павла — семье Овчинниковых, которых батюшка очень даже уважал. Редко когда в раз-

говоре с кем-либо на сельскохозяйственные темы отец Павел не ссылался на авторитет Овчинниковых. В связи с ними мне вспоминается одна забавная история.

Я тогда в Никульское еще на мотоцикле ездил. И вот както приехал к отцу Павлу в очередной раз на своей «Яве». Доехал из Ярославля, это больше чем двести километров. Мотоцикл и я от пыли и грязи страшнее атома. А батюшка садится ко мне на заднее сиденье и говорит: «Поехали к Володьке Овчинникову. У него сегодня праздник!»

Юмор всей ситуации заключается в том, что от батюшкиной сторожки до двора Овчинниковых метров двадцать пять — тридцать: мотоцикл не нужен.

И вот сели мы и поехали. Въезжаем во двор к Овчинниковым, а там — праздник в разгаре! Стол деревянный, длинный, скамейки — гуляет народ! И тут мы на мотоцикле — шум, грохот, пыль, дым!

Глушу мотор, отец Павел снимает шлем. Слезаем оба с мотоцикла, подходим к пирующим, и тут батюшка говорит Овчинникову, который сидит во главе стола: «Ну, здравствуйте! А я вот с Володькой из Ярославля приехал к вам на мотоцикле».

Все, конечно, поражены: как Ярославль? Как на мотоцикле? Ну, Ярославль-то, положим, далеко, а мотоцикл в пыли — вот он, стоит, как вещественное доказательство! Это что же получается-то? Батюшка из Ярославля на мотоцикле спешил, чтобы только на праздник к Володьке Овчинникову попасть? Вот это да!

И так всем стало приятно, что такой человек — и так в гости торопились! Ну, а если уж приехали такие почетные гости — надо же и по рюмочке налить, как положено!

А дальше я уже ничего не помню — все-таки с дороги устал. Помню только, что мотоцикл так и остался ночевать во дворе у Овчинниковых, а мы с батюшкой пешком возвращались в сторожку. А в сторожке нас ждут, конечно же, уже совсем другие лица, идут другие разговоры — приехала его навестить группа женщин из Питера. И группы эти менялись с регулярностью рейсового автобуса Шестихино — Борок. Впро-

чем, всех объединяет одно: любовь к батюшке и желание духовного утешения.

Вспоминается такой штрих. Подъезжая на машине к церкви в Верхне-Никульском, мы останавливали транспорт у кованых металлических ворот. Ворота всегда были закрыты на висячий замок, ключ от которого надо было брать у Марьи. Для этого следовало обойти ограду слева или справа. Но нетерпенье услышать знакомые голоса и оказаться в сторожке у отца Павла побеждало, и мы пролезали внутрь церковной ограды через отсутствующие в нижней части ворот прутья. Пролезаешь — и как бы минуешь какую-то невидимую границу...

Каждый в поездке в Никульское вез с собой разное — не только продукты. Везли книги, везли пластинки — кассетный магнитофон был в ту пору большой редкостью. У отца Павла был проигрыватель, и он изредка по вечерам любил слушать пластинки. Слушал песнопения, слушал детские сказки. Сказки он вообще очень любил. Ему нравилось все детское, задушевное, все спокойное и умиротворенное. Свой телевизор «Рекорд-6» он и тогда особо не смотрел, разве что новости иногда, но если бы увидел, что сейчас по телевизору показывают, — мне кажется, он бы этот ящик просто выкинул в окно, да еще бы вслед плюнул!

Резкость его действий или слов объясняется только стремлением к справедливости, а простота выражений накладывала своеобразный отпечаток.

Так, батюшка рассказывал: «Как-то были мы в гостях в Москве у больших людей. Пригласили нас за стол, на котором чего только не было! Прислуга подает то да другое. А за столом всё ученые люди, академики. Человек 15–20 нас было. Сидят, разговаривают, обсуждают что-то. Напротив меня сидел какой-то большой ученый. Ему прислуга то одно предложит, то другое, а ему все не так. Этот ученый говорит прислуге, что от этого у него изжога, от этого то болит, от этого то. Тут я и сказал ему по-нашему: "Гнилая ж... и с пряников дрищет!" И тут вдруг такая тишина стала за столом, а потом как все грохнут! А пуще всех этот академик смеялся. Он потом ко мне в Никульское приезжал».

В один из приездов к отцу Павлу, когда он уже жил в сторожке Воскресенского собора города Тутаева, я оказался там в обществе жителя Москвы, профессионального кинооператора и, наконец, моего друга Геннадия Энгстрема. Мы приехали в собор группой. Погостили в сторожке, были, как всегда, незабываемо приняты. Вечером началась служба на втором (летнем) этаже собора. По просьбе отца Николая Лихоманова вел службу отец Павел. Народу в храме было очень много. Я же, как и Геннадий, стараясь в эти непродолжительные мгновения общения с отцом Павлом все летописать, был с какой-то кино-видеотехникой. Но сами понимаете, что не всегда уместно мешать присутствующим на службе стрекотанием камеры, яркой подсветкой или просто нахождением перед иконостасом, Царскими вратами, или стоять спиной к алтарю. Тем не менее, деликатно передвигаясь между молящимися, мы с Геннадием оказались у входа в правый придел, примыкавший к алтарю.

Входить нам, сторонним, в алтарь, а тем более во время службы, нельзя. А посмотреть, что там происходит, очень хотелось. Служба была что называется в разгаре.

Тут вдруг из придела на нас с Геннадием выходит отец Павел в праздничном облачении и уверенно, по-хозяйски приглашает нас пройти за ним в алтарь. Мы прошли через придел за ним и простояли в алтаре до конца, видя всех священников у престола и их действия по ходу службы. Видеокадры этого поразительного события, сделанные Геннадием, живы до сих пор.

Чем руководствовался отец Павел, знает только отец Павел, но для нас с Геннадием это было откровением, и произошедшее событие врезалось в память как никогда.

Надо отметить, что не всегда, когда хотелось записать на магнитофон или камеру песни или рассказы батюшки о прошлых временах, у меня под рукой оказывалась техника: то неисправность мелкая какая-то, а то спохватываешься когда «поезд ушел». Я часто ловил себя на мысли о бездонной памяти батюшки, когда (чаще в дороге) отец Павел вдруг запевал песни, пел частушки, рассказывал то, чего ни-

когда более от него не слышали — ни до, ни после данной поездки.

Пришло время, и отец Павел начал поговаривать о переезде. Здоровье было слабое, зрение упало почти до нуля — он чувствовал, что служить становится все труднее. А делать ошибки в службе, пусть и невольно, он не хотел. Как он выражался: «Не хочу богохульствовать».

Конечно, как только пошли слухи о его переезде, мы заволновались: что нас ждет? Ведь там люди десятилетиями находили душевную пристань. Я вот, например, только в Верхне-Никульское больше десяти лет ездил! Но, тем не менее, мы понимали, что смириться с этим, видимо, придется.

И вот как-то в спокойной обстановке, когда никого не было, батюшка сам заговорил со мной о переезде. Оказывается, ему было сделано три предложения о постоянном месте жительства: в Толгу, в женский монастырь, в Ростовский Спасо-Яковлевский к отцу Евстафию и в Тутаев к отцу Николаю Лихоманову. И он у меня спрашивает: «А ты как думаешь, куда ехать?»

Вопрос был задан конкретно, конкретно надо было и отвечать. И я ему сказал: «Батюшка, если ты в Толгу поедешь — это же женский монастырь! Это значит, что будет суета, они же тебе покоя не дадут! Поедешь в Ростов к отцу Евстафию? Конечно, там будет спокойно, келейка тихая обеспечена, но... Но отец Евстафий сегодня здесь, а завтра — неизвестно где, новый монастырь восстанавливает! И что потом? Получается, что отец Павел останется на правах квартиранта? А вот Тутаев, наверное, лучше всего. Во-первых, есть отдельная сторожка, которую отец Николай предлагает; во-вторых — там же, на другом берегу Волги брат живет, Александр Александрович Груздев. В любом случае люди не оставят». Потом, ведь в Тутаеве-то весь левый берег — это переселенцы с Мологи, как и батюшкина семья.

В общем, получалось так, что оптимальный вариант переезда — Тутаев, он же Романов-Борисоглебск.

Так мы в тот раз поговорили, а спустя время батюшка принял окончательное решение о переезде в Тутаев, которое было утверждено в Ярославской епархии.

И вот наступил момент самого переезда. В помощь батюшке Спасо-Яковлев монастырь прислал машину — бортовой «Урал», был и я на своем грузовике.

Перевозили мы батюшку теплым, ясным и солнечным днем 29 июня 1992 года. Все происходило как-то сразу, одним махом. Цели и задачи были определены, посторонних людей не было.

Стали грузиться. Стол, стул, кресло, сундук, кровать. Все старенькое, отжившее свой век. Погрузили мебель, перешли в кладовку. А там — несметное количество банок — крупа, мука, мед, соленья разные и варенья. Как их везти в грузовой машине? И тут вспомнили, что у батюшки был гроб, он его заранее для себя приготовил. Положили мы этот гроб в кузов «Урала», а в него погрузили банки, пересыпая опилками, перекладывая соломой и тканью, чтобы не побились. А потом еще иконы, киоты, фотографии. А затем пошли наливки, настойки, ликеры, церковные вина! Кто не помнит знаменитую настойку отца Павла из вишен!

Но самый главный груз был — всяческого рода литература. Книги, которые батюшка собирал весь свой век, журналы (в том числе старинная «Нива», «Валаамский паломник»), газеты старые. К печатному слову у батюшки было особое отношение — он его и уважал, и любил. Очень много книг и икон ему дарили, очень много всего дарил он сам. И дарил, никогда не считая, дорогая это вещь или не очень. Дарил от души.

Ну, и последний штрих. Гроб, который мы среди прочего имущества в тот день перевозили из Верхне-Никульского в Тутаев, позже был украден. Украли его из колокольни Воскресенского собора, куда он был помещен на хранение. И хоронить батюшку пришлось в другом гробу.

В начале 90-х, в пору возрождения Спасо-Яковлевского Димитриевого монастыря Ростова, я после увольнения из

милиции там часто бывал и работал. Большинство жилых помещений обители занимали люди, не имеющие никакого отношения к монастырю. Территория была захламлена, кругом лежал мусор, стояли какие-то сараи, птичники, разрушенные детские городки, толстые стволы деревьев, в беспорядке раскиданные по территории, — все это создавало впечатление дремучести и неустроенности. Шум на территории монастыря (треск мотоциклов, крики пьяных или дерущихся, лай собак, мат и т.п.) был круглосуточным. Монастырь был как проходной двор. Наместник обители отец Евстафий и его правая рука отец Иоанн «огнем и мечом» наводили порядок на территории монастыря, встречая противодействие жителей по любому вопросу.

Собственно для насельников, коих было 5–7 человек, включая наместника, было выделено угловое помещение бывшего детского сада на первом этаже, где сейчас располагается бухгалтерия. Это помещение в зависимости от времени суток было для всех и кабинетом, и трапезной. В соседнем помещении хранилось кое-какое имущество и провизия, которой заправляли послушницы Толгского монастыря Лена и Женя.

Существующий быт, обусловленный «походными» условиями, враждебный внешний мир жителей монастырских зданий, нехватка во всем и вся оказывали свое влияние на «первопроходцев», восстанавливающих монастырь. Но если отец Евстафий и отец Иоанн были крепки духом, то кое-кто этого не выдерживал. Часто досаждал отцу Евстафию один из насельников своим пьянством и неуправляемостью. На предложения покинуть монастырь он не реагировал.

Вспоминаю, что в эту пору по просьбе отца Евстафия я привез в очередной раз в монастырь отца Павла. Батюшка был легок на подъем, а в поездках к отцу Евстафию, которого особенно любил, легок вдвойне. Как обычно по приезде, немного отдохнув, отец Павел, интересуясь жизнью обители, расспрашивал отца Евстафия о происходящем, рассказывал примеры из своей жизни, интересовался всем и всеми. Дело происходило в так называемой трапезной,

за столом, где они сидели, разговаривая один напротив другого в моем присутствии. На столе стояла самая простая еда: вареная картошка, капуста, лук, хлеб, рыбные консервы. В один из моментов разговора отец Евстафий посетовал на плохое поведение насельника монастыря. Отец Павел попросил позвать этого человека, чтобы поговорить с ним.

Далее произошло то, что достойно быть отражено в учебниках по монастырскому общежительству. Пришедший насельник после прочтения молитвы «Отче наш» и благословения отца Павла сел за стол, являя собой образец кротости и смирения. Несмотря на это, отец Павел рассказал ему, что поведение насельников монастыря пользуется особым вниманием у окружающих жителей. Что-то хорошее они не заметят, а что-либо отрицательное не только заметят, но и расскажут всем, добавляя от себя чего и не было. Для монастыря это большой вред. Из-за пьянства и недостойного поведения одного будут плохо говорить обо всех монастырских. После этого вступления отец Павел поинтересовался, из каких краев приехал насельник, взял со стола в свою руку два куска черного хлеба и, протянув их слушателю, сказал: «Вот, возьми в дорогу. До вокзала здеся недалеко. Поезжай. А как в дороге проголодаешься, парнёк, то съешь, и вспомни монастырь, как ты его предал». «Приговоренный» молча взял хлеб и также молча вышел, не проронив ни слова. Более мы его не видели. Тут же отец Павел сказал отцу Евстафию, что сила не в количестве насельников, а «в качестве»: пусть будут хоть двое, как Сергий и Герман или Зосима и Савватий. И говорил он это, как гвозди забивал — ясно, четко и твердо.

У Воскресенского собора г. Тутаева. За батюшкой — Галина Орлова

Галина Владимировна Орлова, казначей Воскресенского собора г. Тутаева

С батюшкой я познакомилась в 1969 году. Было это 22 октября – мы с моим будущим мужем приехали к отцу Павлу венчаться. В Тутаеве, где мы жили, обвенчаться было трудно: это сразу бы стало известно властям, и у нас с мужем могли бы быть большие неприятности. Но одна из наших знакомых уже тогда ездила к отцу Павлу в Никульское. Она-то мне и сказала: «Я съезжу к батюшке и спрошу, как вам быть. Он у нас – великий монах».

Она поехала к отцу Павлу, вернулась и говорит мне: «21 октября батюшка велел вам приезжать». Поехали мы, как нам велели, переночевали у отца Павла. А наутро он нас венчал. Происходило это без свидетелей, в пустом и холодном соборе, при свете свечи. Кажется, проходили мы через боковую дверь, а центральный вход был закрыт на замок.

И вот он нас повенчал, а потом – накрыл для нас двоих такой роскошный стол. И все угощал нас, все потчевал. Потом вдруг ушел в свою комнату, за перегородочку, и вынес оттуда деньги. Десять рублей. Мне было очень неудобно, что это он нам деньги дает, а не мы ему.

Положил он эту десятку на стол, лежит она. Вдруг он говорит: «Нет, ребята, так не пойдет. Дайте-ка мне деньги назад!» Забирает, уносит и выносит нам уже две пятерки. Положил, прошло какое-то время, а он опять: «Нет, и так тоже не пойдет». Забирает две пятерки, уходит с ними – и снова выносит нам десятку.

Прошло пять лет, и я убедилась, что эти поступки были не простым чудачеством. Нет, так батюшка предска-

зал события нашей жизни. Потому что мы с мужем разошлись, он завел себе другую семью, но... Но прошло еще несколько лет и, по батюшкиному благословению, мы вновь соединились. Две пятерки вновь превратились в десятку...

Или вот еще. Стал батюшка мне передавать поклоны каким-то странным образом: «Передайте привет старостихе!» Я думаю: что за старостиха, кличку, что ли, он мне такую придумал?

А слова его сбылись в 1989 году, когда я стала работать в храме старостой. А до этого я работала в городе, работала нормально, все меня устраивало, и я даже не помышляла о таком серьезном шаге. Теперь вот работаю казначеем — тоже, наверное, батюшкиным благословением.

Конечно, старостой работать было очень непросто. Были такие моменты, что становилось невмоготу. Тогда моя мама ехала к отцу Павлу: «Батюшка, что делать? Ведь дурит опять, опять уходить хочет!» От тех лет сохранился у меня листок, где его рукой написано: «Галя, нет моего благословения уходить из церкви». Наверное, это была уже последняя моя попытка ухода, после которой я как-то успокоилась, смирилась. А потом батюшка сам приехал к нам, и уже последние три с половиной года я старалась быть к нему как можно ближе.

Главное в батюшке была доброта. Он учил нас, чтобы мы всех любили, а в то же время — всех боялись. Всегда просил, чтобы мы все терпели. Сколько раз я слышала от него эти слова: «Все терпи, все терпи!»

Мне он говорил: «Ты ко мне должна ходить каждый день!» Но я, к сожалению, стеснялась. Сейчас понимаю, что это был ложный стыд.

Когда заболел папа, отец Павел сказал: «Готовьте, девчонки, тапки. Он скоро умрет». Так все и получилось.

Он говорил много чего. И про нас, православных людей, и про жизнь церковную. К сожалению, так все и получается, по его словам. К сожалению, потому что большого оптимизма у него не было.

В Троицком храме села Верхне-Никульского

Моя дочь вышла замуж не так, как хотел батюшка (все наше своеволие!). И он, когда узнал об этом, расстроился и сказал, что жизни не получится. Так оно и вышло.

Но Лену мою он все-таки любил. И потом, когда он уже болел, ей пришлось, как медсестре, за ним ухаживать. Конечно, делала она это с большой любовью, ходила к нему в то время почти каждый день.

В начале января батюшке стало резко хуже, поместили его в больницу, в отдельную палату. Он меня позвал и говорит: «Скоро Крещение. Как будете Крещение праздновать?» Я отвечаю: «Как обычно, батюшка. Принесу воды с родника, а Вы освятите». Он мне: «Да нет, я освящать не буду». Я говорю: «Почему же? Вас к тому времени подлечат и выпишут!» А он мне опять... Так, как будто уже давая понять, а до меня все еще ничего не доходило. Но, может, и к лучшему, что не доходило.

Сижу как-то у него возле койки, а он спрашивает: «Галя, может быть, не надо было меня в больницу-то класть?» — «Да как же не надо — ведь тут чистота, уход, тут дочка моя сестрой медицинской!»

Потом перевели его в реанимацию (до этого он лежал в хирургии). В его палате было такое благоухание... Сестры,

молодые девочки, приходили даже специально в палату понюхать этот воздух.

В ночь, когда батюшка умер, я была дома, осталась с внучкой, так как дочь была как раз на дежурстве. Когда я узнала о его смерти — сразу туда побежала. Меня пропустили, и я какое-то время пробыла у батюшки в палате. Он лежал такой светлый, мягкий, и руки у него были мягкие и теплые, и он улыбался. Улыбался, потому что был доволен.

А после того как его похоронили, у меня отнялись ноги. Я очень переживала. И тут приехал один священник (батюшка его называл младшим братом) и говорит: «Пойдем на кладбище!» Отвечаю: «Батюшка, я бы с удовольствием, да мне не дойти». — «А мы как-нибудь, потихоньку». Я пошла, дошла до кладбища — и стала ходить.

И все время приходила в сторожку, в его комнату. А потом мы в этой комнате сидели вдвоем со старостой храма, это было наше рабочее место. Теперь я и вовсе тут одна осталась, по милости Божией, не знаю, надолго ли.

Батюшка принимал очень много народа. Но удивительно, что с каждым он разговаривал на его языке. Приезжает директор завода — батюшка с ним производственные вопросы обсуждает. Приезжает прокурор из Питера — и батюшка вроде бы уже юрист. Но, конечно, главный его совет был творить добро. Всех любить, но и всех бояться. То есть осторожно относиться к любому человеку, мирянин он или священник, не торопиться сразу открывать душу.

Что касается нашей семьи — мы жили совершенно под его руководством. И когда батюшка умер, знакомые меня спрашивали: «Кому тебя твой духовный отец передал?» А я отвечаю: «Никому он меня не передал». Но я думаю, что он меня никогда не оставит.

Как-то случилось, что у дочки моей открылась язва на нервной почве. И она у меня все время просила купить минеральной воды. А с финансами у нас постоянно проблемы. И я все никак не могла ей воды купить. А тут пошли мы с ней на кладбище на могилку к батюшке. А там, на могилке, постоянно кто-то что-то оставляет — то цветочки, то конфетки. И

вдруг дочь мне кричит: «Мама, да там же минеральная вода!» И правда — лежит возле могилки бутылка воды, чуть снежком припорошило. Очень ей эта вода помогла.

А был еще такой случай. Родительская суббота, утро. Открываю кошелек, всех денег — на буханку ржаного и на белый батон. А муж у меня ржаного не признает, ему только белый хлеб подавай. Ладно, думаю, батон я все-таки на канун положу (Родительская суббота, как-никак!), а потом, может быть, перехвачу у кого-нибудь.

Заканчивается панихида, идет Толя, алтарник. И несет прямо мне две большие белые булки. Они еще теплые были. Оказывается, он только приехал, зашел в храм, а батюшка ему: «Скорей, отнеси эти булки Гале, скорей, скорей найди ее!» Я как услышала — так и залилась слезами.

А еще был случай, когда я сильно заболела. Так заболела, что надо было операцию делать. Батюшка меня на операцию благословил. И вот после операции, немножко оклемавшись, потихонечку к нему прихожу. А он мне говорит: «Галька, у тебя ведь ракушка была. Вымолили тебя!» А перед операцией мне специально на станции переливания крови заказывали кровь, — я ее очень много должна была потерять. И вот после операции подходит ко мне врач и говорит: «Вам

ничего не понадобилось. Можно, мы эту кровь кому-то дру
гому вольем, используем ваше богатство?» — «Конечно, по
жалуйста!»

У меня вот зрение плохое. Сейчас я уже на инвалидности
хоть из храма уходить не собираюсь. А раньше было так: уста

ну сильно от работы и думаю: «Получу инвалидность — и уйду из храма!» Приду к батюшке, докладываю: «Батюшка, врач меня на ВТЭК посылает». — «Давай, давай, собирай документы!»

Соберу все документы, иду на комиссию. Пока в очереди сижу, поговорю с другими, сравню их здоровье с моим, ну, по моим данным уж точно вторая группа. А мне — никакой! Прихожу к нему, рассказываю. А он мне: «А я ведь так и знал!» И уж потом до меня дошло, что инвалидность мне не давали именно из-за этих помыслов — из храма уйти. Но пока до всего-то дойдешь своим умом.

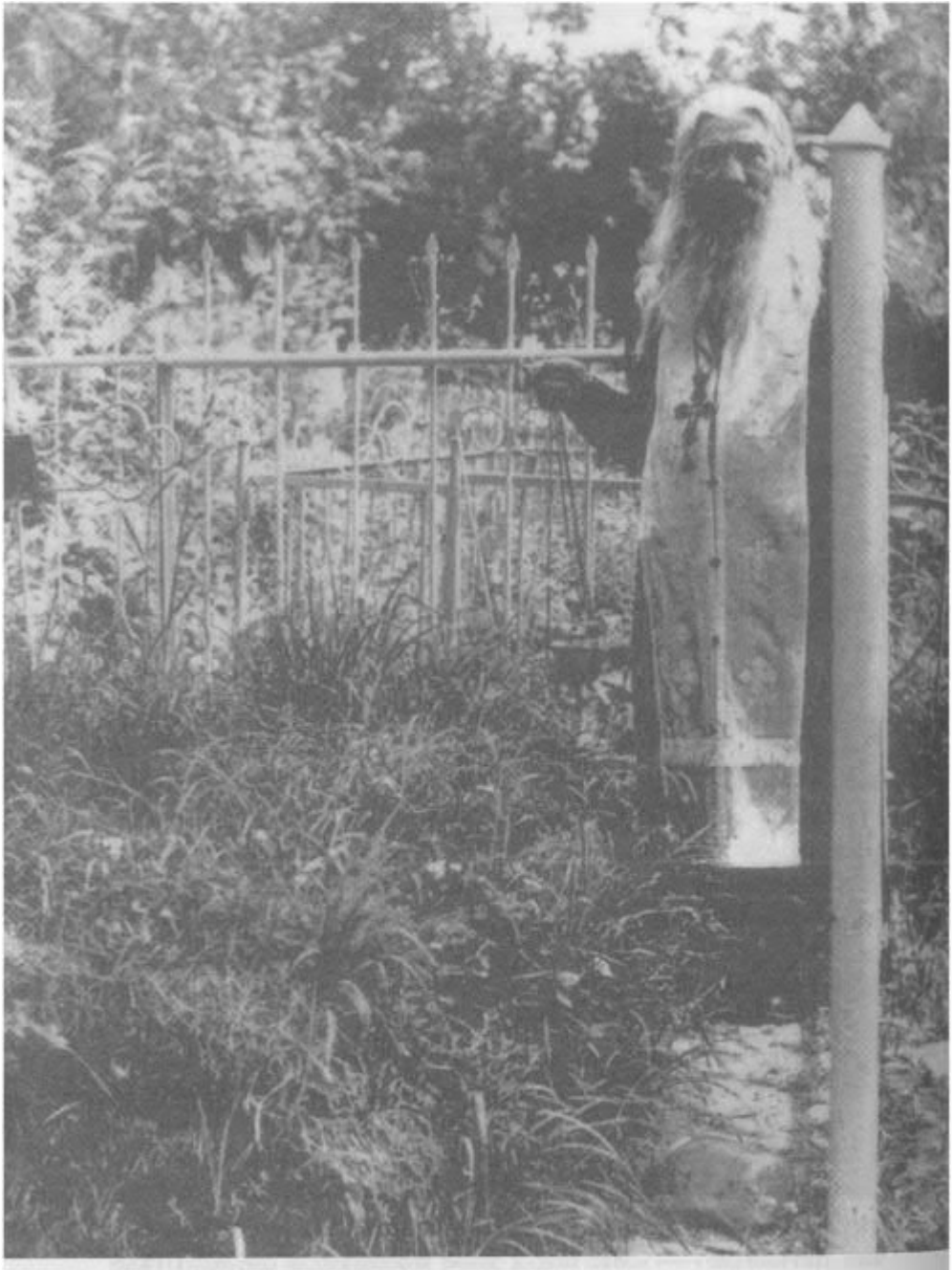
Вообще он очень строго следил, как люди к своим обязанностям относятся. Вот я была старостой. «Батюшка, мне бы в отпуск...» — «Что? Какой еще отпуск? Я всю жизнь без отпусков проработал, а тебе — в отпуск?» Или идет в храме уборка территории, а я приболела. «Почему не работаешь?» — «Нездоровится!» — «А ну-ка, бери грабли — и вперед! Работать, работать, работать». Иногда скажет: «Праздники — для лентяев. Помолился? Иди, работай! Что потопаешь, то и полопаешь». И всегда говорил: «Бабы, сажайте картошку!»

Ни одного слова он не говорил впустую, просто так. Даже если при тебе кому-то что-то говорит — ты прикинь, не для тебя ли он это, не про тебя ли? И всех он видел насквозь. Кому-то скажет: «Танька, Мишка». А кому-то: «Ваше преподобие». А человек действительно любит, чтобы его так величали.

Иногда батюшка мог даже на кого-то что-то сказать, как бы обличить за глаза. А человек сидит рядом с ним — и понимает, что это про него сказано.

Незадолго до батюшкиной смерти к нему приезжал знакомый священник. И батюшка ему сказал: «Вот сегодня четверг, а в субботу меня уже не будет». И священник этот после батюшки сразу поехал к Любушке, была такая старица из Сусаника. Приехали, а Любушка сразу спрашивает: «Как там батюшка?» — «Мы вот к тебе поехали, а он лег отдыхать, уснул». А она: «Все, теперь пусть спит, ему не надо мешать».

Люди духовные все видят и понимают...

Это я у бабки Ени на могилке

Николай Борисов, житель села Верхне-Никульского

Моя первая сознательная встреча с батюшкой Павлом произошла, когда мне было, наверное, лет пять. Изредка батюшка заходил в магазин и покупал там детские игрушки или конфеты. И вот как-то мы с ним в магазине и встретились. Заметил он меня, мальчонку, спрашивает: «А ты чей будешь, парнёк?» — «Борисов Колька», — отвечаю я ему. «О, Колька? А живешь-то как?» — «Хорошо!» — отвечаю.

Тогда он говорит мне: «Держи!» И сует мне горсть конфет за пазуху: помню, в основном это были шоколадные конфеты «Мишка». Потом достал еще каких-то фруктов, протянул мне: «На, ешь, пока рот свеж!» Прибаутки всякие он любил.

Батюшка венчал моих родителей, а потом и меня крестил. Отец мой был родом из Кашина, мама — из Покрова-Сити. В Верхне-Никульском они были прихожанами Троицкого храма и отца Павла. А еще раньше прихожанином Троицкой церкви был мой дед.

Мои более-менее зрелые отношения с батюшкой начались так. Когда я учился в школе, мы жили в деревне Переслегино, неподалеку от поселка Борок, где располагался Академический городок. Времена были советские, строгие — пионерия, комсомол, — за идеологией присматривали. Поэтому в храм я захаживал не очень часто. Но класса с девятого я начал ходить к батюшке уже регулярно. Мне нравилось бывать у него, помогать, чем смогу, — воды принести, переставить что-то, дрова поколоть. Ведь он всегда был очень занят, а людей рядом почти не было.

Помню, как-то раз пришел к нему зимой, зашел в церковь, а он сидит на лавке у печки. И такой хмурый сидит, даже угрюмый, хотя всегда общительный был и веселый.

Вошел я, перекрестился, подхожу к нему: «Отец Павел, благословите!» — «Ладно, Колька, давай краба!» Я спрашиваю: «А что это Вы, батюшка, такой невеселый?» — «Да вот, дров понавезли, а колоть некому», — отвечает он. «Да будет Вам, батюшка, расстраиваться! Я завтра после школы приду и все переколю!» — «А точно ли?» — с улыбкой спрашивает он. — «Да точно, точно!»

На следующий день сразу после школы я — в храм. Не помню, все ли переколол, но помню, что много. Но этот случай мне запомнился, наверное, потому, что таким невеселым его почти нельзя было увидеть. Потому что был он живым и общительным человеком.

Батюшка был настоящим кладезем знаний: церковная история, прошлая монастырская жизнь, богослужение, церковный устав... В семидесятые годы ничего этого узнать было нельзя, а меня такие вопросы, конечно, интересовали. И вот я приходил к нему, и он мне рассказывал все, что знал.

Зимой, конечно, мы заходили к нему в избушку, а летом сядем прямо на лавочке во дворе — я спрашиваю, он отвечает. Но, прежде чем рассказывать, батюшка соберет всех грачей, которые жили под куполами. Скажет им: «Гра́чи, гра́чи!» — и они словно куры к нему слетаются. Сядут вокруг него, он говорит, а они вроде как слушают. И даже не галдят. Так и сидим — батюшка, грачи и я с ними...

Мне очень запомнился батюшкин рассказ о приезде владыки Тихона (Белавина) к ним в Мологский Кирилло-Афанасьевский монастырь.

Павлуше Груздеву было в ту пору лет семь. Он запомнил, как держал архиепископский посох в своих руках, как парился с будущим Патриархом в баньке и тер ему спину, а владыка Тихон тер спину ему, Павлуше Груздеву. Батюшка рассказывал: «Как-то топят баньку, а игуменья и зовет: “Павёлко! Со владыкой помойся, в баньке-то!” Он мне спину мыл, и я ему!» Из рук святого маленький Павел получил тогда

четки, скуфейку и подрясник — Господь призывал его на служение.

Батюшка говорил, что это была вторая его встреча с Патриархом, а первый раз он его видел в 1913 году, когда архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон посетил Мологу. В этом году отмечали 300-летие Дома Романовых, и батюшка помнит, как владыка Тихон благословлял всех насельников Афанасьевского монастыря памятными монетами и маленькими медалями, выпущенными по случаю славного юбилея.

Рассказывал мне батюшка про колокола. Помню, по словам отца Павла, самым звонким был колокол в селе Веретея. Весом он был около 350 пудов, и звон его был слышен на всю Мологскую округу.

Вспоминал батюшка Югскую Дорофееву пустынь[1], ее последнего настоятеля архимандрита Иеронима, чья фотография хранилась у отца Павла. Когда Югскую обитель закрыли, отца Иеронима арестовали, и он погиб где-то в лагерях...

Рассказывал батюшка, как Мологский Кирилло-Афанасьевский монастырь на некоторое время был занят обновленцами. Местным жителям негде было даже помолиться, приходилось ходить за несколько верст в соседнее село.

Очень часто вспоминал батюшка гонения и тюрьму — особенно часто в последние годы своей жизни в Верхне-Никульском. Если припомнить, то каждый разговор, так или иначе, приводил к этой теме — ссылка, лагерь, тюрьма... Батюшка вспоминал об этих годах без обиды, без злобы, никогда ни на что не роптал. Об одном, правда, сожалел: «Зубов жалко, Колька. Выбил мне их все следователь Спасский, кроме одного. "Ты, говорит, Груздев, если не подохнешь здесь, в тюрьме, то потом мою фамилию со страхом вспоминать бу-

[1] Югская Дорофеева пустынь находилась в 17 верстах от г. Рыбинска при слиянии рек Белого Юга и Черного Юга. Основана в 1615 г. старцем Дорофеем, подвижником Псково-Печерского монастыря. На месте предполагаемого монастыря он поставил на дереве принесенную с собой икону Божией Матери Одигитрии. Затем эта икона стала называться Югской и прославилась многочисленными чудесами. В соборном Троицком храме почивал прах основателя монастыря. В начале XX в. Дорофеева пустынь принадлежала к числу самых богатых и благоустроенных обителей в Ярославской губернии. При обители содержалась школа и больница, которая обслуживала 5 тысяч человек ежегодно. Пустынь ликвидирована в годы советской власти.

дешь. Хорошо ее запомнишь! Спасский моя фамилия, следователь Спасский!" Прозорливый был, зараза! Страха, правда, не имею, но фамилию его не забыл, до смерти помнить буду. Ведь все зубы повыбил, вот только один на развод оставил. Сделали мне "копыта" (протезы, значит), валяются где-то в коробке, а носить их не могу. Уж лучше совсем без зубов!» И все равно в конце скажет: «Тюрьме спасибо за все!» Я все недоумевал: за что тюрьму можно благодарить? А батюшка благодарил...

Многие замечали в батюшке дар прозорливого участия к каждой человеческой душе. Но он этот дар скрывал ото всех, не давая явно его почувствовать. Однако, были такие случаи, когда дар этот становился виден всем нам.

Однажды подходит к батюшке в церкви женщина и говорит: «Отец Павел! Дочка зовет к себе, хочет, чтобы я дом продала и жить к ней переехала. Благословите?» Он на нее так строго поглядел и отвечает: «Полно тебе, дура! Сиди, лягушка, в луже, а то будет хуже!» И не благословил ее. Но женщина эта батюшку не послушала, поступила по-своему, уехала к дочери. Сначала вроде каким-то рукоделием там занялась, а потом стали ее заставлять ходить и милостыню просить. Стыдно ей это стало, вернулась назад в Никульское, приходит в церковь: «Батюшка! Не послушалась я Вас, уехала к дочке, а теперь вот не нужна ей стала. Простите меня за своеволие!» — «А я что тебе про лягушку в луже говорил?» — отвечает он. Заплакала она. Тогда он взял ее за голову, прижал к себе, спрашивает: «Дом-то хоть не продала?» — «Да нет...» — «Вот и живи потихоньку, с Божией помощью и сама перебьешься».

А часто случается такое: идет Причастие. Один человек к Чаше подходит, другой, третий... И вдруг отец Павел обращается к кому-то: «А ты куда, милый человек?» (А был он в это время уже почти совсем слепым.) Тот ему отвечает: «Все идут — ну, и я иду!» — «А ты к Причастию готовился? Исповедовался?» — «Да нет...» — «Стало быть, тебе не положено. Отойди пока в сторонку, да подожди». Но как он чувствовал такого человека, будучи практически слепым, — для меня загадка...

Иногда батюшка приходил попариться в баньку к нам на водоканал. Моется, моется, а потом вдруг говорит мне: «Кука! А ну, потри-ка спину, я тебе рупь дам!» То ли присказка у него насчет рубля была, то ли в сребролюбии меня обличал, — честно говоря, не знаю.

У батюшки было великое множество друзей, людей самых разных. Очень яркой фигурой среди них был Сергей Иванович Кузнецов, член-корреспондент Академии Наук СССР, ближайший друг и единомышленник отца Павла. Он умер в 1985 году, дожив, кажется, до 85 лет.

Сергей Иванович был глубоко верующим, православным человеком, в церковь к батюшке приезжал регулярно. Родом он был с Ярославщины, из Ростова Великого. Боюсь ошибиться, но отец Павел говорил, что с кем-то из родственников Сергея Ивановича он отбывал свой срок в лагерях. По слухам, в свое время Кузнецов даже отказался от звания академика, поскольку взамен от него требовали перестать ходить в церковь и исповедовать свою веру. Сергея Ивановича батюшка очень уважал.

Дружил батюшка с академиком Фортунатовым, с Василием Ивановичем Романенко — все это люди из Борка, из Академгородка. Очень близок был отец Павел с Анатолием Карповичем Мусихиным, который лечил батюшку в клинике в Борке, делал ему операцию.

Отец Павел благословлял меня на армейскую службу, специально исповедовал перед армией. Конечно, из армии я ему письма писал. Он просил у меня прощенья, что редко отвечал, — к тому времени он уже вовсе ничего не видел.

Как-то пришел к нему, а он велит Марье сундук открывать, доставать теплое нижнее белье для меня. Я отказывался, но он заставил взять: «Это тебе от меня на память».

Часто батюшка дарил мне духовные книги, которые, конечно, всегда были полезны. Но давал читать и газеты. Газет он читал много, внимательно, за событиями следил.

...Пришло время, и вдруг мы узнали, что батюшка собирается уезжать из Верхне-Никульского. Он, правда, и раньше говорил, что стал старым, что служить ему трудно и что мы

Блаженная Евгения («бабка Еня»)

должны искать себе другого священника. Но мы, признаться, его слова всерьез не воспринимали — как это батюшка и может не служить? Мы даже не придавали значения тому, что батюшке уже 82 года, и здоровье его сильно ослабело.

Как вдруг батюшка объявляет нам всем: «На праздник иконы Божией Матери "Достойно есть" (а это 24 июня, у нас храмовый праздник) я служу здесь последнюю службу».

И точно: сразу после праздника приехала машина, погрузили батюшкины вещи — и он уехал...

Конечно, без него село осиротело. Служить приезжали разные священники, но постоянный (новый настоятель) появился только год спустя, в 1993 году.

На чердаке в сторожке оставались батюшкины книги, подшивки газет, старые фотографии, даже кое-какие личные вещи. Какую-то часть этого мы сохранили, а остальное со временем пропало.

Батюшка очень любил читать. У него было большое увеличительное стекло, и вот он, уже почти слепой, при помощи этого стекла читал акафисты самым разным святым. Акафистов у него много было, даже переписанных от руки.

В 1988 году открылся вновь Толгский монастырь, но уже не как мужской, а как женский. И вот собрался батюшка как-то в Толгу, послужить. Я тоже желание выразил. Он гово-

рит: «У меня в машине места заняты». Я ему: «Могу и поездом добраться, только благословите!»

Приехал я в Толгу. Ночь отдежурил в гараже (такое было послушание), утром выхожу — рядом часовня. А в часовне батюшка панихиду служит. Закончил, я подхожу: «Благословите!» — «Колька, ты?» — «Я, батюшка!» — «А ну-ка, иди сюда! Вот тебе яблоко!» — и яблоко мне в руку дает. Потом обращается к какой-то женщине: «Девка! Ты бы накормила вот его!» А женщина попалась не монахиня и даже не послушница, а просто паломница. Она растерялась: «Батюшка, да у меня и денег-то нет. Вот, только два рубля!..» И сует мне в руку. И я тоже растерялся, взял. А куда их деть потом? Пошел, в ящик опустил на общую свечу...

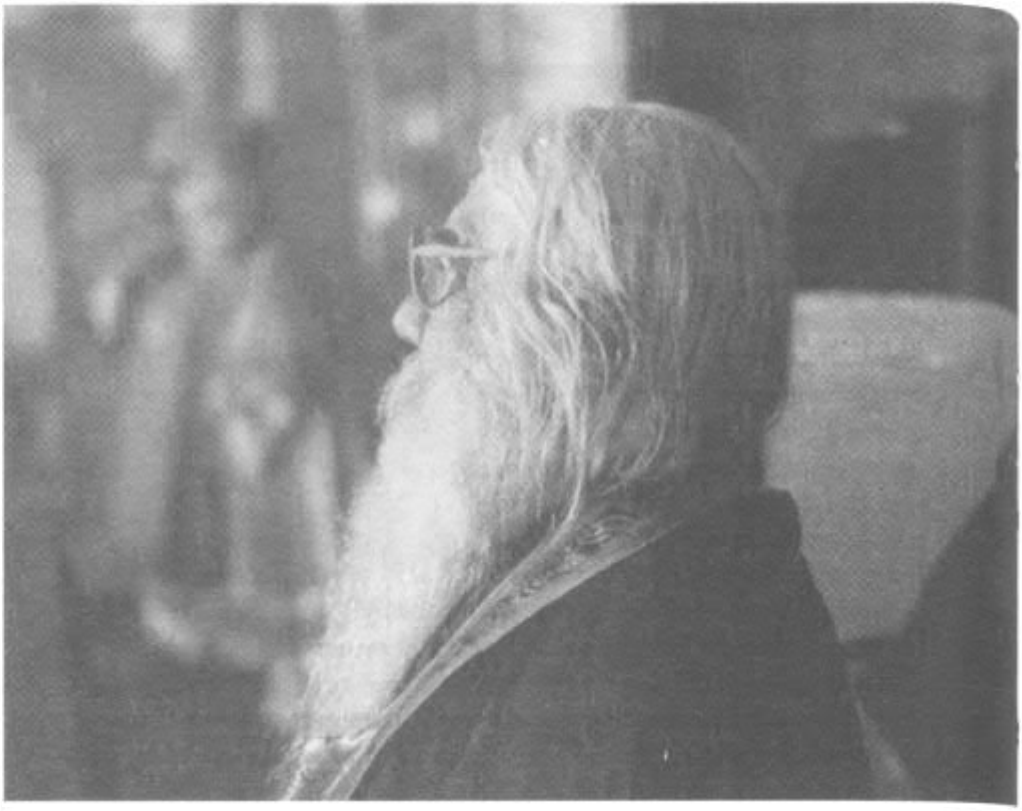
На службе отцу Павлу помогал Анатолий, он приезжал к нам из Ярославля. Но вот как-то на Пасху батюшка подходит ко мне и говорит: «Понесешь Плащаницу!» Я растерялся — как ее нести, с какой стороны брать? «Да не один понесешь, — успокоил он. — С Толей».

И вот подходит время, отец Павел нам говорит: «Пора, поднимайте!» А тем временем к Плащанице наша староста подошла и так встала, что нам никак Плащаницу не взять. Тогда батюшка ее за рукав: «Отойди!» И ведь слепой был, а что касалось службы — как будто насквозь все видел!

Живя в Тутаеве последние годы, он часто спрашивал, как там у нас, в Верхне-Никульском. Скажешь, что все нормально, служба идет. А он на это: «Хорошо, хорошо... Да гляди там, Кука, не забывай на могилки к Манефе да Евгении[1] ходить!»

На Троицу хотел приехать. Очень хотел побывать еще в Верхне-Никульском. Но уже не смог...

[1] Манефа — рясофорная монахиня Мологского Кирилло-Афанасьевского монастыря, была конюхом в обители. Евгения — «бабка Еня», бывшая келейница отца Павла. Обе похоронены на кладбище в Верхне-Никульском.

В алтаре Димитриевского собора Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря, г. Ростов-Великий. 4 октября 1992 г.

Вера Ивановна Вахрина,
научный сотрудник
музея-заповедника
«Ростовский кремль»

Близко и как-то особенно знакома с отцом Павлом я не была, но встречи, которые у нас были, конечно, не забудутся.

Спасо-Яковлевский монастырь передали Церкви, и года с 1991–92 начал приезжать в него отец Павел. Очень быстро слава о нем как о старце разнеслась среди народа, и, когда он приезжал, все сразу старались прийти в Яковлевскую обитель на службу.

Служил он удивительно. Сослужа отцу Евстафию, он все-таки находился как бы в каком-то духовном центре богослужения. Настолько всякий возглас его был громким, внятным и одновременно – простым и доходчивым.

Проповеди его не походили на проповеди в обычном смысле этого слова. Он просто разговаривал с людьми. «Ой, дорогие мои и любимые, как же я вас всех люблю!» И начинал рассказывать, как в детстве ходил с братьями и сестрами в Ростов за луком и морковкой, каким тогда был Ростов, каким был Яковлевский монастырь, какими были службы. И для людей, после десятилетий атеизма только-только потянувшихся к храмам, это было откровение. Живая связь эпох и времен.

Кончалась служба, его вели из храма в корпус настоятеля, и тут народ окружал его, и каждый старался взять благословение. Но не просто благословение, а еще и какие-то свои проблемы решить. Люди спрашивали его о самом сокровенном, самом тайном. Окружающие, конечно, старались не слушать, но батюшка всегда отвечал громко, как бы не обращая ни на кого внимания. Подходит к нему женщина, что-то тихонечко шепчет на ухо, а он ей во всеуслышание: «Не бы-

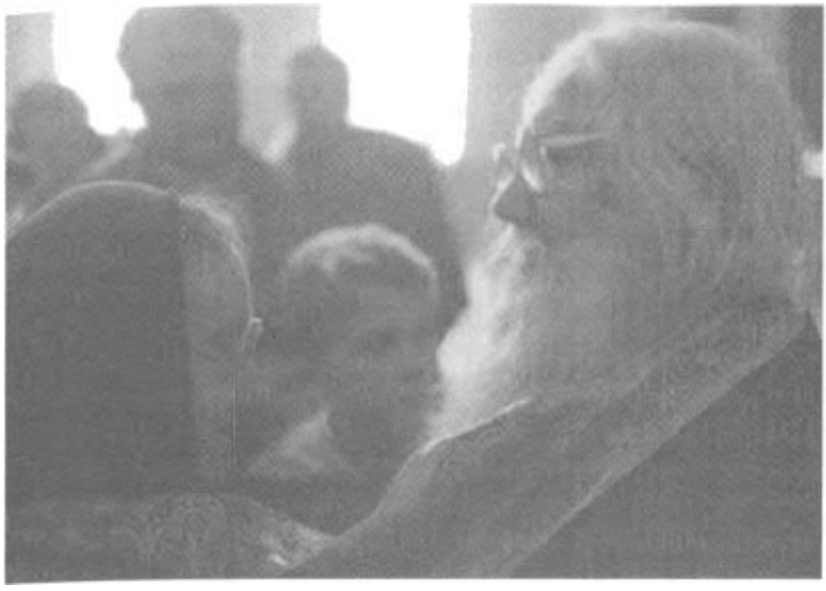
Спасо-Яковлевский Димитриевский монастырь

ла ты замужем и не будешь! Не будешь ты замужем, и больше не спрашивай меня ни о чем!» Она отходит, но уже подходит с вопросом другой, третий...

Помню, подходит какой-то мужчина, подает отцу Павлу бумажку и спрашивает: «Батюшка! Что мне с этой бумажкой делать? Вот такими бумажками весь Ярославль оклеен, весь Ростов!» Батюшка отвечает: «Что ты мне даешь, я ведь ничего не вижу, о чем там хоть написано-то?» — «Да тут всякие секты к себе приглашают!» — «А, секты... А тебя как зовут?» — «Михаил». — «Так вот, Мишка, как будет у тебя понос, так ты этими бумажками и воспользуйся!» Конечно, все смеются, а спрашивающий несколько смущен. С другой стороны, и так ведь верующему человеку ясно, что с этими бумажками надо делать, — зачем с такими вопросами к старцу идти?

Я в такие моменты всегда где-то рядом крутилась, но боялась подойти. Боялась именно его прозорливости. А вдруг возьмет и скажет, например, что я завтра умру?

Но однажды все же осмелилась и подошла. А он сразу: «Верка, а ты чем занимаешься?» — «В музее, — говорю, — ра-

В Спасо-Яковлевском Димитриевском монастыре. 4 октября 1992 года

ботаю, иконы изучаю». — «А, иконы? Ты вот что, ты не вздумай из музея уходить!» Как это уходить? Да у меня и в мыслях-то никогда такого не было, о чем это он? А отец Павел продолжает: «Ты иконы храни, слышишь? Ты храни иконы!» Кто-то его о чем-то спрашивает, он отвечает, а потом вдруг опять поворачивается ко мне: «Верка! Ты храни там иконы!»

Мне все это показалось странным и даже не очень понятным. Тридцать лет почти я в музее проработала и не собиралась из него уходить. Но прошло некоторое время, и я вспомнила слова батюшки. Обстоятельства сложились так, что я действительно захотела уйти из музея. Просто надо было уходить! И вот тут-то я опять услышала его голос, который кричал мне через толпу...

Еще одна встреча. Я тогда была старостой в Успенском соборе Ростова Великого. Год был 1992-й, день — память преподобного Авраамия[1]. Закончилась служба, закончилась

[1] 29 октября (11 ноября) — день обретения в 1210 г. св. мощей прп. Авраамия, архим. Ростовского (1073—1077).

Успенский собор г. Ростова Великого

трапеза. Все разошлись уже почему-то, в трапезной была я одна. И тут входит отец Евстафий: «Вера Ивановна, мы приехали с отцом Павлом, покажите нам Успенский собор». А собор был весь раскопан, невозможно пройти, чтобы не провалиться. Я говорю: «Отец Евстафий, как же мы его поведем?» — «Отец Павел хочет подойти к мощам святителя Леонтия». Ну что ж, повели... Я иду впереди, отец Евстафий

батюшку под руки держит. Страшно представить, что будет, если кто-то хоть чуть-чуть оступится.

Через весь собор прошли по досочкам, спустились вниз. А батюшка идет и кричит: «Леонтий! Леонтий! Идем к тебе, Леонтий!»

Подошли к мощам, спустились. «Где он? Где?» Отец Евстафий показывает, где. Тогда батюшка: «Евстафий! Снимай поручи, снимай епитрахиль! Снял? Клади на мощи!»

И вот они начинают петь молебен святителю. А потом вдруг отец Павел как заплачет... Поет и плачет. И причитает: «Леонтьюшка, прости нас! Что мы натворили, что мы наделали! Ты же все видишь... Так прости ты нас, прости!» И так в течение всего молебна. При этом он кланяется, буквально бьется головой о место захоронения. И все это так искренне, что плачем мы все. Просто рыдаем — настолько много в его словах простоты, ясности и истинного покаяния.

Наплакались, приложились к гробнице, вышли по досочкам из собора. Батюшка командует: «А теперь, Евстафий, веди меня к Авраамию![1]» Едем по городу, он мне говорит: «А ты рассказывай, где мы едем, да что по сторонам!» Я рассказываю, что с одной стороны, что с другой.

Приехали, выходим из машины, подходим к храму. Постояли, помолились. Опять едем по Ростову. Я опять рассказываю, отвечаю на батюшкины вопросы. А его буквально все интересует, каждая мелочь, хотя при этом он ничего не видит. Но время от времени он еще поворачивается к отцу Евстафию и говорит: «Евстафий, смотри, Верку не обижай!» «Да кто же ее собирается обижать?» — «Вот я тебе и говорю: не обижай...»

Где бы батюшка ни находился — в храме, в доме, в машине — он всегда заполнял собой все пространство. Наверное, потому, что был по-настоящему духовным человеком...

[1] Св. мощи прп. Авраамия Ростовского с 1991 г. находятся в Спасо-Яковлевском Димитриевом монастыре. Они почивают открыто, в раке, в Яковлевском храме — зимой и в Димитриевском храме — летом.

В сторожке Воскресенского собора г. Тутаева. Справа — Геннадий Энгстрем

Геннадий Игоревич Энгстрем, кинооператор

Впервые я увидел отца Павла 16 ноября 1990 года, в Леонтиевской церкви[1] города Тутаева, куда он приехал из Верхне-Никульского. К его приезду в храме собрались его давние почитатели, земляки, духовные чада. Люди приехали не только с Ярославской земли. Были гости из Москвы и Сергиева Посада. Были среди прихожан и те, кто знал батюшку еще до ареста, в далекие сороковые годы, когда он в этом храме читал Апостол, пел на клиросе в церковном хоре и пономарил, облеченный доверием замечательных православных пастырей: игумена Викентия, иеромонаха Николая (Воропанова), невинно замученных в лагерях.

В тот вечер, казалось, церковь ликовала, наполненная множеством духовных чад архимандрита Павла. Все с волнением ожидали появления старца. Как-то неожиданно и очень живо батюшка появился в Леонтиевском храме. Люди расступились, и образовался ручеек, текущий от дверей к алтарю.

Мое внимание привлекла черная скуфейка на белой седовласой голове старца и его зычный голос. Слова, сказанные им, слышались ясно и отчетливо. Лишь потом внимание

[1] Название Леонтиевской церкви прочно закрепилось за тутаевским храмом в честь Вознесения Господня, который находится на южной окраине города в центре большой площади. Когда-то здесь, на посаде, ближе к Волге, стоял деревянный храм Леонтия Ростовского. В верхнем (летнем) храме Вознесенской церкви (строящейся стараниями романовских купцов с 1795 г.) в 1880 г. был освящен придел во имя святителя Леонтия Ростовского и преподобного Сергия Радонежского. Уцелевшая в безбожной буре 1930-х годов церковь была закрыта в хрущевскую кампанию в 1960 г. В 1989 г. храм был возвращен общине и по благословению отца Павла с Божией помощью был отремонтирован.

привлекли посох (сучковатая, до глянца отполированная палка) и его руки, благословляющие склонявших перед ним головы людей. Каким-то образом я оказался с ним рядом и увидел его глаза, во много раз увеличенные толстыми линзами очков. Они уже тогда плохо служили батюшке ориентиром в предметном земном пространстве, но лишь спокойно и мудро смотрели на окружающих.

Сопровождаемый своими близкими людьми, старец медленно двигался к алтарю. В момент самого тесного приближения к отцу Павлу я неожиданно ощутил, как от него нежно и вкусно дохнуло как будто ладаном. Такой запах издают очень древние иконы в наших православных храмах. Потом его провели в алтарь, где батюшка облачился.

«Родные мои земляки! — обратился через несколько минут с амвона к собравшимся в храме отец Павел. — Очень радуюсь я, что дожил до того дня, когда Господь сподобил меня, грешного и недостойного архимандрита, с вами помолиться за всех живых и уже отошедших к Богу родных и близких. Помянуть служивших в этом храме: игумена Викентия, иеромонаха Николая (Воропанова), архиепископа Варлаама и епископа Серапиона, архимандрита Серафима и многих, многих других, невинно и мученически пострадавших. Родные мои, помолимся!»

Так началась служба в тот вечер, так произошла моя первая встреча со старцем.

...Вечерело. Постепенно гасло небо за окнами Леонтиевской церкви, белый снег становился синим. А на гладкой, чистой поверхности оконных стекол можно было рассмотреть, как в зеркале, колеблемые воздухом огоньки множества свечей. Вечернее богослужение в Леонтиевском храме подходило к концу, за окнами стемнело.

Никогда прежде не приходилось мне испытать столь сладостного чувства от посещения церкви, как в тот вечер, когда службу совершал отец Павел. После того как она завершилась и все вышли из храма, друзья и близкие отца Павла собрались в старом родительском доме на улице Крупской, 69. В том самом доме, который был перевезен сюда из Мологи.

Хозяином был в нем теперь (и жил со своей семьей) младший брат отца Павла, Александр Александрович Груздев[1], или Шурка, как его ласково называл отец архимандрит.

В черном подряснике и крестом на груди сидел батюшка во главе стола под иконами. Когда меня пригласили в тот вечер к столу и я вошел со двора в комнату, отец Павел о чем-то беседовал с приехавшими к нему монахами. О жизни монашеской на ту пору знал я мало, можно сказать, вовсе ничего не знал, потому, войдя в комнату, поклонился и попросил благословения сесть. Стол был накрыт разнообразно и щедро.

— Генка! — неожиданно прервал беседу и обратился ко мне батюшка. — Человек ты хороший, а что баб любил — про то, родной, забудь! А теперь садись с нами за стол, поешь. Ведь проголодался.

Знать меня батюшка не знал, слышать обо мне не слышал, а самое сокровенное, чего обо мне никто не ведал, — знает! Господи...

Всем сидевшим за столом благословили по рюмочке — кто выпил, а кто только пригубил. Отец Павел неожиданно повернулся ко мне и произнес:

— Родился я, Геночка, в городе Мологе в 1910 году. Рядом была деревня Большой Борок. Родители мои крестьяне Александр Иванович и Александра Николаевна Груздевы. Еще мальчишкой жил я послушником в Мологском монастыре, основанном в честь Афанасия и Кирилла, архиепископов Александрийских, и Тихвинской иконы Божией Матери. Когда монастырь закрыли, уехал я в Новгород, в монастырь преподобного Варлаама Хутынского. Потом оттуда всех нас выгнали, меня в тюрьму посадили, и сидел одиннадцать годов. Вот так и живу, хлеб-воду жую. Ты монахов не оставляй, — предупредил меня батюшка, — тебя монахи плохому не научат...

Весь вечер потом ловил я себя на мысли, что не могу ясно и отчетливо улавливать всех сказанных батюшкой слов. Потому часто терял нить его рассказа. Его слова словно прята-

[1] Умер в 2001 г.

лись от меня за неожиданным поворотом его речи, особым, только ему свойственным построением предложений.

Вначале я пытался списать это на его преклонный возраст и связанные с тем незначительные речевые дефекты. Но неожиданно понял: виной тому был, прежде всего, мой суетный слух! Настроенный, словно радиоприемник, на другую волну, другие слова и мысли. В речевом лексиконе старца не имелось слов: «так сказать», «это», «понимаете»; не было никаких слов-паразитов. Сказанное им слово несло максимальное знание о предмете, сразу характеризовало его особенности. Всей речи отца Павла свойственны были простота и ясность. Именно то, чего так не хватает современному языку.

Далеко перевалило за полночь, прежде чем в доме Груздевых погасили свет и улеглись спать. Старый будильник на подоконнике спорил с вечностью и отсчитывал время, за окном высоко в небе, словно брошенный метателем диск, неслась луна над облаками. А дом Груздевых, ставший в ту ночь всем нам приютом, спокойно плыл в этом подлунном мире, как частичка времени в бескрайнем океане вечности.

В ту ночь дом Груздевых показался мне спасительным ковчегом, в нем царили мир и покой, а главное — до того мне совсем не знакомая защищенность.

Лежа на полу, я вспоминал вечер, рассказы отца Павла...

Жизнь в монастыре, детство и юность, проведенные в нем, оставили в душе батюшки самые теплые и нежные воспоминания до последних дней жизни.

«Пасу ли скот, занят ли работой на монастырской молочной ферме, или еще где нахожусь при деле, хоть и в конюшне, — рассказывал старец, — книги всегда при мне. То ли это Святое Писание: Евангелие, Псалтирь, то ли Жития Святых, а только выпадет свободная минутка, достаю из-за пазухи, а если в поле, то из котомки с хлебом — и читаю!»

Учился он в монастырской церковноприходской школе. Одноэтажная, деревянная, с печами для отопления. Стены ее были выкрашены масляной краской в сиреневый цвет, оконные рамы и ставни на них — в васильковый. Восточные

углы в классных комнатах украшены были иконами, перед которыми горели изумительной красоты лампады.

Церковноприходскую школу при женском Афанасиевском монастыре закрыли сразу же после выхода Указа об отделении Церкви от государства. Всего-то полторы зимы успел отзаниматься в школе Павел Груздев, но свою любовь и стремление к знаниям сохранил он на всю жизнь.

Когда в 1914 году началась Первая мировая война, отец четырехлетнего Павла, Александр Иванович, был мобилизован и в первые же месяцы отправлен на фронт, где в звании унтер-офицера командовал взводом. Служба была тяжелой, выпали на его долю и долгие месяцы окружения, и голод, и болезни. Чудом он остался жив, уповая на Бога и молитвы сестер Афанасьевской обители.

Был у Александра Груздева большой друг и приятель, его подручный — помкомвзвода. Во время одного неудачного наступления попали они в тяжелое окружение. Такое тяжелое, что варили и ели кожаные ремни. Словом, одним Господним заступлением и Его несказанной милостью остались живы. В признательность Богу и по обету, данному в то тяжкое время испытаний, подручный Александра Груздева избрал после войны иноческий путь и поступил в братию Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде, где впоследствии и был пострижен в монахи с именем Ионы.

К нему-то уже в 1929 году, после разгона Афанасьевской артели, и обратился Александр Груздев с просьбой походатайствовать перед настоятелем монастыря архимандритом Серафимом о приеме в обитель сына своего, восемнадцатилетнего Павла.

Все это рассказывал нам в тот незабываемый вечер отец Павел. Как сейчас слышу его голос: «Было у нас в монастыре пятьсот десятин земли, — речь шла о Хутынском монастыре, — было большое стадо коров. И все это обслуживали монахи. Скот пасли, землю пахали и на ней все выращивали. Словом, не только себя, а и всю округу кормили. Те годы были голодными... Потом нас, монахов-то, выгнали, монас-

тырь закрыли. Домой вернулся. Родные мои! Как же я радуюсь тому, что Леонтиевский храм открыли. Как сегодня хорошо служили и пели, слава Тебе, Господи!»

С этими словами, кажется, я и уснул.

Еще не рассвело, а дом Груздевых наполнился житейской суетой. Все собирались в церковь на Литургию. Кто-то заботливо спросил отца Павла:

— Батюшка! Может, вам чайку, кишочки-то погреть с утра?

На это он строго ответил:

— Сколько священником служу, а с каплей воды или крошкой хлеба во рту в алтарь с утра не входил. Не то чтобы Литургию служить, а и просто молиться в храме надо натощак. Никто в этом грехе небрежения вам не поможет, и я не отмолю, Господь не простит!

В церкви святого мученика епископа Ростовского Леонтия торжественно служили Литургию, после чего совершен был крестный ход, возглавляемый архимандритом Павлом. Несмотря на метель и сильный ветер, люди радостно с молитвой и песнопениями прошли вокруг храма. При этом читалось Евангелие, и все окроплялось святой водой, освящалось. Сам воздух, сыпавший снег, кажется, становились чище, звонче. Ветер уносил голоса молитв, песнопений куда-то вдаль, за Волгу. Все ликовало, радовалось. После крестного хода была трапеза, где старец с радостью принял приглашение посетить милую его сердцу обитель, женский монастырь Толгской иконы Божией Матери.

На следующий день, в субботу, при большом количестве молящихся и священства в Спасском храме Толгского монастыря отслужили Литургию. Многие в тот день причастились, а в конце батюшка обратился ко всем с проповедью. Трудно теперь воспроизвести дословно сказанное старцем, но главное запомнилось: «Монастырь ваш, родные мои сестры, знаю давно. С детства. Всегда очень любил сию древнюю обитель. Очень страдал и горевал, когда ее закрыли, да что было делать? Вот сподобил Господь меня, старика, видеть ее вновь возрождающейся вашими руками и молитвами. Помню, как возвращался из тюрьмы, как заехал на Толгу, Госпо-

ди! Вокруг разорение, заросли кустов и мерзость запустения. Стал на коленки, заплакал. Монахи! Родные мои, где вы?! А-ау! Никого нету. Отковырял окошечко, забрался в храм. Прошел к алтарю. Сюда, где стою теперь. Пропел тропарь Спасителю и Толгской Божией Матери, святителю Трифону — основателю монастыря. Слава Тебе, Господи! А теперь обитель возрождается, живет и процветает. И помогает ей в том Заступница наша Пречистая, Богородица. Слава Тебе, Господи! — батюшка перекрестился. — Помните, чтите и храните веру православную. За то Господь с вас спросит! И дай вам Бог доброго здоровья и сил в вашем труде».

Кто-то из священников взял батюшку за руку и повел в алтарь. Уже тогда он очень плохо видел, а ухудшалось зрение с каждым днем. Во второй половине дня, испросив благословения, я простился с отцом Павлом, игуменом Евстафием, тогдашним экономом Толгского монастыря, и покинул Толгу. На прощание отец Павел мне сказал: «Ты ко мне приезжай, у меня для тебя икона есть, я ее тебе благословлю!»

Весной 1991 года батюшку госпитализировали. После тяжелой операции лежал он в больнице поселка Борок, там и состоялась моя вторая встреча с ним. Была она недолгой — батюшка был очень слаб, — но памятной для меня его прозорливым предсказанием о грядущих переменах. Выказывал батюшка свою прозорливость чаще всего прикровенно, иносказательно. Лишь уже когда свершалось то или иное событие, вспоминались батюшкины слова: «Господи! Так мне же это говорил отец Павел!»

Но в тот вечер старец сказал мне прямо... Наш разговор зашел о кино. Он, казалось мне, с интересом слушал, что я ему рассказывал, но, неожиданно прервав меня, взял за руку и произнес: «В кино я не ходил, не до того мне было. Но вот еще до войны, Геночка, смотрел в кинотеатре картину. "Вася-реформатор", кажется, называлась. Так мне понравилась. Вот что тебе, Генуля, я скажу: кино — это не то, кино до времени!»

«Что значит до времени?» — думал я. Ведь тогда я и предположить не мог, что пройдет год с небольшим, и важнейшее из искусств прикажет долго жить.

Следующая моя встреча с батюшкой Павлом состоялась уже в Верхне-Никульском и была для меня не менее знаменательной, чем две предыдущие. Село Верхне-Никульское расположилось в низинке всего в километре от трассы, соединяющей станцию Шестихино с райцентром Брейтово. Десяток-полтора одноэтажных зданий, да несколько колхозных строений, ферма чуть поодаль и составляют небольшое селеньице. Украшением ей служит пятикупольная каменная церковь в честь Святой Троицы. Дорога от трассы сначала полем, а потом балкой и улицей села ведет прямо к храму.

Пустынна и безлюдна была в то субботнее утро дорога от трассы к храму. Лишь изредка лаяли дворовые псы. Беленая церковь с голубыми куполами была обнесена каменной оградой. Две одноэтажные сторожки с северной и южной стороны по углам церковного двора составляли часть ограды. Помимо центральных, кованных из железа узорчатых ворот, в ограде было еще две калитки. Одна, южная, выходила к кладбищу, а вторая, северная, на улицу. Расположены они были сразу за стенами сторожек. В одну из них, южную, я и вошел, оказавшись на территории церковного двора.

Встревоженные моим появлением грачи перелетали с одного купола на другой и неистово кричали. Их многочисленные гнезда темными шарами развешены были на ветках старых берез, возвышающихся у стен Троицкой церкви. В то утро двери храма были заперты на замок. Заперты были двери и обеих сторожек, только та, в которой обитал батюшка, заперта была изнутри. За окном ее блеснул огонек, распахнулась дверь, и на пороге появилась келейница Марья.

— Вам кого? — спросила она.

— Батюшку, отца Павла, — ответил я.

— А с чем вы и по какому вопросу?

— Мы встречались с вами в Тутаеве, ровно год назад в доме Груздевых, может, помните?

— Вас много здесь ходит, — строго заметила она, — всех не припомнишь.

— Меня батюшка благословил приехать, — объяснил я.

– Сейчас спрошу, только Вы тут, на дворе, погодите, – предупредила Марья и скрылась в глубине темного коридора.

– Кто такой? – услыхал я батюшкин голос.

– Да откуда я знаю, кто такой, тебя просит.

– А чего ему надобно? – спросил батюшка.

– Сам у него и спроси, – посоветовала Марья. Вся их беседа происходила где-то там, в глубине сторожки. – Говорит, он знает тебя, – уточнила Марья Петровна.

В глубине коридора скрипнула дверь, и мои глаза рассмотрели фигуру старца. Медленно, на ощупь, двигался он к двери, у порога которой стоял я.

При его приближении неожиданное волнение охватило меня. Казалось, я готов сбежать или, по крайней мере, провалиться на этом самом месте. Все тайное, сокровенное, долго хранившееся в недрах души, забурлило, напоминая о себе, затем как будто хлынуло из моих глаз, ушей... Стыд и растерянность – вот те чувства, которые переполняли меня. Куда девалась надежда на радость от встречи с ним?

– Слушаю Вас, – тихо и спокойно обратился он с порога.

– Благословите, – склонил я голову.

– Бог благословит.

– Я из Москвы, Геннадий, помните?

– Нет, – коротко ответил старец и спросил: – А с чем пожаловали Вы ко мне?

Как ответить на этот вопрос?

– Мы встречались с Вами, батюшка, год назад в Тутаеве. Мы к Вам с игуменом Евстафием приезжали из Толги.

– Игумен Евстафий теперь в Ростове, – заметил батюшка. – А Вас, милой человек, я не знаю и не помню. Поэтому уж извините!

– Ка-а-к? – только и вырвалось у меня. – Ведь Вы еще при встрече в Тутаеве благословили приехать к Вам сюда.

– Нет, не помню, – ответил отец Павел и, развернувшись, стал уходить в сторожку.

– Батюшка! – воскликнул я в отчаянии. Такой оставленности, брошенности и забытости в этом мире я еще до той поры не испытывал. Казалось, живой дух покинет меня сейчас,

и я замертво упаду на этом церковном дворе. Но не это убивало меня, а непризнанность и безнадежность моего положения.

— Батюшка! Тут я кое-что привез из гостинцев, — цеплялся я из последних сил за паутинку надежды.

— Нам ничего не надо от Вас, у нас все есть, — коротко и строго ответил старец.

Все! Последняя надежда рухнула. Слезы только теперь навернулись мне на глаза. Хотя душа уже давно плакала. Вот-те и встреча, думал я. Сколько раз в мечтах, фантазиях и снах представлял я ее себе. Да еще те памятные слова старца: «Геннадий! Ты ко мне приезжай, я тебе икону благословлю!»

Неожиданно во дворе появился батюшкин келейник, Анатолий. Вероятно, он еще до моего приезда покинул сторожку и ушел за водой. Теперь он стоял рядом с коромыслом на плече и полными доверху ведрами.

— Здравствуй, Анатолий! — воскликнул я, к нему обращаясь.

— Здравствуй, — приветливо улыбаясь, но все же сдержанно ответил он.

— Толька! Кто это? — неожиданно живо отреагировал на наше приветствие батюшка.

— Так Геннадий, дедко, он еще в Тутаев к Вам приезжал с игуменом Евстафием, кино он, кажется, снимает, — объяснил Анатолий.

Сначала я не придал значения слову «дедко», лишь потом понял, что так ласково домашние называли батюшку.

— Ты его хорошо знаешь?

— Как хорошо? — удивился Анатолий. — Второй раз его вижу. Но помню, Вы его приглашали.

— Поручиться можешь?

— В чем?

— Что это он?

— Он, он. Могу, — успокоил старца келейник.

Только тут я понял, что батюшка хорошо все знал и помнил, но духом своим такого, каким я приехал, сразу принять не мог. Потому почистил меня. Свидетельством тому

были слова, обращенные ко мне: «Ладно, Генка!» Потом он позвал Марью:

— Подойди, Марья!

— Чего тебе, отец Павел? — спросила, появляясь на пороге, Марья.

— Церковь-то нам с Генкой открой.

— Ключи возьму, — ответила она и снова скрылась в сторожке.

Затем батюшка, в душегрейке поверх зеленой фланелевой рубашки, в валенках и покрывавшей седую голову скуфейке, опираясь мне на руку, шагнул с крыльца и по снегу направился к храму. На правой руке у него, из-под рубахи, выглянули четки.

Но не сделал батюшка и пяти шагов к храму, как остановился. «Гра́чи! Гра́чи!» — стал звать он, и эти небольшие смоляные птицы стали слетаться к нему. Он о чем-то говорил с ними. А они садились к нему на руки, плечи, кричали что-то ему, и батюшка их слушал и что-то отвечал...

Тем временем Марья открыла храм и позвала нас. Отогнав птиц и держа меня за руку, батюшка направился к двери, и мы вошли в церковь. По пути я достал из сумки привезенную отцу Павлу книжечку с Аляски. С того самого места, где на острове Баранова находилась миссия Русской Православной Церкви, где подвизались преподобный Герман Аляскинский, апостол Америки митрополит Иннокентий. На открытках изображены были епископский дом, православный храм в честь Архангела Михаила и другие достопримечательности тех мест.

— Спасибо тебе, родной, большое за то спасибо, — сказал батюшка, принимая тоненькую брошюрку. — Генка! Мне восемьдесят один год. Фамилия моя Груздев, Павел Александрович. Родился я в 1910 году, в городе Мологе. Жил с самых детских лет в монастыре, скотинку пас, пока всех не выгнали. Я собрался и поехал на Хутынь, в Спасо-Преображенский монастырь преподобного Варлаама Хутынского. Скоро нас и оттуда выгнали, посадили в тюрьму, потом ссылка в Северный Казахстан, город Петропавловск. С 1960-го года

здесь служу в храме. Вот и вся моя жизнь. Ты меня понимаешь? — спросил батюшка.

— Понимаю, — ответил я. Но это была неправда.

Уже высоко над горизонтом поднялось солнце, когда старец ввел меня в храм. Церковь освящена была резкими, падавшими из окон, лучами. Батюшка оставил мою руку и, уже не нуждаясь в провожатом, легко и быстро перемещался по храму.

— Гена! Это что за икона? — спросил он.

— Святого преподобного Серафима Саровского, — ответил я.

— Приложись.

Как положено, перекрестившись, я приложился к иконе.

— И вот к этой приложись, — потом взял меня за руку и стал вести меня, как ведет слепого поводырь. Он указывал то на одну, то на другую икону, говорил при этом: «Приложись, Генка!» Я прикладывался, а вскоре, обойдя церковь Святой Троицы по кругу, мы снова оказались у выхода. Во дворе, залитом солнцем, нас поджидала Марья Петровна с замком от храма в руках.

— Закрывай, Марья, — приказал батюшка.

Мы подошли к скамеечке, стоявшей здесь же.

— Присаживайся, Геночка, — пригласил батюшка.

Мы присели. Прошло около получаса, прежде чем он снова взял меня за руку. За то время, что мы сидели на улице, я весь продрог. В его горячих руках моя казалась ледяной, но я чувствовал, как быстро согреваюсь. Неожиданно батюшка чуть приподнял штанину своих ситцевых, черного цвета, шароваров, и в том месте, где заканчивается голенище валенка, оголил ногу:

— Смотри! Вот видишь, в чем хожу, всю жизнь без подштанников и никогда не мерзну, а знаешь, почему?

Я молчал.

— Не знаешь! Баб, Генка, я сроду не знал, девственник я. Вот и ты про баб забудь. Все! Отгулял.

Я уже хотел убрать свою руку из руки старца, но он держал. При этом мне было не то что зябко, а даже жарко. На-

конец он начал тихо что-то говорить, среди чуть слышных слов старца я смог лишь расслышать: «Икона, несут икону. Монастырь, монахини. Монахи идут!» И снова: «Икону тебе несут, икону чудотворную. Мужчина и женщина...» Я стремился расслышать то, что он говорил, но слова словно ускользали от меня. Надо всем этим возвышалось: «Икона, икона. Мужчина и женщина, несут».

Батюшка привстал:

— Давай, родной, тебя благословлю. Тебе идти пора, уже ждут!

Кто ждет? Почему? Я не знал, но и расспрашивать старца не стал. «Пора — значит, пора», — подумал я и, получив благословение у батюшки, со всеми простившись, радостный и счастливый, пошел по дороге от храма к шоссе. Неожиданно я вспомнил реплику, как бы в шутку брошенную мне на прощанье:

— Генка! Ты там кино снимаешь, нам-то фотокарточку сделай на троих! А то помру, кто их вспомнит? Толянка да Марью сфотографируй...

— Хорошо, батюшка, сфотографирую.

— Сфотографируешь? Правда!

— Клянусь, — ответил я.

— Тогда держи краба!

Я чуть не рассмеялся от услышанного слова, взял батюшкину руку и еще раз поцеловал...

Вместе с воспоминанием об этой просьбе родилась мысль снять фильм о нем. Все было в душе сырым, как неоформившаяся глина в руках горшечника. И все же там, по дороге от церкви Святой Троицы к трассе, было положено начало будущему документальному фильму «Верую, Господи! Помоги моему неверию».

Вскоре я добрался до Углича и вот, на центральной площади города, увидел старенький потрепанный УАЗик с брезентовым верхом. В нем сидел водитель, который вез меня сегодня утром от железнодорожного вокзала в Верхне-Никульское. Он тоже увидел меня и быстро выскочил из машины:

— А мы тебя на вокзале уже ждем. Вот подъехали воды попить и снова на вокзал собирались.

— А что случилось? — удивился я.

— Ты со мной утром ехал и рассказывал о каком-то батюшке, к которому добирался.

— Так что?

— Я потом домой вернулся, с женой посоветовался. У нас икона в доме есть, а мы не молимся. К нам многие приходили ее купить, да все не те, проходимцы. А вот тебе бы я ее продал, к тому же дочь у нас замуж выходит, деньги нужны, — объяснил мне водитель.

Как молния прожгли меня недавно слышанные слова старца: «Икона, икону несут, тебя ждут мужчина и женщина»! Я видел, как из кабины УАЗика, поправляя пальто и юбку, вышла женщина. Она стала внимательно рассматривать меня.

— А где она, икона-то?

— Здесь, с нами, в машине, — ответил хозяин.

Мы направились к машине.

— Здравствуйте, — робко поздоровалась со мной жена водителя.

— Добрый день, — ответил я.

— Сними покрывало, открой, — попросил супруг, — пусть человек посмотрит.

— Родные мои! — хотелось воскликнуть мне и упасть на колени перед большим образом Господним Нерукотворенного Спаса, но я только перекрестился и приложился к нему. — Сколько же денег вам надо? — поинтересовался я.

— А сколько у Вас есть? — спросила женщина.

— Вот все, что есть, — ответил я и показал бумажник.

Она при этом посмотрела на мужа. Он молча пожал плечами.

— Хватит нам, — коротко ответила она.

— Но мне еще на билет, до Москвы ехать надо, — объяснил я.

— А мы Вам на дорогу выделим, — успокоили они меня.

На железнодорожном вокзале усадили они меня в поезд Углич–Москва, и мы простились.

Только там, в поезде, глядя на завернутую в простыню и завязанную бечевой икону, я вспомнил слова отца Павла, сказанные еще в Толгском монастыре, при первой нашей с ним встрече: «Ты ко мне в Верхне-Никульское приезжай, у меня для тебя икона есть, я тебе ее благословлю!»

Самым благодарным слушателем рассказов об удивительном старце стала моя жена Елена. И у нее самой зрело желание побывать у отца Павла.

И вот вместе с ней, вечером 1 января 1992 года, в купейном вагоне поезда Москва–Углич, отъехали мы от перрона Савеловского вокзала, чтобы попасть в Верхне-Никульское и встретиться с батюшкой. Основным желанием для меня было получить благословение снять фильм о том, что так меня поразило после нескольких встреч с ним. Ведь куда-то ушло гнетущее состояние оставленности, покинутости. На смену ему пришли уверенность и надежда на прощение, появилась радость от осознанного счастья быть русским, православным человеком.

С радостью встретил нас батюшка, особенно, как показалось мне, Елену. Он словно долго ждал ее и все называл Аленкой. Его разговор с нами был долгим. Всего теперь не вспомнишь, да и многое сказанное тогда отцом Павлом было очень личным. Скажу только, что снимать кино старец благословил охотно. А в конце нашей встречи произошел такой случай: держа свою руку на плече у Елены, батюшка, глядя куда-то вдаль, неожиданно произнес:

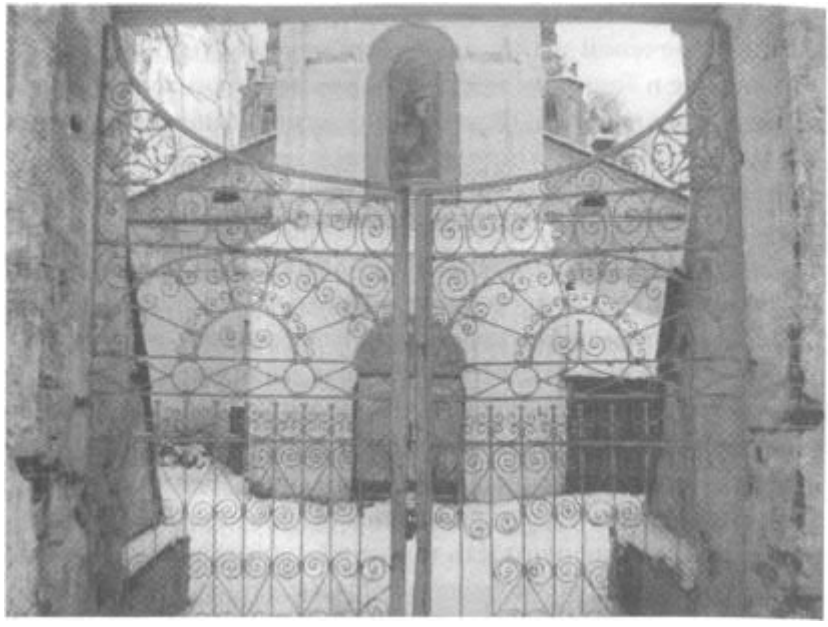
— Что это нам кричит певчий филин?

И, прижав к себе голову Елены, он что-то тихо шепнул ей на ухо. Уже по дороге от храма Святой Троицы Елена, сдерживая накатившие слезы, сказала:

— Когда я родилась, меня записали на мамину девичью фамилию, Филина. А дедушка мой был певчим в церковном хоре, понимаешь?

— Нет.

— Слова отца Павла помнишь? «А что кричит нам певчий филин?» Он моего дедушку слышал и помянул, понимаешь?

Ворота Троицкого храма села Верхне-Никульского

Не знали мы тогда, что та встреча со старцем была последней встречей в Верхне-Никульском. Прогрессировала у батюшки болезнь глаз: глаукома, при этом зрение правого глаза составляло 0,1, а левого – 0. В связи с этим, на основании батюшкиного прошения и предоставленных им в Ярославскую епархию медицинских свидетельств о болезни, вынесено было решение от 7 июня 1991 года: «Архимандрит Павел (Груздев Павел Александрович) увольняется с должности настоятеля Троицкой церкви села Верхне-Никульское за штат, согласно прошению».

Уже летом 1992 года, собрав все необходимое, батюшка покинул свой приход в селе Верхне-Никульское и переехал жить в Тутаев. Приют он получил в одноэтажной сторожке при Воскресенском храме. В связи с этим обстоятельством появилась возможность чаще бывать и встречаться с отцом Павлом. В один из таких приездов получил я от старца благословение снять для будущего фильма крестный ход в Тутаеве. Совершался он каждый год.

Воскресным ранним утром, задолго до начала торжества, стали стекаться люди к Воскресенскому храму. Стоявший во дворе на специальных носилках древний, огромных размеров и писанный на холсте образ Нерукотворенного Спаса, казалось, вышел навстречу нуждавшимся в защите и помощи Спасителя. Люди на коленях ползли к иконе и прикладывались. Сколько во всем этом было веры, надежды и любви ко Господу! Июньское солнце дышало радостью, теплом и светом, оно пронизывало воздух, наполненный праздничным благовестом колокольного звона. Медленно и неторопливо стал двигаться людской поток по улицам города, когда икону на носилках вынесли за ворота Воскресенского собора по направлению к Волге. Ласково шевелил цветы, веночком украшавшие лик Спасителя, свежий ветерок с воды, когда на пароме по Волге перевозили икону на левый берег к Леонтиевской церкви. Там должен был совершиться праздничный молебен в присутствии большого числа священства, во главе с архимандритом отцом Павлом. Красиво пели приехавшие на праздник сестры, монахини Толгского монастыря во главе с игуменьей Варварой. По окончании молебна, с песнопениями, икону несли дальше.

Неожиданно я оказался рядом с отцом Павлом. Он радостно благословил меня, мою камеру и всю съемочную группу:

– Снимаешь?

– Снимаю, – ответил я.

– Снимай, снимай!

– Вот мне бы еще в Верхне-Никульское съездить, поснимать там, где Вы, батюшка, столько лет служили.

У меня на глазах батюшка изменился, стал серьезным, строгим и вдруг воскликнул:

– Я тебе камеру побью, пленку порву! Туда ни ногой! Смотри мне, Генка, не езди!

От неожиданности такой перемены, происшедшей в батюшке на моих глазах, я не мог найти слов. Я лишь чувствовал, как от растерянности во мне стучало сердце и такой чудесный до того день сразу погас. В глубине души моей даже

зарождалась обида на батюшку: «Ведь это не моя прихоть, для дела надо».

Рассказал я о том присутствовавшему на празднике игумену Евстафию. Он внимательно выслушал меня, сдержанно улыбнувшись, успокоил, но ничего более при этом не сказал. Уезжал я из Тутаева в тот день слегка ошарашенным, хотя и расстался с батюшкой как никогда хорошо. Он был радостен, шутил со всеми, а тем не менее из моей души радость как-то испарилась.

Полгода прошло с той поры, прежде чем в салоне автомашины «Волга» оказался я со съемочной группой и оборудованием для съемок на зимней дороге Москва – Углич – Верхне-Никульское. За то время многое забылось, а возмущение старца июньским днем в Тутаеве принял я за чудачество. Но вот по мере нашего приближения к тем местам слова старца стали звучать в голове отчетливее и навязчивее.

Мы уже проехали Некоуз, когда стрелка часов перевалила за полдень. Позади были Ростов Великий и Углич, а впереди ровная асфальтовая дорога. Бескрайние равнины полей, укрытые снегом, уходили от дороги куда-то вдаль, тянулись к небу и сливались с ним, линия горизонта из-за густой морозной дымки была размыта, и потому даль вовсе не была далью, а так, перспективой.

А на дороге эту относительную перспективу мешал видеть ехавший впереди многотонный «Урал». Потому, прибавив скорости, я пошел на обгон. Мысль еще до темноты все сделать, возвратиться и заночевать на обратном пути в Ростове заставляла меня торопиться. Обогнав многотонник, я поспешил перестроиться и взял к обочине, от чего тяжелую, загруженную людьми и съемочной аппаратурой «Волгу» качнуло и потянуло к кювету. Рулем я попытался выровнять машину, но ее бросило на противоположную сторону трассы и, задними колесами стащив в кювет, теперь уже на брюхе, боком, тянуло вдоль дороги.

Скорость была еще большой, потому машину положило на бок и высоко подбросило, затем в воздухе перевернуло и крышей ударило об ровную, снегом покрытую поверхность

поля. Крутило нас еще и еще, но потом, слава Богу, поставило на колеса и остановило... Прежде всего, я оглянулся и посмотрел на своих ребят. К счастью, все были живы, целы и невредимы. Мало того, уснувший еще до аварии мой ассистент, Леша В., так и не мог понять, что с нами произошло и почему мы стоим далеко от дороги в широком поле.

Растерянно глядя на измятый кузов, я, наконец, понял и предупреждение старца, и его возмущение. В тот день нам все же удалось своим ходом добраться до Верхне-Никульского и снять несколько кадров.

Мы уже закончили работу и собирались уезжать, когда неожиданно к нам подошла жительница села и спросила:

– Откуда вы, кто такие и чем занимаетесь у нашей церкви?

Мы ей объяснили. Узнав цель нашего приезда, она сразу заговорила об отце Павле. Она печалилась и сокрушалась о тех днях, когда здесь, в Троицкой церкви Верхне-Никульского, служил настоятелем архимандрит Павел.

– Осиротели мы с тех пор, как он уехал, – делилась она. – В церкви не служат, был тут один поп, но сбежал. При батюшке и покойника отпоют, и ребенка окрестят, а когда свадьба, обвенчают. Всегда угостит, даст совет. Он жил — и все вокруг него жило. А теперь не знаете, где он?

– Нет, – слукавил я.

Женщина задумалась, а затем сказала:

– Мне говорили, где-то он теперь в Москве при Патриархе, в специальной богадельне. Ведь он у нас видный был батюшка!

Может, неделя прошла, может, две, и я снова оказался в тутаевской сторожке при Воскресенском соборе. В беседе с батюшкой я признался, как ослушался его слов и как в результате перевернулся на машине. Неожиданно, в присущей ему живой, восторженной манере, он воскликнул: «По твоим грехам перевернулся, по моим молитвам жив остался!»

Очень многое связано было в моей жизни с его прозорливым, пастырским наставлением и участием.

Был и такой случай. Произошло это сразу после самой первой встречи с батюшкой в Тутаеве, осенью 1990 года. Хо-

телось мне тогда обзавестись хорошими иконами. С этой целью стал я часто бывать в антикварных лавках, посещать аукционы, вернисажи, интересоваться ценами, появились какие-то странные знакомые... Однажды ночью снится мне сон, словно я приехал к батюшке Павлу погостить в село Верхне-Никульское, где еще никогда не был. Сидит он в беленной на украинский манер хате, весь обставленный иконами. Все в этой хате наполнено светом, солнцем, и сам батюшка такой просветленный. Его седая борода, волосы на голове и крест на груди — все сияет вокруг!

— Скажи мне, Геночка, что это за икона стоит? — спрашивает он, обращаясь ко мне.

— Владимирская икона Божией Матери, — отвечаю ему.

— А вот эта?

— Святитель Николай Чудотворец.

— А та, за окном, не писанная — живая?

Выглянул я и вижу, в той стороне, куда показал батюшка, на коне скачет всадник по деревянному мосточку через ручей. И красоты этот юноша неземной. Конь под ним белый, плащ развевается алый, а в руке он держит огнем горящее копье.

— Святой Георгий Победоносец, — отвечаю я.

— Нравится? — спрашивает он.

— Очень нравится, батюшка, — отвечаю.

— Я тебе ее благословляю. Да смотри, нигде икон не покупай, свои прежде в порядок приведи!

Оказался я один на какой-то дороге, а в руках у меня икона из двух половин, треснувшая. И все пытаюсь те половинки совместить, склеить. Так и проснулся. С той ночи желания приобрести иконы у антиквара или на рынке у меня больше не возникало. А прошло время, они сами стали появляться в доме.

Уже закончены были съемки фильма «Верую, Господи! Помоги моему неверию». Предстояло монтировать его и писать дикторский текст. Но как-то все не шло, не ладилось...

Однажды во сне является ко мне батюшка и спрашивает:

— Что, Генка, не получается, не пишется?

— Нет, милый батюшка, не пишется, — с горечью отвечаю я.

— Ладно, не беда, — спокойно отвечает он и при этом меня крестом осеняет, благословляет. — Теперь пиши, получится, Господь благословляет!

В течение последующих двух дней были написаны диктор-ские тексты к фильму.

Последняя встреча наша состоялась 27 ноября 1995 года, как раз в самый канун Филиппова поста.

Батюшка в тот день был бодр, радостен и весел. Сидя за столом, мы, несколько человек, беседовали. Все хотел я спросить одного совета у батюшки, но не получалось, а может, не решался. Уже в самом конце встречи батюшка, обращаясь к Марье, предложил: «Давай-ка споем». Песня, которую в тот вечер запел батюшка, всегда поражала слушавших ее своей глубиной, драматизмом происходивших событий. А речь в этой песне шла о молодой красивой сосне[1]. Росла она на возвышенности, в тихом уютном уголке деревенского кладбища. Стояла она стояла, росла, росла, да вдруг стала увядать, чахнуть.

Солнце стало ее спрашивать:

— Не я ли своими лучами обжигаю твои ветви?

— Нет, — отвечает сосна.

Так спрашивали ее и дождь, и ветер. Наконец сосна ответила:

— Корнями вросла я в могилу, в могилу, где злой человек!

А заканчивалась песня словами: «Зимой я закончу страданья, и вьюга завеет мой след».

Закончив петь, батюшка неожиданно повернулся и спросил меня одного:

— Генка! Ты все понял?

— Все! — согласно ответил я.

— Вот и хорошо. А теперь, родные мои, отдыхать пора, устал я, — заметил батюшка и, простившись со всеми еще до отъезда, ушел к себе в комнату.

Не более четверти часа прошло, как все разъехались. Песня, спетая им в тот вечер, казалось, в полной мере ответила на вопрос, таившийся в моей душе, но батюшке вслух так и не заданный. Оттого я и ответил отцу Павлу — понял все!

[1] См. с. 621–622.

А понял все я лишь 13 января 1996 года, в субботу утром, когда сообщили о кончине архимандрита Павла (Павла Александровича Груздева). Вместе с чувством огромной потери душа моя испытала и чувство глубокого раскаяния за невнимание и жестокосердие к чужой боли. Ведь в тот вечер батюшка предсказал и свою кончину: «Зимой я закончу страданья, и вьюга завеет мой след!»

День похорон... Суетно и непривычно быстро перемещаются по сторожке Воскресенского собора новые, вовсе незнакомые люди. Лишь Марья смиренно и задумчиво сидит у окна. Повнимательнее присмотревшись к ней, понимаешь, что, утомленная бессонными ночами, она тихо дремлет.

Еще три дня назад здесь было пусть временное, но все же ее с батюшкой жилье. Оно исполнено было тишины, покоя, молитв. А теперь все гудит вокруг, словно улей, в котором нет для Марьи места.

Глубоко переживая утрату своего духовного наставника, прежде всегда подтянут, аккуратен и строен, сегодня усталым и чуть осунувшимся вошел в сторожку наместник Ростовского Спасо-Яковлевского Димитриевского монастыря архимандрит Евстафий. Именно ему, по завещанию старца, предстояло первым опрятывать тело почившего, облачить и положить во гроб...

...Все собрались и стоят в ожидании приезда владыки Михея, архиепископа Ярославского и Ростовского. Ему предстоит в этот холодный и сырой январский день возглавить отпевание отца Павла.

«Бо-о-м, бо-о-м-м, бо-о-м-м», — слышны редкие и печальные удары колокола. Глядя на покрытые инеем купола, кресты Воскресенского собора, заполненный людьми двор и одноэтажную сторожку, ставшую приютом в последние годы жизни больному архимандриту, невольно поражаешься его могучему смирению, терпению и мужеству, с которыми он принес всю свою жизнь в жертву Богу и православной вере.

...В город Тутаев, к Воскресенскому собору, где стоит гроб с телом почившего архимандрита Павла, съезжаются те, кто его знал и любил, ценил как пастыря и человека. Ведь ба-

тюшка наделен был редким, благодатным свойством спасти, защитить человека от разъедающего душу греха, помогал избавиться от страстей и пороков. Как опытный и умелый садовник, батюшка раз за разом отсекал больную, одичавшую вне Божией благодати поросль, но аккуратно, не причинив вреда и не повредив лучших свойств души человека.

Сегодня люди приезжают почтить его память: из Ярославля и Ростова, Борка, Костромы и Вологды, Москвы, Приозерска, с далекого славного острова Валаама.

Собралось великое множество священства и прихожан, все они заполнили Воскресенский собор. В не крашенном, строганном из досок гробу посреди храма лежит батюшка. Его лицо, как положено по монашескому уставу, покрыто черным параманом, открыты лишь батюшкины руки, сложенные на груди. В одной из них он держит деревянный крест, а в другой — разрешительную молитву. На запястьях — поручи, часть иерейского облачения. На груди у батюшки лежит Евангелие...

Вот и закончилось отпевание, теперь все по очереди подходят к гробу и, прикладываясь к Евангелию, параману на лице старца, прощаются. Еще несколько минут — и гроб с его телом выносят из храма.

Последним желанием батюшки было похоронить его как простого прихожанина на городском кладбище, в одной оградке с отцом и матерью. Потому множество съехавшихся машин и людей колонной направляются вниз, к Волге. Скованная льдом река милостиво предоставит всем возможность переправиться на левый берег, где и находится городское кладбище. Бесконечной цепью люди, группами и врозь, идут, порой бегут, обгоняя друг друга, спешат по белому, ровному льду Волги. А рядом с ними медленно, с опаской, преодолевая метр за метром и соблюдая дистанцию, движутся машины по зимней колее. Надрывно воют их моторы, преодолевая прибрежные торосы льда. Машины, одна за другой, по уже укатанному спуску поднимаются в гору на крутой левый берег Волги, все ближе и ближе продвигаясь к кладбищу. Шагая по льду реки, невольно думаю, что где-то там, на

Панихида на могиле архимандрита Павла (Груздева)

севере, всего в сотне верст от Тутаева, среди просторов Рыбинского водохранилища, на дне его, покоится город Молога, родина архимандрита Павла. Покрытый льдом, среди воды, как призрак, стоит древний город с улицами и домами, больницами, школами, церквами, Кирилло-Афанасьевским женским монастырем, последний из насельников которого, Павел Груздев, сегодня покидает этот мир. В последний раз провезут его по Волге, а далее по улице Крупской, мимо отчего дома, к вечному пристанищу, к тяте и мамке. Их плотью рожден, к ним плотью возвратился, а душою — к Богу, слугой Которого отец Павел был всю свою жизнь.

Заметно стал порошить снег, когда открыли заднюю дверцу автобуса, взяли на руки гроб и понесли узенькой кладбищенской тропкой среди могил. Два монаха впереди несут огромный деревянный крест, сгибаясь под его тяжестью. Все ближе и ближе приближаются они к холодной, сырой и глубокой могиле. Седовласый владыка Михей произносит прощальные слова, певчие, хор, подхватывают их и к небу возносятся слова молитвы: «Вечная память, вечная память, вечная память!» В общих звуках песнопений тревожно и звонко стучат молотки, вгоняя гвозди в гробовую доску. Медленно и аккуратно гроб опускают в могилу. Гремят, стучат по крышке промерзлые комья земли, закапывается в могильный холм деревянный крест. Вот и все?.. Раскачиваются, скрипят под ветром, словно мачты над батюшкиной могилой, три высоких тополя. Зашумели кусты от разыгравшейся метели, и густой белый снег укрывает рыжую могильную глину. Неожиданно память возвращает меня к нашей последней встрече, и я вспоминаю: «Зимой я закончу страданья, и вьюга завеет мой след».

— Генка, ты все понял?

— Теперь, дорогой батюшка, кажется, все.

Краткая летопись жизни отца Павла (Груздева)

3 (16) августа 1911 (по паспорту) или
3 (16) января 1910 (по рассказам отца Павла),
10 (23) января 1910 (по другим сведениям)

В деревне Большой Борок Мологского уезда Ярославской губернии, в семье Александра Ивановича Груздева (1888–1958) и Александры Николаевны Груздевой, урожденной Солнцевой (1890–1961), родился Павел Александрович Груздев.

1913

Первая встреча со святителем Тихоном (в то время архиепископом Ярославским и Ростовским) во время пребывания его в Мологском Кирилло-Афанасьевском женском монастыре в дни празднования 300-летия Дома Романовых. Владыка Тихон благословил маленького Павла памятными монетами и медальками, выпущенными по случаю юбилея.

1915 (или 1916)

Павел Груздев поступает на послушание в Мологский Кирилло-Афанасьевский женский монастырь. Здесь живут три его «тетки»: родная сестра отца – инокиня Ольга (Груздева), позже постриженная в рясофор, иконописица и вышивальщица, две родные сестры бабушки – монахиня Евстолия (Петрова), которая была крестной матерью Павла, и инокиня Елена (Петрова). В монастыре Павел Груздев учится в церковноприходской школе, несет послушание на скотном дворе, поет на клиросе. После революции работает в Афанасьевской трудовой артели, образовавшейся после национализации монастырских земель.

1918

Вторая встреча со святителем Тихоном в Мологском монастыре. Патриарх Тихон подарил восьмилетнему Павлу Груздеву подрясник, скуфейку и четки, тем самым благословив его на монашество.

1929–1930

Окончательная ликвидация Афанасьевского монастыря и трудовой артели.

31 марта 1929

По ходатайству бывшего сослуживца отца, принявшего после Первой мировой войны монашеский постриг в Новгородском Хутынском монастыре, и с благословения игумены Августы Павел Груздев переезжает на жительство в город Новгород, где работает на судостроительной верфи Деревяницы возле Спасо-Преображенского Варлаама Хутынского мужского монастыря. В свободное от работы на верфи время Павел поет и читает на клиросе в монастыре, звонит на колокольне, следит за порядком и чистотой у раки со святыми мощами преподобного Варлаама.

Во время пребывания в Новгородском Варлаамо-Хутынском монастыре Павел Груздев, по благословению епископа Алексия (Симанского), будущего Патриарха, принимает постриг в рясофор.

6 мая 1932

После разгона монахов Спасо-Преображенского Варлаама Хутынского монастыря Павел Груздев покидает Новгород и возвращается к своим родителям в Мологу. Здесь он устраивается работать на скотном дворе Государственной селекционной станции, разместившейся на территории бывшего Афанасьевского монастыря.

1938

В связи с предстоящим затоплением мологских земель для строительства Рыбинского водохранилища, семья Груздевых перебирается в город Тутаев (бывший Романов-Борисоглебск). Здесь, на крутом левом берегу Волги, переселенцы заново ставят избу и поселяются в ней на постоянное жительство. Павел Груздев ходит в Леонтьевскую церковь, поет

на клиросе в церковном хоре и пономарит при иеромонахе Николае (Воропанове).

13 мая 1941

Арест по сфабрикованному делу группы церковнослужителей, возглавляемой архиепископом Варлаамом (Ряшенцевым). Павлу Груздеву объявлено обвинение по статье 58, части I, пункты 10-11. Судом он приговорен к шести годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Иеромонах Николай (Воропанов) расстрелян 3 сентября 1941 г.

1941–1946

Павел Груздев отбывает наказание в трудовых лагерях Вятлага.

1947

Освобождение, возвращение в Тутаев, работа в конторе Заготсено. В свободное время Павел Груздев ходит в церковь, пономарит, читает и поет на клиросе.

с 1 декабря 1949

По старому обвинению, Павел Груздев сослан на неопределенный срок в город Петропавловск Северо-Казахстанской области. Работает чернорабочим в Облстройконторе. Живет у престарелых супругов, ведет их хозяйство, по воскресным дням помогает в Петропавловском соборе за богослужением.

20 августа 1954

В спецкомендатуре МГБ города Петропавловска Павлу Груздеву объявлено о снятии с него всех ограничений.

Павел Груздев возвращается в Тутаев, где устраивается рабочим в Горкомстройконторе, занимается строительством дорог, благоустройством парков и скверов. В свободное время служит чтецом, поет на клиросе и пономарит в Воскресенском соборе. Здесь он встречается с Преосвященнейшим Исаией, епископом Угличским, управляющим Ярославской епархией.

25 апреля 1955

Павел Груздев отправляет епископу Исаие просьбу о рукоположении во священника.

21 января 1958

Этой датой подписан протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР о снятии судимости с Груздева Павла Александровича.

9 марта 1958

Груздев Павел Александрович за Божественной литургией в Феодоровском кафедральном соборе города Ярославля рукоположен Преосвященнейшим Исаией, епископом Угличским, в сан диакона.

16 марта 1958

Груздев Павел Александрович за Божественной литургией в Феодоровском кафедральном соборе города Ярославля рукоположен Преосвященнейшим Исаией, епископом Угличским, в сан священника и определен настоятелем Воскресенской церкви села Борзова Рыбинского района.

7 марта 1960

Священник Груздев Павел Александрович переводится настоятелем Троицкой церкви села Верхне-Никульского Некоузского района Ярославской епархии. 32 года прослужил здесь отец Павел, храня веру православную, поддерживая и укрепляя свою паству в тяжелые годы воинствующего атеизма. Сюда приезжали многочисленные паломники со всей России, чтобы получить от старца помощь и спасительный совет.

1961

Священник Груздев Павел Александрович ко дню Святой Пасхи награжден епископом Ярославским и Ростовским Никодимом фиолетовой скуфьей.

16 августа 1961

Священник Павел Груздев подает архиепископу Ярославскому и Ростовскому Никодиму прошение о монашеском постриге.

9 ноября 1961

Резолюция Московской Патриархии о пострижении в монашество священника Павла Груздева.

12 ноября 1962

В Феодоровском кафедральном соборе Ярославля по благословению Святейшего Патриарха Алексия (Симанского)

от руки Его Высокопреосвященнейшего Никодима, архиепископа Ярославского и Ростовского, священник Павел Груздев принял пострижение в мантию.

1963

Иеромонах Павел (Груздев) ко дню Святой Пасхи Святейшим Патриархом Алексием награжден наперсным крестом.

1966

По представлению Его Высокопреосвященства, архиепископа Ярославского и Ростовского Сергия, иеромонах Павел (Груздев) ко дню Святой Пасхи удостен награждения саном игумена.

1971

Игумен Павел (Груздев) ко дню Святой Пасхи Святейшим Патриархом Пименом награжден палицей.

1976

Игумен Павел (Груздев) ко дню Святой Пасхи Святейшим Патриархом Пименом награжден крестом с украшением.

10 мая 1983

По благословению Святейшего Патриарха Пимена игумен Павел (Груздев) возведен митрополитом Ярославским и Ростовским Иоанном в сан архимандрита.

7 июня 1991

Архимандрит Павел (Груздев) увольняется с должности настоятеля Троицкой церкви с. Верхне-Никульское Некоузского района Ярославской области и выводится за штат по состоянию здоровья.

Конец июня 1992

Архимандрит Павел (Груздев) переезжает в Тутаев, где живет в сторожке при Воскресенском храме. Несмотря на болезнь и очень плохое зрение, отец Павел иногда совершает богослужения, и сюда к нему продолжают приезжать люди за поддержкой и помощью.

13 января 1996

На 86-м году жизни, после тяжелой болезни, в больнице, причастившись Святых Христовых Таин, архимандрит Павел (Груздев) мирно отошел ко Господу. Похоронен на Леонтиевском кладбище г. Тутаева.

Проповеди

Проповедь в родительскую субботу[1]

Я тут купил книжку — спасибо людям, что их привозят, — и прочитал. Шел Макарий Египетский по пустыне и увидел череп. Ткнул он его посохом, и череп заговорил.

Как это — череп в пустыне? Нет, правда все. По весне мы с Марьей на кладбище служили литию и много их — ведро — насобирали. Почему в пустыне? Какой такой череп в пустыне? И это может быть. Я жил в Мологе. Какой прекрасный город! Сколько церквей, сколько домов! Всё затопили. «Плещут холодные волны»...

И тогда Макарий спросил:

— Кто ты?

— Я — идольский жрец.

А монахи любопытные, страсть!

— Ну, и как тебе там?

— Кругом геенна.

— А есть ли утешение?

— Когда батюшка служит и высыпает частички, вынутые из просфор, в Чашу, говоря: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих», — тогда как будто роса.

— А есть кому еще хуже, чем вам?

— Мы не знали Бога, и нам так. А кто знал Бога и отступился от Него, тем еще хуже.

[1] Эта и следующая проповеди записаны по памяти прихожанами Воскресенского собора в Тутаеве.

Проповедь на день перенесения Нерукотворенного Образа Спасителя[1]

Давно это было. Был тут на этом месте мужской монастырь. За оградой на месте престола крест стоит. Игумен был хороший плотник, имя его не сохранилось. И друг у него был Дионисий Глушицкий[2] — художник. И вот приехал Дионисий, и говорит ему игумен:

— Я сделаю доску большую, какую смогу, а ты нарисуешь.

И нарисовал святой Дионисий Глушицкий на память икону Спасителя.

А время идет. Приехал архиерей:

— Как так? В таком маленьком городе такая икона?

Забрали в Ростов. И много лет прошло. Проезжал тут царь, а жители в подарок ему шубу из романовской овцы (их тут разводят, легкая такая). И его родственникам. Ну, понравилась шуба царю.

— Услуга за услугу. Что вам?

— Ничего нам не надо. Хотим, чтобы икону нам вернули.

— Какую икону?

— А такую.

— Хорошо.

И нашли ту икону в Ростове среди хлама. Сделали носилки и на руках 40 человек несли. Не доходя четырех километров, остановились. Надо омыть, а воды нет. Волга далеко. И забил из-под иконы ключ[3]. Сколько потом его пытались засыпать!

[1] 16(29) августа.

[2] Прп. Дионисий, игумен Глушицкий (1437), память совершается 1 (14) июня и в празднование Собора Вологодских святых (3-я Неделя по Пятидесятнице).

[3] По преданию, остановка была сделана на берегу реки Ковать. Ключ, который забил на этом месте, и доныне почитается святым и целебным; около него совершаются молебны.

Проповедь перед исповедью[1] 19.11.1987

Исповедую Тебе, Господу Богу моему и Творцу, во Святей Троице Единому, славимому и покланяемому, Отцу и Сыну и Святому Духу, вся моя грехи, яже содеях во вся дни живота моего.

Грехов — как в море песку. Первый грех — позабыли Бога, второй грех — потеряли стыд.

А как позабыли Бога? Господи, ведь живем-то — сытые, обутые, одетые. Слава Тебе, Господи, за Твои милости! Дай, Господи, здоровья тем людям, кто нас поит, кормит. А стыд потеряли: вот баба молодая, а и то — на пенсии. Ах, ты зараза! Родные мои! «В поте лица твоего снеси хлеб твой»[2]. Стыд потеряли, обленились. Работай! Тебе не надо — людям надо!

Как-то я намедни был в Доме престарелых, старух ходил причащал. Как сделано-то: обуты, одеты, чистота идеальная, кормят — даже яблоки! А что это? Тебе не надо? Людям надо. «В поте лица твоего снеси хлеб твой». Что потопаешь, то и полопаешь. Работать надо.

Молитва. Человек — как птица без крыльев, так человек без молитвы жить не может. Родные мои! Аух! Устаём, скоро восемь десятков. Да Господи, утром-то встанем: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Разок хоть перекреститься правильно, чем сто раз вот так. Обед пришел. Вот бы где помолиться-то и «Отче наш» бы прочитать — да и забыли. Дак опять: «Господи, благослови!» Вечер пришел. Радикулит какой-то, да у кого давление бывает, а у кого и нет. Дак хоть по-

[1] Публикуется по аудиозаписям.
[2] Быт. 3. 19.

дойди к постели-то, да и сообрази-то: «Да слава Тебе, Господи! День прошел, благодарю Тебя, Господи!» Вот это маленькие три-то молитвы, а их желательно каждый день повторять. Это очень желательно, а еще кроме того к этому и прибавить — и похвально.

А я еще так молюся: «Господи, за молитву праведников сохрани грешников!» А праведников много еще есть. Я одной женщине (она померла — Царствие ей Небесное!) говорю:

— Слушайте, вот говорят, католики бывают, да вот какие-то баптисты.

Она мне и говорила:

— Хоть ты священник, а погляди на меня.

Ну, гляжу. Крестится:

— Во имя Отца... Батюшка, какой я рукой крещуся?

— Правой.

— Я православная, значит. И мы все, слава Богу, православные.

Родные мои! Не завидуйте, не осуждайте! Ну, обидят — ну, прости да не мсти! Да! Лучше простить, чем мстить. Родные мои! «Да не зайдет солнце во гневе вашем»[1].

А жить? А кто без греха? И лишка поедим, а коли-коли да и ... Господи! Бывал я молодой. Когда поминки, я стопку выпью, а какая-нибудь старуха — две... «А-а, старуха, ах, ты зараза баба!» Вот и осудил! Грешны! И многие еще и не то делали, прости нас, Господи!

А вот как пример к этому скажу. Это было на моей памяти. Служил владыка — где не скажу. И священник — простой да не ученый. Хорошо. А ученые-то батюшки, те на него и написали. Они завидовали ему чего-то. Написали владыке — Царствие Небесное! А владыка был Никодим. Ему написали. Вызывает этого священника и говорит:

— Слушайте, вот на тебя грамота подписана трёмя-четырёма батюшками. Ты вот, бывает, пошутишь, бывает, и посмеешься. А когда выпьешь — сколько ты?

Я говорю:

[1] Еф. 4, 26.

— Сколько нальют, владыко, всё выпью, но лишнего я не пью. — И в общем всякие грехи имел этот батюшка. — Владыко, прости! Владыко, прости.

А кто без греха-то? Прости, Господи. Потом пришло дело и говорит:

— Слушайте, батя, а говорят, ты католик.

Этот старик выпрямился, стал и говорит:

— Ваше Высокопреосвященство, я родился — тятя был православный, дедко с бабкой, вся семья наша православная. И я, как был крещен в Святой Православной Церкви, так и сейчас есть. А которые на меня наклеветали...

Не клевещи. Владыка Никодим похлопал по плечу этого священника и говорит:

— Слушай, ты за меня помолися. Пойди с миром.

И с тех пор тот дедко и сейчас служит. Только где, я не знаю.

Вот и мы, родные мои! Все грешные. А кто без греха-то? Да. Мы молимся, родные мои! А люди-те работают. Вот сколько нас есть, а хоть одна, хоть один есть в лаковых сапогах? Нету. Кто залатает ватник? Никто не залатает, когда у него иголки-то нету. Потеряли, избаловалися. Кто ткёт? Кросен ни у кого не найдёшь. Да. Давай-ко, тятя, пекти-то. И пекти не будут — обленилися.

А молиться-то, родные мои!

— Батюшка, вот за это не молюся, за то.

— А что не молишься?

— Да неверующая она.

Ты сама будь верующая. А Господь веровал, и я верую. По примеру Спасителя: «Господи, прости им, не знают бо что творят!»[1] Верно? Верно. Ты еще спишь, а — дай, Господи, праведным пекарям! — месят хлеба ночью, да нам напекут. А мы да зажралися — «черствая»! Пеки сама! Дай, Господи, пекарям! Сохрани, Господи, праведных шоферов! Зайдём в автобус-то, да полчаса-час да постоять — как заорём да зашипим. Ух, негодные старухи! Дай, Господи! За всех молитеся, по примеру Спасителя. Ну, обидят... Господи, ну, прости этих.

[1] Лк. 23. 34.

Родные мои, и молиться! Как можешь, так и молись. Скажу пример. Едет архиерей в один знаменитый монастырь. Глядит: на палубе да что за народ?

— Господи, — он говорит, — что там такое?

Говорят:

— Владыко, во-о-от островок. На этом островке живут святые люди.

Владыка говорит:

— Нет, святые или не святые, никто знать не может.

— Владыко, правильно. Живут святые люди...

Ну, архиерей — сила, велит лодку отчалить. Подъехали к островку. На этом островке стоят три человека, ухватившись за руки. Кланяются ему. Под благословение подошли. Он говорит:

— Что вы за люди?

— А мы, — говорят, — владыко, когда-то мы были рыбаки, потерпели крушение и дали обещание: Господи! Где мы очутимся на твердой земле, с этой земли не уйдем. Вот очутились на этом острове. С тех пор здесь живем. В год раз к нам приезжает священник с материка, нас исповедует.

Он говорит:

— Хорошо, а как же вы молитесь?

— А мы, — говорят, — владыко, знаем, что Святая Троица во Едином Существе. Нас трое, и Святая Троица — Трое, и мы вот молимся: «Трое Вас и трое нас. Помилуй нас, Один Бог!»

Архиерей говорит:

— Нет, отцы и братья, да нет! Давайте я вас научу «Отче наш».

И лепечут — и выучились. А он еще говорит:

— За меня молитеся! И вот этих молитв-то у вас хватит.

— Спасибо, владыко, уж нам спеть будет «Отче наш»!

Владыка благословил их, сам сел в лодку и на корабль. Архиерей говорит:

— Какие еще люди есть на Святой Руси!

Плывет, спать не хочет, ходит по палубе. И глядит: что-то, откуда едет, там какой-то необыкновенный свет. Владыка говорит:

— Видно, их избенка горит.

Нет, горит свет этот ярче и ярче, ближе и ближе. Глядит, эти старики-те ухватилися за руки, да и бегут по морю-то да руками машут:

– Владыка, ведь забыли мы молитву ту. Научи нас, родный!

А владыка говорит:

– Вот что, братие, я архиерей, облачен высшей от Бога властью священства, но по морю бегать не умею. А вы простые люди, а по волнам бегаете!

– Да как же, владыко, нам молиться? – спрашивают.

– Как молилися, так и молитеся.

– Ну, спасибо, владыко!

И пошли наши старички обратно. Милые мои! И вы ничтоже сумняшеся, как я говорил, утром: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». В обед: «Господи, благослови!» Вечером: «Слава Тебе, Господи!» А кто к этому может прибавить – и желательно, и похвально, и полезно.

Когда-то я жил в монастыре. Ну, вот после трапезы, когда у кого именины, и попоем. И пели стишок:

Как надо мною совершили
Обряд Крещения святой,
Тогда на грудь мне положили
Мой милый крестик дорогой.

Родные мои! Ведь забыли крест. А кто без крестов, тот не Христов. Если он крест не носит, значит, другой крест у человека того. Да! Молитеся с крестиком! Ну, нельзя на работе, а домой-то придешь: «Милый мой крестик, я тебя не потерял, я тебя помню». Еще помните: кто без крестов, тот не Христов.

И церкви. Родные мои! Ну, время, ну, обстоятельства. Было, закрывалися церкви. А все равно – «Дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней»[1]. Видим. Я сам видал Троице-Сергиева Лавра в каком была запустении! Я в 35-м году был там, когда было запустение. А теперь цветет, яко крин[2]. И тута у Господа все готово. Сейчас сарай, а завтра храм Божий.

[1] Пс. 92, 6.
[2] Ос. 14, 6.

Так идешь мимо закрытой-то церкви-то — да мысленно: «Дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней!»

Не обижайте никого. Родные мои! Творите благо, избегайте злаго — в почете будете! Не объедайтеся, не опивайтеся — здоровы будете! Да. А чего еще пуще: употреби труд, имей мерность — богат будешь! А так и празднословием грешим, и осуждением грешим. Пускай делом не согрешили, а мыслью-то...

Родные мои! И кровным грехом грешим, и убийством грешим. Вон как-то начальник милиции, подполковник или не знаю... только он большой — Борькя-хват. Приехал из Ленинграда, стал дом ремонтировать. За мной пришел, говорит:

— Отец Павел, пойдем покрасим потолок.

Я говорю:

— Пойдем, подкрасим потолок.

Окошко открыто. Вдруг птички прилетают в окно да щебечут, да вокруг нас. Я говорю:

— Борькя, чё-то сделалося!

Вышли, а гнездышко-то обсохло да и упало. А птички-те жалеют детей-то. Взяли в корзиночку этих детей, туды на чердак приколотили гвоздики, повесили — яйца, всё тамо.

А женщины что делают? Только что почувствовала, что во чреве имеет, сами знаете куда ходят. Да прости, Господи, баб безумных! Грешат. Дак не только в этом грехе женщины — и мужчины, кто это позволяют. И этим грехом грешим.

Родные мои! И пост. Время пришло. Двадцатый век...

Святитель Тихон когда жил, был у него Кузьма-старик. Хорошо. Как-то Кузьма идет в церковь. Пост Великий, перед Вербным воскресеньем. Рыбак идет, Ванькя:

— Отец Кузьма, вот я судака поймал!

Он говорит:

— Дай тебе, Господи, здоровья!

Отдал ему судака, на Вербное воскресенье наварим ухи. Вота, Кузьма не съел судака-то. А идет Филипп, другой старик, 20 годов не видалися. Говорит:

— Кузьма, мне 80 годов. Пришел с тобой проститься, помирать буду.

Дак ну, Кузьма:

— Господи, пост еще будет, дак он, может, еще не доживет до будущего года. Сейчас сготовлю судака.

Домой принес в келью, велел наготовить, наварить, нажарить. Огромный судак тот был. Ладно, обедня отошла. Пришли, а дверь-ту не заперли. Вдруг открывается дверь, входит святитель Тихон, а они судака едят, жареного. Те в ноги святителю. А он говорит:

— Братие, любовь превышает пост.

Ты молоко-то пей, а из людей кровь не пей.

Родные мои! Не особо давно позвали меня в-на Борок:

— Отец Павел, приди мамку причасти.

Пришел. Интеллигентный дом. Что ты! Пироги — вакса: ешь и пачкайся! Живут — страсть! Палку не докинешь — богачи, ради своих трудов. Женщину причастил, напутствовал. Этот мужчина говорит:

— Отец Павел, знаешь что? Ты к нам никогда так не зайдешь, а вот я, пользуясь случаем, пригласил тебя к мамке-то. Погляди, как мы живем.

Как распахнул дверь-ту, а на столе-то, робята! Нажарено, напекено.

— Отец Павел, на любое место!

Я говорю:

— Парень, ведь пост.

А он и головушку повесил, говорит:

— Недостоин, недостоин посещенья твоего.

А жена-то все вздыхает. Я думаю: «Господи, а пост будет».

— Парень! Режь пирога, давай рыбы, давай стопку!

Господи, робята! Напился, наелся на две недели. И домой пришел с радостью, и парню благотворил. Дай ему, Господи, доброго здоровья! А пост-то! Постится да молится, когда люди не видят. Верно? Верно! Вот так-то.

Слушай, вот старуха была. Постилася, молилася всю жизнь. Старость пришла — наша старуха, аух! ослепла. Сидит на завалинке. Сын ее не обижал, внучата не обижали. Ну, что есть, то и ешь! Сердобольная соседка идет:

— Михайловна! Вот я тебе с грибами похлебки принесла. Сёдни постный день-то.

— Ой, да спасибо, Оля!

Идет сын:

— Что, тебя, зараза, не кормят?

Как эту каструлю взял, этой Оле пендаля дал. Оля через дорогу летела, каструля летела незнамо куды в крапиву. Мать — за шиворот домой. Долго Михална стонала.

Ты молоко-то пей, а из людей кровь не пей. Верно? Верно. Вот так.

Знали старуху, она умерла, постница была страшная. Вдруг шла старуха, упала, а мужик-пьяница Васькя ехал, подобрал ее и в больницу привез — вон, в Марьино. Говорят:

— Отец Павел, Дуня Предтеченская в Марьине в больнице.

Пришел, доктору говорю:

— А чё?

— Дак и чё — упадок сил. Видишь, испостилася.

Когда она вышла из больницы, я ей говорю:

— Ты постилася только, а Васькя, который тебя привез, он Божью заповедь исполнил — «да болен был, и вы посетили Меня»[1].

А пост — да, хорошо поститься, но в настоящее время лучше не поститься, чем без ума поститься.

Еще пример. Мужик умный-умный, жена у него умная-умная и дети умные. Как-то за мной:

— Отец Павел, маму надо причастить.

— Приду.

Прихожу. Мать лежит — другая комнатка, в чистоте. Поисповедовал. Ну, и домой. Он говорит:

— Нет, отец Павел, я знаю, что не придешь к нам никогда. Тебя никогда не зазвать. Да погляди-ко как мы живем-то.

Господи! Зашел. Стол. А на столе пироги — вакса: ешь и пачкайся. Всего на столе. Я говорю:

— Родной мой! Ведь пост!

А он говорит:

[1] Мф. 25, 36.

— Слушайте, я отпросился с работы, отпустили. Жена ночь не спала, попекушки да пáпушники пекла. А ты вот от нас и куска хлеба...

Думаю:

— Господи! «Согреших на Небо и пред Тобою»[1]! Давай!

Сам на стол.

— Отец Павел, бахнем маленько?

— Дак давай.

Родные мои! Попил, поел. Он говорит:

— Дак спасибо тебе, родной батюшко! Всех детей принесу крестить.

А вот домой-то пришел — хватит, ты там наелся. Не кажите себя перед Богом праведником, ни перед людями[2]. Не делай въяве, а делай втайне. И Господь тебе воздаст.

Так, родные мои! Кто помогали в ремонте церкви — спасибо вам! Дай вам, Господи, доброго здоровья! И не говорите, когда отец Павел сделал. Все это сделала ваша копейка, и староста ничё не сделала. А это сделали вот эти старухи. И крышу покрыли. Сохрани вас Господи! Молитеся. Так как молилися, так и молитеся. Не завидуйте. Творите благо, избегайте злаго — спасены будете!

[1] Лк. 15, 18, 21.
[2] Ср.: Лк. 16, 15.

Проповедь к покаянию и слово в конце Литургии в день празднования иконы Пресвятой Богородицы «Достойно есть» 24.06.1985

Сегодня исповедались очень много народа. Поэтому слушайте. И в этом, если грешные, сознавайтесь. Это такая притча есть. Вот слушайте.

В одном месте прошел слух, что Спаситель придет в этот город. Сам Христос. А кто хороший человек, благочестивый человек, Он придёт в гости к нему. А Он каждый день к нам, каждый час к нам. А у этого человека благочестивого будет гостить.

Одна женщина — церковь она посещала, каждый день Евангелие читала, молилась, вела прекрасную жизнь, но гордость у нее была. И вот она сама себе говорит: Спаситель ко мне придет, обязательно придет. Напекла, наготовила. Этого не было, а пример, притча. Все наготовила. Ждет Спасителя. Самовар вскипела, мармашели наварила, пирогов напекла, яишницу сделала по-простому — Спаситель придет. Притом же она Евангелие каждый день читала.

Идет мальчишка-сосед и говорит:

— Тетя Маня, ради Христа, пойдем, помоги, с мамой плохо сделалося. Стонет, а мне ее не поднять.

— Не пойду. Ко мне Гость придет. А ты пришел, нахрямдал тута в грязных сапогах.

Прогнала ребенка. Ну чего. Мальчишонка домой пришел, мать поправилася. Слава Тебе, Господи!

А Мария ждет, она верила-верила неложному слову Христа. Обед прошел. Нет. Все глаза проглядела — нету Христа. Ладно. Идет из другой деревни мужчина:

– Мария, коровушка телится, да неладно. Пойдем, помоги ради Христа, ты по коровам-то понимаешь.

– Уходи, ко мне Гость придет, я Гостя жду.

Нету. Прогнала мужика. Мужик пришел домой, корова-то отелилась. Ладно.

А Мария ждет Христа, не дождется. Поздний-поздний вечер. Входит мужчина и говорит:

– Слушай-ка, баба, я овдовел давно да пропился́. А как, сами знаете – стопочки да рюмочки доведут до сумочки. Пропился, бельишко на мне-то старенько. Улатай, постирай.

Во принес грязного-то белья!

– Уходи, провалился бы ты.

Выгнала:

– Я Гостя жду.

Нету Гостя. На варенье мухи насели, пирог как дуб сделался, зачёрствел, самовар – все уголья пережгла. Нету Гостя, не пришел к ней Христос. Уснула.

Видит сон. Пришел к ней Спаситель. Она говорит:

– Господи, я верю неложному Твоему слову, потому что каждое слово Твое истинно. И вот сказали, что Христос придет, я ждала Тебя.

Он говорит:

– Да, Мария, Я за твою благочестивую жизнь, за твою любовь к храму Божиему к первой тебе пришел. Я к тебе три раза приходил, а ты Меня три раза выгнала.

– Господи. Нет, этого не было.

– Евангелие читаешь?

– Господи, ежедневно.

– Дак вот, говорит, баба, слушай, вот здесь написано: «Болен был, а вы посетили Меня»[1]. Это приходил-то не Васютко, а это Я к тебе приходил, а ты Меня выгнала.

– Не знала, Господи. Ну, а второй-то раз когда?

– А второй раз мужик-от пришел, попросил тебя. Я послал мужика-то, Я навел на коров, чтоб тебя испытать, твою веру. «В беде были, а вы помогли Мне». А ты Меня выгнала.

[1] Мф. 25, 36.

— Господи, не знала! А третий раз когда, Господи?

— А третий-то раз приходил опять Я к тебе. «Наг был, а вы одели Меня»[1].

— Не знала, Господи!

Врешь, зараза, знала! Потому что вот тут написано: «Кто сотворил единому из малых сих, Мне сотворил»[2]. А ты Евангелие читаешь. Вот, родные, вот из этого примера, этого поучения, себе сделайте пример. Это нехороший пример.

А прекрасный пример. Идет мужчина. Вдовец, похоронил жену, ребенок Васютко, годов восьми, мальчик маленькой... Ну, вдовья жизнь, знаете какая. Завтра Рождество Христово. А Вася-то:

— Сегодня, — говорит, — обязательно придет, папка, к нам Спаситель.

— Да полно, Вася.

— Тятя, придет Спаситель!

И ждет. Нету. Уже вечер. Глядит: а на улице-то да ребятишки-те и бьют какого-то мальчишку. Васькя был здоровый, растолкал мальчишек, кому морду набил, кому пендаля дал, всех этих разбойников. Мальчишку привел домой:

— Избили тебя.

А мальчишка еще прекраснее. Вечер. Умыли, причесали, напоили, накормили. А он говорит:

— Папка, у меня двое сапог-то, а у мальчишки-то и пальцы вывалися, отдадим валенки-те.

Он говорит:

— Вася, я ж твоей воли не отнимаю. Пожалуйста, отдай валенки.

Мальчишка сияющий, радостный ушел. Добрые люди! Прошло несколько время, Васек ждет Спасителя.

Идет мужчина и говорит:

— Добрые люди! Завтра Рождество Христово, покормите, поесть охота, озяб.

— Да милый дедушка, да дай тебе, Господи, здоровья!

[1] Мф. 25, 36.
[2] Ср.: Мф. 25, 40.

Накормили, напоили и с собой папушников дали. Ушел старик радостный.

Васькя ждет Христа. Нету. Ночь, фонари загорелися, горят. Вася в окошко глядит. Господи, милостивая Царица Небесная!

– Какая-то женщина, папка, какая-то баба стоит у столба-то да и с ребенком. Пойду. Известно, какой-нибудь пьяница морду начесал да и выгнал. Папка, человек она.

Привел ее в избу. Накормили, напоили, ребенка обиходили. Чего делать? Опять говорит:

– Тятькя, куды же они пойдут в мороз-то, в метель-то, пускай ночуют.

– А где?

– Да вот где: ты на диване, я на сундуке, а они на нашей кровати.

– Дак пускай.

Успокоилися, уснули. Снится Васеньке сон. Пришел Сам Христос. Обласкал его:

– Чадо ты Мое милое, будь ты счастлив на всю свою жизнь.

– Господи, а я Тебя днем ждал.

А Он говорит:

– Я к тебе три раза приходил. Дорогой мой, ты три раза Меня принял, ты три раза Меня ублаговолил.

– Господи, не знал.

– Вот не знал, а принял Меня. Первый раз ты не мальчишку спас от рук ребятишек-хулиганов, а Меня спас. Как и Я, заплевания и раны принял, так и мальчишка этот. Будь счастлив, Мой родной!

– Господи, не знал. Я бы им все зубы выбил. Аух. А второй раз когда, Господи, Ты ко мне приходил?

– А второй раз Я к тебе приходил: не нищий, это Я к тебе приходил. А вы со Мной сами-то корочки ели, а Мне па́пушников, самое мягкое отдали с отцом.

– Ну, Господи, ну а третий-то раз, может, я бы Тебя и узнал.

– А третий раз Я у тебя и ночевал с Пречистой-то Своей Матерью.

– Как?

— Она бегала в Египет от Ирода, так же Я пришел. Ты Меня у столба как в египетской пустыне нашел и домой привел, накормил, напоил, свою постельку отдал. Будь счастлив, Мой родной! Пусть тебе солнце всегда в глаза светит, а не сзади.

Родные мои! Васютко просыпается утром:

— Папка, а где же женщина-то с ребенком?

— Аух! Нету.

— Папка, а валенки-то мы отдали нищему, да вон они стоят.

Вот и вы так же. Родные мои! А мы чего делаем? «Да уходи... Нахрямдают...» Пустили бы, а накормить-то? Мы сами да зажрались, не знаем чего спить да съесть. А кто попросит кусок, дак — о, пьяница-зараза! Да ты не пьянице давай-то, а человеку. Закрой глаза перед собой, и Бог будет с тобой. Добро делай верующему и неверующему. Не нам судить — пьяница ли, разбойник ли. А помни, первый — разбойник вошел в Царствие Небесное.

— Помяни мя, Господи, во Царствии Своем.

И Господь сказал:

— Сегодня же будешь со Мной в раю[1].

И мы делай, как разбойник благоразумный, и Господь тебя помилует. А молиться за всех надобно, за всех — и за верующих, и за неверующих по примеру Христа: «Господи, прости, не знают бо что творят». Родные мои! А я еще так молюся: «Господи, за молитвы праведников сохрани грешников».

Сейчас пост. Пост телу чистота, пост душе красота, пост Ангелов радование, пост бесов горе. Что бы тебе не поститься? Одна живет. Кто тебе чего сделает? Да никто. Хоть редьки ешь, али свеклы, али капусты. Уж как теперь не поститься — только постись. Но надо помнить: будьте мудры яко змея, а целы яко голубие[2]. Двадцатый век. Пословица есть: пляши, враже, як пан каже. Предлагаемое да ешьте.

При жизни святителя Тихона был у него в монастыре Кузьма. Вот перед Страстной неделей в Великом посте Кузьма идет в церковь. А егонный приятель несет судака. Говорит:

[1] Лк. 23, 42-43.

[2] Мф. 10, 16.

— Отец Кузьма, я тебе судака несу на Вербное воскресенье.

— Дай тебе, Господи, здоровья! На́ целковый.

Судака отнес домой, опять идет в церковь. Вота! Яков, приятель егонный, 20 годов не видалися.

— Яков, как ты попал сюда?

— А вот так попал. Пришел прощаться, мы с тобой больше не увидимся. Из Питера приехал к тебе.

«Пост. А чего я пощуся? Пост еще будет, а Якова я больше не увижу». Бегом воротился, судака очистил, из головы и потрохов уху сварил, а это зажарил. Поставил. Родные мои! Судак в печке стоит. Пошли в церковь с Яковом помолиться.

— Яков, пойдем! У меня есть.

А дверь-то не заперли. Сидят, едят судака-то. Раскрывается келья, дверь, входит святитель Тихон. Они ему в ноги:

— Владыка, прости!

— Робята! Ешьте! Любовь превышает пост. Ты последнее ему зажарил и отдал. Ешьте на здоровье!

И сам, а он великий постник был, святитель Тихон, и кусок рыбы съел, и ухи похлебал. И вы так же.

Слушай, а как же святитель Митрофан говорит: употреби труд, имей мерность, не объедайся, не опивайся — здоров будешь. А всего шибче: твори благо, избегай злаго — спасен будешь! Вот так. Ищите прежде Царствия Божьего, а остальное всё приложится[1]. Полегонечку, помаленечку.

Родные мои! Молитва — это крылья. Как птица без крыльев, так и человек без молитвы. Аух! Ноги отказалися, глаза не видят, да как молиться? Да хоть утром-то: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Обед пришел: «Господи, благослови!» (А тебе дольше нужно.) Вечер пришел: «Слава Тебе, Господи!» Это обязательно. А кто прибавит к этому ещё — и желательно, и похвально. Потому что человек без молитвы, как птица без крыльев.

Родные мои! Копейки потеряешь — наплевать. Какую одежу потеряешь да украдут — да наплевать. Совесть. У совести

[1] Ср.: Мф. 6, 33.

нет зубов, а она загрызет до смерти. Я пожил на веку, повертелся и на спине и на боку. Да как чиста-то совесть, старухи: да придешь — чего поешь, да как лягешь — на чем лягешь. Да как спишь — Господи! — дольше бы не будили! А как грязна-то совесть: из бани придешь, чаю напьешься крепкого, сахару как льду сахарного, папушник мягкий и похлебка теплая — всёго нахлебался. Лягешь — а что-то не спится! Аух! Совесть... Не теряйте. Совесть потерять — самое страшное.

Родные мои! А еще всех страшнее — человеку в глаза посмотреть. Пашка, дура, мы с тобой 25 годов живем, не стыдно в глаза-то посмотреть? Вот и вы так. Я часто видел, идут навстречу две родные сестры. Одна видит, что идет вторая, наплюет навстречу. Родные мои! «Друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов»[1]. А вы, архиереи и протоиереи, работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему вечно.

***

О. Павел: Мирное и благоденственное житие, здравие, благоденствие и в очах Твоих поспешение подаждь, Господи, Святейшем Патриарху Пимену, и Высокопреосвященнейшему Платону, архиепископу Ярославскому и Ростовскому, со всем освященным собором, братиям и прихожанам святаго храма сего, освяти и сохрани от огненнаго запаления и всякаго прилога вражия храм же сей святый непоколебим, незыблем, освяти и сохрани и молящихся в нем — на многая лета!

Иерей: Священноархимандриту Павлу, настоятелю святаго храма сего, прихожан святаго храма сего, всем-всем предстоящим и молящимся — многая лета!

О. Павел: Вот чего, слыхали, пели? И не скулите, что хвораете да голова болит. Работайтё. Сено коситё, картошку обихаживайтё, по грибы ходитё, малину щиплитё, свёклы да капусты садитё. Помнитё: без труда не вынешь рыбку из пруда. Поняли? (*Поняли.*) Что потопашь, то и полопашь. Да. А теперь время-то пришло, да все зажралися, у всех

[1] Гал. 6, 2.

много всего. Да? Белый хлеб не едим, мармашель не едим. Да. Так вот что, а набаловалися. Вино лопают бабы-те. Бабы, помните, душечки: стопочки да рюмочки доведут до сумочки .... А пока вам доброго здоровья!

Вот что, родные! Бог знает: я здесь 25 лет. Годы́ у меня уже как зрелая ягода. Сегодня жив, завтра лопну. Так, родные мои, за 25 лет мне никому не стыдно в глаза поглядеть, никто меня не обидел. А Бог знает: как ягода лопну, да и все. Сегодня хожу, а завтра... Да и наплевать... А молитеся за меня, может, еще и поживу у Царицы Небесной. Вот жизнь... А вам спасибо, доброго здоровья. Дай вам, Господи! Что не так? Эй, Марья, и тебе спасибо! Храни вас, Господи! А пока еще поживу. Потихоньку да помаленьку. Но только знаю: был конёк, а стал горбунок. Пока — храни вас, Господи!

Рассказы отца Павла о своей жизни

Родословный корень Груздевых, в старые годы Терехиных, происходивших из деревни Большой Борок, Ярославской губернии, Мологского уезда, Боронишинской волости

Запись в тетради

Напишу помолясь да благословясь.

Когда-то, в деревне Большой Борок проживал крестьянин Терентий (Тереха), на что указывает то, что в деревне Б. Борок до коллективизации был Терехин десяток, как то Усанов десяток, Бабушкин и так далее. У этого Терентия был сын Алексей, у которого была кривая супруга Фекла Карповна. У этой четы были дети: два сына и четыре дочери. Первый сын был Иосиф Алексеич, который женился на Александре Вавильевне из деревни Старое Верховье. У них были дети: Иван Осипыч, Анна Осиповна, Александра, по прозвищу «Краля», и Евдокия Осиповна.

Иван О. был женат на девице из Боронишинского прихода Александре, были у них двое детей: Николай и Мария. Иван О. был рыбак. Как-то зимой поехал на реку Мологу ловить рыбу и при спуске с горы напоролся на пешню, отчего умер. Жена его Александра перебралась к родственникам в Питер, а там Бог знает, что с ним[1] стало, ведь Питер-то большая деревня.

Анна О. в замуж не выходила, прожила всю жизнь в труде да молитве в г. Мологе, у купца Блатова горничной, а потом взяла и мать Вавилиху к себе. Обе похоронены на кладбище г. Мологи.

[1] Так у отца Павла.

Александра О. (Краля) была выдана в замужество в деревню Новое Верховье, за некоего Павла, а происхождение его не знаю. Кто у них были дети? Не знаю.

Евдокия Осиповна вышла в замужество в деревню Замошье за Николая Алексеича Власова (Пашина). Был у них сын Александр Н., работал в торговой сети. Вроде были и другие, но помню плохо. Сам Осип Алексеич был с одной рукой, а вторую оторвало на мельнице в Рыбне у Галунова, где он работал крупчатником[1]. Избенка была капельная[2], два окна на юг и два на восток, крыта соломой. В огороде в самом центре росла огромная рябина и все глушила своей тенью.

Второй сын Алексия Терентича был Иван Алексеич Груздев. Это был старичок среднего роста, небольшая русая борода, проницательные карие глаза и неизменная трубка-носогрейка, волосы подстрижены под горшок, старенькие русские сапоги, плохонький пинжак и старый картуз. И с утра до ночи работа да забота.

Земли было один надел, а семья 2 сына, 4 дочери, мать старуха, сестра девка-негуляха да самих двое. А урожаю 2 мешка ржи, 4 овса, 2 пуда льнянова семя, 20–25 мешков картошки, 8 ведер серой капусты да 2–3 ведра белой, пудов 200–250 сена, на дворе корова, лошади не бывало. Вот это все, что давал надел земли на семью из 10 человек, и приходилося уходить на заработки на сторону.

Летом И.А. работал в Рыбне на «Туерах» — это такое водное судно, которое передвигалось при помощи цепи, которая лежала на дне реки. А маршрут их был с Рыбны по Волге до Копава, а по р. Шексне до Карпунина. Какую работу дедко выполнял на туерах я не помню, но хорошо помню, как бабушка брала меня с собой, когда она ездила из Кулиги к нему за получкой. Зиму дедко работал в Мологском Афанасиевском монастыре — по хозяйству, чинил конскую сбрую, инвентарь, там заготовляли дрова, и выполнял другие работы,

[1] Крупчатник — строитель или хозяин крупчатки, мельницы для обдирки круп (Даль). Может, работник, занимающийся обдиркой круп.

[2] Капельная — маленькая, крохотная.

за что получал приличное жалованье, на которое содержал свою семью.

Иван Алексеевич Груздев умер 30 марта 1920 года, похоронен на приходском кладбище Афанасьевского монастыря.

Супруга его была Мария Фоминишна, урожденка Петрова из деревни Новое Верховье. Это была плотная, физически развитая женщина, от природы процентов на 40 глухая, с бородавкой на левой щеке. Жизнь ее проходила – работа да забота: лето в поле, зима пряла, ткала, внучат подымала. Померла бабка в деревне Борок в 30-тых годах и похоронена на городском кладбище г. Мологи.

У этих тружеников было шесть человек детей: дочь Ольга, сын Александр, дочь Александра, сын Иван, дочь Елизавета и дочь Анна. Были и еще дети, которые умерли в детском возрасте.

Первая дочь Груздевых Ольга по окончании одного класса начальной школы ушла на постоянное жительство в Мологский Афанасьевский монастырь, где жили две родные тетки, монахиня Евстолья и инокиня Елена Петровы. В монастыре послушница Ольга была определена в живописное училище, в котором преподавал уроки рисования профессор живописи Петр Антоныч Жуков. Рисование послушница Ольга усвоила прекрасно. Ею были написаны в церковь Архистратига Михаила на Даче[1] иконы – местная Спаситель и Распятье. Ее прекрасная работа – это две картины: вид монастыря с западной стороны, вышитый бисером, и вторая картина – изображение преп. Серафима, кормящего медведя, картина была вышита цветным шелком. При игумении Иннокентии инокиня Ольга была удостоена пострижения в рясофор, в коем звании и померла 4-го сентября ст. ст. 1926 года. Похоронена на монастырском кладбище рядом с теткой монахиней Евстолией, умерла 42 лет.

Второй сын Александр родился в 1888 г. По окончании трех классов церковно-приходской школы был направлен

[1] Монастырский земельный участок в 12 верстах от обители.

родителями в г. Рыбинск в лавку к некоему Андреянову, который торговал дрожжами. Но непосильный детский труд и бесчеловечное зверское обращение хозяев вынудили его пешком бежать в Мологу, и, не заходя домой, выпросился в мальчики к Иевлеву Александру Павлычу, который имел мясную лавочку, где и работал до революции, вернее до 1914 года.

Отсюда я стану Александра Иваныча называть «Тятя», так как я его старший сын, ныне игумен Павел.

Тятя с хозяином любили осенью ходить на охоту к Святому Озеру за утками. Их допреж там было тьма тьмущая, а охотников в г. Мологе, если было 10, то много, а в нашей Кулиге в 12-ти деревнях — двое: Николай Кузнец да Иван Бажан.

Однажды в дождливый осенний день, с множеством убитой дичи, наши охотники заблудились. Стемнялось, а дождь как из ведра. Куда идти? В какой стороне Молога? Никакой ориентировки. Но вдруг они увидали вдали как бы огненный столб, восходящий от земли, простирающий в небо, и они обрадованные пошли на этот ориентир. Через два-три часа Александр Павлыч и тятя уперлися в кладбищенскую ограду г. Мологи. Перебравшись через ограду, они увидали свежую могилу, на которой на коленях с горе воздетыми руками молился «Лешинька», от которого исходило это дивное сияние. Александр П. упал перед ним на колени со словами «Леша, помолись за нас», на что тот ответил: «Сам молись, и никому не говори, что ты меня здесь видал».

Второй случай из жизни Лешиньки был такой. Он каждый день приходил к Иевлевым в лавочку и обращаясь к хозяйке со словами «Маша, Маша, пятачок», который получая, сразу же кому-либо отдавал или же запихивал в какую-либо щель. Когда умер Александр Павлыч, хозяйка стала вести дела. И вот после похорон, как обычно, приходит в лавочку Леша со словами «Маша, Маша, пятачок». Получает от хозяйки ответ: «Леша! Видишь, я овдовела, торговля сократилась, стало быть, и ты посбавь с меня, бери три копей-

ки». На что Леша, не ответив ни слова, ушел из лавочки. Проходит неделя, другая, месяц — нейдет Лешинька к Ивлихе. Загрустила Анна Ивановна, да что-то и дела стали плохо клеиться. И вот однажды и говорит она тяте: «Санька! Обидела я Лешу. Только стал бы он ходить как раньше, гривенник стала бы каждый день давать». И только что сказав эти слова, вкатывается Леша со словами «Маша, Маша, пятачок», на что Анна Ивановна с любовью дает ему десять копеек, которые он не взял со словами «Спасибо, мне пятака хватит», и ушел из лавочки.

Леша жил и родился в г. Мологе, по фамилии Клюкин. Вел странный образ жизни, красил дегтем лицо, руки и т.д., летом ходил в шубе, в валенках, а зимой наоборот, постоянного места жительства не имел, жил тут да инде. Часто ходил в монастырь, где спал в хлебной на голой печи. Дрался с козлом по кличке «Костя», козел всегда был победителем. Был у него брат «Митрей» по прозвищу «Вшивый». Похоронен Леша в Мологском Афанасиевском монастыре у летнего собора, у алтаря с правой стороны. До 1930 г. на его могилке стоял белый деревянный крест и железная ограда. Таков был Мологский мещанин Алексей Клюкин (Лешинька).

В 1910 году Александр Иваныч женился на девице из деревни Новоселки Солнцевой Александре Николаевне, с которой взял приданого 12 рублей. Это была девушка, до самого замужества работала в Рыбне у купца Субботина Ивана Матвеича прислугой. Первая вставала, последняя ложилась. Дом двухэтажный — сколько печей истопит, сколько полов вымоет, а стирка, а вода. Правда, она не готовила, но черная работа лежала вся на ее плечах, одне лампы наливать да заправлять и то горе горькое.

С замужеством пришла другая жизнь, другие заботы. Семья — свекор Иван Алексеич, 2. свекровь Марья Фоминишна, 3. бабушка Фекла Карповна, 4. деверь Иван Иваныч, 5. золовка Александра Ивановна, 6. золовка инвалид от природы Елизавета Ивановна, 7. золовка Анна Ивановна, да молодых двое. Итого 9 человек. А изба 5 аршин в ширину, 7 в длину,

4 окна, у порога русская печь да в сенях кадка крошва[1]. Как жили? Но жили: 3го августа 1911 г. родился сын Павел, 1912 г. родилась дочь Ольга, в начале 1914 г. родилась дочь Мария, а 19 июля 1914 года началась война. Осталась Александра Н. с малыми детями да со старыми стариками. А жить надо и жили. А как? Да так же, как и все.

Помню был оброк не плочен да штраф за дрова, что на плечах из леса носили. Вот и приговорили бабку и маму на неделю в Боронишино, в волостное правление, в холодную. Конечно же бабка и меня взяла с собой, и нас из Борку много набралось неплательщиков. Я кой-кого помню, а именно: Марья Михайловна Бабушкина с сыном Володей, а ему было 3–4 года, Любовь Усанова с сыном Васей 4–5 лет, Марья Лавошница с Федей тоже годов 3–4. Набралось нас человек 15–20. Заперли всех в темную комнату — сидитё, преступники. А среди нас были глубокие старики Тарас Михеич да Анна Кузина, обоё близоруких. Вот и пошли они оправиться в уборную, а там горела 5-тилинейная керосиновая лампа, оне ее как-то и разбили, керосин вспыхнул, мало-мало и они-то не сгорели. А на утро пришел старшина Сорокоумов и всех нас выгнал. Это было 29 августа 1915–16 года.

В 1918 году тятю по болезни демобилизовали из армии, и выдался тут голодный год. Вся наша семья в количестве 9 человек двинулись от голода в Саратовскую губернию, Аткарский уезд, село Земляные Хутора. По дороге у мамы в Москве родился сын Борис. По прибытии в это село тятя с дедком нанялись в пастухи. Разразилась эпидемия тифа, жертвой которого стали два брата. Алексей † 25 марта и Борис † в Троицу 1919 года. Помяни их Господи! В конце лета тиф свалил и тятю, но каким-то чудом, именно чудом, он выжил. Скотину с дедком пасла Мама. Прошло лето. Тятя нанялся к местным богачам на маслобойню, где выполнял адский труд в кабале у кулаков. А мама батрачила. Зимой ее тоже свалил тиф. Как выжила? Как жили? А Господь знает.

[1] Вероятно, крошева — рубленой, квашеной капусты.

Весной 1920 г. возвратились на родину, и тяте пришлось отделиться от матери. Дали фатеру, нежилой Кузин дом, дали на полдуши земли. Наги и босы, земли-то дали, а чем сеять? Аух. И вот игумения Августа из состраданья дала на время лошадь и семян. Слава Богу – посеялись. Тятя ночь караулил деревню – ночной сторож, день плел лапти, а Мама ходила по деревням их продавала. Этим кормились. Нищие и голодные, а все равно 3 марта 1921 года родился брат Алексей. За лето хлеба намолотили, картошки накопали и сена накосили, да еще стог продали и в деревне Новоселки у Миши Клопика купили телушечку. Тятя напилил в лесу бревен, как вывезли – не помню, дали ободворину[1], стали строить свой дом. Тятя устроился по специальности в мясной магазин продавцом. На Покров 1926 г. перешли в свою хату. За этот период народились и в детстве померли Борис 19 июля и Вера 15 августа, а в каком году запамятовал.

Жили Слава Богу, но вот началось грандиозное строительство Волгострой. Начислили нам 2111 рублей и очищайте место. Решили перебраться в г. Тутаев и перевезти свои избы: 1. Усанов Павел Федорыч, 2. Груздев Александр Иваныч, 3. Бабушкин Алексей Иваныч, 4. Петров Василий Андреич. 5. Бабушкина Катерина Михайловна, 6. Кузнецова Александра Ив.

На этом запись «Родословный корень...» заканчивается

[1] Ободворина – земля на задворках, вблизи деревни.

Устные рассказы

***

Живу в Мологе — послушником был Мологского Кирилло-Афанасиевского монастыря — было мне в ту пору годков шесть-семь, не больше. Только-только стали мед у нас качать на монастырской пасеке, и я, тут как тут, на монастырской лошадке мед вожу. Распоряжалась медом в монастыре только игуменья, она и учет ему вела.

А медку-то хочется, да и сестры-то хотят, а благословения нет. Не велено нам мед-то есть.

— Матушка игуменья, медку-то благословите! — прошу у игуменьи.

— Не положено, Павлуша, — отвечает.

— Ладно, — соглашаюсь я, — как хотите, воля Ваша.

А сам бегом на скотный двор бегу, в голове план зреет, как меду-то раздобыть. Хватаю крысу из капкана, которая побольше, и несу к леднику, где мед хранят. Ветошью-то крысу медом вымазал, несу:

— Матушка, матушка! — А с крысы мед течет, я ее за хвост держу. — Вот в бочонке утонула, зараза!

А крику! Что ты! Хоть бедная эта крыса сроду меду не видала и бочонка того. А для всех мед осквернен, все в ужасе — крыса утонула.

— Тащи, Павёлко, тот бочонок и вон его, — игуменья велит. — Только чтобы его близко в монастыре не было!

Хорошо! Мне того и надо. Давай, вези. Увез, где-то там припрятал...

А исповедовал протоиерей отец Николай, умер он давно и похоронен в Мологе.

– Отец Николай, батюшка! – начинаю я со слезами на глазах, – стыдно! Так и так, бочонок меду-то я стащил. Но не о себе думал, сестер пожалел, хотел угостить.

– Да, Павлуша, грех твой велик, но то, что попечение имел не только о себе, но и о сестрах, вину твою смягчает, – а потом тихо так мне в самое ушко шепчет: И мне бидончик нацеди. Я о тебе, дитя мое, помолюсь, а Господь, видя твою доброту и раскаяние, грех простит!

Да Господи, да Милостивый, слава Тебе! Легко-то как! Бегу, бидончик меду-то отцу протоиерею несу. В дом ему снес, попадье отдал. Слава Тебе, Господи! Гора с плеч.

***

Вот послушайте, как я славил в свое время.

– Матушка игуменья! – это голос келейницы, – тут Павёлко пришел, славить будет.

Это я-то, Павёлко, на ту пору годов шести. В келью к ней не пускают, потому в прихожке стою, когда слышу голос игуменьи из кельи:

– Ладно. Пусть славит, пусть славит.

Тут я начинаю:

Славите, славите
Сами про то знаете,
Я Павёлко маленькой
Славить не умею,
А просить не смею.
Матушка игуменья, даждь пятак?!
А не даждь пятак, уйду и так.

Чуть погодя слышу:

– Онисья! – келейница у ней была, – дай ему целковый!

А целковый знаешь какой давала? Не знаешь! Серебряный и две головы на нем: государь-император Николай Александрович и царь Михаил Феодорович – были тогда такие юбилейные, серебряные рубли! Слава Богу!

А дальше я к казначее пойду – процедура целая такая – а далее к благочинной. А что поделать? У простых самих, то-

го, сами знаете чего! Целковый у них, хоть и целый день ори, не выклянчишь. Ладно! Далее, значит, к казначее иду. Эта процедура у меня — полтинник! От казначеи к благочинной. А казначеей была бабка Евстолья, моя тетка. Ох и здорова была, что ты! А благочинная еще толще — матушка Севастиана. Сидит за столом, в белом апостольнике, чай пьет. Кот у ней был Зефир, такой, как и она.

— Матушка Севастиана! — келейница ей кричит. — Павёлко пришел, хочет нам славить.

Она, головы не повернув, говорит:

— Там на столе пятачок лежит, дай ему, да пусть уходит.

— Уходи, — всполошилась келейница. — Недовольна матушка благочинная. Ишь, только грязи наносил, наслядал. Половички какие чистые да старинные. Грязи навозил, уходи!

Развернулся, не стал и пятачок у ней брать. Ладно, думаю, вот помрешь, по тебе тужить не буду! И в колокол звонить не пойду, так и знай, матушка Севастиана! А слезы-то у меня по щекам рекой. Обидели.

А с колоколом связано почему? Это был еще мой доход в монастыре. Умирает, к примеру, мантийная монахиня, может, какая Евникия или Клеопатра, к примеру, конечно, тут же приходит гробовая — Фаина была такая, косоротая. А приходит она опрятывать тело усопшей. После чего, облачив, кладут в гроб. Нам с Фаиной оставляют мантейку от облачения усопшей, и мы идем с нею на колокольню. А хотя бы час ночи или хоть как дня, ветер, снег или дождь с грозой: «Павёлко, пойдем».

Забираемся мы на колокольню. Ночью звезды и луна близко, а днем земля далеко-далеко, Молога как на ладошке лежит, вся словно ожерельями обвита реками вокруг. Летом, когда по Мологе от Волги баржи тащут, зимой — все белым-бело, весной в паводок русла рек не видать, лишь бескрайнее море...

Пока я красотами любуюсь, гробовая Фаина обвязывает мантейкой язык колокола — был колокол у нас на 390 пудов и 25 фунтов. Потянула Фаина мантейкой за язык — «бу-у-м-м-м»,

и я с нею — «бу-м-м!». Делай три поклона. А хоть ты корову доишь или на лошади скачешь, пешком бредешь, хоть князь, хоть поп, да кто бы ты ни был — клади три поклона в память о новопреставленной. Уж порядок такой. Идет игуменья, а ты «бум-м-м», три поклона земных. Вся Русь так жила в страхе перед Богом.

И вот эта мантейка висит на языке колокола до сорокового дня. Через сорок дней, от дождя, снега и ветра одни-то лоскутки останутся. В сороковой день лоскутки-то соберут и на могилку. У могилки панихиду служат и мантейку ту в землю закапывают. Касалось это только мантийных монахинь, а всех остальных хоронили как обычно. А мне за то — Павёлко-то всю ночь и день на колокольне сидит — рубль заплатят. Это был мой трудовой доход. Слава Богу, умирали не часто. Так и жили в монастыре, в Мологе.

***

Давно-давно, очень давно я в первых классах учился. Спектакль.

— Груздев, выступать! Ольга Комина, выступать!

Я крестьянином, а Олька крестьянкой. Рубашка — что ты! В лаптях — что ты! Пояс. Олька в юбке длинной. На сцену вышли, я и Олька. Я пою:

Русский я мужик простой,
Вырос на морозе,
Летом в поле за сохой.
А зимой в навозе.

И в Неметчине бывал
С русским я товаром,
Ни копеечки не брал
Ни с кого я даром.

Ладно... Олька поет:
Я сама из-под Москвы,
И в делах досужа
С ног зимой до головы
Одеваю мужа.

Летом сею, жну, пашу,
А время свободно —
Попою и попляшу,
Если вам угодно.
Уух!

Сколько годов, а память все еще есть!

***

Игуменья говорит:

— Павлуша, военкомат требует из Мологи.

Ладно... Запрягли лучшего коня — Бархатного, Манефа на козлы села. Манефа в подряснике, белом апостольнике, в перчатках — на козлах, я — в подряснике хорошем, белый воротничок, белые обшлага, скуфейка бархатная была — в пролетке. Приехали в военкомат. Военком поглядел, говорит:

— Это что за чудо?

— А это Груздев на при́зыв едет с монастыря.

— Давай с заднего хода!

Начали беседовать, вопросы всякие задавать.

— Война будет — пойдешь воевать?

— А как же, я обязан.

— А как?

— А как Господь благословит.

Повели меня испытывать.

— А теперь, допризывник, полезай туды, гоба́ться!

На физкультурный турник. Я говорю:

— Нет, не полезу! У нас курицы есть, я не курица! Дудочки, во кума́-кума́, не полезу!

Хорошо!.. Ну, сказали военкому, военком сказал машинистке, машинистка напечатала грамоту большущую. Запечатали, сургучовая печать тут. Ну, вот.

— Военнообязанный Груздев, поезжай-ка к матушке игуменье. Поезжай к ней, она скажет, как жить.

Прихожу, а там уж тятя, у игуменьи. В парадной комнате бабка, кока Нюха — тятина сестра, а мамка не была, она никогда не ходила. Прихожу — тарелка хорошая, на тарелку салфеточка прекрасная, вышита́я, на салфеточку пакет мой.

Господи! Игуменья сидит — очки, что ты! в белом апостольнике, чай пьет: фру-фру-фру.

— Матушка игуменья, Ваше приказание выполнено. Ваш послушник Павел был в военкомате. Вот документ.

Берет игуменья документ, этот пакет, дает Онисье:

— Онисья, читай!

Онисья читает:

— «Груздев Павел Александрович, 1910 года рождения, к воинской службе признан не годен: слабого умственного развития».

Слухай! Тятя игуменье говорит:

— Мать, так он дурак!

А игуменья и говорит:

— Чепуха! «Не годен»... Сам дурак!

***

Пришло время, всех выгнали и монастырь закрыли. Что куда? Кто куда? Монастырь-то когда разогнали, то многие сразу ушли, но кто-то из насельников и остался. Значился он только уже не как Мологский Кирилло-Афанасиевский монастырь, а как трудовая артель. Словом, монастырь расформировали в трудовую Кирилло-Афанасиевскую артель, иными словами, колхоз.

Большую часть монастырских помещений реквизировали, а оставшихся насельниц, трудениц и тружеников артели, уплотнили, выделив им под жилье небольшой флигелек. Но в храм, слава Богу, дозволяли ходить молиться.

Скотины у нас было много, да и другой всякой животины: кур, индюков... Пасека пчелиная. Молочный цех какой был! Что ты! Своя мельница. Как же все это оставить, бросить! На кого? Коровки, бычки, лошадки; Громик, Ветка. Кнута на конюшне сроду не бывало, и грубого слова они не слыхали. Словом, остались и трудились, на разорение бросать все это нам жалко было.

Полученную готовую продукцию сдавали, а часть ее на обмен возили, продавали в других районах. А как жить-то? Ведь нам никто ничего. Ездили чаще всего в Ярославль, на

Толгу. А от Мологи до Толги как ехать? Четыре часа на пароходе «Гаршин», тук-тук-тук, видный был колесный пароход. Что везли с собой? Везли масло, сметану, молоко, яйца, творог... Да чего только мы не везли! Хорошо! С творогом ехало нас человек пять, насельников артели. Была среди них: моя тетка — Оля, она заведовала молочным хозяйством, председательница — Ольга да еще кто-то, теперь уже я не припомню. На Толге нас встретят с радостью. Отец Григорий, был такой иеромонах, проводит нас на колокольню. Места там много было у них, каморок всяких они понастроили для хранения. И так тихо, заботливо скажет нам: «Спите здеся!» Ведь места-то на колокольне много. Пуховики даст нам укрыться, у-ух! Я таких сроду не видывал. Да Господи! Пошли им всем Царствия Твоего Небесного, ведь какие хорошие, какие чистые люди были-то! Ау-ух, теперя нету.

Наутро встанут, мы им продукты, они нам «агча» — деньги, значит. Так, родные мои, было, и было до той поры, пока не кончилось. Толгскую обитель тоже со временем закрыли, подвергли разорению, а монахов выгнали[1].

***

... Ладно, хорошо... Вот собрание какое-то намечено в артели, не знаю какое. Ну уж очень модным было тогда собрания собирать. Приезжает из города проверяющий, или кто еще, уполномоченный, сразу к нам:

— Где члены трудовой артели?

— Так нету, — отвечают ему.

— А где они? — спрашивает.

— Да на всенощной.

— Чего там делают? Так ведь собрание намечено!

— Того не знаем.

— Ну, вы у меня домолитесь! — строго заметит.

... Ладно, хорошо... Дальше пойдем.... Как-то и говорят нам:

[1] Толгский монастырь был закрыт в 1926 г. Использовался как площадка для испытания действующей модели будущего гидроузла; здесь размещалась и исправительно-трудовая колония для малолетних преступников.

– Есть постановление. Необходимо выбрать судебных заседателей из числа членов трудовой Афанасиевской артели. От монастыря, значит.

– Хорошо, – соглашаемся мы. – А кого выбирать в заседатели?

Выбрали меня, Груздева Павла Александровича. Надо еще кого-то. Кого? Ольгу игуменскую, у нее одной были башмаки на высоких каблуках. Без того в заседатели не ходи. Мне-то ладно, у меня, кроме подрясника и лаптей, ничего. Но, как избранному заседателю, купили рубаху хорошую, с отложным воротником. Ой-й, зараза, и галстук! Неделю примеривал, как на суд завязать?

Словом, стал я судебным заседателем. Хорошо! Идем: город Молога, Народный суд. На суде объявляют:

– Судебные заседатели Самойлова и Груздев, займите свои места.

Значит, я и Ольга. Первым вошел в зал заседания я, за мной Ольга. Батюшки! Родные мои, красным сукном стол покрытый, графин с водой! Я перекрестился. Ольга Самойлова меня в бок толкает и шепчет мне на ухо:

– Ты, зараза, хоть не крестися, ведь заседатель!

– Так ведь не бес, – отвечаю я ей.

Хорошо! Объявляют приговор. Слушаю я, слушаю – нет, не то! Погодите, погодите! Не помню, судим за что? Украл он что-то, муки ли пуд, или еще что?

– Нет! – говорю, – слушай-ка ты, парень-судья! Ведь пойми, его нужда заставила украсть-то. Может, дети у него голодные.

Да во всю-то мощь говорю, без оглядки. Смотрят все на меня – и тихо так стало.

...Пишут отношение в монастырь: «Больше дураков-заседателей не присылайте!»

***

Прошло еще мало времени – стали нас выгонять. Мологско-Афанасиевская артель закрывается. Отслужили в обители последнюю обедню. Мать игуменья Августа со всеми простилась:

— Сестры! — говорит. — Я уезжаю. Оставляю святую обитель на руки Царицы Небесной, а вы как хотите. Все у нас с вами кончилось. — И она заплакала.

И все мы разбрелись, кто куды, кто куды?

Всех выгнали и на сегодняшний день нет никого. 31-го марта 1929 года Мологская Кирилло-Афанасиевская обитель прекратила свое существование.

Я собрался и уехал под Новгород, на Хутынь.

***

Был у нас в Деревяницах бригадир — товарищ Мотрак. Подъеду я, бывало, к нему «на козе» под праздник: рыбки ему вяленой и еще к рыбке чего-нибудь:

— Слушай, бригадир, товарищ Мотрак! На праздник-то отпусти в обитель помолиться?

У меня из рук все это возьмет, посмотрит и скажет:

— Валяй, Павёлко, три дня свободен, беги, молись!

Низко я ему поклонюсь за это и бегу в милую сердцу обитель. Там и келья у меня была, в братском корпусе с западной стороны. Уже много лет спустя, после войны, приехал я туда, а все разрушено. Но, смотрю, мое окошечко в келье Господь сохранил. Так оно и простояло до той поры: кусок стены полуразрушенной, а в ней окошечко...

Но вот однажды, под вечер, возвращаюсь я с Деревяницкой судоверфи в свою обитель, а меня не пускают.

Стоит у ворот постовой в милицейской форме, и всем от ворот поворот!

— Ты чего здесь-то? — спрашиваю.

— А тебе какое дело? Убирайся!

— Как это так? Я к себе в келью иду.

— Какую еще келью? Всех ваших, всю вашу шайку монашескую того, выгнали! А если и ты ихний, то тебе положено собрать вещи и явиться завтра к утру в милицейский участок.

На следующий день, рано утром, как и велели, явился я в милицейский участок. Там меня ознакомили с бумагой, в которой предписывалось покинуть город Новгород в 24 часа. Все!

Испросил тогда я разрешения у милицейского начальства взять себе на память из монастыря икону с изображением святого преподобного Варлаама, на что дан был мне положительный ответ. 6-го мая 1932 года я уехал из Новгорода.

***

Когда-нибудь летом, да? сходим к нашему архимандриту Серафиму на могилку. Он похоронен здесь, в Тутаеве, на том левом берегу Волги, за алтарем Троицкой церкви...

Наш монастырь был от Новгорода десять верст, Хутынь-то. А почему-то уж очень любили приглашать нашего архимандрита Серафима в Новгород, в гости на всякие праздники. Машин еще у нас не было. И вот с утра пешком тихонько пойдем по дороге, а то и на какой лошадке поедем в красавец город — Новгород Великий. Сопровождали нашего архимандрита Серафима чаще всего отец Виталий — игумен, протодиакон отец Иона, а бывало и я.

А наш архимандрит был когда-то, еще в ту войну, императорскую, на фронте, потому-то и курил. Пальцы у него всегда желтыми были от махорки. И вот они, часть или вся армия, не знаю, попали в такое страшное окружение, что насекомых на них было, — вшей, значит, — хоть рукой греби. Потом уже все наладилось, вышли они по милости Божией из окружения. Только с той поры у нашего архимандрита привычка — ищет он, ищет вшей. «Ага! Вот она» — на себе их ловит. Приедем в Новгород, за стол сядем. Рыба на столе новгородская, все хорошо, сидим прекрасно. А наш архимандрит, гляжу — хвать! — по фронтовой привычке на себе вшей ловит. Я ему:

— Отец Серафим! Ведь из бани только. Чисто все!

Он мне отвечает:

— А вот ты побывал бы там, где я был...

Ладно, думаю, не моего ума дело.

А потом уж, когда наш монастырь разогнали, служил он в церкви села Кучерово, здесь, недалеко от Тутаева, там его и убили.

А было это в Христов день или на второй день Пасхи. Жена председателя была в церкви. Было это в ту пору, когда сви-

репствовал торгсин[1], золото скупали. И вот жена председателя колхоза стояла в храме. Увидала митру на голове отца Серафима. Я ему и раньше говорил:

— Батюшка, не надо надевать, только соблазн.

А он мне:

— Павлуша, может, они митры сроду-то не видели, пусть порадуются.

Пришла она домой и говорит мужу:

— Сегодня в церкви была, у попа шапка на голове, чистое золото.

А митру ему рукоделицы уже здесь сшили, из старых четок, веселинок — одним словом, — стекло. Вдруг приходят к нему ночью, на второй день Пасхи. А жил он там же в Кучерове, где и служил. Словом, стучат к нему председатель колхоза с женой. Того-другого с собой ему принесли:

— Отец Серафим! Да как мы вас любим, да как уважаем. Извините, что не днем-то пришли, а вот ночью. Сами знаете, люди мы ответственные, время теперь такое, боимся.

— Ладно, ладно! Хорошо, Христос для всех воскресе! Входите.

Открыл дверь и пустил в дом. Пошел он что-то взять или прямо тут наклонился, не знаю я точно. Может, посудину какую или еще что? А они-то ему топором, у-ух! Голову-то и отхватили. Украли митру, а на ней ни золота, никакой другой ценности.

Убитого его сюда, в Тутаев привезли. Освидетельствовал врач, Николай Павлович Головщиков, работал в санчасти.

Ну, что? Ой, да ведь он священник, как с ним быть? Родственников никого — монах. Царство Небесное отцу Николаю Воропанову — одел, тело ему опрятал. А не знал того, что я знаком был с отцом Серафимом, потому и не сообщил. Я уж потом узнал о кончине настоятеля. Отслужил отец Николай панихиду и похоронил его за алтарем Троиц-

[1] Торгсин (Торговый синдикат, Торговля с иностранцами) — сеть специализированных магазинов, созданная в 1930-е гг., в условиях карточной системы на продовольствие, где за валюту, золото и драгоценности покупатель мог приобрести дефицитные товары: продовольствие или одежду. Драгоценности скупали за бесценок: по весу.

кого храма. У нашего архимандрита простота была душевная и телесная.

На похоронах, жалко, не был, да и какие на ту пору похороны?

А председателя с женой где-то там судили-судили, но ничего не присудили. Потом, говорят, в войну, их убили с детьми.

Так не стало отца Серафима.

***

А уж потом, несколько лет спустя, и Хутынь закрыли, пришлось вернуться домой. Приехал. Ой-й! Что делается? Вышел-то в монастыре, а лошадки-то наши: Громик! Громик! Кубарик! Ветка-а-а! У-у-у! Ай-ай-ай! И — то кнутом, на глазах у меня, да матом-то. Они, бедные, и слов таких сроду не слыхали. Сам видел, как скотина от человеческой злобы плачет. А их все давай:

— К-а! Это вам не Богородицу возить! Это вам не попам служить!

И у меня, родные мои, от того слезы на глазах, а что поделаешь? Терпи, Павёлко.

Потом нас пришло время из Мологи выселять, территория водохранилища. Слава Тебе, Господи! Дожили. Выселили из Мологи, переехали и стали жить в Тутаеве.

Прошло еще время. Работал я уже там, постой, кем же я там работал? Сейчас скажу, на скотне, телятником работал. И вот ночь, глухая ночь. Может, час, может, два ночи. Младший Груздев, Шурка, с тятей на постели, а я за стенкой сплю. Тятя мой тогда заведовал базой. Слышу я какой-то стук и тятин голос:

— Кто?

Из-за двери голос:

— Груздевы здесь живут?

Тятя отвечает:

— Тута.

Снова незнакомый голос из-за двери:

— Павел Александрович?

Потом снова тятин — уже ко мне:

— Сынок! Тебя будят.

— Кто, тятька? — спрашиваю.

Слышу, кто-то в ответ буркнул:

— Одевайся, там тебе объяснят, кто!

Привезли в тюрьму, посадили, и сидел! Не знаю, но только скоро выпустили.

А уж потом, потом все было не так. Ночь. Слышу:

— Павёлко, тута к тебе, Павла Груздева спрашивают.

Смотрю, а уже машина за мною шикарная, на дворе стоит. Собирайся, Павел Александрович, твоя пора пришла. Опять, сушеной тыквы набрал с собой, да, словом, всего уже — квартира своя ждет!

Хорошо! Поехали, поехали, поехал... Одиннадцать годов. Ладно! Вятские трудовые лагеря, ссылка — Северный Казахстан, город Петропавловск...

***

Сидел я в лагере только-только, когда в самый канун Рождества обращаюсь к начальнику и говорю:

— Гражданин начальник, благословите в самой день Рождества Христова мне не работать, за то я в другой день три нормы дам. Ведь человек я верующий, христианин.

— Ладно, — отвечает, — благословлю.

Позвал еще одного охранника, такого как сам, а, может, и больше себя. Уж били они меня, родные мои, так и не знаю, сколько за бараком на земле лежал. Пришел в себя, как-то ползком добрался до двери, а там уж мне свои помогли и уложили на нары. После того неделю или две я лежал в бараке и кровью кашлял. Приходят они на следующий день в барак:

— Не подох еще?

С трудом рот-то открыл.

— Нет, — говорю, — еще живой, гражданин начальник.

— Погоди, — отвечает, — подохнешь.

Было это как раз в день Рождества Христова.

***

Дай Господь здоровья, если жив, доктору Берису — латыш он был. Второй доктор был Чаманс — оба из Прибалтики.

Берис был кавалер, красавец сумасшедший, что ты! Вот дадут ему указание, разнарядку в санчасти: завтра в лагере рабочий ударный день, Рождество, к примеру, или Пасха Христова, может, еще что. Потому предупреждаем, от работы по всему лагпункту более пятнадцати человек не освобождать!

А он освободит тридцать — и список тот на вахту. Слышно:

— Кто, мать-перемать, фашистские морды, список писал?

Вызывает его, доктора нашего, согнут за то, как положено:

— Сам за самоуправство пойдешь три нормы давать!

— Ладно! Хорошо!

Так скажу вам, родные мои ребята. Я не понимаю в красоте телесной человеческой, в душевной-то я понимаю, а тут я понял! Вышел он на вахту с рабочими, со всеми вышел, ой, красавец! Сумасшедший красавец! И без шапки. Стоит без головного убора, и с пилой. Думаю про себя: «Матерь Божия, да Владычице, Скоропослушнице! Пошли ему всего за его простоту и терпение».

Конечно, мы его берегли и в тот день увели от работы. Соорудили ему костер, его рядом посадили. Стрелка, заразу, подкупили: «На вот тебе! Да молчи, ты, зараза!» Так доктор и сидел у костра, грелся и не работал.

Жив если он, дай ему, Господи, доброго здоровья! А если помер, Господи, пошли ему Царствие Небесное, по завету Твоему: «Болен был, а вы посетили Меня!»

***

Я в лагере был расконвоированным, а это значит, имел пропуск на свободный выход из зоны к месту работы и свободный вход в зону. Это огромное преимущество перед всеми остальными. Бригаду в то время водили два стрелка, а я тем временем без конвоя — хочу в лес иду, а хочу и вдоль леса. Но чаще в лес. Плетенный из веточек пестерь[1] в руки беру и за ягодами. Сперва землянику брал, потом морошку и бруснику, а грибов-то! Лес-то рядом. Господи Милостивый, слава Тебе!

[1] Пестерь — большая плетеная корзина с крышкой, носится за спиной на плечевых лямках.

В один из дней как-то ягод набрал целый пестерь, тогда земляники было много, вот я ее с горой набрал. А при этом уставший, то ли с ночи шел, то ли еще чего, не помню теперь. Шел-шел к лагерю, да и прилег на траву. Документы мои как положено со мной, пропуск на работу. Прилег, значит, и сплю. Да так сладко, уж так хорошо в лесу, на лоне природы-то, а пестерь с этой земляникой у меня в головах стоит. Слышу кто-то в меня бросает. Травы нарвет и мне в лицо бросает. Перекрестился я, открыл глаза, смотрю — стрелок:

— А-а! Сбежал?!

— Гражданин начальник, нет, не сбежал, — отвечаю.

— Документ имеешь? — он у меня спрашивает.

— Имею, гражданин начальник, — говорю ему и достаю документ. Он у меня всегда в рубашке лежал в зашитом кармане.

Поглядел, поглядел он документ:

— Ладно, свободен.

— Гражданин начальник, земляники-то поешьте, — говорю.

— Ладно, давай, — согласился стрелок.

Положил винтовку на траву. Родные мои, земляника-то с трудом набрана была для больных в лагерь, а он у меня половину и съел. Ну, да Бог с ним! Выходит, как бы я его купил, что ли?..

***

Как же все старались помочь друг другу, как заботились. Тетя Валя, была такая у нас, фамилия ее Поступальская, исполняла она обязанность заведующей овощехранилищем. Ну, какие в лагере овощи? Картошка, турнепс, свеклы маленько — луку в лагере не было.

Вот иду с работы. Тетю Валю надо найти — нашел. Хорошо!

Я ей:

— Тетя Валя, с работы в лагерь иду, так мол и так, давай!

Она мне картошки и сюда, и туда: и в штаны, и за пазуху, и подмышки. Словом, куда только мог натолкал, а что поделаешь? Ведь сколько голодных ртов там за проволокой в бараке-то? И вот несу. А через вахту еще пройти надо, ведь там не зря стрелки стоят, обыскивают.

В Свято-Введенском Толгском женском монастыре. 1988 г.

В Толгском монастыре

В Толгском монастыре и в монастырской кедровой роще

Ярославское
духовенство
во главе
с архиепископом
Ярославским
и Ростовским
Платоном
в дни
празднования
1000-летия
Крещения Руси

В Троицком храме
села Верхне-
Никульского

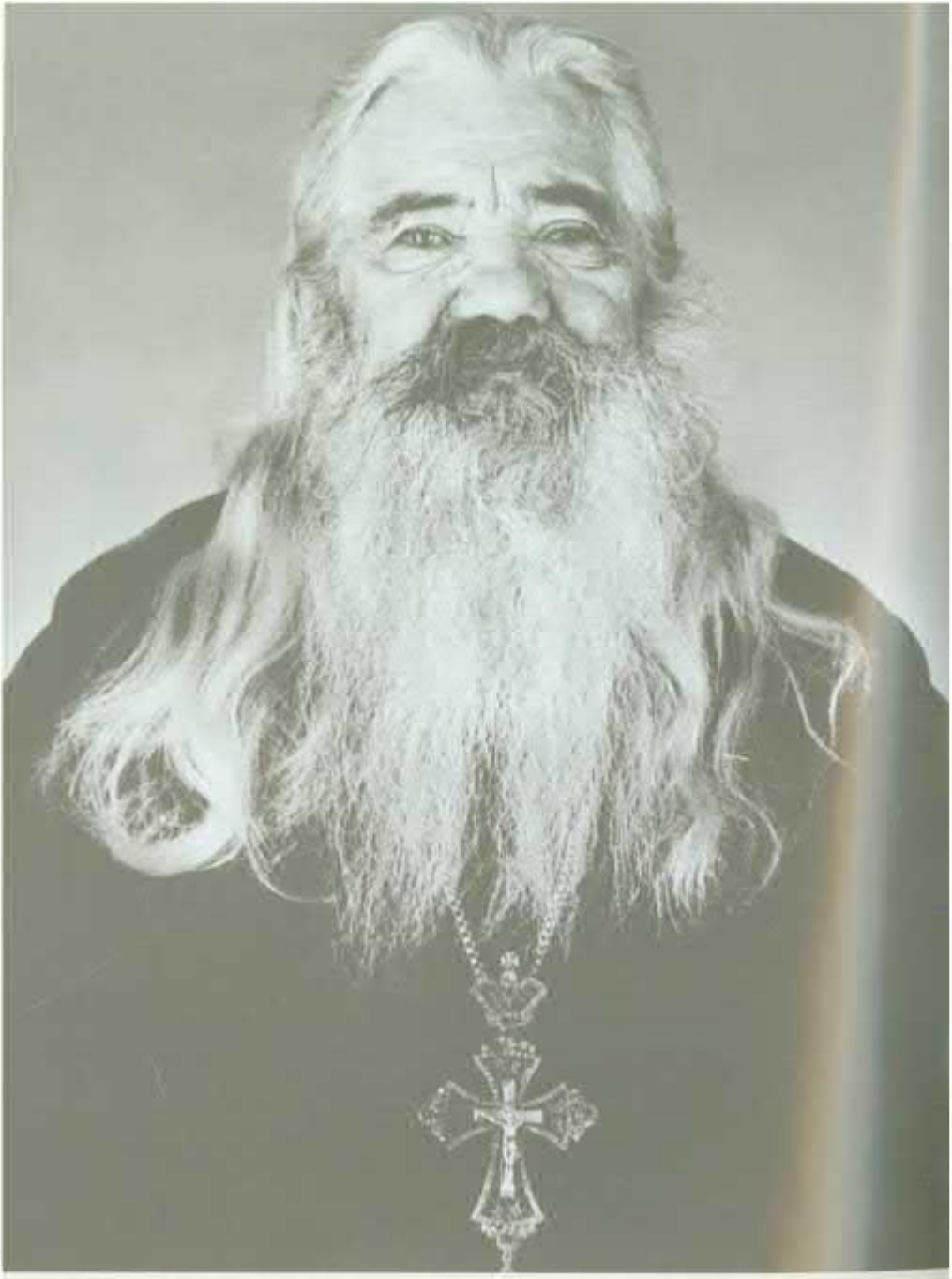

УКАЗ
АРХИЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКОГО И РОСТОВСКОГО

Указ и прошение
о почислении
за штат архимандрита
Павла Груздева

В Троицком храме села Верхне-Никульского

Архимандрит Павел (Груздев), фотография для личного дела, 1992 год

У Воскресенского собора г. Тутаева

Сторожка Воскресенского собора, где батюшка прожил последние годы своей жизни

В алтаре Казанского храма г. Рыбинска. 1993 год

Архимандрит Павел, настоятель Казанского храма священник Григорий Гогишвили и наместник Спасо-Яковлевского монастыря архимандрит Евстафий

Водосвятный молебен у Казанского храма г. Рыбинска

Фото А. Баталова

Подхожу на вахту, слышу, один стрелок другому говорит:

— Это святоша, нечего его обыскивать, пусть проходит.

Слава Тебе, Милостивый Господи! Пройду, вот человек десять-пятнадцать так и накормлю, то картошка, то турнепс, а то еще чего.

***

Живу в лагере, Кировская область, Кайский район. Вятские трудовые лагеря. Лагпункт № 3.

А уж в лагере был блат у меня со второй частью, а вторая часть заведует всем этим хозяйством — пропусками, справками разными, словом, входом в зону и выходом из нее.

Прошел как-то слух, что в Рудниках церковь открыли. Отец Анатолий Комков, был у нас такой, протоиерей из Бобруйска, кажется. Он учетчиком работал во второй части. Коли жив — доброго ему здоровья, а если умер — Царствия ему Небесного пошли, Господи!

Его почему-то освободили досрочно, кажется, по ходатайству, еще в 1942 или 1943 году. Статья ему была такая, как и мне (58-10-11), — групповая организация, заговор у них какой-то значился.

Когда его досрочно освободили, Кировской епархией тогда правил владыка Вениамин[1]. Отец Анатолий Комков к нему. Владыка выслушал его и благословил служить, дал антиминс для храма в селе Рудники.

На ту пору отбывала с нами срок наказания одна игуменья, не помню какого монастыря, звали ее мать Нина, и с нею послушница ее, мать Евдокия. Их наше начальство верст за семь от лагеря в лес поселило на зеленой поляне. Дали им при этом восемь-десять коров:

— Вот, живите, старицы, тут и не тужите!

Пропуск им дали на свободный вход и выход, словом, живите здесь, в лесу, никто не тронет.

— А волки?

[1] Высокопреосвященный Вениамин (Тихоницкий; 1869–1957), с ноября 1942 епископ Кировский и Слободской, в 1945 возведен в сан архиепископа. В 1945, 1947 и 1948 три раза было поручено временное управление Ижевской епархией.

— Волки? А с волками решайте сами, как хотите. Хотите — гоните, а хотите — приютите.

Ладно. Живут старицы в лесу, пасут коров и молоко доят. Как-то мне игуменья Нина и говорит:

— Павлуша! Церковь, говорят, в Рудниках открыли, отец протоиерей Анатолий Комков служит, не наш ли протоиерей из второй части-то? Если наш — братию бы в церкви причастить!

— Матушка игуменья, а как причастить-то? — спрашиваю.

— Так у тебя блат-то есть?

— Ладно, — соглашаюсь, — есть!

А у начальника второй части жена была Леля, до корней волос была она верующая.

Деток-то у ней: год одному ребенку, второму — два, третьему — три. Много их у нее было. Муж ее, как начальник второй части, заведовал пропусками.

Она как-то подошла ко мне и тоже тихо так говорит:

— Павло! Открыли церковь в Рудниках, отец Анатолий Комков из нашего лагеря там служит. Как бы старух причастить, которые в лагере!

— Я бы рад, матушка, да пропусков на всех нету, — говорю ей.

Нашла она удобный момент, подъехала к мужу и говорит:

— Ну, слушай, с Павлухой-то отпусти стариков да старух в Рудники причаститься, а, милой?

Подумал, он подумал:

— Ну, пускай идут, — отвечает своей Леле.

Прошло время, как-то вызывают меня на вахту. Там в лагере имен и фамилий не было — одни номера. Вызывают, значит, меня:

— Эй, номер такой-то!

— Я вас слушаю, — говорю.

— Так вот, вручаем тебе бесконвойных, свести куда-то там, начальник приказал, пятнадцать-двадцать человек. Но, смотри, — кулак мне к носу, — отвечаешь за всех головой!

— Чего уж не понять?

И вот еще глухая ночь, а уже слышу, как к бараку подходят, где я жил:

— Не проспи, Павёлко! Пойдем, а? Не опоздать бы нам, родненький.

А верст пятнадцать идти-то, далеко. Это они шепчут мне, шепчут, чтобы не проспать. А я и сам-то не сплю, как заяц на опушке.

Ладно! Встал, перекрестился. Пошли. Три-четыре иеромонаха, пять-шесть игуменов, архимандриты и просто монахи, ну, человек пятнадцать-двадцать. Был среди них и оптинский иеромонах отец Паисий.

Выходим на вахту, снова меня затребовали:

— Номер такой-то, расписывайся за такие-то номера.

Обязательство подписываю, что к вечеру всех верну в лагерь. Обязательство — это целый список людей был.

Вышли из лагеря, а село Рудники далеко, как я уже говорил, верст пятнадцать, а то и больше. Пошли. Да радость-то у всех. Хоть миг пускай, а свобода. Но при этом не то чтобы побежать кому-то куда, а и мысли такой нет — ведь в церковь идем, представить и то страшно.

Пришли, милые! Батюшка Анатолий Комков дал подрясники — «Служите!» А слезы-то у всех текут. Столько слез я ни до, ни после того не видывал. Господи! Так бесправные-то заключенные — и в Церкви. Родные мои, а служили как! Нет, огонь сам с Неба сходил на этот домишко, сделанный церковью. А игуменья, монашенки-то, да как же они пели! Нет, не знаю, родные мои! Это они причащались в тот день не в деревянной деревенской церкви, а в Сионской горнице! Нет, не священник, а Сам Иисус сказал: «Приидите, ядите, сие есть тело Мое!»

Все мы причастились. Отец Анатолий Комков всех нас посадил за стол, накормил. Картошки миску сумасшедшую, грибов нажарили. Ешьте, родные, на здоровье.

Пора домой. Вернулись вечером в лагерь, а уж теперь хоть на расстрел, приобщились Святых Христовых Таин. На вахте сдал всех под расписку:

— Молодец, такой-то номер! Всех вернул.

Конечно, всех привел, всех до одного. Куды ж им бежать, ведь лес кругом. Да и люди они были честнее самой честности. Одним словом, настоящие православные люди.

***

А вот расскажу историю, как человека из петли спас.

Осень на дворе, дождь сумасшедший, ночь. А на моей ответственности восемь километров железнодорожного пути по лагерным тропам. Я путеобходчиком был, потому и пропуск имел свободный, доверяли мне. За путь отвечаю! А за путь отвечать — дело не простое, чуть что — строго спросят.

Начальником нашей дороги был Григорий Васильевич Копыл. Как же он меня любил-то, а за что? За то, что я ему и грибов самых лучших носил, и ягод всяких, словом, получал он от меня в изобилии дары леса.

Ладно! Словом, осень и ночь, и дождь сумасшедший.

— Павло! Как дорога на участке? — А был Григорий Васильевич Копыл тоже заключенный, но начальник.

— Гражданин начальник, — отвечаю ему, — дорога в полном порядке, все смотрел и проверял.

— Ладно, Павлуха, садись со мной на машину.

А машина — старенький резервный паровоз. Поехали. Машина паровая, сумасшедшая, челюсть уздой не стянешь, авось! Едем. Хорошо! Немного проехали, вдруг толчок, что за толчок такой? Паровоз-то при этом как бросит.

— А-а! Так ты меня за нос водишь? На путях накладки разошлись!

— Григорий Васильевич, да нет, проверял я дорогу-то!

— Ну ладно, верю тебе, — буркнул недовольный Копыл.

Дальше едем. Проехали еще пятьсот метров, опять удар! Родные мои, опять паровоз бросило!

— С завтрашнего дня на две недели тебе пайка хлеба не восемьсот граммов, а триста, — строго говорит Копыл.

— Ну, Ваше дело, Вы начальник.

Проехали восемь километров до лагпункта. Все сходят, идут в лагпункт отдыхать после работы. А я? Нет, родные

мои, пойду туда! Не уследил за дорогой, зараза! А бежать восемь километров по дождю, да и ночь к тому же.

Бегу... Вот чувствую, чувствую, сейчас то самое место, где толчок был.

Гляжу, матушки! Лошадь в кювете лежит, обе ноги ей отрезало. Ой! Что ты сделаешь? Ладно, за хвост и подальше от насыпи сволок. Дальше бегу. А рёву-то, крику! Я уже до костей промок, а начхать. На помощь всех святых призываю, но больше всех обращаюсь:

— Преподобный отче Варлаамие! Я у тебя четыре года жил, угодник Божий! Я твою раку около мощей-то всегда обтирал. Помоги мне, отче Варлаамие, и мои грехи оботри, омой твоими молитвами к Господу нашему, Спасителю Иисусу Христу.

А притом дальше по дороге бегу, и вижу — еще лошадь лежит, Господи!

Делать-то что? Но миловал Господь, не растерялся и эту стащил подальше от дороги. Вдруг слышу, какой-то храп, стон вроде человеческий. А рядом с тем местом шпалорезка была: дорогу-то когда делали, мотор там поставили, крышу соорудили. Что-то вроде сарая. Бревна на шпалы в нем резали.

Бегом туда. Вбежал в эту шпалорезку. Родные мои! Гляжу, а мужик ихний-то, лагерный пастух и висит. Повесился, зараза! Он лошадей тех пас, немец. Какие тогда были немцы? Арестованные, может, или из Поволжья, не знаю.

Да Матушка Пречистая! Всех святых зову и Михаила Клопского, Господи! Всех, всех призвал, до последней капли!

Ну что делать? Ножички нам носить запрещено было, потому не носил. За то, что найдут, могли расстрелять. Там за пустяк расстреливали.

Зубами бы узел развязать на веревке, так зубы у меня уже были все выбиты, зубов тоже не было. Вот мне один на память оставил следователь Спасский, был такой следователь в Ярославской тюрьме.

Как-то я эту веревку путал-путал, словом, пальцами как-то распутал. Рухнул он на пол. Господи! Подошел к нему, разва-

лил его на спину, руки-ноги ему растянул. Щупаю пульс — нету. Ничего в нем не булькает, ничего не хлюпает. Да что делать?

Матушка Скоропослушница! Опять всех святых на помощь, да и Илью Пророка. Помоги нам, грешным!

Нет, родные мои, был я уже без ума. Ведь умер! Мертвый лежит!.. Василие Великий, Григорие Богослове да Иоанне Златоусте, кого только не звал...

Вдруг слушаю, ой! Тут у него, у самого горла, кокнуло. Ой, матушки, задвигалось что-то, пока так изредка; кок-кок-кок. Потом чаще. Обложил его травой, а сам бегом в зону, опять восемь верст. Дождь прошел, а я сухонький, пар из меня валит. Прибегаю на вахту:

— Давай, давай скорей! Дрезину, сейчас же мне дрезину! Человеку в лесу, на перегоне плохо.

Стрелки на вахте, глядя на меня, говорят:

— Ну домолился, святоша. Голова у него того!

Думают, с ума я сошел. Побежал, нашел начальника санчасти — Ферий Павел Эдуардович был у нас. Я не знаю, какой он нации, но фамилия его была Ферий. Меня он уважал, нет, не за подачки, а за просто так уважал. К нему обращаюсь:

— Гражданин начальник, так мол и так!

— Ладно, давай бегом на дрезину, поехали, — говорит он мне.

Приехали к шпалорезке, а этот там лежит без памяти, но пульс у него уже функционирует. Ему тут же чего-то кольнули, чего-то дали и привезли в зону. Его направили в эту, санчасть, а меня... Я сам в барак ушел.

Несколько времени прошло, ну, месяц, может, полтора. Мне повестка приходит: «Номер такой-то, просим немедленно явиться в суд на восьмой лагпункт».

Приехал я в суд на восьмой лагпункт, как указано в повестке. Идет суд, а я в суде свидетель. Не меня судят, а паренька того, пастуха из шпалорезки. Как оказалось потом, выяснилось на следствии, он лошадей просто проспал. Ходил-ходил, пас-пас, да и уснул, а они уж сами под паровоз забрели. Вот теперь собрался суд и его судят.

— Ну Вы, свидетель! Как Вы нам на то ответите? Вот Вы знаете, страна переживает критическое положение, немцы рвутся, фашисты дерутся, а он подрывает нашу оборону. Согласны с этим, да?

Встаю, меня ведь спрашивают, как свидетеля, отвечаю:

— Граждане судьи, я только правду скажу. Я его вынул из петли. Не от радости он полез в нее. У него, видно, жена есть, фрау, значит, и детки, наверное, тоже есть. Сами подумайте, каково ему было в петлю лезть? Но у страха глаза велики. Потому, граждане судьи, я не подпишу и не поддерживаю выставленного вами ему обвинения. Ну, испугался он, согласен. Уснул — так ночь и дождь. Может, устал, а тут еще паровоз... Нет, не согласен.

— Так и ты фашист!

— Так, наверное, ваша воля.

И знаете, родные мои, дали ему только условно. Я, правда, не знаю, что такое условно. Но ему эту возможность представили. И вот потом, бывало, еще сплю на нарах-то, а он получит свою пайку, хлеба восемьсот граммов, а триста мне под подушку пихнет. Вот так жили, родные мои...

***

Родные мои, был у меня в жизни самый счастливый день, вот послушайте. Пригнали как-то к нам в лагеря девчонок. Все они молодые, наверное, и двадцати им не было. Их бендеровками называли, не знаю, что такое бендеровки? Знаю только, были они с Украины, хохлушки. Среди них одна, годов шестнадцать — красавица. Коса у нее до пят, и лет ей от силы шестнадцать. И вот она-то так ревет, так плачет! Как же горько ей, думаю, девочке этой, что так убивается она, так плачет.

Подошел ближе, спрашиваю... А собралось тут заключенных человек двести, и наших лагерных, и тех, с этапом вместе.

— А отчего девушка-то так ревет?

Кто-то мне отвечает из ихних же, вновь прибывших:

— Трое суток ехали, нам хлеба дорогой не давали, какой-то у них перерасход был. Вот приехали, нам за все сразу и упла-

тили, хлеб выдали. А она поберегла, не ела: день, что ли, какой постный был у нее. А паек-то этот, который за три дня, и украли, выхватили как-то у нее. Вот трое суток она и не ела, теперь поделились бы с нею, но и у нас хлеба нет, уже все съели.

А у меня в бараке была заначка, не заначка даже, а паек на сегодняшний день — буханка хлеба! Бегом я в барак, а получал восемьсот граммов хлеба как рабочий... Какой хлеб, сами понимаете, но все же хлеб. Хлеб беру и бегом назад. Несу хлеб девочке и даю. А она мне:

— Ни, нэ трэба! Я чести своей за хлеб не продаю!

И хлеб-то не взяла, батюшки! Милые мои, родные! Да Господи! Не знаю, какая честь такая, что человек за нее умереть готов? До того не знал, а в тот день узнал, что это девичьей честью называется!

Сунул я этот кусок ей подмышку, и бегом за зону, в лес! В кусты забрался, стал на коленки, и такие были слезы у меня, но не горькие, а радостные... А думаю, Господь скажет:

— Голоден был, а ты, Павлуха, накормил Меня.

— Когда, Господи?

— Да вот ту девку-то, бендеровку... То ты Меня накормил!

Вот это был и есть самый счастливый день в моей жизни, а прожил я уже немало...

***

— Груздев! Вот что: тебя навечно приказали сослать.

— На Соловки?

— Не наше дело.

...В Коровниках сижу. Собрали этап большущий. Отец Павел Горобков был из Солигалича, помяни его, Господи, он помешался в тюрьме. Собрали этап и погнали. Я иду, а камешóк и валяется вот такой. Думаю, хоть с Родины возьму камешóк-то. Нагнулся, а охранники сразу затворами защелкали:

— Ты чего?

— Ничего, робята.

Скорее в рот его. Жив еще у меня этот камешóк-то!

...Пересыльная тюрьма огромная. Вот так корпуса, а в середке пространство. Нас всех, может, тыща человек, поместили. Сидим. А есть-то охота! Да сохрани, Господи, заключенных арестантов — праведные! — как начали нам из окошка буханки хлеба пулять. И передачу-то носят. Да родные, дай вам Господи доброго здоровья!

...Опять «Собирайтесь с вещами!» А какие у арестанта вещи? Да ничего нет! Ладно... Погрузили вещонки в вагоны, поехали. Привезли в Самару. Пересыльная тюрьма. Там уж у них комендант распоряжается:

— Эй, попы! Вон туды. Блатные! В эту сторону подите.

На вышке охранник стоит с автоматом...

....Как-то выгнали на прогулку во двор. Начальник говорит:

— Эй, попы, спойте чего-нибудь!

А владыка — помяни его, Господи! — говорит нам:

— Отцы и братие! Сегодня Христос воскресе! — и запел: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав.

Идем, поем... Да помяни, Господи, того праведного стрелка — ни в кого не выстрелил.

***

<ПИСЬМО ИЗ ССЫЛКИ>

Адрес получателя:
Ярославская область, город Тутаев, I часть,
улица имени Крупской, дом № 69.
Груздевой Антонине Александровне.
Передать Смирнову Димитрию Ив.

Адрес отправителя:
Кировская область, Кайский район,
п/о Волостница, п/я 231/3.
Груздеву Павлу Александровичу.

Здравствуйте, многоуважаемый Д. Ив. и Ал.Ал. Шлю я вам мой далекий привет и желаю от души всякого благополучия.

Я в настоящее время живу пока Слава Богу. Да, Митинька, вот уже скоро три года, как над нашими головами разразилась эта страшная гроза. Ну, что можно поделать, на все Воля Божия. Бог даст, возможно, и я опять буду вместе с вами и опять споем и почитаем. Конечно же пока что это для меня мечта.

Д. Ив., меня ты совершенно забыл, даже и писемца не пришлешь. Знаешь сам, как дорого здесь получить письмо с родной стороны. Прошу тебя, будь друг, пиши, не забывай своего в скорби находящего друга. Опиши, что слышите про О.Н. и его товарищах, про Арх. Варлаама, кто теперь служит у вас и за Волгой, где служат в Ярославле. Вообще, прошу, опиши все новости, касающие нашей жизни.

Я на 1 л.п. прибыл 28.XII.41 г. и был там до 10 марта 43 г., а сейчас все время нахожусь на втором. Жизнь, сам знаешь, на общих началах. Хлеба получаю не менее 800 гр., питание тебе известно. В общежитии живу в очень хорошем, не с уркаами, так что я этим очень доволен. Работа тоже легкая — содержание железнодорожного пути в протяжении на 6 килом. Зиму чистили снег, сейчас очищаем канавы, а лето то где шпалы, где рельсу сменим — одним словом, работа нетяжелая. Бригадир очень хороший человек. Так вот и живу: день пройдет и Слава Богу.

Митя, напиши мне, пожалуйста, тропари Зосиме и Савватию и Сергию Нуромскому, будь настолько любезен. Этим ты мне доставишь большое утешение. Опиши, где теперь Сережка, как ты поживаешь, как приехал. Для меня это все очень интересно. Когда вы уехали от меня, я остался, помните, с Романом да, помните, был старичок о. Павел. Он вам приказал долго жить, также и Роман. Митя, интересно, я встретился здесь с Дубровижниным, и мне пришлось даже его положить в гроб и одел честь честью, даже справили обряд. Здесь был некто Гурий из Киева. Вот мы с ним и отдали А. Анд. последний долг. Это было 10 марта 1942 г. Был здесь из Сарова иеромонах Паисий, тоже помер. Да, Митинька, приведет ли Бог нам встретиться с вами? Ну, будем надеяться. Еще прошу тебя, поминай меня на проскомидии, вынимайте за меня частицу. Помните слова Апостола: «Молитеся

за други ваша». Я сегодня выходной, и как раз сегодня Благовещение.

Очень и очень жаль Рому, но я думаю, что мой Леша и ваш Рома живы и, Бог даст, вернутся, и опять заживете весело и счастливо. А Александру Ал. поддерживай и словом и делом. Конечно же очень и очень тяжело голубке потерять своего единственного птенца. Митя, прошу тебя, сходи и к моей Маме, утешь ее, пусть обо мне не расстраивается. Если же и не вернусь, то что же, пусть не печалится. А я своей участию доволен и ни капли не обижаюсь. Не все пить сладкое, надо попробовать и горького, но горького пока что я еще не видал. Ну, конечно же тяжко быть в разлуке со своими родными и знакомыми. Ну все же спасибо, мне часто пишут сестренки, иногда пишет Мама. Надеюсь получить и от тебя письмо. Конечно же вы выполните мою просьбу, пожалуйста, пришлите тропари.

Пишите, что вас интересует в моей жизни. На все ваши вопросы отвечу с удовольствием.

Ну, пока до свидания, мой голубь сизокрылый.

Остаюсь помнящий тебя Павел.

7/IV 44 г.
пятница
Жду ответа.

***

И снова «с вещами!»... Повезли... Едем долго, из дальнего окна горы видать. Наконец — «Выходи!». Вышли все, собрались, стали на поверку. Выкрикивают всех по алфавиту...

— А Груздева что нет?

— Да нету.

Как нет? Я у них самый страшный фашист. Не вызывают меня! Видно, сейчас еще хуже будет. Тут еще два старика стоят.

— Паренек, ты арестант?

— Арестант.

— И мы арестанты. Ты фашист?

— Фашист.

— И мы фашисты.

Слава Тебе, Господи! Свои, значит. Нас фашистами звали.

— Дак паренек, ты ступай к этому, который начальник, скажи, что забыли троих!

— Гражданин начальник! Мы тоже из этой партии три арестанта.

— Не знаем! Отходи!

Вдруг охранник идет, несет пакет:

— Ну, кто из вас поумнее-то будет?

— Так вот парню отдайте документы.

— На, держи. Вон, видишь, километра за три, дом на горе и флаг? Идите туда, вам там скажут, чего делать.

Идем... Господи, глядим: «моншасы да шандасы» — не по-русски все кругом-то. Я говорю:

— Ребята, нас привезли не в Россию!

Пришли в этот дом — комендатура. На трех языках написано. Заходим, баба-кыргызуха моет пол.

— Здравствуйте.

— Чего надо?

— Да ты не кричи на нас. Вот документы настоящие.

— Э! — скорчилася вся. — Давай уходим! А то звоним будем милиция, стреляю!

Ах ты, зараза, еще убьют!

— Завтра в 9–10 часов приходим, работа начнем!

Пошли. А куды идти-то, батюшко? Куды идти-то? Спрашиваем тюрьму. Да грязные-то! Но вшей не было: обстриженные-то! Господи, да Матерь Божия, да соловецкие чудотворцы! Куды же мы попали? Какой же это город? Везде не по-русски написано.

«Вон тюрьма», — говорят. Подходим к тюрьме, звонок нажимаю:

— Передачи не передаем, поздно.

— Милый, нас возьмитё! Мы арестанты!

— Убежали?

— Вот вам документы.

— Это в пересылку.

Не принимают. Чужие. Приходим опять в пересылку. Уж вечер. Солнце село, надо ночлег искать. А кто нас пустит?

– Ребята, нас там нигде не берут!

– А у нас смена прошла, давайте уходите, а то стрелять будем!

– Что ж, дедушки, пойдемте.

А чё ж делать? В город-от боимся идти. По загороду не помню куда шли напрямик. Речка шумит какая-то. Водички попить бы, да сил уж нет от голода. Нашел какую-то яму, бурьян – бух в бурьян. Тут и упал, тут и уснул. А бумажку-то эту, документы, под голову подложил, сохранил как-то. Утром просыпаюсь. Первое дело, что мне странно показалось – небо надо мной, синее небо. Тюрьма ведь всё, пересылка... А тут небо! Думаю, чокнулся. Грызу себе руку. Нет, еще не чокнулся. Господи! Сотвори день сей днем милосердия Твоего!

Вылезаю из ямы. Один старик молится, а второй рубашку стирает в реке.

– Ой, сынок, жив!

– Жив, отцы, жив.

Умылись в реке. Река Ишим. Солнышко только взошло. Начали молитвы читать. Прочитали молитвы те, слышим: Бом! Бом! Бом! Церковь где-то! Служба есть! Один старик говорит:

– Дак вона, видишь, на горизонте?

Километра полтора от нашего ночлега.

– Пойдемте в церковь!

А уж мы не то чтобы нищие были, а какая есть последняя ступенька нищих – вот мы были на этой ступеньке. А что делать? Только бы нам причаститься! Иуда бы покаялся, Господь бы и его простил. Господи, и нас прости, что мы арестанты!

А батюшке-то охота за исповедь отдать. У меня не было ни копейки. Какой-то старик увидал нас, дает три рубля: «Поди разменяй!» Всем по полтиннику, а на остальное свечки поставили Спасителю и Царице Небесной. Исповедались, причастились – да хоть куда веди нас, хоть расстреляй, никто не страшен! Слава Тебе, Господи!

Выходим из церкви, а народу-то, старух-то около паперти! Увидали нас:

— Це ж арестанты, це заключенные, це голодающие! — там украинцы в основном.

Матушки! Кто поляницы, кто сушеных дынь, кто соленых арбузов, макитры с медом — кто чего нам навалили!

— Сынок, не утруждай желудок, — предупреждает меня старик, — лопнет с голоду-то!

— Батюшка, ем, да и лишка вроде, а охота...

— Ну, сытый?

Взял этот старичок буханку хлеба — поляницу, перекрестил, поцеловал и говорит:

— Спасибо вам, люди добрые! Вы нас, несчастных, на земле накормили, а вас Господь на небе накормит.

Дает мне буханку, второму старику буханку. Идем городом, он спрашивает:

— Парень, ты монах?

— Рясофорный.

— Где жил?

— В Хутыни.

— А я — грешный архимандрит Ксенофонт Верхотурского монастыря.

— Благослови, батюшка!

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— А ты кто, старик?

— А я грешный иеромонах Елисей, Соловецкого монастыря ветеринар.

— Благослови, батюшка!

— Бог благословит!

Идем — мы всех богаче! Буханку хлеба-то я дорогой съел. Есть охота! Приходим в это учреждение, в комендатуру, Тут уж не по номерам, а по фамилиям:

— Груздев!

— Да.

— Ну, что? Святоша?

— Ребята, какой уж святоша? Я грешный и окаянный.

— Работать можете?

— Да могу, наверно.

— Так вот что, заключенный Груздев, отправляем вас в Облстройконтору, там вам дадут работу.

— Давайте, ребята...

— А вы, дедушки, ступайте в храм, вас попы приютят[1].

***

Двадцать рублей денег в месяц да отопление мое — поступил я на квартиру[2]. А тут собрание, землю дают.

— Груздев!

— Что?

— Вот земли целинной край. Надо земли?

Я дома спрашиваю:

— Дедушко, сколько брать земли-то?

— Сыночек, бери гектар.

Я прошу гектар.

— Меньше трех не даем!

— Давайте три.

Вспахали, заборонили, гектар пшеницы посеяли, гектар — бахча: арбузы, дыни, кабачки, тыквы, гектар — картошка, помидоры. А кукурузы-то! Да соловецкие чудотворцы! Наросло — и девать некуда. Прихожу к завхозу:

— Слушай, гражданин начальник, дай машину урожай вывезти.

— А, попы, и здесь монастырь открывают!

— Да какой тебе монастырь, когда и четок-то нету!

Ладно... Привезли все. То — на поветь, то — в подполье, пшеницы продали сколько-то, картофель сдали, арбузы на самогонку перегнали, за то, за другое, за подсолнухи много денег получили! Да Господи, чего делать-то! Богач!

— Дедушко, давай корову купим!

[1] По рассказам отца Павла, настоятель Петропавловского собора протоиерей Владимир Осипов подал прошение в комендатуру с просьбой, учитывая преклонный возраст и крайне оскудевшие физические силы после пребывания в лагерях, разрешить ссыльным священнослужителям отбывать административную повинность, то есть ссылку, при храме Святых первоверховных апостолов Петра и Павла, где опыт их и знания могут быть крайне полезными. А Павла Груздева отец Владимир пригласил петь на клиросе.

[2] Павел Груздев жил у Ивана Гавриловича и Прасковьи Осиповны Белоусовых.

А я в коровах толк понимаю. Пошли с дедушкой на базар. Кыргыз корову продает:

— Эй, бай-бай, корову торгую!

— Пожалуйста, берем.

— Корова большой, брюхо большой, молоко знохнет. Э, кумыс пьем! Бери, уступим!

Гляжу: корова-то стельная, теленка хоть вынь. Я говорю:

— Дедушка, давай заплати, сколько просит.

Взяли корову, привезли домой. Прасковья Осиповна увидела нас:

— Да мале́ры, да что же вы наделали, ведь сейчас околеет корова-то! Закалывать надо!

— Бабушка, попросим соловецких чудотворцев, может быть, и не околеет.

Корову на двор поставили, а сами уснули. Ночью слышу неистовый крик — старуха орет. Думаю: матушка, корова околела! Бегом, в одних трусах, во двор! А там корова двух телят родила. Да соловецкие! Вот так разбогатели!

***

Был я уже в ссылке, в Северном Казахстане, город Петропавловск, работал там на камнедробилке. Вызывают нас как-то (были мы все административно-ссыльные) ехать в поселок Зуевку. Что такое Зуевка? Зачем ехать туда? Верст тридцать туда, сорок, а может, и больше от Петропавловска. А ехать, говорят нам, на уборочную. Но слухи такие, что случилось там что-то. Без присмотра осталась скотина, птица домашняя. Но правды нам не говорят.

А там, в Зуевке, отец Афанасий был такой, паразит какой-то. Может, он святоша был, может, еще чего? Он давно-давно туда, чуть ли не до революции попал.

И вот нас, административно-ссыльных, привезли всех на машинах в Зуевку. А там что делается! Родные мои! Коровы ревут, верблюды орут. Господи! В селе никого, все село будто вымерло. Кому кричать, кого искать, не знаем. Думали-подумали, решили. Пошли к председателю колхоза в управление, приходим к нему, а там... Скамейка посреди комнаты стоит,

а на скамейке гроб. Матушки! А в нем он, председатель, лежит, головой крутит и на нас искоса поглядывает.

— Стой! — своим говорю, а потом ему: — Эй, ты чего?

А он мне из гроба в ответ:

— Я новопреставленный раб Божий Василий.

Умер! Мертвый!.. А этот Афанасий всех их так вразумил: «Вот завтра пришествие будет, конец света!» И всех их в монахи постриг и в гробы уложил. Все село постриг, они и рясы какие-то нашили из марли, да не только из марли. Из чего попало.

Сам-то он, Афанасий, на колокольню залез, ждал пришествия. А они — детишки маленькие, бабы и все постриженные — все в гробах по избам лежат. Коров доить надо, у коров вымя сперло.

— За что скотина страдать должна? — спрашиваю. — Ты кто такая?

— Монахиня Евникия, — отвечает мне.

Ну что ты сделаешь? Мочь людям в голову ударила. Ночевали мы там, работали день-другой, все сделали как положено, и домой нас потом увезли. Афанасия того в больницу. Писали потом в Алма-Ату, епископу, забыл, кажется, Иосиф был епископ.

Все эти Афанасиевы пострижения он признал незаконными. И всех этих монахов расстригли. Платья, юбки надели, потом и работали они как надо.

Но семена в землю были брошены и дали свои всходы. Детишки маленькие бегают:

— Мамка, мамка! А отец Лука мне морду разбил!

Пяти годков отцу Луке-то нету! Или еще:

— Мамка, мамка, мать Фаина у меня булку забрала!

Вот какой был случай в совхозе Зуевка.

***

Со мною в ссылке был Иван из Ветлуги, а фамилия его Лебедев. Ой, какой хороший мужик был, на все руки мастер. Ну все, что в руки ни возьмет, все этими руками сделает.

А мы с Иваном на верблюдах тогда работали. У него верблюд, у меня верблюд. Когда слышим, передают — Сталин по-

мер! Родные мои, ребятушки! Прихожу с работы домой, дедушка мне и говорит:

— Сынок, Сталин помер!

— Дедко, молчи! — говорю ему. — Он вечно живой!

Завтра утром снова на работу, когда передают по радио похороны, предупреждают:

— Как гудки загудут, все! Прекращаем работу. Стойте все и замирайте там, где гудок застал, минуту-две...

А мы с Иваном на этих, на верблюдах-то, по степи едем. Вдруг гудки загудели. Верблюда остановить надо — а Иван его шибко лупит, ругает. И бежит верблюд по степи, и не знает, что Сталин умер.

А уж после похорон Сталина молчим. Никого не видали и не слыхали. Что ты! Удвоенный труд!.. Хорошо...

Ночь. Примерно час ночи. Стучатся в калитку, выхожу.

— Кто? — спрашиваю.

— Груздев здесь?

— Здесь, отвечаю.

— Собирайся, дружок.

А уж мешок с сухарями всегда у меня был припасен. Выхожу.

— С нами поехали, — говорят.

Дедушка ревет, бабушка ревет. Сынок! Они за столько лет уже привыкли ко мне.

Ну, думаю, дождался, на Соловки поведут, все мне на Соловки хотелось... Нет! Не на Соловки. Сухари взял, четки взял. Словом, все взял, Господи! Поехали. Гляжу, нет, не к вокзалу везут, а в комендатуру. Захожу. Здороваться нам не велели с ними: здороваемся только с настоящими людьми, а вы — мы, значит, арестанты, — фашистская морда.

А что поделаешь? Ладно. Зашел, руки назад, ведь арестант. За одиннадцать годов привык. Перед ним стоишь — не то чтобы говорить, дышать, мигать глазами — и то боишься.

— Так вот, товарищ Груздев, вам справка, вы пострадали безвинно. Культ личности.

Какой такой культ личности? Молчу.

— Вы свободны! — мне говорит.

Хорошо... Ладно...

— Как хотите, — говорю.

Прихожу опять домой, дедушка с радостью, бабушка с радостью! И в этот вечер, а ссыльных там было человек двести, сняли мы самую лучшую квартиру и пели «Ой да станут воды...» Радость была, сделали вечер. Потом выдали паспорт бессрочный, приехал домой в Тутаев.

Тятя с мамой приняли меня с радостью. Устроился на работу. Ладно! Хорошо.

***

Я в ссылке. Навечно. Северный Казахстан. Город Петропавловск. Я имел три гектара земли, корову купил, двух стариков нашел, избу им делал, и там жил. А в работе я был — уй! — на большом почете. Все выполнял. Водопровод вел. Хорошо... Работай... Вдруг вызывают в особый отдел.

Комендатура. Захожу. А руки при этом, вот так, за спиной. Положено там было. За одиннадцать годов-то пообвык, опыта набрался. Вызывают в кабинет к коменданту.

— Товарищ Груздев, садитеся свободно, — меня, значит, приглашают.

— Хорошо, спасибо, но я постою, гражданин начальник.

— Нет, присаживайтесь!

Хорошо. Сел я, как сказали.

— Товарищ Груздев! — Обращается ко мне начальник.

Что это, думаю, или он, начальник, чокнулся. Или я с ума сошел? В таких случаях так, чтобы проверить, или с ума-то не сошел, я руку себе кусал. Покусаю, покусаю — если при этом больно, значит, не сошел, а если не больно, то с ума сошел. Чувствую, больно, значит, не сошел. Он снова мне:

— Итак, товарищ Груздев, вина Ваша? За что отбываете срок наказания?

— Так ведь фашист, наверное? — отвечаю.

— Нет, Вы не увиливайте, серьезно говорите!

— Не знаю, милой. Вот у Вас документы лежат на меня, Вам виднее.

— Так по ошибке, — отвечает он.

— А мне же чего делать, когда по ошибке? — спрашиваю и думаю при этом: «Слава Тебе, Господи! Теперь на Соловки сведут наверное, когда по ошибке-то». Уж очень мне на Соловки хотелось, святым местам поклониться. Нет, не на Соловки, дальше слушаю.

— Так вот, товарищ Груздев, вот Вам бумага, завтра с нею сходите в милицию, где на основании этой бумаги выдадут вам паспорт. А мы Вас тайно предупреждаем, что если кто назовет вас фашистом или еще каким-либо подобным образом, Вы нам, товарищ Груздев, доложите! А вот Вам наш адрес. Мы того гражданина за это привлечем.

— Ой, ой, ой! — стал я отмахиваться, как от назойливой осы. — Не буду, не буду, гражданин начальник, упаси Господь, не буду! Не умею я, родной...

Господи! А как стал-то говорить, лампочка надо мной, белая-белая, стала делаться зеленой, голубой, в конце концов стала розовая. Очнулся я спустя некоторое время, слава Тебе, Господи! Чувствую, за руку меня держат и слышу кто-то говорит:

— В себя пришел!

Что-то они делали мне, укол какой, еще что. Слава Богу, поднялся, извиняться стал:

— Ой, да извините, ой, да простите.

Только, думаю, отпустите. Ведь арестант, неловко-то мне.

— Ладно, ладно, — успокоил начальник. — А теперь идите!

— А одиннадцать годков?

Лишь укол мне сунули на память ниже талии — потопал я. Потом и песню сочинил:

Снег лежит,
Белая метелица.
Павлу сделали укол,
Все в жизни переменится.

На второй или третий день выдали мне бессрочный паспорт, он и теперь еще у меня живой лежит. ... Ладно, хорошо...

Прихожу на работу, к ссылке-то, бригадиром был у нас Миронец такой, девки и пели: «Не ходи на тот конец, изобьет тя Миронец!»

— Ага! — кричит мне. — Шлялся, с монашками молился, — да матом, — поповская твоя морда. Ты опять за свое! Там у себя на Ярославщине вредил, гад, диверсии устраивал, и здеся вредишь, фашист проклятый, план нам срываешь, саботажник!

Да каких только слов он мне не говорил.

— Нет, гражданин начальник, — успокоил я его, — не шлялся. Вот Вам документ оправдательный, а мне к директору Промстройконторы надо, извините.

— Пошто тебе, дураку, директор? — удивился Миронец.

— Гражданин начальник, обязательно мне к нему надо, там в бумажке все указано, — объяснил я.

Прихожу к директору, а он уже был осведомлен, что нахожусь я здесь по ошибке.

— А-а! Товарищ Груздев, дорогой. Садитесь, не стойте, вот вам и стул хороший приготовлен нами, и всякое тому подобное.

Ага, морда, теперь садитесь, думаю.

— Нет, спасибо, я постою, — говорю ему.

— Я знаю, Павел Александрович, все уже знаю. Ошибочка у нас вышла.

Молчу, слова не говорю. Что знаешь? — про себя думаю.

— Мы вот, через день-другой жилой дом сдаем. Облстройконтора над сооружением домов работала, там лепта и Вашего стахановского труда. Дом новый, многоквартирный. В нем и для Вас, дорогой Павел Александрович, квартира имеется. Мы к Вам за эти годы присмотрелись, Вы такой честный да порядочный гражданин. Вот только беда, что верующий, но на это можно закрыть глаза.

— А чего мне от того? Что я делать буду в доме вашем-то? — удивляюсь я его словам. К чему все это клонится, думаю.

— Жениться Вам нужно, товарищ Груздев, семьей обзавестись, детьми и работать, — отвечает на то мне директор.

— Как жениться? — удивляюсь, — ведь я монах!

— Ну и что? Монах! Семью заведи, деток и оставайся себе монахом, кто же против того? Да только живи и радуйся.

— Нет, гражданин начальник, спасибо Вам за отцовское

участие, но не могу. Не умею я жениться. На то надо опыт иметь, а у меня нету.

Ладно... Пишу письмо домой: «Тятя, мама! Так, мол, и так, простите...»

«Сынушко, — отвечает тятя. — В семье у нас вора не было, не было и разбойника, приходи. Вернись, убери мои косточки, ведь скоро умру, а тогда Господь тебя благословит на все четыре стороны».

Хорошо... Радостный, прихожу опять к начальнику:

— Гражданин начальник, к тяте бы с мамой съездить, ведь старые уже, помереть могут, не дождавшись!

— Павлуша, вызов тебе надо, — отвечает мне начальник.

Время-то какое было тогда, вызовы нужны были. Снова сажусь за стол, пишу письмо домой: «Тятя, мама! Необходимо вызов, а то не пускают».

... Ладно, хорошо... Сестра моя Танька, двадцать шестого года рождения она, померла давно. Муж избил, от побоев тех и умерла. В то время работала в больнице, там же, в Тутаеве, фельдшер-акушер была. Как-то дежурила она ночью, машинально открыла ящик, а там печать и больничные бланки.

Пишет телеграмму: «Северный Казахстан, город Петропавловск, Облпромстройконтора. Начальнику. Просим срочно выслать Павла Груздева, его мать при смерти после тяжелых родов двойни».

— Господи! — думаю. — Мамке за семьдесят, а она еще и двойню родила.

Вызывают меня к начальнику:

— Товарищ Груздев, собирайтесь срочно в дорогу. Все про Вас знаем. С одной стороны рады, а с другой стороны, скорбим. Может, Вам чем можно подсобить? Может, няню нужно?

— Нет, гражданин начальник, крепко Вас благодарю, но поеду без няни.

— Как хотите, — согласился начальник.

Теперь и пошутить можно, а тогда нет, не до смеху было. Родные мои, за восемьдесят три года, да? Попито и поедено.

На своем веку покрутишься, и на спине и на боку!

...Ладно, хорошо...

***

Родные мои! Вот я всех, верующих и неверующих, всех под одну гребенку – всех люблю! Послушайте, что расскажу.

Ночь. Очередь в Тутаеве, и я в этой очереди за хлебом. Давали тогда нам по килограмму или по два, не припомню. Женщина с детишками в той очереди стояла, ребенок у нее на руках, а еще двое за юбку держатся. Открывают магазин, вышла продавщица на порог и говорит:

– Хлеба сегодня на пятьдесят-шестьдесят человек, а остальные, которые лишние, не стойте. Хлеба все равно не хватит.

А женщина с детишками, она примерно сотая в очереди стоит, очень далеко. Понятно, что хлеба на ее долю с детишками не достанется. А детишки у нее:

– Мама, поедим хлебца-то?

– Поедим, поедим, милые, – отвечает, а слезы у нее при том в глазах.

В той очереди мужчина стоял, научный какой-то, потому что и папка у него под мышкой была, и одет он был не как мы, а по-этому, по-настоящему.

Вижу, подходит он к ней, к женщине-то этой с детишками, и говорит:

– Становись в мою очередь, получишь хлеба!

– А как же Вы?! – спрашивает его женщина.

– Не твое дело, – отвечает, – становись.

Господи! Стала она в ту очередь... А я смотрю и думаю: Господь ведь скажет – не попам, не попадьям, заразам, проходимкам, которые никогда нигде не уступят, – а ему, человеку-то этому из очереди скажет:

– Пойдем, вот тебе Райские врата открыты, заходи!

– Господи! А мне-то за что же? – спросит.

– А за то, что голоден был, а ты насытил Меня.

– Господи, да когда?! Я и не видывал Тебя, и не кормил...

– А помнишь, знаешь, может, читывал Евангелие-то? Голо-

ден был, а ты насытил Меня! Бабу-то ту с детишками в очереди за хлебом в Тутаеве помнишь? Это ты Меня накормил, Меня, понимаешь?

***

Устроился я на работу, Тутаевская промстройконтора, рабочим. Дороги облагораживал, в скверах памятники возводил. А вечером и по выходным стою на клиросе, пою. Слава Тебе, Господи!

Апостола я вышел читать. Исаия, епископ Ярославский и Ростовский, слушал меня:

— Зайди в алтарь, — говорит.

Был я уже рясофорный, порядок знал. Поклон престолу, поклон владыке, стал под благословение.

— Сидел? — меня спрашивает.

— Так, владыко, сидел, — отвечаю.

Вынимаю, показываю документ.

— А реабилитация-то?

В ответ молчу.

— Ладно. Сходи к местному священнику, который знал тебя до ареста, пусть он тебе характеристику даст.

Ладно! Хорошо. Отец Димитрий Сахаров служил здесь, в церкви Покрова, на той стороне Тутаева.

— Батюшка милой! Мне бы справочку, несколько строчек-то.

— Да-да, конечно, Павлуша, хорошо. Уже пишу.

Пишет: «Павел Александрович Груздев, 1910 года рождения, поведения прекрасного, но в политическом смысле неблагонадежен!» Ставит он точку на бумаге и подписывается: «Протоиерей Дм. Сахаров».

Ладно. Прихожу к владыке, подаю ему бумажку. Берет в руки, читает. Потом меня спрашивает:

— Павлуша! А как у Вас с желудком, расстройства нету?!

Я ему:

— Так нету пока, владыко.

— Так вот, Павлуша, когда Вас чего доброго, припрет, этой-то бумагой воспользуйтесь.

— Владыко, благословите, — отвечаю.

Родные мои! Рукополагали меня в Крестопоклонное воскресенье, вся церковь плакала. Из нищеты, ой! Арестант ведь. Не мог и я удержаться, плакал.

Ну, после того как рукоположили, давали нам сперва что-то вроде стажировки. Был тогда иерей такой, отец Алексий (Скобей), потом он в Риге служил. Вот нам машину с ним дадут, меня же к нему как стажера — исповедовать, причащать немощных прихожан на дому, соборовать... Раз, другой поехали мы с ним, он как наставник мой и говорит:

— Павел, чего мне тебя учить? Лучше ты меня учи.

Правда, после того он все спал в машине, а я служил. Вот как-то баба одна, ах ты, зараза! спрашивает:

— Да поп ли ты?

— Да, — отвечаю я, — священник. А чего тебе, баба?

— Да вас много теперь всяких, трудно-то батюшку сыскать!

Исповедал ей одно, исповедал другое. Ладно. Пошел уже.

— Куды запрыгал? — кричит. — Погоди, — орет, — воротись!

— Ну, чего тебе?

— Так вот, я вином торговала, да вино-то водой разводила, грех?

Снова давай фартук, надевай епитрахиль и снова: «Прощаю и разрешаю...»

И вот уже сколько, тридцать два? Около сорока годов служу, а может и больше, не знаю. Вот так пока живу, слава Тебе, Господи! И никем не обижен...

***

Однажды слышу во дворе у церкви шум какой-то. Было это еще там, в Верхне-Никульском. А ночь на дворе. Глухая ночь.

— Марья! — зову. — Выгляни, како недобрые люди?

Вышла тихонько, в щелочку поглядела и мигом ко мне:

— Батюшка, воры на дворе!

— Какие такие воры? Ты, Марья, не разглядела их.

— Самые настоящие! Воры — они и есть воры.

Хорошо! Надел подрясник, перекрестился иконам. Пощупал пальцами — параман на мне. На случай, если убьют, так хоть в парамане. Выхожу во двор:

— Ой, ребята! Бриллиантовые, да какие вы хорошие, да какие золотые, бриллиантовые!

А они мне в ответ:

— Не болтай!

Что за «не болтай», думаю, кто такие? Ах ты, зараза, я дома у себя и не болтаю, а разговариваю! Уже вижу сквозь очки: два парня стоят, да какие «красавцы» — два маленькие рядом, а тот, поболее, лежит на лавочке во дворе.

Я ему:

— Ребята!

А он меня матом, тогда я его — шибче!

— А ты чего ругаешься? — он спрашивает.

— Зачем ты хамишь, да еще у храма? — спрашиваю я.

— Я вор, — отвечает, — в лагерях был.

— Так и я был в лагерях, меня в том не переплюнешь, — отвечаю.

— В лагерях? — удивился. — А где?

— Кировская область, Вятские трудовые лагеря.

— На каком пункте? — спрашивает.

— На третьем, — отвечаю.

Вижу, тянет мне руку:

— Держи краба!

— Ребята! — обращаюсь к ним. — Уж не трогайте меня, старика. Глядите-ка, милые, ведь ни одной черной волосины нету, все седые! А тронете, чем попользуетесь? Ведь церковь. Ребята мои милые, а бутылку-то я вам и так дам, только чтобы Марья не видала...

Молодому я начал говорить:

— Паренек, женись. Женись! Красавец-то какой. Глаза режет, а чем ты занимаешься? Я и рубашку тебе дам венчаться, есть у меня рубашка, в которой меня в монахи постригали!

А этот, что на лавочке лежит, говорит ему:

— Ладно, брось его, сам околеет.

— Нет, не околею, — говорю ему, — жду христианской кончины.

Я тому парню-красавцу на прощанье говорю:

— Женись, я тебе на такое дело всю зарплату отдам, вот только получу.

Ладно! Хорошо! Прошло чуть времени, когда вижу, они зашевелились, потом собрались и пошли с Богом. Думаю: «Слава Тебе, Господи! Людей от греха сохранил».

***

Как-то после войны поехал я в Рыбинск в гости к двум женщинам. Осень, холодно, темно, без освещения. Шел я по улице и вдруг ко мне подошли два хулигана, два бандита. Засунули коробок спичек в рот, на глаза надели повязку и поставили нож.

— Молчи, а то будет хуже.

Ну, я испугался, замолчал. Спички во рту, неудобно так. Выплюнуть боюсь. Ведут меня. Ведут, куда ведут, не знаю. Вели меня, вели меня, привели. Привели, заводят куда-то. То ли подвал, то ли еще какое помещение. Так я ничего и не понял. Сняли повязку, вытащили спички и говорят:

— Эй, смотрите! Вот мы там попа поймали возле вокзала. Вот сейчас мы над ним понадыздеваемся. Вот мы сейчас над ним посмеемся.

Я стою, смотрю, ни жив ни мертв. И вдруг, оглядываюсь, смотрю — полная хата людей. Водка у них там, сидят, пьют. Это, видимо, была какая-то бандитская малина какой-то банды. И вдруг кто-то как закричит:

— Да какой же это поп! Это же отец Павел! Отец Павел! Проходи, гостем будешь, отец Павел!

Наверное, знакомые мои, по лагерю. Не стали ни издеваться, ни смеяться, налили мне стакан водки. Что делать, я выпил. Дали тоненький кусочек хлеба закусить. А потом снова мне завязали глаза и повели.

Ведут, а меня развезло, с дороги устал, думаю, как же я теперь буду искать тех женщин, к которым приехал. Иду, молюсь: «Матерь Божья, помоги!» Вели, вели они меня, ладно, хоть спичек во рту теперь нет. Приводят на какую-то улицу, развязывают глаза, и сами уходят. Думаю, как же я найду теперь, куда ж я шел-то. Поднимаю свои глаза, смот-

рю, а стою против того дома, к которому я должен был приехать.

***

Робята, сейчас расскажу, какой я обед ел — комплексный.

Никодим говорит:

— Отец Павел, я выезжаю по особому делу по важному, вот тебе 25 рублей денёг, зайдешь в столовую и поешь.

Дал 25 рублей. Иду, написано «Столовая». Зашел, а там говорят:

— Нет, в валенках не пускаем, надо в ботинках.

А у меня и не бывало. В другую зашел столовую, говорят:

— Нет, галстука нет!

Ходил-ходил, жрать охота, как соловецкой чайке. Пришёл в какую-то — без галстука, без ботинок, говорят:

— Садись, дедушка.

А у меня чемоданишко был, в чемодане подрясник, скуфейка, четки. Говорят:

— У нас тут комплексный обед.

Я говорю:

— Ладно, давай комплексный.

Заплатил, сел за стол. Принесла похлебки, того-другого, а ложки-то и нету. Буфетчица говорит:

— Знаете что, дедуля, пойди к стойке туды в буфет, там вам выдадут прибор. А, может, если захочешь, и ливанут. (Тогда можно было.)

Я говорю:

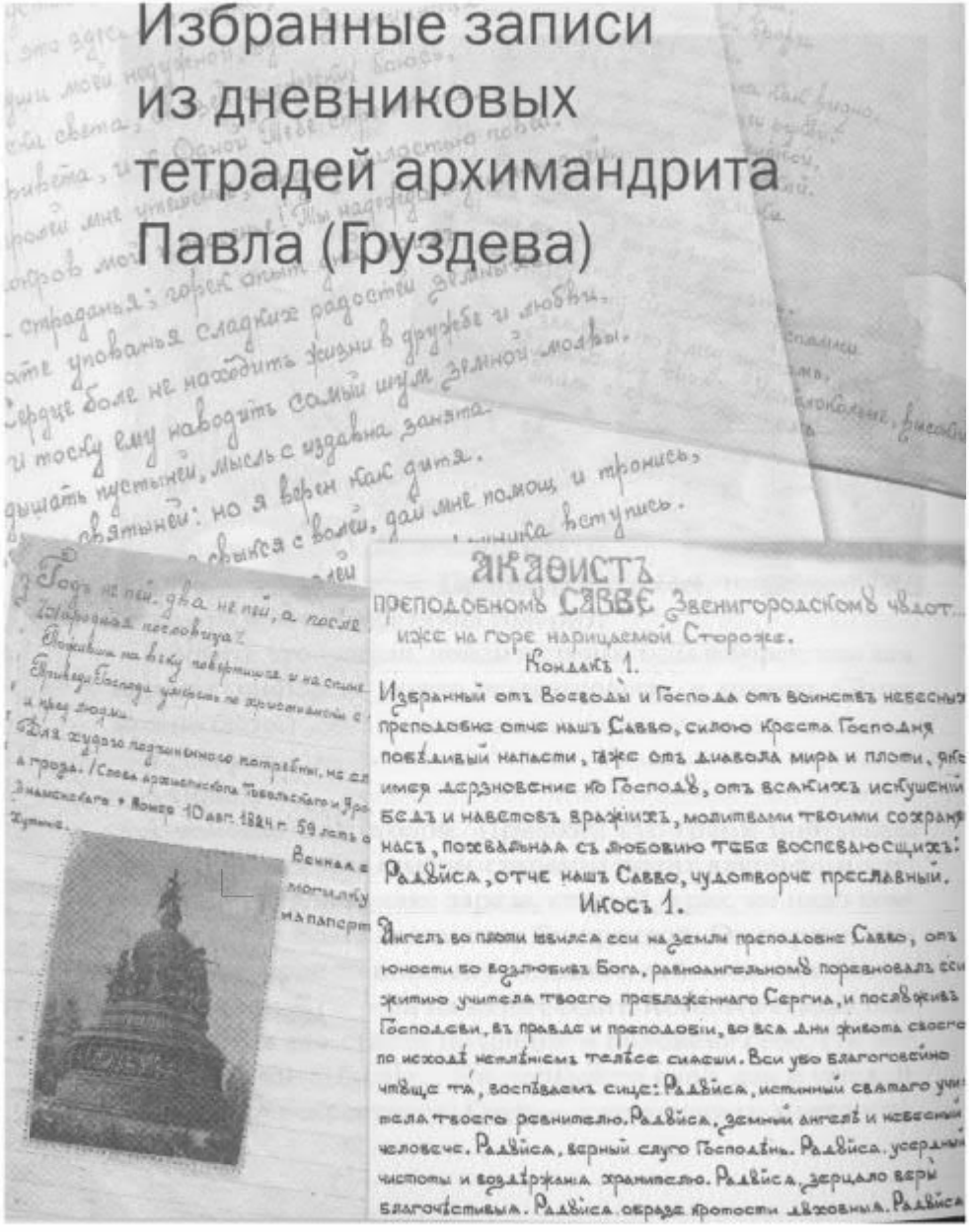
— Понял.

А чемодан под столом. Прихожу, сто грамм побулькал. Матушки, за моим столом старикан сидит какой-то и хлебает мой обед. Я думаю: зараза, старый дурак, не надо комплексный-то брать было, взял бы простой. Он первое хлебает, а я второе-то взял, ему отделил и себе отделил. Он на меня глядит. Я ем — он на меня глядит. Компота стакан ставит. Я ему в его стакан половину и половину себе. Он всё на меня глядит. Ладно... Он первый-то съел, дак и ушел. Я всё доел, перекрестился. Глядь — а чемодана-то моего нет.

Ах, думаю, зараза, дак комплексный обед! Ой, пошел стороной, гляжу: и моя еда стоит, и чемодан под столом! Я перепутал! У меня голова сразу заболела! Думаю, Господи, что же делать-то? Потихоньку-потихоньку чемодан взял да убежал. Вот тебе и комплексный обед!

Избранные записи из дневниковых тетрадей архимандрита Павла (Груздева)

Акаѳистъ
преподобномъ Саввѣ Звенигородскомъ чудот...
иже на горе нарицаемой Сторожѣ.

Кондакъ 1.

Избранный отъ Воеводы и Господа отъ воинствъ небесныхъ
преподобне отче нашъ Савво, силою Креста Господня
поваливый напасти, тѣже отъ діавола міра и плоти, яко
имея дерзновение ко Господу, отъ всякихъ искушений
бѣдъ и навѣтовъ вражіихъ, молитвами твоими сохраня
насъ, похвалянда съ любовію тебе воспѣваюшихъ:
Радуйся, отче нашъ Савво, чудотворче преславный.

Икосъ 1.

Ангелъ во плоти явился еси на земли преподобне Савво, отъ
юности бо возлюбивъ Бога, равноангельнымъ поревновалъ еси
житію учителя твоего преблаженнаго Сергія, и поспѣшивъ
Господеви, въ правдѣ и преподобіи, во вся дни живота своего
по исходѣ нетлѣнемъ тѣлесе сими. Вси убо благоговѣйно
чтяще тя, воспѣваемъ сице: Радуйся, истинный святаго учи
теля твоего ревнителю. Радуйся, земный ангеле и небесный
человѣче. Радуйся, вѣрный слуго Господень. Радуйся, усердный
чистоты и воздержанія хранителю. Радуйся, зерцало вѣры
благочестивыя. Радуйся, образе кротости евангельскія. Радуйся

От редактора

Как таковых, дневников архимандрит Павел (Груздев) не вел. Но он оставил несколько общих тетрадей, в которых его личные заметки: автобиографические записи, наблюдения за природой, духовные размышления — чередуются с народными пословицами, шутками, загадками, стихами и песнями, слышанными им в детстве в монастыре или выписанными из старых журналов и современных газет. Также батюшка делал оттуда вырезки и наклеивал их в тетради: здесь и изображения икон, церквей, и портреты русских церковнослужителей, и работы газетных фотокорреспондентов, изображающие детей, стариков, и портреты погибших космонавтов. Большое место в тетрадях отца Павла занимают его впечатления от паломнических поездок с подробным описанием монастырей и храмов, где он побывал, обстоятельным историческим рассказом о жизни насельников иноческих обителей. Также сюда отец Павел помещал акафисты, целые службы, тропари тем святым и святыням, которые он особо почитал, часто эти тексты он привозил из паломнических поездок и тщательно их переписывал, иногда по нескольку раз. Так что эти общие тетради служили отцу Павлу и личным дневником, и путевым журналом, и молитвословом, и помянником, в который он записывал всех, за кого молился.

Записи сделаны церковнославянским шрифтом с «ерами», «ятями», «юсами», с употреблением архаичных форм

слов, с использованием церковнославянского буквенного обозначения цифр. Исполненная ровным, выложенным буква к букве каллиграфическим почерком, рукопись более напоминает страницы летописного свода, исторического документа, чем обычную повседневную запись. Это тем более удивительно, что отец Павел успел закончить лишь полтора класса церковноприходской школы.

Для удобства чтения мы публикуем тетрадные записи архимандрита Павла в современной орфографии и пунктуации, не копируя батюшкиных ошибок и описок, но сохраняя лексические и стилистические особенности текста. Объем нашей книги не позволяет напечатать дневниковые тетради отца Павла целиком: мы опустили все богослужебные тексты, некоторые житийные описания и стихотворные сказания, в записях о поездках сделаны купюры — в тех местах, где идет повторение уже написанного ранее. Но главное, мы старались сохранить живой образ батюшки, ведь в его тетрадях он сам: его размышления об иноческой жизни или жизни в миру, о смерти, о спасении души, о скорбях, сиротстве, терпении, о простодушной детской вере, о необходимости видеть Христа в ближнем, об уповании на Господа, о предстательстве Пресвятой Богородицы и всех святых. Все это отражено в записях отца Павла: будь то в форме стихов или духовных песен, пословиц, потешек или записей о прилете грачей, об ожидании весны, тепла, урожая; будь то выписки из святых отцов или сокровенные личные молитвенные воздыхания.

Нумерация дневниковых тетрадей дана нами условно, их очередность не носит хронологического характера: по всей видимости, отец Павел вел несколько тетрадей одновременно и делал записи в любую из них.

В трапезной
Воскресенского
собора
г. Тутаева

День Ангела архимандрита Павла, 19 ноября 1992 г., Воскресенский собор

В тот же день за праздничным обедом

Батюшка во дворе родительского дома в Тутаеве с отцом Григорием Гогишвили и Анатолием Сусловым в июне 1992 года после крестного хода

Отец Павел в сторожке Воскресенского собора с архимандритом Евстафием,

Анатолием Сусловым,

игуменией Варварой, настоятельницей Толгского монастыря и игуменом Иоанном, наместником Борисо-Глебского монастыря

Фотография, подаренная Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II архимандриту Павлу во время посещения города Тутаева 11 мая 1993 года

◂ У сторожки Воскресенского храма. 24 июня 1994 года

Архимандрит Павел и наместник Спасо-Яковлевского монастыря архимандрит Евстафий, будущий епископ Читинский и Забайкальский

Отпевание отца Павла в Воскресенском соборе г. Тутаева

Похороны на Леонтьевском кладбище г. Тутаева

Похороны на Леонтьевском кладбище г. Тутаева

Слово архиепископа Ярославского и Ростовского Михея на поминальной трапезе

Братия Спасо-Яковлевского монастыря во главе с наместником архимандритом Евстафием на могиле отца Павла, 1997 год

Брат отца Павла Александр Александрович, рядом с ним его супруга Нина Анатольевна, крайняя справа — Мария Петровна Никанорова на могиле батюшки, 13 января 1998 года

Панихиду на могиле отца Павла служит архимандрит Вениамин (Лихоманов). 13 января 2004 года

Живописный портрет архимандрита Павла (Груздева)

Тетрадь 1

Сия книга принадлежит
иеромонаху Павлу Груздеву

Хорошо смеяться тому, кто смеется последним.

Наука наук и художество художеств есть монашеская жизнь.

Вечером молодежь, а утром не найдешь.

Много я знал монахов и монахинь и ни про одного из них ничего не знал плохого.

Берегись измерять пост простым воздержанием от пищи. Те, которые воздерживаются от пищи, а ведут себя дурно, уподобляются диаволу, который хотя ничего не ест, однако же не перестает грешить.

* * *

Помяни, Господи, Ростовского иеромонаха Амфилохия. Он сорок лет был гробовым при мощах святителя Димитрия. О. Амфилохий был великий подвижник благочестия. Помер 26 мая 1824 года, 76 лет.

Архимандрита Иннокентия. Он был племянник о. Амфилохия. Он всех любил и принимал. Не смею не принять Христа, а в чьем лице придет Он, не ведаю. Его слова. Умер 27 февраля 1847 г. на 76-ом году.

* * *

Копия

Московский патриархат.
Управляющий
Ярославской епархией
«10» мая 1983 года
№ 126.
150001. Ярославль. Ем. Ярославского 72 А.
Телефон 2-01-55

Удостоверение.

Дано настоящее настоятелю Троицкой церкви, с. Верхне-Никульское, Некоузскаго района, Ярославской области, игумену Павлу (Груздеву) в том, что он по Благословению Святейшего Патриарха Пимена (в письме от 4 апреля 1983 года, за № 543) возведен мною в сан Архимандрита.

Возведение совершено в церкви святителя Иннокентия в Архиерейском доме г. Ярославля во вторник Светлой седмицы 10 мая 1983 года.

Печать.
Подпись.

* * *

Монаха как ни черни, а он все равно чернее рясы не будет.

* * *

Полдень

Жара на лугу пасется, не шелохнутся шмели.
Ветки под тяжестью солнца нагнулись до самой земли.
По черной как деготь дороге, ветер бродит[1] налегке.
Лето босые ноги моет в прохладной реке.

* * *

Какими песнями, какими похвалами,
Всенепорочная, Тебя мы ублажим?
По достоянию хвалить Тебя устами

[1] Так у отца Павла.

недоумеет всяк пред образом Твоим.
Издревле любишь Ты Почаевские горы
и на одной из них оставила Твой след,
к святой Твоей стопе стремятся наши взоры,
спасения ища от горестей и бед.
Как наших предков Ты от агарян спасала,
противу полчищ их явясь на облаках,
и омофором их Святым Ты покрывала,
так покрывай и нас в болезнях и скорбях.
Неиссякаемый источник исцелений,
помилуй грешных нас, спаси и посети!
Блестящей славою чудотворений,
Ты нам явила здесь и образ Твой святый.
С Почаевской горы Твой образ осеняет,
не только верную Российскую страну,
но иноверцев также призывает,
чтоб с нами славили Владычицу одну.
О, Матерь Божия Спасительница мира!
Ты нам прибежище и радость наша Ты,
как нас от горестей доселе Ты хранила,
так сохраняй и днесь от всякия вражды.

* * *

Тяжело и горько, догорела зорька,
закатилось солнце радости моей,
и смежились очи, тени вечной ночи,
мне не видеть больше благодатных дней.
И стою унылый над ее могилой.
Мама дорогая! Слышишь ли ты нас?

* * *

Преподобный Иов Ущельский <жил в>[1] XVII веке и умер страдальчески от рук убийц. Мощи его были обретены нетленными 3 ноября 1763 года; они под спудом.

Помяни, Господи, возобновительницу Ущельского монастыря монахиню Параскеву (Вяткину).

[1] В угловых скобках – дополнения и пояснения редактора.

* * *

Пусть все люди мира ведут войну с войной,
чтоб счастлив и спокоен был весь шар земной.

Люби мир, возненавидь неправду.

* * *

Хороший друг самый ценный клад на свете.

С правдой иди к другу, как в свой дом.

Чтобы увидать звезды, нужно открыть глаза.

Мужество — это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий.

Помяни, Господи, рабов Твоих Конона. Анну. Феодора. Дарью.

* * *

1968 год. 8–21 марта. Четверг. Сегодня прилетели санитары колхозных полей — Грачи.

* * *

Смерть всему предел. Бедняк в землю и богач туда же.
Сегодня с людями, а завтра с червями.
Накорми сегодня голодного, он тебя накормит завтра.
Ангелы — свет инокам! Иноки — свет миру!

Царю веков, Нетленному, Невидимому, Единому, Премудрому Богу честь и слава во веки веков, аминь.

* * *

Преподобный Пахомий Нерехтский чудотворец, родился в городе Владимире на Клязьме, в мире Иаков, родился в начале XIV века. На 21 году жизни принял пострижение в Рождественской обители города Владимира с именем Пахомия. Во диакона посвящен святителем Алексием. В 1360 г. рукоположен во иеромонаха и был поставлен игуменом в обители Константина и Елены в 15 верстах от Владимира. После чего перешел в Нерехту и на реке Солонице в местечке Сыпаново основал монастырь во имя Святыя Трои-

цы. Скончался преподобный Пахомий в глубокой старости 21 марта 1384 года.

* * *

Майская ночь

В вышине на небосклоне звездочки горят,
и своим мерцаньем светлым в мир иной манят.
В мир заоблачных видений и счастливых грез,
где не чувствуют волнений, не роняют слез.

Чуть весною солнце вспыхнет за горой,
ты свое оконце распахни, друг мой!
Ветерок повеет запахом цветов
и росой омоет бахрому лесов.
И в твое оконце он впорхнет как друг,
и при свете солнца поцелует вдруг.

* * *

Блаженный Симон Юрьевецкий[1]

Блаженный Симон происходил из крестьян, из рода Шитовых. Родился он в Костромской губернии в селе Братском, отца его звали Родион, а мать Марией. Блаженный Симон прожил в пустынножительстве около шести месяцев, потом он жил и юродствовал в лесу, из леса был приведен крестьянами в село Елнать, где и жил в подвигах юродства 15 лет. За свою многострадальную и полную лишений жизнь блаженный Симон получил от Бога дар проницательности и чудотворения. Прожив в селе, блаженный переселился в город Юрьевец-Поволжский. Придя однажды в дом воеводы города Феодора Пелелина, был им избит до потери сознания, после сего его бросили в подвал, где он после долгих страданий, забытый всеми, от полученных побоев помер 4 ноября 1586 года. От роду 40 с небольшим лет. Подвиги его поистине велики были и святы, его святыми молитвами нас, Господи, помилуй.

Много может усиленная молитва праведнаго. Иак. 5, 16.

[1] Его память совершается 7/20 июня — в день празднования Собора Ивановских святых.

Преподобне отче Лазаре Муромский, моли Бога о нас. † 8 марта 1391.

Помяни, Господи, юродивую Домну Карповну, юродствовавшую в г. Томске.

* * *

Ветка[1]

Уж ты ветка бедная, ты куда плывешь,
берегись, несчастная, в море попадешь.
Там тебе не справиться с бурною волной,
Как сиротке бедному с гордостью людской.
Одолеет лютая, как ты ни трудись,
далеко умчит тебя, ветка, берегись.
Для чего беречься мне? Веткин был ответ.
Я уже посохшая, во мне жизни нет.
От родного деревца ветер оторвал,
пусть теперь несет меня куда хочет вал.
Я и не противлюся, мне чего желать,
ведь с родимым деревцем не срастись опять.

* * *

Ночь. Все спят, лишь месяц бродит над селом,
обсыпает избы словно серебром.
Да в выси небесной, точно ряд лампад,
звездочки святые пурпуром горят.

* * *

Сиротка

Прост наряд, тиха походка, грустен взгляд очей,
тяжко, горько жить сиротке у чужих людей.
Ей никто не скажет слова, ласково шутя,
только бьют, кричат сурово, бедное дитя!
Непосильный труд не споря день деньской несет,
и в грядущем, кроме горя, ничего не ждет.
Но, малютка, будь спокойна, горю есть конец,
ждет давно тебя достойный Ангельский венец.

[1] Одна из самых любимых песен отца Павла.

* * *

Без досады и роптанья, о любовь, терпи все ты,
оставляй без воздаянья стрелы злобной клеветы.
Если кто тебя обидит, ты должна ему простить,
грех ты можешь ненавидеть, а за грешников молить.

* * *

Капля камень пробивает; слеза сердце согревает;
слово искра есть души; дух мой, к вечности спеши.
Жизни время кратко, как прошедший час,
горько или сладко, все как сон для нас.
Аз есмь червь, не человек, пророк Давид сие изрек.

* * *

Мальчик бедный шел дорогой, он из школы брел домой,
одежонкою убогой снежный вихрь играл порой.
Замерзавшего ребенка видит он, к нему бежит,
и своею одежонкой позакрыть его спешит.
Позабыв про холод вьюги, весь как полымя горя,
он к своей ведет лачуге сиротинку, говоря:
«Поскорей бы нам добраться, тятька с мамкой ждут давно».
Мальчик весело смеется, друга тащит на себе,
вот они уж у избенки, мальчик стукнул в ворота.
Отомкнули. Глядь — ребенка нет, и нет его следа.
«Что за диво, ведь на плечи взял его я на пути,
дак куда ж он мог, сердечный, вдруг исчезнуть и уйти?»
Не горюй, идя дорогой, не ребенку ты помог,
одежонкою убогой, Самого Христа облек.
Посмотри-ка: у Пречистой на руках согрелся Он,
а на Нем венец лучистый и белей снегов хитон.

* * *

Не смущайся в тяжелые годы,
пусть на бремя не ропщут уста:
часто в жизни бывают невзгоды,
но надейся на милость Христа.
Не забудь, что Христос — твой Спаситель,

тебя ради страдал на Кресте,
Он от бед твой благой Искупитель,
Он с тобою всегда и везде.

* * *

Зимняя ночь

Бушует ветер, снег крутится,
тьма непроглядная кругом,
тоска мне на душу ложится,
нет утешения ни в чем.
О Боже мой, Ты луч отрады
влей в душу грешную мою
и приведи меня в ограду,
к чертогу света Твоему.
Прости, Всещедрый, прегрешенья,
в сей жизни сделанные мной,
еще прошу: влей утешенья
луч в душу светлый и святой.
Ведь Ты один моя отрада
в юдоли скорбной сей земной,
Ты моя крепкая ограда
от всех скорбей, Спаситель мой.

* * *

Пред образом Божией Матери

Какими песнями, хвалами Тебя мы, Дево, ублажим?
С какими чудными цветами венок на образ возложим?
Ты матерь девам, корень девства, Ты украшенье чистоты,
Ты неневестная невеста, Ты полнота всей красоты,
Ты утешение скорбящим, всем заступленье и покров,
Ты исцеление болящим, и всем защита от врагов,
Ты маловерных подкрепленье, Ты бедных странников приют,
к Тебе, Владычица святая, страдальцы в скорби вопиют.
И Ты всех слышишь, утешаешь, Царица неба и земли,
Ты никого не оставляешь, Ты и меня не отстрани.
О Богородице Марие! Ты покровительница мать!
Ты помоги мне дни земные во благочестии скончать.

* * *

В тяжелые минуты

Ох как долог, труден скорбный путь земной!
Долго ли я, долго ль не приду домой?
Боже милосердный, подкрепи меня.
Видишь Ты, всещедрый, как измучен я.
Всё-то грязь да слякоть на моем пути,
Боже мой, как трудно дальше мне идти.
Боже милосердный, Ты услышь меня:
оставляют силы, утомился я.
Ноги отказались вовсе мне служить,
тяжело, о Боже, тяжело так жить.
Голова кружится и темно в глазах,
на сердце ложится мучительный страх.
Что же буду делать и куда пойду?
В сторону сверну я, в яму упаду.
Нет уж, лучше прямо, прямо я пойду,
рано или поздно до конца дойду.

* * *

15–28 февраля 1960 г. служил последний раз Литургию в селе Борзове. 7–20 марта 1960 г. начал службу в Свято-Троицком храме села Верхне-Никульское.

* * *

Сторож

Полночь. Тихо и безмолвно деревушка спит,
не видать огней, лишь вьюга свищет и шумит.
По деревне с колотушкой сторож-старичок идет,
и под шум и свист метели песню он поет.
Борода его седая снегом убрана.
Эх ты, юность золотая, светлая пора!
Где вы силы молодые, голос заливной?
Где-то прежнее разгулье с тройкой удалой?
Вспомнишь, слезы так и льются, слезы без конца.

Эх ты, юность золотая, светлая пора.
Сторож смолк. Метель сильнее свищет и шумит,
и под шум ее безмолвно деревушка спит.

* * *

Загадка: Бабушка Софья день и ночь сохла, утро настанет и прочь отстанет. (У печи заслонка.)[1]

* * *

Землю холодную солнце разбудит теплою лаской луча;
душу заснувшую к жизни пробудит только другая душа.

* * *

Св. преподобномученику Макарию Овручскому латиняне предложили соединиться с ними, потому что и у них-де вера христианская. Преподобный на это твердо отвечал: «Какое общение возможно для нас с вами? Вы оставили правила Вселенских Соборов и вместо того чтобы быть под главою Христом Господом, преклонились пред властителем земным, папой римским». (Золотые слова.)

* * *

Если есть пирожок, отыщется и дружок.

Не тот друг, что медом мажет, а тот друг, кто правду скажет.

* * *

Лишь тот счастлив, кто всем доволен,
кто крест безропотно несет,
судьбе всегда во всем покорен
и благодарность Богу шлет.

* * *

Молчальница Вера Александровна умерла 6-го мая в Новгородском Сырковом монастыре.

[1] Отгадка написана кверх ногами, мелким почерком.

* * *

27 апр. – 10 мая 1983 г. возведен в сан Архимандрита, митрополитом Иоанном. 30-го октября ст. ст. – 12 ноября нового стиля в понедельник в г. Ярославле в Феодоровском кафедральном соборе, от руки Его Высокопреосвященнейшаго Никодима, архиепископа Ярославского и Ростовского, принял пострижение в Мантию.

Иеромонах Павел Груздев. 23-го мая ст. ст. 1966 г. в том же соборе возведен в сан игумена архиепископом Сергием. Игумен Павел.

* * *

На молитву надо вставать поспешно, как на пожар, а наипаче монахам.

За свое дитя каждая мать должна дать ответ Богу и обществу.

Начать грешить очень нетрудно, а отстать от греха – страшно тяжело.

Монахов много грешников, но немногие из них погибают.

* * *

1965 год. 6 мая н. с. – 23 апр. ст. ст. Георгиев день. Страшная стужа, навалило снегу до бела и во весь день не растаял. Грачи сидят на гнездах все согнулись от холода, дома без печки тоже иззябли, не помню такой весны. К чему это? Может, май холодный дак год хлебородный. Давай Бог.

Еще и птички не поют, все от холода.

1–14-го сентября 1965 года. Вторник, ходил в лес по грибы, нашел боровик весом 1 кг 200 грамм.

20-го апреля – 3-го мая 1966 года. У грачей вылупились робята, орут на всю березу.

* * *

1935-го года 14–27 сентября был в г. Ростове, стоял Литургию в Успенском соборе и прикладывался и молился перед ракою св. мощей святителя Феодора Ростовского чудотворца[1].

[1] Эта запись помещена после переписанного отцом Павлом в дневник акафиста святителю Феодору Ростовскому.

* * *

Из Пролога

Один послушник, занятый делом, не успел спросить у своего старца благословения лечь спать, как его старец уже заснул. Семь раз он удерживался и тихо ожидал, пока старец проснется. Старец проснулся и спросил у послушника: «Что ты делал теперь?» — «Ничего, отче».— «Говори правду, что ты делал: я видел над твоей головою семь золотых венцов». — «Прости меня, отче, — отвечал послушник, — семь раз я хотел ложиться спать и семь раз удерживался от этого, потому что не получил еще твоего благословения». Таковы плоды послушания.

* * *

Есть люди, красиво говорят и красиво пишут, красивой наружности, шикарно и со вкусом одеваются, но очень часто бывает, что они очень плохо живут, и внутренняя и духовная жизнь их полна разврата и нечистот. Не дай, Господи, последовать им.

* * *

Сестра Таня Юдина умерла 5/18 февраля 1983 года в больнице города Тутаева. Похоронена на Леонтьевском кладбище с родителями. Год рождения ее 1926. Всю жизнь работала акушеркой.

* * *

Из предания об основании села Шестихина, где татары задавили досками шесть русских богатырей, по-татарски «ханов». Шести-ханово. На могиле их насыпан большой курган на берегу реки Сутки. Это было в 1238 году.

«Как на Сутке-речушке
злые татарове
задавили богатырей,
богатырей русских:
поломали белы косточки,
души из тела вышибли,
и взвилися душеньки
ко Престолу Божию...»

Предание я читал в Мологском Афанасьевском монастыре.

* * *

Ах! Люблю я весны нежное дыханье,
смольный запах сосны, птичек щебетанье.
Ах, люблю также я аромат березы,
в роще песнь соловья и о счастье грезы.
Я люблю ручейков нежное журчанье,
я люблю мотыльков резвое порханье.
Я люблю размышлять о великом Боге,
Ему песни слагать в сердце без тревоги.
Я люблю созерцать Божие творенье,
я люблю размышлять о Его учении.
Мыслить также люблю я о вечном счастье,
я там песнь воспою, позабыв ненастье.
Дни там вечной весны уж не прекратятся,
наши грезы и сны там осуществятся.
Нашей радости там уж конца не будет,
и Господь наш там Сам с нами ввек пребудет.

* * *

Будь покорен Божьей воле и под бременем труда
не завидуй никогда беззаботной праздной доле.

* * *

Нет, не годы, а горькое горе
посеребрило мои волоса,
силы жизни, как червь, подточило
и туманом застлало глаза.
С колыбели со мной подружилось,
не давало свободно вздохнуть,
надо мной, точно хищник, кружилось,
тяжким камнем давило мне грудь.
Ночью темною спать не давало,
и вилось у постели моей –
как вампир, оно жадно сосало

кровь горячую жертвы своей.
Это горе, как след тяжкой раны,
по лицу бороздами легло
и слезами туманит мне очи,
и от горя в морщинах чело.

* * *

Человек — как трава дни его,
как цветы на полях отцветут,
ныне жив, полон сил и надежд,
завтра вечную память поют.
Кто казался всесильным тебе,
перед кем ты вчера трепетал —
тихо грозныя очи смежил,
горстью праха в мгновение стал.
И могучий владыка, и раб
часа страшного не избегут.
Он пробьет, и одежды души,
как трава под косою, падут.
Смертный! Помни грозящий сей час.
Помни, тленен земной твой покров,
вышней жизнию духа живи —
будь к бессмертью всечасно готов.

* * *

Смотрю на прошлое с боязнью,
напрасно в нем добра ищу
и, как преступник перед казнью,
томлюсь, страдаю, трепещу.

* * *

Раб Божий, настоятель, игумен Павлин, с 10 мая 1918 года по 27 марта 1933 года, на покое схиархимандрит Павел; блаженно почил о Господе 5 ноября 1935 года.

Раб Божий, игумен Ионафан, настоятель Валаамского монастыря, скончался 20-го января 1891 года, 75 лет от роду.

Братие, мир имейте и святыню со всеми, иже кроме никтоже узрит Господа.

Игумен Маврикий, скончался 9-го февраля 1918 года, управлял обителью 10 лет, являя собой пример смирения, кротости, неустанного молитвенного подвига, многих трудов и сердечной отзывчивости.

Схимонах Агапий, скончался 7 апреля 1905 года, на 67 году. Жил в обители 46 лет, благодушно терпел слепоту, память его 6-го марта. Приявший от Бога дар непрестанной молитвы.

* * *

Если верующие в церковь не пришли, служить надо для Ангелов. Плох тот священник, который мзды ради служит.

* * *

Помяни, Господи, раба Твоего Александра, умершего 13-го н.ст. ноября 1958 г., в 2 часа ночи. Год рождения его 1888 г. в г. Мологе, деревня Борок. Похоронен в г. Тутаеве на Леонтиевском кладбище. Всю жизнь был усердный к Богу молитвенник.

Помяни, Господи, рабу Твою Александру, умершую 25 августа по старому стилю — 7 сентября н. с. 1961 года, в 2 часа дня. Год рождения ее 1890, г. Молога, дер. Новоселка. Похоронена на том же кладбище рядом с Тятей. Была милосердна яко самарянин.

Помяни их, Господи. Царство им Небесное.[1]

Помяни, Господи, раба Твоего воина Олега. †26 сентября.

* * *

Господи! Приведи помереть с чистой совестью, и лучше мне пострадать, нежели кто пострадает от меня, лучше быть пре-

[1] Эти записи о поминовении своих родителей отец Павел разместил с двух сторон от образа Спасителя, который он наклеил по центру страницы дневниковой тетради.

данным, чем предателем, лучше быть оклеветанным, чем клеветником. Язык клеветника это яд змеиный.

* * *

Царство Тебе Небесное, усердный труженик на ниве Христове.

Помер 25 марта 1925 года. Похоронен в г. Москве в церкви Донского монастыря[1].

* * *

Рукоположен во диакона 9 марта 1958 г.

Рукоположен во иерея 16 марта 1958 г. в Крестопоклонное Воскресенье. Рукополагал преосвященный Исаия, епископ Угличский, в городе Ярославле в Феодоровском кафедральном соборе. Помоги мне, Господи, поприще и путь священства без порока прейти. Иерей Павел Груздев.

Пострижен в монашество 12–25 ноября 1962 г. архиепископом Никодимом, с тем же именем.

* * *

Тятю вся нищета поминает и молится за него.

13 ноября 1958 года в 2 часа утра в четверг помер Груздев Александр Иванович на 71 году жизни. Похоронен в г. Тутаеве на Леонтиевском кладбище.

Душа его во благих водворится. Если бы мы, его дети, были такими, каким был Тятя! Один я, поди, поминаю: Олька со шпаной да с нищетой не помянёт: Лешка — обалдел, поди, и не перекрестится. Тоня — ой, спаси ее, Господи, на 40 году парня бахнула. О чудесе! Таня, беды угол, нужда замучила. Сано — фокан: хоть бы дал рубь и сказал: помяни Тятю. Бог с ним.

* * *

Святейший патриарх Никон помер 17 августа 1681 года на 76 году его славной и многострадальной жизни.

Вечная ему память! Мать его звали Мариамна.

[1] Запись сделана возле наклеенного фотопортрета Высокопреосв. Тихона.

* * *

Иноку

Ты, любезный мой брат, хуже мирских во сто крат.
Сам от мира удалился, жить в пустыне поселился,
а в пустыне святых мест, там и надо нести Крест,
а Крестное ношенье терпеть искушенье.
Одолеют тебя страсти, придут всякие напасти.
Телу труд, молитве ночь, отойдут и страсти прочь,
а то как их победишь, когда ешь, да пьешь, да спишь.
Кушать надо не роптать, ешь, что будут подавать, —
будешь здрав всегда, ретив и на дело не ленив.
А диавольские козни, хотя острые как гвозди,
ты легко их победишь, если сам себя смиришь.
Если ж будешь горд, надменен, всеми будешь ты презренен,
тем себя ожесточишь и невольно в мир сбежишь.
А в миру хуже юрода будешь смешищем народа,
жизнь несчастно проживешь и расстригою помрешь.

* * *

Инок

В убогой келье одинокой на хладных каменных плитах,
в тиши обители далекой, молился пламенно монах.
Просил у Господа прощенья, самоотверженности, сил,
чтоб побороть те искушенья, что он с трудом переносил.
На нем лежало послушанье пришельцев бедняков кормить,
но к ним святого сострадания не мог в душе он породить.
Был полдень, в келье одинокой, вдруг свет лучистый осиял,
и уголок молитвы скромной лучею теплою обдал.
И инок увидал в смятеньи Христа в хитоне пред собой,
он пал на землю в восхищеньи, был полон радости святой.
То был Господь не в час страданья, не в час распятья на Кресте,
не в час молитвы Гефсиманской с следами крови на лице, —
то был Господь, когда полями на пасху в град Иерусалим
спокойно шел с учениками, с толпой, грядущею за Ним.
Из глубины души смиренной в восторге инок возгласил:
«Кто ж я, что Ты, Господь вселенной, меня сегодня посетил?!»
Тут звон внезапные страданья в душе монаха возбудил:

уже идти на послушанье — оставить Господа нет сил.
И он пошел туда, где ждали те, кто так часто голодал,
кого мученья так терзали, что запах хлеба убивал.
Им ныне монастырь казался звездою райскою златой,
и хлеб, что щедро раздавался, казался трапезой святой.
Окончив инок послушанье, обратно в келию спешит,
в душе тревога, ожиданье, и сердце трепетно стучит.
Ушел ли Гость неоцененный, иль ждет его Он, может быть...
С надеждой тайною, святою, спешит он дверь приотворить.
И что же? Дивное виденье он снова в келье увидал,
и оправдалось ожиданье: Господь опять пред ним стоял.
И глас Божественный раздался: «Зачем ты возроптал тогда?
А если б в келье ты остался, то Я ушел бы навсегда».

* * *

Погубляет человека не величество, не множество грехов, но нераскаянное и ожесточенное сердце.

Нет существа столь близкого к человеку, как Иисус Христос, Сын Человеческий.

Где крест, там не вредит бесовская сила.

* * *

16–3 июля 1961 года в воскресенье в 8 ч. вечера был сильный ливень, все залило и прихвостало градом. Прощай, огурцы, погибли труды. Но не погибли! Столько было огурцов, насолили 2 кадки.

* * *

Своя воля

Кому себя, любивицу, я волю поручу,
ведь ей неукротимою я править не могу.
Жестокая, сварливая покою не дает,
зело непокоривая своим путем идет.
Хочу ли в час полуночный ее я разбудить,
и семь болезней сразу мне она наговорит.
Не хочет бдеть, несчастная, ей дорог только сон.
Вот утро. Не пора ль тебе склониться пред Крестом,
за эту ночь прошедшую Христа благодарить

и Ангела Хранителя о помощи просить?
Но нет, и тут не время ей, мне массу дел дает.
Немного слов молитвенных скажу я второпях,
и с этой пищей скудною душа тоскует день,
на труд дневной я выступил, молиться мне все лень.
Вот солнце закатилося, и небо мрак покрыл,
и спор мой начинается с соперницей моей.
Уж будет своевольничать, закрой свою тетрадь,
пора Христу Спасителю дневной отчет отдать,
пора склониться с трепетом охраны испросить,
за все грехопадения хоть каплю слез пролить.
Но что же, непокорная, восстала на меня,
пойми, я так измучился, нет силы у меня.
Молитвы не читаются, ужасно спать хочу,
глаза мои слипаются, нет сил, я упаду.
И так в борьбе с лукавою я мучаюсь зело,
пойду дорогой правою, она свернет назло.
О, Ангел мой Хранитель, на помощь мне приди,
в объятьях светлых крил твоих ты волю укроти.
Не дай ей смело шествовать, здесь много так стезей,
о, Ангел мой Хранитель, наставник буди ей.
Будь строгим ей властителем, пощады не давай,
меня же, мой хранителю, на всех путях спасай.

* * *

Пост и молитва приводят ко вратам рая, а милостыня открывает их. Суд без милости не сотворившим милости.

* * *

Много архиереев, но не все святители. 11/V 1967 г. Рыбинск. Вечер. Оказывается, и архиереи...

В каждом селенье свое заведенье.

* * *

Отец игумен Андроник умер 15-го мая н.с. 1962 года на 62 году жизни, в священном сане прослужил 32 года, похоронен в г. Ярославле.

9 мая 1962 г. умер о. Николай Малиновский на 87 году, прослужив 41 год, а сестра его, девица Надежда Никандровна, умерла 19-го октября 1961 г. Помяни их, Господи, и родителя их диакона Никандра.

* * *

Молитва Иисусова заменяет все правила и молитвы.

* * *

Жизнь прожить не поле перейти.

Ох, робята, робята, не живи как хочется, а живи как Бог велит.

Сегодня в доме с людями, а завтра во гробе с червями.

* * *

Лучше быть последним грешником, чем мнимым праведником.

* * *

К Тебе, о Боже, я взываю, Ты не отринь, Благой, меня,
К Тебе я руки простираю и в горести молю Тебя,
Ты научи меня Владыко, как помолиться мне Тебе,
Ты видишь, облако велико закрыло мглою разум мне.
Ты разгони тьму искушений и просвети мой путь к Тебе,
Ты падших мыслей воскресенье,
простри, Владыко, свет Твой мне.
Оставил я отца и матерь, именье, дом, я всё презрел:
любовь сестер моих и братьев, и все что в мире здешнем зрел.
И, убегая, удалился в пустыни, горы и леса,
в глухих местах я поселился, чтоб зреть умом мне в небеса.
Спасенья чаю я от Бога, от бурь защиту для себя,
чтоб малодушье и тревога прочь удалились от меня.
Но как взыщу Тебя, Владыко, и где обрящу я Тебя?
О, дело трудное, велико, принял я, грешный, на себя!
Иди, мне в путь с крестом, сказали, а без креста и не ходи,
и путь тернистый указали, и чтобы скинул сапоги.
И я пошел в путь добровольно, хотя и трудно мне идти,

и думал, что уже довольно, а не прошел и полпути.
Я на пути изранил ноги, от претыкания бодцов,
и сбился я с пути-дороги, идти мне трудно за Творцом.
Порвал одежду я в пустыне, и впал в разбойники я в ней.
О Боже! Милостив и сильный,
предстань в сей час душе моей.
Ты видишь, я изнемогаю, Ты, Боже, видишь, силы нет.
Куда идти уже не знаю, да просветит мой путь Твой свет.
И я узрю Тебя, Владыко, узрю, Создатель мой, Тебя,
забуду странствие велико, и встрепенет душа моя.
Забуду горе и печали и злострадания в пути,
что все меня в пути встречали и не давали мне идти.
Забуду скорби и невзгоды, и все труды подъяты мной,
которы я терпел все годы, идя, Владыко, за Тобой.
Еще далеко, мой Спаситель, еще далеко мне идти,
я не прошел, мой Искупитель, к Тебе еще и полпути.
Ты рекл, что иго мое благо и бремя легкое мое, —
я верю, Боже мой, и знаю, что слово истинно Твое.
Мне, Боже, с помощью Твоею все будет легко на пути,
еще оставшейся стезею я возмогу к Тебе идти.
Хотя слезами орошаю мой путь к Тебе, Создатель мой,
я верю, Боже мой, и знаю, что я иду благой стезей.

* * *

Нет ничего на свете краше, чем Родина наша.
Глупа та птица, которой гнездо свое немило.
Умереть можно, а изменить Родине нельзя.

* * *

Епископ Угличский Исаия, в мире Владимир Димитриевич Ковалев, родился в 1882 г. в г. Угличе. Образование завершил в Рыбинском речном училище <в>1903 г., и его трудовая жизнь на благо родины на речном транспорте продолжалась до июня месяца 1946 г. 9 июня 1946 г. рукоположен во диакона. На следующий день он принял монашество с именем Исаии. 1 февраля 1947 г. рукоположен во иеромонаха. В декабре 1947 г. о. Исаия награжден наперсным крестом. В 1949 г.

получил сан игумена. В 1951 г. — сан архимандрита. 28 ноября 1954 г. хиротонисан во епископа Угличского, на коем посту сохрани его, Господи, на благо св. Церкви и Родины нашей на многая лета. † Помер владыка Исаия. Испола эти деспота. 8–21 октября 1960 г., в 3 часа дня, в пятницу.

* * *

Повторение — мать учения.

* * *

Помяни, Господи, блаженного Иакова, он жил в г. Алатыре в 1848 году.

* * *

5–18 июля 1961 г. Вторник. На сегодняшний день все мое достояние составляет 5 рублей и никаких запасов.

Но хоть мошна пуста, да совесть чиста.

Никому не завидую. Легче помирать.

* * *

Десять ступеней, ведущих на Небо

1. Совершенно забыть свое Я.
2. Плакать о грехах.
3. Быть кротким.
4. Познавать волю Божию.
5. Быть милостивым.
6. Иметь чистое сердце.
7. Быть миротворцем.
8. Терпеть за правду.
9. Терпеть поношение за Христа.

Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит.

Живи проще, и Господь тебя не оставит.

Братия! Без любви нет жизни, где нет любви, там все мертво.

Любовь есть источник жизни.

Презирай блуд, как мечту диавольскую.

Большая река течет спокойно, умный человек не повышает голос.

Теплое слово и в мороз согревает.

Не плачь битый, плачь небитый.

Гриб да огурец в брюхе не жилец.

* * *

Помяни, Господи, Хутынского монастыря иеродиакона Иону[1].

* * *

Путь ко спасению усыпан не розами, а тернием.

Лучше быть Лизой Веденеевой, чем Екатериной Алексеевой. (Слова игумении Августы Неустроевой.)

Можно в монастыре и быть грешником, можно уединиться в пустыню и не получить спасения, но можно жить в обществе, среди людей, и исполнять обязанности своего звания, быть благочестивым человеком и наследовать вечное спасение.

Богатый пьет пока чай густой, а бедный пока самовар пустой.

Если хочешь жить легко и быть к Богу близко, держи сердце высоко, а голову низко.

* * *

1961 г. 5–18 октября нашел в огороде на грядке 4 свежих огурца.

1962 г. 5–18 окт. Не только огурцов, и землю-то всю снегом завалило, стужа страшная.

1965 г. 5–18 окт. Морозов еще не было. Ольга с Катериной ходили по грибы в лес и наломали еще белых. Сам видал. А я в этот день пилил дрова.

* * *

Хлеб всегда начинают есть с корки.

В умной голове солнышко никогда не заходит; всегда светло.

[1] О нем см. на с. 379.

Бережливым быть хорошо, а добрым лучше.

Всякому свое немыто бело.

Все приходит со временем к тому, кто умеет ждать.

Легче одному отцу пропитать шестерых детей, чем шестерым детям — одного отца.

Бог не оставляет несчастных.

* * *

Для мира гроб страшилище,
для веры он святилище,
залог перерождения,
приют до пробуждения.
Жизнь вечного отечества
за гробом человечества,
туда пойдут в свидетели
и зло и добродетели.

* * *

Не место, не народ, не случаи, не дни:
что страждем мы — тому виною мы одни.

* * *

Брюхо — яма: не завалить, не засыпать.

* * *

Будь истинным иноком, и тогда Господь не оставит тебя Своими милостями.

Помяни, Господи, инокиню Домникию.

Будь праведен в предприятиях твоих, и будешь иметь Бога помощником.

Чего не любишь сам, не делай того и другим.

Делай добро во всю твою жизнь, и не постигнет тебя зло.

Хранящий язык свой избегает многих бед.

Лучше молчать, чем говорить неподобающее.

Тяжелое дело и многопечальное быть гонимому правды ради и быть ненавидимому людьми истины ради. Но и мзда

такому многа на Небеси, и потому надлежит радоваться и терпеть всякое искушение за любовь Христову.

Объявляющий тайны друга своего иным не найдет никогда друга истинного и верного во всю свою жизнь.

Никола — имя знаменито, победе тезоименито,
побеждает агаряны, утешает христианы.
Никола на море спасает, Никола мужику воз подымает.

Болван, на который монахини в Мологе одевали параты, назывался «Тулья».

5 мая н. ст. 1967 года умер протоиерей о. Николай Неклюдов. Служил в храме села Введенское возле Красных Ткачей. Очень хороший был батюшка. Царство ему Небесное. Помяни его, Господи.

Слава Русской старине. Слава нашей стороне.

* * *

На все болячки врачей не хватит.

* * *

Аптека духовная

Человек некий прииде во врачебницу и вопрошаша врача:
«Есть ли таковое былие, врачующее грехи?»
Отвещав ему врач, рече: «Прииде и возьми:
Корень — послушания.
Листвия — терпения,
Цвет — чистоты,
Плод — добрых дел.
Изотри в котле безмолвия,
Просей в решете рассуждения
и всыпли в горнец смирения,
полей водой из слёз молитвенных,
Пригнети огнем Божественныя любви
и покрой милостынею,

и егда учредится, остуди и посоли братолюбием
и вкушай лжицею покаяния.
И, тако совершив, будеши здрав во веки».

Сроду не слыхал, чтобы человеку можно потерять штаны с себя, но слыхал и даже видал. 23/VI 67 г.

* * *

Христианин не тот, кто называет себя этим священным именем, а тот, кто живет по-христиански. Кто не христианин в жизни — тот не христианин и в сердце, а христианство на устах — только обман Бога и людей. «Не вем вас», — говорит Господь всем таким христианам.

2-го сентября, н. ст. 1979 года, в воскресение, в 6 часов вечера, в больнице № 9 г. Ярославля умер настоятель церкви поселка Яковлевское протоиерей Вячеслав Александрыч Зуммер на 49 году жизни. Погребение совершалось 5-го сентября при участии митрополита Иоанна и 18-ти священников и 2 протодиаконов. Я облачал тело о. Вячеслава, а также участвовал при совершении чина погребения.

Бабка Еня умерла 10 минут 12 ночи 13/26 ноября 1980 г. с среды на четверг.

* * *

Друг любезный! Так живи:
плохим мыслям и пожеланиям в сердце двери затвори,
читай Иисусову молитву, да поменьше говори.

* * *

Писал сию книгу многогрешный чернец игумен Павел (Груздев).

* * *

Труд мучит, кормит и учит. Без труда не вынешь рыбку из пруда.

Что потопашь, — то и полопашь.

* * *

Глухи сердца счастливых к мольбам обездоленных.

* * *

Валаам

О, дивный остров Валаам! Рука Божественной судьбы
воздвигла здесь обитель рая, обитель вышней чистоты,
обитель чудную, святую, жилище избранных людей,
обитель, сердцу дорогую, обитель мира от страстей.
Богоизбранная обитель, пречудный остров Валаам,
тебя дерзнул воспеть твой житель, прими его ничтожный дар.
Не знаю, как воспеть сумею твои долины и поля,
твои леса, твои заливы, твои священные места.
Я о тебе сказать не смею, как ты величием полна,
сложить я песни не умею, перед тобой она бледна.
Одно скажу лишь я, без меры ты в жертву Богу принесла
всю чистоту святыя веры и плод священного труда.
Какое место ты избрала, какой воздвигнула алтарь,
и как прилежно воспевала, в нем Бога истинного тварь.
Но было здесь иное время. Стояло капище богов,
и жизнь греховная кипела, под оком бдительных жрецов.
Не знаю я, как долго длилась та служба мерзостным богам,
но милость Божия явилась на сей гранитный Валаам.
Андрей апостол — есть преданье — Крестом рассеял мрак греха,
предрекши веры процветанье, поста, молитвы и труда.
Сбылося Божье слово верно, тот Крест прогнал врагов Христа,
и ныне зрим как ты священна, обитель Вышняго Царя.
Тебя подвижники святые Сергий и Герман основали,
здесь же и мощи их честныя своим нетленьем просияли.
А души их там в небесах, в чертогах Божиих витают,
на всех нас, грешных, в чудесах щедроты Божьи изливают.
Хвала тебе, обитель славы, ты блещешь в юной чистоте,
храня все строгие уставы в своем монашеском житье.
Мне перечесть не хватит силы святых подвижников твоих,
но их поросшие могилы легко напомнить могут их.

Одно, одно лишь знаю верно, ты много вынесла скорбей,
терпела много искушений от злых завистливых людей.
Тебя не раз опустошала толпа неистовых врагов,
но ты лишь мужество являла, средь всех лишений и тревог.
Но после долгих испытаний, опустошений и борьбы,
как властелин своих желаний, во всей красе явилась ты.
Смиренных иноков обитель, приют трудящихся рабов,
в духовный мир путеводитель, от силы вражией покров.
Могу ли я узреть твердыню, на коей выстроилась ты,
могу ль воспеть твою святыню и понести твои труды!
Свое бессилье сознавая, чтоб величать тебя в стихах,
я дальше продолжать не стану, сама обитель на глазах.
Одной желаю лишь отрады — о сем с надеждой я молюсь —
прожить в стенах твоей ограды, пока за гроб переселюсь.
Взыграйте, горы Валаама! Под сенью милости Творца
от нас хвала Ему и слава да будет вечна без конца.

* * *

Помяни, Господи, иноков Валаамскаго монастыря, от шведов убиенных 20 февраля 1578 года, 18 человек достоблаженных и благочестивых старцев.

1. священноинок Тит
2. инок Тихон
3. схимонах Геласий
4. инок Варлаам
5. инок Сергий
6. инок Савва
7. инок Конон
8. инок Сильвестр
9. инок Киприан
10. инок Пимен
11. инок Иоанн
12. инок Самон
13. инок Иона
14. инок Давид
15. инок Корнилий
16. инок Нифонт

17. инок Афанасий
18. инок Серапион
19. инок Варлаам

и 16 человек слуг-послушников
1. Афанасий
2. Антонийы
3. Лука
4. Леонтий
5. Фома
6. Дионисий
7. Филипп
8. Игнатий
9. Василий
10. Пахомий
11. Василий
12. Иоанн
13. Феодор
14. Иоанн

Вечная им память.

В 1581 г. Господь послал на Валаам новое испытание, а именно мор, жертвою которого сделалось 37 старцев и 47 послушников.

Валаамский игумен Феогност, игумен Иоаким были первые после преп. Сергия и Германа.

В 1192 г. Валаамом управлял игумен Мартирий.

В 1598 г. на Валааме был игумен Давид.

Валаамским монастырем управляли:

1. Архимандрит Иринарх, в 1718 году возобновитель Валаамского монастыря после разорения шведами, бывшего в 1611 году.
2. Иеромонах Савва. 1720 г.
3. Иеромонах Иосиф Шаров. 1723 г.
4. Иеромонах Тихон. 1724 г.

Игумены.

Ефрем. 1754 г.—1782 г. Назарий. 1782 г.—1801 г. Иннокентий с 1801 г. Ионафан, Варлаам, Вениамин, Дамаскин с 1839 г.

по 1881 год. Ионафан с 1881 г. по 1891 год. Маврикий. Павлин, в схиме Павел.

Из древних настоятелей известны:

1. Игумен Феофан 992 г.
2. Мартирий. 1192 г.
3. Порфирий. 1332 г.
4. Сила. 1417 г.
5. Иоаким II. 1474 г.
6. Давид, Савватий, Игнатий, Иоаким III. 1507 г.
7. Исаия, называемый строителем. 1540 г.
8. Никодим. 1578 г.
9. Геннадий. 1585 г.
10. Феодорит I. Феодорит 2. Исаия II. Варлаам игумен Фотий, Макарий, Ефрем, Матфей, Лаврентий, Давид 1597 г. и Макарий 1606 году, при коем монастырь был уничтожен до основания.

В 1611 году шведы до основания уничтожили Валаамский монастырь. Игумен Макарий с иноками пролили свою кровь и прияли венцы мучеников.

Валаамский монастырь — это был северный Афон с исключительно строгим уставом.

* * *

Сиди, лягушка, в луже, не было бы хуже.

Здесь праотцы села в гробах уединенных,
на веки затворясь, сном непробудным спят.

Тетрадь 2

МОЛОГА

В трех верстах от центра уездного города Мологи Ярославского края на север находился Афанасиевский женский монастырь. Время основания монастыря неизвестно. Но известно то, что первоначально обитель была мужская и была приписана к монастырю Новый Иерусалим и существовала до времен патриарха Никона. Когда везли его в заточение на Бело-Озеро в Кириллов монастырь и когда проезжали мимо Афанасиевского монастыря, узнав об этом, настоятель игумен Сергий с братией обители воздали честь опальному патриарху, за что были избиты стрельцами и выгнаты из обители, а храм был сделан приходским. По прошествии некоего времени обитель была восстановлена, но не мужской, а женской, под управлением игумениев. Возобновительница и устроительница Афанасиевского женского монастыря была некая вдова города Мологи Елизавета Ушакова, в монашестве Евпраксия.

Порядковый перечень игумений следующий:

1. Возобновительница и устроительница обители игумения Евпраксия. Могила ее находилась под правым приделом собора, под черной мраморной плитой.

2. Игумения Магдалина, похоронена там же.

3. Игумения Феофания, из благородного сословия, управляла обителью недолгое время, была переведёна в Яро-

славский Казанский монастырь[1], где и преставилась с миром.

4. Благоустроительница и украсительница святой обители была игумения Антония. При ней выстроен новый, летний собор, на три корпуса келий надстроен второй этаж, выстроена гостиница для богомольцев, а также прекрасная церковно-приходская школа для деревенских школьников, приобретен в городе Мологе земельный участок, на коем выстроена каменная часовня с жилым домом для обслуживающих инокинь обители, а также приобретен в городе Рыбинске на Стоялой улице земельный участок, на коем выстроено подворие с часовней и жилыми и хозяйственными постройками, коим управляла монахиня Зинаида. Игумения Антония похоронена на монастырском кладбище с левой стороны алтаря кладбищенской церкви, на могиле ее был воздвигнут величественный черного гранита памятник.

5. Игумения Августа, похоронена рядом с матерью Антонией. Она наладила прекрасно животноводство, птицеводство и построила прекрасную пасеку. Выстроила мельницу и приобрела в 12 верстах от монастыря значительный земельный участок, на котором построила филиал и несколько жилых деревянных домов, скотные дворы и толчею. А купец города Мологи М. Боровков выстроил однопрестольную церковь во имя, честь и славу святого Архангела Михаила. Управляла Дачей престарелая монахиня Илария, а в церкви служил иеромонах Силиверст.

6. Игумения Кира. Она завела в монастыре рукодельное ремесло, как-то: золотошвейную, белошвейную, которыми управляли опытные мастерицы, монахиня Ионафана и Досифея. Под их руководством инокини шили золотом. В театре города Мологи на сцене был бархатный занавес, на коем монастырскими мастерицами было вышито золотом «Дерзай».

[1] Основан в 1610 г. в Ярославле гражданами города в благодарность Богу за избавление от поляков. В соборном храме находилась чудотворная Ярославская Казанская икона Божией Матери (принесена из-под Казани в 1588 г. в Романов, а оттуда в 1609 г. принесена в Ярославль). С 1928 по 1998 гг. в Казанском соборе находился архив Ярославской области. В 1998 г. приход преобразован в Казанский женский монастырь.

7. Игумения Иннокентия. Это была величественная, стройная монахиня, но управляла обителью недолго. Похоронена на монастырском кладбище под скромным деревянным крестом.

8. Игумения Августа Неустроева, из крестьян деревни Назаровское. При ней обитель прекратила свое существование 30 марта 1928 года. Все строения, земля, скот и весь инвентарь переданы колхозу, а насельники монастыря разбрелись кто где мог устроиться.

Звание и имена некоторых насельниц я помню, а именно:

1. Игумения Августа, в миру Феоктиста Неустроева, происходила из крестьян деревни Назаровское, что под Леонтьевском. По выходе из обители, поселилась в Заруче, во время ликвидации г. Мологи перебралась в г. Ярославль, где и почила с миром. Могила ее находится на кладбище Туговой горы.

2. Казначея Поплия, в миру Пелагия Масленникова, из мещан г. Мологи. После монастыря жила в г. Рыбинске. Похоронена на Георгиевском кладбище.

3. Монахиня Елизавета, в миру Екатерина Павловна Иевлева, из купеческого звания г. Мологи. В обители исполняла должность врача, ученая. Конец жизни провела в г. Мологе, померла в глубокой старости. Похоронена на городском кладбище г. Мологи.

4. Монахиня Севастьяна, головщица[1] правого клироса, бас и заведующая сапожной мастерской. Лучше ее в обители сапожного мастера не было, а также и церковной чтицы. Умерла в глубокой старости и погребена на Мологском городском кладбище.

5. Монахиня Агафоклия, головщица левого клироса и заведывала библиотекой. Последние годы жизни провела в нужде, жила в няньках, даже собирала милостыню. Где померла? Не знаю.

[1] Головщица – управляющая одним клиросом в монастырской церкви, подчиняется регенту, уставщику.

6. Монахиня Магдалина, в миру Мария Томишина, урожденка села Кой, певчая левого клироса — бас. Умерла в Кою на родине в глубокой старости.

7. Монахиня Зинаида. Была старшая монастырского подворья в г. Рыбинске. Последние годы была дряхлой старухой. Где померла? Не вем.

8. Монахиня Нина, в миру Параскева Захарова, урожденка села Спас Мякса. Была старшая по малярному делу, заведывала краской, олифой и всем прочим малярным и кровельным матерьялом, на ее ответственности было следить за состоянием крыш. Померла в г. Мологе и похоронена на городском кладбище.

9. Монахиня Ермиония, в миру Екатерина Горлова. Всю жизнь работала в рукодельной и иконописной мастерской и резала в трапезе хлеб. Померла в доме престарелых.

10. Монахиня Евникия, пела на клиросе и была прекрасная золотошвейка. Долго была слепой. Похоронена на кладбище города Мологи.

11. Монахиня Евфрасия, беспомощная древняя старуха. Увезли родственники, а куда? Не знаю.

12. Монахиня Фаина, косоротая, была алтарницей, следила за порядком в алтарях и варила на кухне пищу.

Рясофорные

13. Васса, глухая, старшая на Даче. Раньше ее никто не вставал и позднее ее никто не ляжет. В сенокос била косы, чинила грабли, ремонтировала конскую упряжь, а во время посевной пахала от зари до зари: трех лошадей сменят, а она одна. Помяни ее, Господи.

14. Анна Усанова, урожденка деревни Большой Борок. Была главная белошвейка, гладью, шелком, шерстью делала всевозможные искусственные цветы. Лучшая певчая и чтица на правом клиросе. Умерла в Ленинграде, пережила блокаду.

15. Анна Бурова, главная регентша. Откуда родом и где померла? Не ведаю.

16. Александра Пашнова.

17. Екатерина Манькова, родом от Коприна, певчая правого клироса — альт, лучшая живописка и рукодельница. По-

мерла и похоронена в г. Тутаеве, где исполняла должность псаломщика при соборе. В г. Ярославле в церкви у Креста на потолке ею написано изображение Св. Троицы.

18. Екатерина Осипова, певчая — альт, живописка, но неважная. Умерла где-то в Мукачеве. Приняла постриг в схиму с именем Сергии.

19. Елизавета, родом из Кулиги, дер. Новоселка, певчая — альт. Померла где-то в Костромских пределах.

20. Ольга Кокушкина, певчая — тенор и лучшая белошвейка и цветочница. Померла в г. Рыбинске.

21. Крушкова Екатерина, певчая — тенор и рукодельница. Похоронена в г. Рыбинске у Покрова, где исполняла должность псаломщика.

22. Евдокия, родом от Краснова Холма, певчая.

23. Елена Смирнова, лучшая певчая — дискант и регентша. Училася живописи, но писала неважно, зато пела хорошо.

24. Анна Поснова, певчая, родом с Дубровы от Веретеи.

25. Анна Сенова, певчая — тенор. Умерла в Рыбинске.

26. Евдокия, баритон, родом из деревни Сосновицы, Станово.

27. Екатерина Гаврилова, певчая, ходила в очках, родом с Кулиги.

28. Анисия, певчая. Умерла г. Ленинград.

29. Ольга, певчая. Умерла село Диево Городище. Там и умерла.

30. Анна Маринина, певчая. Умерла в селе Чамарово.

31. Мария Суходаева, певчая. Умерла в г. Рыбинске.

32. Мария Болонкина, певчая. Где померла? Не знаю.

33. Мария Кузнецова, певчая, родом с Сити. Похоронена в Рыбинске.

34. Лариса Кузнецова, привратница и сушила хлеб — топила риги.

35. Анна, портниха.

36. Анна Шатаева, заведывала церковной ризницей, родом с Коприна.

37. Мария Вьюшина, старшая на конюшне, родом от Вологды.

38. Александра Масленникова, родом с Мологи, иконописка, умерла в Рыбне.

39. Васса, иконописка, но плохая.

40. Параскева, мельничиха, прекрасно работала топором, была прекрасный столяр, сама ковала мельничные жернова — обладала огромной физической силой. Умерла в блокаду г. Ленинграда.

41. Анна, помощница Параскевы на мельнице.

42. Надежда Горохова, певчая. Убита с целью кражи ворами в 1933 г.

43. Ольга Самойлова, певчая — бас, впоследствии была председатель Афанасьевской трудовой артели. Похоронена на Туговой горе.

44. Анна Борисова, родом из Кулиги со Струбишны, чернорабочая. Умерла в г. Рыбинске.

45. Параскева, родом из г. Орла, всю жизнь работала на кухне. Умерла в г. Рыбинске.

46. Мария Брызгалова, заведывала монастырской пасекой и чеботарней[1], родом от Вологды. Умерла в г. Рыбинске.

47. Надежда Степанова, иконописка, но неважная, работала рядовые работы. Умерла в г. Рыбинске, оттуда и родом.

48. Клавдия, родом костромичка, рядовая рабочая. Умерла в Рыбне.

49. Анисия Левашова, родом с Веретеи, рядовая рабочая, от ее неосторожности случился в обители большой пожар. Умерла в Рыбне.

50. Любовь Захарова, родом из Нового Верховья, занимала должность полевода и заведывала фуражом. Умерла в Рыбне.

51. Елена, весной сеяла хлеб на полях и работала полевые работы.

52. Анисия, курятница, заведывала птичником.

53. Екатерина Ананьина, работала на поле. Где умерла? Не знаю.

54. Евстолья, городила и ремонтировала огороды. † в Рыбне.

55. Ирина, глухонемая, заведывала сельхозинвентарем, била косы, ремонтировала конскую упряжь, делала новые

[1] Чеботарня — сапожная мастерская.

одры и телеги, делала молотила и грабли, насаживала и точила топоры и пилы, ее так и звали — Орина Сорокоум.

56. Анна Капустница, следила за капустой и огурцами.

57. Лидия Репина, старшая церковница. Умерла и похоронена в Мологе.

58. Александра Серебрякова, церковница. Похоронена в Болобанове.

59. Екатерина Манашкова, из Веретеи, разнорабочая.

60. Анна, старшая в живописной. Умерла в г. Ярославле.

61. Пелагея, кривая, разнорабочая. Умерла в г. Рыбинске.

62. Екатерина, кривая, рядовая рабочая.

63. Екатерина Севастьянина.

64. Екатерина Пименова, хромая. Умерла в доме престарелых.

65. Вера, глухонемая. † в доме престарелых.

66–67. Екатерина и Наталья Быковы, сестры. Умерли в Кореле.

68. Лукея.

69. Анна Богорадка, маляр, стекольщик и трубочист.

70. Мария Федоровна, асенизатор.

71. Павла Афанасьина.

72. Анфиса Исидорина. Умерла в селе Борзово.

73. Анфиса Антоньина, впоследствии приняла постриг в мантию с именем Агафангелы в г. Ярославле, где и умерла.

74–75. Пелагея и Асинефа, скотницы.

76. Любовь, сестра Павлы Сергеевны, родом из Замошья.

77. Параскева, библиотекарша. Умерла в Ленинграде.

78. Анна, сидела в часовне и варила квас.

79. Александра, щовница, приготовляла пищу.

80–81. Параскева и Аграфена, просвирницы.

82–83. Параскева и Александра, огородницы.

84. Анастасия Горлова, разнорабочая. Умерла в Мологе.

85. Анна (Румяная), конюх.

86. Мария, глубокая старуха.

87–88. Марфа, Мария Лямина, обеим было более, чем по 100 лет.

89. Ксенья.

90. Марфа.

91. Александра Логишна.
92. Любовь, со Струбишны, мельничиха.
93. Александра Некипелова, пасла коров.
94. Манефа, конюх. Похоронена в селе В.-Никульском.
95. Любовь, жила с Сеновой.
96. Любовь, жила с экономкой.
97. Параскева Маслякова, экономка. † в Веретее.
98. Монахиня Маргарита Введенская, в монастыре была письмоводителем. Похоронена в селе В.-Никульском.
99. Монахиня Антонина. Похоронена в г. Мологе.
100. Анна Сенова. † в г. Рыбинске.
101. Анна Голубева, певчая и белошвейка.
102. Павла, конюх и хороший чеботарь.
103. Мария Иловенка, была старшей на сенокосе.
104. Ираида, глубокая старуха, жила с м. Агафоклией.

Проживали также в обители послушницы:

105. Татьяна.
106. Надежда.
107. Мария Логишнина.
108. Александра Курицына.

Как они впоследствии жили, а может, и сейчас живут, этого я не знаю.

Также жили в обители глубокие старики, но прекрасные труженики:

109. Девица Мария Захарова, родом со Спаса Мяксы. Она работала в молоковой. Подоят коров-ту, молоко привезут в молоковую-ту — вот Захаровна и обихаживай. Дадут каких-нибудь непроких[1] двух человек, а молока-то от 20 до 40 битонов — вот и управься. Я ее выручал. Надо просепарировать, сливки скипятить, масло сбить — и все это тяжелый ручной труд. Не знаю, когда она спала. И все это работали ради послушания, ради совести, ради страха Божия.

110. Иван Борисыч Заварин, родом с д. Харино. Пришел в монастырь маленьким мальчишком при игумении Антонии — и прямо на конюшню, где делал без исключения все, но то-

[1] Непрокие — с которых нет проку, толку, пользы.

пора в руки не умел взять. Ох, и доставалось ему за это от Ириши немой. Главное его послушание было — конюшня, которую он содержал в образцовом порядке. Кнута на конюшне сроду не бывало, овес лошадям давали сортированный, и за этим всем наблюдал И.Б. Когда ликвидировали монастырь, то И.Б. деваться было некуда, да он и не думал оставлять стены обители. Так и остался в своей келье, так же и работал в колхозе на конюшне, так же и ласкал свою любимую лошадку Громика. Да и члены колхоза его не обижали. Да и за что обижать? Щей нальют, и молока с хлебушком дадут, а чего больше и надо? И Иван Б. был очень доволен своей участью. Но вот спокойная жизнь И.Б. нарушилась. Колхоз ликвидировали, а в зданиях колхоза разместилось научное предприятие, поселились профессора, агрономы и другой научный персонал. А Борисыча, как неспособнаго к работе за старостью лет, поместили в дом престарелых в деревню Рожново, и больше я его живым не видал. Но вот однажды мы хоронили одну монахиню. Был на кладбище и монастырский священник о. Николай, и в это время привезли покойника. Мы спросили, а кого хоронят? Оказалось, что хоронят из дома престарелых нашего И.Б. Мы попросили разрешения проститься с покойным. О. Николай отслужил чин погребения, а инокини пели. Закрыли гроб и отпустили в могилу на кладбище г. Мологи. Таков был Иван Борисыч!

111. Василий. Это был простец, эвакуированный в 1914 г. от войны. Летом пас коров, а зимой снабжал скотный двор водой. Он обладал неимоверной физической силой: два мешка по 5 пудов пшеницы под мышак из хлебного амбара носил на мельницу. Одежду ему шили из самого грубого холста, помер где-то на Сити. Деревенские ребята его звали — Вася, хатцы — петушок.

112. Неизменная и незаменимая спутница Васи инокиня Наталья, как он звал Аталья, соучастница в его трудах.

113–114. До конца монастыря проживали в обители благообразные старички Алексей Прохорыч и Александра Павловна. Ему было много за сто лет, и она преклонная старица, послушание их было на курятнике у Онисьи.

115. Девица Елизавета, дочь Мологского купца М. Боровкова, была она слабоумная, и родители ей выстроили в монастыре прекрасную келью и определили к ней няню. Умерла Лиза в г. Ярославле в психбольнице.

116. Инокиня Анна, няня Лизы Боровковой, более ни к чему не способная.

117. Девица Анфиса (Квитанция), по фамилии Кудрина, урожденка деревни Сысоева, вела странную жизнь, ходила в лохмотьях, за пазухой был склад всякой всячины, как-то: сахар, чай, камни, куклы и прекрасная финиктовая[1] икона Владимирской Б.М., которую она поила и кормила. Похоронена Квитанция на Мологском кладбище.

118. Анна Богарадка, была стекольница и жестянщица, ремонтировала крыши и ковала лошадей, причем подковы делала сама. Но вот горе — не было у нее молотобойца.

119. Александра, Краснохолмка, келейная м. Зинаиды.

Это последние насельники обители святителей Афанасия и Кирилла. Это все были прекрасные труженики и безупречно честные. При них обитель прекратила свое многовековое существование и превратилась в колхоз Борьбу.

В монастыре было **4 церкви**, а именно:

Святой Троицы. Правый придел иконы Божией Матери «Всех скорбящих» и св. великомучениц Екатерины, Варвары и царицы Августы. Левый придел посвящен святителям Афанасию и Кириллу. В центральном храме иконостас пятиярусный, густо позолочен. На Царских вратах резное фигурное изображение Сошествие Святаго Духа.

Местная икона Ветхозаветная Святая Троица в серебряной золоченой ризе, размером 2 аршина на 11/2, очень древнего письма.

Местная Богоматерь Тихвинская, датируемая около 1298 г. Икона происходит от рода Ярославских князей Феодора Ростиславовича и находилась в обители до 3/16 января 1930 г.

За южными вратами на правом клиросе икона во весь рост святителей Афанасия и Кирилла, а на левом — соответствую-

[1] То есть финифтиевая.

щая ей преподобный Сергий Радонежский. Обе иконы были в опляковых[1] ризах с серебряными венцами.

За правым клиросом помещалась икона «Положение во гроб» в серебряной ризе. Рядом с ней находилась икона Смоленской Божией Матери в прекрасной ризе, шитой жемчугом, больших размеров. Рядом икона «Достойно есть», присланная со Святой Горы Афон. Все три иконы стояли в прекрасных дубовых киотах.

В трапезной храма стояло по правую руку прекрасное Распятие, в натуральную величину, с пяти предстоящими, а именно: Богоматерь, Иоанн Богослов, Мария Магдалина, Мария Клеопова и Лонгин сотник. Тут же в углу стоял канунник, а по левую руку помещалась прекрасная икона «Скоропослушница» размером 21/2 аршина на 11/2, присланная игуменье Антонии с Афона, в киоте красного дерева. Рядом была дверь на хоры. Тут находилася икона Иоанна Крестителя с крыльями и держащего усеченную главу на блюде. Икона была в высокохудожественной серебряной ризе. Впоследствии эту икону демонстрировали в краеведческом музее г. Мологи. Тут же у столба стояла икона времен патриарха Никона «Неопалимая Купина», в металлической ризе. Она была больших размеров.

Правый придел посвящен иконе Богоматери «Всех скорбящих Радосте» и святым великомученицам Екатерине, Варваре и Августе. Иконостас резной, окрашен в вишневый цвет.

Местные иконы — Спаситель, сидящий на Престоле, Скорбящая Богоматерь и святых великомучениц Екатерины, Варвары и святой мученицы Августы в высокохудожественных серебряных ризах.

Во втором ярусе находились иконы: над Царскими вратами Христос, благословляющий хлеб и вино, Тихвинская Божия Матерь, Креститель Иоанн, святитель Митрофан и святитель Димитрий.

Возле правого клироса находилась икона преподобного Макария Калязинского, во весь рост, без ризы, но в прекрасном резном киоте.

[1] Вероятно, в оплечных ризах — покрывающих плечи.

По южной стене в простенках находились следующие иконы: Глава Иоанна Крестителя, в серебряной ризе; Спаситель; Алексей, человек Божий; большая икона в киоте и ризе Казанской Божией Матери; икона великомученика Димитрия Солунского на коне, в серебряной ризе.

На северной стене придела помещались иконы: святителя Николая, поясное изображение, вставленное в раму с изображением жития святителя, в большом киоте, в прекрасной ризе икона была после монахов.

Икона Иверской Божией Матери размером 21/2 аршина на 2, без ризы, но серебряный с камнями венок и в прекрасном киоте.

Икона Архангела Михаила, во весь рост, с огненным мечом в руке — икона новая, принесенная иконописками в дар казначее Иннокентии.

Икона пророка Илии, больших размеров, после монахов.

Это все то, что находилось в правом приделе. На потолке были больших размеров изображения Скорбящей Божией Матери, Сошествие Святаго Духа и Встреча с Елизаветой.

Левый придел был посвящен святителям Афанасию и Кириллу. Иконостас такой же, как и в правом приделе, но что-то в нем дышало глубокой древностью, как-то: иконы в басменном окладе и все очень темные. Больших размеров икона Афанасия и Кирилла в басменном[1] окладе. Иконы Корсунской Божией Матери, Страстной, Спасителя, Толгская Божия Матерь и несколько других небольшого размера. В церкви висели три прекрасных паникадила и две пары металлических хоругвей.

С западной стороны храма над папертью была колокольня, на которой висело 11 колоколов: 1. Большой, весом 390 пуд. 25 ф.; 2. Полиелей, 130 пудов; 3. Буднишный, 100 пудов; 4. Альт, 30 пудов и так меньше и меньше. Последний раз звон был 3/16 января 1930 г.

На папертях находилось помещение для ризницы и крестильня. Храм освещался 20 окнами и 5 печами.

[1] Басменный — из тонкого листового серебра.

Второй храм обители носил название собора, летний — холодный, трехпрестольный. Главный престол **во имя Сошествия Святаго Духа на Апостолов**. Правый — во имя Тихвинской Божией Матери и левый — святителю и чудотворцу Николаю. Богатый иконостас, сплошь золоченый высокопробным золотом, золоченые киоты, высокохудожественная роспись, прекрасные хоругви. Все это придавало храму неповторимую красоту и благолепие.

Местная икона Сошествие Святаго Духа, больших размеров в дорогостоящей ризе. Также находились прекрасные иконы святого великомученика и целителя Пантелеимона, святого преподобного Серафима Саровского и святителя Феодосия, Иверская Божия Матерь, огромная икона, высокохудожественной работы Плащаница, рукоделия сестер обители.

Из старинных икон в соборе находились Казанская Божия Матерь, святитель Николай, великомученик Димитрий, Феодоровская Божия Матерь, Нерукотворенный Спаситель, Знамение Божией Матери. Вот чем славился собор.

Под собором было огромное и сухое помещение, где на зиму хранился картофель и другие овощи, а также находился другой церковный инвентарь, как-то: носилки для икон, чан для водоосвящения и другой церковный инвентарь.

На паперти и на хорах собора было четыре помещения, в которых хранились дорогостоящие облачения для священнослужителей, а также прекрасные пелены, ковры, иконы, богослужебные книги и другие богослужебные принадлежности — а всего этого было огромное количество. В собор вели три двери.

Третья церковь теплая, однопрестольная, **во имя Успения Пресвятой Богородицы**. Иконостас пятиярусный с древними иконами. Более замечательные — это местная Успение, Нерукотворенный Спас, Неувядаемый Цвет и больших размеров другая Успение, без ризы. Церковь отоплялась тремя печами.

Четвертая церковь находилась вне ограды монастыря на монастырском кладбище и была **посвящена Иоанну Крес-**

тителю. Там служили очень редко, и особых достопримечательностей в ней не было.

У Святых ворот обители была **часовня**, в которой находилось резное изображение во весь рост святителя и чудотворца Николая, в серебряной ризе, с мечом в руке. Эту икону носили по приходу четыре раза в году. Еще в часовне находилось резное изображение во весь рост Спасителя, сидящего в темнице. Это изображение было у верующих в большом почете. Впоследствии я его видал в краеведческом музее города Мологи.

Вторая часовня находилась на территории скотного двора, размером примерно 21/2 метра на 3, с иконостасом. Но иконы были литографические, на жести. Пола не было. В центре находилась могила, на которой лежала треснутая каменная плита с надписью, которую никто не мог прочитать, за исключением слов «игумен Корнилий», а остальное не разобрать. На северной и южной стенах висели очень древние иконы: Знамение Божией Матери и две преподобного Корнилия.

Третья часовня была на Угличском тракте, примерно в версте от монастыря. Я в ней не бывал, а поэтому вид ее не описываю. Кирпичная, под железной крышей, без окон.

Четвертая часовня была в г. Мологе. Это прекрасное здание с примыкающим к нему жилым помещением, в котором жили 5-6 монастырских инокинь. И стояла в часовне икона — подобие и мера монастырской Тихвинской Божией Матери.

Еще была **часовня** в Рыбне на Стоялой улице. А рядом с ней двухэтажный каменный дом с надворными постройками. Этим подворьем заведывала энергичная монахиня Зинаида.

Монастырь был обнесен, как бы оградой, жилыми помещениями, т. е. **корпусами**.

Первый — *с южной стороны*, двухэтажный. В нем помещалась игумения и другие административные лица обители.

Второй корпус был *с западной стороны*. В нем было шесть крыльцов, а посредине корпуса Святые ворота, на которых было больших размеров изображение Святителей Афанасия

и Кирилла, патриархов Александрийских. А над ним в облаках икона Тихвинской Божией Матери, держимая двумя ангелами. Верх ворот венчала башня, над коей был флюгер в виде ангела с трубой, и во время ветра издавался звук, как говорили, «Трубный Глас». Привратницей была монахиня Лариса Кузнецова.

В юго-западном подъезде в верхнем этаже помещалася живописная мастерская во главе с преподавателем художником Петром Антонычем Жуковым, под наблюдением монахини Анны Петровны. Тут же были помещения, где вышивали золотом, гладью, бисером, делали высокохудожественные цветы из воска, шерсти и тому подобное. Этим всем заведывала монахиня Иоанафана. Тут же была портняжная и чеботарня. В других подъездах жили монахини.

В северо-западном углу помещалась просворня, где приготовляли для богослужения просфоры.

Северный корпус был двухэтажный, посредине ворота.

В северо-восточном углу помещалась трапезная и кухня, на потолке было изображение Взятие Богоматери на Небо, а по стенам старинные портреты патриарха Никона и много других. В нижнем помещении была хлебопекарня, квасная и другие подсобные помещения.

Четвертый, *восточный*, одноэтажный корпус был занят молоковой, где перерабатывали молоко на продукцию, как-то: вырабатывали сыр, масло, прессованную сметану и другие молочные продукты, и все это в большом количестве возили в г. Рыбинск, где сдавали в торгующие организации. Тут же был большой ледник и помещение, где хранился мед. В этом же корпусе была посудная и так называемая «рухальная», где хранилось всякое барахло, кому что надо.

Посреди корпуса были третьи ворота. За этими воротами был огурешник и деревянное помещение, где в летнюю пору жили две монахини, Александра и Параскева. На их обязанности было выращивать огурцы, которых они выращивали огромное количество. Тут же находилась пасека, где тоже был домик, в котором жила опытный пчеловод инокиня Мария Брызгалова.

С северной стороны примыкал так называемый «Скотный двор». Да чего же только там не было!

Прекрасная конюшня: самая лучшая лошадь это был Бархатный, потом были Громик, Соловей, Кубарик, Огонек, Чумка, Ветка, Нелька и много других — и ни на одной из них не было кнута. Старший конюх была инокиня Мария Вьюшина.

А коровник был — у каждой коровы отдельная стая, и ни одна не была на привязи. Навоз не чистили до весны, много стлали соломы, надо было удобрение. Лучшую корову звали Важня, потом была Фрина и много других. Коровами заведывала монахиня Евстолья. Были два быка, Денко да Арбузик. И все это возглавлял вонявый козел Костя.

Тут же находился птичник, порода кур была минорки, а курятница была инокиня Анисья.

При скотной была кормокухня — очаг, где приготовляли запарку из соломы и мякины. Тут же был глубокий-глубокий колодец с прекрасной питьевой водой и тут же на территории скотного двора был в помещении родник, куда ходили для освящения воды. Здесь же находился большой каменный амбар для хранения хлеба с тремя отделениями. В первом отделении хранился семенной фонд, во втором — фураж и в третьем — для питания. Зерном заведывала экономка. Над конюшней и коровником были огромные,благоустроенные сеновалы.

На юг от монастыря был расположен большой огород, где выращивали все овощи за исключением капусты, картофеля и огурцов. Там же была так называемая огородная изба. Тут же находились баня, прачешная, сарай, где хранились телеги, одры, дровни и другой инвентарь.

Все эти здания венчала шестикрылая, двухпоставная ветряная мельница и келья для мельничих, которых было двое — Параскева да Анна.

Рядом с мельницей была школа, деревянная, внутри штукатуренная, а снаружи обшита тесом и выкрашена сиреневой масляной краской. Уборщица была монахиня Александра Головкина.

Также через дорогу была каменная двухэтажная гостиница для приезжающих богомольцев. Тут же был странноприимный ночлежный дом и деревянная двухэтажная монастырская больница, которой заведывал доктор Рудин и монахиня Елизавета Иевлева. Тут же был большой дровяной сарай, каретник и другие помещения.

В полверсте от монастыря на поле были две риги с крытой ладонью[1] и три больших сарая, где хранилась мякина, солома и другие принадлежности.

Вблизи находились дома для священнослужителей: 1. протоиерей Николай Розин, помер в г. Мологе в крайней бедности; 2. протоиерей Димитрий Сахаров, умер в г. Тутаеве, где много лет служил в церкви Покрова Божией Матери; 3. дьякон Димитрий Михайлович Преображенский, умер в Питере у сына; 4. псаломщик Никольский Александр В. Где умер? Не знаю. Тут же стояли дома, где жили вдовы да дети умерших церковнослужителей: жена священника о. Иоанна Торопова с грудой детей, жена псаломщика Константина Ив. Смирнова с охапкой детей — и все мал мала меньше. Тут же стояли два дома: в одном жили старые девы, дочери дьякона Константина Морева, а в другом какие-то родственники протоиерея Константина Студитского.

Это были последние насельники и слуги обители святителей Христовых Афанасия и Кирилла и иконы Тихвинской Богоматери.

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

На кладбище города Мологи, за алтарем церкви Всех Святых, с правой стороны находился скромный памятник из черного мрамора, на котором с одной стороны такая надпись: «Под сим камнем погребено тело Московского купца Ивана Григорьевича Путилова. Жития его было 57 лет; скончался в 1809 году. Января 2 дня», а с другой стороны написаны имена его детей, воздвигнувших памятник: «Путиловы дети: Моисей, игумен Оптиной пустыни. Исаия, игумен Са-

[1] Ладонь — здесь: ток, место для молотьбы хлеба.

ровской пустыни. Антоний, игумен Малоярославецкого Никольского монастыря».

Старцы и подвижники Оптиной пустыни.

Первым насельником Оптиной пустыни в 1625 году был игумен Сергий. В 1630 году там была деревянная церковь, 6 келий и 12 человек братий. И управлял ею иеромонах Феодор.

В 1795 году митрополит Платон назначил в Оптину строителем иеромонаха Иосифа, а через год вместо его был назначен отец Авраамий. До этого он жил в Пешношском монастыре и занимал должность огородника. Отец Авраамий был болезненный и смиренный. Он пробовал отказаться от управления обителью, но старцы Самуил Голтувенский и Иоанн Пешношский сказали, что это зов Божий, и отец Авраамий отправился в Оптину. Обитель он принял в очень бедном состоянии, даже «не было полотенец руки обтереть служащему». Братии было три престарелых монаха. Отец Авраамий очень много сделал для блага обители и помер в 1817 году.

После него настоятелем был Маркел, а потом Даниил.

Впоследствии в Оптиной пустыни проживало множество благочестивых старцев. Но! столп и украшение пустыни это великий старец архимандрит Моисей. Он родился 15 января 1682 года в благочестивой семье Путилковых в городе Борисоглебске.

Игумен Анатолий, родной брат отца Моисея. Он родился в 1795 году. В 1812 году он жил в г. Москве, где жестоко пострадал от французов и еле остался жив. В пустыни отец Анатолий был начальником скита, коим управлял 14 лет. Впоследствии некое время отец Анатолий был настоятелем Ярославецкого Николаевского монастыря. В 1853 году он возвратился на покой в любимую им Оптину пустынь, где и помер 7 августа 1865 года. Он погребен рядом с братом отцом Моисеем. Отец Анатолий беспрерывно почти всю жизнь жестоко страдал от ран на ногах. Старший. Зерцалов.

Жил и подвизался в Оптиной пустыни великий старец Леонид, в схиме иеросхимонах Лев. Он помер 11 октября

1841 года. У него был келейник отец Иаков, впоследствии иеромонах Иоаким. Помяни, Господи, их обоих!

В Оптинском скиту подвизались два монаха: отец и сын. Отца в миру звали Никитой, а в монашестве Нифонт. А сына в миру Родион, а в иночестве Иларион (Пономаревы). Они родом были от Саратова.

Иеросхимонах Макарий, в миру Михаил Николаевич Иванов. Родился 20 ноября 1788 года, а скончался 7 сентября 1860 года. Он был среднего роста, лицом некрасив, со следами оспы, но было оно белое и светлое. Взгляд был тих и полон смирения. Нрав его был чрезвычайно живой и подвижный. Память прекрасная: после первой исповеди на всю жизнь запоминал он человека. Был он косноязычен, одет был всегда бедно.

Господи! Сколько в Оптиной пустыни было великих подвижников благочестия, какими были: иеросхимонах Лев, архимандрит Моисей, отец Исаакий, иеросхимонах Макарий, иеросхимонах Иосиф, игумен Анатолий, игумен Антоний; отцы Иларион, Варсонофий и многое множество других светил монашеской жизни. Но среди всех этих иноческих светил блистал аки пресветлая Луна посреди звезд — этот великий старец, иеросхимонах Амвросий. Он родился 23 ноября 1812 года в селе Большой Липовице Тамбовской губернии от пономаря Михаила Феодоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых, и во святом крещении назван Александром. В 1836 году он окончил духовную семинарию и был направлен воспитателем в Липецкое духовное училище. Вскоре он заболел и надежды на поправление почти не было, и он дал обет в случае выздоровления пойти в монастырь на службу Богу, что и исполнилось с благословения Троекуровского подвижника Илариона, который сказал ему: «Иди в Оптину, ты там нужен». В апреле 1840 года он был одет в монашеское платье и нес послушание на хлебне, варил дрожжи, пек хлеб и булки. В ноябре месяце 1840 года его перевели в скит. В скиту он нес послушание помощника повара. Старец Лев называл его «Химера», то есть пустоцвет, но за глаза про него говорил: «Великий бу-

дет человек». В 1842 году был пострижен в мантию с именем Амвросий. В 1845 году рукоположен в иеромонаха. В 1846 году по болезни был вынужден выйти за штат. Он любил повторять: «Выговоры и замечания монаху — это щетки, которыми стирается греховная пыль с его души, а без этого он заржавеет».

Отец Амвросий говорил: «Праведных ведет в Царствие Божие апостол Петр, а грешных — Сама Царица Небесная! Сидор да Карп в Коломне проживают, а грех да беда с кем не бывают! Не хвались, горох, что ты лучше бобов, размокнешь — сам лопнешь». Отец Амвросий помер 10 октября 1891 года и похоронен в Оптинской пустыни.

Великий оптинский старец, иеросхимонах Иосиф. Родился 2 ноября 1837 года, умер 9 мая 1911 года. Это был ближайший ученик и друг отца Амвросия: «Чадо любимое». Иван, так его называли в миру. По совету благочестивой схимонахини Алипии, 1 марта 1861 года поступил в Оптину. Первое его послушание было на кухне, но вскоре он был переведен в келейники к отцу Амвросию в «Хибарку», где и прожил ровно 50 лет. В 1872 году он был пострижен в монашество.

Оптина пустынь прекратила свое существование на Фомино воскресенье 1923 года.

Старец иеросхимонах Анатолий Первый, по фамилии Зерцалов. Он родился 24 мая 1824 года в селе Бобыли Калужского края. Он был сыном дьякона Моисея Копьева и супруги его Анны. Отец Анатолий помер 25 января 1894 года.

Архимандрит отец Варсонофий. Он был скитоначальником и братским духовником. Впоследствии он управлял Голутвинским монастырем, где и скончался. Но тело его было перевезено в Оптину пустынь, где и предано земле.

Старец Феодосий. Он был ближайший ученик отца Варсонофия и впоследствии был назначен на его место скитоначальника и старцем оптинской братии. С виду был высокого роста, полный, тихий и сосредоточенный. Отец Феодосий слыл мудрецом, говорил басом, был смуглым с проседью. Когда-то был келейником у старца Нектария. Он скончался в 1920 году. Мать его впоследствии приняла монашеский по-

стриг в схиму с именем схимонахиня Анна и похоронена на скитском кладбище Оптиной пустыни.

Старец отец Анатолий «Младший» по фамилии Потапов. Он был маленького роста, необычайно живой и быстрый в движениях. Он помер 30 июля ст.ст. 1922 года. Похоронен в Оптиной.

Старец иеросхимонах Нектарий. Это был последний старец Оптиной пустыни. Родился он около 1856 года, родина его г. Ливны. Родителей его звали Василий и Елена, по фамилии Тихоновы. Николай Тихонов пришел в Оптинский скит в 1876 году, где и был назначен келейником к отцу Амвросию, который ради смирения дал ему кличку «губошлеп».

В скиту он прожил около 50-ти лет, неся различные послушания, в том числе на клиросе. У него был чудный голос.

После ликвидации пустыни, каковое произошло на Фомино воскресенье 1923 года, батюшка Нектарий поселился в селе Холмище, с ним же перебрался и его келейник Петр.

Скончался отец Нектарий 29 апреля ст.ст. 1928 года, достигнув 72-летнего возраста. Могилка его находится на сельском кладбище села Холмищи. Помяни его, Господи! Отец Нектарий имел такую поговорку: «Ну-те, хорошо». Еще батюшка Нектарий любил говорить так: «Ведь вы сто книг прочитали, а я человек темный», «Монаху три дороги: в храм, в келью и в могилу».

Келейное правило отца Нектария:

30 раз — Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

10 раз — Пресвятая Владычице Богородице, спаси мя.

10 раз — Святый Ангеле хранителю мой, моли Бога о мне.

и 10 раз — Вси Святии, молите Бога о мне, и как скажешь: «Вси Святии, молите Бога о мне», так Вси Святии скажут на небе: «Господи, помилуй» — и будет тебе приобретение.

Любитель монашества и возобновитель Валаамского монастыря митрополит Гавриил (Петров) родился 18 мая 1730 года в Москве. Скончался 26 января 1801 года в Новгороде.

Великий подвижник и учитель благочестия валаамский игумен Назарий помер в Саровской пустыни 23 февраля 1809 года 74 лет и погребен за алтарем теплой церкви.

Великий подвижник иеросхимонах Клеопа помер на святом острове Валааме в скиту Всех Святых в 1816 году. А поселился в 1811 году.

Помяни, Господи, рабов Твоих игумена Сергия, монаха Арсения, он был фотографом, старца Феофила, старца Алексия, они жили в скиту Всех Святых.

Наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Антоний почил о Господе 12 мая 1877 года. Он умер в 85 лет. Лежа в тяжком недуге, отец Антоний увидел наяву своего покойного друга митрополита Филарета. «Тяжко тебе?» — спросил он его. «Да, владыко святый». — «Читай пять раз "Христос воскресе" и один раз "Отче наш"», — сказал иерарх и стал невидим.

В Оптиной пустыни подвизались:

1. Архимандрит Мелхиседек, древний старец. В свое время удостоенный беседы со святителем Тихоном Задонским.

2. Флотский иеромонах Геннадий, подвижник.

3. Иеродиакон Мефодий, прозорливый, лежавший 20 лет на одре болезни.

4. Бывший Валаамский игумен Варлаам, имевший дар слез и добродетель крайнего нестяжания: «Приходили воры. А вас, батюшка, воры обокрали?» — спросили его. «Что же красть-то? Щепки, что ли?» — улыбнулся старец. Он был сотаинник преподобного Германа Аляскинского, в юные годы на Валааме.

5. Иеродиакон Палладий, тоже нестяжатель, созерцатель, знаток церковного чиноположения.

6. Иеросхимонах Иоанн, незлобливый, с детской простотой. С любовью давал советы, всеми любимый.

7. Иеромонах Иннокентий — духовник старца Макария. Любитель безмолвия.

8. Келейник отца Анатолия (Младшего) горбатый отец Варнава.

Первой настоятельницей Шамординской обители была игуменья София, она была родная сестра оптинского иеро-

монаха, художника отца Даниила Болотова. Она умерла 24 января 1888 года. После ее была игуменья Евфросиния. Последняя была мать Валентина.

К отцу Амвросию в Шамордино прибыл человек Божий именем Гаврюша, лет сорока от роду, один из тех, кого Господь уподобляет детям, сказав, что: «Таковых есть Царствие Божие» (Лк. 18–16). Он был расслаблен, трясся всем телом, еле мог говорить и принимать пищу. Ноги его не действовали, он лежал и молился Богу. Замечали, что ему многое открыто. Однажды во сне Гаврюше <явился> отец Амвросий, и он встал на ноги, и он сказал, что пойдет в Шамордино. Но! ноги его были очень слабые и походка неровная, то мать хотела везти по железной дороге, но он пошел пешком.

Отца Амвросия он встретил под Шамординым. Тот тихо ехал откуда-то. «Батюшко! – закричал Гаврюша своим малопонятным языком. – Ты меня звал, я пришел». Батюшка подошел к нему и сказал: «Здорово, гость дорогой, живи тут».

Московский митрополит Филарет больным советовал прочитывать 60-й псалом ежедневно.

Последним настоятелем Оптиной пустыни был архимандрит Ксенофонт. Казначеем был иеромонах Пантелеимон. В это же время здесь подвизались: иеромонах Варсис, иеродиакон Кирилл, иеромонах Осия, иеромонах Пиор. Здесь же жил на покое престарелый епископ Михей, бывший Уфимский. Это последние насельники Оптиной пустыни. Аминь.

Епископ Иона.

Владыка Иона родился в 1888 году. В миру его звали Владимиром. Был он калужанином, происходя из бедной семьи духовного звания. Он окончил духовное училище и Калужскую духовную семинарию. Поступив в Казанскую духовную академию, на третьем курсе он принимает монашество с именем Ионы. В это время его духовником был великий старец Гавриил, настоятель Седмиезерской пустыни близ Казани.

В 1922 году, 11 сентября, возведен в епископский сан. Скончался владыка 7 октября 1925 года в два часа ночи.

Помяни, Господи, протоиерея Михея, это был духовный друг владыки Ионы.

ХУТЫНЬ

Хартия преподобнаго Варлаама Хутынскаго, Новгородскаго чудотворца

«Братие, о нем же изыдосте, о том и подвизайтеся и о своем спасение не нерадите, и Господь наш Иисус Христос да сохранит вы в любви Его, аз же аще и телесно отхожду от вас, но духом с вам неотступен буду и о сем да разумно будет, аще убо обрел благодать пред Богом, монастырю и по смерти моей яко же и при моем животе ничимже»... (надпись на древней иконе преподобного Варлаама в Хутыни).

Преподобный Варлаам родился в городе Новгороде от благочестивых родителей, имена их Михаил и Анна, и при святом крещении назван Алексеем. По смерти родителей он оставил мир и вся яже в нем, удалился в пустынную обитель к некоему подвижнику по имени Порфирию, и от него приял иноческий постриг с именем Варлаама. По прошествии некоего времени он удалился на Хутынскую гору, где основал монастырь во имя боголепного Преображения Господня. Умер преподобный Варлаам 6 ноября 1192 года.

Собор на Хутыни построен в 1515 году. Он построен монастырскою казною из камня и кирпича с четырьмя столбами внутри и пятью главами над кровлей и с тремя полукружиями на восток. В 1646 году пристроены два придела с южной стороны — Покрова Богородицы и с северной — во имя Архангела Гавриила, в коем погребен Г.Р. Державин.

Самое большое богатство на свете — это «Труд».

НОВГОРОД

Город воли дикой, город буйных сил,
Новгород Великий тихо опочил.

6-го мая 1932 года я уехал из Новгорода. Как я любил этот красавец-город, как я страдал и переживал то время, когда мой любимый город был оккупирован иноземными захватчиками. А это тяжелое время длилось с 15-го августа 1941-го года по 20-е января 1944 года. В 11 часов 25 минут

20 января 1944 года Новгород вновь стал свободным городом.

И вот 20-го октября 1966 года я вновь в Новгороде. В 7 часов утра на прекрасном автобусе выехал из Ленинграда и в одиннадцать часов был уже в Новгороде. И сразу же моим глазам представились грандиозные новостройки, прекрасные сооружения, как-то: вокзал, мост через реку Волхов и т.д. Стопы мои сразу же по выходе из автобуса устремились к сердцу города — кремлю, и благодаря труду и энергии русского человека, я даже не заметил, что кремль был превращен чуть ли не в руины. Тот же Софийский собор с золотой главой и легендарным голубем на кресте. Тот же неповторимый памятник 1000-летию России, правда, ажурной ограды из красной меди не сохранилось. Когда я взошел в Софийский собор, то слезы невольно потекли из глаз моих. Я сразу же устремил мой взор в главный купол храма к дивному изображению Спасителя, но этот образ уничтожен снарядом, пробившим главный купол собора.

Я искал глазами древнейший иконостас-тябло, но его даже нет и следа. Я искал взором паникадило-хорос, но видал одну цепь, на которой оно висело. Я не видал ни одной иконы, а какие были дивные и древние изображения. Я видал те постаменты, на которых стояли раки святых мощей некоторых новгородских чудотворцев.

Я поклонился святым мощам под спудом почивающему святителю Григорию. Я был на хорах собора. Я видал древнейшие западные Сигтунские XII века врата, а также Корсунские и немало порадовался, что эта ценность уцелела для потомства.

Из собора я пошел в Грановитую палату, она построена в 1433 году. У входа в палату я поклонился древнему изображению Спасителя с раскрытым Евангелием, на страницах которого начертано: «Не на лице зряще судите, сынове человечестии, но праведен суд судите, имже бо судом судите, судится и вам»[1]. По преданию перед этим изображением молился святитель Иоанн в ночь накануне сражения новгородцев с суздальцами в 1169 году и в момент молитвы услышал глас,

[1] См.: Ин. 7, 24; Мф. 7, 2.

Хартïя Преподобнаго Варлаама Хутынскаго Чуд

Братïе ѿ немже изыдосте со
и подвизаитѣся и ѡ своем спас
не ѡтрадитѣ и Гдь нашь Їисъ
да сохранитъ Вы въ любви его
же аще и тѣлесно ѿжилъ
но духомъ съ Вами не ѿступле
посѣмъ разумно да будетъ м
Бдяе ѡбрелъ Благодать прем
ѡбитель моя никогдаже и по
моей не ѡскудѣетъ

Писана мною с подлинника
прп. Варлаама въ 1931 г.
в Хутыне

Хартия преподобнаго Варлаама Хутынскаго Новгородскаго чудотворца.

Братіе, о немъ же изыдосте, о томъ и подвизайтеся и о своемъ спасеніе не нерадите, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ да сохранитъ вы въ любви Его, азъ же аще и тѣлесне отхождю отъ васъ, но духомъ с вами неотступенъ буду и о семъ да разумно будетъ, аще убо обрелъ благодать предъ Богомъ, монастырю и по смерти моей тако же и при моемъ животе ничимже"....

Надпись на древней иконе преп: Варлаама въ Хутыне.

Преподобный Варлаамъ родился въ городе Новгороде отъ благочестивыхъ родителей имена ихъ Михаилъ и Анна и при святомъ крещеніи названъ Аѳанасіемъ; По смерти родителей онъ оставилъ міръ и всѣ яже въ немъ удалился въ пустынную обитель къ некоему подвижнику по имени Порфирію и отъ него приялъ иноческій постригъ съ именемъ Варлаама, По прошествіи некотораго времени онъ удалился на Хутынскую горы где основалъ монастырь во имя Богоявленнаго Преображенія Господня Умеръ прп: Варлаамъ 6 ноября 1192 годъ

Соборъ на Хутыне построенъ въ 1515 году, онъ построенъ монастырскою казною изъ камня и кирпича съ четырьмя столбами внутри и пятью главами надъ кровлей и с тремя полукружіями на востокъ. Въ 1646 го. пристроена два предѣла съ южной стороны Покрова Богородицы и вверху во имя Архангела Гавріила, въ немъ погребенъ Г.Р. Державинъ

говорящий ему: «Иди в церковь иже есть на Ильине улице и, тамо вземши образ Богородицы, вознеси на стену града противу супостатов и узриши спасение граду». Я увидел многое множество драгоценностей как-то материальных, а также исторических.

Из Грановитой палаты я направился к древней звоннице Софийского собора, у подножия которой стоят пять колоколов. От звонницы я был у миниатюрной церкви Андрея Стратилата, к сожалению, внутри которой в окно я увидал какие-то грязные корзины и т.д.

Осмотрев этот храм, я посетил здание музея, где видал чудотворную икону Знамения Божией Матери и Дворищенский образ Святителя Николая XII века и немало порадовался их сохранности. Посещение музея произвело на меня прекрасное впечатление, и от всего сердца я мысленно поблагодарил того, кто неимоверный труд закладывает в это благородное дело. После осмотра музея я еще раз обошел кругом памятника 1000-летию России и в Пречистенскую арку вышел на берег бурливого Волхова. Милый Волхов, старого моста нет, не сохранилась и часовня Чудный Крест, но вместо старого моста я увидал широкий новый мост.

Проходя мимо Владимирской башни кремля, можно еще ясно увидать древнюю фреску, изображающую Святителя и Чудотворца Николая в рост. В бытность мою в Новгороде это изображение находилось в часовне, которая была пристроена к стене Владимирской башни.

С Волховского моста я любовался красавцем Ильменем, близ которого виден древнейший Юрьев монастырь. Но не видать девяти золоченых глав Юрьевских соборов, не слыхать веселых песен Поозерок: «Где горит? Чево горит? Да Юрьевские главушки, погуляла бы я с кумом, да боюся славушки».

Не слышно звону 2100-пудового великана под названием Неопалимая Купина. На торговой стороне города какие прекрасные вновь выстроенные здания. В столовой я ел вкуснейший борщ и гречневую кашу, запив двумя стаканами чая.

Пообедав, я направил свой путь в бывший Антониев-Римлянина монастырь, который сохранился полностью за ис-

ключением колокольни. Обошедши два раза вокруг монастырского собора и посмотрев в окно внутрь его, ничего не видать из достопримечательностей. Правда, виден иконостас, но без икон. Сохранилась живопись на стенах, виден постамент, на котором стояла рака святых мощей преподобного Антония Римлянина.

От собора мимо здания бывшей Духовной семинарии, я направился в дубовую монастырскую рощу с намерением набрать на память желудей. Но придя на то место, где был монастырский сад, я не нашел ни одного дуба, только жалкие обгорелые пни. Все уничтожено огнем войны.

Вернувшись вновь к собору и посидев минут 5–10 на ступеньках крыльца, и постояв у дверей трапезной церкви Сретения Господня, поглядел на окна келий, где жили архимандрит отец Сергий и иеромонах отец Серафим. Через бывшие Святые врата я вышел на автобус и через пять-десять минут был в Центре торговой стороны, на Ярославовом дворище.

Осмотрев наружно Николо-Дворищенский собор, церкви Жен-Мироносиц, Параскевы-Пятницы, Великомученика Прокопия, Успения Божией Матери, я направил свой путь к церкви Великомученика и Победоносца Георгия на Торгу, в коей в 1932 году была кафедра новгородского архиепископа. Я даже не узнал этого храма; нет ограды, нет колокольни, да, пожалуй, нет даже и трапезной с притвором, а на месте примыкавшей с востока часовни, в коей почивали под спудом святые мощи святого Феодора блаженного, разбит садик с клумбами цветов.

Церковь Иоанна Крестителя на Опоках я узнал по сохранившемуся на алтарной стене изображению Предтечи. Нет колокольни и ничего похожего. Церковь Спаса на Ильине сохранилась во всей своей красе, какой была и до войны, даже много лучше и благоустроенней.

Через дорогу стоит знаменитый красавец собор Знамения Божией Матери. Даже уцелело над входными вратами в ограду изображение иконы Божией Матери с предстоящими святителями Никитой и Иоанном. Стоит и колокольня, да-

же висят 1–2 колокола. В 1932 году в этом соборе я видал восковую свечу весом, как было на ней написано, 300 пудов. Но ее никогда не зажигали.

В пять часов вечера я пришел к храму святого апостола Филиппа, где сейчас находится кафедра новгородского архиепископа. Боже мой! Как все убого, как все беспорядочно. Великий Новгород, где же былое твое торжественное Богослужение: на клиросе поют на 12-й глас. Господи! Да еще священник их сбивает, такие заведет бесчинные вопли, о Матерь Божия...

А какие были красивые новгородские напевы, собранные и изложенные в Спутнике, изданном митрополитом Арсением. Ничего не напоминает в церкви Новгорода, все в ином духе. Нет икон святых, в земле Новгородской просиявших, правда, в нижнем помещении, где отпевают умерших, стоит порядочная икона сих святых, но кто-то маленько ее подновлял, и на венчиках у многих святых перепутал имена.

Две иконы святых, Никиты и Иоанна, стоят там же. Ничего похожего я не видывал, чтобы святого Иоанна изображали в клобуке. Он был схиархиепископ.

Приложившись к мощам святителя Никиты, я с грустью вышел из храма. От кого это зависит? Ведь Ленинград рядом, а какое там благолепие, какое прекрасное Богослужение, а тут скудость и убожество. Может быть, вина минувшая война? Может быть, я посетил храм на буднях? Может, мне так показалось? А показалось, на мой взгляд, очень плохо! Уже чего хорошего, когда священник, который служил чередом, ни разу не перекрестился.

Краткое сказание о святых угодниках почивающих и о чудотворных иконах, имеющихся в Новгородском Софийском соборе и в обителях Новгородских

Святой Никита, епископ Новгородский, почивает открыто в Софийском соборе. После одиннадцатилетнего правления паствою, преставился 31-го января 1108 года. Мощи его обретены 30 апреля 1588. Память его во всей Российской Церкви

в день преставления, и местно в Новгороде в день обретения мощей.

Святой Иоанн, архиепископ Новгородский, почивает открыто в Софийском соборе, святительствовал более 20 лет, преставился 1186 года, сентября 7 день, в который и память его прославляется всей Российскою Церковию. Мощи его обретены в 1439 году.

Святой Григорий, архиепископ Новгородский, брат архиепископа Иоанна и преемник в святительстве, после шестилетнего управления паствою преставился 24 мая 1193 года и почивает под спудом в Софийском соборе, в так называемой темнице.

Святые новгородские епископы Иоаким, скончался в 1030 году, Лука 1059(?); Герман 1096; и Аркадий 1165; и архиепископы – Мартирий 1199; Антоний 1284(?); Василий 1352; и Симеон 1421, почивают под спудом в Софийском соборе. Память сих святых совершается в Соборе общая с создателями его 10 февраля и 4 октября.

Святой Феоктист, архиепископ Новгородский, почивает под спудом в Юрьеве монастыре. После восьмилетнего управления паствою преставился 23 декабря 1310 года и погребен в Благовещенском монастыре, куда пред кончиною отошел на покой. В Юрьев монастырь мощи его перенесены 23 января 1786 года. Память его совершается в Новгороде в дни преставления и перенесения мощей его.

Святой Моисей, архиепископ Новгородский, управлял паствою в первый раз с 1325 по 1360, когда удалился на покой в созданный им Сковородский монастырь, где 25 января 1362 преставился и почивает с 19 апреля 1686 года открыто. В Новгороде празднуется преставление его в показанное число и обретение мощей в 5-е воскресенье после Пасхи.

Святой Евфимий, архиепископ Новгородский, почивает под спудом в Вяжицком монастыре, преставился 1458 года марта 11 дня, в который и память его совершается всею Российскою Церковию.

Святой Иона, архиепископ Новгородский, почивает под спудом в Отненском монастыре, после тринадцатилетнего

управления паствою преставился 1471 года, ноября 5 дня, в который и память его совершается всею Российскою Церковию.

Благоверный князь Владимир Ярославич, создатель Софийского собора. Почивает в нем открыто, преставился 4 октября, в который и память его совершается в созданном им храме.

Благоверная княгиня Анна, мать князя Владимира и участница в созидании храма, почивает открыто в Софийском соборе, преставилася февраля 10 дня, в который и память ее местно совершается.

Благоверный князь Мстислав Ростиславич, известный в истории под именем Храброго, почивает открыто в Софийском соборе. Он преставился в 1180 году, июня 14 дня, в который и память его местно празднуется.

Благоверный князь Феодор Ярославич, преставился 5 июня 1233 года, и был погребен в Юрьеве монастыре. Мощи его обретены 1614 году и перенесены в Софийский собор, где и почивают открыто, день преставления его празднуется всею Российскою Церковию.

Преподобный Антоний Римлянин почивает открыто в созданном им Антониевом монастыре, где и подвизался. Преставился 1147 года 3 августа, мощи его обретены в 1597 году июля 1 дня. В Российской Церкви празднуется всюду преставление его 3 августа и местно в Новгороде обретение мощей в пятницу после праздника святых апостолов Петра и Павла.

Преподобный Варлаам почивает под спудом в основанном им Хутынском монастыре, где и преставился шестого ноября 1193 года. Вся Российская Церковь празднует преставление его в показанное число, а в Новгороде в первый пяток Петрова поста, торжественно вспоминается чудесное предсказание его о снеге, выпавшем в необыкновенное время летом и оказавшемся благодетельным для полей.

Преподобный Ксенофонт Робейский, ученик преп. Варлаама Хутынского, почивает под спудом основанной им, а после упраздненной Ксенофонтовой пустыни. Преставился 1262 года 28 июля. Память его совершается местно 26 января.

Преподобный Михаил, почивает под спудом в Клопском монастыре, где подвизался более 44 лет, преставился 11 января 1452 года. Память его совершается всей Российской Церковию, а в Клопском монастыре 23 июня, торжественно воспоминается пришествие его.

Преподобный Савва Вишерский почивает под спудом в основанном им монастыре, где подвизался 43 года, преставился 1461 года 1 октября, в который и память его совершается всею Российскою Церковию.

Преподобный Ефрем, почивает под спудом в Перекомском монастыре, подвизался в основанной им обители 42 года, преставился 26 сентября 1492 года, мощи его вместе с обителию перенесены с первоначального на нынешнее место 1545 года 16 мая, в который и память его совершается.

Преподобный Арсений, почивает под спудом в Новгородском Кириллове монастыре, подвизался 8 лет в созданном им Арсениеве монастыре, скончался и погребен в 1570 году 12-го июля, в который и память его местно совершается. Мощи же его по упразднении упомянутого монастыря перенесены в Кириллов в 1757 году.

Праведная Харитина, почивает под спудом в церкви упраздненного Петропавловского монастыря, что на Синичьей Горе. Местная память ее совершается 5-го октября.

Праведный Феодор блаженный, почивает под спудом в часовне за алтарем Георгиевской церкви, местная память его совершается 19 января.

Праведный Никола Кочанов, современник Феодора, скончался в том же 1392 году 27 июля, и почивает под спудом в Пантелеимоновской церкви. Местная память его совершается в день преставления.

Праведная Гликерия, почивает под спудом в Фроловской церкви, мощи ее обретены в 1572 году. Местная память ее совершается 13 мая.

Праведные два брата, отроки Иаков и Иоанн, почивают под спудом в церкви упраздненного Минюжского монастыря, память их совершается местно 24 июня.

Образ Спасителя в главном куполе Софийского собора, написанный по гласу небесному со сжатою, а не благословляющею десницею. Этот чудесный глас от образа был еще до освящения собора.

Образ Спасителя, подле Царских врат в главном иконостасе Софийского собора. Список с образа, написанного по откровению греческим императором Мануилом.

Образ Софии Премудрости Божией, в главном иконостасе Софийского собора, прославленный чудотворением в 1542 году.

Образ Спасителя, на стене пред церковию святителя Иоанна, архиепископа, что в Архиерейском доме. От сего образа в 1179 году был чудный глас святому Иоанну архиепископу, касательно защищения Новограда от суздальцев.

Образ Спасителя, из сгоревшей Спасской, что на валу, церкви, перенесенный в церковь святого пророка Илии.

Образ Спасителя в часовне, что на южной стороне крепостной стены.

Образ Сошествия Святаго Духа, в главном иконостасе девичьего Свято-Духовского монастыря, прославившийся чудотворениями в 1560(?) году.

Чудный Крест. В часовне на Волховском мосту.

Образ Знамения Божией Матери, в главном иконостасе Знаменского собора, явивший свою чудотворную силу в отражении от Новгорода суздальцев в 1169 году.

Образ Тихвинской Божией Матери, в кладбищенской церкви, что на Красном Поле.

Образ Умиления Божией Матери, в главном иконостасе градской Троицкой церкви.

Образ Владимирской Божией Матери, в часовне на Торговой стороне.

Образ святого Симеона Богоприимца, в Зверином монастыре, прославившийся исцелениями во время моровых поветрий.

Образ святителя Николая Чудотворца, в главном иконостасе Никольского Дворищенского собора, чудесно обретен-

ный и прославившийся исцелением Новгородского князя Мстислава Владимирыча в 1113 году.

Образ св. Николая Чудотворца, в часовне, что на восточной стороне крепостной стены.

Образ святых исповедников Гурия, Самона и Авива, в приделе во имя сих святых при Софийском соборе, известен по чудотворению 1410 года.

Моление преподобного Варлаама Хутынского (Новгородское сказание)

В обители славной Пречистого Спаса,
где близ Новограда святой Варлаам
воздвигнул издревле часовню и храм —
о дивном виденье молва пронеслася.
В полночную пору старик пономарь,
войдя за церковной потребой в алтарь,
узрел, как внезапно в волнах фимиама,
наполнивших церковь, при блеске свечей
раскрылась гробница отца Варлаама.
И Божий угодник в сиянье лучей
восстал с омраченным печалию ликом
и, пав на колени, в волненье великом
со скорбию слёзной мольбы возносил
к Царице Небесной и Господу сил.
И молвил угодник, окончив моленье,
дрожащему старцу: «Тарасие брат!
Исполнилась мера Господня терпенья,
и Он обещает казнить Новоград
неправд его ради и жизни греховной.
Немедля на верх подымися церковный
и узришь народу грозящую казнь».
Исполнил Тарасий веленье святого,
и сердцем его овладела боязнь:
грозя Новоград уничтожить Великий,
над уровнем храмов и башенных стен,
синея, высоко вздымался Ильмень.
Со страхом увидев нежданное чудо,

поспешно Тарасий вернулся оттуда
в сиявший огнями священными храм
поведать святому о дивном виденье.
И, вновь умоляя Творца о прощенье
виновному граду, святой Варлаам,
поникнув главою печальною долу,
скорбел он и плакал четыре часа.
Потом, повинуясь святому глаголу,
вторично Тарасий наверх поднялся.
Над градом в лазури высоко парящих
Архангелов рати он ясно узрел,
метающих тучи несметные стрел
в людей, о прощении тщетно молящих.
Пред каждым из старцев и жен и детей
виднеется с книгой их Ангел-хранитель,
и тех, что избавил от казни Властитель,
касается кистью целебной своей.
От всех же, на гибель Творцом обреченных,
их Ангел-хранитель с тоской отходил.
В испуге Тарасий уйти поспешил
во храм, где, тоскуя о всех осужденных,
стоял на молитве угодник святой.
Ему о виденье поведал он снова,
и рек преподобный ему с добротой:
«Моленьем Пречистой Владычицы Девы
Господь от потопа избавил наш град,
но Он посылает три лета подряд
на жителей язву и мор в наказанье,
рече бо Он Сам словами Писанья:
“На чем тя застану в том буду судить”».
И снова, пытаясь Творца умолить,
скорбя о грешивших душою незлобной,
повергся на землю в слезах преподобный.
Он долго молился. На третий же час
был послан на башню маститый Тарас.
И, небо окинув испуганным взглядом,
увидел висящую прямо над градом

багровую тучу. Вернувшись назад,
он, велиим страхом и скорбью объят,
святому поведал о знаменье новом.
И молвил угодник: «За мором суровым,
одной из заслуженных городом кар,
нам будет ниспослан великий пожар.
Зане по молитвам Царицы Небесной,
от гибели город избавлен конечной,
его не постигнет великий потоп».
И тут, помоляся Творцу троекратно,
преподобный в гробницу вернулся обратно,
и снова закрылся угодника гроб...
Погасли лампады, струи фимиама
исчезли... и бледною искрой горя,
на небе уже занималась заря.
Когда пономарь возвратился из храма,
и братье поведал в волнении он
о том, как молитвой святого могучей
от гибели страшной, грозы неминучей,
Новгород Великий навеки с-п-а-с-е-н.

Знамение иконы Божией Матери
(Из Новгородской летописи)

Не тучей покрылся вдали небосклон,
не молния блещет лучами,
стремясь нанести Новограду урон,
дружины со всех подступают сторон,
сверкая на солнце мечами.
Огню без пощады селенья предав,
враги укрепилися станом.
Желая достигнуть утраченных прав,
и мстить за обиду пришел Святослав
из Суздаля с князем Романом.
Заране победою верной кичась,
при блеске пожаров слободских
по жребию делит с дружиною князь,

над городом древним с насмешкой глумясь,
и жен и детей новгородских.
Борьба началася, и тысячи стрел
взвилися над городом тучей,
валялися груды неприбранных тел.
Три дня миновало, уж город слабел,
все ждали беды неминучей.
Четвертой же ночью, от всех удалясь,
владыка молился во храме,
и вдруг он услышал Божественный глас:
«Восстань! ибо завтра в указанный час,
победа вас ждет над врагами.
Заутра иди во Спасителя храм,
с усердьем моляся немалым,
Царицы Небесной стоящую там
икону святую воздвигни ты сам
и сам вознеси над забралом».
Поспешно владыкой был созван собор,
стекался народ богомольный.
Слезой был увлажнен святителя взор,
когда раздался, оглашая простор,
торжественный звон колокольный.
При пенье молебна, толпой окружен,
вступил с духовенством владыка
в смиренную церковь, и, пав на амвон,
молился он долго, душой умилен,
при виде Владычицы лика.
По знаку его, выступая вперед,
диакон, под звуки канона,
пытался воздвигнуть священный киот,
но тщетно молился и плакал народ —
не трогалась с места икона.
Тогда сам святитель приблизился к ней,
приподнял киот драгоценный,
и зимнее солнце сияло ясней,
когда со священною ношей своей
владыка, поднявшись на стены,

над самым забралом икону вознес
под тучею стрел заостренных.
При шуме сраженья и диких угроз
скатилися капли прозрачные слёз
из кротких очей огорченных
Пречистой, упав на владыки фелонь.
Враги вне себя от испуга,
как будто настиг их небесный огонь, —
бежали. Смешались и всадник, и конь,
свои избивали друг друга.
Тогда новгородцы на дерзких врагов
ударив, разбили дружину.
Струилась потоками алая кровь,
и много легло там отважных бойцов,
усеяв телами долину.
Наутро же снова в Софийский собор
стекался народ богомольный,
и славил Царицу Небесную хор,
и снова гудел, оглашая простор,
торжественный звон колокольный.

Думы монаха

Красоты я не знал, блеска летнего дня,
лишь могилы — кресты окружали меня.
И любви я не знал, ласки женских очей,
и тоску поверял только келье своей.
И не пел соловей под окном у меня,
лишь молитва и пост окружали меня.
На закате зари лицезрю Божий дом,
и молюсь лишь о том, чтобы вечно жить в нем.
О Всепетая Мать, защити на пути,
Сыном данный мне крест помоги донести.
Но как мчатся года, и все гаснут огни,
а в руках у меня только четки одни.
Как прекрасны они, как янтарно горят,
о глубокой тоске они мне говорят.
Мой конец недалек, мать сырая земля

скоро примет навек во объятья меня.
О мечты вы, мечты, вы куда унесли?
А в руках у меня только четки одни.

Самоукорение инока

Ах, монах! Умными очами посмотри:
смерть уж за плечами,
что же ты в мир бродишь?
Всех в соблазн приводишь? Ах, монах.
Ах, монах! Где твои обеты?
Ты клялся убегать от света,
а по-светски ходишь,
людей на смех наводишь. Ах, монах.
Ах, монах! Ты обет дал Богу,
клялся: жизнь проведу убогу.
Деньги ж собираешь,
в неге утопаешь. Ах, монах!
Ах, монах! Много сам ты клялся,
в нищете жить обещался,
а теперь гуляешь,
в рясах щеголяешь. Ах, монах!
Ах, монах! Ты обещался перед Богом
жить в углу, тесном и убогом,
а чертоги строишь,
в них себя покоишь. Ах, монах!
Ах, монах! Ты клялся перед Богом
жить всегда в послушании строгом,
делаешь всё боле
по своей ты воле. Ах, монах!
Ах, монах! Ты клялся перед Богом
пребывать на молитве долго,
с ленью в церковь ходишь
и от служб уходишь. Ах, монах!
Ах, монах! Ты клялся перед Богом,
что будешь жить в молчанье строгом,
но всегда болтаешь
и всех осуждаешь. Ах, монах!

Ах, монах! Пред Великим Богом
клялся ты жить в смиренье многом —
гордостью зияешь
и всех презираешь. Ах, монах!
Ах, монах! Пред Царем Небесным
клялся ты для всех быть безызвестным —
по городам все бродишь
и знакомства заводишь. Ах, монах!
Ах, монах! Ты дал обещанье
терпеть скорби и страданья,
а теперь сердишься,
из-за пустяков бранишься. Ах, монах!
Ах, монах! Пред Небесным Ликом
обещался ты жить в труде великом,
а теперь ленишься
и труда боишься. Ах, монах!
Ах, монах! Ты клялся перед Богом
жизнь вести в девстве, чисто, строго —
взорами ж блуждаешь,
душу оскверняешь. Ах, монах!
Ах, монах! Ты пред Богом клялся,
крест нести обещался,
но крест оставляешь
и обет ломаешь. Ах, монах!

* * *

Золотые слова

Тогда Петр подступил к Нему и сказал: «Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До седми ли раз?» Иисус говорит ему: «Не говорю тебе до седми, но! до седмижды седмидесяти раз»[1]. Вот так.

* * *

Свято-Софийский собор в городе Новгороде зачали сооружать в 1045 году и закончена она была в 1052 году. Строили

[1] Мф. 18, 21–22.

и украшали ее цареградские мастера и художники. «Церковь сию устроиша весьма прекрасну и превелику».

Материалом для собора служили булыжные камни, плита и кирпичи разных размеров. Стены собора имеют толщину 1,25 метра. В соборе восемь каменных четвероугольных столба, на них утверждены верхние своды с куполом. К средней древнейшей части собора пристроены паперти: южная Мартирьевская, или Золотая, в 1199 году, западная — Корсунская и северная — Теремец, или Темница. Высота собора от помоста до свода 38,34 метра, а со средним куполом 50,05 метра. Собор увенчан 5 куполами, средний, позолоченный в 1408 году, имеет форму древнерусского шлема, остальные луковичные. На юго-западе стоит башня, слившаяся с собором благодаря папертям. На кресте главного купола находится голубь, размер его от клюва до хвоста 1,42 метра. По преданию, происхождение его следующее. Пять недель продолжалась неукротимая ярость Иоанна Грозного в Новгороде. В первый день голубь, севший на крест святой Софии, увидел казни и окаменел «от ужаса», и сейчас мы его там видим. Собор подвергался много раз опустошительным пожарам. Он горел в 1340 году, тогда не успели вынести всех икон. Затем в 1368 году. В 1394 году обгорела верхняя часть, сгорела «маковица палатная». В 1407 году собор обгорел весь.

Первоначальная роспись собора относится ко времени его сооружения, но она была закончена только в 1108 году, а притворы расписаны в 1144 году.

В 1692 году в соборе был поднят пол на 1,62 метра и выломаны три круглых столба. В 1861 году были удалены каменные надгробия (голбики).

В 1893–1904 годах произведен капитальный ремонт в соборе артелью иконописцев подрядчика Сафонова. От первоначальной росписи сохранилось в соборе купольное изображение Спасителя, о нем гласит следующее предание. Когда была построена прекрасная и большая церковь Святой Софии, привезли из Царьграда иконописцев, которые стали подписывать во главе. И написали они образ Иисуса Христа

с благословляющей рукою. Наутро приходит епископ Лука и видит образ не с благословляющею рукою, но со сжатою в кулак, и велел переделать. Три раза иконописцы переписывали руку Спасителя, и всякий раз она, сама собою, являлась сжатою. А на третий день был иконописцам глас: «Писари, писари, о писари! Не пишите Меня с благословляющею рукою, но со сжатою. Аз бо в той руцы Велик Новград держу, а коли рука Моя распространится, тогда будет граду скончание». Таково предание.

Также у свечной стойки сохранилось первоначальное изображение святых Константина и Елены. На наружных стенах собора имеются изображения — Деисуса над входом в Мартирьевскую паперть и — Нерукотворенный Спас, и святой Софии, Премудрости Божией и Ветхозаветная Троица — над Корсунскими вратами. В западной стене, со вне, направо от Сигтунских врат, вделан каменный поклонный крест — Алексеевский. На нем барельефами изображены пять главных моментов из жизни Спасителя, а именно — Распятие, Рождество, Воскресение, Благовещение и Вознесение. Под Благовещением надпись: «Пребудеши в Рождестве Дева, и по смерти жива». Вокруг креста сохранилась частично надпись: «... исан бы крест сей в Новегороде... повелением боголюбивого преосвященного архиепископа и поставлен на поклонение правоверным... владыце арх... Олексию да Бог многа лет и здравие и спасение и детем его всему миру».

В соборной ризнице насчитывается 886 предметов, исключая иконы. Более примечательные предметы ризницы это суть: шапочка, облачение и посох святителя Никиты, умершего в 1108 году. Воздвизальные кресты, один XII века, а другой — XIII. Панагия и посох архиепископа Пимена, два великолепных покрова с изображением епископов Никиты и Иоанна, шитые шелком и жемчугом, в 1672–1673 годах. Облачение святителя Моисея XV века. Омофор патриарха Никона 1648 года, на конце которого вышиты виды Новгорода и Москвы. Белый клобук (каптырь) архиепископа Василия 1324 года и много других предметов.

Иконостас главного храма пятиярусный, Царские врата сооружены в 1643 году, над ними сень с изображением Тайной Вечери.

По бокам колонки с изображением Христа, Богоматери, святителей и архидиаконов. Направо икона Спасителя чудотворная, копия 1570 года с иконы, написанной в XII веке византийским императором Мануил Комненом. Подлинная же взята Иваном Грозным в Москву. Рядом с нею икона Софии, Премудрости Божией, древнего письма; на ней изображены — Ангел, сидящий на престоле, который покоится на семи столбах, над ним Спаситель в звездном круге, по бокам престола по три Ангела, Богоматерь и Иоанн Креститель.

На северной алтарной двери, на верхней половине Варлаам-пустынножитель и царевич Иоасаф, а на нижней «Лоно Авраамово», на ней изображены Авраам, Исаак и Иаков, а меж ними души праведных в образе отроков и благоразумный разбойник со Крестом. Рядом с иконой Святой Софии Благовещение Пресвятой Богородицы XIV века. За ней икона Петра и Павла — одна из главных достопримечательностей собора. По преданию, она прислана из Корсуня святому князю Владимиру. С левой стороны Царских врат храмовая икона Успения Пресвятой Богородицы, чудотворная. Рядом с нею икона, именуемая: «Предста Царице одесную Тебе», или «Царь Царем». На ней изображен Спаситель в архиерейском облачении с посохом сидящий на престоле, а по сторонам Божия Матерь и Иоанн Предтеча. За северными вратами икона во весь рост святителя Иоанна, архиепископа Новгородского. В таком виде иконостас был устроен в 1528 году. Перед ним у столбов святительское место, сооруженное в 1560 году, и царское — в 1572 году. Под средним куполом висит бронзовое великолепной работы паникадило, сооруженное в 1600 году.

Правый придел собора посвящен Рождеству Богородицы. Он уже существовал в 1180 году. В этом приделе над аркой находится святая и чудотворная икона Богоматери, именуемая Корсунской.

Налево от нее настенное изображение святых Константина и Елены. Против свечной стойки икона святителя Никиты XVI века. Тут же находятся Корсунские врата, налево находится рака со святыми мощами святителя Никиты, умершего в 1108 году, 31 января. Направо у окна рака со святыми мощами святого князя Мстислава Храброго, умершего в 1180 году.

Иконостас Рождественского придела устроен в XVI веке. Царские же врата сооружены в 1526 году и прежде находились в главном иконостасе. Направо от них иконы Ветхозаветной Троицы и Рождества Богородицы. Налево — Владимирская Божия Матерь (и Рождества Богородицы), Богоотец Иоакима и Анны. На Северных вратах изображение святого Василия Великого. Над Царскими вратами хрустальный крест, 1528 года.

Богословский придел — северный, существовал уже в 1504 году. В нем находится чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, она сопутствовала Русскому посольству в Столбове в 1617 году при заключении мира со Швецией.

На западной стене придела находится прекрасная икона преподобных Зосимы и Савватия — Соловецких чудотворцев, писанная в 1547 году. В 24 клеймах изображено житие и чудеса угодников.

На запад от Богословского придела — Предтеченский предел, где находится рака со святыми мощами святого князя Феодора Ярославича, умершего в 1232 году, и святителя Иоанна, умершего 1186 года 7 сентября.

В юго-западном приделе находятся гробницы строителя собора, князя Владимира, умершего в 1052 году, и матери его Анны — Индигерды, умершей в 1050 году.

А также в соборе почивают под спудом многие угодники Божии, среди их святые Григорий, брат святого Иоанна, Лука и многие другие.

Выйдя из собора на Владычный двор, направо стоит здание «Грановитая Палата». Над входом во второй этаж, скрытым позднейшими пристройками, находится древнее изображение Спасителя, с которым связано предание о чудесном отражении суздальцев в 1169 году. <...>

Внутренний вид палаты представляет обширную сводчатую комнату. Посреди ее находится колонна, на которую сведены все своды.

Налево из палаты выход в кельи архиепископа Иоанна, состоящие из двух комнат: в первой из них устроен затвор, каменный пол которого хранит на себе отпечаток колен молитвенника. Во второй комнате сохранилась окно с умывальным кувшином, подвешенным в нем от XII века. <...>

Между звонницей и святой Софией находится Входо-Иерусалимский храм, построенный в 1759 году. Налево от звонницы находятся так называемые Водяные ворота. В 1910 г. часть кладки над ними обвалилась, и обнаружилась небольшая комната со скамьей в стене. По преданию в ней в 1551 году заживо замурован шурин крымского хана. От звонницы на юг, к Спасской башне, пролегала «Пискупля» — улица епископа. Это была главная улица Детинца, ведшая к Великому мосту. По ее направлению находится небольшая каменная церковка XIV века Андрея Стратилата. Она была выстроена по обету во время чумы в один день. Церковь Андрея Стратилата построена около того места, где в 989 году была срублена тринадцативерхая дубовая святая София, сгоревшая в 1045 году. На месте сгоревшей Софии в 1167 году уроженец села Сытина, былинный Садко, «Богатый гость», построил церковь Бориса и Глеба. Этот храм был уничтожен шведами в 1611 году.

Кремлевская стена протяжением 1386 метров, вышина колеблется от 8,5 до 10,6 метра, толщина от 2,7 до 3,3 метра, она вмещает в себе 9 башен, а именно:

Спасская. В ней две часовни, в верхней настенное изображение Спасителя в прекрасной ризе, перед ним аналогий, на котором лежат святой Крест и Евангелие, а на столике — фелонь и епитрахиль. В другой часовне находится источник с приятной на вкус водой. В часовнях постоянно живут две престарелые женщины.

Княжная, Кокуй — семиэтажная.

Покровская. Возле нее одноглавая церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1305 году посадником Семеном Климовичем.

Затем следует Златоустовская. При ней размещен историко-археологический музей, возникший в 1863 году. В нем насчитывается 14134 экспоната.

Далее башня Митрополичья и Часовая на Митрополичьем дворе и северная к Волхову — Владимирская. К ней сделана пристройка, закрывшая настенное древнее изображение святителя Николая. Чудотворец изображен во весь рост, в прекрасной густо позолоченной ризе в серебряном венце. Под изображением в стену вделан вкладной крест с надписью: «Господи, спаси и помилуй раба Своего Семена грешнаго чьерньца Оркажа монастыря. Аминь».

Из башни Кокуй подземный ход вел в Юрьев монастырь, а из Покровской — на торговую сторону, под Волховом, к дому Марфы Борецкой на Рогатице. А в Детинцевых стенах есть тайники. Ни тайники, ни подземные ходы не обследованы, а время и люди разрушают их.

На площади Кремля возвышается колоссальная громада памятника Тысячелетию России, воздвигнутого в 1862 году. Вышина памятника 15 метров, ширина почти 10. Вес его 10000 тонн. А стоимость сооружения 500 тысяч рублей.

Выйдя из Кремля, на правой стороне Волховского моста стоит святыня Великого Новгорода — часовня «Чудный Крест». В ней находится великолепный резной липовый крест. Вышина его 2,4 метра, по надписи на нем — поставленный в 1548 году «повелением раба Божия Петра Невежина на мосту». По преданию же он был водружен в землю при строении святой Софии в 1065 году. Похищен Всеславом Полоцким, но отбит Глебом Святославичем Тмутараканским и возвращен в Новгород, а в 1480 году владыка Новгородский Симеон, имея его в руках, прекратил мятеж, возникший из столкновения людина Степанко с боярином Божиным. Часовня принадлежит Перекомскому монастырю.

Перейдя на Торговую сторону, расположено Ярославово Дворище, где «церкви кустом стоят».

Посреди его высится Николо-Дворищенский собор, построенный в 1113 году князем Мстиславом Владимировичем, в ознаменование его чудесного исцеления от иконы святите-

ля и чудотворца Николая, XII века. Эта икона поставлена направо от Царских врат, налево икона Знамения с видом Новгорода. В соборе 2 придела — св. преп. муч. Евдокии и прп. Варлаама Хутынского. Горел собор 10 раз.

На юг от Никольского собора стоит церковь великомученика Прокопия, построенная в 1359 году, а напротив ее церковь жен-мироносиц 1445 года. В 1536 г. Феодор Димитрич Сырков устроил в ней придел Сретения Господня.

На север от Никольского собора — церковь Параскевы-Пятницы, построенная в 1156 году. В ней находится чудотворная икона св. великомученицы Параскевы.

Рядом, на север, стоит церковь Успения Божией Матери в Торгу на Козьей Бородке, построенная в 1135 году в память убиенных на Ждане Горе.

Перейдя дорогу, стоит храм великомученика и Победоносца Георгия «в Торгу, в Кожевенном ряду», построенный в 1131 году. В 1392 году за алтарем в особой часовне похоронен блаженный Феодор, Христа ради юродивый. Святые мощи его находятся под спудом, над коим поставлена рака с рельефным изображением святого.

Тут же стоит величественный храм св. Иоанна Предтечи «на Опоках», основан князем Всеволодом Гавриилом в 1127 году. На его восточной стене древнее чудотворное изображение Иоанна Крестителя, по бокам его новгородские святители Никита и Иоанн.

Невдалеке стоит церковь священномученика Климента на Иворове улице. Церковь построена в 1153 году, в ней находится св. икона священномученика Ипатия из близ стоящей, но ныне разобранной церкви св. муч. Ипатия. Далее по той же улице, церковь св. великомученика Димитрия Солунского, поставленная в память Куликовской битвы в 1381 году. Эта церковь очень часто страдала от пожаров.

На Федоровском ручье стоит церковь великомученика Феодора Стратилата, сооруженная в 1360 году посадником Семеном Андреевичем и матерью его Натальей. Невдалеке от нее стоит церковь великомученика Никиты, выстроенная в

1406 г. и расширена в 1555 г. при Иване Грозном, временный дворец которого находился рядом с нею.

Далее возле вала стоит храм муч. Бориса и Глеба. В церкви две чудотворные иконы Бориса и Глеба, на одной они изображены на конях, а другая в «чудесех». Также в храме находится св. и чудотворная икона Божией Матери, именуемой Скоропослушница, присланная с Святой Горы Афон. Над входом в храм великолепое изображение равноапостольного князя Владимира и сыновей его Бориса и Глеба, а на алтарной стене – Божией Матери Знамение и предстоящие Ей преподобные Антоний Римлянин и Варлаам иже на Хутыне.

За валом через ручей стоит церковка Иоанна Богослова. В 1365 году здесь был основан Богословский монастырь в «Родоговицах». На восток по валу расположены церкви Рождества Богородицы, строена в 1199 г. и Собора Богородицы – 1557 году, – это остатки Михалицкого монастыря. На западной стене церкви Рождества вкладной крест с ликом улыбающегося Спасителя, удивительной красоты, на нем надпись: «Серапион наиконописал Пантократора».

Далее на юг церковь «Спас на Ильине», сооруженная в 1374 г. В ней прославилась икона Божией Матери Знамение.

Знаменский собор построен в 1355 году, на стенах собора 76 картин. В нем находится святая и чудотворная икона Знамения Божией Матери, прославившаяся в 1169 г. Размер иконы 51,2 х 52,8 сантиметров. В соборе многое множество археологических ценностей, а книг сроду и не прочитать.

Невдалеке на юг стоит церковь апостола Филиппа, построенная в 1383 году. Над жертвенником сохранилась древняя фреска Знамения Божией Матери. На север от церкви похоронен известный новгородский археолог В.С. Передольский, род. 1833 г., умер 11 марта 1907 года. Напротив церкви его дом.

Немного далее часовня Владимирской Божией Матери, в которой находится чудотворная икона Богоматери, именуемая Печерской, начала XVIII века.

Далее стоит храм св. пророка Божия Илии, сооружен в 1105 году. В его куполе написан «Пантократор». Снаружи, у

диаконника в нише изображение «Предста Царица одесную Тебе». В церкви находятся иконы, достойные внимания — это преп. Антония Римлянина, написанная в 1575 г. мастером Евтропием Стефановым, в Спасском приделе находится чудотворный образ Спасителя; это фреска, снятая в XVI в. с башни городских ворот в Павловой улице.

Южнее Ильинской церкви стоит церковь св. апостолов Петра и Павла на «Холме» или на «Славне», построенная в 1367 г. новгородцем Лазутою, а придел во имя Введения Божией Матери в 1616 г. На восточной ее стене — изображения Казанской Божией Матери и апостолов Петра и Павла. В храме находится тончайшей работы резной киот, устроенный в 1702 году радением и обещанием новгородских пеших казаков.

Южнее за валом находится навес с крестом, обозначающий то место, где до 1828 года стояла церковь Спаса — здесь пролегала дорога на Москву, и близ этой церкви происходили встречи новгородских владык и князей.

Окромя этих церквей стоят несколько прекрасных часовен, как, например, у московской заставы часовня, принадлежащая Звериному монастырю во имя великомученицы Варвары. При часовне помещение для инокинь. Также часовня, принадлежащая Хутынскому монастырю, в коей дивная, в полный рост, в серебряной ризе икона преп. Варлаама и другие св. иконы.

Это сведения о святых церквах, расположенных на территории Кремля и Торговой стороны. На Софийской стороне достойны внимания следующие церкви.

Церковь в честь и славу Тихвинской иконы Богоматери. Она построена в 1711 году, в ней находятся иконы из упраздненных древних Разважского и Космодемианского монастырей. Немного далее стоит святыня Новгорода, церковь св. великомученика и целителя Пантелеимона, обыкновенно именуемая Николо-Кочановской в память погребенного на этом месте — в ограде ныне не существующего Яковлевского собора — юродивого Николая Кочаного, умершего в 1392 г. 27 июля. В этой церкви много примечательных икон из

Яковлевского собора — чудотворная икона Покрова Божией Матери и апостола Иакова; из церкви Димитрия Солунского «в Кожевниках» — святителя Ефимия, две иконы Николая Кочаного, на одной он изображен в боярском одеянии, а на другой — юродствующим. К церкви приписаны две часовни. Первая над могилой матери блаженного — преподобной Иулиании, в ограде церкви, и вторая, поставленная на прежней Дослани улице, на месте, где стоял дом родителей преп. Варлаама Хутынского. В ее иконостасе вделана древняя плита с Распятием и предстоящими Херувимами и поясным изображением молящегося преп. Варлаама, извлеченная из колодца, рядом находящегося и по преданию выкопанного родителями преп. Варлаама, Михаилом и Анной.

Зверин монастырь

По преданию здесь некогда был княжий зверинец. Когда был основан монастырь — неизвестно, но в 1148 году он уже горел. Соборная церковь Покрова Божией Матери в 1335 году, расширена в начале XX века, при последней перестройке под алтарь попало несколько могил, в том числе могила писателя И.М. Муравьева-Апостола, отца трех декабристов. Другая монастырская церковь Симеона-Богоприимца построена в 1467 году по обету во время свирепствовавшего тогда в Новгороде мора. В ней находится чудотворная икона св. Симеона-Богоприимца[1].

Духов монастырь

На берегу речки Гнезни существует с XII века соборный храм, построен в 1877 году, в нем находятся очень древние иконы: Сошествие Святаго Духа на апостолов и образ Николая Чудотворца. Троицкая церковь сооружена в 1557 г.

Десятинный монастырь

Он был основан в XIII веке дочерью Мстислава Храброго, матерью Александра Невского, княгинею Феодосиею Мсти-

[1] В другой тетради отца Павла эта фраза имеет продолжение: «по преданию писанная св. евангелистом Лукой».

славною, на том месте, где в 1169 году новгородцы поразили суздальцев. В подцерковии соборного храма находится могила Парасковьи Лупаловой (Параши Сибирячки).

В двух километрах от Новгорода на берегу реки Волхова расположен Деревяницкий монастырь, основанный в 1335 году святителем Моисеем. В обители бережно хранилась копия с чудотворной иконы Коневской Божией Матери.

Помяни, Господи, последнюю настоятельницу Деревяницкой обители игумению Нину, инокиню Анну (Пешкина), регентшу и певчих инокинь Дарью, Евдокию (Тюдлина), Варвару, Татьяну. Последнего священника звали Феодор.

<ВАЛААМ. 1981 г.>

15–28 июля 1981 года я имел возможность посетить святый остров Валаам, расположенный на Ладожском озере, и побывал на монастырском кладбище и посетил следующие могилы.

1. Схимонах Агапий, умер 7 апреля 1905 года на 67 году от роду, прожив в монастыре 46 лет. Благодушно терпев слепоту 23 года, принявший от Бога дар непрестанной молитвы.

2. Монах Анфим. Смиренный инок и ревностный послушник, скончался 4 июля 1891 года на 67 году от роду.

3. Архимандрит Иов, настоятель Верхотурского Николаевского монастыря, скончался 21 августа 1913 года, 77 лет от рождения, жил на Валааме до настоятельства 27 лет и на покое 13 лет, настоятелем был 7 лет. Образец монашеской простоты и незлобия. Не забудьте меня, братие, егда молитесь.

4. Наместник иеромонах Виктор; скончался 12 апреля 1878 года, на 71 году от роду.

5. Монах Сергий, скончался 1810 года 12 августа на 75 году.

6. Иеромонах Вениамин, скончался 4 июля 1902 года на 65 году.

7. Схимонах Петр, скончался 20 октября, 1877 года.

8. Схимонах Павел, скончался 23 августа, 1884 года, 70 лет.

9. Монах Илиодор, скончался 20 апреля 1895 года.

10. Монах Иерон, родился 1 ноября 1851 года, скончался 25 декабря 1894 г.

11. Схимонах Игорь, ревностный подвижник и усердный молитвенник, скончался 31 марта 1893 года на 85 году.

12. Схимонах Иоанн, пустынножитель и молчальник, с 1835 года жил на Валааме, 28 лет на острове Иоанна Предтечи, скончался 7 августа 1894 года.

13. Иеромонах Галактион, скончался 3 окрября 1877 года на 69 году.

14. Казначей иеромонах Иларий, скончался 20 марта 1884 года на 58 году.

15. Духовник иеромонах Иоасаф, скончался 11 июля 1905 года на 77 году, жил в обители 47 лет.

16. Иеромонах Василий, в монашестве Варсонофий, старец и духовник многочисленных учеников, скончался 24 октября 1910 года на 67 году, жил в монастыре 40 лет.

17. Иеромонах Дионисий, скончался 13 октября, 66 лет.

18. Послушник Емелиан Матвеевич Ковалкин, скончался 13 октября 1888 года, 68 лет.

19. Схимонах Евфимий, скончался 6 апреля 1936 года.

20. Духовник, иеромонах Кириак, скончался 24 мая 1921 года на 78 году.

21. Настоятель, игумен Иоанафан, скончался 22 января 1830 года на 68 году.

22. Иеромонах Андроник, скончался 13 февраля 1897 года на 68 году.

23. Схиигумен Маврикий, скончался 19 февраля 1918 года, управлял монастырем 10 лет.

24. Схимонах Автоном, скончался 15 января 1913 года на 84 году, в обители был искусный механик.

25. Монах Донат, скончался 10 марта 1919 года на 47 году.

26. Иеромонах Илиодор, умер 30 января 1918 года.

27. Монах Софроний, умер 8 сентября 1909 г. на 38 году от роду.

28. Схимонах Сосипатр, умер 17 января 1914 года на 75 году от роду. Жил в лесу 31 год.

29. Схимонах Исаакий, умер 7 января 1912 года 80 лет.
30. Иеродиакон Пармений, умер 21 февраля 1916 года на 36 году, жил в обители 19 лет.
31. Монах Иаков, умер 21 июля 1888 года.
32. Монах Сосипатр Серапион, умер 21 августа 1917 г.
33. Монах Автоном, умер 23 января 1882 года.
34. Послушник Григорий Лепёшкин, скончался 1 февраля 1905 г.
35. Монах Нафанаил, скончался 22 марта 1909 года.
36. Монах Антипа, умер 22 июля 1917 года.
37. Иеромонах Никанор, умер 4 июля 1907 года.
38. Монах Авенир, умер 3 марта 1915 года, столяр.
39. Иеросхимонах Евфимий, скончался 1 октября 1829 года.
40. Монах Софроний, скончался 9 февраля 1907 года.
41. Иеромонах Василий.
42. Монах Ананий, умер 17 ноября 1893 года 58 лет.
43. Инок Феоктист, умер 20 января 1901 года.
44. Раб Божий Никита, умер 21 апреля 1909 года.
45. Схимонах Михаил, умер 25 марта 1910 года.
46. Монах Серафим; умер 6 сентября 1909 года.
47. Монах Гурий, скончался 13 декабря 1910 года.
48. Монах Феофан, умер 7 февраля 1911 года.
49. Иеромонах Алипий, скончался 12 августа 1901 года.
50. Монах Ювеналий, скончался 8 ноября 1901 года
51. Схимонах Виссарион, скончался 1 апреля 1917 года.
52. Монах Макарий, скончался 1 февраля 1893 года.

Это все то смог я записать с уцелевших на могильных плитах, на старом монастырском кладбище.

На восток от монастыря, примерно в полутора километрах, находится так называемое «Игуменское», или «Новое кладбище», с церковью во имя Всех Святых, и за алтарем этого храма сохранились четыре могилы бывших игуменов Валаамского монастыря, а именно:

1. Раб Божий игумен Пафнутий, настоятель Валаамского монастыря, скончался 31 мая 1907 года на 61 году от роду, прожил в монастыре 37 лет. «Якоже во Адаме вси умирают,

такожде во Христе вси оживут» (Коринфянам, 15-22)[1]. «Не забудьте мене, братие, егда молитеся» (Труды своей братии).

2. Раб Божий игумен Дамаскин, Валаамского монастыря настоятель, скончался 23 января 1881 года, на 86 году от рождения. «Не отыдет память его от имя его в Роды родов». Сирах, 39-12[2].

«Молю же вы, братие, стойте в вере, мужайтеся, утверждайтеся» (к Коринфянам, 16-13)[3].

«И ослабев умре в старости добрей» (Бытия – 25, 8).

3. Игумен Виталий, настоятель Валаамского монастыря, скончался 3 марта 1905 года, на 64-м году от роду, прожив в монастыре 37 лет.

4. Раб Божий игумен Павлин, управлял обителью с 10 мая 1918 года по 27 марта 1933 года, на покое схиархимандрит Павел, скончался 5 ноября 1935 года.

Кладбище, судя по ограде, очень большое, но монашеских могилок я ни одной не нашел, вся территория заросла крапивой и другими сорняками. Все рушится и пустеет. Сохранился большой гранитный крест, поставленный игуменом Дамаскиным, в память игумена Назария.

Возобновитель и благоукраситель Валаамского монастыря митрополит Гавриил (Петров) скончался 26 января 1801 года в городе Новгороде, а родился в Москве 18 мая 1730 года.

Валаамский игумен Назарий, умер в Сарове 23 февраля 1809 года, 74 лет.

Помяни, Господи, отца Клеопу, – жил и подвизался на Валааме, в скиту Всех Святых, где и почил с миром в 1816 году, он был в сане иеросхимонаха.

Спасо-Преображенскаго Валаамскаго монастыря иеросхимонах Антипа скончался 10 января 1882 года на 66 году от роду, был прозорливый, могилка его находится в скиту Всех

[1] 1 Кор. 15, 22: «Якоже бо о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут».

[2] Сир. 39, 12: «Не отидет память его, и имя его поживет в роды родов».

[3] 1 Кор. 16, 13: «Бодрствуйте, стойте в вере, мужайтеся, утверждайтеся»; 1 Кор. 16, 15: «Молю же вы, братие...».

Святых. При жизни был любитель безмолвия и молитвы, проявивый перед блаженною своею кончиною — дар прозорливости.

В ограде скита Всех Святых находится прекрасный, мраморный, круглой формы колодец, на котором славянским шрифтом выгравировано, что — «Сооружен и обделан усердием игумена Дамаскина в 1876 году, а глубина коего — 5 аршин».

14–27 июня 1981 года я приобрел туристическую путевку на прекрасный остров Валаам, на котором много столетий существовал Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. После обеда я отправился на пристань Озерная, от которой отходят теплоходы на Валаам.

Налюбовавшись красавицей одетой в гранит Невой и снующими по ней шикарными пароходами, каких я сроду и не видывал, и по объявлении посадки и по оформлении документов я занял удобную каюту с идеально чистой постелью, при вежливой обслуге я отправился паки посетить святой Валаам и поклониться могилкам там похороненных подвижников.

Погода была прекрасная, тихая, я думал, что всю ночь буду любоваться на дивное Нево-озеро, ан нет! Лег маленько полежать да и уснул, да и крепко. Слышу сквозь сон, что мотор затих. Перекрестился: открыл глаза, взглянул в окно, и гляжу — стоим у причала, на котором написано «Причал Валаам».

Вышел на берег, купил корней лекарственного растения «Калган», возвратился в каюту, выпил стакан лимонада и отправился на берег.

Сразу же на горе расположен Воскресенский скит, построенный при игумене Пафнутии, в 1906 году. Храм двухэтажный, что вверху находится — не вем, но над входом в нижний храм написано «Клуб». Обойдя кругом церкви, посмотрел на здания бывшие монашеские, а теперь превращенные в Турбазу, а что это обозначает, мне не сообразить.

Тут же на площади сохранился прекрасный мраморный колодец, круглой формы. К храму с дороги ведет широкая

гранитная лестница о 50-ти ступенях, разделенная на три площадки.

Осмотрев скит, я отправился далее, к центру острова, в бывший монастырь. По пути к монастырю, примерно в 2-х километрах, по левую сторону дороги стоит Гефсиманский скит. Церковь и все строения деревянные. Церковь обшита тесом и покрашена в желтый цвет. Кресты на храме все сломаны, за исключением одного — юго-восточного. Налево через дорогу стоит полуразрушенная часовня, превращенная в отхожее место.

Гефсиманский скит сооружен усердием игумена Маврикия.

Пройдя еще километров 5–6, во всем своем величии предстал моему взору бывший Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. На возвышении он не стоял, а парил над землей. Первым делом я осмотрел около бывшей пристани открытую часовню, где для богомольцев служились молебны. В часовне сохранился полированный черного мрамора иконостас — без икон. С берега озера я пошел по массивной гранитной лестнице. Я поднялся на площадь, на которой стоит часовня во имя Знамения Божией Матери, но в ней, окромя стен да иконостаса из черного гранита, ничего не сохранилось. Осмотрев часовню, я через центральные Святые ворота взошел на главную территорию монастыря.

Спасо-Преображенский собор в процессе реставрации находится в лесах. Я взошел в открытые ворота. Тут сидели двое рабочих, и, попросив у них разрешения, обошел вокруг собора, где повстречал возможно бригадира али какого-либо начальника, который мне любезно предложил осмотреть внутреннее здание собора. Господи! Милостивый батюшко, да что же это была за красота, которая в настоящее время поругана и осквернена. Пройдя в алтарь, положив земной поклон на том месте, где стоял святой престол, я приложился к запрестольному настенному изображению Преображения Иисуса Христа и осмотрел иконостас, в котором нет ни одной иконы. Настенная живопись частично сохранилась, но большинство облупилось. Пропев тропарь и кондак Преображению и по-

благодарив проводника, спаси его Господи, я вышел из собора. В нижний храм не пустили, потому что там находится склад. А склад есть склад, а потому я особо и не просился.

Из собора я отправился на так называемое «Старое кладбище», на котором не сохранилось ни одного креста, но каменные плиты частично есть. Частично некоторые я прочитал и списал на память.

1. Игумен Маврикий, помер 9 февраля 1918 года, управлял обителью 10 лет. Являя собою пример смирения, кротости, неустанного молитвенного подвига, многих трудов и сердечной отзывчивости.

2. Схимонах Агапий. Скончался 7 апреля 1905 года, на 67 году жизни. Жил в обители 46 лет, благодушно терпел слепоту. Память его 6 марта. Приявший от Бога дар непрестанной молитвы.

3. Иеромонах Иларион, помер 20 января 1918 года, 60 лет. Жил в обители 22 года.

4. Монах Макарий, помер 1 февраля 1893 года, 57 лет.

5. Схимонах Виссарион, умер 1 апреля 1917 года, 82 лет, жил в обители 22 года.

6. Игумен Иоанафан, помер 22 января 1830 года, на 67 году от роду.

7. Духовник, иеромонах Кириак: скончался 24 мая 1921 года на 78 году жизни, прожил в обители 30 лет.

8. Иеромонах Андроник, бывший управляющий Введенского Островского монастыря, помер 13 февраля 1897 года на 52-м году от роду.

Осмотрев кладбище и пропев краткую литию, я направился в бывший Никольский скит, расположенный примерно километрах в двух от обители на отдельном пустынном островке, который в настоящее время соединен с центральным островом — лавой.

Подойдя к храму, который был заперт, а на дверях трафарет, что здание охраняется Государством, и попросив разрешения, меня впустили в храм. Но что я увидал — голые стены, в алтаре груда разломанных киотов и другой церковной утвари. Перед пустым киотом, в котором когда-то помеща-

лось резное, дивной работы и очень древнее изображение Святителя и Чудотворца Николая, я пропел тропарь и кондак. Вышел из храма.

На этом же острове, на берегу залива, сохранился прекрасный гранитный крест, на котором выгравировано, что он сооружен усердием игумена Дамаскина. Взяв аки святыню валяющуюся сосновую ветку, побрел дальше на новое кладбище.

Новое кладбище от монастыря на восток расстоянием около полутора километров и находится в плохом, бесхозяйственном состоянии, а когда-то оно было жемчужиной Валаама. За алтарем храма сохранились могилы игуменов обители <...>.

На территории кладбища была каменная келья, в которой жил игумен Назарий, здесь же находилась небольшая деревянная часовня во имя Преподобного Сергия Радонежского, но теперь не сохранилось ни то, ни другое, даже места не найдешь, во как! Но как-то сохранился большой мраморный крест, сооруженный игуменом Дамаскиным в память игумена Назария. Кладбищенская церковь, построенная в 1876 году из кирпича валамского производства, на кирпичах штамп В.М. (Валаамский монастырь и год изготовления).

У входа в церковь вытесанные из гранита колонны. Пол в церкви из черной валаамской плитки и серого гранита. Иконостас и живопись утрачены.

В нескольких шагах от церкви воздвигнута арка, над которой возвышается колокольня. Под холмом у подпорной стенки мраморный колодец круглой формы с надписью, что «Сей колодец высечен при игумене Дамаскине и глубина его 5 аршин».

Был в бывшем монастырском саду, что под скалой на берегу озера, но нет там никакого порядка. Все заросло, все поломано, аух! Нет хозяйского глаза.

Когда-то в этом саду стояла деревянная часовня во имя Покрова Богоматери. На охранной доске была надпись, что «Часовня построена по указу Петра I в 1710–1715 годах в честь погибших воинов, охранявших Валаам и Приладожье». На месте этой реликвии я нашел груду углей, горелое железо от крыши и груду головешек. Вот так.

Спасо-Преображенский собор начал строиться в июне 1887 года, а к концу 1890 года собор стоял уже готовый. В 1892 году нижний этаж собора был освящен. Вышина собора с колокольней 33 сажени. На постройку собора пошло более 3,5 миллиона кирпичей собственного изготовления. В храме могло молиться 3500 человек. Внутренность собора была прекрасно расписана своими иноками под руководством монахов Алипия и Луки.

Всего в верхнем соборе было написано 72 картины и 130 изображений святых. Но, к сожалению, большая часть живописи безвозвратно погибла.

В библиотеке монастыря было более 15-ти тысяч книг, но что было — то быльем поросло.

Возле пристани, где приставали пароходы с богомольцами, сохранилась каменная часовня во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Внутри ее сохранился полированный киот, но без икон. Немного поодаль сохранилась еще часовенка, но в плачевном состоянии — ах! От этой часовни идет дорога в монастырь. На площадь, где расположена обитель, надо подняться по массивной гранитной 62-ступенной лестнице. Направо сохранилась часовня во имя иконы Знамения Богоматери, воздвигнутая в 1865 году. Тут же находится магазин, где продавались иконы, свечи и другие предметы религиозного назначения.

Теперь теплоход причаливает не в монастырской, а так называемой Никоновой бухте, на берегу которой в бывшем Воскресенском скиту расположилась так называемая Турбаза, масса палаток и дощатых домиков. Скитская церковь сохранилась снаружи прекрасно. Двухэтажная, построенная при игуменах Пафнутии и Гаврииле в 1906 году.

К храму ведет гранитная лестница о 50-ти ступенях. Сохранились три дома, здания все не оштукатуренные, кирпичные (примерно в километре).

Воскресенский скит обосновался так: сперва в 1846 году на его месте была построена часовня во имя святого апостола Андрея Первозванного. В 1901 году на средства богатого мужика Сибирякова приступили к строительству церкви. В

1906 году храм полностью был готов. Высота храма с крестом более 23 метров. На колокольне было 8 колоколов. Храм двухэтажный, верхний этаж освящается десятью окнами, а нижний — полуподвальный, двенадцатью полуокнами. На скитском дворе стоит каменный двухэтажный дом с мезонином. В нем помещались кельи, кухня, трапезная и другие хозяйственные службы, оприча[1] еще два каменных дома. Скит обнесен массивной каменной оградой. Вблизи скита был разведен фруктовый сад, а внизу у пристани, там, где раньше грудились голые камни, был разработан довольно большой участок под огород, но теперь все заросло бурьяном, нет монахов, некому обихаживать.

Пройдя по дороге к монастырю с километр, расположен бывший Гефсиманский скит. Церковь деревянная невелика, обшита тесом, почему-то не ободрали, и покрашена светлой охрой. На алтарной стене большой накладной крест покрашен белилом. В церкви Тамерлан прошел, все разбито.

От Гефсиманского скита я прошел влево к малой Никоновой бухте, на берегу которой стоит большой гранитный крест, сооруженный тщанием и усердием игумена Маврикия, умершего 19 февраля 1918 года.

От креста я пошел на так называемую гору Елеон. Поднявшись на 50-метровую высоту, можно увидать прекрасную, деревянную, большую часовню, аки храм во имя Вознесения Господня. Прежде здание было обшито тесом, а теперь все ободрано. Подумал, кому надо было сделать такое безобразие, и, свалив вину на сатану, пошел дальше.

По пути стоят бывшие Гефсиманские ворота, вернее, гранитные вереи от них, подальше мостик через канал, а за мостом стояла деревянная часовня во имя Тихвинской иконы Божией Матери, построенная в 1844 году, но теперь не существует.

Немного не доходя до монастыря есть отвертка влево во скит Всех Святых, как его теперь именуют «Белый». Пройдя

[1] Опричь — особо, отдельно.

километр, слева от дороги нависается скала, на ней высечена надпись: «Сделана сия дорога 1845 г». Еще несколько шагов, и стоит прекрасная кирпичная арка, воздвигнутая в начале моста, называемого «Владимирским». За дубовой аллеей, слева от дороги, красуется великолепная гигантская сосна-великан. Двухствольное дерево, высотой 30 метров, возраст ее 350 лет, но находится в хорошем состоянии. Диаметр ствола сосны 112 сантиметров.

Пройдя заросшее бурьяном поле, справа от дороги стоит большой гранитный крест. Пройдя дубовую аллею, стоит каменная часовня во имя Страданий Христовых. В настоящее время в убогом виде, вся избезображена. А в метрах 8–10 от нее, за железной оградкой и под скромным железным крестом, сохранилась могила иеросхимонаха Антипы. На территорию скита ведут главные восточные ворота с одной воротней, а другая тут же лежит на земле. Я хотел ее навесить, да где тут! Тут нужны силы не старческие.

Церковь двухэтажная, построена в 1850 году. Неподалеку от церкви вырыт колодец, облицованный серым тесанным гранитом с высеченной на нем надписью, что: «Сей колодец глубиной семь аршин высечен в скале в 1857 году при настоятеле игумене Дамаскине». Раньше, то есть при монахах, колодец имел крышу в виде часовенки с небольшой главкой и крестом, теперь утраченным. В колодце я насчитал плавающих в воде 9 штук чурбаньев и досок. Кто их накидал туда и зачем? Не знаю. Опять, возложив вину на сатану, я пошел обратно на теплоход.

Прости, дорогой дивный остров Валаам, Царство Небесное и вечный покой труженикам, которые тебя созидали, еще раз прости!

Архимандрит Павел.

* * *

1978 год, 6-го Октября, Пятница.

В 7 ч. утра встал, умылся, прочитал утренние молитвы, взял ведро, пошел на улицу вылить грязную воду. Проходя мимо церкви, заметил в окне храма с северной стороны вы-

пиленную решетку. Попросил Ольгу, чтобы отперла храм, и взойдя в него, обнаружил кражу четырех икон. А именно:

1. Казанскую Божию Мать,
2. Скорбящую Божию Мать,
3. Всех святых.
4. Святцы, сентябрь месяц.

Престолы и жертвенники не потревожены и ничего не набезображено. Пошел к старосте и к участковому милиционеру. Также сообщили в районный отдел уголовного розыска, оттуда прибыли работники, осмотрели, составили бумагу и сказали, что будем принимать соответствующие меры. Что будет, время покажет. Не жалко икон, потому что как я умру, служить некому будет, а то обидно, воруют люди молодые, прекрасно воспитанные и образованные. Имеют полную возможность работать где угодно, хоть в городе на производстве, хоть в любом колхозе. Везде жить можно прекрасно. Но почто воруют? На что иконы? Все равно не молятся. Не пойму, не моего ума дело... Вот так.

Игумен Павел, 7 октября 1978 года, село Верхне-Никульское.

12-го марта 1979 года. Понедельник, ездил в город Рыбинск навестить старушку, жительницу нашего села Арлапову Парасковью Тимофеевну, 91 год. Она сроду не была в замужестве — «девка нерядиха». Вся ее жизнь прошла, работа да забота, а характер-то — огонек: Хочу спастися, но до меня не дотронися! Вот так и жила наша Паша. Пока была в силе, всё было прекрасно, где день, где неделю приют находила у всех.

Но вот пришла глубокая старость, стало самой себя не обслужить, а кто будет возиться со старухой? Да притом же с брюзгой. Здесь у нас в селе большинство в преклонном возрасте, всем самим до себя, а старость не радость, захирела наша Паша. Вот тут и оказала неоцененную услугу председатель Веретейского Сельского Совета, Нина Николаевна, а фамилию не знаю. Отхлопотала Пашу в Дом престарелых. Дала человека, который доставил ее до места в Гаютино. Ус-

троили все по-хорошему, да сохрани Ты, Господи, Нину Николаевну за её́нную заботу! Живет Паша, пишет, что хорошо. Всем довольна, но соскучала. Вот и собрались две ее приятельницы навестить ее в Гаютине. Наварили, напекли, сели-поехали, до Пошехонья доехали, там ночевали. Пошехонья не видали, в Гаютино не попали, вишь ты, дороги нет! А может, толку? Ладно, хоть сами-то домой вернулись. Бойки-то дома, за мужневой спиной. Но вот получили известие, что Дом престарелых переведен из Гаютина в город Рыбинск. Вот и надумали мы навестить нашу Пашу. Сказано, сделано! Саша, Паша да я третий поехали, а почто? Приехали в Рыбну рано, около семи часов утра, а куды пойдешь? В такую-то рань. Пообогрелись и пришли в Дом-интернат на улице Н.Папушевская в 10 часов. Это колоссальное, прекрасное трех-, а пожалуй, и четырехэтажное здание. Масса свету, идеальная чистота, вежливое обращение. Дежурная нам все рассказала, на каком этаже, в какой комнате. Предложили нам раздеться в особой комнате, что мы и выполнили. Дали белоснежные халаты, показали комнату, и вот наша Паша.

* * *

Воскресенский Горицкий женский монастырь основан в 1544 году иждивением удельного князя Андрея Старицкого и жены его Ефросиньи Васильевны, которая впоследствии была сослана сюда своим племянником Иоанном Грозным и постриженная в монашество с племянницею своею Иулиани́ею. Узницы-инокини по приказу грозного царя были утоплены в реке Шексне.

Сюда же была заключена четвертая жена Иоанна Грозного, в иночестве Дария. В начале девятнадцатого века Горицами управляла великая подвижница и молитвенница, схиигуменья Маврикия (Ходнева). Впоследствии обителью управляли игумении: Арсения, Филарета, Нила, Адриана — она управляла обителью с 1906 по 1910 год. Асинефа (Корчагина).

В 1816 году поступила в Горицы благочестивая вдова Александра Алексеевна Клементьева с тремя дочерями: Серафимой, 18 лет, Аполлинарией, 15 лет, и Раисой, 12 лет.

Все они приняли монашеский постриг. Александра с именем Агнии. Серафима с именем Аркадии. Аполлинария с именем Арсении, померла в звании игумении. И Раиса с именем Асинефы, — она жизнь провела в подвиге Христа ради юродства и померла 19 апреля, в Фомино Воскресенье, в 1896 году на 93 году жизни.

Царство ей Небесное и вечный покой.

Доны, Доны, Капитоны. Была в Горицах другая блаженная Асинефа «Меншуткина».

* * *

Нельзя служить Богу и маммоне.

* * *

Ты сегодня рвешься к Богу и к служению Ему,
завтра ищешь ты дорогу, что ведет в погибель, тьму.
Ты сегодня полн решенья сердце Господу отдать,
завтра ищешь развлеченья там, где чужда благодать.
Ты сегодня помолился и сказал греху: «Долой!»
Завтра снова устремился к жизни мира суетной.
То направо, то налево ты колеблешься в пути,
избегая Божья гнева, не спешишь к Нему прийти.
То Творца ты призываешь, то маммоне дань несешь,
то Бессмертному внимаешь, то к греха приманке льнешь.
Бог не любит колебаний и изменчивых сердец,
тот, кто тверд в пути исканий, тот получит лишь венец.
Перестань же колебаться и от правды уходить,
лучше Господа держаться и Его законом жить.

* * *

Остерегайся осудить кого-либо — прощай всем.

Никакое доброе дело не обходится без препятствий и скорбей.

* * *

Читай книги не торопясь, последствия невнимательного чтения бывают малоплодны. Когда читающий не давал рабо-

ты уму — прочитал скоро, то скоро и забыл. Таков естественный порядок: что легко приобретается, то легко теряется. Кто мало потрудился, тот мало и приобрел.

* * *

8 апреля 1971 года в час ночи был мороз 5 градусов, а снегу навалило — сугробы. Бедные грачи, голодные и холодные.

* * *

На Севере дальнем,
средь Белого моря,
в пустынной холодной стране,
в снегах и во льду,
где в былые годины
лишь скалы торчали одне,
создали обитель отшельники мира —
дал добрую почву их труд,
и стал монастырь родником Православья,
и ныне в нем память их чтут!

Родителей преп. Зосимы Соловецкого звали Гавриил и Мария.

* * *

Песенка Лизы Груздевой
Жили мы в подвале,
Пили Кали-Мали,
Часто голодали,
Ничего не знали.

* * *

На траве роса — веселей звенит коса.

Дружная семья и землю превратит в золото.

Смерть — это могучий властелин, который не возвращает своих жертв.

Сердце ли бьется, ноет ли грудь,
пей, пока пьется, все позабудь.

У Аграфены и Ирины растут герань и георгины!

Загадка: Мертвый живых вытаскивает.
(Гребень — вшей из головы чешет.)

Живут жена с мужем, как змея с ужем.

* * *

Почему ныряют тюлени

Раздобыли тюлени поленья и решили варить пельмени. Разожгли большущий костер, притащили огромный котел, побросали в котел пельмени и уселись на льдине тюлени. Разгорелся костер хоть куда, закипела в котле вода, но когда закипела вода, то случилась на льдине беда: треснул лед от горящих поленьев — и бултых! — провалились поленья и пельмени. Вот с тех пор и ныряют тюлени.

* * *

Вот-так-да, вот-так-да,
мышка съела кота.
И не только кота —
крокодила и кита,
антилопу, носорога.
И, поев, сказала мышка:
— Увлекательная книжка.

* * *

В избе бедняка не вмещаются даже два заячьих уха.

* * *

Случилось так. Некоему мужу делали сложную операцию, врачи приложили все знание и старание, чтобы продлить дни его бытия на земле, но, к сожалению, безуспешно. Клиент врезал дубаря, то есть умер. Очнувшись в загробном мире и увидав человека со связкою ключей в руках, спросил его: «Доктор! Как операция, благополучно обошлась?» Услышал такой ответ: «Я не доктор, а апостол Петр». Вот так бывает.

* * *

Имей твердую веру в Бога и промысел Его.

Вера крайне необходима нам.
Она страданья утоляет,
и помощь нам дает во всем,
и души наши озаряет
своим живительным огнем.
Она возносит с мощной силой
молитвы наши к небесам,
прочь отгоняет мрак унылый,
во всем опорой служит нам.
В борьбе с жестокою судьбою,
в великий грозный страшный час
она десницею благою
от гибели спасает нас.
Дает нам твердость и терпенье
земной тяжелый крест нести
и разрушает все сомненья
на нашем жизненном пути.

* * *

Терпи укоризны, скорби, болезни, напраслины, клевету и прочее.

* * *

Не бойся тернии креста,
не говори: темна дорога.
Поверь, что крестный путь Христа —
награда высшая у Бога.
Сгибаясь низко под крестом,
не омрачай души сомненьем,
но горячо молись о том,
чтоб крест твой был тебе спасеньем.

* * *

Дед-старик в избушке бедной
Чинит невод старый свой.

На лежанке рядом внучек
Весь в бреду, лежит больной.
«Все ненастье да ненастье.
Скоро ль кончатся дожди?» —
Говорит ребенок деду.
«Скоро, друг, повремени!» —
«Скоро ль с удочкой, как прежде,
Будем мы сидеть в тени?
У пруда под тополями!» —
«Скоро, друг, повремени». —
«Да когда же вот и маму,
Говорил ты тоже, дед,
Скоро ль к нам отпустят с неба?
А ее все нет и нет».
И ребенок недовольный
Замолчал, а дед-старик
Над разорванною сетью
Головой седой поник.
И по старческим морщинам
Тихо катится слеза.
Горе деда разглядели
Внука зоркие глаза.
И звучит ребенка слабый
Голосок еще грустней:
«Не дождусь я, видно, мамы,
Не дождусь я ясных дней!»

Самарянка

Под тенью навеса, под деревом гладким
Сидел у колодца Христос,
Пришла самарянка обычным порядком,
Наполнила свой водонос.
Христос попросил поделиться водою,
Она же сказала в ответ:
«Ведь я самарянка, а с нашей средою

Общения, кажется, нет».
Христос ей заметил: «Ах, если б ты знала,
Кто воду живую дарит,
Того бы искала, Того бы просила,
Кто ныне с тобой говорит!»
«Колодезь глубокий. Как воду живую
Ты можешь достать из него?
Отец наш Иаков дал воду простую
Неужели Ты больше его?»
Христос ей сказал: «Позови сюда мужа».
Ответила: «Нет у меня!» —
«Ты правду сказала, ты пять их имела
И этот не муж у тебя». —
«Я вижу Пророк ты. Скажи, где молиться?
На этой горе Гаразин?
Где Богу молиться, Ему поклониться,
Пришедшим в Иерусалим?» —
«Не здесь и не там, а везде и повсюду
Где сердце любовью горит
Иди же, неси благовестие людям,
Мессия с тобой говорит».
Тогда самарянка бегом побежала,
Забыла про свой водонос,
В селенье вбежала и всем рассказала:
«Идите, явился Христос.
Он там у колодца сидит, отдыхает,—
С любовью твердила она, —
Послушайте только, как Он рассуждает,
Каки дорогие слова.
Он все мне сказал, что я сделала тайно,
Идите, Он скажет и вам».
И шли самаряне великой толпою
И верили Божьим словам.
С тех пор самарянка ту воду живую
Пила и поила других.
За воду живую она пострадала
Причислена к лику святых!

* * *

На всех солнце светит, на меня уж нет,
я лежу во гробе и не вижу свет.
Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный,
помилуй нас.
Крышка уж не давит, не теснит доска,
скорби все умолкли, отошла тоска.
Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный,
помилуй нас.
Уснул я навеки непробудным сном,
сердце уж не бьется и не слышу звон.
Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный,
помилуй нас.
Вырыта могила в лютой тишине,
не плачьте, родные, ох, как тяжко мне.
Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный,
помилуй нас.
Не ходи, прохожий, не топчи мой прах,
я теперь уж дома — ты еще в гостях.
Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный,
помилуй нас.
Спи ты, наш родимый, спи ты крепким сном,
ты к нам не вернешься, мы к тебе придем.
Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный,
помилуй нас.

Пойду с горя в монастырь

Уродилася я, как былинка в поле,
Моя молодость прошла во чужой неволе.
Лет семнадцати я по людям ходила,
Где качала я детей, где коров доила.
Подоивши я коров, в хоровод ходила,
В хороводе я была девушка красива.
Хоть красива, да бедна, плохо я одета,
Никто замуж не берет девушку за это.
Пойду с горя в монастырь, Богу помолюся,
Пред иконою святой я слезой зальюся.

Не пошлет ли мне Господь той доли счастливой,
Не полюбит ли меня молодец красивый.
Есть у птицы гнездо, есть у птицы дети,
У меня нет никого, никого на свете.

* * *

Как хорошо в Твоем храме, Владычице,
Как сладко душе и светло,
Свободно, спокойно в нем каждому дышится,
На сердце легко и тепло.
Словно Сама Ты, о Матерь всепетая (воспетая),
Сама Ты здесь с нами стоишь.
Любовию матерней к людям согретая,
На всех с состраданьем глядишь.
И лик Твой Божественный, славой сияющий,
Безмолвно вещает сердцам:
«Приидите, молитеся Мне, вам внемлюще,
Всем вам отраду подам.
Молитесь — убогие, бедные, сирые,
Ведь Я для вас Мать и Покров,
Молитесь и вы, сего мира счастливые,
Познайте в нем счастье, любовь.
Молитесь и вы, грехом отягченные,
Давно Я молитв ваших жду.
И, покаянья слезой орошенные,
Услышу Я их и прощу.
Молися и ты, старчество дряхлое,
Молись и ты, юности цвет,
Молитесь и вы, малолеточки милые,
Я вас всех покрою от бед».
О милосердная Мати Пречистая,
Безмерна Твоя к нам любовь,
Ты нам Заступнице в скорбех пребыстрая,
Ты наша Мать и Покров.

Тетрадь 3

* * *

Снова греет солнце, только не меня.
Я лежу в могиле и не вижу дня.
Я лежу спокойно, вне людских тревог,
вкруг меня все тихо, надо мною Бог.
И не давит крышка, не теснит доска,
замерли страданья, улеглась тоска.
Всё былое стихло, пылью разнеслось,
жду трубы призывной и Тебя, Христос.

* * *

О путешественник земной, проснись от сна:
твоя сума грехов, одних грехов полна.
Ты погружен, как в сон глубокий, в нераденье!
Престань напрасно жизнь, бесценный дар, мотать!
Не то придет к тебе внезапно смерть, как тать!
А в вечности вратах ужасно пробужденье.

* * *

Путь за Христом
Блажен, кто кротко, молчаливо
идет за Господом Христом
и крест несет свой терпеливо

на жизненном пути своем,
с надеждой, что сей путь прискорбный
он с Божьей помощью пройдет
и в жизни будущей, загробной,
блаженство вечное найдет.
Горе будет тебе, нерадивый монах,
что так жил на земле, позабыл Божий страх
и обеты, что дал, не исполнил вполне,
а досуг посвящал ты житейской молве.
Не любил ты поста, о молитве небрег,
не носил ты креста, возлюбил паче грех.
Хоть теперь оглянись на пройденный ты путь
и в себя углубись. — Добродетельней будь.

* * *

Путь земной жизни

Один тот путь тернистый, узкий,
ведет который к небесам,
один тот крест земной тяжелый,
который нес Спаситель Сам.
Им шли апостолы святые,
и крест тяжелый свой несли,
один тот путь тернистый, узкий
и крест для странников земли.
В тяжелых муках испытанья,
святые мученики шли,
любя Спасителя всем сердцем,
свой крест безропотно несли.
Им шли пустынники святые,
в посте, молитве и слезах,
в борьбе с бесовским искушеньем,
страдая сердцем каждый час.
Им шли все воины Христовы,
невидимую брань вели,
томили плоть, боясь падений,
внутри тяжелый крест несли.
Никто не шел путем широким,

который вел в страну небес,
кто сердцем веруя глубоко,
что их Спаситель-Бог воскрес,
и после тяжких испытаний,
и после смерти на кресте,
вознесся в славе присносущей,
в своей пресветлой красоте.

* * *

Новоначальному иноку

Отдайся старцу до забвенья, забудь мирскую суету;
забудь былые треволненья, надежд обман и пустоту.
Ищи иного совершенства, душой смирись и будешь ты
святым участником блаженства неизреченной красоты.

* * *

В 1610 году, по договору, Россия уступила шведам всю Корельскую страну, в пределах которой находилась Коневская обитель. Тогда коневские старцы с царского дозволения, переселились в Новгородский Деревяницкий монастырь, туда перенесли они и чудотворную икону Коневскую Божией Матери, где находилась 189 лет. 3-го сентября 1799 года она была принесена в обитель Коневскую строителем Варфоломеем обратно и была помещена в нижнем храме во имя Сретения Господня у левого клироса, под художественным резным балдахином.

Игумен Филарет, строитель и возобновитель Глинской пустыни умер 31 марта 1841 года.

* * *

Размышление инока. Плачу и рыдаю

1. Где и как доживу и сколько проживу?
2. Какие будут старческие предсмертные болезни или, чего Боже сохрани, внезапная кончина?
3. Кто будет окружать при кончине, соборовать, читать отходную?

4. Что увижу при отшествии от мира сего? Каков будет исход? Чаша смертная какова будет?
5. Долго ли душа близь тела пребудет?
6. Во гробе, мантии ли похоронят, и где?
7. Кто будет отпевать, будут ли певчие?
8. Как Бог поможет миновать страшные мытарства?
9. Что потом будет? Кто будет поминать?

Игумен Павел: 5-го января н.с. 1970 г. 2 часа ночи.

<в другой тетради вариант шестой строчки:>
«В чем-то похоронят, где и кто выкопает могилку?».
<А в конце написано:>
«Кто меня помянет, того, Господи, помяни. Аминь».

* * *

Дорогой наш Ангел, крепко, крепко спишь,
плотью лишь для вида, а душой глядишь.
Мы пришли проститься, дорогая мать,
кто ж теперь нас будет грозно охранять?
Сироты остались, кто утешит нас?
Там, в селеньях райских, помолись о нас,
как ты здесь молилась, ночи не спала,
охраняя деток, Господа любя.
Кто напоит чаем? Кто утешит нас?
Дорогой наш Ангел, духом будь при нас.
Горько расставаться нам теперь с тобой,
помоги бороться с грустью и тоской.
Так прости, родная, нерадивых нас.
Где ж ты, радость наша? Унеслась от нас.
И уста златые прекратили речь.
Помоги, родная, душу уберечь.

* * *

Всем надо трудиться, без этого нельзя; в поте лица твоего снеси хлеб твой.

Где нет послушания — Бога нет, и Ангела хранителя нет; а где послушание — тут Бог, тут Ангел.

Хоть и побранят — Господь Бог велел терпеть. Самого Христа Сына Божия били, плевали на Него, а Он не отвратил лица Своего от заплевания.

Уж нет этого хуже в церквах, как раздор, противоречие, презрение других.

Любовь воина к Родине доказывает война, а любовь монаха к Богу обнаруживает время молитвы и предстояния на оной.

Начало плодоносия — цвет, а начало трезвения ума — воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие.

Страшен грех — зависть, бойся ее как огня, так как, раз закравшись в твою душу, она сожжет, иссушит тебя как огонь.

* * *

Дождик, дождик, поливай, больше будет хлеба.
Испечем мы каравай, каравай до неба.
Весь его мы не съедим — всем попробовать дадим.

Прокричал быку цыпленок: ты не бойся, я не трону.
Я дружить с тобой хочу. Кукарекать научу.

Ветер с дуба листья рвет, дням осенним счет ведет.
На ветвях один листочек, до зимы один денечек.

Загадки

Угли пылают — совком не достать, ночью их видно, а днем не видать. (Звезды.)

Из-под крыши крыша под дождик вышла. (Зонт.)

Я вдыхаю много пыли, чтобы вы здоровы были. (Пылесос.)

И в море не купаются, и нет у них щетинки, но все же называются они (морские свинки).

Сидит шутка в семи шубках; кто ее тронет — сам заплачет. (Лук.)

Не воин, а со шпорами, не сторожем стоит, а всех рано будит. (Петух.)

Огородник Федот с длинным носом живет, как поклонится, так дождик пойдет. (Лейка.)

Скручена, связана, на кол посажена, по двору пляшет. (Метла.)

Сидит дед Пахом на коне верхом, книги читает, а грамоты не знает. (Очки.)

Черный Иванушка, деревянная рубашка, где носом проведет, там заметку кладет. (Карандаш.)

Не колода и не пень, а лежит целый день, не жнет и не косит, а обедать просит. (Лентяй.)

Носить легко, а считать трудно. (Волосы.)

Что с земли легко поднимешь, а далеко не закинешь. (Пух.)

* * *

Двадцать второго сентября 1915 г. в третьем часу дня, умерла «блаженная Паша Саровская».

Помяни, Господи, отца Ксенофонта (последний Верхотурский архимандрит).

Помяни, Господи, игумению Евсевию в схиме Елизавету. Была настоятельницей <в>Троице-Пятницком монастыре, Весьегонского уезда.

* * *

Скороговорка

Ехал Грека через реку, видел грека в реке рака,
сунул Грека в реку руку, рак за руку Греку цап.

Стоит копна с подкрикопенком.

Пришел к нам шит-пит, принес нам шиту-питу-узду и повесил на шит-пит-крюк, и сказал: ты виси, шита-пита-узда, на моем ли на шите-пите-крюке.

Перекину я плетушку через три пусты избушки.

* * *

О! Лютое горе! Житейское море — волнуется.
В мятежном сем веке кипят в человеке — вздымаются
страсти плотские, раздоры людския, как волны морския —
разливаются.
Волна та — мирская, собой увлекая, — порывается
струи свои сильные в обители мирные — влить,
монахов смиренных с путей проторенных — сбить.
Шумит и мятется, за миром плетется туда же монах
в мирской суете, забыв о кресте и Божий страх.
Все те же работы, труды и заботы о счастье земном,
к славе стремленье, к миру влеченье, к покою во всем.
Одеться красиво, пройтися спесиво, — себя показать,
к веселью стремимся, грехов не боимся,
на духу все таимся их рассказать.
А мысль о стремленьи в небесны селенья
для нас — один смех.
Как будто нам вечно здесь жить бесконечно
в сластях и беспечно. — Но нет...

* * *

Стих Югских иноков

О, Небесная Царице, Матерь Бога моего,
Твоя коснулася десница места чудного сего.
Благодать Твоя слилася вместе с Югою-рекой,
О Юге слава пронеслася повсюду с верою святой.
Все страны и земли узнали место, избранное Тобой.
Люди с верой притекали под чудотворный образ Твой
и исцеленья получали от недугов и скорбей,
слепцы с верой прозревали от иконы чудной сей.
О, Небесная Царице, Сама Ты место избрала,
Знать, молитва святого старца здесь услышана была.
Его горячие молитвы и проникли небеса,
здесь в глухой, лесной пустыни всем явились чудеса.
О, Владыко Вседержитель, что я вижу пред собой?
Вижу чудную обитель, златоглавый храм святой,
вижу чудное блистанье здесь от множества крестов,

лучезарное сиянье сей обители и кров.
О, священная обитель, как прекрасна ты собой.
Поведай, кто твой Покровитель, Покровитель неземной.
В сию обитель во святую, многогрешный я вхожу,
свою сердечную молитву Тебе, Царице, приношу.
Ты приими в сию обитель многогрешного меня,
помоги мне, трудный подвиг дай мне свято исполнять.
Да не коснется ко мне враг, да будет Божья благодать.

Помяни, Господи, игумена Иеронима, иеромонахов Савву, Анатолия, Леонтия, Феофана, монаха Мефодия, Анастасия, послушника Иоанна.

* * *

27 марта ст. ст. 1974 года. Вторник. На улице, как середозим, навалило снегу и морозит. Бедные, бедные грачи сидят, съежились, даже и не орут. Сварил два ведра картошки, моментально склевали, чем-то надо еще кормить? Аух.

17–30 октября 1975 год. Четверг. В ночь навалило снегу до бела и во весь день не растаял. К вечеру мороз, стирал белье, настирал две плетушки.

Услужливый дурак хуже ворога.

* * *

Последние насельники Югской Дорофеевой пустыни:
архимандрит Иероним.
иеромонах Савва.
иеромонах Анатолий. Похоронен в Балабанове.
иеромонах Феофан, был гостиник. † в Диевом Городище.
иеромонах Леонтий, похоронен в селе Воскресенском.
иеромонах Афанасий.
иеромонах Арсений.
монах Мефодий. Иконник.
монах Иларий. Безбородый.
монах Анастасий.
послушник Иоанн. Слепой. Похоронен в г. Тутаеве.

При них монастырь закрыт. Царство им Небесное.

Стихотворение Толгских иноков[1]

Все со временем проходит:
горе, счастье пролетит...
К разрушенью все стремится —
кто сей доли избежит?
Кедр высокий с облаками
наравне вчера стоял;
ныне ж вниз лежит ветвями,
бурный ветр его сломал.
Так, увы, и нас подломит,
может быть, внезапно, смерть,
в глубине земли схоронят
наше тело, нашу персть.
и цветочек тот прекрасный
рощу кедров украшал:
ветер дунул вдруг ненастный,
И цветочек тот завял.
Так, друзья, и мы завянем,
скоро век наш пробежит,
расцветать мы перестанем,
когда дух наш улетит.
Здесь гуляя, гость любезный,
между кедров и цветов,
помни рок свой неизбежный —
берегися от грехов!
И почаще ты молися
пред иконою святой[2],
благо делать не ленися
и обрящешь ты покой.
Ждет тебя страна иная,
счастье вечно там живет.
Там, на Небе, благо рая
твое сердце обретет!

[1] Одна из любимых песен отца Павла, которую он часто пел.
[2] Вариант с аудиокассеты: «Здесь, в обители святой».

* * *

1932 года, 25 января, молился в Новгородском Сковородском монастыре. Литургию служил епископ Сергий, что жил в Юрьеве и два иеромонаха сковородские, Моисей да Макарий. Святые мощи святителя Моисея были на открытье, а я, дурак, глянул, что никого нет у раки, и пошел приложиться. А как оглянулся назад, а взади-то меня стоит епископ Сергий. Монахи меня стали торопить — уходи-де, а владыка им запретил, дал мне приложиться ко святым мощам. Помяни его, Господи.

* * *

Празднование иконе Коневской Божией Матери совершается 10 июля, а 3-го сентября празднуется перенесение иконы из Деревяниц в Коневский монастырь 1799 года при игумене Варфоломее.

До октября месяца 1931 г. в Деревяницком монастыре совершалось Богослужение. Священника звали Феодор и насельницы инокини Анна (Пешкина), Евдокия (Тюлина), Дария, Татиана и Варвара. Это были последние насельники Новгородского Деревяницкаго монастыря. Икона Божией Матери была взята в городской музей.

* * *

На краю деревни старая избушка,
там перед иконой молится старушка.
Молится старушка, сына поминает,
сын в краю далеком родину спасает.
Молится старушка, утирает слезы,
а в глазах усталых расцветают грезы.
Видит она поле — это поле боя,
сына видит в поле, падшего героя.
На груди широкой запеклася рана,
сжали руки знамя вражеского стана.
И от счастья с горем вся она застыла,
голову седую на руки склонила.
И закрыли брови редкие сединки,
а из глаз как бисер капают слезинки.

* * *

Вопрос. Для чего человеку служит нос?

Ответ. У мужчин — отличать воду от водки. У женщин — совать его куда не следует.

Вопрос. Для чего у человека служат руки?

Ответ. Для того чтобы совать их в свой и чужие карманы.

Ноги имеют связь с горлом, а почему?

Ответ. Горло промочишь — ноги не работают, а ноги промочишь — горло хрипит.

Вот такие дела. Да.

* * *

Святая чудотворная икона Тихвинской Божией Матери принесена из города Ярославля в Мологский Афанасиевский монастырь в 1377 году, в коем и находилась до 3–16 января 1930 г. В этот день была последняя служба в храме и после окончания Литургии, верующих всех вытолкали из храма и все приломали и прикололи, а икону Богоматери и несколько других увезли в г. Мологу в музей, а впоследствии из музея органы вышестоящие ее изъяли, а куды девали? Аух, а жаль.

Все разрушается скорее, чем созидается.

* * *

На колокольне Афанасиевского женского монастыря было 11 колоколов. 1. Большой, весом 390 пудов 25 фунтов, висел в центре колокольни. 2. Полиелей, 133 пуда, висел в центре западного пролета. 3. Буднишний, 100 пудов, висел в южном пролете и 8 зазвонных. Последний раз был звон 3/16 января 1930 года. К Литургии в час дня все колокола поскидали и перебили. Аух.

* * *

Надпись на могильном памятнике у блаженной Р.Б. Пелагии, в Серафимо-Дивеевском монастыре.

1. Пелагия Ивановна Серебренникова, урожденная Сурина, по благословению старца Божия, иеромонаха Серафима, за святое послушание оставила все счастие земной жизни,

мужа и детей, приняв на себя подвиг юродства, и приняла гонения, заушения, избиения и цепи, Христа Господа ради. Родилась в 1809 году, жила в монастыре 47 лет и 30 января 1884 года отошла к Господу 74 лет от роду.

2. Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря Серафимов Серафим Блаженная Пелагия, взяв крест свой ради Бога на земле жила, она вся в Боге и на небе живет вечно с Богом.

3. Блаженни есте, егда поносят вас и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще имене Моего ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небеси. Все здесь претерпевшая и все превозмогшая силою любви твоей к Богу, любви Его ради потерпи нашу немощь духовную и крестом подвига твоего заступи нас.

4. Блаженни изгнани правды ради яко ваше есть Царствие Небесное. На тернистом пути подвига твоего наставляла ты много к тебе прибегающим. Не забуди и там в блаженстве вечной Божией славы обитель тобою избранную.

Первоначальная надпись на деревянном намогильном кресте на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

«Митрополит Антоний волею Божиею скончался 2 ноября 1912 г. жития его было 67 лет. Упокой Господи душу раба Твоего».

Он помер в 4 часа 35 минут утра.

* * *

Смерть отца Захара

I

Полночь. Вьюга в поле воет и шумит,
в небольшом селенье все давно уж спит.
Улицы пустынны около домов,
целые сугробы наметает вновь.
Изредка, далёко заунывный вой
раздается дико в тишине ночной.
Псы, его заслышав, лай подымут вдруг
и опять замолкнут. Только снег вокруг.

Словно пыль несется, застилая свет,
заметая густо на дороге след.
Рано улеглося ныне спать село,
завтра день великий, праздник Рождество.

II

В стареньком домишке, что уж в землю врос
и стоял под кровом вековых берез,
по соседству с храмом, ветхим как и он,
слабый огонечек виден из окон.
Там горят лампады у святых икон,
и их тихим светом домик озарен.
Комнаты в нем малы, с низким потолком,
но во всем порядок, чистота кругом.
Целый ряд икон там, во святом угле,
на накрытом тут же небольшом столе
книга в переплете кожаном лежит,
рядом крест в оправе при огне блестит.
Свернут аккуратно близь эпитрахиль,
и на нем сверкает золотая пыль.
На стене картинок виден целый ряд,
чинно, по порядку все они стоят.
Всё архиереи. Вон из темноты
видны Филарета строгие черты,
Рядом Иннокентий, а за ним Платон
смотрит величаво, в думу погружен.
Тут же два монаха, вид монастыря,
да войны прошедшей два богатыря.
Старых два дивана, стол да стульев ряд,
скромно все прижавшись, по стенам стоят.
Зеркало в простенке, больше для красы,
чем для туалета, да в углу часы
тикают сердито вот уж сорок лет,
а им все покоя и замены нет.
А давно пора бы! Сам отец Захар,
их хозяин тоже очень, очень стар.
Ведь когда на место здесь он поступил,

то часы-то эти в первый год купил.
Старые — мы стары, маятник стучит.
Верно, верно, верно, — во ответ урчит,
на лежанке лежа, толстый серый кот,
что годам своим он потерял и счет.

III

В тесной боковушке, освещенной чуть
светом от лампады, положа на грудь
высохшие руки, старичок лежал,
на кроватке бедной ночи он не спал.
Он и прежде мало сладких снов знавал,
а теперь к тому же сильно захворал.
Вот уж две недели с постели не встает:
видно, дело к смерти уж теперь идет.
Он и не горюет, он свое отжил,
а вот горе — завтра он бы отслужил
Божью литургию, хоть в последний раз,
да нет силы... И из впалых глаз
покатились слезы... Завтра Рождество,
день святой, великий, людям торжество.
Завтра в храмах будут праздник все встречать,
Деву и Младенца в песнях величать.
Он же одинокий, старый и больной,
должен здесь валяться в праздник годовой.
И его любимый небольшой приход
в день такой без службы будет в этот год.
И вздохнул глубоко старый иерей,
в думы погрузился о судьбе своей.
Вспомнил, как бывало праздник он встречал,
окружен друзьями, как счастлив бывал
он тогда, но это все давно прошло,
счастье улетело, будто не было.
Старый, позабытый, он один живет,
от родных далеко и один умрет.
Родственники! Сколько с ними было слез,
сколько горя, нужды он для них понес.

Как любил их сильно, всем им помогал,
а теперь под старость, знать, не нужен стал.
И желал бы сильно он их повидать
и, прощаясь с ними, многое сказать.
Умер бы в сознаньи, что родных рука —
не чужих — закроет очи старика.
Их к себе напрасно каждый день он ждет,
знать, и не дождется, скоро смерть придет.

IV

На дворе сильнее вьюга все шумит,
оторвавшись, ставня хлопает, скрипит,
злобно ветер воет в трубе и гудит.
И отцу Захару сон на ум нейдет,
смутная тревога вдруг запала в грудь,
в памяти пронесся долгой жизни путь.
Боже мой! Как скоро жизнь моя прошла,
и итог свой страшный смерть уж подвела.
Страшно оглянуться на всю жизнь, она
разных злых деяний и грехов полна.
Добрых дел не видно, а ведь он же знал,
что к Тому вернется, Кто его создал,
что за все отдаст он Господу ответ.
Где же оправданья? У него их нет.
Жил, не помышляя о своем конце,
часто забывая о своем Творце.
Вспомнил он, что в жизни суетной своей,
меньше он боялся Бога, чем людей.
Бог-то милосердный, все потерпит Он,
легче ведь нарушить Божий-то закон,
чем мирской. Ведь люди, как Господь, не ждут,
за проступок в здешней жизни воздадут.
И хоть суд людской-то больно тороплив,
да не так, как Божий, прост и справедлив.
Без суда, без следствий он всю жизнь прожил,
но зато пред Богом много нагрешил.
Из-за выгод людям часто угождал,

перед кем гордился, перед кем молчал.
Сильным поклонялся, как нужду имел,
грешников богатых обличать не смел,
хоть по долгу должен был сие творить.
Да ведь людям страшно правду говорить.
Обличи, попробуй, будешь без куска,
а семья, на грех-то, больно велика.
Пастырем примерным тут уж трудно быть,
ну, и потакаешь, чтоб на хлеб добыть.
Правда, он приходом век доволен был
и нелицемерно прихожан любил.
Лишнего за требы он не вымогал
и чем мог несчастным часто помогал.
Но в нужде, случалось, согрешал и он.
Раз кабатчик сельский, скряга Агафон,
на богатой вздумал сына обвенчать.
А тут надо было в город отправлять
сыновей в ученье, вот он и прижал
кулака и лишних пять целковых взял.
Да потом и сам-то деньгам был не рад:
приходил кабатчик в дом к нему сто крат,
торговались каждый день до слез.
Сколько тут упреков, сколько тут угроз
выслушать он должен был от кулака!
Лишняя надбавка стала не сладка.
К высшему начальству жалобой грозил,
а владыка строгий в это время был.
Страху-то какого натерпелся он,
да спасибо скоро сдался Агафон.
Он за все служенье, целых сорок лет,
как огня боялся ябед и клевет.
Слава Богу не был никогда судим,
и владыки были все довольны им.
Будет ли доволен им Владыка Тот,
к Коему с ответом скоро он пойдет?
От души глубоко иерей вздохнул
и на образ Спаса с верою взглянул.

Освещен лампадой, лик Христа сиял
и любовью кротко на него взирал.
«Боже мой великий! — старец прошептал,
и рукой дрожащей сам креститься стал. —
Согрешил я много, Боже, пред Тобой,
был не пастырь добрый, а наемник злой.
Раб был неключимый и за то Тобой
я сейчас наказан, Боже, Боже мой.
В день, когда Ты миру воссиял,
и звезду с востока в знамение послал,
в день, когда в восторге вся ликует тварь,
в день, когда родился Ты, мой Бог и Царь,
совершить служенье как желал бы я!
Но во всем лишь будет воля лишь Твоя».
Снова осенил он тут себя крестом,
и забылся... Буря выла за окном.

V

Вдруг пронесся гулко колокольный звон,
заглушая вьюги заунывный стон.
Встрепенувшись, слушать стал отец Захар:
мерно за ударом следовал удар.
Чудным переливом колокол звучал
и восторгом дивным душу наполнял.
Пел о чем-то чудном, пел про край иной,
там где нет печали, суеты земной.
Чудодейной силой влек к себе, манил,
про болезнь, про горе иерей забыл.
Очарован звоном и готов был он
поспешить тотчас же на чудесный звон.
«Где же это звонят? — думал иерей. —
Нет с подобным звоном здесь у нас церквей».
И пока с собою так он рассуждал,
с силою в окно вдруг кто-то постучал.
«Собирайся, отче, в церковь поскорей.
Слышишь звон? Приехал к нам архиерей».
И Захар в испуге тут метаться стал,

облачился в рясу, трость свою достал.
Вышел вон проворно. Вьюга улеглась,
теплота, не холод, в воздухе лилась.
В тишине безмолвной колокол гудел,
звездами весь яркими небосвод горел.
Месяц круторогий на краю небес
плавно опускался за соседний лес.
Яркими огнями храм его блистал.
«Кто же там владыку без меня встречал?
Как он мог приехать в столь нежданный час?
Много беспорядка он найдет у нас.
Две недели в храме сам я не бывал,
знать, должно, владыка как-нибудь узнал,
что я стар, не годен, не могу служить,
и меня от места хочет отрешить».
Так, идя ко храму, думал иерей.
«Ничего, не бойся, добр Архиерей, —
кто-то близ незримый старца утешал. —
Кто на Божьей ниве устали не знал,
был доволен малым, сроду не роптал,
кто трудом и горем был обременен,
тем места благие назначает Он».
Вот взошел, смущенный, в освещенный храм.
Где ж Преосвященный? Пусто было там,
тихо лишь горели свечи у икон,
фимиам дымился, и со всех сторон
как живые, лики строгие святых
на него глядели, много было их.
А из отворенных настежь Царских врат,
свет сиял чудесный, ослепляя взгляд.
И взойти в алтарь уж старец не посмел,
сердце страхом сжалось, ум оцепенел.
Кто там за престолом, светом весь облит,
с книгою разгнутой во руке стоит?
И слова горели в книге той огнем.
Иерей прочел их, сердце сразу в нем
радостно забилось, он теперь понял,

Кто такой Владыка перед ним стоял.
Это Он, Великий, Сам Архиерей,
Кто обремененных скорбию людей
и понесших в жизни тяжкий трудный гнет
на покой любовно всех к Себе зовет,
обещает бремя, благо и легко.
Страх, сомненье, скорби, — всё вдруг далеко
где-то остались; перед ним в виду
новый мир открылся... «Господи, иду!!!» —
радостно и громко иерей вскричал...
В комнате давно уж белый день настал,
солнышко сияет ярко сквозь окно,
но отцу Захару было все равно.
Он лежал спокойный, тих и недвижим,
для него мир этот был теперь чужим.

Приведи, Господи, и мне такожде. Игумен Павел. 1/14 марта 1980.

* * *

Ученики и сподвижники преподобного Паисия

1. Преп. Адриан, старец и пустынно-святожитель Грехозаруцкий. Память его почитается 26 августа и в субботу сырную.

2. Преп. Вассиан, он жил в обители 20 лет и перешел на пустынножительство в громадный Рябовский лес в 30 верстах от г. Углича, где в 1492 г. основал обитель во имя Святой Троицы, идеже преставися ко Господу 1509 года, 12 февраля.

3. Священно-инок, схимник Боголеп (Феопрепий). Он обрел на р. Волге чудную икону Покрова Пресвятой Богородицы, в обители исполнял послушание хлебопекаря. Память его совершается 22 августа.

В часовне внутри монастыря погребены братия сей обители, убиенные поляками. Имена их следующия: священно-архимандрит схимник Серапион. Священно-иноки: Диомид, Гурий, Герман, Дионисий, Феодосий, Гелласий, Герасим, Тихон и Тихон, схимники игумены: Иона и Варлаам; Игумен Лаврентий, священноиноки: Исаия, Серапион. Трифон и

Митрофан; Священноиноки схимники: Феодосий, Боголеп, Герасим, Иосиф и Иона; священноиноки — Афоний, Симеон, Корнилий, Феодосий, Феофилакт и Леонид. Иноки Лаврентий, Никон, Иона, Пахомий, Кирилл, Нифон, Ефрем и Даниил и иноки схимники Макарий и Филарет. Память их полагается в субботу сыропустную.

Помяни, Господи, исповеднически скончавшихся, блаженных страдальцев игумена Даниила Грехозаруцкого и с ним 30 иноков и игумена Антония Покровского и с ним более 40 иноков. Они пострадали в 1608 году 1 октября. Игумен Антоний Покровский с братией пострадали в мае месяце 1609 году. Игумен Антоний был «жития святаго, ума великаго и делами достойный подражатель преподобнаго Паисия». Яростные враги стремительно бросились на него, рассекли тело его надвое и с ним рассекли костяной крест, бывший в его руках, враги погубили и прочих 12 иноков бывших с ним и тела их бросили в Волгу, потом ворвались в монастырь, убили остальных монахов и более тысячи человек мирян. До сего дня сохранились имена убиенных иноков. Это игумен Антоний, архимандрит Герасим, священноиноки — Евфимий, Варсонофий; иноки Макарий, Матвей, Вассиан, Гурий, Иов, Иларион, Иов, Акакий, Онуфрий, Иосиф, Геронтий, Леонтий, Тихон, Филарет, Геласий, Иосиф, Вассиан, Христофор, Серапион, Герман, Маркел, Никита, Арсений, Феодосий, Иона, Иуда, Симеон, Михаил, Иоанн, Макарий, Мамонт, Григорий, Никифор, Иларион, Афанасий, Полиевкт и Косьма. С давних времен над их братской могилой была устроена часовня, в последний раз была капитально возобновлена архимандритом Евангелом Дилигенским в 1855–1864 годах и благолепно украшена архимандритом Антонием Павловским в 1864–1882 годах. Память убиенных игумена Антония и 40 духовных соратников его и более 1000 мирян установлено творить 14 мая и достойно почтить в субботу мясопустную.

Последний настоятель Покровского-Паисиева Угличского монастыря был архимандрит Власий, при нем монастырь прекратил свое существование.

* * *

<НОВГОРОД>

Блаженный Феодор юродивый жил на Торговой стороне, а Никола на Софийской, и они друг друга не допускали на свою сторону — середина Великого моста был рубеж их владений. Случилось однажды, что Феодор был приглашен в гости на Торговую сторону. Никола, узнав об этом, стал его прогонять. Феодор побежал, пред ним был Волхов, но это его не смутило, и он побежал по воде, как по суху. Никола последовал за ним и на середине реки бросил ему вдогонку кочан капусты, подобранный им во время преследования на огороде, отсюда и прозвище его «Никола Кочанов». Он помер 1392 году, на месте его погребения была выстроена Пантелеимоновская церковь, сожженная шведами в 1611 году и возобновленная <в> 1626 году, а затем в 1857 г. В этой церкви находились две древнейшие иконы блаженного Николы Кочанова. На одной он изображен в боярском одеянии, а на другой — юродствующим. К церкви относились две часовни. Первая над могилою матери юродивого — праведной Иулиании, в ограде церкви, и вторая на прежней Дослани улице, на месте, где жили родители преподобнаго Варлаама Хутынского, в коей несколько древних икон и деревянных изваяний, в ее иконостасе, древняя плита с Распятием, с предстоящими Херувимами и поясным изображением преп. Варлаама Хутынского, извлеченная из колодца, рядом находящегося и по преданию выкопанного родителями преп. Варлаама.

Блаженный Феодор погребен в часовне при церкви великомученика Георгия «в Торгу в кожевенном ряду». Церковь построена в 1131 году, в память взятия Юрьева Ливонского, но колокольня новая. Она построена в 1912 г. В церкви древние иконы, вел. Георгия и Успения Божией Матери. Блаженный Феодор похоронен в 1392 г.

Знаменский собор

Построен <в> 1355 году и перестроен <в> 1688 и 1689 годах, а расписан в 1702 г. артелью костромских иконописцев Бахматова. Свод крыльца расписан изображениями из Апока-

липсиса, на стенах собора 76 картин, изображающих апостольские деяния и их кончины. Главная святыня собора — икона Знамения Божией Матери, прославившаяся <в> 1169 г. Под левым глазом Богородицы видно пятно от суздальской стрелы, размер иконы — 51,2 х 52 сантиметра. Под образом на особой доске изображение древнего Новгорода, осаждаемого суздальцами. На обратной стороне иконы изображение апостола Петра и мученицы Наталии, а на полях — св. Климента, св. Николая и мучениц Екатерины и Евдокии. В соборе древние иконы. Это — на правом столбе Успение Божией Матери и на левом столбе образ Еммануила, на южной стене Введение во храм Божией Матери. В Казанском приделе икона Нерукотворенного Спаса. В приделе святителя Алексия направо от Царских врат икона Спасителя, на левой стороне — икона святителя Алексия. Колокольня построена <в> XVI веке, на колокольне имеется «Набатный колокол» с особым заунывным тоном. В стене колокольни — вкладной крест. Ограда образуется одноэтажным каменным корпусом, сооруженным <в> 1710 году для больницы.

Никольский собор

Построен в 1113 г. князем Мстиславом Владимировичем в ознаменование его чудесного исцеления от иконы Николая Чудотворца. Эта икона круглой формы, явилась в XII веке. Никольский собор горел 10 раз, при соборе два придела — преп. Варлаама Хутынского и преп. мученицы Евдокии.

Сковородский Михаило-Архангельский монастырь

Он расположен близ речки Шиловки, основанный в XIV веке святителем Моисеем, архиепископом Новгородским. Святые мощи его почивают на открытье в храме св. Архистратига Михаила. Свят. Моисей умер в 1362 г. Он пользовался большой любовию новгородцев, в храме находится икона святителя Николая, написанная в 1294 году Александром Петровым, происходящая из упраздненного Николо-Липенского монастыря, и деревянный крест, пролежавший

более 300 лет в гробу св. Моисея. При храме два придела — южный построен <в> 1698 г. и северный <в> 1736 году.

Сковородское предание

В 1484 году на новгородскую кафедру был назначен из Москвы архиепископ Сергий. Ему приходилось ехать мимо Сковородского монастыря. «Сниде с коня и вниде в монастырь молебная по обычаю». Архиепископу указали на гроб святителя Моисея. Сергий приказал «гроб скрыти», но игумен возразил, что подобает «святителя святителю скрывати». Архиепископ же «з гордостию возвысився умом высоты ради сана своего и величества, яко от Москвы прииде к гражданам яко плененным им: кого сего смердовича и смотрети? и поиде из монастыря и всед на конь... и бысть с того времени изумлен (помешан)». Только 9 месяцев пробыл Сергий в Новгороде, «и сведоша и больна к Троицы в Сергиев монастырь». В 1932 г. монастырь прекратил свое существование, последние иноки Сковородского монастыря были — иеромонахи Моисей и Макарий.

Кириллов монастырь

На берегу реки Волховца в древности существовали два монастыря, а именно Ситецкий и Малый Кириллов. От Ситецкого монастыря сохранилась одна церковь св. Андрея юродивого, построенная <в> 1371 году. Мало-Кириллов основан в 1196 году на «Нелезине острове» братениками Константином и Дмитрием, «а мастер бяше с Лубяней улицы Коров Яковлевич». Начата была постройка в апреле, а 8 июля уже кончена. В 1548 г. монастырь горел, сжигаем был, вероятно, и в XIV веке. В монастыре почивают мощи преподобного Арсения Новгородского, умершего в 1570 г.

Красное поле

На местности, называемой Красное поле, находятся два кладбища, Тихвинское и Рождественское, бывшие в древности монастырями. На Тихвинском кладбище церковь Вос-

кресения Христова, построена в 1415 году. Она двухэтажная, в верхнем находится св. чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, привезенная <в> 1643 г. из Швеции. Рождественский монастырь существовал уже в XII веке, церковь Рождества Христова на «Никитском заполье» построена в 1382 году. При нашествии шведов храм был разорен и возобновлен в 1648 г. В церкви очень древние Царские врата и иконы, храмовая и Фрола и Лавра. За алтарем церкви были похоронены 8/19 ноября 1739 г. на Красном поле, князья Долгорукие, впоследствии — над их могилами была построена Николаевская церковь. В юго-западном углу кладбища в древности была скудельня.

НОВГОРОДСКИЕ ПРЕДАНИЯ:

Великий мост

«Прииде Новгороду архиепископ Аким, и требища раззори, и Перуна посече и повеле влещи в Волхов, и поверзавше ужи, влечаху и по калу биюще жезлием, и пихающе. И в то время вошел бяше в Перуна бес: "о горе! ох мне! Достахся немилостивым сим рукам" и вринуша его в Волхов. Он же, пловя сквозе Великы мост, верже и палицу свою, и рече: "на сем мя поминают новгородскые дети". Его же и ныне безумнии, убивающеся, утеху творят бесом».

Казненный колокол

8 января 1570 года Грозный въехал в опальный Новгород. У Чуднаго Креста его встречал архиепископ Пимен, по обычаю царскому и по закону с чудотворными иконами и со всем освященным собором, и в это время на соборной звонице ударили в большой колокол. Конь Грозного испугался и упал на колени. Царь не принял благословения архиепископа, нарек его «волком хищным, губителем, изменником и царскому венцу досадителем», а испугавшему его коня колоколу велел отсечь ухо.

* * *

В древности месяц октябрь на Святой Руси звали «Листобоем». Вот как говорили об этом месяце в старину. В октябре

дождь лунки нальет — зиму приведет. Зима придет — не спросится. Она со бела гнезда сымается, к мужику в гости наряжается: дай-ка я на Руси погощу, деревни-села навещу, пирогов поем! А октябрь пирогами красён. В октябре с солнцем распрощайся, ближе к печи подбирайся. Если журавли летят высоко, не спеша и «разговаривают» — хорошая осень.

* * *

Высокопреосвященный Владимир, митрополит Петербургский и Ладожский, впоследствии Киевский, в мире Василий Никанорович Богоявленский, — сын священника, родился 2 января 1848 года в селе Малой Моршке Моршанского уезда Тамбовской губернии.

* * *

Загадки

1. Где вода столбом стоит?
2. Какой в реке камень?
3. У кого шапка без головы, нога без сапога?
4. У семерых братьев по одной сестре, много ли всех сестер?
5. Лежит — ниже курицы, встанет — выше лошади?
6. Без чего хлеб не испекчи?
7. От чего утка плавает?

1. В колодце. 2. Мокрый. 3. У гриба. 4. Одна. 5. Дуга. 6. Без корки. 7. От берега.

1978 год 17/30 сентября. Суббота. Целый день валит мокрый снег, землю покрыло добела. В полдни похраняли трагически погибшего председателя колхоза «Великово» Смирнова Александра Иваныча. 38 лет, разбился на машине, перелом позвоночника. Аух.

* * *

Предание Сыркова монастыря

В 1570 году Феодор Сырков был замучен Грозным и замучен самым необычным способом: его опускали в котел с кипящею водою, а потом на канате перетягивали через Вол-

хов, а дело было в январе. Тело замученного Сыркова было брошено на Дворище, и когда об этом узнали в Сырковом монастыре, оттуда пришли монахи с носилками и гробом, во главе их шла игумения Агния, монахини уложили тело замученного в гроб и с пением «Святый Боже» понесли его в свою обитель. Грозный видел все это, но не тронул «жен-мироносиц». Сырков монастырь находится в шести километрах от Новгорода, основан в 1548 году Феодором Димитричем Сырковым, по обету. В монастыре две церкви — Владимирской Божией Матери, на южной наружной стене написан образ Вознесения, а на западной образ Владимирской Божией Матери; другая церковь Вознесения, построенная в 1690 г. В монастыре в первой трети XIX века жила загадочная личность — Вера Молчальница, по народной молве жена или вдова императора Александра I, императрица Елизавета Алексеевна, она там и похоронена.

* * *

Юрьев монастырь

Основан в 1030 году Ярославом Мудрым. Собор во имя великомученика Георгия Победоносца, построен <в> 1119 г., стены и башни <в> 1333 г. при архимандрите Лаврентии, остальные 8 церквей построены в первой половине XIX века при архимандрите Фотии. Собор был опустошен шведами в 1611 г., а в начале XIX века капитально ремонтирован, в соборе весьма древняя икона св. великомуч. Георгия Победоносца, на горнем месте — стальное кресло Петра Великого, а в ризнице, находящейся в куполе собора, среди разных драгоценностей Плащаница 1449 года — вклад Димитрия Шемяки, работа его жены. В соборе похоронена княгиня Феодосия Мстиславовна, мать Александра Невского, умершая в 1244 г., и князь Димитрий Юрьевич Шемяка. На паперти собора похоронен в 1663 г. митрополит Макарий второй, направо от собора стоит Спасская церковь, а в подцерковии погребены архимандрит Фотий, умерший <в> 1838 году, и графиня Анна Орлова. Колокольня обители построена в 1841 г., высота ее 53,25 метра. Большой колокол названием

Неопалимая Купина весом 33,6 тонны, или две тысячи пудов. Всех колоколов на колокольне 15, опричь часозвонных, коих число 17, но не велики. Последний настоятель Юрьева монастыря был епископ Сергий.

Предание Хутынскаго монастыря

В 1471 году князь Московский Иоанн III посетил Хутынский монастырь. Узнав, что святые мощи преподобного Варлаама находятся под спудом, нашел, что это не согласно с общим обычаем и, несмотря на возражение игумена и братии, приказал снять каменную плиту с могилы преподобного и «копати землю в чудотворцеве гробе», но только что к этому приступили, как из могилы пошел дым, а потом вырвалось пламя. «Иоанн от страха и ужаса поиде из церкви и егда жезлом своим в землю ударяше, того часа из земли огонь исхождаше... Князь же великий изыде из монастыря страхом великим одержим и жезл свой из рук своих на монастыре поверже, изыде из монастыря тщима рукама». Обожженные посох и южная дверь алтаря до 1932 г. хранились бережно в ризнице Хутынского монастыря. В монастыре было три церкви. 1. Собор во имя боголепного Преображения с двумя приделами. Правый во имя Покрова Пресвятой Богородицы и левый во имя святого Архангела Гавриила. В соборе за правым клиросом находилась рака св. мощей преп. Варлаама, основателя монастыря, умершего в 1193 г. 6 ноября. Возле раки находились его вериги весом в полпуда и власяница, или длинная рубашка, сплетенная из конского волоса. В ризнице также хранились личные вещи преподобного, как-то: металлический крест, фелонь, подризник и поручи. Собор иконами не изобиловал, за исключением очень древнего иконостаса, да возле раки преподобного стояла чудная икона большого размера Троеручицы Пресвятой Богородицы, присланная со Св. Горы Афона. Эта икона считалась чудотворной. Возле левого клироса помещалась св. икона в ризе, преп. Варлаама, писанная во весь рост. Эту икону носили в первую пятницу Петрова поста за крестным ходом. За стойкой, где продавали свечи, на западной стене на полотне бы-

ла чудная картина: это бегство князя Иоанна от могилы преподобного, эта картина очень древней живописи. Фресками собор тоже не изобиловал, за исключением паперти, которая была расписана сюжетами из жизни преп. Варлаама. В левом приделе возле солеи был похоронен Гавриил Романыч Державин и его жена, а также стояла прекрасная икона преп. Варлаама во весь рост, в киоте за стеклом.

Вторая церковь, зимняя, была трапезной и посвящена преп. Варлааму, но в мою бытность в Хутыни в этом храме богослужение не совершалось.

Третья церковушка, во имя Всех Святых, находилась на братском кладбище обители. Монастырю принадлежали четыре часовни. 1. на горке, над кельей преп. Варлаама, 2. над колодцем, выкопанным руками преподобного, 3. при въезде в Хутынь, 4. в Новгороде на Торговой стороне.

Хутынский звон был слышен в Новгороде. Богослужение в монастыре прекратилось в 1932 г. при архимандрите Серафиме, мученически скончавшемся в селе Кучерово Тутаевского района Ярославской области. Его тело похоронено за алтарем Троицкой церкви г. Тутаева.

До 1932 г. в Хутыни жили иеромонах Виталий Летенков, регент, игумен Нифонт, иеромонахи — Никодим, Савватий, Мелетий, Серапион, Анатолий параличный и два иеродиакона — Иона Лукашов и Пантелеимон и еще 3–4 послушника, среди их Василий горбатый. Помяни их, Господи, во Царствии Твоем. Это были последние насельники Спасо-Преображенского Варлаамо-Хутынскаго монастыря.

* * *

Предание Грановитой палаты

В 1169 г. Новгород осадила суздальская рать, предводительствуемая 72 князьями: «молящуся Иоанну архиепископу глас бысть: веляше вынести на град икону Богородицыну из храма Спасова с Ильины улицы, посла же святитель архидиакона, и не движеся икона, сам же пришед со кресты и образ сам о себе двигнуся, и на град слезы источи, и абие противнии ослепоша и побеждени быша». На новгородцев суздаль-

цы пускали тучи стрел, и одна из них попала в икону, под левый глаз, и икона отвернула свой лик от осаждавших и из Её глаз полились слезы, у суздальцев потемнело зрение и они сами себя стали побивать. Победа новгородцев была полная — они целые сутки преследовали неприятеля, который «ничтоже вземше, ни полонивше, токмо взяша земли копытом». Пленные суздальцы продавались после этого на новгородском рынке по 2 ногаты за воина. Событие это происходило 25 февраля, но так как этот день приходится на Великий пост, то Св. Церковью вспоминается 27 ноября, в день Ангела тогдашнего посадника Якуна.

В келье святителя Иоанна в Грановитой палате Новгородского кремля в узеньком окошечке на цепочке висел медный умывальник с носком. С этим умывальником связано старинное предание из жития св. Иоанна. «Однажды, когда святитель совершал свое молитвенное правило, лукавый бес, чтобы устрашить его мечтами и отвлечь от молитвы, начал плескать воду в келейной умывальнице, но святитель, уразумев бесовское мечтание, оградил умывальницу крестным знамением и связал сим в оной искусителя. Палимый силою крестною, лукавый вопиял человеческим голосом, умоляя об освобождении. Когда же святитель спросил, кто он и как вошел сюда, лукавый отвечал, что он бес, что он вошел в ложницу, желая смутить его и отвлечь от молитвы, но что он обманулся и никогда не будет его смущать лестными мечтами. Тогда св. Иоанн сказал искусителю: за твою бесстудную дерзость, повелеваю тебе в сию же ночь перенести меня во святый град Иерусалим и поставить у храма Гроба Господня, а потом в сию же ночь опять возвратить меня в мою келью, и тогда я отпущу тебя». Бес превратился в коня и «рабски исполнил повеление человека Божия, вооруженного знамением креста». Они понеслись по воздуху. В Иерусалиме святитель Иоанн преклонил колени пред порогом храма Гроба Господня, врата сами собой открылись и сами собой зажглись все лампады, «чтобы человек Божий без малейшаго затруднения мог довершить столь чудно начатое им путешествие». На обратном пути из Иерусалима со свя-

тителя в пределах княжества Тверского упал с головы клобук, и на том месте построен Клобуков монастырь. Но на этом не кончились сношения св. Иоанна с бесом, который воздвиг на святителя лютое гонение. Он старался бросить на него тень подозрения: приходящим в келию святителя бес показывал женскую утварь и одежду, а однажды, при стечении народа, вышел из келии в образе девицы и, преследуемый народом, исчез за Грановитой палатой. Среди народа поднялся ропот, и, когда Иоанн вышел на шум, его осыпали ругательствами «с великим бесчестием повлекли к Великому мосту, посадили на плот "да плывет из града вниз по реце как недостойный"». Но, к удивлению народа, плот поплыл не вниз по Волхову, а вверх к озеру. Архиепископ плыл, а пораженный необычайностью явления и уже раскаявшийся народ бежал вдоль берега и умолял его о прощении. Незлобивый святитель молился за оскорбившую его паству. За полпоприща от Юрьева монастыря плот остановился у левого берега Волхова, и на этом месте был положен камень с крестом.

На Ярославовом Дворище в начале XII века стоял княжой терем: в 1108 году живший в нем князь Новгородский Мстислав Владимирыч тяжело заболел. Он усердно молился о своем выздоровлении и обращался в молитвах к Николаю Чудотворцу, мощи которого незадолго до того были перенесены из Малой Азии на юг Италии в город Бар Град. И видит он однажды во сне святителя Николая, который повелевает ему отправить посольство в Киев за иконою его, причем указывает ее вид и меру. Мстислав снаряжает посольство в Киев, но только что оно въехало в Ильмень, как началась буря, лодку их прибило в 7 поприщах от Новгорода, к месту, называемому Липно. Три дня длилась буря, а когда утихла, то у берега на воде плавала икона Николая Чудотворца указанного вида и меры. Посольство привезло святую икону в Новгород, и Мстислав тотчас же выздоровел; и в память этого события дал обет построить храм имени святого, что и выполнил в 1113 году. А на том месте, куда вол-

нами прибило икону, в 1292 г. был основан Николо-Липенский монастырь.

Вечевой колокол

На Ярославовом Дворище, рядом с Вечевой Гридницей, висел Вечевой колокол. В феврале месяце 1478 г. великий князь Московский Иоанн Васильевич «велел колокол вечный спустити и вече разорити». В марте, уезжая из Новгорода, Иоанн приказал колокол вечный привезти на Москву. Колокол везли в санях, за ним шел его глухой звонарь, но по дороге сорвался колокол с саней, упал в Валдайский овраг, разбился и рассыпался на тысячи валдайских колокольчиков, которые всюду прозвонили славу о Господине Великом Новеграде.

* * *

Бодрость и сила в руках и ногах — лень в подушке.

Одни поклоны нас не спасут.

Помни, что истинная монашеская мантия есть разумное перенесение клеветы и напраслины. Нет скорбей — нет и спасения.

Полумантия в народе зовется — Эпанча.

Понетаевский монастырь основала Елизавета Алексеевна Копьева, а первой игумении было имя — Евпраксия.

Монах без правила — несть монах (слова саровского игумена Исаии, умершего 16 апреля 1858 года).

Саровский игумен Серафим умер 5 октября 1878 года на 74 году.

Помяни, Господи, блаженного Гаврюшу. Он был один из тех, кого Господь уподобил детям — сказав, что таковых есть Царствие Божие. Он жил на Орловщине в Ливенском уезде.

Не хвались горох, что ты лучше бобов: размокнешь — сам лопнешь.

Отчего человек бывает плох? — От того, что забывает, что над ним Бог.

Праведных ведет в Царство Божие апостол Петр, а грешных Сама Царица Небесная.

* * *

<ВАЛААМ. 1977 г.>

30 августа ст. стиля, в понедельник, участвовал за совершением поздней Литургии, возглавляемой Высокопреосвященнейшим митрополитом Никодимом, при участии преосвященных епископов Милитоне и Дамаскине, в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. Был совершен крестный ход, но погода не благоприятствовала, моросил мелкий дождь как из сита.

В этот же день в 8 часов вечера на прекрасном туристическом теплоходе отправился на святой остров Валаам, куда после штормовой 10-балловой качки прибыли в 9 часов утра 31 августа 1977 года, и я отправился посмотреть бывший Спасо-Преображенский Валаамский монастырь и остров. Монастырские зданья прекрасные в особенности собор — это жемчужина искусства и архитектуры, но в запущенном состоянии, как и все храмы монастыря и скитов. Собор двухэтажный, верхний летний, а нижний зимний, в котором покоятся в недрах земли святые мощи св. преподобных Сергия и Гѣрмана, Валаамских чудотворцев. Храм в настоящее время превращен в продуктовый склад и посторонним лицам вход воспрещен, а по сей причине не сужу о внутреннем состоянии, но думаю склад есть склад. Был в продуктовом и промтоварных магазинах — где первая необходимость есть в достаточном количестве, бери сколько угодно.

Осмотрев монастырь, я направился на старое монастырское кладбище, где не сохранилось ни одного намогильного креста, но кой-где встречаются намогильные плиты, большинство черного мрамора, на которых сохранились надписи, я их все списал. <...>

Вот это все, что я мог прочесть на сохранившихся могильных плитах, а крестов каких-либо на старом кладбище не сохранилось ни одного. Осмотрев кладбище и монастырь, я пошел на новое кладбище. Это на восток от монастыря, расстоянье немного больше километра, по прекрасной монахами саженной пихтовой аллее. На месте бывшей пустыньки игумена Назария сохранился в память его сооруженный игу-

меном Дамаскиным прекрасный черного гранита крест, но места пустыньки я не нашел, да мешал дождь. Невдалеке от креста сохранились стены храма во имя Всех Святых, но в плачевном состоянии, двери поломаны, окна побиты, от иконостаса и икон даже полена не осталось, при монахах храм отоплялся, сейчас же печи разрушены и на святе месте мерзость запустения, хаос, все поломано, но самое здание снаружи — прекрасно. Метрах в 5–8 от храма возвышается прекрасная кладбищенская колокольня, но не сохранилось ни одного колокола, даже двери уничтожены. Как храм, а также и колокольня не оштукатурены. За алтарем Всехсвятской церкви сохранились могилы с прекрасным мраморным крестом умерших настоятелей Валаамского монастыря. <...>

Под горою, на которой стоит церковь, внизу на каменной скале вырыт колодец с приятной на вкус водой, хотя колодец и находится в заброшенном состоянии, но вода чистая, как кристалл, колодец обделан в гранит и имеет круглую форму. Осмотрев новое кладбище, опять мимо гостиницы и открытой часовни Знамения Божией Матери с сохранившимися, но без икон черного мрамора, иконостасом, я пошел в большой скит Всех Святых, в котором не встретил ни одной живой души. На мой взгляд, этот скит для монахов был «лестницею, ведущей в Царствие Небесное». Перед входом в ограду с восточной стороны стоит прекрасная часовня во имя Страданий Спасителя, а за ней за железной решеткой с крестом и мраморной плитой <могила>, на которой высечено: «Иеромонах Антипа, любитель безмолвия и молитвы, проявивый плод блаженною своею кончиною, благодатный дар прозорливости, скончался 10 января 1882 года 66 лет».

От могилы отца Антипы через святые ворота, на которых сохранилась одна воротня, я взошел в скит прямо в церковь, на которой написано, что «Памятник охраняется Государством», но на мой взгляд, монахи во много раз лучше оберегали. В верхнем храме пол выломан, иконостаса нет, одним словом, сохранилось одно здание да на колокольне колокол, да и тот без языка, сохранились мраморные запрестольные киоты, но без икон. Осмотрев храм, я обошел бывшие кельи

30-го августа ст/стиля въ Понедѣльникъ, участвовалъ за совершеніем поздней литургіи, возглавляемой высокопреосвященнейшимъ митрополитомъ Никодимомъ, при участіи преосвященныхъ епис: коповъ Милитона и Дамаскина, въ Троицкомъ соборе Алекс: андро Невскія лаўры, былъ совершонъ Крестный ходъ. но погод не благопріятствовала, моросилъ мелкій дождь какъ изъ Сита. Въ этотъ-же день въ 8 часовъ вечѣра на прекрасном туристическомъ теплоходе отправился на святой островъ Валаамъ, куда после штурмовой 10-ти баловой качки прибыли въ 9 часовъ утра 31 августа 1977 года. и я отправилъ посмотреть бывшый Спасо-Преображенскій Валаамскій монас ырь. и островъ. Монастырскіе зданья прекрасные въ особен ности соборъ - это жемчужина искуства и архитектўры но въ запущеномъ состояніе какъ и все храмы монастря и скитовъ. Соборъ двухъ этажный, верхній. летній а нижній Зимній, въ которомъ покоятся въ недрахъ земли, святые мощи св. преподовныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ ч Храмъ въ настоящее время превращенъ въ продуктовый складъ и постороннимъ лицамъ входъ воспрещонъ а по сей причине не сужду о внутренномъ состояніи но думаю складъ есть складъ. Былъ въ продуктовомъ и промтоварныхъ магазинахъ - где первая необходимост есть въ достаточномъ количествъ, бери сколько угодно.

Осмотревъ монастырь я направился на старое монастыр-
ское кладбище где не сохранилось не одного намогиль-
наго креста но кой где встречаются намогильные плиты
большинство чернаго мрамора на которых сохранились
надписи я ихъ все списалъ

1 Схимонахъ Агапій, скончавшыйся 7го апреля 1905 года
на 67 году отъ родъ, постриженъ въ мантію 46 летъ; благоду-
шно терпевъ слепоту 23 года, Принявшій отъ Бога даръ
непрестанной молитвы.

2. Рабъ Божій монахъ Енфимъ, смиренный иноkъ и ревнос-
тный послушникъ, скончался 4го іюля 1895 года на 67 году.

3. Архимандритъ Іовъ, настоятель Верхотурскаго
Николаевскаго монастыря, скончался 21 августа 1913 года
77 летъ отъ рождения, жилъ на Валааме до настоятельст-
ва 27 летъ и на покое 13 летъ, настоятелемъ былъ 7 летъ.
Образецъ монашеской простоты и незлобия. Незабудте
меня братіе сгда молитесь.

4. Намеcтникъ иеромонахъ Викторъ, скончался 12 апрел
1878 года, на 71 году отъ роду.

5. Монахъ Сергій, скончался 1810 года. 12 августа. на 75 гол

6. Иеромонахъ Вениаминъ, скончался 4 іюля. 1902 г. на 65 г. отъ ро

7. Схимонахъ Петръ, померъ 20го октября. 1877 года.

8. Схимонахъ Паvелъ, скончался 23 августа. 1884 года. 70 лет

Записи, сделанные рукой отца Павла

иноков, — ни одного окна, ни одной двери, множество рухнувших потолков, выломанные полы и так далее. Внутри скита есть прекрасный гранитный колодец, вырыт в 1876 году, глубина 5 аршин, круглой формы, но весь захламлен, даже чурбанья дров плавают; для чего? Не знаю, не приведи Господи и знать.

Внутри скита сохранилась намогильная плита, на которой высечено: «Схимонах Онуфрий, скончался 12 августа 1925 г. на 82 году, жил в монашестве 49 лет, благодушно терпел болезни и слепоту». Видал еще две могилки, но надписи изгладились. На наружной алтарной стене храма прекрасно сохранился черный мраморный крест.

На обратном пути я остановился у прекрасного большого мраморного креста, поставленного игуменом Дамаскиным. И близ дороги лежат обгорелые бревна от пустынной кельи игумена Дамаскина. Выйдя на центральную дорогу и положив издали земной поклон видневшемуся монастырю, я пошел на пристань, до которой от монастыря километров 6–7, мимо Гефсиманского скита, а также Воскресенского, на котором разместилась турбаза. Храм прекрасный, двухэтажный, не штукатуреный, к которому ведет каменная лестница, а тут и красавец теплоход.

Придя в свою каюту и выпив бутылку лимонада с хлебом, я свои уставшие донельзя ноги затащил на койку и сразу же уснул богатырским сном, даже не слыхал как и отчалили. Прощай, дивный остров Валаам, прости, земной поклон тебе, п-р-о-с-т-и.

По дороге в Всехсвятский скит растет огромная сосна, у которой имеется надпись, что ей 400 лет, диаметр 1 метр и 30 сантиметров, а вот вышину не запомнил. 7 сентября 1977 года на Валааме была буря, которой очень много наломало и повалило с корнем лесу.

Валаам это есть святое место, где каждая пядь земли обильно полита потом монахов и подвижников благочестия. За свою жизнь я, Слава Богу, видал многие иноческие обители, но такого прекрасного местечка как скит Всех Святых на Валааме, я не встречал, хотя был он в плачевном со-

стоянии, но по-моему «есть Господь на месте том». На многих плитах встречаются надписи «святии отцы и братия, не забудьте и меня, егда молитеся». Намогильный камень и крест отца Антипы. Камень был весь заросший мхом, в оградке валялась масса веток лиственницы и тому подобное. Я все выгреб, камень очистил и все привел в порядок. Царствие Небесное иеромонаху Антипе. Был я в Гефсиманском скиту, что видал? Мерзость, запустение, разруху и уничтожение, в часовне сделано отхожее место. В церкви — жилое помещение, везде грязь и мусор, церковь деревянная обшита тесом, покрашена желтой краской, пятиглавая, на которых кресты поломаны. Вообще, все разрушается скорее, чем созидается. <...>

* * *

Древняя пословица. «В Ростовской земле князь в каждом селе».

* * *

Соловей

Ты не пой, соловей, против кельи моей
и молитве моей не мешай, соловей.
И зачем напевать, что стараюсь забыть,
и в душе воскрешать, что нельзя воскресить.
Я и так много лет безутешно страдал,
много бед и скорбей с юных лет испытал.
И теперь я боюсь той судьбы и людей
и о прошлом молюсь в бедной келье моей.
Улетай, соловей, в те родные края,
улетай, соловей, — где отчизна моя.
Ты пропой нежно ей, как с больною душой,
вспоминая о ней, заливаюсь слезой.
Ты пропой еще там, как живу я в тиши
и люблю только храм, рай земной для души.
Хоть мне больно забыть те минувшие дни,
но я должен любить только четки свои.
И скажи, что я слез уж теперь не боюсь,
лишь одних прежних грез да падений боюсь.

Прилети, соловей, когда кончу свой путь,
на могилке моей тогда сядь отдохнуть.
Ты пропой, как я жил, как все скорби терпел,
как скорбящих любил и их сердцем жалел.
И пропой, как прощал всех врагов я своих
и Творца умолял о прощении их.
Ты пропой, как крест свой, данный мне от Небес,
как бы дар дорогой, я с терпением нес.
Иль обиды за грех от врагов я имел,
тогда вместо утех я молился и пел.
Полети ты к тому, кто жалел здесь меня
и скажи ты ему, где могилка моя.
Пусть вздохнет обо мне, вспомнит, кто здесь такой,
и с душой пропоет «Со святым упокой».
Улетай поскорей прочь от кельи моей
и молитве моей не мешай, соловей.

Этот стишок очень любили петь в монастыре на именинах.

Тетрадь 4

И даде Господь молитву молящемуся.

* * *

Сосна[1]

На кладбище, тихо качаясь, росла молодая сосна.
С ней ветер шептался игриво, ему улыбалась она.
Ее согревал и лелеял лучами сияющий день.
Корнями же сочная почва давала прохладу и тень.
Когда же луна серебрила могилы, объятые сном,
она по усопшим творила молитвы во мраке ночном.
Гордясь красотою могучей, росла молодая сосна.
Вдруг светлая хвоя поблекла, зачахла, посохла она.
Скажи мне, сосна молодая, спросил ее ветер любя,
Зачем ты завяла и сохнешь, скажи, что сгубило тебя?
Иль солнце тебя не ласкает, не кормит песок золотой,
Иль буря, не зная пощады, шумя, пронеслась над тобой?
О, нет, все как прежде ласкает меня солнца пламенный луч,
земля не скупится на пищу, и небо сияет без туч.
Не буря, шумя на просторе, сгубила до срока мой век:
корнями вросла я в могилу, в могилу, где злой человек.
И в сердце холодного трупа пустила я корни свои.
То сердце было так жестоко, то сердце не знало любви.

[1] Одна из любимых песен отца Павла.

С тех пор я завяла и чахну, повял мой блестящий наряд.
Я гибну, по жилам струится тлетворный губительный яд.
Померкла зеленая риза, спасенья из гибели нет.
Я к осени кончу страданья, и вьюга завеет мой след[1].

* * *

Девство возвышается, брак похваляется, блуд осуждается и наказуется. (Изречение св. Иоанна Златоуста.)

Помяни, Господи, всех вождей и воинов, на поле брани за родину погибших. Вечная им память. Вечная слава.

* * *

Теперь Тебе, Владычице Пресвятая Богородице, помогать. (Слова схимонахов Зосимы и Василиска, когда они тонули в речке.)

Помяни, Господи, схимонахов Илариона, Феодота, Агапита, Филарета.

* * *

Страх Божий — отец вниманья, а вниманье — матерь внутреннего покоя, от которого рождается начало и корень покаяния.

* * *

В шапочке походной, с сумочкой дорожной,
с сумочкой дорожной ласточка сидит.
С воробьем прощаясь, грустно расставаясь,
нежно говорит:
«Прощай, мой голубчик, милый воробей,
будь счастлив-доволен участью своей».
Воробей заплакал, лапку ей пожал,
покачал головкой, вздохнул и сказал:
«Ну, прощай, соседка, добрый путь тебе,
грустно оставаться в этой стороне.
Ветер здесь, ненастье — всё должно терпеть,
а мороз ударит, можно помереть».

[1] Другой вариант двух последних строчек (с аудиокассетной записи): «Поблекла зеленая хвоя, спасенья от гибели нет. К зиме я закончу страданья, и вьюга завеет мой след».

Тут расцеловались дружески они,
а потом расстались пташечки мои.
Скучно, скучно стало, грустно воробью,
слезонька упала на носик ему.
Слезки утирая, долго он сидел,
глазок не смыкая, долго вдаль глядел.
Где ж, летунья пташка, на легких крылах?
Резвая касатка скрылась в облаках.

* * *

Нищий с нищего никогда не взыщет.
Хоть мошна пуста, да душа чиста.
Не гневи Бога ропотом, а молись Ему шепотом.

* * *

Сиротка Маша

Круглая сиротка, кроткое дитя,
среди горя горького выросла она.
Мать ее родная рано умерла,
бабушка слепая девочку взяла.
Рано научилась Маша понимать,
детские заботы от других скрывать.
Понимала крошка, что она одна,
без родимой ласки вырасти должна.
Бабушка-старушка охает, ворчит,
ведь болезнь да старость нас не веселит.
Добрые соседки молочка несут,
бабушка и внучка милостью живут.
Горько и обидно подаяньем жить,
да чего поделаешь, где еще добыть.
Вот уже и осень скоро подошла,
бабушка сиротку в школу отдала.
Кто букварь, кто ручку Маше принесет,
и охотно в школу девочка идет.
Учится прилежно Маша сирота,
грамота малютке кажется легка.
С умною головкой Маша родилась,

ей наука скоро и легко далась.
И ученье дальше хочет продолжать,
просит себя в город бабушку отдать.
Бабушка-старушка уж больна была.
«Ох, об этом, внучка, хлопочи сама,
знаешь нашу жизнь, нашу бедноту,
на ученье денег дать я не могу».
Приуныла Маша, но, как и всегда,
ей пришли на помощь добрые сердца.
В высшее ученье Маша отдана,
годы шли, и Маша учит уж сама.
Любит она деток любящей душой,
борется с невежеством, мраком-темнотой,
помнит свое детство бедное она.
Свет дает ученье, без ученья тьма.
Тихо на кладбище под большим крестом
Машины родные спят глубоким сном.
Под тенистой ивой бабушка лежит,
На ее могилку девушка спешит.
«Бабушка родная, слышишь ты меня?
Чуешь ты, что внучка близко от тебя?»
И склонясь к могилке, Маша слезы льет
и завет великий бабушке дает,
чтобы жизнь младую науке посвятить,
чтобы свету счастью деток научить.

* * *

Кто старается о больных и бедных, тот будет избавлен от смерти мучительной, а кто ненавидит их, тот будет изгнан от Христа.

Как вода погашает пламень, так голод и жажда погашают и уничтожают раздражение страстей.

* * *

Крест

Как надо мною совершили
обряд крещения святой,

тогда на грудь мне возложили
мой милый крестик дорогой.
Он с той поры мне стал защитой,
он с той поры всегда со мной,
и на груди моей сокрытый
всегда у сердца крестик мой.
Грудь от страданья ли стеснится,
дождусь ли радости какой,
душа к Всевышнему стремится
и я целую крестик мой.
На милость Бога уповаю,
и с чувством веры и любви
заветный крест я надеваю
как бы товарища в пути.
Ему вручу мое желанье
и всю я молодость свою,
пусть сохранит от пререканья
он душу чистую мою.
Как спутник в жизни неизменный,
не расставаяся со мной,
он будет мне помощник верный,
заступник и хранитель мой.
Мой милый крестик надеваю,
чтоб он спасал меня от бед
и с теплой верой уповаю
хранить Распятого завет.
Когда же дни мои прервутся,
пробьет час смерти роковой,
как луч бессмертья и надежды
ко мне пусть блещет крестик мой.

<В другой тетради такой вариант концовки:>

Когда же дни мои прервутся,
пробьет час смерти роковой,
навек глаза мои сомкнутся,
со мною будет крестик мой.
И на пути моем за гробом

светиться будет предо мной,
с крестом пойду пред вражьей силой,
мой крестик будет мне стеной.
И пред Творцом, Владыкой мира,
предстану я с своим крестом.
В скорбях, в слезах и в покаянье
свидетель будет крестик мой.

* * *

Господи, помилуй, Господи, прости,
помоги мне, Боже, крест свой донести.
Ты прошел с любовью свой тернистый путь,
Ты нес крест безмолвно, надрывая грудь.
И за нас распятый много Ты терпел,
за врагов молился, за врагов скорбел.
Я же слаб душою, телом тоже слаб,
и страстей преступных я греховный раб.
Я великий грешник на земном пути.
Я ропщу. Я плачусь. Господи, прости.
Помоги мне, Боже, дай мне крепость сил,
чтоб свои я страсти в сердце погасил.
Помоги мне, Боже, щедрою рукой
ниспосли терпенье, радость и покой.
Грешник я великий на земном пути.
Господи, помилуй. Господи, прости.

* * *

Молитва праведников да поможет грешнику.

Лучше замужняя да кроткая, чем девица да сварливая.

Лучше свой сноп, чем чужая копна.

* * *

Велики грехи мои, но Божие милосердие неисчислимо.

* * *

Испытанья время строго.
Тот, кто пал, восстанет вновь.

Много милости у Бога,
без границ Его любовь.
Если на сердце горе закралося,
не печалься, мой друг, погоди,
пережить еще много осталося
светлых дней у тебя впереди.

Кто пред грозящею бедою
заплачет горькою слезою,
того, смотри, не осуждай,
а если можешь, помощь дай.

* * *

Ты царь миров, а я убог.
Бессмертен Ты, я прах могильный.
Я здесь на миг, Ты вечный Бог.
О, дай, чтоб верою святою
рассеял я туман страстей
и чтоб безоблачной душою
прощал врагам, любил друзей,
чтоб луч отрадный упованья
всегда мне в сердце проникал,
чтоб помнил я благодеянья
и чтоб обиды забывал.

* * *

Лучше простить, чем мстить.

* * *

По-Евангельски

Старец Божий шел дорогой, ветхой ризой прикрывая
драгоценный свиток книги слов Божественных и дел.
Видит: нищий на распутье пал, от холода страдая.
Старец снял свою одежду и бездомного одел.
По дороге в это время должника вели в темницу,
и о долге божий старец провожатых вопросил,
сговорился живо с ними, и Евангелья страницы

лобызая, книгой ценной долг страдальца уплатил.
Старец в келию вернулся, ученик спросил: «Учитель,
кто с тебя сорвал одежду? Неужель безбожный тать?» —
Старец кротко улыбнулся: «Нет не тать, а мой Спаситель
взял одежду, обещая мне прекрасней ризу дать».
«А Евангелие?» — «Сыне, мне оно всегда твердило,
чтобы продал я именье, нищей братии помог.
А имения в пустыне у меня ведь только было
что Евангелье. Я сделал то, чему в нем учит Бог».

* * *

И псов, просящих хлеба, не прогоняют, зачем же мы гоним того, кто создан по образу и подобию Божию.

* * *

Помяни, Господи, душу раба Твоего иеромонаха Евтихия. Надпись на его могиле: «Здесь похоронен полковой священник К. полка, отец Евтихий Тулупов, иеромонах Богородицкой-Площанской пустыни, Брянскаго уезда Орловской губерни, убитый в бою с германцами 9 июля 1915 года».

* * *

В день Ангела святого привет ли вам поем,
к Престолу Всеблагого молитвы вознесем.
Пусть Ангел твой хранитель к спасенью вас ведет,
пусть Сам Христос Спаситель вас от скорбей спасет.
Пусть Матерь Пресвятая незримо Вас хранит,
Она, ко всем благая, именинника сохранит.

* * *

Послушник
Что ты в келье сидишь скучный,
расскажи, послушник, мне.
Иль какой несчастный случай заманил тебя,
или вспомнил, где ты вырос —
в шумном мире средь родных?

Но что думал, то сбылося: ведь ты сам ушел от них.
Откуда мысль тебе запала оставить дом, отца и мать,
и жизнь, скучную из млада,
прочь от родных своих бежать?
Сам ли ты избрал путь сей тесный,
иль послушал чей совет,
иль обители вид наружный заманил тебя навек?
Златоглавая обитель, многим нравится все в ней,
но кто в ней всегдашний житель,
видит скорби лишь одни.
Твои скорби только в духе, а снаружи не видны,
и конца нет твоей скуке. Всё-то раньше знал ли ты?
Кругом каменной стеною навсегда ты огражден.
Зачем дался сам собою живым, точно осужден?
Тебя принял настоятель, но ведь он тебя не звал,
сам пришел ты во обитель и к стопам его припал.
Слушай старших, будь смиренный, своей воли не ищи,
если кем будешь презренный, то на это не ропщи.
Да и в мир не возвращайся и о родине забудь,
прежней жизнью не прельщайся, ею будешь обманут.
Исправь в жизни поведение, следуй старшим как живут,
ты пришел ведь для спасения и к тому себя понудь.

* * *

Паломник

Шагая поступью неспешной,
как лунь седой старик Федот
о жизни прошлой многогрешной
молиться в град святой идет.
Ему пути в места святые
обширной родины своей
и храмов главы золотые
знакомы с самых юных дней.
Он много раз был в Соловецком,
ходил однажды на Афон,
был у Почаева, в Коневском,
в пещерах Киева был он.

Был у подножия Кавказа,
был в Томске, в Вологде, в Москве,
был в Петербурге два-три раза,
на славной матушке Неве.
Как веры истинный ревнитель,
он исходил Святую Русь
и знал в ней каждую обитель
как говорится наизусть.
Теперь заветными мечтами
остались град святой Сион,
и вот согбенный уж летами
плетется в Палестину он.
С сумой даяний доброхотных,
в широком сером армяке,
в лаптях берестяных холодных,
с большою палкою в руке.
Идет он дни своей дорогой,
идет он месяцы, года,
ища себе приют убогий
лишь в дни ненастья, в холода.
Как самый искренний поклонник,
благочестив и строг на вид,
счастливый путь тебе, паломник,
Господь тебя благословит.

* * *

Бог полюбит дак не погубит.
Не строй церковь, пристрой сироту.
Из-за сирот и солнце сияет.
Грозную тучу Бог пронесет.
Не на груды денег надейся, а на Бога.

* * *

Загадка

Взят из земли якоже Адам, ввержен в огненную пещь яко трие отрока, возложен на колесницу якоже Илия, везен на торжище якоже Иосиф.

Прииде некая жена, взем его в руце своя, постуча по нему; он же отвеща ей яко добр есть; взя его в дом свой; он послужи ей некое время и умре не погребеся. (Глиняный горшок.)

* * *

Бедный-то ох, а за бедным-то Бог.

* * *

Накануне Причащения Святых Таин

Завтра, завтра в дом Закхея
Гость таинственный придет,
И, бледнея и немея,
перед Ним Закхей падет.
Мытарь смутен, беспокоен,
скликнет в сретенье Его,
недостоин, недостоин
посещенья Твоего.
«Гость небесный, Гость чудесный,
Ты так светел и лучист,
а телесный храм мой тесный,
он неубран и нечист.
Где же Гостя посажу я?
Тут и там — везде порок,
всё ищу и не сыщу я,
вижу совести упрек.
Чем же Гостя угощу я?
Добрых дел в минувших днях
все ищу и не сыщу я, весь я в ранах и грехах».
Был ответ: «Не угощенья,
не здоровых я ищу,
завтра к Чаше исцеленья
Я болящих допущу.
Своей собственною Кровию,
благодатию Отца,
Миром, лаской и любовию,
вновь войду Я к вам в сердца.
Хоть бы вся душа истлела

в зное тяжкоем грехов
Моего вкусивши Тела,
возвратится к жизни вновь».
И надежду в душу вея,
будто кто-то говорит:
Завтра, завтра Гость Закхея
и тебя Он посетит.
О, приди же, Гость священный,
с Чашей жизненной Своей,
ждет грехам отягощенный,
новый ждет Тебя Закхей.

* * *

На Рождество Христово

В вышине небесной много звезд горит,
но одна из них ярче всех блестит.
То звезда Младенца и Царя царей,
Он положен в ясли Матерью Своей.
И волхвы с востока за звездой идут,
и дары с любовью Господу несут.
Братья, поспешимте Господа принять,
поспешим с любовью хлеб и соль подать.
Он руками бедных этот хлеб возьмет,
и благословение нам за то пошлет.

* * *

Помни смертный час,
помни трубный глас,
помни Страшный Суд,
часто вспоминай
и прекрасный Рай.
Пока жив спасайся,
плачь, молись, смиряйся,
время не теряй,
будь готов и знай,
что, оставив свет,
Богу дашь ответ.

Если бы не было унижений и поруганий, то не было бы ни одного святого. Кто бежит от скорбей, тот бежит от жизни вечной своей. За что бы мы получили награду, если бы нас не обижали, обижающих мы должны считать благодетелями душ наших.

Где человеку кажется, что все кончено, — у Бога только начинается.

* * *

Песнь Божией Матери всех скорбящих Радости

О, Мати Пресвятая, утри слезу с ланит,
от бед изнемогая, душа моя скорбит.
Повсюду тесно стало, в душе лишь вопль да стон,
отрады нет нимало, и зло со всех сторон.
На бедного напали, был коим мил сперва,
и в горестной печали я блекну, как трава.
Презрением покрытый, состраждущих мне нет,
живу как бы забытый, и горек мне сей свет.
Встречая бездну злого, мой дух от бед уныл,
и нет нигде покрова, во зле лежит весь мир.
Дух, скорбию стесненный, сдавило грудь свинцом,
и в плоти моей бренной под тяжким я Крестом.
Оставлен без призрения, как горлица одна,
иссякли утешения и грудь тоской полна.
Покой мой исчезает при множестве страстей,
и юность увядает, как злак среди полей.
Душа во мне смутилась, туман застлал глаза,
все в горесть превратилось, и каплет с глаз слеза.
Прибежища не имам и нет приюта мне,
не по моим уж силам все претерпеть в полне.
Имеет мир мысль странну и все ему впосмех,
к Кому ж взывать я стану, оставленный от всех.
Откуда ждать успеха, не от Тебя ль одной,
о, Мати всех, Утеха, души моей Покой.
Я знаю несомненно Твою ко всем любовь
и верю дерзновенно, что скорбным Ты Покров.
О, Мать — скорбящих Радость, Свой лик Ты мне яви

и преклонись на жалость от Матерней любви.
Мне под Твоим покровом спокойно быть везде,
в бедах, в пути терновом, вверяюсь я Тебе.
Твори со мной, что хочешь, во власти я Твоей,
как Богоматерь можешь рассеять мрак скорбей.
В опасностях избавишь, заботливо храня,
и жизнь того управишь, кто верует в Тебя.
Все козни низлагая, о, бездна всех утех,
воззри, воззри, Благая, не дай врагам в посмех.
В чрезмерной я печали, яви ж Свою любовь
и распростри над нами Свой Матерний Покров.
К Тебе кто прибегает, с ним благодать везде,
посрамлен не бывает в каком бы ни был зле.
Во тьме и тени смертной, как солнце Ты глазам
и плоти моей бренной целительный бальзам.
Ты свет небосиянный, отрада на земле,
Светильник светозарный блуждающим во тьме.
Ты чудо в мироздании, Предзримое Руно,
и всем в их злострадании Прибежище одно.

Помилуй мя, Заступнице христиан Обрадованная Чистая. Помоги мне великия ради милости Твоея, Ты бо еси кающихся упование и надежда.

* * *

Два Ангела

Два Ангела парили над грешною землей
и тихую беседу вели между собой.
Один был благодатный податель мирный сна,
ему людей покоить обязанность дана.
Другой с унылым взором, с поникшею главой,
был смерти Ангел грозный, разлучник душ с землей.
И первому последний так вымолвил с тоской:
«О, брат мой, как завиден прекрасный жребий твой.
Рука твоя повсюду спокойствие несет,
и все благославляют желанный твой приход.
Меня же все трепещут, зовут своим врагом,

увы, лишь скорбь да горе вношу я в каждый дом.
Тяжка невыносимо обязанность моя,
охотно б поменялся с тобой уделом я». —
«Напрасно ты тоскуешь, — сна Ангел возразил, —
тебе святое дело Всевышний поручил.
Как я, мой брат любезный, ты так же друг людей,
ты их освобождаешь от их земных скорбей.
Ко Господу на лоно приносишь души их,
вкусить успокоение в селениях святых.
Хотя мой дар прекрасен, сто крат прекрасней твой,
даешь ты людям вечный, я — временный покой.
Как часто, прерывая с зарею сладкий сон,
страдалец сожалеет, зачем не помер он.
Лишь тот тебя страшится, врагом своим зовет,
кто Бога забывает, для плоти лишь живет.
Но грешник не находит отрады и во сне,
его терзает совесть в полночной тишине.
К нему я посылаю видений страшных ряд,
и вскакивает с ложа он ужасом объят.
А тот, чье сердце чисто и чья душа ясна,
с любовию и миром идет на ложе сна.
Равно и час последний его не устрашит,
он, с жизнью расставаясь, тебя благословит». —
«Ты прав, с моею долей меня ты примирил, —
спокойно Ангел смерти собрату возразил. —
Летим же, чтоб исполнить долг, данный нам Творцом».
И духи неба скрылись в эфире голубом.

* * *

Пред Тобою, мой Бог, ныне я предстою
и с поникшей главой о прощенье молю.
Из нужды-нищеты мне исход укажи
и в несчастье-беде Ты меня поддержи.
От соблазнов грехов отклони-сохрани,
духа злобы-вражды от меня отжени.
И людям послужить дай мне силу, Творец,
чтоб с спокойной душой встретить жизни конец.

* * *

Нет пророка без порока.

* * *

Плач Адама

В скорби многой обретаюсь, сердцем люте сокрушаюсь,
Господи, помилуй мя падшего.
Потеряв блаженство рая, горько плачу и стенаю...
От земли меня создавый, в землю паки мя пославый...
О, коль горестно познати все лишенья благодати...
Сердце ноет, дух в смущеньи, ум в мучительном томленьи...
Мира нет в моих составах, грех проник в них, как отрава...
Наготы моей стыжуся, муки вечныя боюся...
Вместо радости страданье, вместо жизни смерть, изгнанье...
Горы, холмы и долины, обо мне восплачьте ныне...
Боже вечный, Боже правый, я попрал Твои уставы...
Змия льстивого послушал, Твою заповедь нарушил...
От Тебя, мой Бог всевидец, думал в райской чаще скрыться...
Пред Тобою, Правосудный, оправдаться мнил, бесстыдный...
Горе мне, я пал глубоко в узы рабского порока...
Ангел грозный двери рая затворил, мечом сверкая...
Встал на страже древа жизни Херувим многоочитый...
Снизойди ко мне, Желанный, сжалься над Тобой созданным...
Слезных стонов не отрини, ради многой благостыни...
В скорби многой обретаюсь, сердцем люте сокрушаюсь.
Господи, помилуй мя падшего.

* * *

Претерпевый до конца, той спасен будет.
Матф. зач. 34.

12 Добрых друзей

1. Правда – от смерти избавляет.
2. Любовь – идеже любовь, тамо Бог пребывает.
3. Чистота – к Богу присвояет.
4. Труды – телу честь, душе спасение.
5. Послушание – скорый путь ко спасению.

6. Смирение — егоже сатана трепещет.
7. Воздержание — емуже несть заповеди.
8. Неосуждение — без труда спасение.
9. Рассуждение — выше всех добродетелей.
10. Покаяние — радость Богу и Ангелам.
11. Молитва — с постом с Богом соединяет.
12. Милость — Самого Бога дело.

О, человече Божий! Понуди себя на всякое благое дело, ибо не веси, когда скончаешися, доселе и труд твой, смерть бо вся пресечет.

Аще кто хощет по Мне идти да отвержется себе, и возмет крест свой и вслед Мене грядет. Матфея 16 гл. 24 ст.

Твой есьм аз, спаси мя.

О, Владычице мира, буди ходатаица.

* * *

Молите Бога о нас, преподобнии и богоноснии отцы, в пределах Вологодских просиявшие.

Преподобне отче Герасиме. 4 марта.

Преподобне отче Корнилие Комельский. 19 мая.

Преподобне отче Павле Обнорский. 10 января.

Преподобне отче Сергие Нуромский. 7 октября.

Преподобномученики Григорий и Кассиан, Обнежские. 15 июня.

Преподобне отче Ефреме Вологодский.

Преподобне отче Арсение Комельский. 24 августа.

Преподобнии Григорие Пельшемский и Филипп Рабангский.

Преподобнии Антоние и Афанасие Черновские.

Преподобне отче Александре, Ошевенский.

Преподобнии Авраамие и Коприй Печенгские.

Преподобне отче Александре Куштский.

Преподобне отче Иннокентие Комельский.

Преподобне отче Филиппе Ирабский.

Преподобне отче Иродионе Илозерский.

Преподобнии Кассиан и Иоасаф и блаженне Василии, иже на Кубенском езере.

Преподобне отче Геннадие Сурский.

Преподобне отче Кирилле Соозерский.

Преподобне отче Симоне Сойгинский.

Преподобнии Логин и Симон Коряжские.

Преподобне отче Агапит Маркушевский.

Преподобне отче Христофоре.

Преподобне отче Феодосие и преподобнии Макарии и Тарасии Глушицкие.

Преподобномучениче Галактионе.

Преподобне отче Стефане Вологодский. 12 июня.

Преподобне отче Димитрие Прилуцкий и Игнатий.

Преподобнии Кирилле, Мартиниан и Ферапонте Белозерские.

Преподобне отче Нил Сорский

и прочие Вологодские чудотворцы, и будите нам помощники в жизни сей, во исходе души моея, и в будущем веце, и сохраните святыми вашими молитвами от всех бед и напастей, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте. Аминь.

* * *

Якорь — надежда кораблю, а вера — якорь человеку на земле и море. Претерпевый до конца той спасен будет. Матф. 24 гл. 13 ст.

Унывать грешно, а скорбеть должно.

* * *

Обращение к смерти:

Сестра моя, возлюбленная моя, подруга моя! Хотя ты и черна, но прекрасна.

Жизнь Христос. Смерть приобретение (Филипписием, 1 гл. 21 ст.).

Не убойся временного труда добродетели, ибо воздаяние за нее вечное.

Не убиет Господь гладом душу праведную. Притч. X. IV.

Един Господь, Едина Вера, Едино Крещение. Ефесеем, 4 гл. 5 ст.

Помяни, Господи, утопших иеромонахов Антония и Алексея.

Кто есть человек иже поживет и не узрит смерти. Пс. 88[1].

Скорбей у Бога не проси, а пошлет — терпи.

Убойся паче всего имущего душу погубити в геенне огненной[2].

Ничтоже имуще, а многих богатяще[3].

Монастырь горел 30 июня 1921 года в 10 часов дня в среду, загорелось на подволоке у Онисьи игуменской.

Не береги на черный день, дак его и не будет.

Если есть пирожок, отыщется и дружок.

Блажен тот, у кого нет ничего: он не беспокоится, куда что спрятать.

Лучше свой сноп, чем чужая копна.

По бороде Авраам, а по делам Хам.

Монахиня Евстолия померла 17 августа 1924 года.

Монахиня Ольга померла 4 сентября 1926 года в 2 ч. ночи.

Помяни, Господи, рабов Твоих:

Блаженную Ксению: и ее молитвами нас грешных помилуй. Р.Б. Анну. Померла 1 июля 1853 г. Р.Б. Марфу. Р.Б. Матрону. Р.Б. Ольгу. Р.Б. Анну. Р.Б. Марию. Ирину. Ирину. Харитину. Василия, Исидора. Почивают на Смоленском кладб.

И Блаженных Р.Б. Фаддея (Петрозаводского)

Алексия Стефановича (Ростов Борисоглебский монастырь)

Антония Алексеевича (Задонскаго). Андрея, Домну Карповну. Томск.

Вечная им память.

Помяни, Господи, монахиню Варсонофию (мать свят. Филиппа).

* * *

Молитвами рабы Твоея блаженныя Ксении, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас.

За всякое слово праздное еже рекут человецы, воздадят слово в день судный. (Матфея гл. 12, ст. 36)

[1] Пс. 88, 49.

[2] Ср.: Мф. 10, 28.

[3] Ср.: 2 Кор. 6, 10.

Помяни, Господи, души усопших раб Твоих:

Ктитора Иоанна, Гавриила, Анну, Иосифа, Анисью, младенцев Николая и Афанасия, Серафиму, Марию, монахиню Лидию, монахиню Зиновию, протоиерея Феодора, иерея Константина, Вячеслава, Луку, Иоанна. Р.Б. Сампсона, Марию, Павла, Ольгу, воина Алексия, епископа Мефодия.

* * *

Помяни, Господи, всех вождей и воинов, на поле брани погибших за Родину. Вечная им память. Вечная им слава. Мир сильней войны, а жизнь сильнее смерти. Мир свет, война тьма. Мир благословен, война проклята.

* * *

Думы старого дьячка

Галки над колоколами с криками снуют,
голуби машут крылами и воркуют тут.
Оперевшись на перила к солнышку спиной,
смотрит вниз оттоль Кирилыч, пономарь седой.
Нынче в день Страстной Субботы, выбившись из сил,
он покончил все работы: чистку риз, кадил,
новыми почти коврами солею убрав,
вымел чисто пол во храме, хвою разбросав,
новой белой пеленою аналой покрыл,
Триодь Постную Цветною он на нем сменил.
И тогда, собой доволен, что все в блеск привел,
он на мир свой колокольный отдыхать пошел.
В этом мире оживает он всегда душой,
здесь начальства он не знает, здесь он сам большой.
Времена теперь другие, старым не под стать,
за дьячка и то большие деньги надо дать,
цену все себе узнали, продувной народ,
ищут где бы деньги дали да большой приход.
А дьячки-то молодые стали уж не то,
стриженые, обритые, ходят все в пальто,
про подрясник позабыли, не к лицу вишь им,
старики-то дорожили званием своим.

А по службе где угнаться им до стариков,
не умеют толком взяться и за Часослов,
изредка Устав читают, есть и таковы,
благовещенской не знают в твердости главы.
А коснуться если пенья, далеко до нас,
нет ни складу, ни уменья, поют кто как горазд.
Ныне знаменна распева редко где слыхать,
стали новые напевы в церкви запевать.
Позабыли обиходы, в Уставе, как во тьме,
нынче лишь одни доходы держат на уме.
А на колокольню кто их уж заставит влезть,
не знавали времен строгих, гордость у них есть.
Эх, не то мы испытали на веку своем,
сами церковь подметали с сторожем вдвоем,
пред священником являлись, голову склоня,
благочинного боялись пуще, чем огня.
А владыка как приедет, уж бывало тут
и душа-то замирала, словно Страшный Суд.
Было строго, но зато мы тверды на своем,
и с Уставом-то знакомы, все что хошь споем:
хоть «Всемирную ли славу», хочешь ли «Чертог»,
иль как надо по Уставу в праздник «С нами Бог»,
задостойник, самогласны, ирмосы, канон,
их не всяк споет прекрасно, даже кто учён.
Мало одного ученья, тут нужна душа,
каждая по содержанью песнь-то хороша:
ведь святые песнопенья от святых отец,
писаны для умиленья, для простых сердец.

* * *

Покров Божией Матери

В святом Цареграде творит патриарх
во храме Влахернском моленье,
с ним молится вместе Лев, мудрый монарх,
прося от врагов избавленья.
К холодному полу главою поник
в молитве Андрей юродивый

и с ним Епифаний, его ученик,
смиренно стоит молчаливо.
Вдруг храм озарился небесным огнем,
в нем велие чудо свершилось,
среди Херувимов в величье святом
Пречистая Дева явилась.
Молящихся в храме усердно людей
покрыла Она омофором.
«Ты видишь ли, чадо? — воскликнул Андрей,
с блистающим радостью взором.
«Да, отче, — сказал Епифаний в ответ, —
я вижу, Пречистая Дева
Своим омофором спасает от бед,
от страшнаго вражия гнева».
И в страхе великом бежали враги
с роскошных полей Византии,
и мы с незапамятных дальних времен
все молимся Деве Марии.

Владычице, Владычице! Помози людем Твоим.

Преподобне отче Корнилие, моли Бога о нас. 11 августа 1631 г. г. Александров.

* * *

Помыслы, как бы огнем опаляясь, именем Господа Иисуса невидимо отбегут.

Живи проще, и Господь тебя не оставит.

Молитва везде действует, хотя не всегда чудодействует.

Чужой бедой сыт не будешь.

Что бы ни пришло, одно трости[1]: Господи, прости.

Не бойся сильного грозы, а бойся убогого слезы.

* * *

Киев

Высоко передо мною старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою переливным серебром,

[1] Тростить — повторять, твердить одно и то же.

Слава, Киев многовечный, Русской славы колыбель,
Слава, Днепр наш быстротечный, Руси чистая купель.
Сладко песни раздалися, в небе тих вечерний звон.
– Вы откуда собралися, богомольцы, на поклон?
– Я оттуда, где струится тихий Дон, краса полей.
– Я оттуда, где клубится беспредельный Енисей.
– Край мой теплый брег Евксина.
– Край мой брег тех дальних стран,
где одна сплошная льдина оковала океан.
– Дик и страшен верх Алтая, вечен блеск его снегов,
там страна моя родная.
– Мне отчизна старый Псков.
– Я от Ладоги холодной.
– Я от синих волн Невы,
– Я от Камы полноводной.
– Я от матушки Москвы.
Слава, Днепр седые волны,
слава, Киев чудный град,
мрак пещер твоих безмолвных
краше царственных палат.

* * *

Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего... и просвети ему ум светом разума святаго Евангелия Твоего, и настави его на стезю заповедей Твоих, и научи его, Спасе, творити волю Твою, яко Ты еси Бог наш.

* * *

Пусть жребий твой весьма печален,
судьбу свою не проклинай,
и под бичом невзгод суровых
на Бога только уповай.
Пусть болен ты душой и телом,
но смерть к себе не призывай,
молись Творцу и терпеливо
на исцеленье уповай.
Пусть беден ты, но будь доволен,

обогащенья не желай,
и, лишь трудясь для пропитанья,
на помощь Бога уповай.
И пусть ты ближними обижен,
терпи обиды и прощай.
И вот весь смысл, вся мудрость жизни:
на Бога только уповай.

* * *

Поляки ночью темною, пред самым Покровом,
с дружиною наемною сидят перед огнем.
Исполнены отвагою поляки крутят ус,
пришли они ватагою громить Святую Русь.
И с Польскою державою пришли из разных стран
пришли войной неправою враги на россиян.
А там едва заметная меж сосен и дубов,
во мгле стоит заветная обитель чернецов.
Монахи с верой пламенной во мглу вперили взор,
с смиренною молитвою ведут ночной дозор.
Среди мечей зазубренных, в священных стихарях,
и в панцирях изрубленных, и в шлемах, и в скуфьях.
Не раз они пред битвою, презрев ночной покой,
смиренною молитвою встречали день златой,
не раз, сверкая взорами, они в глубокий ров
сбивали шестоперами литовских удальцов.
Ни на день в их обители глас Божий не затих,
блаженные святители в окладах золотых
глядят на них с любовию, святых ликует хор,
они своею кровию врагу дадут отпор.

* * *

Колыбельная песенка

Бог, дитя, тебя создал, ты подобен Ему стал.
Бай, бай, лю, лю, лю, лю, лю.
Иерей тебя крестил, трижды в воду погрузил...
Во имя Троицы крестился, чадом Божьим ты явился...
Ангел дан тебе хранитель, жизни всей твоей водитель...

Он хранит тебя всегда, избавляя от врага...
В храм святой начнешь ходить, имя Божье будешь чтить...
А научишься читать, будешь Бога прославлять...
Евангелье изучай, волю Божью познавай...
Бога всей душой люби, тяготы людей неси...
Целомудренно живи, сердце Богу подари...
Почитай отца и мать, будешь благом обладать...
В трудах будешь день ты весь, с медом хлеб ты будешь есть...
Бог труды благословляет, людям счастье посылает...
Бай, бай, лю, лю, лю, лю, лю.

* * *

Выше счастья Родины нет в мире ничего.

* * *

Ты корову накорми, ты корову напои,
ты ворота ей открой и впусти ее домой.
А корова вечерком напоит нас молочком.

* * *

8–21 октября 1960 года в 3 часа дня помер Его Преосвященство, преосвященный Исаия, епископ Угличский, управляющий Ярославской епархией.

Помяни его, Господи, Царство ему Небесное.

* * *

Празднование Цельбоносной Стопе Божией Матери совершается в Лавре Почаевской в день Источника Божией Матери, в Пяток Светлой недели.

* * *

О, Всепетая Дево вечная,
Дево чудная всесвятейшая,
Помощь скорая беспомощному,
Жезл для старого и усталого,
Кров для странного беспокровного,
Дите сирому бесприютному,

Матерь нежная сердобольная!
Я Тебя молю, Всесвятейшую,
не отринь мою мольбу грешную,
преклони ко мне на моление,
поспеши ко мне на спасение.
Руку крепкую Ты простри ко мне,
милость чудную удиви на мне,
заступи меня беззащитного,
не покинь меня всем постылого,
помоги идти стезей тесною,
помоги нести ношу трудную.
О, Всепетая, я Тебе пою,
Сердобольная, услышь песнь мою.

* * *

Богатый пьет пока чай густой, а бедный пока самовар пустой (поговорка). Чай не пьешь — какая сила, а попьешь — совсем ослаб.

* * *

Тятя помер 13 ноября н. ст. 1958 года в 2 часа ночи.

Мама умерла 7 сентября н. ст. 1961 года.

Царство им Небесное, оба померли по-христиански с напутствием Святых Таин и могилки рядом. А на похороны все собрались и помянули как следует. Помяни их, Господи, по обоим служили Парастасы, а утром в день погребения полную Панихиду. Тятю отпевали в храме свт. Леонтия соборне, а Маму у Покрова Божией Матери тоже соборне.

* * *

Праведник во веки живет.

Помяни, Господи, затворника Досифея.

Помяни, Господи, старца Тимона.

Господи, Господи, за молитвы праведников помилуй грешников.

Аз есмь червь, а не человек.

В печалех наших буди нам Утешитель благой и Помощник скорый.

Великие люди рождаются веками.

Как дым изгоняет пчел из улья, так плотские излишества изгоняют духовные дары и совершенство ума.

Всем бы прост, да лисий хвост.

Поучайся не успехами, а ошибками: успех опьяняет, а ошибка отрезвляет.

Между слепых кривой первый вождь.

Ни в какую суету не вдавайся, хлопотливых дел остерегайся.

Утопающего ливень не страшит.

Природа лечит все болезни.

Помни Бога и в печали и в радости.

Без страдания нет и счастия.

Ешь не наедайся, пей не напивайся, вперед не кидайся, в середку не мешайся, позади не оставайся.

До Прохора старуха охала, пришел Прохор да Влас — никак скоро весна у нас.

Жизнь — великое дело.

Обычай бычий, а ум телячий.

Чувство лучший разум.

Живой воробей лучше мертвого льва.

Наукой свет стоит, ученьем люди живут.

* * *

1–14 марта 1983 года в понедельник прилетели грачи.

* * *

Не мути родника, утолившего жажду твою.

Живут одни надеющиеся, не лишай бедного надежды.

Добрый смех — не грех.

Счастье пучит, беда крючит.

* * *

Стояла лестница однажды у стены.
Хотя ступни все меж собой равны,
но верхняя ступень пред нижними гордилась.
Шел мимо человек, на лестницу взглянул,

схватил ее, перевернул —
и верхняя ступень внизу вдруг очутилась.

* * *

Побольше грамотных, — поменьше дураков.
В котором доме нет грамотных, тот дом тюрьма.
Грамотный утверждает не ревом, а умным словом.
Ученье свет, а неученье тьма.
С кем поведешься, от того и наберешься.

* * *

Простой цветочек дикий
попал в один пучок с гвоздикой, –
и что же? От нее душистым стал и сам.
Хорошее знакомство в прибыль нам.

* * *

Не откажи тому, кто просит ради Бога
себе ночлег иль хлеба под окном,
хотя б он был ханжа иль вышел из острога
или богач под рваным зипуном.
Зачем нам знать, кто под окном стучится,
кто вопиет о помощи до нас,
кто в рубище зимой по улице тащится,
кто голоден, быть может, в этот час?
Зачем нам знать о том, какие побужденья
велят ему о помощи взывать?
Коль скоро ищешь ты душе своей спасенья,
не откажись просящему подать.
В лице его гласит Священное Писание,
ты дашь Тому, Кто надо всем царит,
Кто всем нам дал обет, что всякое даянье,
Он Сам, Он Сам сторицей возвратит.
Итак, кто б ни был тот, кто просит ради Бога, —
его и мысленно ты бойся оскорбить.
Подай и не суди, да не осудит строго
Тот и тебя, Кто будет всех судить.

* * *

Помяни, Господи, святогорского схимонаха Илария и иеросхимонаха Иеронима. † 14 ноября 1885 г. Их молитвами помилуй нас.

* * *

Молите Бога о нас, стражие наши руководители, бесов отгонители, преподобнии отцы Киево-Печерские.

Антоние и Феодосие.
Прохор.
Иоанн, постник.
Василий и Феодор, преподобномученики.
Поликарп, архимандрит.
Варлаам, игумен.
Дамиан, целебник.
Никодим, просфорник.
Лаврентий, затворник.
Афанасий, затворник.
Еразм.
Лука, эконом.
Агапит, врач безмездный.
Феофил и Иоанн, во единой раке почивающие.
Нектарий.
Григорий, иконописец.
Кукша.
Алексий, затворник.
Савва.
Сергий, послушливый.
Святитель Меркурий, епископ Смоленский.
Пимен, многоболезненный.
Нестор, летописец.
Евстратий, преподобномученик.
Елладий, затворник.
Иеремия, прозорливый.
Моисей Угрин, преподобномученик.
Иоанн, многострадальный.
Марк, гробокопатель.

Никола святоша, князь Черниговский.
Григорий, чудотворец.
Онисим, затворник.
Матфей, прозорливый.
Исаия, чудотворец.
Авраамий, трудолюбивый.
Нифонт, епископ Новгородский.
Силивестра.
Пимен, постник.
Онуфрий, молчаливый.
Анатолий.
Алипий, иконописец.
Сисой, затворник.
Феофил, затворник.
Арефа, затворник.
Спиридон, просфорник.
Онисифор, исповедник.
Симон, епископ Суздальский.
Никон, игумен.
Феофан, постник.
Макарий, преп.
Анастасий, диакон.

Святые дванадесять мастеров зодчие церкви Печерския.

Авраамий, затворник.
Исаакий, затворник.
Илия Муромец.
Иоанн, младенец.
Никон, сухой.
Ефрем, епископ Переяславский.
Тит, иеромонах.
Евфросиния, княжна Полоцкая.

Иулиания, княжна Ольшанская, и св. мироточивые главы числом тридесять, почивающие в Дальних пещерах, и будите нам помощники в жизни сей, во исходе души и будущем веце.

Память их 23 сентября.

* * *

Молите Бога о нас преподобнии отцы Киево-Печерские, почивающие в Дальних пещерах.

Моисей, чудотворец.

Лаврентий, затворник.

Иларион, схимник.

Пафнутий, затворник.

Мартирий, диакон.

Феодор, князь Острожский.

Афанасий, затворник.

Дионисий, затворник.

Феофил, епископ Новгородский.

Зинон, постник.

Григорий, чудотворец.

Ипатий, врач и целебник.

Лукиан, священномученик.

Иосиф, многоболезненный.

Павел, послушливый.

Сисой, схимник.

Нестор, некнижный.

Памва, затворник.

Феодор, молчаливый.

Софроний, затворник.

Панкратий иеромонах, затворник.

Анатолий, затворник.

Аммон, затворник.

Мардарий, затворник.

Пиор, затворник.

Мартирий, затворник.

Руф, затворник: в церкви Благовещения Пресвятой Богородицы.

Вениамин: по выходе из церкви.

Кассиан, затворник.

Арсений, трудолюбивый.

Евфимий, схимник.

Тит, воин.

Ахила, диакон.

Паисий, преп.

Меркурий, постник: в церкви преп. Феодосия игум. Печерск.

Макарий, диакон.

Пимен, постник.

Леонтий, кононарх.

Геронтий, кононарх.

Захарий, постник.

Силуан, схимник.

Агафон, чудотворец.

Игнатий, архимандрит. Отсюду недалече мироточивая глава неизвестного святого: преп. Логин вратарь и св. мироточивые главы тридесять, и едина голень.

Память их 28 августа.

* * *

Каждодневно выметай свою избу, да имей хороший веник.

Станови утром и вечером самовар, да грей воду, подкладывая углей, ибо горячая вода очищает и тело и душу.

Учись умной молитве сердечной, как учат святые отцы в Добротолюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу.

Учись творить молитву чрез ноздряное дыхание с сомкнутыми устами. Это искусство есть бич противу плоти и плотских похотений.

К обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: Богородицею помилуй нас.

Не туши огня, который тебя не жжет.

Льстец всегда найдет в сердце уголок.

Человече, имей две печали: 1. где и как помру. 2. где душа покой найдет.

* * *

Сказание о явлении Толгской иконы Божией Матери 8 августа 1314 года

Много икон Богоматерь явила
в нашем отечестве в разных местах,

с ними всегда благодатная сила —
верным в спасение, недругам в страх.
Ими Заступница дух подымала
всех изнывавших под гнетом скорбей,
ими недуги телес исцеляла
с верой, надеждой молившихся Ей.
Счастлив тот город, он не беспризорный,
где есть Владычицы лик чудотворный:
точно стеной нерушимою он,
Вышняго силой всегда огражден.

Прохор, смиренный епископ Ростова,
область обширную стада Христова,
паствы духовной своей, объезжал.
Сверху по Волге он путь совершал,
в град Ярославль вожделея прибыть.
Шесть только поприщ осталось проплыть.
День вечерел. «К Ярославлю до ночи,
нам не добраться днесь, други мои,
здесь остановимся мы против рощи», —
клиру епископ сказал и ладьи
к правому брегу велел направлять.
Берег высокий, довольно простору,
тишь и безлюдье, жилья не видать.
Медленно все поднялися на гору,
выбрали место где на ночь пристать.
Слуги разбили палатку для стана,
утром чтоб встать по обычаю рано,
после молитвы свой путь продолжать.

Тихо над Волгою ночь опустилась,
в бездне надземной светила зажгла,
свита владыки в пути утомилась,
мирно с молитвой ко сну отошла.
Тихо на Волге. Вот крик коростели
в зарослях где-то прервал тишину,
звуки неслись и опять присмирели,

место давая безмолвью и сну.
Все ли в объятиях ночи беспечной?
Нет, в попеченьях об участи вечной
в полночь глухую неслышной стопой
вышел святитель на подвиг ночной.
Страж неусыпный церковного склада,
сна не давал он своим очесам,
грозною силою был он для ада,
вся, как и Павел Апостол, был всем:
слабым заступником, миротворителем,
оком слепым и ногою хромым,
правды поборником, строгим блюстителем
Веры Христовой, заветов святых.
К небу воздев, преподобные руки
вместе с душою направил он ввысь,
воплей сердечных безмолвные звуки,
к трону Господню, как ладан неслись.
С вышняго мира небес осененья
пастве своей и всем верным просил,
русским князьям меж собой примиренья,
каждый чтоб в жизни пред Богом ходил,
силы, терпенья в татарской неволе,
час испытанья не минет доколе.
Молится пастырь, одна за другою
катятся слезы по бледным щекам.
Вдруг осветило... Что это такое?
Смотрит святитель, не верит очам:
столп огнезрачный за Волгой явился.
В роще-дубраве, где Толги исток,
местности вид от столпа озарился,
видит епископ чрез Волгу мосток.
(Мост лишь казался блаженному чудно,
только вода стала в Волге густей.)
Свита по-прежнему спит беспробудно,
дивное зрелище скрыто от ней.
Страхом священным в душе пораженный,
жезл архипастырский взяв лишь с собой,

водной дорогой огне-освещенной
Прохор отправился к тайне святой.
Зеркало Волги невлажно прешед,
спешно идет на сияющий свет.

Точно небесная вскрылась завеса
огненный светоч на землю спустить,
видит святитель, средь рослого леса,
в воздухе трепетном образ стоит.
Болей чем на пять локтей от земли,
(локоть 10, 5 вершков)
люди рукою б достать не могли.
Славой небесной икона сияет,
купы деревьев далеко кругом
девственной рощи она освещает,
явльшимся с ней не опальным огнем...
Божия Матерь на ней Приснодева
с Богомладенцем в пречистых руках.
Пал ниц святитель к подножию древа,
с тающим сердцем, в умильных слезах.
Много незримого миром моленья
он пред Печальницей мира излил,
всем православным прося заступленья,
в ихних трудах подкрепленья и сил,
знаменья. Милости ради взывая,
Прохор блаженный в мольбах пламенел,
сам перед Ней, как свеча пудовая,
ярко за паству и люди горел.
Радуйся, Матерь предвечного света!
Радуйся, мост к небесам преводяй!
Солнечной силой тепла и привета
нас удрученных согрей, осияй,
Ты, ненадежных едина надежда,
здравие душ, исцеленье больных,
Ты, боготканный покров и одежда
впадших в разбойничьи руки нагих.
После молитвы восторженной долгой,

жезл свой от радости взять позабыв,
Божий избранник вновь шествует Волгой,
якобы по мосту, вне себя быв.

В стане по-прежнему тишь, безмятежье,
стража, священники, клирики спят.
Так незаметно для них на прибрежье
путник чудесный вернулся назад.
Так и на ложе свое незаметно
лег и почил до зари предрассветной.
Спал ли святитель в ту дивную ночь,
спящего ль вид показал своим людям —
кто в состояньи сие превозмочь,
мы к сему тоже стремиться не будем.
Ночь перешла, воцарилося утро,
миру не явлена тайна небес.
В Волге игра бирюзы, перламутра,
тихо прибрежный колышется лес.
Солнце восходит, восток все румяней,
слышится слава пернатых Творцу —
жизнь началась, и в святительском стане
утрени служба подходит к концу.
Вот уже свита к отплытию в сборе,
время епископу в лодку идти.
Мечутся слуги с тревогой во взоре,
ищут все жезл и не могут найти.
Здесь он оставлен, куда ж он девался?
Бог весть куда в эту ночь он исчез,
мудрый святитель тогда догадался:
хочет быть явлена тайна небес.
Вспомнил, что жезл у иконы явленной,
там, где он ночью молился, забыл.
Божьим веленьем до слез умиленный,
первое время он уст не открыл.
Только, закрывши свой лик от волненья,
плакал святой и глубоко вздыхал,
с духом собравшись, исполнясь смиренья,

голосом тихим он всем рассказал,
как он столп огненный видел, всем спящим,
как через Волгу как по мосту шёл,
как на воздусе в сияньи стоящий,
образ Царицы Небесной нашел (обрел),
как за молитвой свой жезл там оставил,
тем же путем возвратившись назад.
Плача, епископ лишь перст свой направил,
где освященные древа стоят.
Страха исполнившись, свита внимает
чудным святого владыки речам.
Он же приказ, успокоясь, вещает
ехать за Волгу немедля слугам.
Слуги, испуг свой недавний и ложный
скоро забыв, по речному пути
едут на берег противоположный
жезл знаменательный в роще найти.
Вот и дубрава, меж соснами веет
нежный смолистый эфир аромат;
небо глубокое нежно синеет,
радостен, жизнен природы наряд.
Взоры владычных посланцев пытливо
вглубь проникают, и се, на земли
образ Пречистой как горнее диво,
меж древесами стоящим нашли.
В том самом месте, где Прохор блаженный
с берега свите перстом указал,
там же забытый им, но не забвенный,
жезл архипастырский близко лежал.
Люди с любовью к святыне припали,
славя Заступницу Русской земли,
в радости духа жезл найденный взяли,
и в путь обратный поспешно пошли.
Приплыли к стану, владыка встречает,
старший из слуг обо всем говорит,
путь в град епископ тогда отлагает,
ехать всем вкупе за Волгу велит.

Ширь величавую царственной Волги
все переехали, далей идут.
В девственной роще близ берега Толги
скоро нашли благодатный уют.
Здесь Богоматерь Свой образ явила,
дав нам спасения новый залог,
с нами премудрость, и слава и сила,
с нами безлетный Младенец Сам Бог.
Вновь преподобный святыню узрел,
с радостью чудный в ней образ призрел,
виденный ночью им здесь средь дерев,
огненным светом который сиял.
Снова святитель упал на колени,
к образу Девы приникнув главой,
вновь фимиам слезоточных молений
канул на образ медвяной росой.
Сценой священной растроганы люди,
вслед за владыкой поверглися ниц,
трепетно, сладостно дышут их груди,
чистые слезы сбегают с ресниц,
в радости духа поют, величают
Божию Матерь за милость Ея,
образ честный умиленно лобзают,
слезы, как жертву, обильно лия.
«Храм будем строить, здесь будет обитель», —
спутникам твердо епископ сказал.
Сам же смиренный подвижник святитель
им трудолюбья пример показал.
«С Богом, — сказал он, — нет больше печали,
Свет животворный ниспал к нам с небес».
В этот же миг топоры застучали,
на дом Владычицы сечь стали лес.

Весть в Ярославле о чуде с владыкой
быстро по граду прошла до конца,
радостно милостью Божьей великой,
жителей всех всколыхнувши сердца.

К образу сердцем стремяся прильнуть,
многие тотчас отправились в путь.
Всякого возраста, пола и званья,
в здравьи и немощи сущие шли,
шли со скорбями, слезой упованья,
в помощь Заступницы Русской земли.
Старцы и юные мужи и жены,
нищие следом за знатью брели,
клир и миряне — с явленьем иконы
в радостном чувстве все люди слились.
Точно на крыльях без устали скоро,
люди на Толгу идут и идут,
радостен, весел их тон разговора,
скорбные мысли сердца не гнетут.
Чу! Где-то пенье согласное льется:
то поет группа идущих мирян,
плавно по водной равнине несется
в честь Богоматери песнь христиан.
Еле слыхать ветерка дуновение,
летнее солнышко греет тепло,
мнится, святое небес осененье
к людям на землю уже снизошло.
Там же на месте явления чуда,
церкви постройка успешно идет,
много тут трудится пришлого люда,
лепту усердия каждый несет.
Где огневидно явилась святыня,
храм вырастает бревно за бревном,
крепость духовная, верным твердыня,
чаемый всеми Владычицы дом.
Близ того места под сенью древесной,
стражем из свиты владыки храним,
образ явленной Царицы Небесной,
скромно стоял на столе. Перед ним
свечи паломников ярко пылали,
вкруг его люди, собравшись толпой,
руки, припадая ниц, простирали

к Деве Марии с усердной мольбой.
Много недужных больных исцеленья
в тот день прияли по вере своей,
все получили тогда утешенье,
кто изнывал под напором скорбей.
Матери Божьей блаженный избранник,
устали Прохор святитель не знал —
горнего града взыскующий странник
здесь ветроград для других насаждал.
Вот уже к вечеру день сей склонился,
храм обыденный готов уже был.
С клиром при стекшейся пастве словесной
малую церковку он освятил,
имени входа Царицы Небесной
в храм палестинский ее посвятил.
Вскоре был с честью, святыне присущей,
в храм новоявленный образ внесен,
и, как маяк под церковною кущей,
милостью Божией здесь водворен.
Так основавши обитель, поставил
тут же епископ игумена в ней,
сделав указку для будущих правил,
иноков дав тож из свиты своей.
Личным усердьем миряне радели
строить в дальнейшем Владычицы дом,
купы деревьев тощали, редели,
вместо их выросли кельи кругом.
Много паломников к Матери Божией
видела роща в те первые дни,
как с беззаветною верой к подножию
образа все повергались они.
Плыли по Волге в ладьях с парусами,
ехали, шли вдоль реки берегами
князи с семьями, бояре, купцы,
пастыри церкви, простые селяне,
иноки, инокини, чернецы,
ратные люди и все христиане.

Так начался подвиг богоугодный,
странствия людей на Толгский исток.
С этого дня беспрерывно народный
верующих людей стремится поток.
Огнь, сшед с иконой для мира незримо,
зримый светильник на веки зажег,
жертвой за мир приносимой
присно умилостивляется Бог.

Епископ Прохор, в схиме Трифон, которому явился на Толге образ Богоматери, помер 7 сентября 1328 г.

Его святыми молитвами помилуй нас, Господи.

* * *

Мазь против лишаев

Взять 1 желток яичный свежий и 1 столовую ложку свежего сливочного масла, 1 ложку хорошего чистого дегтю. Все это мешать, пока не получится густая мазь. Ею намазывать пораженные места два раза в сутки, покрывая сверху чистыми бинтами. От этой мази очень хорошо залечиваются и разные струпья.

* * *

14–27 ноября 1961 года. Приснился сон. Вроде огромный и прекрасный луг, и отмежеваны полосы, и одна хорошая прямая полоса, и она никому не принадлежит. А я вроде и думаю: возьму я ее себе, а кто-то говорит: «Бери, у вас есть две, надо и третью». И я на колышке написал Груздева.

Думаю так: есть две могилы Тяти и Мамы, а третью взял для себя. Хватит, слава Богу, пожил. Жизнь моя прямая, ни у кого сроду ничего не украл и сроду никому не завидую, своя есть полоса — прямая чистая жизнь, смерти не боюсь. Священник Павел Груздев. Никем не обижен всю жизнь, но с одним мужчиной меня Господь на Страшном Суде рассудит. Господи, Ты ему судья. Язык клеветника змеиный яд. Всю жизнь живу, Богу верую от всей души, всех люблю, как сам себя, даже шибче, всем желаю только добра, и нет

на свете краше Родины нашей. Всем желаю только хорошего.

* * *

Ежик — ни головы, ни ножек.

Рисовал Олег слона, да перестарался,
получилось полслона, карандаш сломался.

Братик мой гулять идет — боты задом наперед,
вышел он и рассмеялся: «Я без мамы обувался».

Загадки

И поучит, и научит, и покажет, и расскажет, а потом на полку ляжет.

Шею выгнув, грудь вперед, в новых красненьких сапожках, он вразвалочку идет, только ты, малец, не трусь, это наш домашний ...

Глазки-бусинки зеленые, в лапах сабельки точеные.

За то, что завял он зеленым в чулане, зимой отхлестал он хозяина в бане.

Спит под елкой колобок — колючий бок.

Хвост завязан на бревне, ушки — в озере на дне.

Под дубом горбатым поет старичок — латунное горло, стальной язычок.

* * *

Святое братство сохраняйте, любите ближних как себя,
приюта злобе не давайте, покоем братским дорожа.
Падет ли кто или преткнется, не будьте строгими к нему,
в сто крат больнее приведется упасть, быть может, самому.
В пути крутом, пути опасном скользит и твердая нога,
при братстве мирном и согласном лишь может твердо встать она.
Один другому помогайте, нося друг друга тяготу,
как свет на свещнице сияйте, в обетах Господу Христу.

* * *

Болезнь души болезнь есть злая,
не дай, Господь, ее всем нам,
а плоти боль есть боль благая,
она возводит к небесам.
Болезнь грехи нам очищает
и к покаянию зовет,
на путь добра нас наставляет,
и в Царство Божие ведет.
Болит ли плоть, душа здорова,
слабеет тело, дух растет,
кто на земле страдает часто,
тот со Христом всегда живет.
Не в силе Бог и не в здоровье,
скорей здоровым Бог забыт,
но в немощи Господня сила,
и у больного Врач стоит.
Вот потому ты, друг, в болезни
не унывай, не смей роптать,
болезнь есть Божье вразумленье,
в болезнях Божья благодать.

* * *

Молитвами иноков Господь содержит сей мир.

Помяни, Господи, иркутского схимонаха Герасима. †20/I 1776 г. и архимандрита Сенесия. †10 мая 1787 г.

* * *

Не презирай — люби людей, люби как брат родного брата,
пред Богом мы без степеней равны и бедный, и богатый.
Не презирай — люби людей и так люби, чтоб оставляли
глубокий след в душе твоей их жизни радость и печали.
Не презирай — люби людей, пока порыв любви возможен,
и знай, что этот мир страстей, пред миром вечности ничтожен.

* * *

Каждый день рассуждай, в чем погрешил, и если помолишься о том, Бог простит тебя.

Возлюби смирение, и оно покроет тебя от грехов твоих.

Как червь, истачивая дерево, уничтожает его, так злоба в сердце омрачает душу.

Если оставить вино на ветру, то это губит его вид и вкус, так и гордость губит всякий плод человека.

Приучи язык свой говорить «прости», и смирение низойдет на тебя.

* * *

Где ты, отче мой, сокрылся и оставил ты меня,
сам на Небо преселился, что ж я буду без тебя?
Кто печаль мою утешит, кто покажет к Небу путь,
и бессильного поддержит, не допустит утонуть?
Ты любовь мою ведь ведал, нежно сам меня любил,
всю сиротства скорбь предведал, что ж ты, отче,
сотворил!
Не могу уже в разлуке долго я с тобою жить,
не могу несносной скуки с благодушием сносить.
Не навык терпенью я, ибо счастлив был всегда,
лишь вкушал я утешенье, чашу сладости я пил.
Быв носимый я на дланях нежно любящим отцом,
и не думал о страданьях, лишь хвалился я Творцом.
Все мое было старанье, чтобы слушаться тебя,
в сердце твердо упованье, что возьмешь с собой меня.
Ныне же всего лишился я с потерею отца,
И, в печали погрузившись, не предвижу и конца.
Вместо недр твоих, мой отче, падаю на гроб твой я,
сердцу день от дня все горче, что забыл ты про меня.
Мрак всю душу покрывает, мне неведом тесный путь,
ужас сердцем обладает, страшно в бездне утонуть.
Боже мой, к Тебе взываю, не остави Ты меня,
в скорби сердца прибегаю, ведь Твое созданье я.
Пощади, не дай погибнуть, сирых всех ведь Ты отец,
помоги к Тебе достигнуть, где печалям всем конец.

* * *

Смертный час мой наступает, добрых дел нет у меня,
дума сердце устрашает: с чем на Суд предстану я?
Все дела на вид благие, что вы видели во мне,
это тени лишь пустые, это мысли лишь одне.
Страшно, Боже, мне явиться в час исхода пред Тобой,
трудно правым оправдаться, о, не вниди в суд со мной.

* * *

О, Пресвятая Госпоже Владычице Дево Богородице, приими недостойную молитву мою, и сохрани мя от напрасныя смерти, и даруй ми прежде конца покаяние.

Пресвятая Богородице, спаси нас, Ты мне хранительница жизни сей явися, Пречистая, Ты мене избави от бесов в час смерти. Ты и по смерти упокой. Аминь.

Богородице Дево, упование христиан, покрой и соблюди нас Твоими к Сыну Твоему и Богу молитвами, от всякия нужды и печали.

Преподобне отче Сергие и святителю отче Леонтие, молите Бога о нас, храм же, посвященный вашему святому имени, непоколебим сохраните.

* * *

Употреби труд, имей мерность — богат будешь.

Не опивайся, не объедайся — здоров будешь.

Твори благо, бегай злаго — спасен будешь.

Чистый не может смыть пятна, выдуманного злой мыслью клеветника, и часто смывает ее своей кровью.

Сплетни это тоже клевета.

* * *

Среди лесов в глухой пустыне,
каких уже немного ныне,
отшельник жил отец Савватий,
и с ним еще двенадцать братий.
Хотя и стар Савватий телом,
но все же был вождем умелым

для тех, кто рвался в этой жизни
достичь блаженныя отчизны.
Учил же он не только словом,
как житием своим суровым,
отшельник ведал из Писанья,
что где пример там подражанья.
И старца все за то любили
и на совет к нему ходили,
один принять благословенья,
другой в печали утешенье,
иной совет как сделать дело,
чтоб шло и быстро и умело.
Одно лишь братий огорчало:
жить оставалось старцу мало,
что ныне-завтра день настанет,
и в очи смерть ему заглянет.
Другой же, добр так и разумен,
найдется ли для них игумен?
Раз как-то слух дошел до братий,
что хочет видеть их Савватий.
Оставив всяк свое поделье,
спешат они ко старцу в келью.
А он, сидя на бедном ложе,
встречает их, как Ангел Божий,
всегда ему обычным словом:
«Спасайтесь, братия Христова!»
И, дав им всем благословенье,
сказал с слезами умиленья:
«Отцы, и братия и чада,
уж близок мой последний час,
когда Господь, моя отрада,
переселит меня от вас.
И вот желаю на прощанье
при переходе в мир иной,
я вам оставить завещанье,
как жить в сей юдоли земной.
Не знаю я, кто вам заменит

меня, убога чернеца,
и ваши как потом оценит
не в меру пылкие сердца,
но верю я, что много горя
и мало счастья встретит тот,
кто в жизни сей, как в бурном море,
один без кормчего плывет.
Он редко края достигает
и часто, выбившись из сил,
в волнах житейских погибает,
как без руля и без ветрил.
Надеюсь, чада, вам понятны
слова последние мои,
пример же более наглядный
найдете средь своей семьи.
Итак старайтесь быть послушны
отцу игумну до конца.
Игумен добр, то это значит,
что вы и сами хороши,
когда же плох, пусть всякий плачет
о гибели своей души.
Друг друга честью почитайте,
усердны будьте и в трудах,
постигнет скорбь, не унывайте,
награда будет в Небесах.
С вниманьем стойте в Божьем храме,
читайте, пойте не борзясь,
и не гонитесь за деньгами,
они позор и стыд для нас.
Как можно чаще вспоминайте,
зачем оставили вы мир,
зачем пришли, не забывайте,
в пустынный этот монастырь.
Да будет чуждо вам и пьянство,
оно для иноков огонь,
молитеся за мир мятежный,
за тех, кому там тяжко жить,

кто на спасение надежду
успел в душе своей затмить.
И за меня молитесь, чада,
чтобы Господь грехи простил
и врат небесные ограды
передо мной не затворил».
Сказав сие, он грудь рукою
перекрестил с большой нуждою,
затем вздохнул, и отлетела
его душа навек от тела.
Повергнув в плач двенадцать братий,
покинул их отец Савватий.

* * *

Деньги есть великое зло для человека. Слава Тебе, Господи, что я не имею пристрастия к ним.

* * *

Преподобный Серафим Саровский

Вот он, блаженный пустынник, взыскующий
века грядущего благ неземных.
Вот он в скорбях, как мы в счастье ликующий
душу готовый отдать за других.
Тихо тропинкой лесной пробирается,
в кожаной мантии, в лычных лаптях,
крест на груди его медный качается,
сумка с песком у него на плечах.
Вьется Саровка извилистой впадиной,
сосен столетних красуется строй,
и, на ходу подпираясь рогатиной,
движется старец неспешной стопой.
Телом согбенный, душою смиренный,
в пустыньку он помолиться идет,
но, и молитву творя сокровенную,
он для трудов свой топорик несет.
Белый на нем балахон, серебристые
шапочкой ветхой прикрыв волоса,

в глубь он души устремляет лучистые,
полные ласки душевной глаза.
Силою он одарен благодатною,
пылкой душой прозревает он вдаль,
видит он язвы людские невнятные,
слышит он вопли, и всех ему жаль.
Он и утешить готов безутешного,
слабое детство от смерти спасти,
и лишь к сиянию света небесного
грешную душу мольбой привести.
Всем изнемогшим в огне испытания
«Радость моя, — он твердит, — не скорби,
бури душевные, грезы, страдания,
Господа ради, с улыбкой терпи».
С плачущим плакать он рад, унывающих
нежно ободрить и дух подкрепить,
всех же Господень завет забывающих
учит он ближних, как братьев, любить.
Учит искать он богатство нетленное,
чтоб не владела душой суета,
ибо всё мира сокровище бренное
нашей душе не заменит Христа.

* * *

Преподобный Антоний родился в Риме в 1067 году, приплы же в Великий Новград 1106 года с 7 на 8 сентября. Помер 3 августа 1147 года на 81 году жизни. Первый его преемник, игумен Андрей.

Помяни, Господи, иноков обители преподобного Антония.
игумена Андрея.
игумена Трифона.
старца Ананию и его ученика инока Нифонта.
пономаря Дометиана.
игумена Кирилла.
архимандрита Тарасия.
игумена Геласия с двадцатию братиями.

игумена Мисаила.
игумена Кирилла, Завидов.
архимандрита Андроника.
иеромонаха Кириака.
монаха Нифонта.
архимандрита Макария.
архимандрита Парфения.
архимандрита Досифея.
игумена Харитона.
архимандрита Никандра (епископ).
архимандрита Макария.
архимандрита Сергия.
послушника Игнатия.

***

Бишки

Долгоногий журавель, ты откудова теперь?
Я на мельницу летал, там диковину видал.
Персик муку молет, Пуля подсыпает,
а маленькие Бишки сегодня не работают,
сегодня не работают в Ванине гуляют.
Плачет Нина, ищет Бишек, не нашла,
и наутро Нина в Ванино пошла.
Вот пришла в деревню, смотрит туда-сюда,
видит свои Бишки гуляют у пруда.
Взяла хворостину, Бишек погнала,
а Таисья Чирьева в гости позвала.
Выпила пивишка кружечку-другую.
Побежала Нина наша снова к пруду.
Вот пригнала в поле своих Бишек милых,
и пропало Нины нашей большое горе.

(Истинное происшествие с нашей Ниной, когда у нее не ночевали дома овцы. Она их нашла в деревне Ванине.)

* * *

1967 год, 12 марта н. ст. Воскресенье. Сегодня видал скворцов, ну а грачей еще не видал.

* * *

Вот смерти вестник новый явился предо мной,
я вижу гроб готовый, в нем брат сокрылся мой.
И льзя ль не ужасаться, слез токи не пролить,
зря гроб не сокрушаться, мне ль камнем должно быть.
Все плакали рыдали святые в жизни сей,
как смерть воспоминали, как мыслили о ней.
Пред смертию Своею, нося пречисту плоть,
был трепетен душою Спаситель наш Господь.
Так как же будет лира играть веселый тон,
как смертная секира, разит из сердца стон.
И мне ль свое слезами лице не орошать,
с греховными делами как можно не рыдать.
Сей гроб напоминает моей кончины час,
и явно мне вещает Божественный сей глас:
Умершия воскреснут и будет суд тебе,
что будет там, не знаю и знать нельзя теперь.
Отверзит ли мне к раю Господь Спаситель дверь.
А ежели оставит, в геенне мне страдать.
Увы, о горе вечно, реветь, стонать, рыдать;
но зря на гроб потоки, дай, Господь, слезы лить,
чтоб ими злы пороки я ныне мог обмыть,
избавиться от ада и там вселиться мог,
где вечная отрада, Зиждитель всех наш Бог.

Боже.

* * *

Книга Нового Завета

В минуты скорби и сомнений,
в часы невыплаканных дум,
где вожделенных разрешений
отыщет истомленный ум.
Благоговейною рукою
касаюсь вещих я листов,
и путеводною звездою
мне с них сияет свет Христов.

И за страницею страница
мне вечной правдою горит,
и все тут, все — слова и лица —
успокоенье мне дарит.
Готов презреть я жизни холод,
ее томящий смутный гнет,
и сердцем снова свеж и молод
гляжу с надеждою вперед.

* * *

1960 год 21 октября выпал первый снег.

1961 года 18 ноября выпал первый снег, а 6 ноября я еще из В-Никульского до Шестихина шел босиком 10 км.

Волк встретил бюрократа — и не рад:
был слишком черствый бюрократ,
и волку после той трапезы
пришлось поставить в пасть протезы.

* * *

Последний праздник

Вот то-то настанет мой праздник,
последний и первый мой пир,
душа моя радостно взглянет
на здешний покинутый мир.
Обмоют меня и причешут
заботливо нежной рукой
и в нову одежду оденут,
как гостя на праздник большой.
При громком торжественном пенье,
при блеске свечей восковых,
в глубоком и важном молчанье
я встречу друзей и родных.
Друзья мне поклонятся низко,
без страха ко мне подойдут,
чело непритворным лобзаньем,
последним и первым почтут.

Когда же вдоль улицы шумной
все будут идти и рыдать,
одетый парчой небогатой
я буду спокойно лежать.
Пускай с торжеством опускают
в могилу безжизненный труп.
Что мир мне? Его я и не знаю,
в нем вечного счастия нет.

* * *

Когда на гроб взираю

Когда на гроб взираю пред кельею моей,
я смерть воспоминаю, желаю петь о ней.
Не жду, а смерть стремится, нечаянно, как тать,
похитить меня тщится, увы она пожнет,
как класы пожинает вельможей и царей,
как ветви посекает от века всех людей.
Ни златом, ни дарами ее не обольстить,
ни теплыми слезами возможно умолить.
Не каменны палаты от смерти защитят,
в пещеру ль мне сокрыться, где свету не видать?
От смерти не сокрыться, никак не избежать.
От смертных я родился, мне должно умереть.
Чтоб жизни не лишиться, я должен все презреть.
И я умру, о Боже! как бренный человек:
гроб будет телу ложе, душе же — иной век.

* * *

Всяка блоха неплоха.

* * *

«Слава, слава в вышних Богу», дух мой, радостно воспой,
я стремлюсь к тому чертогу, где Иисус сладчайший мой.
Иисусе мой сладчайший, мне на помощь прииди,
всех благ мира мне дражайший, мою душу освяти.
Ты один моя надежда, всей душой к Тебе стремлюсь,
Ты покров мой и одежда, в скорби я тобой живлюсь.

О! Пресладкий Искупитель, дай Свою мне благодать,
детства моего хранитель, будь Ты мне отец и мать.
Мира прелести, забавы, прочь идите от меня,
все вы, лестные отравы, я боюсь вас как огня.
Славой вечной восхищаюсь, суетой не льщусь земной,
ежечасно утешаюсь той небесной красотой,
где святые все собором и бесплотных лик духов
воспевают райским хором «Свят Господь Бог Саваоф»,
где в торжественном сиянье Богоматерь предстоит
и на землю с состраданьем и любовию глядит.
Дух и сердце веселится, что Ты Бог мой и Отец,
и душа туда стремится, где скорбям моим конец.
Я от мира удаляюсь, чтоб достигнуть мне небес,
и в пустыни поселяюсь, не страшась скорбей и слез.
Повсечасно я стараюсь мыслить только о святом,
славы мира удаляюсь, забывая о земном.
Одного в душе желаю: чтоб с Христом мне вечно жить,
для Него скорблю, страдаю, крест Его хочу носить.
На Тебя я уповаю, мой Спаситель и Творец,
и на помощь призываю, Твой стремясь носить венец.
Я к Тебе подъемлю руки, сердце в жертву приношу,
и, терпя земные муки, блага райского прошу.
Волею Твоей святою укрепи меня в скорбях,
чтобы мог душой живою веселиться и в слезах.
Ты услышь мой стон сердечный и вонми душе моей,
Всемогущий и Предвечный, милостью утешь Своей.
Дух надеждою живится, чтоб под кровом быть Твоим,
сердце все к Тебе стремится, не прельщается земным.
На Тебя я уповаю, мой Спаситель и Творец,
и на помощь призываю, будь мне благостный отец.
Если Ты всегда со мною, то кого я убоюсь?
Под Твоей благой рукою ничего не устрашусь.
День и ночь в слезах молитвы, пред Тобою, Бог мой, лью,
помоги в моей сей жизни и спаси меня молю.
Я сердечными очами созерцаю Твой чертог
и с горячими слезами пред Тобой молюсь, мой Бог.
Все земное честь и слава, что нам пользы могут дать,

для души они отрава, их желаю избежать.
Что мне миром увлекаться, если должно в гробе лечь,
для чего тем заниматься, что разрушит смерти меч.
Всё исчезнет в этом мире, как трава и цвет в полях,
бедный в рубе, царь в порфире обратятся оба в прах.
Небом должно мне пленяться, и надеждой в Бога жить,
верой в Бога утешаться, и душой Его любить.

* * *

На могиле

Давно к могиле одинокой, давно уж не было следа,
вот из обители далекой к тебе, родная, я пришла
к тебе на камень сей холодный слезу горячую пролить,
здесь на могиле одинокой всю скорбь души своей излить.
Ты сладко спишь, моя родная, тебе невнятна скорбь моя.
Зачем, зачем же, дорогая, ко мне не выйдет тень твоя?
Зачем радушного привета уста твои не говорят?
Тебя с печалью мы лишились, о незабвенная моя,
и с той поры с тоской сроднились, как жизнь затмилася твоя.
Ты материнскою рукою хранишь невидимо меня,
тебя уже взяла могила, а я один[1] остался здесь,
но ты и там не разлюбила, любовь и в тесном гробе есть.

* * *

Святая Гора Афон

Гора Афон, гора святая, не знаю я твоих красот,
и твоего земного рая, и под тобой шумящих вод.
Я не видал твоей вершины, как шпиль твой впился в облака,
какие на тебе картины, какой твой вид издалека.
Я не видал, гора святая, твоих стремнин, отвесных скал,
и как прекрасна даль морская, когда луч солнца догорал.
Я рисовать тебя не смею, об этих чудных красотах
сложить я песни не умею, она замрет в моих устах.
Одно, одно лишь знаю верно я о тебе, гора чудес,
что ты таинственна, безмерна и недалека от небес.

[1] Так у отца Павла.

Я знаю, Кто тобой владеет, Кому в удел досталась ты,
тебя хранит, тебя лелеет Царица горней высоты.
Царица, дивная Царица, народов всех и всех племен,
Она, Царя Христа денница, разрушила твой темный плен.
Сквозь сумрак древности глубокой
я вижу грешный, как теперь,
корабль несется одинокий, на нем царя пророка Дщерь.
Несется он из Палестины, на остров Кипр его полет,
вдруг ветр, волнуются пучины, корабль к Афону пристает.
На вопль кумиров Аполлона спешат Марию все встречать,
и узнают толпы Афона в Ней Бога истинного Мать.
«Сия гора, — рекла Царица, — да будет жребием Моим,
отсель простреть Моя десница,
всегдашний кров над местом сим.
Здесь благодать польется чудно, и милость Сына Моего,
для жизни сей найдут нетрудно достаток нужного всего.
А там тебе, афонский житель,
слуга Мой верный, раб Христов,
готова райская обитель, в награду веры и трудов.
Сего Я места не забуду, всегда заступница ему,
о нем ходатаицей буду во веки к Сыну Моему».
Обет Царицы сладкозвучной сбылся, и зрится в чудесах,
Она с Афоном неразлучна, Афон всегда в Ее очах,
и лик Свой там Она являет, беседует к рабам Своим,
Сама судьбы их управляет, и бдит над бытом их земным.

* * *

Странник

— Ты куда идешь, скажи мне, странник с посохом в руке?
— Дивной милостью Господней к лучшей я иду стране.
Через горы и долины, через степи и поля,
чрез леса и чрез дубравы я иду домой, друзья.
— Страх и ужас незнакомы разве на пути тебе?
— Ах, Господни легионы охранят меня везде.
Иисус Христос со мною, Он направит Сам меня,
неуклонною тропою прямо, прямо в Небеса.
— Так возьми меня с собою, где чудесная страна.

– Да, мой друг, пойдем со мною, вот тебе рука моя.
Недалеко уж родная и желанная страна,
вера чистая святая, нас ведет с тобой туда.

* * *

Если на сердце грусть западет глубоко,
пред иконою стань помолись,
если бедность, несчастье тебя посетит,
к Богу прежде всего обратись.
Он скорее поможет в несчастье, в беде,
чем друзья и родные твои,
люди нужды чужие понять не спешат,
каждый знает лишь только свои.
Если в роскоши, в неге живет человек,
то, поверь, он тебя не поймет,
как бы ни было трудно и горько тебе,
он на помощь к тебе не придет.
А придет, дак не радость тебе принесет,
чем бы голод и жажду твои утолить,
он начнет укорять да советы давать,
вместо хлеба словами кормить.
А случись-ко тебе по ошибке какой
поскользнуться на скользком пути,
жизни путь нелегок, труден всякому он,
без ошибок едва ли пройти.
И увидишь тогда, что никто из друзей
не захочет тебя поддержать,
и как будто от страшной заразы чумы,
будут все от тебя убегать.
А Отец же Небесный, поверь, никогда,
не отвергнет молитвы твоей,
Он поддержит тебя, не попустит упасть,
по святой благодати Своей.
Знай же, если на сердце грусть западет,
пред иконою стань помолись,
если бедность, невзгоды тебя посетят,
к Богу прежде всего обратись.

* * *

Лучше малыми вратами в радость Господа войти,
чем широкими путями к вечной гибели прийти.

* * *

Смирение

Боже, зри мое смиренье, зри мои плачевны дни,
зри мое Ты огорченье, и меня не обвини,
что я, смертна тварь, дерзаю говорить с моим Творцом,
что я, грешник, называю Беспорочного Отцом.
Будь мне, Боже, предводитель и заступник Ты мне будь,
буди вечно мой Спаситель и моих слез не забудь,
покажи мне путь к спасенью, в сердце утверди закон,
приклони Твой слух к моленью, и услышь мой тяжкий стон.
Я к Тебе молитву слезну, мой Создатель, приношу,
дай мне тишину любезну — со смирением прошу.
Всю надежду полагаю на Тебя, всесильный Бог,
и к Тебе всегда взываю, не надеяся на тварь.
Боже, Ты мя не остави, коль оставил человек,
и от бед меня избави, и храни меня во век.

***

Келья

Ах ты келья, моя келья, келья темная моя,
ты лампадою одною день и ночь освещена.
Пред Заступницей Святою, ты, лампада, зажжена,
пред иконою святою день и ночь горит она.
А я, грешный, здесь молюся, чтобы мир мне позабыть,
чтоб святою тишиною мне темну келью полюбить.
Плачу я, но от земного отстраниться не могу,
и рыдаю, но люблю я милой кельи тишину.
Как челн на море позабытый колышет бурная волна,
как птичка в клетке запертая, так точно в келье я один,
как лист оторванный от ветки, как запоздалая звезда,
как дерево грозой разбито, так точно в келье я один.
Вокруг меня всё тишина.
Ах, в этой бедной келье, вся радость в ней погребена,

я за работу принимаюсь, чтоб дух мой тем мне усмирить,
ко мне со всех сторон напасть, мне стало грустно в келье жить.

* * *

На Бога надежда

Молись, надейся и трудись,
работы тяжкой не страшись,
верь: кто добра достичь желает,
тому Всевышний помогает.
Найдешь ли трудности в ученье,
иль позже в жизни затрудненья,
на Божью помощь положись,
молись, надейся и трудись.

* * *

Я спасен Тобою

Я верю вести той, что я спасен Тобой,
что все грехи мои Ты снял, жизнь вечную мне дал,
Ты умер за меня, Ты дал спасенье мне,
чтоб умер для себя и я, и жил бы лишь в Тебе.

* * *

Не осуждай

Не осуждай — затем, что все мы люди,
все слабы, немощны, опутаны грехом,
волнуют страсти наши груди,
в грехе родимся и живем.
Не осуждай, чтоб ближних быть судьею,
спроси у совести, ты сам-то лучше ль их?
О, брат, кто точно чист душою,
тот благ к погрешностям других.
Не осуждай, ведь слову нет возврата,
ты помнишь ли слова Христа: «Легко
сучок увидеть в глазе брата,
а проглядеть в своем глазу бревно».
Не осуждай, затем чтоб обличенным,
не пал бы на тебя тот камень с высоты,

тяжелый камень осужденья,
которым в брата бросил ты.
Не осуждай, не люди злы душою,
а жизнь людей бывает часто зла,
сперва узнай, какою их стезею
она к погибели вела.
Не осуждай, дерзнешь ли поручиться,
что ты пристрастием не будешь увлечен.
Не осуждай, ты можешь ошибиться.
Не осуждай — не будешь осужден.

* * *

17 марта 1974 года прилетели грачи, но холодно.

* * *

Боже, дай терпенье: скука одолела,
вся душа истлела от огня мученья.
Боже, дай терпенье: истинную веру,
ум мутит чрез меру дерзкое сомненье.
Боже, дай терпенье: гордость обуяла,
развила, подняла ко всему презренье.
Боже, дай терпенье: вижу мир прекрасный,
для души опасный, сердцу обольщенье.
Боже, дай терпенье: странник одинокий
видит край далекий, чувствует томленье.
Боже, дай терпенье: путь окончить тесный,
но прямой, небесной цели достиженье.
Боже, дай терпенье: кровь во мне клокочет,
слышу — ад хохочет, близь мое паденье.
Боже, дай терпенье: диавол плоть воюет,
душу всю волнует, нужно подкрепленье.
Бог! К Тебе моленье, началаса битва,
ко греху ловитва. Дай мне, дай терпенье.

* * *

Если в сердце ты ранен смертельно,
если слезы катятся рекой,

если горе твое беспредельно,
пусть никто не узнает о нем.
Бремя тяжкой томительной муки
глубоко от людей схорони,
пусть рыданий безумные звуки
от тебя не услышат они.
Пусть никто из толпы безучастной
не услышит отчаянья стон,
пусть не знает о муке ужасной
даже тот, кем удар нанесен.

* * *

К тебе, трудящемуся брату,
я обращаюся с мольбой,
не покидай на полдороге
работы начатой тобой.
Не дай в бездействии мертвящем
душе забыться и заснуть,
трудом тяжелым и упорным
ты пролагай свой честный путь.
И чем бы в жизни ни грозила
тебе судьба, ты твердо стой,
и будь высокому призванью
до гроба верен всей судьбой (душой).
Пусть гром гремит над головою,
но тучи грозные пройдут,
все одолеет сила духа,
все победит упорный труд.

* * *

Житейское море

Житейское море играет волнами,
в нем радость и горе всегда перед нами.
Никто не ручится, никто не узнает,
что может случиться, что завтра с ним станет.
Сегодня ты весел и жизнью доволен,
раздолья круг тесен, а завтра ты болен,

и, может быть, завтра утроба могилы
поглотит твои все кипучие силы.
Хоть счастье призрело, но ты не гордися,
нельзя сказать: смело ешь, пей, веселися.
Богат ты сегодня, пируешь роскошно,
но волю Господню узнать невозможно:
легко может статься, сроднившись с сумою,
пойдешь ты скитаться с горючей слезою —
так в море житейском волна за волною
сменяются резко под нашей ладьею.
Наш компас над нами, впери в него очи,
и с бурей, с волнами борись хоть средь ночи.
Пловцы направляют корабль по звездам,
а ты чаще мысль устремляй к небесам.

* * *

Чу! уныло ударяет томный звон колоколов —
знать родного провожают спать в долину средь гробов.
Рано, поздно ли с землею все сравниться не минем,
Может, завтра же с зарею я усну таким же сном.
Может, завтра погребальный звон раздастся над главой,
повторится стих печальный «Со святыми упокой».
Ни отец, ни мать родная не поплачут надо мной,
и на гроб рука чужая бросит горсть земли сырой.
Может быть, на погребенье из знакомых кто придет,
может быть, из сожаленья слезку выронит, вздохнет.
Но никто моей могилки никогда не посетит,
разве чижичек уныло на ней сядет, погрустит.
Или, может, мимоходом близ могилки кто пройдет,
и, уставший, на зеленом дерне сядет, отдохнет.
Никогда друзья былые не вспомянут обо мне.
Погрустят иль нет родные, там в далекой стороне?

* * *

Песнь ко Пресвятой Богородице

К Тебе, о Матерь Пресвятая, дерзаю возвести свой глас,
лицо слезами омываю, услышь меня в сей скорбный час.

Ты приими мои моленья, мой дух от зол и бед избавь,
пролей мне в сердце умиленье, на путь спасения наставь.
Да буду чужд своей я воли, готов для Бога все терпеть,
будь мне покровом в горькой доле, не дай с печали умереть.
Ты всех прибежище несчастных, за всех молитвенница нас,
о, защити, когда ужасный услышу судный Божий глас.
Когда раскроет вечность время,
глас трубный мертвых воскресит,
и книга совести все бремя грехов моих изобличит,
Стена Ты верных и ограда, к Тебе молюся всей душой,
спаси меня, моя Отрада, умилосердись надо мной.

* * *

Усопшей матери

Лежишь ты, родная, безгласна,
спокойна, как мрамор чиста.
Зову тебя долго напрасно:
навеки сомкнулись уста.
Смежились и ясные очи,
угас их приветливый взор,
и вот мне в безмолвии ночи
почудился, словно укор.
И словно звук чудный раздался,
подобный дрожанью струны,
оттуда, быть может, примчался,
из дальной надзвездной страны.
Великую тайну скрывая,
недвижно лежишь на столе,
и смерти печать роковая
застыла на бледном челе.
Застыли и милые руки,
покорно сложившись крестом,
как будто в час горькой разлуки
молились за нас пред Христом.
Сном праведным тихо уснула,
как истинный Пастырь предрек,
за муки земного страданья

в награду тебе обещал,
о светлом венце воздаянья
словами любви извещал.
Я знаю, ушла ты в обитель,
где нет воздыханий и слез,
тебя твой прекрасный Хранитель
на крыльях от мира унес.
И знаю, тебе там привольно,
там ждет тебя вечный покой,
но здесь нам, родная, так больно,
все сердце изныло тоской.
Откликнись глубоко, родная,
откликнись на нашу печаль.
Ужели ты стала иная,
и нас тебе больше не жаль?

* * *

Ветер над могилой

Не бушуй ты, ветер буйный, песни горькие не пой,
пронесись ты в путь раздольный, не тревожь ты сна родной.
Тише, тише, здесь могила, здесь лежит погребена,
здесь земля родную скрыла, тише, ветер, спит она.
Спи же, спи, моя родная, не грусти, я здесь с тобой,
здесь, тебя не покидая, стерегу я твой покой.
Стерегу и заунывный жду вечерний сладкий звон,
жду, что в колокол призывный, слышу чу! раздался он.
Ты уснула, мы проснулись, тихо было над землей,
схоронили и молились, и гудел над нами он.
Так, склонясь к могиле хладной, пела горько сирота,
и в пустыне безотрадной раздавалась песня та.
Тише, тише, здесь могила, здесь лежит погребена,
здесь земля родную скрыла, тише, ветер, спит она.

* * *

Жду теперь, моя родная, прилети сюда за мной,
и сойду под крест любимый, отдохнем тогда с тобой.

* * *

Инокиня Мологского Афанасиевского монастыря Мария Брызгалова умерла 3 января н. ст. 1966 года в 11 ч. 52 м. в г. Рыбинске. В монастыре была пчеловодом и чеботарем.

* * *

<После молитвы преподобному Антонию Римлянину:>

Память преподобного Антония Римлянина празднуется 3 августа.

День моего рождения 1911 года.

* * *

Неправды переноси с терпением.

Обидевших прощай, и Господь тебя простит.

О спасении ближнего Господа моли.

В печали сущего утеши.

Просящему дай, если можешь.

Говори всегда правду. Никогда не лги.

Не будь самолюбив и горд.

Труд угоден Богу, а тебе полезен.

Никогда не хвастай. Будь справедлив.

Ничего чужого не желай, будь своим доволен.

Помни! что помирать не миновать, земная роскошь смертью отнимается, а страдания ею же прекращаются.

Будь молчалив, нежели говорлив.

* * *

1962 год. 3 апреля первый раз увидал грачей.

30 ноября 1962 года был в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре три ночи.

1967 год. 1–14 марта прилетели грачи.

В день св. благоверного князя Александра Невского 30 августа ст. ст. 1977 г. принимал участие за Богослужением поздней Литургии в Троицком соборе Александро-Невской Лавры, возглавляемым митроп. Никодимом.

* * *

<После акафиста преподобному Савве Звенигородскому:>

Преподобне отче Савво, моли Бога о нас.

Угодниче Божий! Савво преподобне, не остави меня твоею милостию. 3/XII 65 г.

* * *

<После акафиста преподобному отцу нашему Макарию, игумену Калязинскому, чудотворцу:>

Память преподобного Макария, Калязинского чудотворца, празднуется 17 марта, и обретение св. мощей его 26 мая.

Преподобне отче Макарие, моли Бога о нас.

В Мологском Афанасиевском монастыре была прекрасная икона преп. Макария во весь рост, стояла в зимней церкви, в правом приделе у правого клироса, 16 марта всегда правили бдение с акафистом. К бдению благовестили в большой колокол, который весил 390 пудов и 25 фунтов.

Молитвами преп. Макария помилуй нас, Господи.

* * *

Год не пей, два не пей, а после бани выпей (народная пословица).

Поживши на веку, повертишься и на спине и на боку.

Приведи, Господи, умереть по-христиански с чистою совестию пред Богом и пред людьми.

Для худого подчиненного потребны не елей, а оцет, не кротость, а гроза. (Слова архиепископа Тобольского и Ярославского Антония Знаменского.) † Помер 10 авг. 1824 г. 59 лет от роду и похоронен в Хутыни. Вечная ему память. Я его могилку знал, она была на паперти в соборе.

Тетрадь 5

* * *

Высокопреосвященнейший Ионафан, архиепископ Ярославский и Ростовский, умер 19 октября 1906 года на 89 году от роду. С 1903 г. был за штатом. Фамилия его «Руднев».

Не годы старят человека, а горе.

Сегодня целый день занят был тасканием дров с кладбища, вырубал сухие кусты и сучки и т.д. Вычистил прорубь, наносил воды, устал ой как. Пришел и забрался на печь, тепло — так и задремал. В это время тетка Еня загрела самовар, опустила лучину, а трубу-то и не наставила. Столько начадила, даже во рту горькое. Лежу да и ду-маю: «Господи, а огонь-то неугасаемый, а ад-то кромешный, а червьё-то неусыпаемый. Да прости Ты меня, Господи, — и бегом с печи правило читать, а то завтра заказная обедня.

14/XII 1966 г. игумен Павел.

* * *

Ежечасная молитва святителя Иоасафа, епископа Белградского

Буди благословен день и час, в оньже Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертию

пострада. О, Господи Иисусе Христе Сыне Божий! В час смерти моея приими дух раба Твоего в странствии суща, молитвами Пречистыя Твоея Матере и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Господи! Спаси, сохрани и помилуй от враг видимых и невидимых, от бед и напастей, от искушений и грехопадений, от злых людей и внезапныя смерти меня грешнаго, моих сродников и всех православных христиан.

Господи! Молитвами праведников помилуй грешников.

Святый великомучениче и целебниче Пантелеимоне, моли Бога о нас.

Святый великомучениче Димитрие, моли Бога о нас.

Приведи, Господи, помереть в вере Христианской, как умер Тятя.

* * *

† Я грешный верю, и непременно верю, что действенна и мощна молитва Матери Божией пред всемилосердным Создателем.

* * *

Матерь Божия, Госпоже неба и земли, спаси меня грешного.

Пастырь добрый душу свою полагает за овцы.

Истинная радость происходит от чистой совести.

Лучше быть нищим и праведным, чем богатым и неправедным.

Чего не любишь сам, не делай того и другому.

Плата за грехи — вечная смерть, и плата за добродетель — вечная жизнь.

* * *

Не верь клятвам, клянутся только те, кто постоянно обманывает.

* * *

Услышала, Царица Небесная, слава Тебе, Господи.

* * *

Два по семи, а один за восемь.

1965 год. Картошка гнилая, лук сопрел, помидоры сгнили и рыжиков нет, а белые белки сожрали, а огурцы и не цвели.

* * *

Петроградский митрополит Вениамин † 13 авг.
Архимандрит Сергий (Шеин) умер с 12 на 13 авг.
В этот день следует править по них панихиду.
Погибли мученической смертью.

* * *

Близ святого Иордана, как слеза вода чиста,
где глаголы Иоанна показали нам Христа,
где предвечно зеленеет кипарисов стройный ряд,
где два раза смоква зреет, не меняя свой наряд, —
там под небом жарким, ясным чрез кустарник и леса,
извивалась лентой черной для посевов полоса.
Знать забыл ее владелец, иль заброшена она,
иль боялся земледелец ей доверить семена.
В эти дни давно былые, как молва передала,
Матерь Божия Мария на земле еще жила.
Часто в сад Она ходила, в Гефсиманский грустный сад,
Сына там Она молила о спасеньи новых чад.
Раз при солнечном восходе шла молиться в сад Она.
Видит: грубый сын природы в землю сеет семена.
— Что ты сеешь тут? — с приветом Дева Мать ему рекла.
— Камни.
— Даст тебе ответом на посев твоя земля.
С самой той поры доныне так же смотрят небеса,
на луга и на долины, там где эта полоса.
Но посев тот не восходит, тот посев навек засох —
путешественник находит только каменный горох.

* * *

Бог дела исправит.

Учись сносить то с терпением и кротостию, чего ты переменить не в силах.

Вовсе не имей глаз для слабостей твоих родителей.

Учись работать: твое прилежание с утра до ночи будет прекрасным примером для прочих.

Учись быть бережливым.

Без горя не живи, безо время не тужи.

* * *

Время мчится вперед, час за часом идет непреложно.
И вернуть, что прошло, никому ни за что невозможно.
Береги каждый час, их не много у нас для скитанья,
и клади на часы вместо гирь на весы покаянье.
Каждый пройденный час приближает всех нас ко гробу,
помни этот удел, накопляй добрых дел понемногу
и отбрось суету, не стремись ко греху так беспечно,
и в юдоли земной обновляйся душой жизни вечной.

* * *

У Богоматери четыре удела на земли:

1. Иверия. 2. Афон. 3. Киев. 4. Дивеево.

* * *

11 мая 1963 года 1/2 11-го ночи. П.А. Юдин купался в заливе. Почему? Сам не знаю. Вернее всего, набрело.

10–23 ноября 1966 г. выпал первый, но сырой снег, а на улице тепло-тепло, знамо поди, растает, да уж вроде бы и не надо таять-то.

* * *

17–30 ноября был в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Накануне за бдением Св. Евангелие читал святейший патриарх Алексий. 1968 года.

Святителю Митрофану Воронежскому чудотворцу празднуется 23 ноября, день кончины.

2 апреля — день посвящения во епископа.

4 июня — день его тезоименитства.

11 декабря — день обретения его мощей.

7 августа — день открытия св. мощей его.

25 июня — день перенесения их из Архангельского в Благовещенский монастырь.

Начало падения человека — гордыня, а глубина падения — нечистота жизни.

18–5 июня видал во сне отца Николая, очень хорошо. Он был ко мне вроде такой ласковый, и дал мне много, много просфорок и даже благословил меня. Царствие ему Небесное и вечный покой.

Блажени яже избрал и приял еси, Господи. Вечная ему память.

* * *

Однажды Спаситель, Свой путь совершая,
зашел по дороге в ближайшую весь,
и женщина Марфа, Учителя зная,
в жилище свое приняла Его здесь.
Сестра той жены, ее звали Мария,
у ног посетившего дом их Христа
уселась, чтоб слышать те речи благие,
что ей изрекали святые уста.
Презрела земные она попеченья.
А Марфа с хозяйством одна хлопотала,
усердно заботясь о Госте своем,
потом с укоризненным словом предстала
она пред ведущим беседу Христом.
«Учитель, ужели Тебя не тревожит,
одна я при доме осталась служить,
скажи же сестре моей, пусть мне поможет,
чтоб лучше могли мы Тебя угостить». —
«О, Марфа, печешься, хлопочешь о многом, —
в ответ от Христа услыхала она, —
едино же есть на потребу пред Богом,
Мария благую же часть избрала.
У ей не отымут ее никогда».

* * *

<После акафиста и службы святому преподобномученику Корнилию Псково-Печерскому:>

Сей Акафист и служба преп. Корнилию списаны в Псково-Печерском монастыре 26 июля 1959 года. Списал многогрешный и недостойный священник Павел Александрыч Груздев. Молитвами святого преподобномученика Корнилия, помилуй нас, Господи.

* * *

Каждое мотовство богача есть кража, сделанная у неимущих.

Богачи бывают пресыщены, но ненасыщены.

Многие красиво говорят и пишут, но грубо живут.

Богатство есть школа тщеславия, жестокости, невежества и разврата.

Слава Тебе, Господи, сроду не был богат, но и никому не завидую.

Лучше свой сноп, чем чужая копна.

* * *

«Сторожи»... якоже небесный рай, благовонными насажден цветы (из жития преп. Саввы Звенигородского).

* * *

Милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех. (Тов. XII – 9).

* * *

<После тропаря преподобному Иову, игумену Почаевскому:>

Преподобный Иов помер 22 октября 1651 года. Святые мощи его почивают в пещере в серебряной раке на открытье. Я, грешный, служил молебен и читал акафист в 1959 г. месяца сентября, а также служил молебен и читал акафист перед чудотворной иконой Почаевской Божией Матери.

* * *

Помяни, Господи, душу раба Твоего, митрополита Владимира, день его смерти 26 января 1918 года в г. Киеве. Родился владыка 2 января 1848 года в семье священника села Малой

Моршанки Моршанскаго уезда Тамбовской губернии. При св. крещении наречен Василием, отца его звали Никифор по фамилии Богоявленский.

* * *

Отцев своих духовных люби больше, чем родителей плотских, потому что те заботятся о тебе ради Господа. Не подражай тем, кои заботятся о прохлаждениях мирских, иначе ни в чем не будешь иметь успеха, но соревнуй тем, которые ради Господа скитались и скитаются в горах и пустынях (преп. Антоний Великий).

Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно.

Жить можно и в мире, не на юру, а жить тихо.

* * *

8–21 октября 1960 года в г. Ярославле помер епископ Угличский Исаия, управляющий Ярославской епархией, похраняли 12–25 окт. во вторник. Погребение возглавлял епископ Подольский Никодим с духовенством епархии. Владыка похоронен на Красно-Перекопском кладбище. Архиерейство его да помянет Господь Бог во Царствии Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков.<...> Царство ему Небесное. Он меня рукополагал в сан священника.

* * *

Если перетерпишь безропотно все обиды и оскорбления, то выше всех монахов станешь в будущей жизни и спасение получишь.

Лучший ответ на оскорбление — сдержанность и терпение.

Молодость счастлива тем, что у нее есть счастливое и светлое будущее.

Скромность украшает человека.

* * *

Пиво-то не в диво, было бы вино. (Народная поговорка, но плохая.)

Вино — для пьющего яд, для окружающего пытка. (Очень правильно.)

* * *

О Владычице мира, буди Ходатаице, исцели болезнь души и тела моего, шибко я болею. 4 сент. 1966 г. Господи! Хоть бы не было хуже.

1971 г. 2 сент. опять занедужилось, что-то сердце плохо работаёт.

* * *

Живи проще, и Господь тебя не оставит.

Живи в простоте сердца и непорочности, не вреди людям даже словом, напротив — помогай всем в нуждах их, не разбирая, кто просит и кому даешь.

Служение в священном сане есть сораспятие Христу на кресте, а с креста не сходят, а возносятся и снимаются.

1963 год 3–16 октября выпал первый снег.

1964 год. Год изобилия плодов земных и самой благорастворенной погоды. Грибов было множество всяких, ягод многое множество, в особенности малины, огурцов и помидор великое множество, а картошки такого урожая не было от начала мира, а крупная какая, да вкусная. Слава Тебе, Господи! Труд людской не пропал даром.

* * *

Душевное лекарство от грехов

Накопай корней послушания.

Наломай веток терпения и набери листьев душевной чистоты.

Собери плодов нелицемерия, иссуши воздержанием.

Сотри в порошок коленопреклонением.

Влей несколько капель смирения.

Разведи водой сердечных слез.

Посоли солию братолюбия.

И принимай по три ложки в день, страха Божия.

И спасен будешь.

* * *

О, Милосердная, Всенепорочная, Мати Всепетая!
С теплой мольбой пред Твоим образом я преклоняюся.
Будь мне помощницей в жизни земной,
будь мне, Пречистая, теплой заступницей
перед Божественным Сыном Твоим,
дай мне, Небесная, с чистою совестью
в день осуждения стать перед Ним.

* * *

Белеет крест на могиле, обвитый цветами кругом,
над ним молодая береза зеленым поникла шатром.
Все тихо и звуков не слышно, унылое кладбище спит,
и только дитя на могилке с поникшей головкой сидит.
Рассыпались русые кудри, на щечках румянец погас,
и падают слезы на землю из кротко сияющих глаз.

* * *

Тому, кто много обещает, мало верь.

Благодарим Тя, Владыко Человеколюбче, Царя веков и подателя благих, разрушившаго вражды, средостение и мир подавшаго роду человеческому. Даруй и нам, рабом твоим, мир ризою Твоею честною, вкорени во всех страх Твой и друг ко другу любовь утверди, угаси всякую распрю, рвения же и соблазны. Яко Ты еси мир наш и Тебе славу возсылаем, со Отцем и Святым Духом ныне и присно и во веки веков Аминь.

* * *

Путник
Дол туманен, воздух сыр,
туча небо кроет,
грустно смотрит тусклый мир,
грустно ветер воет.
Не страшися, путник мой,
на земли всё битва,

но в тебе живет покой, —
вера, да молитва.

* * *

Господи! Как мне помереть будет, Господи, на Страшный Твой Суд предстать, как мне, Господи, ответ дать за мои дела. Царица Небесная, помоги мне, не остави меня Твоею милостию.

Не тот целомудр, кто бренное тело от нечистоты соблюл, но тот целомудр, кто уды онаго душе своей покорил.

* * *

В молитве подражай гусляру, гусли — сердце, струны — чувства, бряцало — память Божия, гусляр — ум.

Никто не пожинает, если не посеял, никто не увенчивается, если не пострадал, без временной муки не избежишь вечной.

Душа без веры есть сосуд, запертый для благодати, а душа верующая — открытый, вера открывает душу для принятия благодати.

Матерь Божия, помоги мне грешному на сей день.

* * *

Манефа умерла 1–14 апреля 1962 года в Субботу Похвалы Богородицы 1/2 9-го вечера в больнице села Марьина.

* * *

Вечная память тому, кто отдал жизнь свою за крест честный и золотую свободу.

* * *

Вот это — милосердие

Умерла у Кати мать, умер и отец. Осталась Катя круглою сиротою. Только и было у Кати родных, что дядя с теткою. Дядя и говорит своей жене: «Примем Катюшку к себе!» А тетка говорит: «Как возьмем мы Катюшу, так последние наши гроши на нее пойдут, не на что будет и соли купить, похлеб-

ку посолить». «А мы ее... и несоленую, похлебку-то!» — ответил мужик. Так дядя и взял к себе жить сиротку Катю.

* * *

Пословица не худа, помолчал и опять да.

Монаху нечего терять, если доведется и умирать.

Когда счастье отвернется, тогда и от киселя ломаются зубы.

Венец мужества — скромность.

Лучше умереть с голода, чем отнять хлеб из рук бедняка.

* * *

О. Василий Шварев умер 6 октября н. ст. 1964 года. Похоронен в селе Димитриевское Некоузского района.

* * *

Пляши враже як пан каже.

1971 год 7 ноября н. ст. Воскресенье. С утра целый день валит снег, мелкий, но довольно спорый, всю землю покрыл нагусто. Зима, дай Бог.

* * *

Один молодой человек, поступая в учение, был подвергнут испытанию, на котором в числе других задан был ему такой вопрос: имеет ли он какое состояние. Ответил:

— Имею.

— А движимое или недвижимое?

— И движимое, и недвижимое.

— Что же у тебя есть движимое?

— А движимое у меня дом в селе, — отвечал вопрошаемый.

— Как так, дом — движимое? Рассуди, сколь глуп ответ твой.

А тот нимало смущаясь отвечал, что ответ его правильный, ибо дом его такого свойства, что коль скоро на него ветер подует, то он весь и движется.

— А что же ты своею недвижимостию называешь?

— А недвижимость моя, — отвечал студент, — матушка моя дьячиха да наша корова бурая, которые обе ног не двигали,

когда я отбывал из дому: одна от старости, другая же от бескормицы.

* * *

9 мая 1977 г. У грачей появились дети, орут на всё село, но тепло не ахти.

* * *

Дело Божие совершается само по себе, хотя бы делатели и исчезли. (Предсмертные слова св. Иоанна Златоуста.)

Яко с нами Бог.

* * *

От того порок бежит, кто в гробу живой лежит.

Стихотворение, посвященное Валаамской обители

Славься, светися, обитель честная,
и умилися, Творца прославляя.
Пусть песнь прольется звучной волною
и вознесется к Богу мольбою.
Боже державный, безмерный в любви,
люд православный в мире храни.
И, простирая над нами покров,
храни нашу землю от всяких врагов.
Пусть возрастает вера в Тебя,
и прославляет Бога земля.
Славься, светися, обитель честная,
и умилися, Творца прославляя.

* * *

Смерть возносит к бессмертию.

Во святом граде Иерусалиме на правой стороне входных дверей арабская надпись следующего содержания: «Вкуси, поклонник, истинного наслаждения: войди в радость Господа, во многообильное светом небо — матерь церквей!», а на левой: «Войдите, странники, в обитель Господа, в гроб жизни, где благодать обитает и благословенный свет не иссякает».

ИГУМЕНА ПАВЛА.

Матерь Божїа, Госпоже неба и земли, спаси мена грешнаго.
Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы.
Истинная радость происходитъ отъ чистой совѣсти.
Лучше быть нищимъ и праведнымъ, чемъ богатымъ и неправеднымъ.
Чего не любишъ самъ, не дѣлай того и другому.
Плата за грехи - вечная смерть, и плата за добро: дѣтель – вечная жизнь.

Синодик

О упокоеніи Р.Б.
Святѣйшаго патріарха
Тихона. † 25 марта 1925г.
Святѣйшаго патріарха
Никона. 1681г. † 17 августа.
Митрополитовъ:
Платона. † 11/XI. 1812 года.
† Іосифа. 11/V 1671г. Астраханскій
Арсенія. Мацѣевич.
Исидора. 7 сентября 1832 года.
Арсенія. Новгородскій
уб. Антонія. Виленскій 8 января 1912г.
Владимира. 25/I 1918г. в Кіевѣ
Макарія. 18/II 1926 года.
Иннокентія. 31 марта 1879г. Московскій.
Филарета. 19 ноября 1867г.
Ѳеогноста.
уб. Веніамина. 13 авг. Петр. Гдовскій.
Серафима. Чичуговъ.
Агаѳангела. Ярославскій.
Іосифа. Ростовскій.
Петра. Крутицкій.
Николая. .....
Архимандритъ Павелъ
Прозоровъ
1910 - 1996г.
† 15 января

<*На обложке тетради:*>

Я очень люблю поминать умерших, а может быть, и меня кто помянет

†

О упокоении р.Б.

Святейшего патриарха
Тихона. † 25 марта 1925 г.
и родителей его: иерея Иоанна и Анны
Святейшего патриарха
Никона. 1681 г. † 17 августа.
Митрополитов:
Платона. † 11.XI.1812 года.
† Иосифа. 11.V.1671 г. Астраханский
Арсения. Мациевич.
Исидора. 7 сентября 1892 года.
Арсения. Новгородский
уб. Антония. Вадковский. 2 ноября 1912 г.
Богоявленский. Владимира. 26.1.1918 г. в Киеве
Макария. 16.II.1926 года.
Иннокентия. 31.III.1879 г. Московский в лавре
Филарета. 19 ноября 1867 г. преп. Сергия
Феогноста.
уб. Вениамина. 13 авг. Гдовский
Серафима. Чичагов.

Агафангела. Ярославский
Иосифа. Ростовский.
Петра. Крутицкий.
Николая.
Митрополитов:
Павла. Ярославский
Николая. Алмаатинский
Филофея, в схиме Феодора, помер 31 мая 1727 г. в г. Тюмени. 75 лет
Филарета, в схимонасех Феодосия. Киевский, помер 21 декабря 1857 г.
Питирима. Петроградский.
Никодима † 5 сентября 1978 г.
Архиепископов:
Ионафана. Ярославский
Варлаама. Ряшенцев.
Савву. Тверской
Филарета. 9.VIII.1866 г. Черниговский
Иосифа. † 20.II.1892 г. Воронежский
Меантона 1986 г.

Епископов:
Феофана 6.I.1894 г.
Никона.
Варлаама. Пикалов.
Вениамина. Тутаевский.
Андроника. Викарий Новгород.
Мефодия. † 3.II. Петропавл.
Епископов:
Варнаву. Тобольский
Сильверста. Рыбинский
Исаию. † 8-21 окт. 1960 г. Угличский
Сергия, Иоаникия, Макария. Новгород. 1932 г.
Архимандрита Макария. † 19 июня 1888 г.
и родителей его Иоанна и Феодосии. Архим. Макарий был настоятель Русского Пантелеимонова монастыря на Св. Горе Афоне.

Священноархимандритов:
Фотия. Юрьевский. Иерона. 15 авгус. 1912 г.
Никона. Варлаама.
Сергия. Антоновский Серафима.
Ксенофонта. Арефы. 15.V.1903 г.
Григория. Толгский Поликарпа. Юга
Христофора. Юга Макария.
Феофана. Новоезерский. † 3.XII
Иону. Юродивый † 9 января 1902 г.
Игнатия. Валуйский. † 9 февраля 1912 г.
Агафангела. Свирский. † 27 декабря
Антония. † 12 мая 1877 г. Троице-Сергиева Лавра
Царство им Небесное.

Игнатий. Югский
Священно-протоиерея Иоанна. 20.XII
и родителей его, чтеца Илию и р.Б. Феодору:
игумена Корнилия с братией.
схимонаха Кирила.
схимонахиню Марию.
р.Б. Исидора и Агафии.
схимонаха Сергия, родит. пр. Александра Свирск.
схимонахиню Варвару.
схимонаха Леонида.
архимандрита Моисея. 16 июня 1862 г.
иеросхимонаха Амвросия. 10 сент. 1891 г.
иеросхимонаха Иосифа. 9.V.1911 г.
иеросхимонаха Иоанна, первоначальник Саровский. † 4 июля 1737 г. на 67 году.
Первоначальницу Дивеевскую
монахиню Александру. † 13 июня 1799 г.
схимонаха Димитрия. † 4 окт. 1746 г.
строителя иеромонаха Ефрема. 30.V.
Не Сирин ты, а Русский ты Ефрем,
Саровской пустыни броня еси и шлем.

Настоятеля иеромонаха Пахомия.

схимонаха Марка. † 4 нояб. 1817 г.
иеросхимонаха Иосифа.
Иеромонахов:
Филарета, Маркелла, Исаакия.
Досифея. Матфея. Питирима.
Иоакима. Паисия. Исаии, 4.XII.1807 г.
схимонахини Марфы, в миру Мария Милюкова, померла 21 августа 1829 г. 19 лет от роду, и сестру ее
блаж. Параскеву. † 1 июля.
блаженную Пелагию. † 30 янв. 1884 г.
блаженную Параскеву. † 1 июля
блаженную Наталию.
блаженную Параскеву. 22 сент. 1915 г. Паша.
игумению Марию.
протоиерея Василия «Садовский»
р.Б. Алексия, брат пр. Серафима. и
внучки монахини Серафиму и Пелагию.
Р.Б. Михаила (Мантуров, друг и любимец преп. Серафима) † 7 июля 1858 г.
и его сестру Елену.
Р.Б. Николая (Мотовилов)
игумена Назария. Валаамский.
игумена Дамаскина. Валаамский.
игумена Иеронима.
игумена Николая.
игумена Викентия.
Иеромонахов:
Савву. Сильверста. Германа.
Анатолия. Афанасия. Пахомия.
Николая. Нифонта. Нафанаила.
Иерофея. Феодосия и брата его
иеродиакона Иону:
иеромонахов: Магдария.
Смарагда, Антония, Аггея.
Дамаскина. Фалассия.
утопшего Антония. † 16 окт. ст.ст.
утопшего Алексия. † 31.III.

Моисея, Макария.
архимандрита Андрея.
иеросхимонаха Сергия. Святогорец. 17 дек. 1853 г.
иеросхимонаха Анфима. † 9 дек. Афонский.
монаха Виктора. † 11 сент.
иером. Феофана. Югской гостинник.
и Рабов Божиих:
Николая, помер 17 июля. в г. Рыбинске
Александра. † 19 ноября.
Александра. 1 марта
Сергия. † 4.II.
отрока Алексия:
Павла. † 12 марта.
Феодора. † 27 апреля.
Михаила. † 13 июля.
Алексия. † 29 января.
Александра. † 20 октября.
священно-иерея Дамиана. † 15 апреля.
инока Иеронима. † 23 мая.
Р.Б. Иоанна. † 13 декабря. врач-подвижник г. Екатеринославль.
Раба Божия Михаила. † 6 сентября.
иеромонаха Елисея. † 26 янв. ст.ст. 8 фев. н.ст. 62 г.
игумена Андроника.
Схимонаха Феофана и
р.Б. Агафии, родители первоначальника Саровского Иоанна.
монахов: Ефрема и
Кирилла.
блаженнаго инока Стефана 9.XII.
в г. Ростове, блаженнаго Афанасия.
пустынника Флегонта. † 12 декабря.
монаха Германа. † 13 дек. 1837 г. на
острове Еловом. архим. Иоасафа.
схимонахини Платониды. † 14 дек.
Тобольскаго иеромон. Мисаила. † 19 авгус.
монахиню Фомаиду и игумению

Макарию. м. Фомаида померла 17.XII.1868 г. 90 лет.
иереев Константина и Даниила. 17.XII.
архимандрита Евгения, Чуркинский, Астраханской епархии. † 17 декабря. 1850.
протоиерея Александра. Чигринский. 22.XII.
игумена Тихона. Вышинский. 23 дек. 1896.
епископа Феофана. Затворник Вышинский.
епископа Феодосия. Тамбовский. 23.XII 1786 г.
игумена Варлаама. Валаамский. † 26 дек.
Козловскаго юродиваго р.Б.
Иоанна Семеновича Григорьева. 26.XII.1820
и мать его Параскеву. (замерз)
архиепископа Варлаама. 1-ый архиепископ Тобольский, помер 27 декабря 1802 г.
иеромонаха Виссариона, подвижник Белопесоцкого монастыря.

Блаженных рабов Божиих:
Феодора. 20.I.1864. Алексия.
иерея Петра. Ксению.
Анфису. Александру.
Онуфрия. Елену.
монахиню Анну.
старицу Ксению. Дарию.
Веру. (Сырковскую)
схимонаха Филиппа, с голубком.
схимонахиню Михаилу, мать Веру:
Николая. (Рынин) † 19 мая 1837 г. в Вологде.
Алексия. в Ростове. † 1781 г.
Иоанна. затворник. † 14 дек. Сезеновский.

Игумениев:
Евпраксии. Магдалины.
Феофании. Антонии.
Августы. Киры. Иннокентии. † 21 окт. 1919 г.
Августы. † 27 марта 1948 г. в час дня, похоронена г. Ярославль на Туговой горе.

Таисии. Агнии. Ангелины. Агнию.
Рафаилу. Лидию. Рафаилу. Анастасию.
Моисею.
Монахинь:
Анфию. Евстолию. † 17 августа
Ольгу. † 4 сент. 1926 г. Вассу.
Ермионию. Поплию. Нину. 15.II.1930.
Елизавету. Антонию. † 8.XII.1932 г.
Евларию. Аполлинарию.
Маргариту. Михаилу. Елену
Севастьяну. Агафоклию.
Клеопатру. Антонину. Фаину.
Евфрасию. Евникию.
Зинаиду. Клеопатру.
Иларию. Амвросию.
Назарету. Еликониду.
Евлогию. Валентину.
Ианафану. Досифею.
Дорофею. Юлию.
Ангелину. † 1–14 янв. 1959 г.
Магдалину.
Зиновию. Лидию. Нектарию.
Зою. Поликсению. Агриппину.
Антонину. Олимпиаду. Нину.
Ангелину. Нонну. Емилию.
Афанасию. (Бийская)
Священно-протоиереев:
Николая. Розин. Константина. Студ.
Павла. Станово. Николая. Каменник. 30 сент.
Василия. Цыцын. Феодора. Кукульский.
Павла. Соборный. Николая. Розов.
Павла. Городков. Николай. за †
Павла. Рыбинский. Модеста.
Рабу Божию Ольгу. (на вечно).
Николая, Понгельский. 6-19 окт. 60 г.
иереев: Иоанна. Торопов.
Михаила. Зеленецкий. Феодора. Станово.

Николая. соборный. Иоанна. Болобаново
Михаила и Любви
р.Б. Алексия. Татианы и их сродников.
прот. Алексия. Р.Б. Александры.
священно-диаконов:
Константина. Морев.
Димитрия. Преображенский.
Димитрия. Васнецов.
Александра. соборный.
Иоанна. Абрамыч.
Павла и р.Б. Евгению.
Алексия и р.Б. Ольгу, воина Романа.
девицы Марии.

Инокинь:
Ольгу. † 4 сентября 1926 г. в 2 ч. ночи.
Анну. Шатаева. Анну. Бурова.
Екатерину, вожатка[1]. Наталию.
Лидию, Екатерину, церковницы.
Ольгу, игуменская. † 19 авг. 1939 г.
Ольгу, Валентинина.
Анну, Сенова. Анну, Петровна.
Анастасию, Горлова.
Екатерину, Еликонидина.
Анну, Богарадка. Анну, регентша с дачи.
Евдокию, слепая.
убиенную Надежду, Горохова.
Екатерину, хромая. Надежду. Брызг.
Параскеву, читальная.
Евстолию, бабка.
Марию, Конюхова. Анну, из часовни.
Ларису. Ираиду. Афанасию.
Серафиму. Екатерину, кривая.
Марфу, сборщица. Веру, немая.
Татиану, Ирину, немая, сестры.

[1] Вожатка – сестра или послушница, сопровождающая игуменью.

Александру, из школы.
Марию, Марию, в богадельне.
Стефаниду, Митревна.
Любовь и р.Б. Павлу, сестры.
Александру, хворая. Лукию.
Наталью, чеканку. Елену.
Параскеву, мельничиха. Анну, тоже.
Елизавету, Марию, Суходаевы.
Вассу, живописка.
Матрону, с дачи молоковая.
Александру, горшечница.
Евдокию, старшая. Агриппину, Феклуши.
Параскеву, маслачиха. Евдокия, ее.
Екатерину, Крушкова.
Елизавета, Веденеева.
послушницу Марию, Зайцева.
Пелагию, кривая.
Анисию, курятница.
Анну, капустница.
строителя Михаила.
строителя Фому.
Р.Б. Алексия, Прохорыч. Александру.
затворницу Марфу: инок. Манефу. 1 апр. 1962 г.
инокиню Евфалию. с дачи. померла 27 ноября ст. ст. 1959 года в деревне Дубец.
протоиерея Василия. † село Варварино.
Р.Б. Екатерину. Елену. † 5 фев. ст. ст.
иерея Алексия. прот. Николая (Богородские)
протоиерея Иоанна (Орлов, Борзово)

убиенного младенца Иоанна. в г. Угличе. убит 25 июня 1663 года. по фамилии Чеполосов. Похоронен в церкви Предтечи память его 25 июня и 10 апреля день Ангела.
Архимандрита Власия, Паисиев мон.
Василий Богородский помер 29 окт. по ст. ст., а жена его Екатерина 9 ноября. Оба в один год.
Инокиню Агриппину.

инокиню Параскеву. Похоронена 10–23 янв. 1963 г. в г. Рыбинске. Померла в доме престарелых, в монастыре были обе просворни.

Р.Б. Александру (Коптелову)
Александру. 7 сент. 1961 г.

Рабов Божиих: Александра. 13.XI.1958
Иоанна. † 30 марта. память 7 января.
Марии. † 30 августа. память 1 апреля.
Николая. Екатерину.
младенцев: Марии. Алексия.
Бориса, Веры, Бориса,
Антонины, отрока Александра.
воина Николая.
Алексия, Феклы, Фомы, Анны.
девицу Параскеву, Анну.
Илию, Наталию. Иоанна, Михаила.
Василия. Феклы. Параскевы.
Александра, Павла, Николая,
Марии, младенца Веры.
Феодора, Александры.
Илию, Марии.
Михаила, Евдокии.
Илию, Екатерины.
Иоанна, Любовь. Николая.
Василия, Агриппину. Александру.
Иоанна, Пелагию. Александра.
воина Иоанна. Иоанна. † 12 авг. 61 г.
Феодора. Любови.

Рабов Божиих:
Татьяну, Анастасию, девицу Ольгу.
девиц: Татианы, Клеопатры,
Марии, Иулиании, Анастасии,
Агапии. Натальи. Надежды.
Рабов Божиих Иоанна, Зою.
и их сродников, воина Романа.

Помяни Господи девицу Веру
и р.Б. Татиану, Анастасию.
инокиню Параскеву.
девицу Марию (бабушка Белякова)
и р.Б. Феодора, Александры. Павла.
Александра, Иоанна, Любовь,
Татиану, Николая, Александру.
Параскеву, воина Виктора.
Марию, младенца Виктора.
Татиану, Василия. Александру.
Марию, отроковицу Валентину,
Нину, девицу Елену.
Марию, воинов: Димитрия,
Николая, Мелании. Марии, Павлы.
Иоанна, Евгении, Павлы. Лидии.
Иоанна, Лидии, воина Николая.
Иоанна, Марию, Александру. Елизавету:
р.Б. Елизавету, Александру, Марию.
Любовь. Марию, Сергия.
Михаила, Екатерину: Марию. Веру.
Наталию, девицу Анну.
иеросхимонаха Феофила.

Р.Б. Илию, Марию, девицу Любовь.
Пахомия, Агриппину. Марию. Августу.
Александру. Наталию. Анну. Анну. Феодора.
Марию. Ольгу. Марию. Марию.

Михаила, Александры.
Илии, Евдокий. Иакова, Анны.
инокини Параскевы.
Евгения, Ирины.
Полиевкта, Феодосии.
Сергия, Анны.
Николая. Евфимии. Елену.
Феодора, Иустину.
Сампсона, Марии, Павла, Ольгу,

воина Алексия, Марии:
игумениев Агнии, Рафаилу, Лидию,
Анастасию, Рафаилу:
иерея Константина. бл. Александру.
ктитора Иоанна, 29 декабря 1948 г. н.с.
Гавриила, Анны, Иосифа, Анисии.
младенцев: Афанасия, Николая;
Серафиму, Михаила.
инокиню Евдокию.
Павла, Наталию. Матрону. Босоножка.
схимонаха Зосиму,
схимонаха Василиска: 29 окт. 1824 г.
чтецов: Романа, Александра.
Константина, Константина.
Михаила:
ктитора Александра. Марии.
Р.Б. Антонины, Любови,
девицы Марии: иерея Анатолия:
протоиерея Александра:
Кодрата.

О упокоении

Александра, храмоздатель и благотворитель А. Петрович Березин, помер 1-го ноября 1799 г. 66 лет, последние его слова были: «Дающая рука никогда не оскудеет».

Блаженного Козьмы. Верхотурский. Жил в конце XVII и начале XVIII столетия в г. Верхотурье по фамилии Немтинов. С детства отличался болезнию ног и ходил на костылях. Помер 30–35 лет от роду и похоронен около Троицкого собора в часовне свв. Космы и Дамиана. Память его 1 ноября.

Страдальца Михаила. В городе Валдае, пролежал в постели 38 лет. Всегдашние его слова: «Молитесь прилежнее Богу — Он и из худого сделает хорошее». Помер 1 ноября 1865 г.

Схимонаха Никодима. Соловецкий. Жил в пустыни в четырех верстах от монастыря. Между горами в глубокой лесной лощине. Близ келии был выкопан колодец. Питался сухим хлебом, смягченным водой. Вареную пищу употреблял только в

праздники, масла на его трапезе никогда не было. О. Никодим прочитывал все Св. Евангелие каждодневно. Прожил в пустыни 17 лет. Помер 3-го ноября 1854 года. Помяни его, Господи.

Архимандрита Моисея. Тихоновой Калужской пустыни. Родина его г. Болхов Орловской губ. Род. 1814 г. При св. крещении назван Михаилом. Начало иноческой жизни положил в Оптиной пустыни под руководством отца Леонида † 11 октября 1841 г. Помер 4-го ноября 1895 года.

Иеромонаха Ефрема. В схиме Иоанна. Духовник Тихоно-Калужской пустыни. Родился 1807 г. Родители его Димитрий и Агриппина. В 1829 г. пришел в Оптину пустынь. Когда о. Леониду доложили о пришельце, прозорливый старец шутливо сказал так: «Наш брат Иван, Ивашка будет наш, у него грязная рубашка, но мы его так уберем, что и родители не узнают и откажутся от него». Иоанн был взят о. Леонидом к себе в келейники. О. Ефрем был очень мудрый старец и когда его спрашивали в какой академии он окончил курс, шутливо отвечал на этот вопрос, — в Монастыре! Да вот горе-то: 40 лет учусь, а всё кончить курса не могу. Придется учиться до смерти, чтобы не лишиться венца. Помер 25 июня 1884 г. на 77 году.

Иеромонаха Геронта. В Тихоновой пуст. ученик о. Леонида Оптинского.

Иеродиакона Палладия. Оптинский. Жил более 46 лет в Оптиной пустыни. Был старец строгого нрава, и великий подвижник, очень хорошо знал церковный устав. Если кто в особенности из старших не соблюдал уставных правил о поклонах в церкви, то он подойдет и скажет: «По уставу теперь положены поклоны, а ты куда же глядишь. Сколько живешь в монастыре и не знаешь, что должен знать новоначальный. Или кто задремлет, должон положить 10 поклонов среди церкви. Монах еще! Да!» И в разговоре часто прибавлял слово «Да»: «Да, это нехорошо, не по-монашески. Да, монах должон быть осторожен. Монах есть свет для мирян: а тебе все равно. Да!» Иеродиакон Палладий скончался на 80 году от рождения 5-го ноября 1861 года.

Монаха Досифея. Глинский. Был пономарем и великим подвижником. Помер 5 ноября 1874 г. на 64 году.

Архиепископа Антония. Казанский. Помер 8 ноября 1879 г. на 64 году от рода.

Был на Казанской кафедре 12 лет.

Инокиню Варвару. Страдалица, подвижница Бирского монастыря. Померла на 70 году жизни, из коих 50 лет провела в злострадании в постели. В обители прожила 15 лет. Померла 8 ноября 1903 г.

Блаженной Павлы. Ходила зиму и лето босая и в одной рубашке, ночевала на кучах навоза, зимой находила ночлег в ометах сена или кладях хлеба. Старец Косма Бирский, когда его спрашивали об чем, об ее прозорливости отзывался так: «Что меня спрашивать? Чего я знаю на печке лежа? Вон спрашивайте лохматую девку Пашку: она все знает. Я ничего не знаю». А она его звала Кузька-дурак. Виду Паша была страшного, высокая, черная лицом от жары и ветра, волосы стриженые торчали вверх: рубашка грязная, одни лохмотья, грязные босые ноги, сколько ей ни давали одежды, но она всегда оказывалась раздетой. Померла 21 ноября 1891 года, похоронена в монастыре гор. Бирска, на камне могилы надпись, что здесь погребена юродивая раба Божия Паша Казанцева.

Блаженного Косьмы. Жил в городе Бирске, часто употреблял слово «Ох, робята, робята». Помер 12 ноября 1882 года.

Блаженного Иоанна. Иоаннн Семенович Дудычкин, жил в г. Орле, помер 24 января 1850 года.

Блаженного Андрея. А.Ильич жил в Симбирске, помер 27 ноября 1841 г., похоронен на кладбище Покровского Симбирского монастыря. Родители его р.Б. Ильи и Анны. Помяни их, Господи.

Помяни, Господи, рабов Твоих

Монаха Павла. На его могилке в Оптиной пустыни написано: «Здесь погребено тело в мире скончавшагося о Господе монаха Павла, 1836 года, апреля 2 дня, в четверток Светлыя седмицы. Удостоился напутствия всех Таинств св. Церкви и в надежде жизни вечныя, милосердием Божиим дарован-

ной, спокойно отошел ко Господу. Три года жил в обители и служил примером кротости, сносил с терпением долговременную болезнь без ропота, фамилия Трунов. Вечная ему память!»

Монаха Гавриила. Скончался 1843 г. 11 апреля. Был долго болен и уснул спокойно, в семилетнее пребывание свое в Оптиной пустыни никого не оскорбил.

Послушника Николая. Николаша – Ангел Божий, человек небесный, поступил в Оптину 16 лет, прожил с небольшим год, помер от чахотки.

Монаха Порфирия, помер 1851 года 15 марта, оставил по себе благую память в обители.

Иеродиакона Мефодия. Разбитый параличом жил 22 года, даже мог только говорить: «Да, да, Господи, помилуй!»

Монаха Захарии, помер 1855 г. 18 июня 32 лет.

Иеромонаха Филарета. Отец Захарии.

Монаха Евфимия. Помер 1858 года 20 января, урожденец г. Ростова. Жил в Оптиной 25 лет.

Монаха Савватия. † 1856 г. 24 окт. 64 лет. Был келейник притрудненного и больного старца игумена о. Антония, за котором ходил с любовию и усердием.

Иеросхимонаха Пимена. † 22 апр. 1827 г.

Иеросхимонаха Тихона. † 12 дек. 1858 г.

Иеросхимонах Нифонт. † 12 марта 1860 г.

Сии все похоронены в Оптиной пустыни.

Схимонаха Симеона. Основатель Белобережской пустыни, помер 15 ноября 1741 года 69 лет.

Схиархимандрита Паисия. Величковский. Помер 15 ноября 1794 года.

Помяни, Господи, отрока

Иоанна. Чеполосова, мученически скончавшегося от злодея в городе Угличе и его молитвами нас, Господи, помилуй, и вечных мук избави, Небесного Твоего Царствия причастников покажи, в жизни же сей вся полезная даруй, и от лихого человека избави, в мире и долгоденствии живот наш со-

блюди, убиенному же отроку Иоанну и родителям его Никифору и Анне вечную память сотвори. 25 июня 1663 года.

Отшельника Макария. Голтувинский

Иерея Иоанна. Священник села Алтыновки Кролевецкого уезда. При жизни был очень милосердным и странноприимным.

Первоначальницы Ардатовского Покровского женского монастыря

Инокиню Веру. † 21 ноября 1823 года.

Инокиню Евпраксию.

Монахиню Серафиму.

Помяни, Господи, инокиню Анастасию.

Двух чтецов, иерея и иных инокинь Богоявленского Угличского монастыря, убиенных от поляков.

Послушника Игнатия. Новгородского Антониева монастыря. Я его хорошо знал.

Помяни, Господи, Белокопытовских подвижников:

протоиерея Андрея. Щеголев. Был великий подвижник и молитвенник. Помер 10 мая 1902 года в 5 часов пополудни.

Иеросхимонаха Гавриила. Помер 2-го января 1871 года.

Строительницу Александру. Померла 7 февр. 1883 года

Упокой их, Господи, и их молитвами нас грешных помилуй.

Помяни, Господи, всех вождей и воинов, за родину жизнь свою положивших. Вечная им память, вечная им слава. 1941—9 мая 1945 года. Слава Русскому воину, воину-освободителю, воину-герою. Родина и св. Церковь их не забудут.

Помяни, Господи

Инокиню Ксению и родителей ее

Евтихия и Варвару.

Инокиню Анну и родителей ее

Иоанна и Евдокию.

Бондаренковы. г. Петропавл.

Помяни, Господи, всякого человека, который не желал людям зла.

Блаженного Фаддея. г. Петрозаводск.
Блаженную Домну. г. Томск.
Протоиерея Виталия (Сахаров).
Монаха Ефрема.
Монаха Кирилла.

Обещание без исполнения все равно что хорошее дерево без плода.
Грехи — грецкие орехи: расколешь, а выковырять трудно.

Юродивого р.Б. Иоанна. (Корейша) Жил в г. Москве, похоронен при церкви села Черкизова. Помер 7 марта 1858 г.
Страдалицу Василису.
Отшельника Антония. † 21 марта. Его слова: «Ради Бога, живите мирно в семье — это и Богу и людям приятно».

Слезы, слезы покаянья,
в полуночные часы
вы пленительней блистанья
бриллиантовой росы.

Помяни, Господи, монахов:
Игнатия, Леонида, Дионисия,
Феодора, Ферапонта, Корнилия,
Афанасия. (убиты от иноземцев
в Важеозерском монастыре. 1612 г.)
Игумениев: Варсанофии, Измарагды,
Еликониды, Маргариты.
Монахинь: Серафиму, Геннадию.
Игумениев: Сергии, Ермионии.
Схиигумении Дорофеи.
Старицу Евфросинию.

Помяни, Господи, рабу Твою
Матрону и родителей ее
Павла и Наталью. Матрона по прозванию Босоножка, жила в г. Петропавловске.

Царство им Небесное.

Помяни, Господи, игумению

Олимиаду. г. Верхотурье.

Иеросхимонаха Нафанаила. Он жил в Задонском монастыре. Помер 30-го июня 1849 г. в 11 ч. вечера, родителей его Михаила и Агрипины.

Иеромонаха Виталия, жил на Валааме, умер 9 июня 1856 г. 32 лет.

Игумена Маркелина.

Иеромонаха Киприана. † 16 янв. 1806 г., похоронен в Невской лавре.

Схимонаха Сергия. 18 авг. 1799 г.

Монаха Феодосия. † 1864 г.

Иеросхимонаха Авеля. † 25 мая 1869 г.

Монахов Серафима, Феолога, Феогноста.

Помяни, Господи, игумена Кирилла. Он был основатель Троицкого монастыря в г. Астрахани, умер 1576 г.

Помяни, Господи, рабу Твою

Антонину. Антонина Петровна была высокохристианской жизни и усердная почитательница о. Иоанна Кронштадтского. Умерла 3/16 апреля 1966 г. в г. Рыбинске, в Субботу на Пасхальной неделе.

Митрополита Евлогия.

Митрополита Трифона.

Р.Б. Александра. Помер 19 нояб. Крестьянин. Был извозчик. Возил товар из г. Екатеринбурга в гг. Троицк и Петропавловск. Очень благочестивой жизни (из журнала «Странник» 1866 г. III том).

Отшельника Макария. † 23 ноября в Голтувинском монастыре 1834 г. 1 апреля много пострадал от разбойников.

Иерея Иоанна. Иоанн Александрович Трипольский, священник села Алтыновки Кролевецкого уезда. При жизни был очень милосердным к бедным. Память его 23 ноября.

Страдалицы р.Б. Екатерины. «Катенька лежанка» крестьянка села Тумботина. Ноги у ней были обморожены, и она могла только сидеть или лежать и в таком болезненном состоянии прожила более 40 лет. Померла 1862 года.

Схиигумению Палладию. Великолуцкая. Померла 22 фев. 1894 г.

Время уходит, жизнь увядает,
пылкую юность старость сменяет.
Время уходит, радость уносит,
счастье хоронит, горе приносит.
Время уходит, люди все те же,
молятся Богу реже да реже.
Время уходит, к смерти все ближе,
люди все хуже, души все ниже.
Вот и могила, смерть у порога.
Каются люди, поздно немного.

Помяни, Господи, Сезеновскую
первоначальницу старицу
Дарию. Померла 28 июля 1858 г. 85–86 лет, великая подвижница.

Помяни, Господи, блаженную
Меланию. Елецкая затворница родилась 1759 года, при жизни была трудолюбивая как пчела, померла в четверг 9 недели по Пасхе 11 июня 1836 года. Великая подвижница и молитвенница. Помяни, Господи, родителей ее р.Б. Памфила и Феодосии, Царство им Небесное.

В Сарове первая церковь во имя Живоносного источника Богоматери освящена 16-го июня 1706 года.

Помяни, Господи, душу рабы Твоея
игумении Наталии (Тяпкина). Умерла 20-го июля 1723 года. Была настоятельницей Ростовского Рождественского монастыря.

Послушницы Амфилохии. † 31 ян. 1884

Игумении Павлы. † 15 июля 1849 г.

Монахини Олимпиады. † 28 янв. 1879 г. Она была казначея.

Послушницы Татианы. † 26 июня 1875 г.

Монахиню Димитрию.

Монахиню Леонтию. Угличская.

Монахиню Паисию.

Помяни, Господи, душу усопшего раба Твоего
схимонаха Пантелеимона. Основатель К.....вской.

Помяни, Господи, старицу Таисию, она жила в Воронежском Покровском мон. Она была великой жизни.

Помяни, Господи, рабов Твоих
первоначальницу Быковского монастыря
инокиню Елизавету.
Игумениев: Сергию, Ермионию,
схиигумению Дорофею.
Монахинь: Исидору, Феодору.
инокинь Марфу и Марфу.

Р.Б. Андрея. (Муравьев) † 18 авг. 1874 г. в Киеве на 76 году.

Радуйся, святителю Моисее, похвало Церкве Христовой и великий чудотворче.

Радуйся, Божия Мати, Невесто нетленная, светлая наша отрада.

Воинов: Василия, Корнев.
Александра, Дельцов.
Александра, Радивонов.
Самуила, Александра,
Михаила, Виктора,
Алексия. Блоханов.

Схимонаха Герасима. † 20 янв. 1776 г. 89 лет.

Архимандрита Синесия. 10/V 1787 г. Иркутские.

Епископ Трифон, которому явился образ Толгской Божией Матери; помер 7 сентября.

Затворника Илариона. Троекуровский. Помер на 90 году в полночь 5 ноября 1853 года.

Девицу Александру. Кузнецова.

Помяни, Господи, Блаженного р.Б.

Епифания. Жил в г. Боровске, помер 1755 года 1-го мая.

Архимандрит Синесий при жизни был помощник святителю Софронию, епископу Иркутскому, и настоятелем Вознесенского монастыря, коим управлял 33 года.

Эко дело, солнце село, завтра вновь оно взойдет.

Василий.

Настоятель Псково-Печерского монастыря, архимандрит Мефодий, умер в среду на святой неделе 5-го апреля 1906 года.

Последняя староста церкви села Правдино, Мария Петровна Татанова, умерла 2-го мая н/с 1978 г.

Царство ей Небесное.

Монахам всегда должно молиться и трудиться.

Монашество требует смирения и прощения.

Если кто скажет «Прости Бога ради», тогда всё кончено.

Будь истинным иноком, и тогда Господь не оставит тебя Своими милостями.

Чего не любишь сам, не делай того и другим.

Всех поминай и тебя Господь помянет.

Блажен, кто имеет теплых молитвенников за себя, чтобы, хотя при помощи их, услышать некогда благодатный глас: «Чадо, отпущаются тебе грехи твои!»

По смерти моей Бога ради прошу вписать и мое имя в сей синодик.

Священник Павел Груздев.

НАМ ВЕНЦЫ ГОТОВЯТСЯ. и. П.

Епископ Акмолинский Мефодий, в мире Михаил Красноперов, урожденец Вятской губ. Кончил Вятскую духовную се-

минарию 1890 г. Всю жизнь подражал словам ап. Павла: «Аще возможно еже от вас со всеми человеки мир имейте» Римл. 12 гл. ст. 18. Помер 3-го февраля.

Помяни, Господи, душу раба Твоего

Алексия. † 1968 года деревня Золотково. По фамилии Кожин, при жизни был истинный христианин и столп православия.

Помяни, Господи, архимандрита Никанора. Настоятель Соловецкого монастыря, он был избит царским воеводой, выбиты зубы, связан по рукам и ногам и брошен за ограду монастыря в ров, в одной рубашке, пролежал всю ночь, а наутро умер.

Без епископа нет христианства.

Без воли епископа никто не может священнодействовать.

Благодать действует и через недостойного священнодействующего, по воле епископской.

Брат без брата, что сокол без крыла.

Подвижники Глинской пустыни:

схиархимандрита Илиодора † 28 июня.

Архимандрита Иннокентия.

Игумена Филарета.

Схимонаха Луку † 1 мая 1898 г.

Монаха Мартирия, постник † 5 апреля.

Схимонаха Евфимия, подвижник † 7 февр.

Иеромонаха Порфирия, сердобольный † 23/III

Монаха Александра, нестяжатель 20 апр. схимонаха

Монаха Алексия, Пантелеимона. 13 дек.

Схимонаха Архипа † 27 сент. 1896 г. Был добродетелен душою, велик и знатен простотою.

Соловецкие подвижники:

Пустынники Андрея, Дамиана † 27 ноября 1633 г.

Адриана, Савву, Нестора.

Старца Ефрема.

Схимонахов: Феодора, Адама,

Андрея, Иоанна † 26 мая 1870 95 лет.
И рабов Божиих: Никифора, Тихона,
Алексия, Иосифа, Севастиана, Феодула,
Порфирия, Трифона.
Помяни, Господи, рабов Твоих:
Стефана и Варвару. (Родители свят. Филиппа.)
Иеросхимонаха старца Иону † 10 янв.

О упокоении

Преосвященного Филарета, архиепископа Черниговского. Родился 23 октября 1805 г. Помер 9 августа 1866 года. Память его 1-го декабря. При св. крещении наречен Димитрием. Был при жизни правилом и примером благочестия. И родителей его иерея Григория и Анастасию.

Блаженного р.Б. Алексия. Когда родился преосв. Филарет, то Алексий, забравшись на колокольню, возвестил о рождении трезвоном. Рад Алешка, что родился великий Тимошка. Когда его наказывали за переполох: бейте больше, родился большой Тимошка.

Архимандрита Феофана. Новоезерский, помер 3-го декабря 1832 г.

Старца Клеопы.

Архиепископа Антония † 20 дек. 1846 г. Воронежский и Задонский.

Схимонаха Илию. В первые годы жизни преосв. Антония в Киевской лавре жил старец святой жизни Илия, коему и послужил со всем усердием о. Антоний.

Иеросхимонаха Исихия. Про него святитель Антоний говорил так: «Бывают люди, которые как младенцы вовсе не имеют нечистых мыслей. Таков в Киеве был о. Исихий».

Схимонахиню Евфросинию. Она часто находилась в болезненном состоянии при смерти, но когда ее исповедуют, приобщат св. Таин Христовых и особоруют св. елеем, она вновь поправлялась в здоровье. «Человек сорок из тех, которые в течение моей многолетней жизни меня соборовали, уже преставились за гроб, а вот я по милости Божией еще здесь живу», — говорила она о себе. Жила более ста лет.

Игумена Вонифатия. 27 дек. Киево-Златоверхний монастырь.

Р.Б. Феодора и Евдокии — его родителей.

Помяни Господи Валаамских подвижников:

Кириака, Иоанна, молчальник.

Никиту, Антипу, Агапия слепца. Алексия.

Маврикия. Павла (отсек себе руку).

Пустынника Иоанна, слепец.

Строителя Коневского иеромонаха Адриана, в схиме Алексия 28/III 1812 г.

Ординского игумена Серапиона и его сподвижников: иеромонахов

Иринарха и Гавриила.

Блаженного Феодора. Память их 30 декабря.

Первоначальников Флорищевой пустыни.

Пустынножителей Мефодия, Варлаама, Менандра, Иоанна и митрополита Илариона (Суздальский). Помер 14 дек. 1708 г.

Священо-иерея Гавриила † 30/XII 1855 г.

Монахини Серафимы и блаженной монахини Херувимы † 5 октября 1884 г. Поговорка ее «Матушь а матушь» Каменского Успенского монастыря.

Киево-Печерского схимонаха Михаила. † 23/XII 1815 г. 96 1/2 лет от роду.

Старцев: Паисия и Феодора.

Протоиерея Матфия, Гомелевский, Рыбинский.

Р.Б. Иоанна. (Путилов похоронен в г. Мологе за алтарем кладбищенской Всехсвятской церкви.)

Р.Б. Андрея и Марии, родители святителя Иоасафа.

Димитрия и Даниила, дедушки святителя Иоасафа.

Старца Иерофея. Похоронен у Троицы на кладбище г. Тутаев.

Р.Б. Александра. Михайлович Крайнев, странник. † 10 декабря 1889 г.

Из жизнеописания отечественных подвижников 18–19 веков, книга за декабрь месяц. Москва 1910 г. Издание Русского Пантелеимонова монастыря.

Царствие им Небесное, и вечный покой и их святыми молитвами нас, Господи, помилуй.

Иерея Никиту, иерея Георгия и рабу Божию Анастасию (дед и родители митрополита Киевского Филарета).

Помяни, Господи, убиенных в 1609 г. иноков Толгского монастыря 15 монахов и 31 послушников.

Помяни, Господи, Югского старца Адриана.

Схимонаха Вассиана.

Раба Божия Иоанна Евфимовича, помер 15 окт. 1906 г. 104 годов от рождения близ Вышнего Волочка.

Монахиню Антонию.

Схимонахиню Пелагию. Елену, Параскеву. Иосифа. У Пятницы на Бору.

Монахиню Евстолию.

Монахиню Сарру, она затушила подожженные фитили французами в 1812 г. и предотвратила этим взрыв Ново-Девичьего монастыря, померла 18 марта 1840 года.

Иеросхимонаха Анатолия. Благоговейный, жил в Глинской пустыни. Он говорил так: «Сластолюбивых Бог не слушает», помер 30 ноября 1860 года.

Монаха Авеля, прозванный прорицателем. Вся жизнь его прошла в тюрьмах. Помер в арестантской камере Суздальского монастыря 29 ноября 1831 г.

Блаженной инокини Таисии. Память ее в четверг на Святой неделе.

Блаженной Матроны. † 17 авг. 1851 г.

Блаженной Евфросинии. † 3 мая 1855 г. в г. Серпухове.

Иеросхимонаха Феофила. 28/X 1852 г. Киево-Китаевской пустыни.

Помяни, Господи, чтеца Феодора (Шумов) с. Березки Подольского уезда.

Помяни, Господи, старицу Евфимию, подвизалась в г. Задонске. Померла 15 янв. 1860 г. 110 лет и погребена под алтарем Вознесенской церкви.

Помяни, Господи, раба Твоего Григория. † 8/V лета 7100. (родственник святителя Филиппа.)

Старец Феодор Кузмич помер 20 января 1864 года в 83/4 часов вечера, похоронен в Алексеевском монастыре г. Томска. Его молитвами помилуй нас, Господи.

Помяни, Господи, раба Твоего Тамбовского архиепископа Мисаила, помер мученической кончиной 19 апреля 1655 г.

Р.Б. Матфея, † 15 июня в 4 ч. утра 1905 г. Лежал на одре болезни 43 года.

Девицу Марину

Иеромонаха Авраамия. (Задонский, смиренный, кроткий и неусыпный молитвенник, строгий к самому себе и любвеобильный ко всем), он скончался на 92 году 19 июля 1852 года.

Рукоположен во диакона 9 марта 1958 г. Обводил вокруг св. престола протодиакон Филипп.

Рукоположен во иерея 16 марта 1958 г. Рукополагал епископ Исаия, обводил вокруг святого престола протоиерей Алексей Скобей в г. Ярославле, в Крестопоклонное Воскресение и направлен в Воскресенскую церковь села Борзова Рыбинского района.

Указом преосвященного епископа Исаии от 7 марта 1960 года переведен в село Верхне-Никульское Некоузского р-на в церковь св. Троицы.

12 ноября 1962 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия, от руки высокопреосвященнейшего Никодима, архиепископа Ярославского и Ростовского, принял пострижение в монашество с оставлением того же имени.

†

Здесь покоится тело митрополита Макария. Родился 1 октяб. 1835 г. Почил 16 феврал. 1926 г. Св. Церкви прослужил 71 год из них в епископском сане 42 г. Жития было 90 лет, 4 м. 16 дней.

Прах перенесен в Троице Сергиеву Лавру в 1957 г.

(надпись на могиле митрополита Московского Макария в Троице Сергиевой Лавре).

Помяни, Господи, душу раба Твоего иеросхимонаха Алексия † 28 марта 1812 г. в Москве в Симоновом монаст. Был строителем Коневского монастыря до 1800 года.

Иеромонаха Иону (ученик о. Алексия).

Помяни, Господи, старца Варнаву: подвизался в Брянских лесах, помер от побоев, нанесенных разбойниками.

Вот ради этих покойничков вроде бы надо и пожить, кто их помянет? В городах батюшки перегружены, а в селах батюшек все меньше и меньше, вот, пожалуй, и пожить да поминать еще надо.

Помяни, Господи, архимандрита Ксенофонта. Оптинский, умер 30 августа.

Петра, Симеона, Анну, дев. Клавдию, воина Василия. Мельниковых.

Надежду, Сергея, утопшего Евгения, Николая.

Первоустроительницы Каширского Никитинского женского монастыря.

Раба Божия Феодора (Руднев).

Игумению Тихону.

Монахинь Митрофанию, Евфрасию, Филарету.

Блаженного р.Б. Иоанна.

Пещерницу Марию.

Помяни, Господи, утопшего епископа Иоасафа, иеромонаха Ювеналия.

Рабу Божию Софию.

Подвижника Илариона (Троекуровский) 5 ноября 1853 г.

Старицу Дарию.

Иеросхимонаха Агапита.

Блаженную Меланию: про нее блаженный Иоанн, затворник Сезеновский, говорил, что Мелания велика пред Богом и что ей дарованы многие целебные дары.

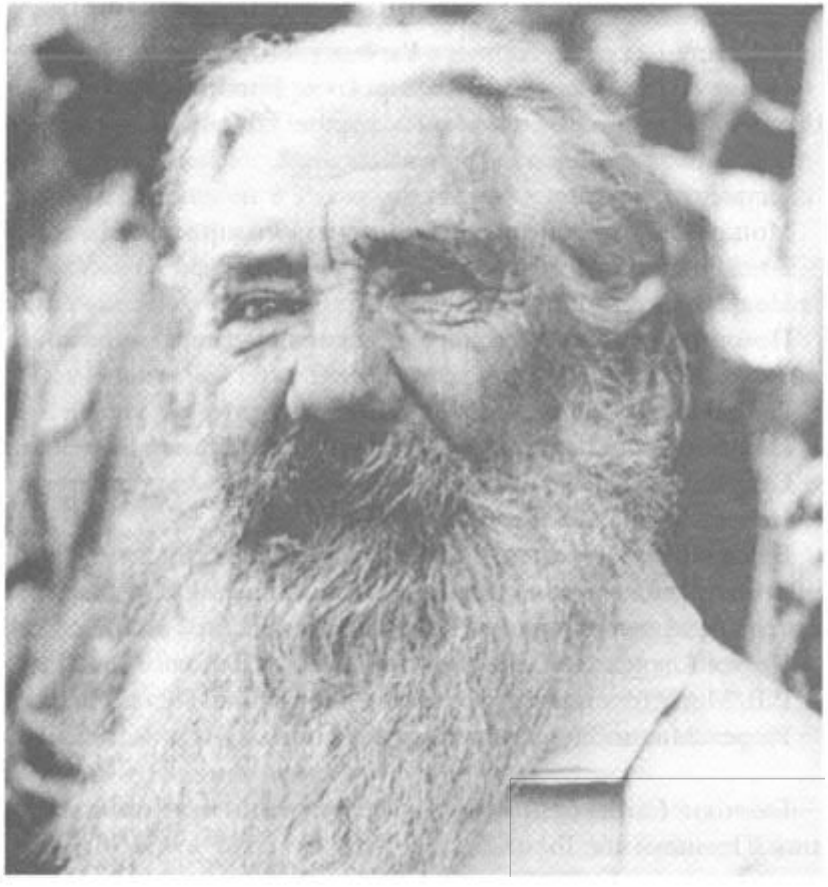
Иерея Александра (Рождественский). † 5 июля.

Р.Б. Мину (отец патр. Никона).

Иерея Ананию (учитель патр. Никона).

Господи! Сколько померло и все праведники, один я грешник. Помилуй мя, Господи.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ 8

ВОСПОМИНАНИЯ О БАТЮШКЕ 48

Преосвященный Евстафий (Евдокимов),
епископ Читинский и Забайкальский 50

Архимандрит Вениамин (Лихоманов),
настоятель Воскресенского собора г. Тутаева, благочинный Тутаевского округа, секретарь Епархиального совета Ярославской епархии 58

Протоиерей Павел Красноцветов,
настоятель Казанского собора Санкт-Петербурга 68

Протоиерей Сергий Козлов,
клирик Воскресенского собора г. Тутаева 76

Игумен Иоанн (Титов), наместник Ростовского Борисо-Глебского, что на Устье, монастыря 88

Священник Георгий Перевышев,
клирик Воскресенского собора г. Тутаева 104

Протоиерей Сергий Цветков,
настоятель храма в честь Животворящего Креста Господня, село Поводнево Тверской области 110

Протоиерей Григорий Гогишвили,
настоятель Казанского храма г. Рыбинска 128

Священник Георгий Захаров, клирик Троицкого храма,
село Верхне-Никульское 138

Архимандрит Кенсорин (Федоров),
духовник Спасо-Елеазаровского монастыря 142

Иеромонах Борис (Шпак), начальник подворья Коневского
Рождества Пресвятой Богородицы монастыря
в Санкт-Петербурге 148

Иеромонах Фотий (Бегаль), подворье Валаамского монастыря
в Приозерске, храм Святой Троицы 152

Игумен Ефрем (Виноградов) 160

Игуменья Евстолия (Афонина), Свято-Никольский
женский монастырь г. Переславля-Залесского 172

Протоиерей Аркадий Шатов, настоятель больничного храма
1-й Градской больницы г. Москвы 178

Протоиерей Владимир Воробьев, настоятель храма
Святителя Николая в Кузнецах, г. Москва 186

Протоиерей Димитрий Смирнов, настоятель храма
Святителя Митрофана Воронежского, г. Москва 196

Протоиерей Валентин Асмус, настоятель храма
Покрова Пресвятой Богородицы в Красном селе, г. Москва 206

Протоиерей Анатолий Денисов,
благочинный Брейтовского округа
Ярославской епархии 210

Протоиерей Димитрий Денисов, настоятель храма
Параскевы Пятницы на Туговой горе, г. Ярославль 240

Анатолий Павлович Суслов, келейник отца Павла 244

Священник Петр Кривощеков, клирик Свято-Введенского Толгского монастыря 256

Игуменья Варвара (Третьяк), Свято-Введенский Толгский монастырь 262

† **Монахиня Павла (Мария Петровна Никанорова),** Свято-Введенский Толгский монастырь 268

Монахиня В., Свято-Введенский Толгский монастырь 276

Монахиня С., Свято-Введенский Толгский монастырь 284

Монахиня Т., Свято-Введенский Толгский монастырь 290

Послушница N., Свято-Введенский Толгский монастырь 294

Инокиня В., Свято-Введенский Толгский монастырь 300

Тамара Николаевна Суслова, духовное чадо отца Павла 310

Сергей Васильевич Демидов, архитектор-реставратор 320

Послушница Зоя, художник-реставратор, Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь 326

Владимир Валентинович Белов, сотрудник охраны, г. Ярославль 332

Галина Владимировна Орлова, казначей Воскресенского собора г. Тутаева 352

Николай Борисов, житель села Верхне-Никульского 360

Вера Ивановна Вахрина, научный сотрудник музея-заповедника «Ростовский кремль» 368

Геннадий Игоревич Энгстрем, кинооператор 374

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ ОТЦА ПАВЛА (ГРУЗДЕВА) 400

ПРОПОВЕДИ

Проповедь в родительскую субботу 407

Проповедь на день перенесения Нерукотворенного Образа Спасителя 408

Проповедь перед исповедью 19.11.1987 409

Проповедь к покаянию и слово в конце Литургии в день празднования иконы Пресвятой Богородицы «Достойно есть» 24.06.1985 418

РАССКАЗЫ ОТЦА ПАВЛА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Родословный корень Груздевых 427

Устные рассказы 434

ИЗБРАННЫЕ ЗАПИСИ ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ТЕТРАДЕЙ ОТЦА ПАВЛА

От редактора 479

Тетрадь 1 481

Тетрадь 2 511

Тетрадь 3 583

Тетрадь 4 621

Тетрадь 5 687

Синодик 700

Дорогие читатели!

Православное книгоиздательство «Отчий дом» продолжает собирать материалы о жизни и трудах архимандрита Павла (Груздева).

Просим всех, кто знал батюшку, имел общение с ним и пользовался его советами, связаться с нами или прислать нам свои воспоминания (в виде рукописей, звукозаписей или в электронном виде). Будем благодарны за предоставленную возможность снять копии с любых документов или фотографий, касающихся жизни старца. Полученные материалы будут использованы при составлении второго издания этой книги.

Наш почтовый адрес: 119017 Москва,
Старомонетный пер., д. 9, стр. 1.
Электронный адрес: otdom@yandex.ru
Наши телефоны: 915-51-04, 915-57-02

Просим также всех помолиться о тех, кто делал эту книгу.

АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)

Редакторы
С. Еремина, Л. Коротенко
Технический редактор
А. Гулина
Выпускающий редактор
Л. Бутримова
Корректор
О. Подобедова
Компьютерная верстка
Е. Платонов
Обложка
С. Белокуров

Подписано в печать 20.06.06. Формат 60x90$^{1/16}$
Бумага офс. Печать офс. Физ. п. л. 46 + 5 вкладок
Тираж 15000 экз. Заказ № 3964.

ООО Издательство «Отчий дом»
119017, Москва, Старомонетный пер., д. 9, стр. 1
Тел. 915-51-04

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство «Отчий дом»

продолжает выпуск литературы, посвященной духовному наследию Святого праведного отца Иоанна Кронштадтского

Издательство «Отчий дом» в течение ряда лет ведет работу по изучению жизни и трудов святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Нами были подготовлены и выпущены четыре тома (пять книг) Дневников Батюшки, которые он вел с начала своего священнического служения до конца жизни и которые до настоящего времени были опубликованы лишь отдельными фрагментами, послужив материалом, например, для такой всемирно известной книги, как «Моя жизнь во Христе». В полноте своей Дневники являются духовной автобиографией святого человека, охватывающей 53 года его служения Церкви. Без преувеличения можно сказать, что публикуемые Дневники представляют собой уникальное явление в истории Вселенской Православной Церкви. Одновременно Дневники имеют сегодня и широкое практическое значение как для мирян, так и для духовенства. Высота их вместе с предельной откровенностью позволит читателям найти полезное для себя на пути ко спасению.

Кроме того, изданы извлечения из Дневников «Священнику», первый выпуск альманаха «Кронштадтский Пастырь» и книга «Воспоминания самовидцев». В настоящее время подготовлены к изданию 4-й и 5-й тома Дневников, второй выпуск книги «Священнику» и альманаха «Кронштадтский Пастырь», а также книга духовного ученика и родственника святого праведного Иоанна Кронштадтского протоиерея Иоанна Орнатского «Вспоминайте наставников ваших». Готовятся к изданию следующие тома Дневников и книга «Путешествия святого праведного отца Иоанна Кронштадтского».